

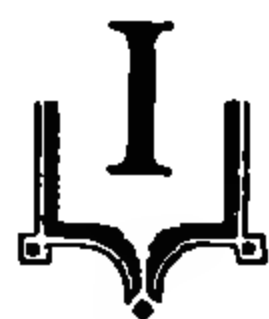
В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ
В ДЕВЯТИ
ТОМАХ

СПЕЦИАЛЬНЫЕ
КУРСЫ

КУРС
РУССКОЙ
ИСТОРИИ
ЧАСТЬ I

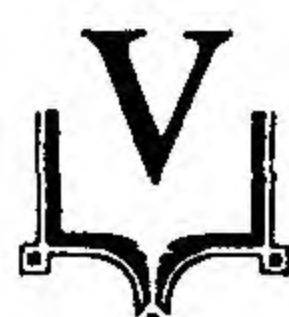
КУРС
РУССКОЙ
ИСТОРИИ
ЧАСТЬ II

КУРС
РУССКОЙ
ИСТОРИИ
ЧАСТЬ III

КУРС
РУССКОЙ
ИСТОРИИ
ЧАСТЬ IV

КУРС
РУССКОЙ
ИСТОРИИ
ЧАСТЬ V

СПЕЦИАЛЬНЫЕ
КУРСЫ

ИССЛЕДОВАНИЯ
РЕЦЕНЗИИ
РЕЧИ
1866-1890

ИССЛЕДОВАНИЯ
РЕЦЕНЗИИ
РЕЧИ
1890-1895

РАБОТЫ
РАЗНЫХ
ЛЕТ

Василий Осипович
КЛЮЧЕВСКИЙ

**СПЕЦИАЛЬНЫЕ
КУРСЫ**

МОСКВА · „МЫСЛЬ“ · 1989

ББК 63.3(2)
К 52

Редакция литературы
по истории СССР

Под редакцией
члена-корреспондента
АН СССР
В. Л. ЯНИНА

Послесловие
доктора исторических наук
Р. А. КИРЕЕВОЙ

Комментарии составили
доктор исторических наук
Р. А. КИРЕЕВА,
кандидат исторических наук
В. Г. ЗИМИНА

К $\frac{0503020200-109}{004(01)-89}$ Подписное

ISBN 5-244-00072-1

ISBN 5-244-00367-4

© Издательство «Мысль». 1989

МЕТОДОЛОГИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ

1884/85 ак[академический] год

ЛЕКЦИЯ

I

ОТСУТСТВИЕ МЕТОДА В НАШЕЙ ИСТОРИИ.
ПРИЧИНЫ ЭТОГО НЕДОСТАТКА. ДЕЛЕНИЕ КУРСА. ХАРАКТЕР ЗАНЯТИЙ.
МЕТОДОЛОГИЯ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

ОТСУТСТВИЕ¹ МЕТОДА В НАШЕЙ ИСТОРИИ. Занятия нынешнего года будут иметь связь с занятиями прошлого года. При изучении общего курса нашей отечественной истории в вашем уме неизбежно и, может быть, незаметно для вас самих происходит процесс обобщения; надо установить связь, определить порядок этих обобщений, заметить пробелы, чтобы знать, как их пополнить. Приведению в порядок накопившегося у вас запаса обобщений я и помогу, направляя этот запас к одной специальной цели, близко связанной с изучением нашей истории. Цель эта вытекает из одного существенного недостатка, каким отличается изучение нашей истории. *Недостаток* этот — *отсутствие метода*. Нашу русскую историческую литературу нельзя обвинить в недостатке трудолюбия — она много[е] обработала; но я не взведу на нее напраслины, если скажу, что она сама не знает, что делать с обработанным ею материалом; она даже не знает, хорошо ли его обработала.

ПРИЧИНЫ. ЭТОГО НЕДОСТАТКА. Недостаток этот происходит от *многих причин*. Прежде всего, от *недостатка контроля, проверки*; историческая литература наша уединена от взора общеисторической науки; историческая работа, какую ведет французская литература, стоит под контролем литературы английской, немецкой, вообще западноевропейской, а на нашу

литературу никто не смотрит, результатов ее работы никто не проверяет. Далее, причиной этого недостатка служит *слабость ответственности*, чувствуемой исследователями нашей истории. Они не задаются достаточно серьезными вопросами, не чувствуют себя достаточно обязанными глубоко разрабатывать ее, вообще склонны успокаиваться на первых результатах, схватывая наиболее доступное, лежащее наверху явлений. Странно, далее, что причиной этого недостатка, задерживающей изучение нашей истории, служит то, что должно было бы двигать это изучение, потому что изучаемая история есть наша, отечественная история. Кажется, мы потому плохо ее знаем, что *очень ее любим*. Когда немецкий ученый исследует специальный факт древней римской истории, он хорошо чувствует всю тяжесть взятой им на себя задачи; исследуемый им предмет имеет общенаучное значение, он должен исследовать его так, чтобы не отстать от того уровня, на котором стоит наука, должен сказать что-нибудь новое, и притом основательное. Когда исследуется факт нашей истории, этих требований часто не ставит себе исследователь, как бы и какой бы факт ни был исследуем, он все интересен, ибо — родной, и на этом останавливаются. Этому помогает и недостаток разработки, благодаря которому так легко сказать что-нибудь новое, сделать открытие, найти давно всем известный, но лежавший в углу, нетронутый материал; в этом состоят все открытия по русской истории. Сказанные — главные причины отсутствия метода.

Есть еще одна — второстепенная, также не лишенная значения. Это — *особенный взгляд*, установившийся у нас на отечественную историю: мы считаем ее отделенною от общей истории, этот взгляд делит историю на две особые сферы: на историю всеобщую и историю русскую (как в наивном географическом представлении русских мир делится на две половины: на Россию и за границу). Вот почему и занимающийся всеобщей историей не чувствует интереса к русской, а занимающийся русской редко соприкасается с вопросами истории всеобщей; а между тем метод изучения русской истории может быть выработан только в связи с обобщениями всеобщей истории, может быть логически выведен только из метода общеисторического изучения.

ДЕЛЕНИЕ КУРСА. Итак, во-первых, попытаемся сделать такое выведение, не ставя себе непременною задачей сделать выведение удачное. Вот

почему первой частью наших занятий будет *методология русской истории*.

Далее, недостаточно глубокое изучение фактов нашей истории объясняется еще недостатком предварительных работ, без которых нельзя вполне исчерпать исторический материал, уловить исторические факты. Историческое изучение сопряжено со многими техническими познаниями, которые сами по себе не имеют непосредственной связи с историческими фактами. Эти предметы технического познания необходимы во всяком научном изучении. Нужду в них легко почувствовать, как только мы возьмемся за полное изучение какого-либо исторического факта; это потребуются даже при объяснении мелких, элементарных фактов. В учебнике, например, сказано, что царь Иван III, покорив Новгород, взял штраф в 15 000 рублей. А велика ли эта сумма? Иначе говоря, какому количеству житейских благ она соответствовала? На это мы не найдем ответа в нашей литературе, не говоря уже о том, что сорокагривенная такса, положенная по Русской Правде за голову убитого, представляет для нас штраф, ключ от которого утрачен. Далее в памятнике встречаем цифру «полдругонадцать». Смею вас уверить, что эту цифру исследователи или совсем не объясняли, или объясняли неверно. Или, например, «полтретьядцать» один известный ученый, профессор русского права, считал за 15, полагая, что «третьядцать» — тридцать, а «пол» — половина, следовательно, тридцать надо было разделить пополам; а между тем «полтретьядцать» есть двадцать пять — два десятка да половина третьего десятка. Множество терминов, встречающихся в памятниках нашей истории, до сих пор затрудняют даже нас, специалистов, и тем более будут затруднять вас, начинающих. Когда мы берем в руки рукописный документ XVII в., какую-нибудь грамоту, то мы читаем со страхом, потому что не знаем, поймем ли ее; очень легко встретить термин, перед которым нам придется остановиться в недоумении, а между тем этот термин либо объяснен в каком-нибудь акте, либо до сих пор живет где-либо в местном наречии с первоначальным своим смыслом. У нас нет предварительных нумизматических, археологических исследований, нет исторического лексикона и т. п. Первое и самое большое затруднение при изучении наших памятников — это терминология. Что такое гривна? Какой счет существовал в древней Руси? Какие употреблялись меры, земельные и другие? Все это неясно или совсем неизвестно. Итак, *терминология русской истории* составит вторую часть

наших занятий. Мы попытаемся собрать и объяснить по крайней мере простые и чаще встречающиеся архаические термины, смысл которых теперь еще недостаточно ясен.

Наконец, еще одно неудобство часто испытывают изучающие нашу историю, т. е. исследующие ее источники,— это то, что недостаточно приведены в известность сами эти источники, почему мы и не знаем, чего в каких из них искать и где найти ответы на известные вопросы. Очень часто факт исследуется по материалам, в которых он является не в столь полном и ясном виде, в каком можно рассматривать его по другим материалам, которые либо не попадают на глаза исследователя, либо совсем неизвестны. Вот почему третью часть наших занятий составит знакомство с *главными источниками* нашей истории, относящимися к сравнительно позднему времени. Это материалы, большею частью неизданные, хотя нельзя сказать и про многие изданные, что они достаточно известны¹.

Наши занятия в этом году будут состоять из таких трех частей: 1) из определения метода местной русской истории; 2) из изучения — неполного — терминологии ее источников и 3) из изучения видов этих источников. Между этими частями нет внутренней связи, определяемой содержанием; связь эта — внешняя, устанавливаемая вашими наличными насущными потребностями. Я бы дал этим частям такие общие названия: 1) *Методология*; 2) *Терминология* и 3) *Основные источники русской истории*. Не² знаю, верно ли я угадал эти потребности; я их извлек из хода прошлогодних наших занятий и попытаюсь удовлетворить им, насколько могу.

Характер занятий

Занятия эти поведем по возможности проще, не стесняясь формами, в какие обыкновенно облакаются курсы. Я просил бы вас при изложении двух последних частей предъявлять всякие недоумения и вопросы, какие будут ими возбуждены. Равным образом и я буду предъявлять вам вопросы для *немедленного* их разрешения здесь же, на месте. Ответы на эти вопросы в самой краткой форме будут вами записываться здесь же и отдаваться мне³.

Методология

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ. Попытаемся вывести метод изучения русской истории из результатов и приемов

общеисторического изучения. Предварительно³ замечу, что сообщения мои покажутся вам очень элементарными, но, выслушивая их, вы будете иметь в виду цель не пополнения сведений, а доставления случая привести их в порядок. Вот почему³ начнем с самого начала, именно с определения предмета исторического изучения.

Что изучает история? «Жизнь человечества», — говорим мы обыкновенно. Но этот термин «жизнь человечества» есть очень высокое обобщение, которое выведено несколькими ступенями из конкретных явлений. В чем же выражается жизнь человечества? Когда физику дают вопрос: «Как Вы называете самые простые, наиболее видимые, конкретные предметы, которые Вы изучаете?», он говорит: «Эти предметы мы называем физическими телами». Если теперь изучающему историю предъявят вопрос, как должно назвать проще и понятнее те видимые конкретные предметы, которые он изучает, то какой он должен дать ответ?

ЛЕКЦИЯ

II

ОДИНОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ЛЮДСКИЕ СОЮЗЫ. ЕСТЕСТВЕННЫЕ СОЮЗЫ.
ИСКУССТВЕННЫЕ СОЮЗЫ. РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ЕСТЕСТВЕННЫМИ
И ИСКУССТВЕННЫМИ СОЮЗАМИ

Так как целью исторического изучения служит познание происхождения, хода, условий, форм⁴ и природы человеческого общежития, то конкретными предметами исторического изучения являются союзы, составляющие формы этого общежития. Так, на вопрос, что составляет предмет исторического изучения, мы должны дать такой простой ответ: этим предметом служат *происхождение, развитие и свойства людских союзов.*

ОДИНОЧНАЯ⁵ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Людской союз — факт простой и понятный, факт, который может быть определяем связями, составляющими этот союз и доступными анализу. Если так, то может ли быть предметом исторического изучения одиночная деятельность человека? На такую деятельность очень походит деятельность умственная и художественная. Вам известно, что идеи, произведения ума, как и произведения художественные, вырабатываются не гуртом, не коллек-

тивно, а всегда индивидуальными умами, индивидуальными талантами. Можно ли эти несомненно исторические явления — произведения ума и художественного таланта — исключить из области исторического изучения? Эти произведения индивидуального творчества вполне ли одиноки и изолированы от среды, окружающей ум или талант? Во-первых, наука, философия и эстетика очень ясно раскроют вам, что если окончательная форма этих произведений носит на себе отпечаток индивидуального ума или таланта, то первичный материал, из которого эти произведения вырабатываются, никогда не принадлежит лицу; так по происхождению своему эти произведения не индивидуальны, не одиночны, а подготовлены совокупной работой известной среды, общества. Во-вторых, эти произведения не остаются одиночными по своему действию; их действие на других выражается в явлениях, которые касаются всех. Следовательно, как по происхождению, так и по влиянию своему эти произведения усиливают связь между людьми, составляющими известный союз, и в жизни союза не может быть вполне одиночной деятельности.

Определив таким образом предмет исторического изучения, мы можем поставить один частный вопрос, который, надеюсь, вы не затруднитесь решить. Решение этого вопроса есть приложение сейчас высказанного общего предмета исторического изучения. Вопрос этот более формальный: есть ли предмет истории человек сам по себе? Он касается не столько содержания истории как науки, сколько его (т. е. содержания) формулирования. Предоставляя формулирование решения вам, перехожу к вопросу, непосредственно примыкающему к вопросу о предмете исторического изучения⁵.

ЛЮДСКИЕ СОЮЗЫ. Какие⁶ бывают людские союзы? Они бывают двух родов⁶, разделяются на два вида, которые в истории преемственно следовали один за другим. Одни — *первичные*, или *естественные*; другие — *производ[ные]*,⁷ или *искусственные*.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ СОЮЗЫ. Первичные, или естественные, союзы предшествуют вторичным, хотя и не перестают жить после образования последних. Уже давно утвердилось мнение, что первичным союзом, завязанным самой природой, была патриархальная, т. е. первобытная, семья. Это соединение людей — простейшее, выразившееся в половом союзе мужчины и женщины и в последствиях этого союза — детях;

итак, состав патриархальной семьи: отец, мать и нисходящие. В дальнейшем своем развитии эта первобытная семья, так сказать, протоплазма человеческого общежития, подобно протоплазмам физическим, осложняясь, принимает формы различного вида родовых союзов. Таковы: *род* в собственном смысле, т. е. семья, в дальнейших поколениях не перестающая чувствовать свое родство; *триба* — род в своих разветвлениях, не позабывших еще общего происхождения, и, наконец, *племя* — разветвление трибы, если уже и утратившее чувство общего происхождения, то еще сохраняющее воспоминание об оном; часто это воспоминание является фикцией, т. е. союзы, не вышедшие из одного корня, благодаря историческим обстоятельствам считают себя союзами одного происхождения.

Итак, вот ряд естественных союзов: 1) *первобытная, патриархальная семья*; 2) *род*, в собственном смысле (лат. *gens*); 3) *триба* — союз родов, по-русски можно назвать «колено» (у кельтов — клан); наконец, 4) *племя*⁸.

В последнее время исторические разыскания показали, что не только род, но и сама патриархальная семья, какою мы ее знаем, не были первобытными союзами, что им предшествовал целый ряд более элементарных формаций⁹. Оказывается, что патриархальной семье предшествовала семья непатриархальная. В самом названии патриархальной семьи указывается на ее основание, которым служит власть отца (*πατήρ*); союз этот держится на происхождении от отца, причем мать остается в тени, что объясняется отчасти и древним многоженством, полигамией: матери могли быть разные, отец — один; он основной ствол, из¹⁰ которого группируется семья. Но этому союзу предшествовал семейный союз, в котором основанием родственной связи служила мать, а отца не было, т. е. он был неизвестен; это *семья материнская*. Живые следы этой семьи рассеяны не только по историческим памятникам, но и по разным, не захваченным еще культурою местностям земного шара. Такое, для нас уже странное, основание родства — мать — предполагает время, когда семейный союз имел другой вид, непохожий на наш; если не считали необходимым для семейного союза отца, значит, он был случайностью, им мог быть тот или другой. Эта форма союза относится ко времени полиандрии, когда у женщин было много мужей. Но и это не протоплазма человеческого общежития; и этому материнскому роду предшествовало несколько более элементарных союзов. Не перечисляя их, потому что они несколько напоминают род материн-

ский, остановлюсь на такой форме общежития, раньше которой мы ничего не знаем. Сохранились следы такого союза, в котором дети не только не считались произведением одного определенного отца, но и произведением одной определенной матери; дети этой семьи считались детьми не только всех отцов, но и всех матерей. Каждую женщину этой семьи человек известного возраста считал своею матерью, и каждая женщина на младшего себя члена следующего поколения смотрела как на своего сына или дочь; здесь не существовало сколько-нибудь постоянных половых союзов, а господствовало случайное смешение мужчин и женщин. Это¹¹, если угодно, уже стадо¹¹.

И раньше этой формы, по сохранившимся следам, не знаем другой в людских союзах. Археологи¹² говорят нам, что древние пещеры, которые ими открываются, сохранили в себе остатки следов, указывающих, что здесь некогда жили люди, они большею частью исключительно приспособлены к человеческому житию. Античное предание говорит нам о дикарях — полулюдях, полуживотных, которые предшествовали первым элементам цивилизации, это жившие в пещерах троглодиты. Может быть, перечисленные союзы, предшествовавшие патриархальной семье и предполагающие жизнь людей большими массами, а не мелкими семьями, может быть, они и создали эти пещеры, но это уже подробность археологическая, не социальная¹².

Итак, вот ряд естественных союзов, какие мы теперь знаем: 1) *бессемейная масса обоего пола*, или первобытное бессемейное общество; 2) *материнская семья*; 3) *патриархальная семья*, которая оказывается не вполне произведением природы, а является вследствие продолжительного развития как создание человека; 4) *род*; 5) *триба* и б) *племя*. В племени мы уже замечаем черты, не подходящие к характеру естественных союзов; очень часто в состав племени входят элементы, не имевшие действительного с ним родства, связанные родством фиктивным: преданием, которое держалось, будучи усвоено этой частью, языком, обычаями других частей, верованиями; люди, например, говорят одним языком с соседями — отсюда часто рождается фикция единства происхождения. С другой стороны, племя очень часто облекается в такой строй, который ставит себе цели, чуждые естественным союзам; племя часто получает установления и формы государства, многие государства и возникли из племен. Итак, племя и по составу, и по устройству, в котором выражаются цели союза, переходит в союз искусственный, вторичного образования. *Племя есть переходное*

состояние, стоящее между естественным и искусственным союзами.

ИСКУССТВЕННЫЕ СОЮЗЫ.

Мы знаем два главных искусственных союза, которыми живет в настоящее время культурное человечество,— это *государство и церковь*¹³. У каждого из них есть цели, служащие основанием соединения. Цель *государства*: 1) *внешняя безопасность* и 2) *внутренний порядок*; или *общее благо*, в понятие о котором и входят эти два интереса. Цель[ю] союза, называемого *церковью*, служит *порядок нравственный*. Под покровом этих двух общих союзов развиваются союзы частные, каждый из которых примыкает к цели того или другого главного союза. Одни союзы преследуют или осуществляют по частям общую цель государственного союза, другие — общую цель союза религиозного, церковного; поэтому их делят на два разряда: одни — частные союзы — *государственные*, другие — *духовные*¹⁴.

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ЕСТЕСТВЕННЫМИ И ИСКУССТВЕННЫМИ СОЮЗАМИ. Союзы искусственные развивались из сою[зов]¹⁵ естественных, не уничтожив их. Какие отличительные черты между ними могут быть указаны? Чем отличается естественный союз от искусственного? Это необходимо решить, чтобы знать момент перехода. Чем завязывается союз естественный? — *Инстинктом*, бессозн[ательными] побужд[ениями]¹⁶; это союз *непроизвольный*¹⁷, он возникает без мысли о цели¹⁸, не видит своих последствий и сознает свою цель после возникновения¹⁹. Напротив, союз искусственный начинается с минуты, когда он является в *сознании*. В союзе естественном цель является позже завязки, в союзе искусственном цель предшествует этой завязке. Известный людской союз тогда становится *государством*, когда основанием его единства является *поддержание общего блага*, в какой бы форме ни выражалась эта мысль, хотя бы в сознании одного лица, правящего обществом. По устройству своему естественный союз может быть, и часто бывает, совершенно похожим на государство, но²⁰ становится им, когда основанием союза служит не естественный признак, а цель поддержания общего блага. Поэтому, если ряд людских союзов имеет общий язык, общие верования, нравы и другие естественные признаки общения, но не чувствует себя связанным для достижения общего блага, он не составляет государ-

ства, хотя составляет общество²¹, так как есть общие интересы. Когда встречаем ряд союзов, в которых нет естественных признаков, но которые чувствуют себя соединенными для цели общего блага, то это — государство. Итак, мы определили момент перехода естественного союза в искусственный, сказав, что последний является, когда естественные признаки людской общины хотя продолжают существовать, однако перестают считаться главным основанием единения, уступая место целям общего блага. Как скоро племя становится на это новое основание единения, его следует называть народом. Итак, *народ есть племя, которое стало государством* и кроме прежних естественных связей усвоило себе еще новую, выражающуюся в цели общего блага. Теперь обратимся к разбору состава каждого союза.

ЛЕКЦИЯ III

ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩЕЖИТИЯ. ГРУППИРОВКА ЭЛЕМЕНТОВ.
ДЕЛЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ

Припомним в кратких словах сказанное о первой части наших занятий, которую мы назвали методологией русской истории. Мы обозначили цель этого изучения. Цель эта состоит в простом приведении в порядок уже сделанных нами общих исторических наблюдений, которое мы направили к одной специальной задаче — к выведению метода изучения местной истории. Мы последовательно ответили на такие вопросы: 1) что составляет предмет исторического изучения? — предметом этим служит человеческое общежитие, т. е. те людские союзы, в которых оно обнаруживается; 2) мы ответили на вопрос о самых этих союзах, разделив их по происхождению и свойствам на два разряда: а) союзы естественные и б) искусственные. Отличительной чертой этих двух разрядов служит их происхождение, точнее говоря, различие тех оснований, на которых они держатся²². Естественные союзы строятся на инстинктах, бессозн[ательных] побужд[ениях]²³; искусственные — на целях. Первые (инстинкты) суть невольные побуждения, внушенные природой; вторые (цели) — сознательные стремления, вносимые в общежитие самим человеком. Мы обозначили и момент, когда есте-

ственный союз переходит в искусственный; это — момент, когда невольный инстинкт, слабая, сменяется сознательной целью, продолжающею поддерживать союз, завязанный ее предшественником (т. е. инстинктом). Мы после точнее определим это преемство инстинктов и целей; теперь, помня ту же основную задачу своего изучения, обратимся к разбору дальнейших вопросов, которые вытекают из рассмотренных.

ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩЕЖИТИЯ.

Разделяя людские союзы на разряды, мы должны были коснуться оснований, на которых они строятся, т. е. тех связей, которыми они держатся. Эти связи мы назовем *элементами общежития*; так мы приходим к вопросу об элементах исторического общежития. Легко выделить эти элементы, разбирая какой-либо людской союз, т. е., выражаясь языком, заимствованным из лексикона совсем другой науки, разлагая его на составные части. Возьмем для примера союз, нам всего более близкий, — союз, который составляем теперь мы сами. Что нас здесь соединяет? Во-первых, *язык*: мы бы не могли составлять союза ни одной минуты, если бы вы не понимали меня. Далее, отвечая на тот же вопрос, что нас соединяет, мы сказали бы — *долг*: я обязан излагать курс, за который взялся; вы обязаны слушать курс, который вам указан. Затем, нас соединяет, надо думать, *интерес любознательности*: вы надеетесь услышать нечто полезное, что даст вам новые познания или уяснит приобретенные. Можно указать и еще элемент, входящий как производитель в состав нашего союза, — *возраст*: вы слушаете потому, что не успели еще узнать того, что надеетесь узнать; я говорю потому, что успел узнать то, что, думаю, будет не бесполезно вам услышать. Итак, самый поверхностный анализ союза, по-видимому очень не сложного, каков наш, и очень летучего, потому что он разрушится через несколько минут, привел нас к целому ряду связующих элементов; это — язык, долг (элемент, входящий в состав права), знание (любопытность), возраст²⁴. Анализируя другие союзы, найдем другие связующие элементы. Так, анализируя тот союз, в который некоторые из вас ежедневно возвращаются, — *семью*, мы найдем другие элементы: *кровь*, точнее говоря, *кровное родство*; найдем и некоторые из тех же элементов, которые соединяют нас, — *язык, возраст*.

ГРУППИРОВКА ЭЛЕМЕНТОВ. Все частные союзы, как и все союзы, преемственно

развивавшиеся в человечестве и уцелевшие, соединяются, как я сказал, в два крупные, которые называются *государством* и *церковью*; все частные союзы либо освящаются и поддерживаются этими двумя крупными, либо представляют разветвление этих двух крупных. Следовательно, если бы нам удалось выделить все связи, которыми держатся эти два крупные союза, мы бы получили полный перечень всех наличных, теперь действующих элементов общежития. Необходимо помнить, изучая эти элементы, что они в системе исторических знаний составляют часть, несколько пренебрегаемую. Самый термин «элементы общежития» очень употребителен, но до сих пор нет полного и отчетливого регистра всех этих элементов, который бы позволил нам, не напрягая каждый раз аналитических усилий, просто механически перечислить их, как отдел науки заученный. Если бы вы от меня потребовали такого полного регистра, я бы не только не сумел бы представить его, но не сумел бы указать, где найти такой регистр. Далее, при недостатке полного и отчетливого перечня элементов нет и точного анализа каждого из них так, чтобы были определены точно свойства каждого элемента, т. е. его сила, степень влияния на общежитие, или были бы определены взаимные отношения этих элементов с разделением их на простые и сложные²⁵, первичные и производные, вообще, с их группировкой. Легко, например, заметить, что по натуре своей элементы не все одинаковы. Есть элементы, отличающиеся физическим, материальным характером; например, язык (независимо от лексикона) есть способность, связанная с нашим физическим организмом²⁶ и отсутствующая в других организмах, которые не могут создать такой стройной системы членораздельных звуков; сюда же относятся *возраст*, *пол* — один из первых элементов, связующих людей в союзы, *кровь*, или *кровное родство*. Другие элементы также заключают в себе нечто физическое, материальное, но уже в соединении с другими силами; таковы, например, *труд*, *капитал*, также, несомненно, связи, поддерживающие общежитие; труд и капитал невозможны без инициативы человека, но точно так же невозможны и без внешней природы, ибо труд направляется только на природу, и капитал есть только обработанная трудом природа, т. е. предмет природы, приспособленный к потребностям и целям человека посредством его труда.

ДЕЛЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ²⁷.

Отсюда мы заключаем, что элементы — эти связи, которыми держится общежитие, — разделяются на простые и сложные, или *первичные* и *производные*. Знание и различные роды чувства — нравственное, эстетическое или художественное, религиозное — суть элементы простые, так что, например, знание может быть предметом самого себя (знание как акт мысли), может быть само для себя объектом, хотя обыкновенно знание направляется на внешний мир, именно на то, что мы называем природой. Неясный термин *свобода* обозначает собою, однако ж, несомненно, элемент общежития; разлагая, анализируя его, мы найдем, что он сложный. Свобода есть понятное стремление человека самому себя определять к деятельности; но это стремление не может быть безгранично, ибо сталкивается с такими же стремлениями ближнего; вот почему пределы этих стремлений всегда определяются принудительною, какою-нибудь высшею силою, подчиняющею отдельные лица, безразлично, установлена ли эта высшая сила договором или иначе. Стремление определять себя к деятельности есть акт личного сознания, как бы оно ни выражалось, в виде ли неясных, инстинктивных влечений или в виде обдуманых, сознательных целей. Итак, свобода есть элемент, слагающийся из *личного сознания* и *общего права*; как личное сознание, так и право являются, по крайней мере сравнительно, насколько достает теперь нашего анализа, элементами простыми. Точно так же найдем сложность в элементе общежития, называемом *властью*. В понятие власти входит: 1) то же *право*; 2) *сила*, поддерживающая это право, материальная, принудительная, т. е. физическая (ибо другие силы могут действовать побеждающим образом, но не принудительно, т. е. могут действовать помимо доброй воли человека, например когда он невольно подчиняется силе нравственной или художественной). Точно так же несомненно связью общежития служит то, что мы неточно называем *порядком*. Под порядком надо разуметь, собственно, всю совокупность взаимных отношений между людьми, составляющими союз; в этом смысле порядок есть произведение совместного действия всех элементов общежития. Но под порядком мы разумеем еще живущую в каждом обществе потребность иметь известные, постоянные, установленные нормы отношений, охраняемые какой-нибудь силой в этом смысле порядок есть элемент общежития. Термин «*порядок*» есть омоним, параллельный термину «*свобода*»; под *свободой*, с одной стороны, мы разумеем

всю сумму действующих и законом определенных прав, которые определяют простор деятельности каждого человека, с другой стороны, под свободой разумеется, как выше было замечено, и общее право или признанное стремление человека самому определять себе известный простор для деятельности. Такие омонимы в исторической терминологии являются вследствие ее неустановленности. Точно так же хозяйство — сложный элемент общежития; оно состоит из сочетания труда и капитала. Таким образом, анализируя эти элементы, находим, что они представляют ряд постепенно усложняющихся слоев: хозяйство есть сочетание труда и капитала; в свою очередь капитал — сочетание труда и природы, а труд — взаимодействие человека и природы. Так мы получили элементы простые (по крайней мере которые теперь мы анализировать не в состоянии) и элементы сложные, составленные из сочетания простых. Такими простыми элементами могут быть названы, например (их мы пересчитываем только для примера за невозможностью изложить полный перечень): язык, кровное родство, пол, возраст, знание, чувство. Элементами в большей или меньшей степени сложными или производными можно назвать власть, порядок, хозяйство, наука, искусство, труд, капитал, обмен как настойчивая потребность, возникающая из умственного, нравственного и экономического неравенства людей. Группировка элементов, нами сделанная, показывает, как недостаточно изучены эти элементы человеческого общежития. Нельзя ли как-нибудь сгруппировать их так, чтобы можно было разделить их на несколько понятных разрядов и дать этим разрядам условные обозначения, которыми бы можно было пользоваться, не входя каждый раз в анализ этих элементов? Я²⁸ сейчас предложу вам такую группировку, но предварительно дам для обсуждения вопрос, который вытекает из сделанного разбора и группировки элементов: те простые, как и сложные, элементы, которые мы пересчитали, в самом ли деле связи общежития, т. е. связи, которые соединяют людей в известный союз? Не суть ли они сами продукт общежития, выработанный долгим общением людей, т. е. выработанный союзами, которые завязаны другими силами²⁸.

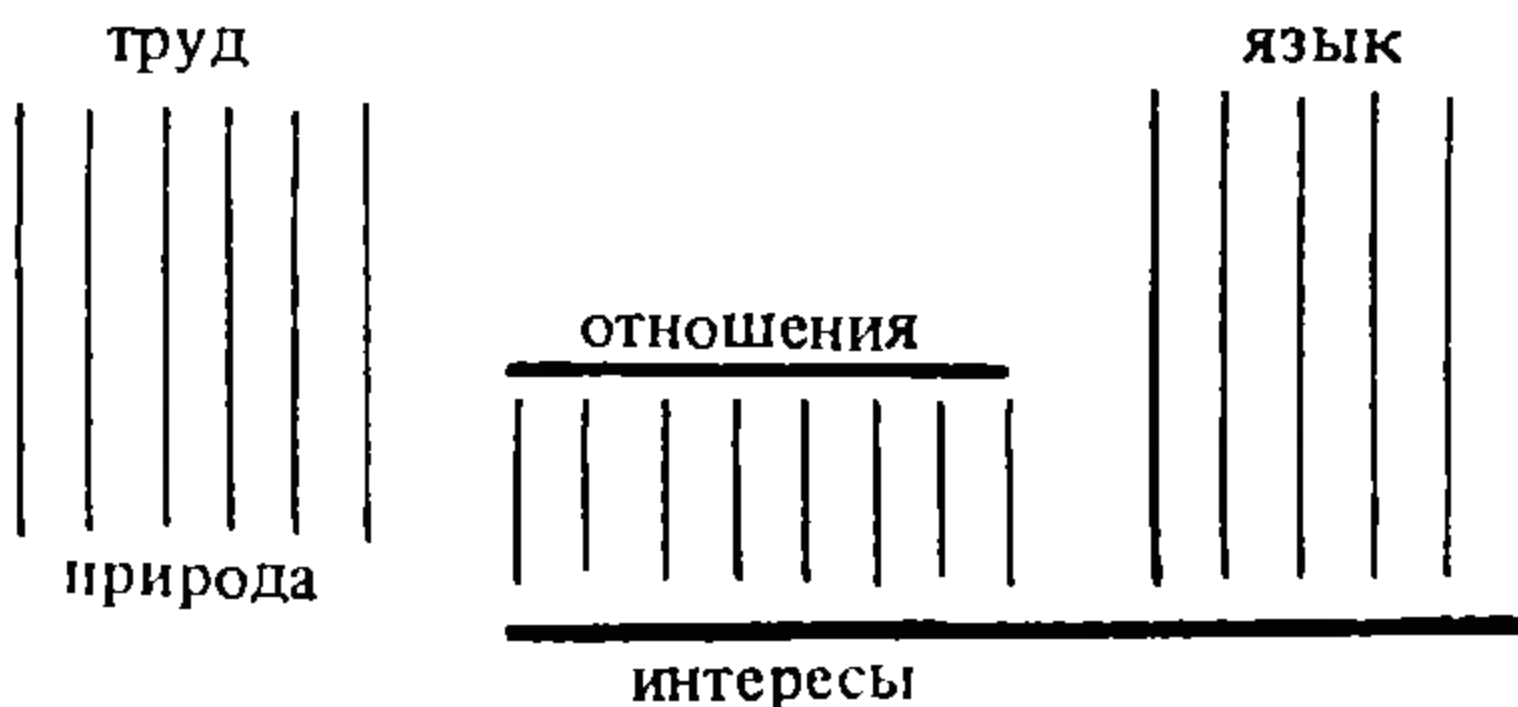
ЛЕКЦИЯ
IV

ИНТЕРЕСЫ И ОТНОШЕНИЯ. ИСТОРИЧЕСКИЕ СИЛЫ; ИХ ФОРМЫ

ИНТЕРЕСЫ И ОТНОШЕНИЯ.

Нам надо найти такое простое и понятное распределение элементов общежития, которое бы указало основное различие между ними. Прежде всего мы заметим, что одни из этих элементов суть побуждения, или потребности, которые вызывают общение между людьми; таковы, например, пол, возраст, капитал, правда²⁹ (как потребность в точном и постоянном определении отношений между людьми). Другие из этих элементов суть самые нормы, или постоянные правила, установленные привычкой или принуждением,— правила, которые закрепляются установлениями общества, поддерживающими его даже тогда, когда перестают действовать вызвавшие его потребности; таковы, например, власть, право как совокупность определений (не как потребность), кровное родство (которое не есть потребность, а есть уже факт, начинающий действовать раньше пробуждения в лице известных потребностей и, действуя, поддерживающий общение), язык и т. д.; язык не есть потребность (язык как орудие общения между людьми), а есть установившееся средство общения, которое каждому передается по наследству; таково значение языка, если не будем касаться самого происхождения этого средства общения. Итак, одни элементы суть побуждения, или потребности, вызывающие общение между людьми; другие — самые нормы, или постоянные правила, которые закрепляют общежитие и поддерживают его и тогда, когда перестают действовать вызвавшие его потребности (власть действует и тогда, когда не грозит непосредственно сила, ее поддерживающая; обычай действует и тогда, когда не действуют вызвавшие его потребности, и даже иногда противоречит этим потребностям). Одни элементы, следовательно, имеют деятельный, творческ[ий]³⁰ характер, другие — страдательный, лучше сказать — охранительный. Мы назовем первые интересами, вторые — отношениями. Итак, все связи, которыми связываются людские союзы, могут быть разделены на интересы и на отношения. Важный вопрос в анализе элементов — это определение их взаимных отношений, т. е. указание генетической связи между

ними как между производителями и производением или как между причинами и следствием. Все ли элементы можно разделить на два параллельных порядка, из которых одни будут производителями, а другие — их производением? Несомненно, что такая связь подсказывается самой их группировкой, нами сделанной, на интересы и отношения. Казалось бы, отношения только отвердевшие нормы общежития, созданного интересами. Я не вхожу в решение этого вопроса, потому что он входит в наш ряд мыслей несколько со стороны, может быть обойден при постепенном нашем движении к главной цели — к выведению исторического метода. Однако он сам по себе имеет большое значение; я только ограничусь указанием, что иные элементы действительно суть прямые продукты других и представляют отношения, созданные интересами. Таковы, например, чувства связи, вытекающие из пола; эти чувства в постепенном своем развитии из источника чисто физического получили и нравственный характер и на этой ступени развития являются наиболее крепкими связями общежития. Но мы встречаем и такие элементы, которые не успевают получить постоянных отношений, не затвердевают в постоянные нормы общения, по крайней мере в сложном общежитии; таковы, например, язык, труд. Значит, интересы и отношения — порядки, не совсем параллельные, не вполне совпадающие друг с другом; есть интересы, не создающие постоянных отношений; есть отношения, вытекающие не из интересов. Таковы, например, отношения, которые повелительно налагаются на общежитие природою, по крайней мере некоторые; это — часто тяжелая необходимость, а не потребность. Ограничиваюсь этим не ясным и не до конца развивающимся указанием только для того, чтобы обозначить вам вопрос, на досуге вполне заслуживающий размышления.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СИЛЫ; ИХ ФОРМЫ. Разбирая элементы общежития и отделяя простые от сложных, первичные от производных, мы нашли,

что некоторые сложные элементы состоят из других элементов с участием самых первичных, общих факторов, действующих в общежитии и производящих различные элементы его; так, например, в составе некоторых элементов мы нашли участие природы, а природа есть **общий, неизбежный фактор**³¹ человеческого общежития. Такие общие факты, являющиеся факторами общежития и источниками его элементов, можно назвать *историческими силами*; так от элементов общежития переходим к вопросу об исторических силах. Исторические силы — это **самые основные общие факты, без которых невозможно общежитие и которые производят самые связи, соединяющие людей в союзы.** Эти общие факты, производя элементы, направляют и регулируют их действия. Такое можно дать не вполне удачное определение исторической силы: это — *первоначальный общий*³² *фактор*³³ *общежития, служащий источником и регулятором его элементов.* Ответ на вопрос, каковы эти силы, затруднен опять недостатком анализа, объясняющимся, может быть, самою простотою вопроса. Представляется как будто понятным уже, какими силами управляется человеческое общежитие. Вот почему изложение, перечень и описание этих сил, какое я сделаю, может и должно подвергнуться исправлению при более внимательном анализе общежития. Первоначальные основные факты, действующие в человеческом общежитии, известны. Их два: *природа* и *дух человеческий*. Более нет сил в той сфере явлений, которая доступна человеческому знанию. Сила третья, которая может быть введена в ход человеческого общежития и также единит людей, есть факт, действовавший и действующий, но этот факт принадлежит к сфере, которая познается уже не умом, — к сфере религиозной, и так как первое условие успешности каждого знания состоит в точном сознании достижимых границ его, то мы и не можем вводить этого третьего факта в свой анализ. Итак, две первоначальные исторические силы, доступные научному изучению: *природа* и *дух человеческий*.

Но в людском общежитии эти общие силы действуют в своих конкретных проявлениях, и эти-то проявления надобно назвать *историческими формами* этих сил, если можно так нехорошо выразиться. Природа не действует ни на какой людской союз всей совокупностью своих свойств и влияний; никакой человек (как и никакой людской союз) не стоит под всей суммой ее влияний; никогда в общежитие людей на данном месте не входят как агенты все ее явления. Далее, природа, так сказать,

прилипает к человеческому духу, который действует не только в постоянной связи, но и в большой зависимости от этой своей неотделимой оболочки, которая называется органическим телом и которая для духа человеческого есть такая же природа, как и лежащий камень. Итак, общая эта сила, называемая природой, в историческом своем действии является в двух формах, которые мы и назовем: 1) *природой страны* и 2) *физической природой человека*, чтобы этим термином отличить ее от того, что называется природою духа или духовною природою. Точно так же и дух человеческий действует в истории в двух различных проявлениях, которые мы различаем как две его конкретные формы. Дух, абстрактно взятый, непосредственно не действует в истории; деятельность его выражается: 1) в деятельности индивидуального духа, который мы назовем лицом, лучше — *личностью*. Вот одна конкретная форма природы человеческого духа; в истории дух действует как личность, именно как ряд личностей. Далее, он, проявляясь, с одной стороны, как личность, действует, с другой стороны, как совокупность этих личностей и в этой форме обнаруживает свойства, которые в анализе легко отличить от свойств одинокой личности. Во-первых, такая совокупность личностей, т. е. союз для каждого лица, — факт, с которым он встречается, вступая в жизнь, и ни одно лицо не вступает в жизнь вне людского союза; личность, имевшая несчастье стать вне союза, теряется для истории. Далее, этот факт есть для каждого вступающего в жизнь лица необходимость: личность не может жить вне союза; эта настоящая необходимость превращается в дальнейшем своем развитии в потребность: лицо не только не может, но и не хочет обходиться без общения с другими. Наконец, в союзе обнаруживается ряд стремлений, которых может не иметь каждая личность, входящая в состав этого союза и взятая отдельно: тот римский генерал, который за нарушение военного приказа распорядился казнить своего сына, действовал не как лицо, а как орган союза, и в его приказании обнаружилась потребность, которую как лицо не разделял ни он, ни, может быть, никто; может быть, ни один из тогдашних отцов, как и он, не был бы рад казни сына, но союз отцов и детей нашел это необходимым. Так осязательно различается личность и совокупность личностей как две силы, действующие не только в различных, но иногда в противоположных направлениях. В этой силе выражается основная, неустранимая потребность общения людей. Мы ее назовем термином, но с очень неопределен-

ным и растяжимым значением — «общество», разумея под этим термином потребность общения между людьми как простой неизбежный факт. Итак, дух человеческий в истории людского общежития обнаруживается в двух формах, которые мы в условной терминологии и будем называть особыми силами: личность и общество. Я думаю, не введу вас в заблуждение этим термином; я уверен, что вы потребности общения не будете смешивать с обществом как с социальным организмом; это опять омоним, имеющий различные смыслы, каковы указанные прежде термины: порядок и свобода. Итак, можно признать четыре исторических силы, создающих и направляющих общежитие: 1) *природа страны*; 2) *физическая природа человека*; 3) *личность* и 4) *общество*.

Повторяя ранее высказанную оговорку, я думаю, что более точный анализ явлений общежития приведет не только к более точному определению и обозначению сил, но введет в их ряд и другие. Так, например, мне кажется, что к перечисленным силам можно прибавить пятую, о чем, впрочем, еще надо подумать. Мысль об этой силе возбуждается одним рядом явлений, который нельзя вывести из указанных четырех сил. Мы замечаем, что рядом с физическими свойствами и факты чисто исторические, связывающие наличных людей в союзы, не умирают вместе с ними, но переходят по наследству и в этом переходе даже перерождаются: из фактов, часто вызванных временною необходимостью, превращаются в привычки, в предание, действующее, даже когда минует эта временная необходимость. Говоря еще общее, мы находим, что все действующее в данном поколении, все им устроенное и выработанное не умирает с поколением, а переходит к дальнейшим, осложняя их общежитие, и часто гнетет их, как бремя, наложенное предками, от которого трудно, а иногда и невозможно освободиться, как трудно или невозможно освободиться от физического недостатка, наследованного сыном от отца. Вот почему явления эти, которые только и связаны сменяющимся одно другим поколением, и могли бы быть соединены как явления особой силы, ибо эти явления не вытекают ни из природы страны, ни из физической природы человека, ни из потребностей личности, ни из потребностей общества, которое живет в данную минуту. Эти явления вызываются каким-то особенным свойством духа человеческого. Мы бы и назвали это пятой конкретной формой, в которой проявляется историческая деятельность последнего и которую можно назвать так предварительно, провизорно —

до подыскания лучшего термина — *историческим преемством*. Вот пока перечень исторических сил, которые можно явственно различить одну от другой. Эти силы и вызывают или устанавливают те связи, которыми держатся людские союзы, т. е. они служат источником элементов общежития. Каждая из них производит свой ряд элементов; наконец, иные элементы суть произведения совокупности нескольких сил.

ЛЕКЦИЯ

V

ИЗУЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЖДОЙ СИЛЫ; ИСХОДНЫЙ ПУНКТ ЭТОГО ИЗУЧЕНИЯ. ОТНОШЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СИЛ К ЭЛЕМЕНТАМ ОБЩЕЖИТИЯ

Мы рассматривали до сих пор следующий ряд вопросов, которые повторим, чтобы виднее была связь их с тем, что нам нужно рассматривать далее. Эти вопросы касались: 1) предмета исторического изучения, которым служит общежитие людское; 2) форм этого общежития, или людских союзов; 3) элементов общежития, или связей, которыми оно держится, с их классификацией и, наконец, 4) исторических сил, которые мы перечислили и кратко описали.

ИЗУЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЖДОЙ СИЛЫ; ИСХОДНЫЙ ПУНКТ ЭТОГО ИЗУЧЕНИЯ. Теперь предстоит всего прежде рассмотреть *свойства действия и степень влияния* каждой из этих сил на человеческое общежитие. В этом отношении каждая сила могла бы составить предмет особого и обширного изучения. В исторической литературе в этом отношении посчастливилось только одной из них. Исторические исследователи издавна оказывали решительное предпочтение той силе, которую мы назвали природою страны. Свойства ее деятельности в истории, характер и степень ее влияния на человеческое общежитие давно привлекали внимание историко-философского изучения, и в этом отношении добыты очень важные результаты. Правда, эти результаты не полны и еще требуют дальнейшего изучения, именно требуют проверки, и проверка эта прежде всего должна состоять в более отчетливом анализе добытого, потому

что очень часто там, где видят действие природы страны, не отделены влияния совсем других сил. Если вам приходилось или придется изучать те главы «Духа законов» Монтескьё, где говорится об этом, вы, при всем остроумии выводов автора, без труда заметите громадную путаницу в этом отношении; выводы чрезвычайно глубокомысленные — шире вопросов, которые ставит автор. Зато очень недостаточно изучены в рассмотренном отношении две важнейшие силы человеческого общежития: личность и общество — и их взаимное влияние. Что личность и общество — две силы, не только взаимодействующие, но и борющиеся друг с другом, это хорошо известно; известно также, что движение человеческой жизни становится возможным благодаря только взаимным уступкам, какие делают эти силы. Но ни степень влияния одной на другую, ни свойства сделок, которые во взаимной борьбе их между собою ими заключаются, до сих пор не разъяснены достаточно. Что личность дает обществу и насколько последнее гнетет первую? Эти и подобные вопросы необходимо должны быть разъяснены, чтобы ясно представлялась нам историческая механика, как бы можно выразиться.

Припомнив³⁴ перечень исторических сил, мы легко заметим, что каждая из них и без нас составляет предмет специального изучения: природа страны исследуется в географии, физическая природа человека есть предмет изучения физиологии со вспомогательными к ней науками, личность есть предмет изучения логики и психологии, общество — предмет изучения социологии, исследователями отделяемой от истории. Отсюда возникает вопрос, который я вам предлагаю на предварительное обсуждение, потому что решение его не затруднит нашего дальнейшего изложения. Мы отличаем от географии историческую географию как вспомогательную науку к истории; это подает повод думать, что можно говорить об исторической физиологии, об исторической социологии, об исторической логике и психологии, как ни странны эти необычные термины. Вопрос, отсюда вытекающий, можно выразить так: *общее историческое изучение сил общежития по своему содержанию и задачам совпадает ли со специальными науками, изучающими эти силы?* (Поясняющий этот вопрос частный пример можно выразить так: например, содержание и задачи исторической географии те же ли самые, что и содержание и задачи общей географии?³⁴)

Теперь обозначим *исходный пункт*, от которого надо отправляться, изучая свойства действия и степень влияния

исторических сил на общежитие. Этим исходным пунктом должно послужить решение вопроса: *в чем следует искать проявления деятельности каждой силы?* Необходимость этого решения при изучении сил, думаю, очевидна сама собою. Этот вопрос и приводит нас к разбору отношения исторических сил к элементам общежития.

ОТНОШЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СИЛ К ЭЛЕМЕНТАМ ОБЩЕЖИТИЯ.

Очевидно при простом перечне этих элементов, что они находятся в тесной связи с силами. Разбирая это отношение, легко видеть, что элементы общежития суть продукты или *проявления деятельности сил*, что самое наше понятие о силе есть обобщение этих проявлений. Отсюда становится возможною новая классификация элементов. Мы прежде распределили эти элементы по их природе, характеру активному или пассивному, назвав одни интересами, другие — отношениями. Теперь мы получаем возможность распределить их еще *по происхождению*. Легко заметить, что источником одних элементов, например пола, возраста, того инстинкта, который обнаруживается в кровном родстве, служит физическая природа человека, ибо ни логическими категориями, ни психическими потребностями не обуславливается ни пол, ни возраст, ни инстинкт крови. Легко, далее, заметить, что личность человеческая проявляется в функциях мысли и чувства, ибо та и другая функции при тесной связи с физической природой человека свойствами последней достаточно не объясняются. Точно так же источник права, обмена, порядка (как потребности) надобно искать в обществе; оно вносит в общежитие эти элементы, а не личность. Мы проблематически поставили в числе сил неясный еще факт, т. е. недостаточно разобранный и исследованный, однако несомненно действующий, который назвали историческим преемством; и этот факт проявляется в ряде явлений, скрепляющих человеческое общежитие, как-то: в обычае, в предании; точнее говоря, обычай и предание суть синонимические выражения исторического преемства. Если будем рассматривать не полный и не отчетливый перечень элементов общежития, то мы затруднимся выделить те из них, источником которых служит природа страны. Может быть, это происходит от указанного мною недостатка регистра и анализа этих элементов; во всяком случае такие элементы незаметны. Однако эта сила, разумеется, не остается безучастной в процессе общежития; она обнаруживает в нем свое участие как неразлуч-

ный товарищ других сил, не действующий одиноко. Это легко заметить, разбирая новую группу элементов, источник которых не в той или другой силе, отдельно взятой, а во взаимодействии сил. Сейчас вы увидите, что эта группа элементов даже наиболее важная. Сюда прежде всего надо отнести язык. Язык есть продукт совокупного действия нескольких сил: как способность членораздельного выражения ощущений он есть продукт физической природы человека; как выражение ощущений мысли и чувства язык есть способность духа. Но известно, что люди одних широт географических или меридианов (независимо от разностей лексикона или грамматики) выражают свои мысли и чувства не так, как люди других широт и меридианов; эта разница известна, хотя в языкознании составляет еще мало тронутый предмет; известно, например, что Юг и Восток отличаются от Севера и Запада большею образностью выражения своих ощущений. Итак, на язык кладет свой отпечаток и природа страны, потому что даже на одном и том же языке люди, воспитанные неодинаковыми физическими условиями, говорят иначе. Итак, в языке как связи общежития видим совместное действие трех сил. То же самое мы уже видели, рассматривая труд и капитал; тот и другой элемент представляют сочетание действий разных сил: личности и природы. Разбирая таким образом и другие элементы общежития, во многих из них найдем участие отчасти и природы страны, даже заметим, как она участвует в их создании; даже в праве она не остается безучастною; например, право собственности развивалось и определяло людские отношения под могущественным действием природы страны. Степь, например, поддерживавшая кочевой быт, долго и решительно противодействовала развитию собственности и особенно собственности недвижимой; напротив, закрытые и неровные места рано и повелительно навязывали это понятие населению. Пересматривая все сложные и простые элементы общежития, где замечаем действие природы страны, мы можем характеризовать это действие. Действие это двойное: природа или воздействует на другие силы, *вместе с ними производя* тот или другой элемент (задерживая или ускоряя), или воздействует на другие силы, *служа объектом действия* этих сил, которые производят элементы общежития, как, например, в труде, капитале. В том и другом случае, т. е. и сопутствуя другим силам, и служа для их деятельности лишь страдательным объектом, природа указывает предел деятельности этих сил. Производительность, например, челове-

ского труда останавливается там, где указывает ему эту остановку природа; мы очень увеличиваем, например, помощью труда и капитала производительность почвы, но, как известно, эта производительность имеет предел. Такое характерное участие, принимаемое природою страны в созидании общежития, и забывается в исторических исследованиях о степени влияния этой силы. Теперь, имея в виду это взаимодействие исторических сил, надо попытаться указать сферу деятельности, принадлежащую каждой из них в составе общежития.

ЛЕКЦИЯ VI

СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЖДОЙ СИЛЫ В ОБЩЕЖИТИИ.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СИЛ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ЕГО ОТНОШЕНИЕ
К ФИЗИЧЕСКОМУ. РАЗДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
НА МЕСТНЫЙ И ОБЩИЙ

СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАЖДОЙ СИЛЫ В ОБЩЕЖИТИИ. Обозначить сферу деятельности каждой силы в общежитии трудно потому, что большая часть явлений этого общежития выходит из совместного действия разных сил. Можно поэтому указать только, в какой сфере заметно преобладающее действие той или другой силы. Определение такого действия возможно при разборе оснований или первичных возбудителей деятельности человека в той или другой сфере. Легко видеть, например, что природа страны дает материальные средства общежития; физическая природа человека есть источник тех инстинктов, которыми были вызваны первоначальные и простейшие формы общежития; далее, мы видим, что личности принадлежит самая инициатива общежития, выражающаяся в мысли и чувстве, а общество устанавливает нормы людских отношений. Поэтому можно сказать, что *природа страны направляет хозяйственную жизнь; физическая природа человека завязывает и направляет жизнь частную, домашнюю; личность есть сила творческая в умственной и нравственной жизни, а обществом создается жизнь политическая и социальная.* Но участие каждой силы в указанных сферах не исключительное, а только преобладающее.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СИЛ.
Обозначив самые общие свойства действия исторических

сил и указав приблизительно участие каждой из них в созидании общежития, можно видеть, что господствующий факт, на котором строится общежитие,— это *взаимодействие* сил. Каждая из этих сил имеет свою природу, свои свойства; но жизнь человеческая слагается из комбинаций этих свойств, в которых они изменяются и ограничиваются взаимно. Это изменение свойств сил вследствие их взаимодействия и делает возможным самое человеческое общежитие; из этих взаимодействий и слагается то, что мы называем *историческим процессом*. Если бы силы не обладали способностью изменяться при взаимном столкновении, то не было бы и исторического процесса. Теперь мы переходим к изучению этого исторического процесса.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС
И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ФИЗИЧЕСКОМУ.

Предмет этот, как вы легко увидите, очень сложен. Прежде всего мы условимся в его определении. Историческим процессом может быть называемо: *развитие, взаимодействие и перерождение, точнее говоря, смена людских союзов*. Когда говорят об историческом процессе, предполагают также процесс иного характера, от него отличный, называемый физическим. В самой научной терминологии встречаем общепринятое, давно усвоенное предположение, что жизнь человечества есть ряд явлений, параллельный жизни природы, или процессу физическому. Издавна усвоен термин «*естественная история*»; он предполагает собою другой термин, менее употребительный,— «*человеческая история*»; такой термин не употребляется, он заменяется обыкновенно простым словом «*история*». Если возможно говорить об естественной истории, значит, в жизни природы предполагается процесс, похожий на исторический. Вот почему, обращаясь к анализу исторического процесса, прежде всего нужно определить его отношение к физическому. Определение этого отношения поможет нам войти в разбор исторического процесса. В самом ли деле это два параллельных процесса, т. е. следуют ли явления в жизни природы в таком же или подобном порядке, в каком следуют явления в жизни человечества, в которой участвуют некоторые из сил, действующих и в жизни природы? Во-первых, как вам известно, можно говорить и об истории природы; так, например, наша планета имела свою историю, которая рассказывается в геологии, и геологические процессы не прекратились до сих пор. Но, с другой стороны, физиче-

ские явления через известные периоды времени повторяются, они сменяют друг друга, так что смены эти представляют повторение прежде пройденного ряда; я разумею при этом, например, явления, связанные с двояким обращением Земли. В истории человечества нет таких периодов; там явления никогда не повторяются в той же совокупности и связи, в какой раз они имели в ней место. Если физический процесс вследствие повторения замыкается в известные круги, то исторический процесс представляет полную линию, концы которой не смыкаются: по крайней мере на всем доступном нам пространстве времени они никогда не замыкались, никогда явления жизни человечества не повторялись в одном, раз пройденном порядке. Возьмем, например, жизнь нашей планеты; в каждом данном ее пункте физические явления сменяются в известном однообразном порядке, но так как смены эти в разных пунктах не совпадают — в одном краю наступают морозы, когда в другом господствуют жары, — то в каждую минуту жизнь этой планеты обнаруживается во всей полноте ее сил и явлений. И если бы, например, мы могли задержать по нашему желанию жизнь природы на одну минуту, то в этом задержанном минутном процессе мы бы получили всю совокупность сил, создающих эту жизнь, и явлений, в которых она обнаруживается, если же мы задержали бы жизнь человечества известной минуты и стали бы разбирать все, что живет и действует в эту минуту, мы бы нашли все силы, движущие историю человечества, но не встретили бы множества явлений, которые имели в ней место до этой минуты и после нее. Итак, вот одно существенное различие между обоими процессами: *физический* процесс представляет собою *повторение* явлений в одном определенном порядке, *исторический* — бесконечное их *видоизменение*.

Есть и другое различие, не менее существенное: каждое явление физического процесса вызывается достаточною причиною; какой бы отдельный момент этого процесса вы ни взяли, в представляемом им сочетании сил и элементов вы видите только связь достаточных причин и следствий, и ничего более. В историческом процессе наблюдатель находит нечто большее: он также видит связь достаточных причин и их следствий, но он видит еще и цели человеческих деяний; например, с тех пор, как становится доступною нашему наблюдению жизнь человечества, в ней явственно обнаруживается стремление человека исправлять природу или окружающую его действительность, приспособляя ее к своим потребностям. Силы и

элементы общежития в данную минуту приходят в сочетание, ясно указывающее на цель, к которой стремится общество; цель эта иногда совпадает с достаточной причиной явлений, иногда служит этой самой причиной, но нередко ей противодействует. Это второе различие обоих процессов можно формулировать так: в физическом процессе действуют *достаточные причины и следствия*; в историческом процессе, кроме того, еще действуют и *цели*. Иначе говоря, в природе нет целей, а есть только результаты, в жизни человечества результаты часто и цели, хотя цели иногда и не становятся результатами (т. е. не достигаются). Такое различие введет нас в анализ исторического процесса. Эти отличительные черты двух процессов понадобятся нам и в самом определении исторического метода.

РАЗДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА НА МЕСТНЫЙ И ОБЩИЙ.

Предметом исторического изучения, сказал я, служат человеческие союзы — их развитие, взаимодействие и смена. Наблюдая это развитие, взаимодействие и смену их, мы замечаем, с одной стороны, как возникает, растет и осложняется известный союз, возникший под теми или другими внешними физическими условиями; союз возникает под этими условиями и под ними же продолжает свое развитие, с течением времени получая новые формы. С другой стороны, мы замечаем, что один союз в развитии своем изменяется под действием другого, с которым он столкнулся; но союз, образовавшийся вследствие этого столкновения, в свою очередь влияет на третий союз, с которым приходит в соприкосновение, и т. д. Благодаря этому мы можем представить себе цепь союзов, с незапамятных времен идущих до нашего времени, хотя и не обнимающих собою всего наличного человечества, живущего в то или другое время; такую цепь и представляет, например, процесс известной нам всеобщей истории. Всеобщая история не рассматривает всего человечества; жизнь многих союзов, племен для нас исчезла без следа; мы знаем только небольшую цепь союзов, племен, народов, обществ, начиная с Индии, пожалуй с Китая, которые преемственно появлялись на исторической сцене, как говорят, и из которых каждый связан с предшествовавшим и связал свою жизнь с жизнью последующего народа, племени, общества; мы можем указать эту связь между древней Индией, древним Ираном, народами Передней Азии, Грецией, Римом, средними веками и т. д.

Итак, исследуя исторический процесс, мы наблюдаем либо изолированное развитие одного и того же союза, возникшего под известными физическими условиями, либо развитие нескольких союзов, находящихся во взаимодействии. Я хочу сказать, что исторический процесс бывает или местный, или общий. Мы формулируем тот и другой таким образом: *местный процесс есть хронологическое изменение известных географических сочетаний общественных элементов*; говоря проще, местный процесс представляет[ся] нам как известный союз, возникший под теми или другими физическими условиями (географическое сочетание), изменяется с течением времени, оставаясь под действием тех же самых условий (хронологическое изменение). Напротив, *общий процесс есть географическое изменение хронологических сочетаний общественных элементов*, потому что этот процесс показывает, как известное сочетание общественных элементов, т. е. известный союз, сложившийся в известное время (хронологическое сочетание), пришедши в столкновение с другим союзом, но возникшим под другими физическими условиями, подействовал на последний (географическое изменение). Запомнив условные значения обоих этих определений, мы и обратимся сначала к разбору местного, а потом и общего исторического процесса.

ЛЕКЦИЯ VII

МЕСТНЫЙ ПРОЦЕСС. ДОГМАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕЖИТИЯ. ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАЛЕОНТОЛОГИИ.
ОРДА. ПОНЯТИЕ О ПОКОЛЕНИЯХ

МЕСТНЫЙ ПРОЦЕСС. Разбор этот есть первая трудная задача в изучении исторического метода. Первый вопрос, который представляется при разборе местного процесса, касается самого его существования: *есть ли и даже возможен ли местный процесс?* Припомним, как мы его определили. Мы назвали его хронологическим изменением географического сочетания элементов общежития. Под этой формулой мы разумеем ту мысль, что сочетание элементов, сложившееся на известном месте под влиянием известных местных условий, с течением времени должно изменяться, хотя бы союз не покидал своего места, не выходил из-под дей-

ствия прежних условий и не подвергался вторжению или действию сторонних союзов. Итак, возможно ли изменение союза при неизменности внешних условий? Возможно. Во-первых, в этом убеждают нас исторические наблюдения: мы часто замечаем важные перемены в строе общежития, хотя не замечаем изменения внешних условий, действующих на это общежитие. Затем, в вероятности такого наблюдения убеждает нас одно логическое соображение: в составе каждого общежития действующими, активными элементами являются не исключительно только природа и внешние столкновения, т. е. деятельность других союзов; если даже не изменяются внешние влияния, идущие от природы страны, и общество живет неподвижно на своем месте и вполне изолированно, в нем остается сила, которой именно и принадлежит инициатива исторического движения — *личность*. В то время, когда ничто не изменяется в условиях, действующих на общество со стороны, последнее может изменяться под влиянием силы, действующей в нем самом. Так могут завязываться и происходить в обществе самобытные, или, точнее говоря, самопроизвольные движения, способные его изменить. Наконец, в каждом союзе ежеминутно совершается неотвратимый, естественный факт, его изменяющий помимо действия внешней природы и сторонних союзов, — это *естественное нарождение людей*; союзы людские изменяются просто вследствие количественного их состава. Итак, существование местного процесса доказывается историческою его очевидностью, его логическою вероятностью и, наконец, физическою необходимостью.

Но изучение этого несомненно совершающегося местного процесса затруднено многочисленными препятствиями, которые и делают это изучение очень *трудной задачей*. Во-первых, местный процесс начинается сменой естественных союзов. Ряд этих естественных союзов обнимает много веков, прежде чем эти союзы достигнут минуты, когда превращаются в искусственные. Общества, живущие этими союзами, не пишут обыкновенно своей истории; все, что мы знаем о них, заключается в смутных преданиях, уцелевших в то время, когда общество начинает писать свою историю, а это время обыкновенно уже время искусственного общежития, когда самые начала естественных их союзов становятся не совсем понятными; притом в этой автентичной³⁵ истории общежития являются хаотически смешанными остатки различных союзов, преемственно пережитых обществом в давно минувшие века, так что эти остатки трудно уже бывает разложить

на хронологические слои; часто об них уже трудно сказать, которые древнее и которые позднее. Мы узнаем о жизни древнейших естественных союзов обыкновенно по наблюдениям людей, принадлежащих к обществам, которые опередили эти естественные союзы; но наблюдения эти отрывочны, схватывают только отдельные моменты естественного общежития, такие моменты, между которыми остаются иногда громадные промежутки; последовательной смены моментов развития естественных союзов мы не можем восстановить по прямым указаниям сохранившихся данных. Восстановляя развитие этих союзов по уцелевшим остаткам и намекам, исследователь принужден бывает часто конструировать их (союзов) преобразование, т. е. вводить в изучение предмета личный свой произвол. Теперь, какие остаются *средства для изучения жизни древнейших естественных союзов?* Эти средства — уцелевшие отрывочные, сторонние известия о первобытных обществах; хаотически смешанные остатки их жизни, уцелевшие в то время, когда эти общества стали вспоминать свое прошлое и записывать воспоминания; наконец, наблюдения над естественными союзами, существующими в наше время. Все эти разнообразные и разновременные остатки исследователь должен свести и расположить в порядке развития на основании начал, извлеченных из самого изучения этих остатков. Изучая их, должно составить общую схему развития и по ней расположить уцелевшие остатки.

ДОГМАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕЖИТИЯ. Историческая палеонтология, т. е. та часть истории, которая восстанавливает первобытные, исчезнувшие союзы, пришла к заключениям, которые совершенно расходятся с существовавшим издавна представлением о порядке человеческого развития. Это представление известно. Древнейшей формой людского общежития считался естественный кровный союз, связывающий отца и мать с детьми; древнее этой естественной семьи ничего не знает излагаемая историческая теория; она не только не знает другой, более древней формы, но и *a priori* не допускает ее возможности. Все человеческое общежитие строилось и последовательно развивалось из этого зародыша, данного природой. Отец семьи есть владыка, даже собственник своей жены, детей своих и всего своего имущества; власть его после него переходит к старшему сыну. Путем нарождения первобытная естественная семья дробится на

несколько семей, однако не теряющих взаимной связи, завязанной общим родоначальником; так семья развивается в род. Путем естественного нарождения род распадается на несколько родов, которые не теряют взаимной связи, установленной общим родоначальником; так этот союз родов образует колено, трибу. Далее повторяется прежний процесс, следствием которого является соединение триб в народ. Значит, процесс развития человеческого общежития представляет постепенное расширение естественного союза путем нарождения. С таким ходом развития теория связала происхождение всех человеческих учреждений — политических, экономических и религиозных. Эту теорию можно назвать *догматической* или *априорной* потому, что она выводит весь процесс из факта, положенного в его основание чисто *a priori*.

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАЛЕОНТОЛОГИИ. В начале человеческого общежития не видно семьи. Разумеется, каждый человек происходит от соединения пары, но эта пара с появившимся от нее третьим лицом не составляла семьи, т. е. союза. Два лица, от которых произошло третье, были не муж и жена, а мужчина и женщина, а это не одно и то же. Далее, третье лицо, считаясь сыном той, от кого оно произошло, не считало своим отцом того, от которого оно произошло, ибо и не знало этого отца. Догматическая теория смешивает факт нарождения с союзом или с общежитием. Людское общежитие развивалось не в порядке нарождения людей; союз часто составляли люди, не имевшие общего происхождения, и не всегда составляли союз люди, происшедшие от одного корня. Итак, факт нарождения надо отличать от союза.

ОРДА. Историческая палеонтология, собирая наблюдения о древнейшем процессе общежития, так изобразила порядок его развития. Древнейшей формой общежития она признала *массу бессемейную, безличную и коммунистическую*, т. е. союз людей, в котором господствовало общее родство и не существовало семьи; сколько-нибудь продолжительного соединения полов, т. е. известного лица одного пола с известным лицом другого пола, не существовало, дети считались детьми всех членов союза известного возраста, отцами ребенка считались все отцы, все матери считались матерями каждого ребенка; иначе говоря, не существовало понятия о личном родстве; все, что имел этот союз, считалось

общим достоянием. Вот что разумеется под названием массы бессемейной, безличной и коммунистической. Это древнейшая известная форма людского общежития. Пока нам нет нужды говорить, чем она была завязана; характеристическая ее черта — это господство безличного, общего родства.

ПОНЯТИЕ О ПОКОЛЕНИЯХ.

Вторую формою является род, основанный на понятии о личном родстве, т. е. о неодинаковой родственной близости каждого члена союза к другим. Переходным моментом между первой и второй формами можно признать появление в первобытной массе — орде — *понятия о поколениях*. Понятие это основано на различии возрастов: если все старшие в союзе — отцы, а все младшие — их дети, и притом каждый старший есть отец всех детей, а каждый младший есть сын всех отцов, то на основании различия возрастов весь состав общества разделяется на несколько горизонтальных слоев; слои эти обнимают возрасты, какие существуют в составе общества в каждую данную минуту, т. е. возрасты всех наличных его членов. Отсюда пять поколений, на которые разделилось общество и между которыми существовала неодинаковая сила чувства родства. Первое поколение для каждого — это его сверстники, все члены союза сходного с ним возраста — его братья и сестры; поколение, лежащее над этим слоем, — отцы и матери; поколение, лежащее над этими отцами и матерями, — деды; вниз — поколение, лежащее под вышеупомянутым первым, — дети; поколение дальнейшее — внуки. Итак, в представлении каждого члена общества сложилось понятие о пяти горизонтальных слоях, на которые делился наличный состав общества. Как известно, обыкновенно общество в каждую данную минуту и состоит только из этих пяти поколений. Поколения эти, как скоро явилась о них мысль, должны были внушать каждому члену орды представление о неодинаковой его близости к членам разных поколений; ближе он считал себя к сверстникам, т. е. братьям; дальше стояли от него деды. Это чувство неодинаковой близости родства, очевидно, и послужило основанием, на котором развилась идея личного родства. Эта идея в свою очередь и легла в основание второй формы общежития — *рода*. Но и род по характеру своему был не одинаков. Прежде всего сложился род по матери; его преемником был род по отцу. Материнский род имел основание, не похожее на то, на котором держался род отцовский, или патриархальный, так

что материнский род представляет целый особый период в развитии общежития.

ЛЕКЦИЯ VIII

МАТЕРИНСКИЙ РОД. ПАТРИАРХАЛЬНЫЙ РОД. СЕМЬЯ.
ОСНОВАНИЯ ФОРМ ЕСТЕСТВЕННОГО ОБЩЕЖИТИЯ. ПОСТЕПЕННОЕ
ДРОБЛЕНИЕ СОЮЗОВ

МАТЕРИНСКИЙ РОД. Материнский род состоял из людей, считавших себя потомками одной родоначальницы. Род этот завязан в эпоху, когда господствовало многомужие, т. е. не было понятия об отце. Сохранились следы, указывающие на то, что в этом роде первоначально господствовало кровосмешение, т. е. обычай союза братьев с сестрами; вот почему роль охраняющей силы в этом роде играл брат матери — дядя, имущество которого переходило обыкновенно к потомству сестры. Собственные дети дяди и тогда, когда уже прекратилось кровосмешение, все еще оставались ему неизвестными; зато он продолжал считать своими детьми детей своей сестры. Этот род, очевидно, основан был на факте происхождения; вот почему все отношения в нем были первоначально естественно-принудительные; в них не участвовало личное усмотрение. Эта принудительность сказалась и в праве наследования, которое господствовало в материнском роде; имущество переходило не по усмотрению лица, им владевшего, а в порядке происхождения наследников; поэтому имущество лица (мужчины), которому не были известны его собственные дети, переходило к тем, которые по очевидному факту рождения связаны были с ним кровно, т. е. к племянникам³⁶.

ПАТРИАРХАЛЬНЫЙ РОД. Третьей формой является род по отцу, или патриархальный. Этот род составляли лица, считавшие себя потомками одного родоначальника. По-видимому, основное начало этого союза ничем не разнится от того, на котором держался союз предшествующий; основанием союза оставалось, по-видимому, представление о личном родстве; только пункт происхождения этой связи изменился, именно вместо матери-родоначальницы стал отец-родоначальник. Однако самые эти пункты прикрепления свя-

зей совсем неодинаковы и поэтому сообщают различный характер самым союзам. Связь, соединяющая детей с матерью, основана на очевидном факте рождения; таким фактом не может быть связь, соединяющая детей с отцом; особенно в обществах, только что вышедших из смешанных сожитий, нельзя было с полной убедительностью доказать каждый раз кровную связь сына с отцом; следовательно, связь эта устанавливалась признанием. Признание это выходило из права собственности; древний отец рассуждал: этот сын мой, потому что его родила моя жена; о другом физическом основании он не мог сказать с уверенностью. Значит, патриархальный род держался на известной фикции происхождения, основанной не на крови, а на праве собственности. В некоторых патриархальных родах это основание выступает с соблазнительною для нас очевидностью. В некоторых обществах господствовала и господствует полиандрия (многомужие): братья или лица, не связанные родством, имеют одну жену; детьми этой жены они делятся между собою в известном порядке; не зная, кто из них отец перворожденного, они отдают его в сыновья старшему из своей среды и т. д. в порядке возрастов; так, сын считается кровным сыном отца, которому он достался. Эта фиктивность основания патриархального союза обнаруживается во многих его особенностях. Прежде всего видно, что факт рождения или кровной связи имеет второстепенное значение в союзе; юридически детьми родоначальника считаются не все им рожденные, а только рожденные от известной матери; дети хозяина от рабы детьми не считались в некоторых родах, потому что они детьми не признавались. Такое признание являлось основанием родства вместо крови; вам известен, например, обряд признания отцом семейства каждого новорожденного у древних римлян; юридически сыном главы семейства считался не тот, который по всем признакам от него происходил, а тот, который, исходя от него, им признан таковым. То же самое видим мы и во взгляде, господствовавшем в патриархальном роде и отрывавшем от рода все женское колено; женщина, вышедшая из одного рода в другой, не считалась уже связанной кровным родством с тем родом, из которого она вышла, и поколение, от нее пошедшее, не считалось родственным, а только свойственным, а родство и свойство тогда резко различались между собою, и самое понятие родства было уже позднейшим явлением.

СЕМЬЯ. Четвертой и последней формой естественного общежития является семья в собственном смысле, та форма, которую догматическая теория ставила не в конце, а в начале общежития. Этот союз держится на непосредственном кровном родстве, притом двойном, связывающем потомка — сына или дочь — с отцом и с матерью.

ОСНОВАНИЯ ФОРМ ЕСТЕСТВЕННОГО ОБЩЕЖИТИЯ. Теперь перечислим основания, на которых держались все эти преемственно сменявшиеся союзы. Основанием первой формы естественного общежития было *общее безличное родство*; основанием второй формы общежития служило родство личное, связанное с фактом рождения (*факт единоутробного рождения*); основанием третьей формы общежития служило родство личное, связанное с фикцией происхождения (*фикция единокровного³⁷ происхождения*); наконец, основанием четвертой формы общежития служит личное родство, основанное на непосредственной кровной связи, которая может соединять только родивших с рожденными, но не может уже соединять дедов с внуками (*непосредственное кровное происхождение*); как известно, в состав семьи, понимаемой точно, не входят внуки и деды — это род, а не семья.

ПОСТЕПЕННОЕ ДРОБЛЕНИЕ СОЮЗОВ. Сопоставляя все эти основания, производящие деление в развитии общежития, вы могли заметить, что основание каждого следующего союза способно было соединить меньшее количество наличных членов общества и простиралось на меньшее число преемственных поколений. Орда, основанная на общем безличном родстве, при нормальном порядке развития может существовать бесконечно, разрастаясь все в более и более широкий союз. Материнский род представляет уже дробление, разделение этой безличной массы; но, очевидно, связь, состоявшая в факте рождения, могла простираться тоже на бесконечный ряд поколений, помнивших свою общую родоначальницу. Начало, лежавшее в основе патриархального рода, с одной стороны, отрезывало от родственного союза членов, связанных с ним кровно (женские колена); с другой стороны, могло простирать свое действие только на ограниченное число поколений; признание родства действовало в разных патриархальных родах на три, на четыре поколения. Члены дальнейших поколений уже

переставали чувствовать себя родственниками, потому что в патриархальном роде действовало еще другое начало, заставлявшее ограничивать количество родственных поколений; начало это заключалось в праве наследования. Правоспособными к наследованию считались дети, внуки, правнуки; и в иных родах только, не далее, члены дальнейших поколений не могли уже наследовать один другому, а так как наследование основывалось на фикции родства, то, значит, члены дальнейших поколений переставали принимать эту фикцию и считать себя родственниками. Наконец, связь, соединяющая членов в семействе, ограничивается лишь возможным количеством детей и двумя поколениями, из которых одно состоит из отцов и матерей, другое — из детей.

Так, в порядке развития общежития каждый следующий союз держится на начале, которое стесняет как круг наличных членов союза, так и ряд преемственных поколений, считающих себя родственными. Отсюда получается такая схема местного процесса развития естественных союзов: *каждый последующий союз есть подразделение предыдущего*; вследствие этого союзы чем далее, тем более мельчают.

Теперь, указав общий ход развития, следует обозначить его причины. Какие условия вызывали такую смену союзов, т. е. постепенно суживали их? Я обозначу эти причины лишь немногими словами. Во-первых, такое постепенное дробление союзов выходило из изменявшегося *отношения общества к природе*. Замечено, что союзы, преемственно сменявшие один другой, развивались в связи с экономическими переворотами; так, безличная коммунистическая орда обыкновенно состояла из звероловов, а звероловство — занятие, наименее содействующее утверждению частной собственности. Далее, замечено, что род обыкновенно выделялся из безличной массы, из орды, одновременно или в связи с появлением собственности, а так как древнейшим видом собственности были прирученные животные, то родовой союз связан обыкновенно со скотоводством; вот чем объясняется господство родового союза в кочевых обществах. Может быть, более внимательное изучение укажет нам хозяйственное различие даже между материнским и патриархальным родами; теперь это различие пока остается еще неясным. Наконец, довольно хорошо можно наблюдать связь семейного быта с успехами земледелия; вот почему семейный союз развивается обыкновенно среди оседлого населения. Появление понятия о личной собственности и проходит заметным

мотивом в процессе постепенного суживания оснований союза: идея собственности ложится в основу права наследования, а это право наследования по своей природе склонно суживать людские союзы, т. е. суживать количество наследников; как скоро появляется это право наследования, тотчас обнаруживается стремление стеснить количество наследников, т. е. обрезать союзы.

Далее, собственность была первым завоеванием лица, отнятым у природы; этот институт имеет поэтому огромное влияние нравственное; на собственности впервые пробовала личность свою силу. Вот почему успехи лица связаны с развитием собственности; история собственности есть история постепенного *высвобождения лица* из-под гнета массы, среди которой оно являлось. Высвобождение это совершалось посредством постепенного ограничения количества людей, с которыми лицо считало себя принудительно связанным; чем поэтому уже становился естественный союз, тем свободнее чувствовала себя личность, пока наконец в семействе связь лица с кровным союзом не явилась лишь мимолетным моментом в его жизни. Как известно, семейный быт состоял в том, что дети превращались в отцов, из подчиненных превращались во властителей.

Значит, изложенный процесс естественного общежития, состоявший в смене союзов, постепенно суживавшихся, вызван был *двойкой* переменной во взаимодействии исторических сил. То была, во-первых, перемена в *отношении общества к природе*: общество постепенно завоевывало у природы нужные ему материальные блага, вырабатывая из них собственность. Во-вторых, перемена в *отношении личности к обществу*: личность постепенно выделялась из массы, ее поглощавшей, и постепенно стремилась создать вокруг себя свою особую сферу деятельности.

ЛЕКЦИЯ IX

РАЗЛОЖЕНИЕ ОРДЫ И ЗАВЯЗКА МАТЕРИНСКОГО РОДА.
РАЗЛОЖЕНИЕ МАТЕРИНСКОГО РОДА И ЗАВЯЗКА РОДА ПАТРИАРХАЛЬНОГО

Указывая причины, которые вызывали новый союз, выделяли его из предыдущего, я сказал, что общей причиной было изменение сочетаний общественных эле-

ментов, которое вызывалось изменявшимся взаимодействием исторических сил. Так, мы видели, что выделение рода по матери из безличной орды и рода патриархального из рода материнского было связано с экономическим процессом, начавшимся с появлением собственности. Далее, мы заметили, что движущей пружиной в указанной смене естественных союзов было стремление личности постепенно выделиться из поглощавшей ее массы и создать себе особую сферу деятельности. Таким образом, смена естественных союзов вызывалась одновременно или преемственно изменением отношения общества к природе и изменением отношения личности к обществу; это изменение во взаимодействии исторических сил и создавало в каждом следующем союзе сочетание элементов общежития, непохожее на то, которое действовало в союзе предшествующем. Эту формулу нам и предстоит развить. Для этого мы опять пересмотрим ряд естественных союзов, преемственно сменявшихся.

РАЗЛОЖЕНИЕ ОРДЫ И ЗАВЯЗКА МАТЕРИНСКОГО РОДА. Безличная и бессеме́йная орда представляла чрезвычайно замкнутый мир, так сказать наглухо закрытый от действия орд соседних; мир этот держался на общем кровном родстве. Он по самой природе этой связи не мог никого из себя выделить и не мог никого принять в свою среду со стороны; он был средой, так сказать себе во всем довлеющей³⁸, поэтому он, сталкиваясь с другими ордами, мог истребить их, мог быть ими истреблен, но не мог с ними слиться. Основная связь его не внушала ему побуждений к общению с другими ордами и вместе лишала его возможности слияния с ними. Как возможно было разложение такого замкнутого мира? Разложение это могло начаться лишь вследствие какого-либо брожения, в нем самом возникшего. Прежде всего это брожение производится новым элементом общежития, начинающим действовать в орде, — *возрастом*: сверстники, считая себя родственными всей орде, начинают чувствовать себя более близкими родственниками сравнительно с людьми других возрастов; вследствие этого орда делится на слои горизонтально. Другой элемент, вызванный к действию физической необходимостью, производит и вертикальные дробления этой орды. В первобытных обществах замечается явление, доселе не объясненное достаточно, — это отсутствие численного равновесия между полами. В наших цивилизованных обществах женский пол численно немного преоблада-

ет над мужским; если мы заглянем в приходские списки наших восточных инородцев, живущих под одинаковыми условиями политическими и часто культурными с нашими русскими крестьянами, то увидим, что, тогда как среди крестьян численный перевес принадлежит женскому полу, в инородческих приходах этот перевес склоняется на сторону мужского. Причина этого явления не совсем понятна, но в древних первобытных обществах можно отметить некоторые явления, как будто объясняющие это неравенство полов. Так, известен древний обычай некоторых племен убивать девочек; обычай этот в иных местах принимал религиозные формы (жертвоприношение детей). Трудно сказать, чем внушен этот обычай. Одни думают, что он развился из столкновений орд: одна орда, тяготясь заботами выкармливания девочек, предпочитала похищать у соседки уже взрослых девиц; эта последняя орда в свою очередь, чтобы избавиться от нападений хищной соседки, убивала девочек, оставляя их лишь ограниченное количество. Другие объясняют это явление недостатком жизненных средств в первобытных обществах: девочка — наименее доходный рабочий, а между тем для прокормления своего требует столько же, сколько и мальчик. Отчего бы ни происходил этот обычай, но в первобытных обществах должен был ощущаться недостаток женщин. Недостаток количества их восполнялся исключительно посредством похищения; случаи, вызванные физической необходимостью, превратились в обычай, который потом принял юридический характер, т. е. обязательный; этот обычай требовал, чтобы жена всегда была чужеродка. Этот обычай один шотландский исследователь назвал законом экзогамии, т. е. правилом, требовавшим, чтобы жены брались из других орд, извне. Здесь и можно видеть завязку материнского рода. Род этот возник вследствие появления идеи о личном родстве вместо родства общего; эта идея указывала человеку ближайшее его родственное отношение только к известным членам орды, а не ко всей орде; основанием этого рода было единоутробное происхождение. Как могла явиться эта идея? Недостающее количество женщин заимствовало со стороны при отсутствии брака, т. е. при совместном жительстве всех мужчин со всеми женщинами орды. Приведенные со стороны женщины, как и туземные, считались женами всех, но дети этих инородок не смешивались с прочими детьми орды; самое странное их происхождение от чужой, не бывшей матерью других детей, должно было выделять ее потомство от детей туземных жен. Намеки на подобный

процесс встречаем даже в нашей древней летописи. Наши древние князья назывались обыкновенно по имени и по отчеству, иногда даже и по дедине; но мы знаем одного князя, который в летописи и в русском обществе XII в. назывался по имени матери — Настасьичем; это произошло от того, что отец его, знаменитый Ярослав Осмомысл, князь галицкий, кроме законной жены и детей от нее имел незаконную жену — Настасью; появление такой необычной незаконной жены заставило древнее русское общество отступить от обычного обозначения лица по отчеству и назвать князя по матери. Подобный процесс, очевидно, совершался и в первобытной орде; это обособление детей чужеродки усвоено было и самими детьми: они стали считать себя также более близкими друг к другу, чем к прочим сверстникам в орде. Так надо представлять себе происхождение материнского рода. Силой, выделявшей этот род из первобытной орды, был вызванный к действию физической необходимостью новый элемент — *пол*; я называю его новым элементом, потому что он впервые стал действовать под влиянием этой необходимости на людские отношения. Итак, материнский род должен был основаться на более сложном сочетании элементов. В самом деле, союз предшествующий держался на общем кровном родстве, в силу которого все члены орды считали себя по отношению друг к другу либо родителями, либо детьми; вероятно, это кровное родство (действительное или предполагаемое) подкреплялось и другим инстинктом — чувством самосохранения. Род материнский унаследовал эти элементы, принял в себя еще новые — возраст, *пол*; т. е. эти естественные элементы впервые стали здесь действовать или сознаваться как связи союза; но вслед за этим появился ряд и других; происхождение от общей родоначальницы с течением времени в ряду сменявшихся поколений должно было утвердить общее воспоминание, т. е. предание, а предание служит одною из связей общежития. Надо думать, что, обособившись в кружок, члены которого чувствовали себя связанными взаимно теснее, родственники по матери и устроили свою жизнь среди орды несколько особняком, построив себе особые жилища или изгородь для скота и т. п.; они работали вместе; плодом этой работы должна была явиться какая-нибудь собственность, созданная общей работой, и в материнском роде мы действительно замечаем первые попытки установить порядок наследования, т. е. первый признак собственности — частной, хотя и не личной, а родовой. Вы видите, какое значительное количе-

ство элементов являются уже связями материнского рода. Как разложился этот род и как из него выделился патриархальный?

РАЗЛОЖЕНИЕ МАТЕРИН-
СКОГО РОДА И ЗАВЯЗКА РОДА ПАТРИАРХАЛЬНОГО.

Материнский род, как и безличная орда, по природе своей был очень неподатлив по отношению к другим родам. Он был основан на естественном, неизменном, неумолимом факте единоутробного происхождения; он точно так же не мог выделять из себя своих членов и принимать в свою среду чужих. Но в нем действовала сила, которая должна была разрушить эту замкнутость и которую вызвал к бытию самый этот род,— это экзогамия. В этом роде уже не было кровосмешения; мужья[ми] для женщин этого рода всегда были члены другого рода, мужчины этого рода обязаны были искать себе жен среди другого рода. Этот обычай, ставший новым, хотя и неписанным законом, и начал раскрывать материнский род с разных сторон, впуская в него чуждые стихии и выделяя из него свои. Ход этого разложения показывает, с каким упорством материнский род отстаивал свою замкнутость, т. е. с каким трудом человеческий ум побеждал этот естественный факт единоутробного происхождения.

ЛЕКЦИЯ X

РАЗЛОЖЕНИЕ МАТЕРИНСКОГО РОДА И ЗАВЯЗКА РОДА
ПАТРИАРХАЛЬНОГО (ОКОНЧАНИЕ). ВЫДЕЛЕНИЕ СЕМЬИ
ИЗ ПАТРИАРХАЛЬНОГО РОДА. ОБЩИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Муж-чужеродец и разложил постепенно материнский род. Средством, которым он действовал, служил элемент, выработанный этим родом,— *понятие о собственности*. Естественный факт единоутробного происхождения не позволял материнскому роду отдавать женщину в собственность чужеродцу, но идея собственности побуждала мужа-чужеродца стремиться сделать жену и детей, от нее прижитых, своею собственностью. И вот начинается борьба. Чтобы разрушить естественный факт единоутробного происхождения, мужчина-чужеродец должен был противопоставить ему фикцию, т. е. право, и правом разрушить факт кровного родства; право это в виде

целого ряда фикций и развилось из понятия о собственности. Первоначально род материнский отдавал мужу-чужеродцу свою женщину не в собственность, а только в пользование. Способы приобретения этого пользования были различны: умычка (т. е. плен), покупка и уже после всего сговор, т. е. соглашение без вознаграждения; может быть, эти способы были преемственными моментами в процессе приобретения женщины в собственность, может быть, они были обычаями разных мест и народов — это не важно. Приобретая женщину только в пользование, муж не имел права собственности на ее детей; дети принадлежали по естественному требованию роду, из которого вышла мать и с которым они через нее связывались естественным фактом кровного родства. Муж поэтому не вводил жену в свой род, а сам входил в дом тестя. Он приобретал право пользования покупкой, работой: припомните историю Иакова, работавшего у Лавана и им обманутого; муж поэтому является в положении раба в семействе тестя, не имеет власти над своими детьми; в древнейшей форме общежития эта власть принадлежала брату матери — дяде. Чтобы приобрести детей, муж должен был выкупать их или у своей жены, или у ее рода, т. е. у дядей. В иных местах встречаем любопытную форму, показывающую, как поступал муж-чужеродец, отвоевывавая себе право на детей; например, в иных местах к плате за жену он должен был прибавлять еще первую родившуюся от нее дочь, и только тогда жена становилась его собственностью. В других местах сыновей [он] должен был покупать у своей жены, а дочерей отдавать ей, не мог выкупать, и они причислялись к роду матери. Принцип материнского рода ставил мужа-чужеродца в приниженное положение, возвышая над ним жену, защищаемую своим родом; это приниженное положение должно было возбуждать в муже *стремление основать свою личную семью*. В иных первобытных обществах это стремление обнаруживалось в любопытном факте. Мужья старались иметь кроме законных жен еще рабынь и имущество свое передавали только детям от этой рабыни. Рабыня — лицо без рода и, следовательно, становилась сама собой собственностью мужа; поэтому и дети ее считались личным достоянием господина, и они только получали наследство от своего отца, тогда как его дети от законной жены были наследниками материнского рода. С течением времени обычай передачи наследства детям от рабыни видоизменился, превратив следствие в причину; если первоначально передача наследства была следствием происхождения, то

впоследствии передача этого наследства стала причиной родства; первоначально рабичич — сын рабыни, как сын господина, получал его наследство, а потом получавший наследство считался сыном того, от кого шло это наследство; так что наследование стало легальным признаком родственной связи отца с сыном вместо действительного происхождения последнего от первого. Так, выходя из понятия о собственности, муж-чужеродец стремился основать свою личную семью на ряде фикций, заменявших действительное кровное родство родством условным, юридическим. *Право наследования* и было основным моментом, которым обозначился переход от родства по матери к родству по отцу. Вы видите и в этом роде более сложное сочетание элементов сравнительно с предшествующим союзом; ряд новых элементов входит в это сочетание и становится рядом с прежними, которые не исчезают. Достаточно перечислить их, чтобы видеть, какое усложнение произошло в этом сочетании. Личное родство осталось и даже определилось точнее; оно стало связью потомков, передаваемой в нисходящей линии от мужчины к мужчине: закон экзогамии в каждом поколении отрывал дочерей от рода их отца и привязывал каждую из них к роду мужа. Новый род, пошедший от отца, держался на праве наследования, соединенном с властью отца; элемента власти не замечается в предшествующем союзе: мать в роде по матери не господствует, уступая свою власть брату. Фиктивные основания нового рода раскрыли его со всех сторон и сделали его способным не только к общению с другими родами, но и к слиянию с ними. Еще новый элемент, в прежнем незаметный, вошел в этот новый союз. Нам неизвестен культ матери, но в патриархальном роде развивается культ родоначальника; этот культ даже становится с течением времени основанием этого союза³⁹: родственниками считались не те, которые действительно шли от общего родоначальника, а те, которые участвовали в культе этого родоначальника. Так, новый элемент — *религиозное чувство* — начинает действовать в этом роде. Совокупное действие этих двух элементов — родства по праву наследования и родства по культу родоначальника — и открыло широкий доступ в род сторонним элементам в виде различных способов *усыновления*: отец, передавая наследство сыну от рабыни, мог передавать его и стороннему человеку, принятому вместо сына. У некоторых племен это даже обычай: хозяин, имея родных детей, усыновляет стороннего ребенка только для того, чтобы передать ему наследство, которое обыкновен-

но идет мимо родных детей; женщина, вышедшая замуж за члена патриархального рода, усыновляется им, принимается *filiae loco*, как выражается древнее римское право об отношении жены к мужу; усыновление это совершалось посредством приобщения чужеродки к культу предков ее мужа.

ВЫДЕЛЕНИЕ СЕМЬИ ИЗ

ПАТРИАРХАЛЬНОГО РОДА. Совершенно такой же процесс повторился и в разложении рода патриархального в процессе выделения из него семьи. Мы видели, что основанием каждого последующего союза становилось начало, развившееся в союзе предыдущем. Так, например, начавши развиваться в орде из представления об общем родстве, родство специальное — по возрастам, т. е. родство, теснее сближавшее между собою лиц одного возраста, развило в родство индивидуальное, личное, сближавшее теснее одно лицо с другим, на котором и стал род по матери. Род материнский выработал представление о частной (не общей) собственности; это начало и легло в основание рода патриархального. Этот последний выработал из совокупности составлявших его элементов представление о власти патриарха как главном связующем элементе, который связывал родичей даже и по смерти патриарха посредством родового культа; власть главы союза и стала основною связью семейства. Что в самом деле связует членов семейства? Прежде всего и главным образом, иногда единственно, власть — *власть отца семейства*. Обыкновенно непосредственное происхождение связывает детей с отцом; но это только обыкновенный факт, который не всегда может быть доказан и потому является предположением; притом он не захватывает жены, которая не связана с мужем кровною связью, даже не связана родством фиктивным, как в патриархальном роде. Действительной, юридической связью остается власть отца семейства, основанная по отношению к детям на факте или на предположении непосредственного происхождения, по отношению к жене — на простом договоре, без участия той фикции, помощью которой муж принимал в свой род жену, как дочь (*filiae loco*). Патриархальный род еще держался на родстве как фикции, когда уже не мог держаться на родстве как факте. Семейство не требует и этой фикции: оно прямо держится на союзе двух чуждых друг другу лиц, не нуждаясь в фикции. *Какой же новый элемент входит в этот союз? Этот вопрос касается другой стороны в развитии союзов. Мы*

видели, что каждый следующий союз держался на более сложном составе элементов, чем прежний; т. е. если сложностью связей определяется крепость союза, то крепость сменявшихся естественных союзов была обратно пропорциональна их количественному составу. В семействе, как мы сейчас видели, кровное родство как факт остается на втором плане; члены семейства соединены друг с другом властью отца; жена повинуется мужу не потому, что она названная дочь его, а потому, что жена; дети повинуются отцу не потому, что они кровно произошли от него, как в материнском роде, и не потому, что они составляют его собственность, входят в состав его имущества или наследуют это имущество (дети обязаны повиноваться, даже когда у отца нет имущества), а потому, что отец есть связующая семейство власть, т. е. повинуются в силу права. Основная связь, на которой держится семья, вводит в состав союза еще новый элемент — *ряд чувств*. Отцу семейства не предоставлено права распоряжаться жизнью детей, как распоряжался патриарх, глядя на детей как на собственность; на нем лежит обязанность заботиться о детях, как на детях лежит обязанность повиновения отцу, а та и другая обязанность рождает известные обоюдные чувства. Вот этот элемент — чувство — и присоединяется в семействе к прежним, усложняя состав этого союза. Все прежние элементы входят и в состав семейства; право собственности, родовой культ действуют и в семействе. Последнее может несколько удивить вас, но вы не берите семьи в ее последнем фазисе развития, а возьмите хотя бы христианскую семью старых веков; христианские понятия не тотчас истребили остатки родового культа даже в христианской семье. Припомните нашего Ростислава, князя смоленского XII в., который действовал, разумеется, как истинный христианин, когда в своей грамоте учреждал для Смоленска епископию. Мстислав, отец Ростислава, никогда не был записан ни в какие святцы, и ни один молебен не был спет ему во всей Руси, а Ростислав в своей грамоте пишет, что он дал ее по повелению отца своего святого: это — то же представление, которое боготворит родоначальника. Древний князь в битве, подвергаясь опасности, обращался с молитвою о помощи к умершему отцу своему, который никогда не был святым. Но рядом с прежними элементами в образовании семейства мы видим еще ряд новых: это разнообразные чувства, которых не было заметно в прежних союзах. Это было — чувство верности жены мужу; это женское чув-

ство очень позднего происхождения и теперь отсутствует в людских обществах, держащихся на родовых связях; идеи принадлежности жены одному мужу нет до сих пор у многих племен Азии, Африки. Далее рождается как вознаграждение за верность известное чувство мужа по отношению к жене. Такое же чувство связывает отца с детьми; нашему чувству противна самая мысль о продаже детей в рабство; мы не сделаем этого, даже когда закон это позволит, а ведь первая форма, в которой проявлялась власть отца над детьми, именно состояла в праве и обычае продавать их в рабство; благодаря этому преимущественно и колонизовалась Северная Америка негритянским населением.

Итак, в образовании семейства повторился тот же процесс. Главную связью этого союза было начало, выработавшееся как последствие из сочетания элементов предыдущего союза, то была власть родителя. И этот союз обнимает меньшее количество лиц и поколений, держащихся, однако, на более сложном сочетании элементов — на целом ряде нравственных чувств. Наконец, благодаря этим нравственным чувствам и узкому своему составу союз этот уже не мог существовать изолированно; узость его состава вызывала в нем чувство ежеминутной потребности общения с другими союзами, а нравственные чувства, которые в нем развивались, служили средством этого общения, переносясь только из узкой семейной среды на союзы соседние. Доля чувства, какое связывало детей с отцом, переносилась и на отношения этих детей к старшим чужеродцам, которых они по старой привычке языка называли и называют также отцами.

Теперь сделаем выводы из анализа, сейчас изложенного. *Какими результатами для общежития сопровождалась смена естественных союзов?* По-видимому, общежитие с каждой сменой все более суживалось, простиралось все на более ограниченное количество людей; но это только одно течение в развитии общежития. *Суживалось, собственно, понятие о том основном и общем элементе, на котором держались все естественные союзы, — понятие о кровном родстве;* оно стесняется все более потому, что рядом с ним стали другие элементы общежития, которые также требовали себе известного простора и вследствие этого соседства должны были подвигать и суживать первоначальный основной элемент, т. е. кровное родство. Но эти элементы, последовательно входя в кровные союзы и разлагая их, вместе с тем делали каждый последующий союз все более способным к общению и

слиянию с другими, т. е. переводили общежитие с узкого основания на другое, более широкое, переводили с основания простого, естественного и грубого факта на основание широкое, растяжимое и изменчивое — юридическую или религиозную фикцию.

Изложенный процесс можно свести к таким моментам: каждый последующий союз возникал из разложения предшествующего; разложение это вызывалось вмешательством какого-либо нового элемента общежития, впервые начинавшего действовать на людские отношения; это вмешательство нового элемента производило все более осложнявшееся сочетание элементов, на которое становился последующий союз; это все более осложнявшееся сочетание общественных элементов общежития стесняло кровное родство, вовлекая в союз все более разнообразные элементы. Представляя ход дела схематически, часто сравнивают этот процесс развития общежития с ростом дерева, в котором от основного ствола отделяются сучья, из этих сучьев вырастают ветви, от этих ветвей идут более тонкие отпрыски с листьями. Но эту простую схему можно было бы заменить другою, представив последовательный рост естественного общежития (т. е. основанного на естественных элементах) в виде постепенного срастания нескольких деревьев.

Результатом такого развития и явился союз естественно-искусственный — племя. Мы о большей части племен не можем сказать, что они действительно выросли из одного генеалогического корня; часто замечают, что племя срастается из чужеродных частей, связанных только фикцией общего происхождения. Этот естественно-искусственный союз — племя — обыкновенно и принимает формы искусственного союза — государства. Так, мы приступаем к истории искусственного общежития. Изложив местный процесс развития естественных союзов, мы теперь должны изложить местный процесс развития союзов искусственных. Но имел ли в истории место такой процесс? Мы видели, что союз, который служит обыкновенно основанием государственного, был уже сам происхождения не вполне естественного. Мы едва ли найдем союз, который, оставаясь под действием одних и тех же внешних условий и вне влияния других союзов, прошел бы весь перечисленный нами ряд моментов развития, т. е. мы едва ли где можем наблюдать, как первоначальная орда разделилась на роды по матери, как из материнского рода выделился патриархальный род, как последний подразделился на семейства. Едва ли какое-нибудь население

могло пробежать этот ряд фазисов развития, оставаясь под действием одних и тех же условий и вне столкновений с другими союзами. Уединенного же полного развития искусственного союза — государства — мы не знаем на всей поверхности земного шара. Государство обыкновенно и возникало либо из союзов, искусственно развившихся, либо из столкновений нескольких таких союзов. Следовательно, *местного процесса искусственных союзов не было*. Так, местный процесс сам собою переходил в общий. К изложению этого общего процесса теперь мы и должны обратиться.

ОБЩИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС.

Припомним, как мы определили общий процесс. Это *географическое изменение хронологических сочетаний элементов общежития*. Я думаю, вы знаете, что надо разуме́ть под этой несколько или даже очень искусственной формулой. Под ней надо разуме́ть процесс изменения общежития, завязавшегося на известном месте, под влиянием союзов, сложившихся на другом месте под другими условиями, следовательно, на других началах. Союз, завязанный местным процессом, изменяется с течением времени, под действием других союзов, завязавшихся на другом месте. Новая форма общежития, вышедшая из этого изменения, в свою очередь сталкивается потом еще с новым союзом и подвергается дальнейшему изменению. Так, один союз сцепляется с другим, производит третий, который в свою очередь сцепляется с четвертым, и т. д. Эта цепь столкновений, изменений и перерождений общежития и составляет общий процесс.

Возможно ли, однако, изучение общего процесса, т. е. возможно ли восстановить всю эту цепь, связующую различные местные союзы? Этот общий процесс составляет предмет всеобщей истории. Прошу вас припомнить содержание этой истории, именно припомнить те народы, история которых в ней рассказывается. Древняя всеобщая история с некоторой гримасой начинает с Китая, зная, что китайскую историю она не свяжет с историей народов, о которых потом будет рассказывать; потом излагает историю Индии, Ирана, Передней Азии, Египта⁴⁰, из Передней Азии переходит в Грецию, из Греции в Рим и на разрушении созданного Римом общежития останавливается. *Всё ли это человечество?* Хотя мы очень мало знаем те племена, на которые другие смотрят как на варварские племена дикарей, но мы знаем, что они составляли очень значительный мир; что история, перечисляя новые наро-

ды, воспроизводит только одну, довольно широкую, но одну струю всеобщей истории; что эта струя, опять выражаясь схематически, бежит среди широкого пространства, которое представляется нам неподвижным, болотистым и которое занято варварами, или дикарями. То же и в новой истории. Новая история воспроизводит процесс развития народов, которые составляют только часть человечества, покрывавшего поверхность земли в известный период; необъятный мир и доселе остается для нас неизвестным или малоизвестным. Но среди этого мира совершался свой исторический процесс, который даже в иных местах соприкасался с историческим процессом, происходившим среди нам известных цивилизованных народов. *Возможно ли по одной струе воспроизвести все течение истории человечества?* Это затруднение давно чувствовалось, и оно вызвало несколько любопытных попыток воспроизвести историю человечества, миновав историю неизвестных народов, именно причислив их к неисторическим.

ЛЕКЦИЯ XI

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ БОССЮЭТА. ТЕОРИЯ ЛОРАНА. ТЕОРИЯ ГЕГЕЛЯ

Начав разбор общего исторического процесса, мы прежде всего встретились с научно-техническим затруднением; это затруднение заключается в чрезвычайной ограниченности поля исторического наблюдения. Является вопрос о возможности составить себе понятие об общем процессе только по одной доступной наблюдению струе его. Таким образом, самый этот процесс является проблемой; проблема эта может разрешиться, если мы уловим исторические явления, несомненно составляющие общий исторический процесс. Чтобы подготовить вас к этому наблюдению, т. е. узнать, где искать эти явления, я коротко изложу вам несколько попыток понять ход общей истории. Таких попыток было сделано очень много, но из них мы выберем некоторые, которые помогут нам узнать, какие явления составляют общий исторический процесс; избранные попытки послужат нам только методическим средством. Из этих попыток я избираю три наиболее удобные для краткого изложения: это исторические теории Боссюэта, Лорана и Гегеля. Я их располагаю не в

хронологическом порядке, как вы видите, ибо теория Лорана стала известна позже Гегелевой. Вот в самых общих чертах содержание этих теорий.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ БОССЮЭТА. Боссюэт в своем трактате о всемирной истории представляет ход ее действием провидения, направляющего людей к назначенной им цели. Такая теория дает действующую силу истории и ее содержания: первую служит провидение, вторым — цель, к которой оно направляет человечество; цель эта — религиозная, соответствующая природе движущей силы, ибо провидение само по себе есть предмет не научного и религиозного ведения. В этом отношении Боссюэт строго последователен, не навязывая силе цели, ее природе не соответствующие. Целью этой служит подготовка христианства и потом его развитие; народы — политические и религиозно-нравственные формации — являются в истории и получают в ней значение по своему отношению к этой цели. Государства мира, говорит Боссюэт, служили религии и сохранению народа божия; народы, или исторические формации, не имевшие отношения к этой цели, не получают и места в истории. Итак, теорию Боссюэта можно назвать телеологической, т. е. теорией исторической целесообразности.

ТЕОРИЯ ЛОРАНА. Из того же начала, но с меньшей логической последовательностью развивается взгляд на историю у Лорана. Этот взгляд у него проведен в сочинении, замыкающем собою его огромный труд «Этюды об истории человечества»; последний том этих этюдов назван им философией истории. Действующей силой исторической жизни и у Лорана является промысл; но содержание истории не состоит в последовательном шествии человечества к цели, указанной ему промыслом, потому что кроме этой силы в истории действует и другая — свобода человека. Определяя взаимное отношение этих сил, Лоран говорит, что Бог ограничивается только тем, что вдохновляет и руководит, предоставляя человеку полную свободу действия. Как же достигается цель, предназначенная человечеству промыслом? (Ибо без идеи цели не может быть и промысла, в понятии, о котором дано уже необходимое понятие цели.) Всемирная история, говорит Лоран, представляет двойственное зрелище: с одной стороны, видим то, чего хотят люди, с другой — то, чего хочет бог. Как при таком двойственном ряде исторических явлений выводится поня-

тие исторической цели? Люди стремятся к одному, а выходит так всегда, что достигается другое; следовательно, то, что достигается помимо людских стремлений, то и есть указанная человечеству историческая цель. Историю делает человек как свободное существо; сплетается она из явлений, источником которых служат страсти человека; воля человека, проявляющегося в этих страстях, находится в оппозиции с волей бога, однако результаты, которые выходят из свободного движения воли человека, согласны с волей провидения; сила, противоборствующая воле божией, приходит к результатам, совпадающим с намерениями божества: совпадение это и остается исторической тайной. Допущение такой тайны не есть научный недостаток; везде возможна такая тайна для знания, имеющего свои границы: и физик, исследуя действие жизненной силы, не знает, что она такое. Какая же цель, к которой помимо своей воли и без ведома направляется человечество? Эта цель педагогическая, не религиозная; она состоит в последовательном развитии способностей человека. Вот логическая непоследовательность, ставящая эту теорию в техническом отношении ниже взглядов Боссюэта: провидение направляет человечество к цели, не совсем соответствующей природе этого провидения. Так и теория Лорана основана на телеологическом начале, только в нее внесен элемент психологический.

ТЕОРИЯ ГЕГЕЛЯ. Историческая теория Гегеля составляет один из моментов развиваемого им стройного метафизического процесса; вот почему нельзя оторвать этой теории от общих начал его философии; я только напомню вам эти начала, чтобы можно было хотя несколько представить себе происхождение его исторической теории, развиваемой в его известной книге «Философия истории». Метафизический процесс Гегеля, как известно, состоит из *трех моментов* развития абсолютного. Первый момент составляет абсолютное как *чистая идея*; этот момент составляет содержание гегелевской логики. Второй момент есть состояние абсолютного, разложившегося в явлениях реального мира, в пространстве и времени, когда абсолютное отчуждено от самого себя, находится в состоянии *инобытия* (вне-себя-бытия). Третий момент есть состояние абсолютного, выходящего из этого самоотчуждения и себя сознающего, поэтому делающегося конкретным. Абсолютное в состоянии такого самосознания есть *дух*; сущность этого духа определяется двумя моментами: моментом *сознания* и

моментом *проявления*. Как сознающий себя, дух отвлекает себя от всего — мыслит; это выражается в его свободе; это есть дух субъективный, самосознающий свое «я». Второй момент, в котором обнаруживается сущность этого духа, заключается в том, что дух этот проявляет себя в действительности, создавая себе конкретное разумное существование. Дух мыслящий, теоретический есть разум; дух, себя проявляющий в создаваемой им разумной действительности, есть дух практический — воля. Дух, проявивший себя в сознанной им разумной действительности, есть дух объективный; этой разумной действительностью служат: право, государство, нравы, искусство, наука, религия. Итак, сущность самосознающего и самопроявляющегося духа может быть обозначена состоянием свободной воли; процесс развития этого самосознающего и самопроявляющегося духа и есть всемирно-исторический процесс; он и составляет содержание философии и истории.

Итак, исторический процесс есть развитие духа; этот развивающийся в истории дух у Гегеля и зовется всемирным или, как бы мы назвали, упрощая понятие, *всемирно-историческим*. Итак, дана движущая сила истории. Как вы видите, она не религиозная, а метафизическая; на место провидения поставлен развивающийся разумно-свободный дух. Сообразно с сущностью этой движущей исторической силы изменяется и самый исторический процесс; на место целей, предначертанных провидением, являются законы, по которым развивается в истории всемирный дух. Мы пока оставим в стороне эти законы; мы вспомним о них, когда будем вести речь о методе. Теперь для нас важно только общее содержание исторического процесса; оно уже диалектически подсказано изложенным построением истории, т. е. природой ее движущей силы. Сущность развивающегося в истории духа состоит в способности отвлекать себя от всего, т. е. в свободе, и в способности проявлять себя, т. е. эту свободу, в создаваемой им разумной объективности; сообразно с этим и содержание всемирной истории состоит в постепенном сознании духом своей свободы и в постепенном ее осуществлении. Поэтому вся история делится на моменты, соответствующие фазисам развития этого сознания свободы и успехам ее осуществления. Прежде всего Гегель делит историю на три главных момента: *Восток*, *классический мир* и *мир новогерманский*. Всемирный дух на Востоке еще не сознает своей свободы, так сказать погруженный в человеческую массу; он находится там под

гнетом деспотизма — религиозного и политического. В классическом мире дух этот сознает свою свободу, но он еще не успевает вполне осуществить ее; потому сознание свободы проявляется только в ограниченных формах. В новогерманском мире всемирный дух не только сознает свою свободу, но и вполне ее проявляет; вот почему новогерманский мир есть последний фазис развития духа, состояние его зрелости. Гегель имел неосторожность даже закончить историю. Этот прогресс духа и формулирован у Гегеля в известных трех положениях: на Востоке свободен один, все прочие — рабы; в классическом мире свободны некоторые, но не все; в новогерманском мире свободны все. Но и каждый из указанных трех главных моментов в свою очередь подразделяется на несколько частных. То состояние, когда дух еще только стремился к сознанию свободы, выразилось в исторической преемственности древнейших народов: китайцев, индусов и персов; состояние сознания свободы при неполном ее осуществлении выразилось в последовательной смене эллинов, римлян и... (тут нет народа, а есть цивилизация) и христиан; точно так же и процесс осуществления свободы выразился в трех моментах развития германских племен: до Карла Великого, в средние века и в новое время. Таким образом, всемирная история представляет последовательный переход всемирного духа от одного народа к другому; история этих народов, преемственно посещенных⁴¹ всемирным духом, и составляет⁴² содержание всемирной истории. Прочие народы, обойденные всемирным духом, имеют лишь служебное отношение к тем, в которых витал всемирный дух; у этих народов есть свои дүхи, но они не самостоятельны; они, как выражается Гегель, окружают трон всемирного духа, служа исполнителями его воли.

Вот в коротких и потому недостаточно ясных чертах содержание теории Гегеля. Согласно с началом, положенным в ее основание, ее можно назвать в отличие от телеологической логической или, если угодно, метафизической. Я изложил эти теории только для того, повторю, чтобы они нам осветили то темное пространство, в котором надо искать явлений общего исторического процесса, если только этот процесс существовал и существует; поэтому мы должны на минуту остановиться, чтобы определить отношение этих теорий к задачам исторического изучения.

ЛЕКЦИЯ
XII

ОТНОШЕНИЕ ЭТИХ ТЕОРИЙ К ЗАДАЧАМ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

ОТНОШЕНИЕ ЭТИХ ТЕОРИЙ К ЗАДАЧАМ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ. Нам нет надобности разбирать философские основания изложенных историко-философских теорий; нам нужно только определить их отношение к историческому изучению, его задачам и приемам. Изложенные теории, как вы согласитесь, представляют очень смелые попытки понять смысл истории; но эти теории являются прикладными частями какой-либо общей теории бытия, его происхождения и целей. Телеолог, например, исследуя задачи или цели, к которым предназначено человечество, может или даже должен показать, как эти задачи вскрываются в истории человечества; точно так же метафизик, изучая сущность духа, естественно, желает видеть, как этот дух обнаружился в конкретных, т. е. исторических, явлениях. Значит, теории телеологическая или логическая смотрят на историю с точки зрения, которая лежит вне области истории, подкладывают под исторические явления начала, не из них выведенные и царствующие на более обширной территории, чем история, выражаясь образно, как выражается Гегель. Провидение управляет не одним историческим процессом, оно правит бытием вообще; абсолютный дух есть нечто более абстрактное, чем тот конкретный человеческий дух, который доступен наблюдению историка, т. е. человеческая личность. С другой стороны, не все исторические явления укладываются под эти теории — телеологическую и логическую; телеолог сознается, что в истории есть много явлений, ненужных для целей провидения. Гегель строит свой исторический процесс на преемстве немногих народов, в которых обитал всемирный дух; вассальные отношения духов других народов ко всемирному, как вы видите, есть или риторический оборот, или публицистический намек на ожидаемого германского императора. Значит, обе теории, с одной стороны, шире, а с другой — уже истории; они не совпадают с историей, хватают то дальше ее, то не захватывают всей ее области, вообще; входят в нее клином. Они могут иметь такое же отношение к истории, как и к естествоведению; моралист может и природу включить в число средств, помощью которых человечество придвигается к предназначенным

ему целям. Наши древние летописцы и изображали природу как историческое орудие в руках провидения: нужно дать знать обществу, что пора ему свернуть с греховного пути, и является какое-нибудь поразительное знамение небесное — комета, мор, неурожай и т. д. Точно так же и метафизик указывает в жизни природы такие же точно моменты развития, как и в жизни человечества, ибо природа есть тот же абсолютный дух, только в состоянии вне-себя-бытия. Но в физике есть закон, в силу которого времена качаний маятника пропорциональны квадратным корням из его длины; как вывести этот закон из провиденциальных целей или логического процесса развития природы? Точно так же и в истории наблюдаем явления юридического характера в области права: в материнском роде наследство передается племянникам или племянницам помимо собственных сыновей и дочерей; как вывести это явление из провиденциальных целей или логического процесса развития всемирного духа? Оба эти явления, и физическое и историческое, вероятно, не отрицают ни провиденциальных целей, ни логического процесса; но мы не видим связи между теми и другими порядками явлений, ни логической, ни другой, не видим даже противоречия. Притом обе теории не объясняют вполне даже собственно исторических положений, что делает их для нас очень неудобными. По теории Лорана, даже слепые страсти человека ведут его к божественным целям; провидение даже из зла извлекает добро. Но если так, то телеолог разрушает свое собственное основание: для телеолога качество всего определяется результатами, т. е. целями; следовательно, зло, ведущее к добру, не есть зло, а есть добро. Точно так же невозможно согласить теорию Гегеля с его некоторыми положениями. Он совершенно справедливо кладет в основание философии истории положение, что разум господствует в истории; мы можем понять, что́ разумеется под этим разумом, припомнив общий, логический процесс развития абсолютного; разум — это теоретический, или субъективный, т. е. мыслящий, дух. Но большинство народов во все исторические процессы оставались вне действия этого разума. Каким образом может царствовать разум в истории, когда большинство народов ему не покорялось? В таком случае царствует неразумие, ибо сам Гегель признает значение числа и количества как категорий, имеющих место и в историческом процессе; так последний германский момент этого исторического процесса состоит только в количественном расширении свободы, сознанной уже в

классическом мире. Если так, то история разумных народов не обнимает всего исторического процесса, а является только счастливой случайностью, историко-философским анекдотом. Чтобы определить отношение этих исторических построений к задачам исторического изучения, теперь припомним эти задачи.

Изучая развитие естественных союзов, мы заметили, что довольно трудно отыскать такое первобытное общество, которое бы, одиноко развиваясь, прошло весь ряд фазисов развития, весь ряд естественных союзов, преемственно сменявшихся; прежде чем это общество доживало до момента, когда оно из естественного союза превращалось в искусственный, его уединенное развитие уже прерывалось столкновением с другими союзами. Искусственные союзы и развивались уже не одиноко, а в этом общении; общение это постепенно расширялось: на доступном нашему наблюдению историческом поле в каждый период мы видим уже несколько союзов, связанных общею жизнью, взаимными отношениями, столкновениями, интересами, мыслями, понятиями; в каждый дальнейший период круг таких взаимосвязанных союзов все расширяется. Союзы, приходя в соприкосновение, действуя друг на друга, вследствие этого взаимодействия изменяются. *Как они изменяются, т. е. как действуют разные союзы друг на друга, приходя в соприкосновение? Вот один вопрос, касающийся общего исторического процесса.* С каждым новым историческим моментом расширяется круг взаимосвязанных обществ; в последовательном своем развитии этот все расширяющийся круг представляет все новые исторические формации, т. е. все новые сочетания исторических элементов. *Есть ли какая-нибудь преемственная связь между сменяющимися сочетаниями элементов общежития в этом кругу союзов, живущих общею жизнью, постепенно расширяющихся?* Вот другой вопрос исторического изучения, касающийся общего процесса.

Теперь припомним изложенные исторические теории. Как они отвечают на эти вопросы и отвечают ли? Телеолог говорит: историю направляет провидение; цели, к которым направляет оно человечество, составляют содержание истории. Это совершенно справедливо; как скоро есть идея провидения, иного смысла в истории и быть не может. Но это не то, что нам нужно для решения указанных вопросов; это ответ на другой вопрос. Метафизик говорит: история не есть история народов, союзов и т. д., а есть логический процесс развития всемирного

духа, сознающего свою свободу и ее осуществляющего. Опять не то, что нам нужно, хотя это совершенно справедливо; если в историческом процессе действует дух человеческий, он и не может иначе развиваться, как только по-гегелевски. Обе теории — телеологическая и метафизическая — показывают нам, откуда идет история и куда она направляется; но процесс заключает в себе понятие движения, и процесс поэтому можно назвать исторической механикой. Главный вопрос здесь, как совершается движение, а не откуда оно пошло и куда идет. Откуда пошло движение? Это вопрос, касающийся момента, предшествующего началу движения, а так как поле исторического наблюдения ограничивается этим движением, то этот вопрос лежит вне этого поля. Точно такое же значение имеет для нас и вопрос: куда? Цель потому и цель, что она не достигнута; как скоро цель достигается, она перестает быть целью и превращается в факт. Поле исторического наблюдения определяется продолжаемостью движения следующих один за другим моментов; где это движение прекращается, там явления лежат вне поля исторического наблюдения. Поэтому историк, оставаясь оным и не усвоив себе не принадлежащего ему звания, т. е. не пытаясь разрешить задач, не подлежащих его разрешению, не может исследовать ни начала исторического процесса, ни конца его. Процесс есть само движение; изучающий его (процесс) должен исходить из вопроса: как совершается это движение? Я хочу сказать, что философия истории и история — это две различные сферы ведения, которые никогда не сойдутся; здесь господствуют различные начала и различные методы изучения: философия истории есть философия, а не история; история, следовательно, должна быть сама собой, не переходя в философию; это касается, как я сказал, приемов изучения истории: историческое изучение не должно быть философским, если оно хочет оставаться историческим. Задача исторического изучения гораздо скромнее тех, какие ставит себе изучение философское. Она и ограничивается указанием доступной наблюдению связи и преемственности явлений, не восходя к исходному пункту этих явлений и не спускаясь к конечным их целям. Так понятая, эта задача должна указать основные моменты исторического процесса.

ЛЕКЦИЯ XIII

ТРИ МОМЕНТА ОБЩЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА. ПЕРВЫЙ МОМЕНТ.
ВТОРОЙ МОМЕНТ. ТРЕТИЙ МОМЕНТ

ТРИ МОМЕНТА ОБЩЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА. Явления, составляющие общий исторический процесс,—двух порядков: один ряд явлений касается того, как изменяются сочетания элементов общежития, подвергаясь действию сторонних сочетаний (первый момент) или вбирая в себя элементы разрушающихся сочетаний (второй момент); другой ряд явлений обнаруживается в преемственной смене различных общественных формаций (третий момент).

Моменты эти—не исторические периоды, а частные процессы, из которых слагается общий; этих процессов можно указать три.

ПЕРВЫЙ МОМЕНТ. Первый мы назовем *общением* или *столкновением* союзов. Под первым термином мы разумеем мирное соприкосновение встретившихся союзов, под вторым—соприкосновение враждебное. Впрочем, как при мирном, так и при враждебном соприкосновении происходит одинаковый процесс во встретившихся союзах; он состоит в том, что *изменяется взаимодействие элементов общежития в каждом союзе*, но не изменяется состав общежития, т. е. наличное количество этих элементов. Это изменение взаимного отношения наличных элементов происходит оттого, что столкновение с другим союзом сообщает усиленное развитие одним элементам на счет других. Так, нам известно, что союз, подвергшийся внешней опасности при встрече с другим, более сильным союзом, напряженно развивает в своей среде те элементы, которые необходимы для внешней обороны; именно столкновение усиливает власть, извлекает из общества наверх людей, наиболее способных к борьбе, образует из них особый класс, чем ускоряется сословное деление общества, усиливается в нем развитие юридического неравенства; словом, внешняя опасность дает усиленное развитие праву. Временные или местные условия сообщают неодинаковую скорость и неодинаковые формы этому усиленному развитию права; например, если внешняя опасность, происшедшая от встречи союза с другим, неодинаково чувствуется всеми частями союза слабейшего или подвергшегося нападению, то власть, усиливаясь, локализуется; если все части союза одина-

ково чувствуют внешнюю опасность, [то] власть, усиливаясь, централизуется. В первом случае части, наиболее подвергающиеся опасности, уединяются от тех, которые менее ее чувствуют, создают в себе местные центры власти; так было на Западе, когда западноевропейские общества подвергались внешним нападениям со многих сторон: со стороны скандинавских пиратов, со стороны сарацин и пр.; следствием этих внешних опасностей была феодальная формация государственной власти, т. е. ее местное дробление. Почти то же было и в нашей истории в продолжение первых известных ее веков — X, XI, XII: опасность, особенно сильно почувствованная южными областями, повела к политическому областному дроблению земли под руководством местных князей и главных областных городов. Напротив, в позднейшие века, когда опасность, шедшая и с юго-востока (из степей), и с северо-запада (со стороны Швеции, Ливонии, Литвы), стала одинаково чувствоваться всеми частями тогдашней Русской земли, власть сосредоточилась в Москве, централизовалась. Примеры усиленного развития одного или нескольких элементов на счет других представляет нам история европейских колоний, возникших со времени открытия Нового Света; здесь не союзы, встреченные в Новом Свете, а физические его особенности подействовали на союзы Старого Света; действие это всюду обнаружилось в усиленном развитии движимого капитала. Самый характерный и яркий пример блестящего, но кратковременного и чисто искусственного развития одного этого элемента на счет других представляет, например, колониальная история Голландии; все ее узенькое историческое содержание и вся ее минутная роль в истории созданы были этим усиленным развитием одного материального элемента на счет других.

ВТОРОЙ МОМЕНТ. Второй момент мы назовем *поглощением* или *слиянием*. Этот момент обыкновенно есть продолжение предыдущего. Союзы, встретившиеся мирно или враждебно, вследствие дальнейшего развития мирных или враждебных отношений часто сливаются, но слияние это обыкновенно сопровождается поглощением одного слабейшего союза другим, сильнейшим; поглощение это сопровождается тем, что сочетание элементов в поглощаемом союзе разрушается, но самые элементы входят в состав поглощающего союза. Таким образом, изменяется самый состав общежития, становясь сложнее: являются два языка, два права, два порядка обычаев, нравов и понятий и т. д. Процесс

слияния этих встретившихся элементов не одинаков, смотря по тому, как произошло поглощение; в этом отношении особый процесс совершается, когда поглощение совершилось посредством простого территориального присоединения одного союза к другому, и особый процесс можно наблюдать, когда это поглощение совершается посредством вторжения сильнейшего союза в среду слабейшего. В историческом изучении история Рима всегда останется лучшим поприщем для наблюдения того или другого процесса; ход изменения римского общества под влиянием его завоеваний всего нагляднее представляет нам условия и результаты поглощения, совершающегося посредством территориального присоединения; ход разложения Римской империи, сопровождавшегося вторжением чуждых племен, варваров, в различные ее провинции, — лучший предмет для наблюдения хода условий и результатов поглощения, совершающегося посредством вторжения.

ТРЕТИЙ МОМЕНТ. Третий момент мы назовем *исторической передачей*. Путем общения одного союза с другим и поглощения одного другим постепенно расширяется круг союзов, находящихся в постоянных взаимных сношениях: к союзам, встретившимся первоначально, постепенно присоединяются другие; так образуется группа союзов, которые по мере усиления взаимных сношений начинают жить общей жизнью. С течением времени союзы, первоначально вошедшие в этот круг, под действием разных обстоятельств выпадают из него, в то время как другие вступают в этот круг; отпавшие начинают жить изолированной жизнью или входят в новый круг союзов, который с первым не имеет общения или имеет общение очень слабое; между тем оставшиеся в первом кругу союзы продолжают развивать полученное от тех союзов, которые уже выпали из круга, и т. д. Формы общежития, сложившиеся в кругу этих союзов, живущих общею жизнью, пошли от начала, заимствованного от более ранних членов этого круга, но на высшей ступени развития они начинают оказывать обратное действие, влиять на общежитие членов более древних, но отставших. Вы легко догадаетесь, какие процессы я разумею. Культура эллинов, какою мы ее знаем на высшей ступени ее развития, завязалась под влиянием, шедшим с Востока, а потом оказала могущественное обратное действие на свою родоначальницу — культуру Востока. Таким образом, замечаем двойное течение в общем историческом процессе; он не остается на одних и тех же пунктах, только расширяясь; расширя-

ась, он передвигается географически. В известное время общая жизнь сосредоточивается в Передней Азии и постепенно захватывает южноевропейские острова; а потом эта общая жизнь сосредоточивается на этих островах, распространяясь на Среднюю Европу, но уже не все части Передней Азии входят в круг союзов, живущих общою жизнью. Арийцы некогда жили несомненно общою жизнью; древнейшие основания и формы этой жизни мы наблюдаем в памятниках древних индусов; но дальнейшее развитие этих начал совершалось уже без всякой связи с Индией, и только теперь, т. е. в последние века, культура, вошедшая из индийских источников, возвращается к индусам в такой форме, в какой они даже усвоить ее себе не могут. Так, исторический процесс обнаруживается в географическом перемещении. Вместе с этим мы замечаем последовательное изменение форм и начал общежития, совершающееся при этом географическом передвижении; в кругу союзов, живущих общою жизнью, обнаруживаются известные одинаковые явления; происходит обобщение жизни в среде этих союзов; политические, общественные и другие формы, политические, общественные и другие понятия одного союза все более приближаются к формам в понятиям другого; эти одинаковые явления — продукт общей жизни союзов, их бы не было при жизни уединенной. По этим общим явлениям можно составить себе понятие о культуре известного исторического периода; так, определенное понятие имеем мы о культуре древнего Востока, сводя и обобщая сходные явления местной цивилизации (египетской, ассирийской и т. д.). Точно то же наблюдаем мы и в дальнейшие периоды. Мы имеем определенное понятие о культуре античной, и черты этой культуры мы встречаем на той территории, где некогда росла культура Востока; но сравните обе: это не только две местные формации общежития, но они — последовательные ступени человеческого развития. Итак, вместе с географическим перемещением процесса мы замечаем и историческое движение. В этих двух частнейших моментах и обнаруживается действие исторической передачи.

Географическое перемещение есть факт слишком очевидный. Историческое движение в значительной мере есть историческая, или научная, проблема; оно легче чувствуется, чем доказывается. В чем оно состоит? Очень часто это историческое движение характеризуется названием исторического прогресса. Вы легко заметите разницу между обоими терминами: движение (то же, что процесс) и прогресс; первое есть простое механическое понятие, не

квалифицированное, второй термин представляет квалификацию движения, разумея движение к лучшему, последовательный успех общежития. Этот успех как факт и подлежит сомнению, не имеет достаточной очевидности, утверждается одними и отвергается другими. Мы сейчас увидим, что действительно этот термин не выражает действительного хода исторического развития, а схватывает только отдельные его моменты. На разборе этого понятия я остановлюсь только для того, чтобы яснее представить действительное содержание исторического движения, точнее обозначить, что передается в общем движении истории человечества от одних союзов к другим.

ЛЕКЦИЯ XIV

ТРИ МОМЕНТА ОБЩЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА (ОКОНЧАНИЕ).
ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД

Самое простое определение *исторического прогресса*, какое встречаем мы в исторической литературе, выражает ту мысль, что по мере развития человечества людям становится лучше жить. Но это не факт, а благожелание; может быть, это правда, но она никогда не может быть доказана, потому что нет научного орудия, которое бы могло ее доказать. Сравнимые моменты общежития никогда не могут быть определены с этой стороны, ибо нет исторического термометра, которым бы точно был определен градус температуры в тот или другой момент исторического развития; мы не знаем, как жилось древнему гражданину античного города или как жилось какому-нибудь древнему индусскому шатрию; может быть, они чувствовали себя лучше, чем мы, может быть, хуже; это «может быть» никогда не будет устранено научно при оценке исторического движения. Итак, в определении прогресса является не уловимый научными средствами признак. Гораздо осязательнее другие признаки. Человеческое общежитие слагается из двух параллельных процессов: из успехов общественной свободы и из успехов личного сознания; оба эти процесса можно уловить по историческим явлениям, но в этих параллельных течениях нет прогресса, а есть постоянные перерывы. Общественная свобода то расширяется, то суживается, и личное самосознание то поднимается, то падает. Первые века, следовавшие за разрушением Римской империи в Европе, несомненно, представляют громадный шаг назад как в

развитии общественной свободы, так и в развитии личного сознания. Итак, исторический прогресс есть термин, который ничего не определяет в ходе исторического движения; излагая основания исторического метода, мы, однако, вернемся к этому термину, чтобы показать, какое смутное чувство лежит в его основании.

Что передается одним союзом другому или одной формацией общежития другой? Прежде всего люди одного общества охотно усваивают *жизельские удобства*, выработанные другим; усвоение это совершается легко, независимо от строя того союза, который усваивает эти чужие удобства. В связи с этим легко усваиваются знания; знание, выработанное высокообразованным обществом, может быть усвоено отдельными личностями общества, очень низко стоящего. Менее удобны для передачи *искусства*; однако и они могут пересаживаться на почву, очень мало для них подготовленную, путем отдельных усилий, искусственных поддержек: как можно сравнивать древнее киевское общество XI—XII вв. с современным ему обществом византийским? А русские иконописцы превосходно усваивали от греческих учителей фресковую живопись, остатки которой мы находим на стенах древних соборов. Итак, историческое движение представляет последовательный процесс передачи и накопления *жизельских удобств, знаний, художественных произведений, приемов художественной техники. И чувства, верования, понятия* без особенного труда переселяются из одного времени в другое, как из одного союза в другой. Некоторые наблюдения говорят о легкой распространяемости религиозных понятий; древний мир завершился соединением всех местных религиозных систем в одном культе; вся история христианства доказывает то же самое. Теперь припомните другой ряд элементов и форм общежития; *право, формы власти, политические учреждения* никогда не переходят целиком из эпохи в эпоху, из союза в союз. Были попытки искусственного, механического усвоения чужих политических и юридических форм; эти попытки были только историческими опытами, чрезвычайно драгоценными для нас, ибо они доказывают только невозможность перенесения этих элементов; под чуждыми влияниями политические и юридические формы и отношения изменяются, но они не переносятся. Точно так же не переносятся *предания и обычаи*; они встречаются и борются, вследствие борьбы сближаются и иногда сливаются, образуя из себя новые обычаи и предания; но просто механически они не пересаживаются с места на место.

Обратите внимание на свойства тех и других элементов, легко передаваемых и не способных к перемещению хронологическому и географическому. Житейские удобства суть результаты успехов знания; знания, чувства, религиозные верования и искусства суть продукты духа человеческого, т. е. *человеческой личности*. С другой стороны, политические формы, право, обычаи, предания — все это продукты другой исторической силы — общества. Итак, можно, кажется, сказать, что к исторической передаче особенно способны те элементы общежития, которые являются продуктами уединенной силы — *личности человеческой*; неподатливыми к передаче являются продукты силы, которую мы называем *обществом*. Общество, можно сказать, не играя терминами, есть сила, наименее способная к общению; это объясняется большей сложностью процесса, которым развиваются и усваиваются право, обычаи, предания; вот почему они и усваиваются труднее.

Теперь можно поставить вопрос: историческая передача, вооружая новое общество средствами развития, выработанными в прежнем, ускоряет и усложняет его развитие; представляет ли смена этих формаций общежития какую-нибудь последовательность? Я сказал, что можно составить себе определенное понятие о культуре древнего Востока, античного мира, средних веков и так ближе к нам; можно точно и подробно обозначить особенности всех этих культов; но есть ли какая-нибудь последовательная внутренняя связь между ними? Можно ли определить, что античная культура следовала за древней — восточной — как последовательный момент развития, шедшего в том же направлении, в каком это развитие после античной культуры привело человечество к культуре средневековой? Это и есть важнейший вопрос в изучении исторического процесса; это и есть задача, к разработке которой направлено историческое изучение, и метод этого изучения имеет теснейшую связь с этой задачей. Отвечая на этот вопрос, мы можем сказать, что искомая последовательность может быть найдена; она открывается явлениями, доступными наблюдению. Возьмем частный процесс, т. е. отдельное течение общего процесса; именно посмотрим, из каких единиц слагался искусственный политический союз в последовательной истории союзов, живших общею жизнью? Государство есть союз, но составные единицы в нем не всегда одинаковы; эти составные единицы суть те частные союзы, на общении которых и зиждется государство. Из каких единиц слагалось *древнее*

*восточное государство? Из племен; древнее восточное государство — либо единое племя, либо союз племен, сохранивших свою племенную обособленность с особенным упорством; то были союзы, чрезвычайно трудно поддававшиеся искусственному раствору. Возьмем античное государство — то, что называлось *полес* или *civitas*. Это союз чего? Родов, и притом родов как женских, так и мужских. Исследование свойств античных родовых союзов показало, например, что античная фамилия — это род мужской, патриархальный, а *gens* или *γένος*, слагавшийся из этих патриархальных фамилий, имеет свое основание в женском родстве. Триба является той единицей, из постепенного дробления которой и вышли последовательные роды женские (*gentes*), а потом фамилии патриархальные, т. е. роды мужские. Итак, составной единицей античного государства был род. Какая была составная единица феодального государства? *Фамилия*, ибо фамилия — члены известного колена (старшего) — составляла власть в каждом феодальном местном мире. *Новоевропейское государство*, как известно, стремится к уничтожению и этой господствующей составной единицы; составной его единицей является *семья*. Как известно, государство той Европы, в которой мы живем, постепенно разрушает и этот союз, оттесняя его в сферу частной нравственной жизни и лишая его политического и юридического значения; новейшее государство далеко не достигло, но ясно обозначило свое стремление — разбить все общество на свободные, но одинокие лица, связав их в *искусственные новые союзы*. Итак, есть известная последовательность в общем историческом процессе, это доказывается одним частным течением, которое в нем заметно; это доказывается преемственной сменой составных единиц, союз которых образует государство. Припомните процесс местного развития естественных союзов; он имеет некоторое отношение к тому, который я сейчас изложил. Он состоит в постепенном выделении из предшествующего более крупного союза союзов более мелких; каждый последующий из этих союзов держался на более сложном сочетании элементов, чем предыдущий, и, чем сложнее становились эти сочетания, тем уже становились союзы; и чем уже они становились, тем делались они способнее к общению с другими союзами. Итак, местный процесс развития естественных союзов представляет нам постепенное образование союзов, все более мелких по своему составу, но все более способных к общению с другими союзами. Общий процесс развития искусственного обще-*

жития, т. е. государства, представляет нам *постепенное разрушение естественных союзов и в том же самом порядке, в каком эти союзы до государства развивались*. Итак, можно подозревать не только известную последовательность в общем историческом процессе, но и известную его логическую связь с предшествовавшими местными процессами естественных союзов.

Л[ЕКЦИЯ]

XV⁴³

ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД [ПРОДОЛЖЕНИЕ]

ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД. Теперь мы обратимся к изложению исторического метода. Это изложение будет состоять из выводов, извлекаемых последовательно из описания предметов исторического изучения; разнообразные эти предметы, как вы знаете, сводятся к тому, что мы называем историческим процессом. Методом, как вы знаете, мы называем совокупность приемов изучения известной отрасли человеческого знания. Приемы эти разнообразятся по характеру задач, какие ставятся изучению той или другой отрасли, а задача всегда определяется предметом изучения. Предмет исторического изучения—исторический процесс, т. е. ряд явлений, которыми он обнаруживается; так все понимают предмет исторического изучения. Но, понимая его одинаково, ставят различные задачи его изучению и по свойству этих задач разнообразят самые приемы изучения. Задачи, какие ставятся историческому изучению, чрезвычайно разнообразны; но я думаю, что научное значение могут иметь только две задачи, и поэтому в историческом изучении можно различить, по крайней мере при настоящем состоянии историографии, только два метода, за которыми можно признать научное значение.

ЛЕКЦИЯ

XVI

СУБЪЕКТИВНЫЙ МЕТОД. ОБЪЕКТИВНЫЙ МЕТОД. НАБЛЮДЕНИЕ

СУБЪЕКТИВНЫЙ МЕТОД. Видя в историческом процессе последовательную смену явлений, которые привели к современному состоянию

образованного человечества, одни останавливаются на этом состоянии и ставят задачей исторического изучения *его происхождение и постепенное образование*. Согласно с этой задачей определяются и приемы исторического изучения; эти приемы суть: *подбор явлений, оценка их и связь*. Из явлений исторического процесса изучению подвергаются только те, которые имеют близкое или отдаленное отношение к современному состоянию образованного человечества. Явления эти ценятся по своему отношению к тому же состоянию, т. е. по тому действию, какое они оказали на процесс образования того, чем живет современное образованное человечество. Связь, в какой рассматриваются эти явления, строго хронологическая, так как задача изучения состоит в том, чтобы проследить постепенный рост современной культуры. Легко видеть, какой характер получает историческое изучение при такой задаче и при таких приемах: оно превращается в рассказ о происхождении, развитии и накоплении всех тех учреждений, отношений, интересов, средств, удобств, обычаев, чувств, верований, знаний и идей — всего того культурного запаса, которым живет современное человечество. Задача такого исторического изучения выведена из той совершенно верной мысли, что точное и полное понимание современного состояния человечества невозможно без знания того, как оно сложилось, и что лучшее средство понять содержание современной культуры — это проследить ход ее развития. Но из этой мысли, из которой выведена задача исторического изучения, в свою очередь вытекают еще следующие заключения: так как знание истории нужно для того, чтобы понять современное состояние человечества, а изображение современного состояния человечества есть предмет статистики в широком смысле этого слова, то история получает значение пояснительного приложения к статистике. Далее, так как знание современного состояния человечества необходимо человеку для того, чтобы знать среду, в которой он находится, а знать эту среду необходимо, чтобы верно и добросовестно судить о том, как человеку надо действовать и к чему стремиться, то историческое изучение становится нравственно-педагогическим средством для человека, руководством для практической деятельности. Затем так как историческое изучение должно воспроизвести генезис известной культуры, а культур в современном человечестве несколько и все они существенно различаются между собою, то и выбор, и самая оценка исторических явлений неизбежно будут различны у исто-

риков, принадлежащих к различным культурам. Выбор и оценка явлений у историка-магометанина необходимо должны быть не те, какие встречаем у историка-христианина; приемы изучения историографии азиатской непременно должны отличаться от приемов изучения историографии европейской. Так как предмет исторического изучения служит происхождение и накопление известного культурного запаса, а этот запас по частям рассеян в отдельных умах и редко соединяется, даже едва ли когда соединяется весь в одном уме, то, следовательно, полнота исторического изучения неизбежно зависит от широты личного кругозора историка, который обыкновенно рассказывает, да и может рассказать, только то, что знает и понимает сам. Таким образом, историческое изучение превращается в историю индивидуальных мирозерцаний, становится чем-то похожим на культурную автобиографию самого историка, который воспроизводит генезис не всего содержания известной культуры, а только тех ее элементов, которые могли поместиться в его сознании. Все изложенные заключения, вытекающие из основной мысли излагаемого метода, сводятся к тому конечному выводу, что такое историческое изучение отправляется не от исторического явления, а от личного кругозора изучающего, т. е. не от изучаемого объекта, а от изучающего субъекта, и, следовательно, исходным пунктом изучения становится точка зрения изучающего. Поэтому такое изучение можно назвать субъективным и такой метод можно назвать *субъективным*. Легко представить, как разнообразны условия, определяющие точку зрения историка. Это разнообразие условий и сообщает капризную изменчивость приемам такого исторического изучения; исторические явления подбираются в изложении по личному усмотрению каждого. Точно так же они и ценятся. Один, например, придавая господствующее значение в истории общества отношениям экономическим, подбирает в прошедшем факты преимущественно экономической жизни; другой, приписывая такое руководящее значение формам политического быта, сосредоточивает свое внимание исключительно или преимущественно на устройстве управления и его формах. Историки обыкновенно получают литературно-философское образование и поэтому мало знакомы с математикой и с естествоведением; уделяя в своем изложении какое-нибудь место успехам знания, они обыкновенно опускают развитие знаний математических и физических.

ОБЪЕКТИВНЫЙ МЕТОД. Можно поставить и ставят историческому изучению другую задачу, более объективного характера. Можно принять за точку отправления в изучении истории не изучающий субъект, а изучаемый объект, исходя из того же самого взгляда на исторический процесс, на каком построены и субъективный метод. Можно видеть в историческом процессе последовательную смену явлений, подготовивших современное состояние образованного человечества. Но можно не останавливаться на этом состоянии как на чем-то твердом, ведь современное состояние, настоящее время — это также субъективное представление, которым обозначается не исторический факт, а только хронологическое отношение наблюдателя к известным историческим фактам, и в этом смысле понятие о современном состоянии, о настоящем времени — в значительной степени абстракция, т. е. фикция. В исторической действительности нет ни прошедшего, ни настоящего, а есть только непрерывное течение; едва наблюдатель успеет схватить своим наблюдением бегущую минуту, известные текущие явления, как схваченное им представление становится уже анахронизмом: оно отражает в себе уже не то, что идет, а то, что прошло; все наши представления о явлениях современного состояния человечества суть такие анахронизмы. Когда изучающий отрешится от этой фикции, которая заставляет его отличать современное состояние от прошедшего, когда он уверится, что всякие отдельные представления о явлениях современной жизни суть представления о тех же минувших фактах истории, тогда в историческом процессе перед ним останется как проблема, требующая его разрешения, не генезис известных исторических состояний, или формаций общежития, а самое историческое движение, последовательно создающее и разрушающее различные состояния, или различные формации, общежития. Это движение и останется задачей исторического изучения. Все отдельные культуры получают значение только отдельных явлений, в которых это движение обнаруживается. Итак, можно поставить задачей исторического изучения *самое историческое движение.*

Что входит в понятие движения? Силы, его производящие, свойства предметов, движимых этими силами, и порядок, или последовательность, самого движения. Для изучения всего этого не годятся приемы субъективного метода, или метод субъективного исторического изучения. Изучающему нет нужды подбирать явления, потому что

для него все явления суть обнаружения исторического движения; для него нет нужды и в сравнительной оценке явлений по их отношению к современному состоянию человечества, для него явление получает значение, насколько оно обнаруживает действие исторических сил, свойства исторических союзов или порядок исторического движения. Следовательно, явления он может различать только как меньшие или бóльшие удобства, как худшие или лучшие средства понимания. Для изучающего теряет свою важность даже хронологическая последовательность явлений, ибо при изучении действия сил, свойств людских союзов или последовательности движения важно не то, что после чего следует, а то, что из чего следует. Для такого изучения, которое в противоположность первому мы будем называть *объективным*, необходимы другие приемы изучения; этих приемов также три: *наблюдение явлений, сопоставление явлений и обобщение явлений*.

НАБЛЮДЕНИЕ. Наблюдением изучаются отдельные исторические явления. *Что такое историческое явление, т. е. какие обнаружения исторического процесса надобно принять за явления, всего более его вскрывающие?* Явления, которые мы знаем в прошедшем, не одинакового характера. Все эти явления можно разделить на несколько разрядов по логике их происхождения и по действию, какое они оказывали: именно, одни явления с первого взгляда представляются *случайными*, другие — *неизбежными* последствиями своих причин. Но еще Боссюэт заметил, что случайное явление есть нечто немислимое, что (говоря его словами) термином «случайность» мы только прикрываем собственное невежество, т. е. незнание причин, вызвавших случайное явление. В самом деле, каждое явление, кажущееся случайным, вызывается *достаточной причиной*, но достаточная причина — это причина, которая могла вызвать явление, могла его и не вызвать; явление, вызываемое достаточной причиной, следовательно, могло быть и могло не быть. Из них одни, вызванные достаточными причинами, не оказали заметного действия на ход дальнейших явлений; такие явления мы называем *приключениями, анекдотами*. Другие, будучи также вызваны достаточными причинами, оказали заметное действие на ход дальнейших явлений; такие явления мы называем *событиями*. Если вы представите себе содержание всего рассказа, излагаемого в каком-либо кратком руководстве по всеобщей истории, вы заметите, что

излагаемые там явления суть почти все события и частью анекдоты, т. е. все те явления, обусловленные достаточными причинами, явления, которые могли быть и могли не быть. Может ли изучение ограничиться такими явлениями? Чтобы оценить значение их, надо обратиться к наукам, стоящим на более твердой почве, чем история. И в природе есть события, т. е. явления, которые могут быть, могут и не быть; таковы нормальные явления, которыми сопровождается неравенство температуры в разных слоях, или сферах, воздуха,—это ветры; но неравенство это иногда становится ненормальным, т. е. более резким, чем обыкновенно, и тогда ветер превращается в бурю; вот эта буря и есть происшествие. Далее, действие электричества иногда обнаруживается в тех потрясениях, которые мы называем громом и молнией или тучей; такое явление может быть, может и не быть, но оно происходит только при особенном, т. е. ненормальном, сочетании сил; и это есть происшествие. Итак, и в природе есть события. Но представьте, если бы вся физика была составлена из явлений, подобных громоносным тучам, бурям, наводнениям; несомненно, во всех этих явлениях сказывалось бы действие физических сил, но действие, обнаруживающееся в особенных явлениях, без которых могла бы и обойтись природа; ведь физический порядок не разрушится, если не будет бурь, а останутся только ветры. События, совершающиеся в человечестве, и суть с научной стороны явления, параллельные бурям и наводнениям в природе; в них обнаруживается действие тех же сил, но только в формах, не вызываемых необходимо природой сил и законами их действия.

Итак, в природе есть явления, которые могут быть, но могут и не быть; с другой стороны, есть явления, которые не могут не быть,—это все те нормальные явления, которыми обнаруживаются действия физических сил; они не могут не быть, как скоро есть силы,—если их нет, нет и сил. Подобные явления есть и в истории; это те явления, которые вызываются *повелительной*, а не *достаточной* причиной, т. е. которые необходимы. Например, если люди в известном союзе прожили известное время, у них образуются предания и обычаи; если они некоторое время живут вместе и не расходятся, то между ними возникает право и т. д.; право, обычай, предание есть неизбежные явления соединенной жизни людей, продолженной известное время. Когда вы соберете подобные необходимые последствия своих причин или явления, вызванные повелительными историческими причинами, то

вы найдете, что эти необходимые явления все суть то, что мы назвали *производными* элементами общежития, что они составляют в своей совокупности быт. Явления, составляющие настоящий предмет исторического изучения, суть не приключения или события, а *быт*, который слагается из явлений необходимых, вызываемых повелительными историческими причинами; быт, т. е. производные элементы общежития,—понятия, нравы, привычки, право. Приключения почти не нужны в историческом изучении. События, т. е. явления, обнаруживающие действие причин только в ненормальных формах, могут быть предметом исторического изучения как вспомогательный материал или как замена быта, если последний неизвестен.

ЛЕКЦИЯ XVII

СРАВНЕНИЕ. ОБОБЩЕНИЕ

Наблюдением познаются отдельные явления; наблюдая явления, мы их анализируем; анализируя, открываем первичные элементы, которыми они произведены; расследуя эти элементы, видим их сочетания, т. е. состав общежития; разбирая их сочетания, замечаем их взаимные отношения, или взаимодействие элементов. Итак, *наблюдением познается состав общежития и взаимные отношения составных элементов.*

СРАВНЕНИЕ. Второй прием есть *сопоставление*, или *сравнение*, явлений. Этот прием состоит в объяснении разделенных пространством или временем явлений однородного характера посредством сравнения одних из них с другими. Прием этот так важен в историческом изучении и дал такие ценные результаты, что иные делают из него целый сравнительный метод, т. е. все приемы исторического изучения сводят к одному в чаянии, что им одним разрешатся все задачи исторического изучения. Но, преувеличивая значение этого приема, им и страшно злоупотребляют; наибольшее злоупотребление происходит от слишком буквального его понимания, т. е. от того, что задачей сравнительного приема считают доказательство сходства сравниваемых явлений. Замечая где-либо бледные следы известного историческо-

го факта или процесса, ищут, где бы этот факт или процесс обнаруживался явственнее и полнее, и, нашедши такой более очевидный факт или процесс, черты его подставляют под те бледные следы. Такой прием основывается на предположении, что если в истории одного общества встречаем явления, которые напоминают процесс, имевший место в истории другого общества, то, значит, под этими явлениями скрывается и весь этот процесс, и, перенося черты исторической жизни одного общества в историю другого, мы только восстанавливаем в этой последней факт, стертый временем или затерявшийся в архивах. Таким образом, сравнение становится только вспомогательным средством наблюдения, т. е. теряет характер особого приема изучения, который направлен к дальнейшему, более глубокому познанию явлений, уже изученных наблюдением. Предположение, на котором основано такое понимание сравнительного приема, или опасно, или бесполезно. *Опасно* потому, что может быть неверно и, следовательно, может ввести в ошибку; исторический факт или процесс, может быть, потому и оставил после себя только неясные следы, что зачинался, но не успел развиться; в таком случае реставрация его помощью однородного процесса, имевшего место в другое время или на другом пространстве,—такая реставрация может оказаться подделкой. Приведу один пример такой ошибки, наиболее характерный: Мэн в своей истории древних учреждений, исследуя процесс перехода союза родового в союз территориальный или в поземельную общину, отмечает различные моменты этого перехода. Он замечает, что передел земли между членами союза есть признак того момента его развития, когда кровная связь только что перемещалась на землю, т. е. когда кочевой род только что становился оседлым, и союз родства подменялся союзом поземельным—соседством; где, следовательно, есть передел земли между членами общины, там поземельная община является в своем первоначальном строе; где поземельный передел исчезает, там, следовательно, кровный союз заменяется уже союзом поземельным. Вступая в дальнейший момент своего развития, поземельная община индусов не знает уже земельных переделов, хотя члены общины и считают себя потомками одного родоначальника, т. е. родичами. Русская община еще хранит обычай поземельных переделов; следовательно, она должна быть древнее индусской. Надобно найти и основание этого признака, т. е. живое чувство кровного родства между членами общины. Мэн и постарался найти

это основание, услышав от кого-то, что русские крестьяне, составляющие поземельную общину, всегда считают себя родственниками. Так, сравнительный метод был причиной ошибки Мэна. Наша поземельная община, как известно, самая поздняя в мире и создана чисто искусственно, без всякого участия—действительного или фиктивного—традиций кровного родства; ее создали в XVII в. две чисто политические силы: помещик—крепостной владелец и дьяк финансового управления. Далее, если предположение, на котором основывается рассматриваемое понимание сравнительного метода, и безопасно, то оно все-таки *бесполезно*; бесполезно оно потому, что если не вводит в ошибку, то и не приводит ни к какому выводу. Положим, русская крестьянская община оказалась бы такой же родовой, как и индейская. Что же дальше? Перед глазами наблюдателя явилось бы вместо одной две родовые общины, т. е. вместо одного ископаемого экземпляра социальной формации два экземпляра, и только. Это открытие обогатило бы только коллекцию ископаемых древностей, а не запас исторических сведений; для исторического изучения все равно, повторяется ли факт один раз или два раза.

Совсем иными результатами сопровождается сравнительное изучение, когда мы ставим его целью изучение не сходства, а различия однородных явлений. Заметив это различие, мы спрашиваем о его причине; причину эту надо искать в особенностях среды, произведшей то или другое из сравниваемых явлений; изучая эти особенности, найдем, что однородные явления произведены одними и теми же элементами общежития, но вышли неодинаковыми потому, что самые общежития, в составе которых действовали эти элементы, непохожи друг на друга ни по своему составу, ни по взаимным отношениям составных элементов. Таким образом, изучение однородных явлений приведет к тому важному выводу, что одни и те же элементы общежития в различных сочетаниях и при неодинаковом взаимодействии действуют неодинаково, т. е. обнаруживают неодинаковые свойства своей природы.

Если наблюдением познается состав общежития и взаимные отношения составных элементов, то *познание свойств и способа действия элементов общежития в различных его составах и при различном взаимном отношении составных элементов есть цель сравнительного изучения.*

Понятно, какую цену имеет сравнение в историческом

изучении: *оно заменяет историку опыт естествоведа.* Никогда не достигнем мы того, чтобы история стала экспериментальной наукой, потому что у историка никогда не будет в руках того искусственного средства для познания свойства явлений, каким служит в руках естествоведа кабинетный опыт. Но у историка остается обширное поле наблюдений, на котором он может, выбирая, сравнивать явления; он может наблюдать один и тот же элемент общежития в различных сочетаниях и при различном взаимодействии составных элементов и, наблюдая, открывать в его природе разные свойства, видеть разные способы его действия.

ОБОБЩЕНИЕ. Третий прием исторического изучения есть *обобщение явлений.* Помощью этого приема историческое изучение углубляется еще в более сокровенные струи исторического процесса. Наблюдением познаются отдельные явления, сравнением изучаются однородные явления, обобщение устанавливает взаимоотношение всех явлений. Наблюдая отдельные явления, мы открываем составные элементы общежития; рассматривая действие этих элементов, встречаемся с первичными силами, направляющими жизнь человечества. Сравняя однородные явления, мы изучаем свойства и способы действия разных элементов. Исторические силы, направляя эти элементы общежития, приводя их в известные сочетания и в известные взаимоотношения, творят исторические тела, которые мы называем людскими союзами или общежитиями; эти общежития рождаются, растут и разрушаются, сменяя одно другое. Обобщение устанавливает внутреннюю последовательность, или связь, между хронологически сменяющимися союзами и приводит эту смену к основным началам, по которым она совершается. Если обобщение схватывает только внутреннюю последовательность, или связь, хронологических смен явлений, оно дает *историческую схему.* Если оно указывает начало, по которому совершается эта смена, оно дает *исторический закон.* *Обобщением явлений вырабатываются исторические схемы и исторические законы.*

изучении: оно заменяет историка опыт естествоведа. Никогда не достигнем мы того, чтобы история стала экспериментальной наукой, потому что у историка никогда не будет в руках того искусственного средства для познания свойства явлений, каким служит в руках естествоведа кабинетный опыт. Но у историка остается обширное поле наблюдений, на котором он может, выбирая, сравнивать явления; он может наблюдать один и тот же элемент общежития в различных сочетаниях и при различном взаимодействии составных элементов и, наблюдая, открывать в его природе разные свойства, видеть разные способы его действия.

ОБОБЩЕНИЕ. Третий прием исторического изучения есть *обобщение явлений*. Помощью этого приема историческое изучение углубляется еще в более сокровенные струи исторического процесса. Наблюдением познаются отдельные явления, сравнением изучаются однородные явления, обобщение устанавливает взаимоотношение всех явлений. Наблюдая отдельные явления, мы открываем составные элементы общежития; рассматривая действие этих элементов, встречаемся с первичными силами, направляющими жизнь человечества. Сравнивая однородные явления, мы изучаем свойства и способы действия разных элементов. Исторические силы, направляя эти элементы общежития, приводя их в известные сочетания и в известные взаимоотношения, творят исторические тела, которые мы называем людскими союзами или общежитиями; эти общежития рождаются, растут и разрушаются, сменяя одно другое. Обобщение устанавливает внутреннюю последовательность, или связь, между хронологически сменяющимися союзами и приводит эту смену к основным началам, по которым она совершается. Если обобщение схватывает только внутреннюю последовательность, или связь, хронологических смен явлений, оно дает *историческую схему*. Если оно указывает начало, по которому совершается эта смена, оно дает *исторический закон*. Обобщением явлений вырабатываются *исторические схемы и исторические законы*.

ЛЕКЦИЯ XVIII

ИСТОРИЧЕСКИЕ СХЕМЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СХЕМЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ. Итак, историческая схема отвечает на вопрос: *в каком порядке сменяются явления?* А исторический закон есть ответ на вопрос: *почему они сменяются в таком порядке?*

Излагая исторический процесс, мы уже имели случай вывести одну историческую схему. Она указывает порядок, в каком шло развитие естественных союзов; процесс этого развития, как мы видели, представляет постепенное выделение из союза предыдущего — союза, обнимающего своими связями все меньшее количество наличных людей и сменяющихся поколений, но все более способного к общению с другими союзами. Это — схема. Если бы мы нашли ответ на вопрос, чем определяется такой процесс развития естественных союзов, мы бы нашли закон развития естественных союзов. Большая часть исторических законов, какие выведены в историографии, суть исторические схемы, притом даже недостаточно обобщенные, обнимающие не все явления. Для примера приведу три исторических закона, которые под этим названием выводятся, например, в одной философско-исторической книге Одис Баро — «Письма о философии истории»⁴⁴. Он выводит три закона, определяющие, собственно, развитие национально-политических союзов. Первый закон: «*Национальность — это бассейн*» («*Une nationalité, c'est un bassin*»), т. е. национальные тела всегда складываются в пределах речного бассейна. Так бывало часто, но не всегда, притом эта формула указывает, как бывало — как складывались национальности, но не указывает, почему они так складывались. Итак, это схема, а не закон. Такого же характера и второй закон, или вывод: «*Граница национальности — это гора*» («*Une frontière, c'est une montagne*»); все остальное не может быть границей национальности. Опять это схема, определяющая отношение населения к природе страны, показывающая, как или чем определяются географические границы национальности, но не показывающая, почему они так определяются. Еще дальше от закона третья формула, которую автор также называет законом, выражая его несколько многословно: «*Мир колеблется между двумя системами обществ —*

между обществами простыми и сложными; между национальностями естественными и союзами искусственными; между народами, имеющими границы, и нациями, границ не имеющими; между порядком мелких государств и порядком крупных империй» («Le monde oscille entre deux systèmes de sociétés: les sociétés simples et les sociétés composées; les nationalités naturelles et les agglomérations artificielles; les peuples à frontières et les nations sans frontières; le régime des petits États et le régime des grands empires»). Это даже и не схема, а воспоминание о некоторых моментах исторического развития.

Итак, исторический закон есть начало, управляющее сменой исторических явлений. Это общее определение закона, выведенное диалектическим путем и потому проблематичное: если существуют законы в истории, то они должны быть такими началами. *Но существуют ли они?* Чтобы ответить на этот вопрос, надобно логически вывести понятие об историческом законе из свойства явлений, которыми он управляет. Составная единица человеческого общежития как исторического союза есть человек — существо мыслящее и сознающее. Как такое существо он есть предмет психологии. Поэтому одни думают, что все исторические явления суть, собственно, явления психологические. Так, Тэн считает возможным вывести исторические явления из законов ума и потому называет историю прикладной психологией. Но есть исторические явления, которые нельзя объяснить исключительно процессами, совершающимися в духовной жизни отдельного человека. Таков язык: как способность он есть явление психологическое, но как средство общения, как грамматическая и лексическая система он есть произведение человеческого общежития; совершенно уединенный человек не имел бы ни потребности в нем, ни возможности создать его. Таково же и право: идея права зарождается только с момента встречи лица с лицом. Поэтому другие поправляют Тэна, говоря, что исторические явления бывают или психологические, или социологические. Многие ограничивают классификацию исторических явлений этими двумя категориями. Но если уж распределять все исторические явления по их источникам или производителям, то следует прибавить к этим категориям две другие. Во-первых, в числе исторических явлений есть такие, которые не объясняются ни социальными, ни психическими процессами, а имеют свой корень в физической природе человека. Таков факт нарождения: как разность, выражающая перевес количества рождений над количеством смертей,

оно есть явление физиологическое. Таково же количественное отношение полов в составе общества: в иных местах оно нарушается искусственно, но при нормальном ходе нарождения колеблется слабо, и не заметно его связи ни с психическими процессами, ни с социальными условиями. Во-вторых, и внешняя природа, окружающая человека, не остается только обстановкой его деятельности, а является деятельным фактором в очень важных исторических явлениях, особенно экономических, в истории народного хозяйства, вообще в ходе накопления капитала и т. п. Как продукт человеческого труда капитал—явление частью психологическое, частью физиологическое; но как вещество, произведенное силами природы и только приспособленное к потребностям человека, он есть явление физическое. Направление и степень напряжения народного труда, выбор естественных богатств для разработки указываются всего более природой страны. Итак, к психологическим и социологическим явлениям в истории надобно прибавить еще явления физиологические и физические, и тогда получится ровно столько же категорий исторических явлений, сколько есть исторических сил, их производящих, что и требовалось доказать или, говоря прямее, чего вовсе не стоило доказывать.

Но если все исторические явления или психологические, или социологические, или физиологические, или физические, то спрашивается: насколько же они исторические? Ведь физиолог, изучая отправления человеческого организма, вовсе не думает, что он изучает отдел истории. Каждая историческая сила служит предметом особого специального, не исторического изучения. Есть ли границы между этим специальным изучением и общим историческим? Каждая историческая сила есть особый мир, хотя и незамкнутый, у которого своя природа, свои законы и элементы, свой особый строй. Но этого строя они достигли не сразу: они тоже развивались, изменялись, т. е. имели свою историю, прежде чем достигли состояния, в каком застаёт их современный наблюдатель. То, что есть в них постоянного,—их свойства, законы и элементы—все это составляет предмет специального изучения; все изменяющееся—взаимные отношения их элементов, их действие, строй—это принадлежит истории. Тэн ставит такое смелое положение: «Как астрономия есть в сущности механическая задача, а физиология—задача химическая, так и история есть в сущности только психологическая задача». Но с такой же справедливостью

можно сказать и наоборот, что и психология в значительной мере есть задача историческая. Разве дух первобытного человека работал так же, как он работает в современном человеке, которого коснулись успехи цивилизации?

Психический аппарат, если можно так выразиться, всегда оставался один и тот же, но действие его изменялось: способности приходили в различные сочетания; степень напряженности тех или других психических отправлений то падала, то поднималась по мере накопления опыта, знания, предания. Современный так называемый культурный человек в своем духовном обиходе живет не столько своими собственными непосредственными восприятиями, сколько воспоминаниями и впечатлениями, усвоенными им посредством тех многочисленных искусственных прививок, помощью которых понятие или знание становится достоянием умов, его не вырабатывавших. Итак, духовная жизнь современного человека, т. е. современная психология, в значительной мере есть также продукт истории. То же самое, только не в одинаковой степени, было и с другими историческими силами. Разве внешняя природа, окружающая человека, не испытала на себе действия его рук и ума?

Каждая историческая сила действует по неизменным законам, соответствующим ее природе. Понятие о закономерности действия неразрывно связано с понятием о силе, необходимо предполагается последнею: сила, не подчиняющаяся законам в своем действии, есть нечто немислимое, есть логический абсурд. К числу этих законов относятся и законы изменения или развития силы исторической. Есть ли это развитие необходимое требование самой природы исторической силы, т. е. одно из коренных свойств ее? Ответить на этот вопрос не дают возможности средства исторического изучения. В исторической жизни ни одна сила не действует совершенно одиноко, независимо от других сил, как заставляет действовать силы природы физик в своей лаборатории. Историческому изучению открыт лишь тот общий факт, что развитие каждой из исторических сил есть следствие их взаимодействия, которое, как и действие каждой из них, так же подчиняется известным законам. Но так как все исторические явления суть произведение этого взаимодействия, то исторические законы и надобно понимать как *законы взаимодействия исторических сил*. Таково логически выведенное из характера исторических явлений понятие об историческом законе.

Значит, исторические законы не психологические, не физиологические, не физические или социологические; но они и не чужды ни тем, ни другим, ни третьим, ни четвертым по свойству явлений, которыми они управляют. В истории есть явления психологические, но они преломляются под действием условий социологических, физиологических и других. Есть, далее, явления социологические, но они также усложняются, преломляясь под действием условий психологических и других. Это преломление и есть следствие взаимодействия исторических сил. Словом, исторические законы можно назвать законами сложения исторических сил. Поясним это примером.

ЛЕКЦИЯ XIX

ИСТОРИЧЕСКИЕ СХЕМЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ (ОКОНЧАНИЕ).
КРИТИКА

Пример этот мы берем из истории развития естественных союзов. Следя за этим развитием, можно заметить, что завязкой каждого из них было известное естественное влечение. Таким влечением для первобытной орды служил инстинкт самосохранения, для материнского рода — потребность питания, для рода патриархального — половое влечение, а для семьи — влечение к господству над окружающей средой. Может быть, и не в таком порядке естественные влечения пробуждались, строя общество; может быть, докажут, что не в таком порядке и сменялись естественные союзы. Во всяком случае останется то положение, что естественные союзы развивались в известном порядке пробуждения естественных влечений. Если так, то это положение и будет выражать закон развития естественных союзов. Так как естественные влечения, строившие союзы, или физиологические, или психологические, то и закон их развития надобно назвать физиологическим или психологическим.

Такой вывод, очевидно, противоречит нашему определению исторического закона: в данном примере действуют одиноко, а не совместно две исторические силы — личность и физическая природа человека. Рассмотрим, однако, правильно ли сделан такой вывод. Для этого мы припомним фактическую историю естественных союзов и воспроизведем их развитие, подставляя под явления, т. е.

под формы и отношения каждого союза, естественные влечения, которыми они вызывались, а под хронологическую смену явлений — их психологическую связь; таким образом, мы воспроизведем вместо фактической истории естественных союзов их историю схематическую.

Бывают ощущения столь обыкновенные и естественные, что они охватывают всех наличных членов союза; таким образом, ощущение становится общим. Но чувство общее не есть еще явление общественное; таким оно становится, когда, разделяемое всеми, выражается в каком-либо совместном действии всех — так являются общественные учреждения как выражение общего ощущения. Чувство страха — инстинкт самосохранения, становясь общим чувством, выражается в известной организации, которую общество направляет к самозащите; является власть, распоряжающаяся защитой, устанавливающая обязательный порядок действия для каждого члена союза, известные орудия и средства защиты: окопы, пещеры и т. д. Став общественным учреждением, действующим обязательно, ощущение, вышедшее из сферы личной жизни, возвращается в ту же сферу, но уже не как ощущение, а как обязанность, которая принуждает человека к известным действиям даже и тогда, когда не поддерживается личным ощущением. Дальнейшие поколения воспитываются уже не под влиянием непосредственного ощущения, а под действием этой обязанности. Следовательно, личное ощущение, став общественной обязанностью, в дальнейшие поколения передается в виде идеи, именно идеи общего долга. Это один ряд моментов развития личного ощущения. Теперь перейдем к другому. Созданная для самозащиты организация устраняет внешнюю опасность как постоянную угрозу; это дает место действию других ощущений, т. е. потребностей, которые прежде подавлялись более сильной. Психологически вероятно, что сильнейшей потребностью был в первобытных обществах инстинкт самосохранения; та же вероятность заставляет думать, что за этой потребностью следовала прежде всего потребность питания. Остановимся на этой психологической вероятности. В борьбе за существование с внешними врагами, с такими же людьми или хищными зверями каждый член союза удовлетворял этой потребности питания единичными усилиями и тотчас истреблял плоды этих усилий. История первобытной культуры расскажет вам, как в первобытном обществе рождается стремление обеспечить питание, запасая средства для него на будущее время; оттуда же узнаете вы, как это

стремление привело людей к попытке приручить некоторых диких животных? Приручение это невозможно было единичными усилиями: один человек мог убить дикого зверя, но загнать в загородь стадо бизонов не под силу одному человеку. Между тем первобытная орда под другими влияниями стала раскалываться на группы, связанные единством происхождения от матери; эти связанные общим происхождением члены орды соединенными усилиями и приручали диких животных. При этом должен был выступить целый ряд новых задач и отношений; так, например, должен был возникнуть вопрос о собственности. На разрешение этих задач, на определение этих отношений и была направлена готовая общественная организация, установившаяся в борьбе за существование с внешними врагами. Теперь соединенные силы обратились на борьбу с природой, чтобы вырвать у нее более обеспеченные средства питания. Кровные группы работали над приручением животных; орда, части которой составляли эти группы, признавала плоды этой работы, т. е. право родовой собственности. Таким образом, общественная организация под действием новых задач, к разрешению которых она была направляема, стала изменяться. Так бывало в одних местах, где вопрос об обеспечении питания был насущным. Но в странах, где природа без борьбы дает человеку необходимые средства питания, мы долго не видим попыток приручения животных; там, значит, инстинкт самосохранения не имел преемником своим потребности питания как строителя общества; там чувство самосохранения имело дальнейшее развитие. Когда орда стала распадаться на более мелкие кровные союзы, она стала более беззащитной. История культуры расскажет вам, как в этой отколовшейся от целого части по мере ее обособления возникала идея обеспечения самозащиты на будущее время. Группа изменяется постепенно в своем наличном составе; поколение опытных бойцов-стариков сходит со сцены, рождается идея о заготовке резервов. Эта идея обнаруживается в усиленной потребности людей сеяться, размножаться. Отсюда при перерождении материнского рода в патриархальный вырастает обычай многоженства. Исторической почвой этого обычая был плодородный Юг и Восток, где вопрос об обеспечении питания не имел такого рокового значения, как на Севере. Развиваясь дальше, это стремление обеспечить средства самозащиты на будущее время превратилось в идею обеспечения загробного существования человека посредством непрерывного продолжения его

потомства. Древнейшая форма идеи бессмертия души является в форме продолжения существования загробного при условии существования потомства, на земле остающегося. Вот почему древний человек верил, что его загробная жизнь прекратится, как только погаснет огонь на очаге его рода, а огонь гас, когда пресекалось его потомство.

Таков схематический процесс развития естественных союзов, который можно продолжить до последнего момента, до семьи.

Этот процесс и дает нам ответ на два вопроса, которые возбуждаются рассматриваемым законом развития естественных союзов. Закон этот гласит, что естественные союзы развиваются в известном порядке пробуждения естественных личных влечений. Спрашивается, каким образом личное естественное влечение может переходить за пределы личного существования? Теперь мы получаем на этот вопрос ответ. Ответ этот сводит процесс с психологической или физиологической почвы: личная потребность, став общей, превращается в общественное учреждение, действующее обязательно и тогда, когда бездействуют условия, его вызвавшие, поддерживающие память о потребности, и тогда, когда ее не ощущают уже отдельные лица. Второй вопрос: каким образом естественные влечения в личной жизни, беспрестанно сменяющиеся или наплывающие беспорядочной толпой, в жизни исторической разобщаются, задерживаются каждое на несколько поколений и сменяются в известном порядке? Ответ: из личных потребностей твердеют и кристаллизуются, подвергаясь общественной обработке, наиболее общие; а так как обобщение потребностей зависит от их физической устойчивости, то они выступают строительницами общества по мере удовлетворения наиболее общих из них и по мере обобщения наиболее настойчивых из них.

Получив эти ответы, мы теперь спросим, что же значит положение: естественные союзы сменяются в порядке пробуждения личных естественных влечений? В личной жизни нет никакого порядка естественных влечений, установленного физиологически или психологически, а есть только известная смена физиологических или психологических отправлений. Естественные союзы сменяются в порядке обобщения личных потребностей; этот порядок определяется степенью их настойчивости, настойчивость же потребностей зависит от трудности их удовлетворения, обусловливаемой свойствами окружающей природы. Следовательно, исторические союзы сменяются в

порядке, определяемом взаимодействием всех исторических сил; в указанном процессе мы встречаем совместное участие личности, физической природы человека, внешней природы, его окружающей, и общества. Итак, мы вовсе не нашли закона развития естественных союзов, а составили только схему этого развития, и схема эта вобрала в себя вовсе не одни психологические явления.

Можно было бы взять другие примеры, чтобы еще более выяснить такую смешанную сложную природу исторических законов. Так, например, можно было бы проследить на явлениях, еще точнее исследованных, чем процесс развития естественных союзов, как личные ощущения под влиянием непрерывной смены поколений превращаются в общественные идеи, проходя через стадии обычая, закона, верования, предания и принимая форму общественных нравов, а потом облакаясь в поэтические воспоминания.

КРИТИКА. Я изложил три приема объективного изучения истории: наблюдение, сравнение и обобщение. Эти приемы постигают не одинаковые явления истории. Каждый следующий служит средством познания явлений, все более сложных или более скрытых. Следовательно, эти приемы суть последовательные моменты исторического познания, ступени, на которые последовательно восходит изучающий историю. Вступление на каждую ступень подготавливается особенной, предварительной работой, правила которой составляют в своей совокупности *критику*.

Наблюдением познаем мы состав общежития, взаимные отношения составных элементов. Это познается путем изучения отдельных явлений, которыми обнаруживается общая жизнь. Но чтобы изучить эти явления, их надобно предварительно извлечь из исторических источников, в которых они сокрыты. Правила разбора текстов и сопоставления их излагаются в так называемой критике, дипломатической или документальной, точнее, в *критике источников*.

Сравнение изучает свойства разных элементов, обнаруживающиеся при различных их сочетаниях в составе общежития. Чтобы изучить эти свойства, надобно сопоставлять явления, воспроизводя их в хронологической связи и таким образом узнавая причинную их связь. Правила этой подготовительной к сравнению работы излагаются в *критике прагматической*.

Изучив свойства элементов по действию их в различ-

ных сочетаниях общежития, далее воспроизводим внутреннюю связь, или последовательность, всех явлений и начала, управляющие этой последовательностью. Чтобы открыть эту связь явлений общей истории и начала, ими управляющие, надобно предварительно по изученным свойствам элементов общежития изучить природу и свойства действия производящих эти элементы исторических сил, рассматривая их взаимодействие (так как историку недоступно наблюдение каждой силы в ее одиноком действии). Правила этой предварительной работы, подготовляющей обобщение, излагаются в *критике*, которую мы назовем *собственно исторической*; часто она называется также критикой высшей.

Итак, критика дипломатическая, или документальная, разбирает и сопоставляет разные источники. Критика прагматическая сопоставляет разные явления, чтобы указать между ними связь. Критика историческая сопоставляет различные исторические силы, чтобы по их взаимодействию изучить природу каждой.

Я изложил два метода исторического изучения, из которых один назвал субъективным, другой — объективным. Теперь остается определить значение каждого из этих методов.

ЛЕКЦИЯ XX

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБОИХ МЕТОДОВ. МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ МЕСТНОЙ ИСТОРИИ

Тот и другой метод слагаются из различных приемов и направляют историческое изучение к разрешению неодинаковых задач. По характеру приемов субъективный метод есть облегченный способ исторического изучения. Этого облегчения он достигает, ставя исходным пунктом изучения явления, наиболее близкие для изучающего, т. е. его собственное положение и мировоззрение. Поэтому субъективное историческое изучение есть популярное изучение истории. Его можно сравнить с популярным изложением физических явлений, где излагающий отправляется от явлений, наиболее часто повторяющихся перед глазами наблюдателя. По характеру задач, к разрешению которых направляется субъективное изучение, оно делает из истории средство общественного воспитания: целью

этого изучения служит происхождение и развитие тех отношений, интересов, идей и чувств, которыми живет современный человек. Это изучение проясняет сознание человека, а сознание открывает ему его цели и лучшие средства их достижения. Поэтому на субъективном методе исторического изучения основывается преподавание истории: педагогические руководства к изучению истории обыкновенно излагаются помощью этого метода. Отсюда правило, которое мы должны извлечь: начиная преподавание истории, не вводить в него приемов объективного метода, но самому изучать историю с помощью приемов этого метода, ибо качество субъективного изложения истории определяется твердостью, с какою мы усвоили приемы и задачи объективного изучения.

Иные — приемы и задачи объективного изложения. По характеру приемов это изложение ведет к познанию природы общежития независимо от житейских понятий и интересов изучающего. Но и такое изучение может иметь практическое приложение: из изучения природы общежития должна выработаться со временем наука об устройстве общежития, которую можно назвать прикладной историей. Значит, если субъективное изучение истории дает человеку ясное самосознание и определяет его практическую деятельность, то объективное изучение дает обществу средства лучше устроиться; субъективное изучение истории — руководство для частной жизни, объективное ее изучение — руководство для целых обществ.

МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ МЕСТНОЙ ИСТОРИИ. Теперь остается нам приложить оба эти метода исторического изучения к изучению местной истории. Субъективный метод в приложении к местной истории делает последнюю средством для развития национального сознания и для правильного достижения национальных задач. К этому результату должно привести изучение происхождения и постепенного развития отношений, интересов, идей и чувств, которыми живет известное национальное общество. Объективный метод, прилагаемый к местной истории, теснее связывает ее изучение с изучением истории всеобщей, но задачи такого изучения несколько сложнее. Всеобщая история, разумеется, слагается из ряда хронологически параллельных или хронологически сменявшихся местных историй; но не все местные истории имеют одинаковый объективно-научный интерес. Если предмет объективного изучения составляет общее историческое движение, т. е. производящие его историче-

ские силы, движимые ими исторические тела или общественные соединения и последовательность, или порядок, самого движения, то исторический наблюдатель, с этой точки зрения изучающий историю, перенося свое наблюдение на жизнь какого-либо отдельного общества, прежде всего будет смотреть на то, как действовали в истории этого общества исторические силы, какие общественные соединения возникали под их действием и какой момент общего исторического движения отразился в жизни этого общества. Следовательно, местная история представляет тем больше или тем меньше научного интереса, чем с большей или меньшей полнотой скрывается в ней природа каждой исторической силы, чем более или менее своеобразны слагающиеся в ней сочетания общественных элементов, чем больше или меньше новых, в других местах незамечаемых свойств обнаружили в этих сочетаниях составные элементы и, наконец, чем цельнее или мимолетнее, глубже или поверхностнее отразился в этой истории известный момент общего исторического движения. Последнее поясним частным примером. В политической истории Европы, как известно, территориальная дробность феодальных времен сменилась стремлением обществ складываться в крупные политические тела, размеры которых определялись сперва принципом так называемых естественных, т. е. географических, границ, а с начала нынешнего столетия — принципом национальности. Тому и другому принципу политика давала очень эластичное, изысканное толкование, а сила — очень произвольное применение, и следствием обоих принципов было поглощение или слияние множества мелких самостоятельных территориальных союзов, образовавшихся во времена феодального дробления Европы. Но с начала нынешнего же столетия, прежде чем указанное стремление достигло своей цели, прежде чем карту Европы успели разрисовать на крупные участки по географическому или национальному трафарету, обнаружилось обратное движение: некоторые старые и крупные политические тела начали разлагаться на мелкие части. Мотивом этого разложения явилось начало более реальное и определенное, чем произвольное и растяжимое понятие о естественных границах или шаткое и смутное, иногда искусственно возбуждаемое чувство национальных связей: этот мотив — религиозно-племенное родство. Такое разложение постигло уже Турцию и очень успешно подготавливается в Австрии. Любопытнее всего то, что руководительницей этого религиозно-племенного разложения является самая крупная и в религиозно-племенном

отношении одна из наиболее сплоченных европейских держав — Россия: она создала уже четыре мелких племенных государства (Грецию, Сербию, Румынию и Болгарию) и поддержала существование пятого (Черногории). Нет сомнения, это религиозно-племенное обособление есть только дальнейший момент в ходе политического устройства Европы по национальностям; но со временем он глубоко изменит ее нынешний политический склад. Поэтому объективное историческое изучение, воспроизводя этот момент политического развития Европы, не только не может обойтись без истории России, но и должно будет поставить ее впереди других государств Европы, как в воспроизведении феодального периода оно ставит впереди историю Франции, где феодальный порядок развился с наибольшей полнотой и последовательностью.

Итак, научное значение той или другой местной истории определяется, во-первых, *степенью своеобразности ее явлений*, во-вторых, *ее связью с общим историческим движением*. В обоих этих отношениях особенно заметно расходятся между собою оба метода исторического изучения. Метод субъективный ценит местную историю по *культурной важности* совершившихся в ней процессов, т. е. по их близости к культурным интересам известного времени. Метод объективный ценит ее по *своеобразности* ее процессов, т. е. по новизне их для наблюдателя. С другой стороны, если для субъективного изучения история местного общества важна настолько, насколько это общество увеличило образовательный запас, которым живет современное образованное человечество, т. е. насколько это общество приблизило человечество к его современному состоянию, то для изучения объективного местная история получает значение в той мере, в какой отразила она в себе закономерный ход и условия исторического преемства, т. е. развития местных союзов, живших общей жизнью. Всем этим указываются задачи объективного изучения местной истории. Изучающий ее с этой точки зрения должен иметь в виду вопросы, какие может задать ему изучающий общую историю. Если субъективное изучение должно подготавливать разрешение вопросов, какие может задать историку его соотечественник, то изучение объективное должно вести к решению вопросов, какие может задать местному историку его собрат по науке, изучающий общее историческое движение. Вопросы эти сами собою вытекают из указанных особенностей объективного изучения; они касаются того, в какое взаимное отношение становились в

известном обществе исторические силы, какие сочетания общественных элементов создавались под влиянием того или другого их взаимодействия, какие новые свойства обнаруживали эти элементы в том или другом сочетании и как подействовало так сложившееся общество на общее историческое движение. Такими задачами объективного изучения местной истории указывается и способ применения отдельных его приемов. Все эти приемы имеют место и в изучении истории отдельных обществ, но, очевидно, господствующее значение имеет в нем *сравнение*. Сравнительный элемент входит даже в два других приема. Выводы, добытые наблюдением над составом местного общества и взаимным отношением его составных элементов, могут иметь научное значение только тогда, когда они сделаны при помощи сопоставления истории этого общества с историей других обществ. Равным образом, восстанавливая путем обобщения внутреннюю связь и последовательность в хронологической смене явлений местной истории, можно выразить эту связь и последовательность в известной формуле, составить схему местной истории. Но из одной этой схемы нельзя еще вывести никакого начала, управляющего сменой исторических явлений, никакого исторического закона, так как не может быть местных исторических законов. Это начало или этот закон откроются лишь при сопоставлении обобщенного местного процесса с другими однородными местными процессами. Итак, отдельные приемы изучения местной истории должны вести к одному конечному результату — к составлению ее общей схемы. Указанием этой конечной задачи я заканчиваю изложение общих оснований исторической методологии в приложении к изучению местной истории и перехожу к другой части наших занятий — к изучению терминологии русских исторических источников. Исторические термины мы будем изучать по разрядам исторических явлений, ими обозначаемых, т. е. по составным элементам или отдельным течениям нашей исторической жизни. Пользуясь таким порядком изучения, мы будем сводить явления того или другого разряда, именно явления политические, или юридические, или экономические, в особую обобщающую их формулу, а из этих отдельных формул в конце работы, может быть, попытаемся вывести общую схему нашей истории.

ТЕРМИНОЛОГИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ЛЕКЦИЯ

I

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА. ТЕРМИНЫ ПОЛИТИЧЕСКИЕ. I. ТЕРРИТОРИЯ И ЕЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ДЕЛЕНИЯ. А) РУСЬ—ПЛЕМЯ. Б) РУСЬ—СОСЛОВИЕ. В) РУСЬ—ОБЛАСТЬ. Г) РУСЬ—ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТЕРРИТОРИЯ. А) ЗЕМЛИ, ВОЛОСТЬ ИЛИ ОБЛАСТЬ. Б) УДЕЛ, УЕЗД. В) ВЕЛИКАЯ И МАЛАЯ РУСЬ. II. ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ. А) КНЯЗЬ. Б) ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ. В) КНЯЗЬ-ГОСУДАРЬ. Г) ГОСУДАРЬ—ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВСЕЯ РУСИ. Д) СХЕМА РАЗВИТИЯ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА.

Под терминологией русской истории я разумею изучение бытовых терминов, встречающихся в наших исторических источниках. Предметом особого изучения могут быть только те из этих терминов, смысл или происхождение которых для нас уже неясны. Соображаясь с нашей практической целью и с досугом, который находится в нашем распоряжении, мы возьмем и из этих терминов только те, которые всего чаще встречаются или в основных источниках нашей истории или в наших исторических исследованиях. Такие термины обыкновенно объясняются в исторических словарях. При недостатке их в нашей исторической литературе мы расположим изучаемые нами термины не в алфавитном порядке, а по разрядам обозначаемых ими бытовых явлений. Потому сначала изучим термины политического быта, потом юридического и, наконец, экономического.

ТЕРМИНЫ ПОЛИТИЧЕСКИЕ.

Сюда войдут термины, которыми обозначались: государственная территория и ее административные подразделения, верховная государственная власть, деления общественные и органы управления.

ТЕРРИТОРИЯ И ЕЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ДЕЛЕНИЯ. Государственная территория у нас в старину носила название *Руси*, или *Русской земли*. Русь—слово, пережившее чрезвычайно разнообразные

значения; этих значений можно различить четыре: 1) *этнографическое*: русь — племя, 2) *социальное*: русь — сословие, 3) *географическое*: Русь — область и 4) *политическое*: Русь — государственная территория.

РУСЬ — ПЛЕМЯ. Первоначально словом «*русь*» обозначалось какое-то племя, но какое? Об этом спорят доселе, спор этот породил громадную литературу. Одни считают русь племенем иноземным, неславянским, другие — туземным славянским; этимологию этого слова не объясняют ни те, ни другие.

Начальный летописный свод считает русь тем заморским варяжским племенем, из которого вышли призванные и новгородцами и союзными с ними финскими племенами князя. Свод этот прямо говорит, что названные племена послали за море к варягам-руси, потому что так звались эти варяги-русь, как другие варяги зовутся своими, или свеями, урманами, айглянами, готами¹. Итак, русь относится к варягам-норманам, как вид к роду. Этому мнению и держатся так называемые норманисты (Байер, Шлецер, Погодин, Соловьев, Куник) в нашей исторической литературе, признающие за первыми киевскими князьями норманское происхождение.

Но целый ряд изыскателей выводил русь из других племен. Я только перечислю этих изыскателей:

Татищев и *Болтин* выводили русь из Финляндии. *Ломоносов* согласно с некоторыми редакциями Начального летописного свода, например с тою, которая помещена в так называемой Воскресенской летописи, — из Прусской земли: Русия — это Пруссия; *Гольман* — из Рустрингии, т. е. из Фрисландии; *Эверс* — из Хозарии; *Венелин*, *Морошкин*, *Максимович*, *Савельев* и в последнее время *Гедеонов* и *Забелин* — из балтийских славян; последние двое — с острова Рюгена, который назывался прежде Ругией, оттуда — русь, Русия; *Костомаров* — из Литвы; *Щеглов* — из мордвы, вообще из поволжских финнов; *Юревич* выводит русь из каких-то угро-хозар. Наконец, одно последнее недавно высказанное мнение дает слову «*русь*» происхождение наименее ожидаемое: в недавно появившейся своей статье *Карнович* слово «*русь*» производит от латинского слова «*rus*» — деревня. Повод к такому мнению подал эпиграф второй главы пушкинской поэмы «*Онегин*»: «*О Русь! о rus!*» Русью, т. е. деревней, называли римляне весь славянский деревенский мир; этот славянский деревенский мир и усвоил себе название, данное ему римлянами.

Другие писатели видели в руси туземное славянское племя. Сюда относятся польский писатель XVI в. Стрыйковский и русский писатель XIX в. Иловайский. Оба они производят россов от роксолан (росс-алан), которых античные географы Страбон и др. начинают знать в Южной Руси, следовательно, в древней Киевской области еще до рождения Христова.

РУСЬ—СОСЛОВИЕ. Второе значение руси—сословие. Это значение открывается в известии Константина Багрянородного о руси. Он говорит, описывая полюдья—ежегодные административные поездки киевских князей, что в ноябре киевский князь выходит из Киева со всею русью (μετά πάντων τῶν ῥῶς); ясно, что под русью он понимает дружину, сопровождавшую князя в его походе. Эту русь он отличает от туземного славянского населения, от племен, подвластных киевскому князю, как-то: древлян, дреговичей, северян, кривичей; это население он называет славянами, платящими дань руси (Σκλάβοι ὀτινὲς εἰς πικτιῶται τῶν ῥῶς). По-видимому, такое же социальное значение придавала этому термину и наша древняя повесть о начале Русской земли, составленная около половины XI в.; рассказав о том, как Олег, погубив земляков своих Аскольда и Дира, утвердился в Киеве в 882 г., эта повесть продолжает: «И беша у него варязи и словени и прочи прозвашася русью»², следовательно, русью стали зваться варяги и славяне (новгородцы), сопровождавшие Олега в его походе и оставшиеся у него на службе, т. е. его дружина. Если угодно, темный след такого же значения можно найти и в древнем договоре Олега с греками 912 г.; одна статья (12) этого договора, говоря о том, как поступать с рабами, украденными или убежавшими у русских купцов в Константинополе, различает челядина руси и челядина гостей³; так как в Константинополь приезжали торговать «слы» (послы) и «гости»—торговые приказчики князей и вольные купцы, то под русью надобно разуметь первых, т. е. княжих слов, или торговых приказчиков, которые принадлежали к составу княжеской дружины. Итак, русь в X в., по иноземным и туземным памятникам,—высший служилый класс.

РУСЬ—ОБЛАСТЬ. В то же время или несколько позднее Русь является в памятниках со значением географической области, именно Киевской, или Полянской земли. Та же повесть о начале Русской

земли говорит, описывая расселение славян: «Бе един язык словенск: словени, иже седяху по Дунаеви, ихже прияша угри, и морава, и чеси, и ляхове, и поляне, яже ныие (т. е. около половины XI в.—В. К.) зовома Русь»⁴. Русью называлась не только Киевская земля, в тесном смысле слова, в тех границах, какие она имела в XI в., но и все пространство по правому берегу Днепра на юг от Киева. В 1172 г. на Русскую землю напали половцы двумя толпами; одна толпа направилась к Переяславлю по левой стороне Днепра, другая перешла через Днепр и направилась к Киеву по правому берегу; эту последнюю толпу Киевская летопись XII в. называет русскими половцами, как первую — половцами переяславскими⁵. Далее. в 1193 г., сын киевского князя Рюрика Ростислав пошел на половцев в степь по правому берегу Днепра и углубился далеко за реку Рось, т. е. за южный предел Киевской земли; все пройденное им степное пространство по правому берегу Днепра, даже за пределами Киевской земли, в летописном рассказе называется Русской землей, как никогда не называлась область Переяславская на левом берегу Днепра⁶. Но, простираясь неизвестно до какого предела на юг от Киева, чуть не до самого Черного моря, Русская земля составляла узкую береговую полосу, так что город Овруч на притоке Припяти, реке Уже,—главное административное средоточие бывшей Древлянской земли, теперь находящейся в пределах Волынской губернии, но очень близко к пределам Киевской,—этот Овруч лежал уже за пределами Руси, или Русской земли. Ростислав, сходя на половцев, отправился на свидание со своим отцом, который тогда находился в Овруче. В это время другой князь прислал послов к Рюрику, которые сказали ему: «Зачем ты покинул свою землю (т. е. Киевскую область.—В. К.)? Ступай в Русь и стереги ее». Рюрик послушался и «иде в Русь» к Киеву⁷. Итак, в XI и XII вв. под Русью, или Русской землей, в тесном смысле разумеалась Киевская область с полосой по правому берегу Днепра на юг от Киева.

РУСЬ — ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТЕРРИТОРИЯ. Кажется, уже в XI, XII вв. термин «Русская земля» усвоил и политическое значение, стал обозначать всю территорию, которой владела Русь с киевским князем во главе. Такое значение можно подозревать в термине уже по договору Олега с греками 912 г. В этом договоре (§ 8) Русская земля противопоставляется земле «Грецкой» и, следовательно, обозначает все пространство, на котором

действовала власть киевского князя. Между прочим, одна статья гласит, что, если греческая торговая лодка, плывя на Русь (в Русскую землю), будет выброшена бурей на берег, случившиеся тут русские должны ее проводить в Русскую землю⁸, едва ли под Русской землей здесь можно разуместь только правый берег Днепра в пределах Киевской земли?—Такое же значение придает этому термину и Начальная летопись XI, XII вв. Такое значение можно подозревать, например, в том месте, где св. Ольга, не успев уговорить Святослава принять христианство, произносит в летописи следующие слова: «Аще бог хоцеть помиловати рода моего и земле Руские, да възложит им на сердце обратитися к богу, якоже и мне бог дарова»⁹. По-видимому, такое же значение придавал этому слову и Святослав, когда, обращаясь к дружине перед битвой с греками, сказал ей: «Да не посрадим земле Руские»¹⁰.

Точно так же певец «Слова о полку Игореве», памятника конца XII или самого начала XIII в., замечает: «О Русская земля! уже за шеломянем еси»; это выражение значит, что Русская земля зашла уже за ряды степных окопов, которые простирались по южным границам княжеств Черниговского и Переяславского. Под Русской землею певец «Слова» разумеет дружину, отправившуюся в поход на половцев с его героем, князем Игорем, следовательно, термин географический он понимал в смысле этнографическом. Любопытно, что Игорь отправляется не из Киева, а из Северской земли.

Русская земля в смысле государственной территории подразделялась на части, которые до XIII в. назывались землями, волостями или областями, а с XIII в.—уделами, уездами и волостями.

ЗЕМЛИ, ВОЛОСТЬ ИЛИ ОБЛАСТЬ. *Земли*—это древние области, образовавшиеся под руководством старых торговых городов Руси; земли: Киевская, Черниговская, Переяславская, Смоленская и др. *Волость*—это княжество—одно из тех княжеств, на которые, постоянно переделаясь, делилась Русская земля в потомстве Ярослава. *Область* имела то же значение. *Волость*, или *область*, иногда совпадала с землей, когда, например, целая земля составляла владение одного князя¹¹, но обыкновенно составляла только часть ее; так, земля Черниговская делилась на волости: Черниговскую собственно, Курскую, Трубчевскую; это волости, т. е. княжества. Волости иногда назывались в церковнославян-

ской форме *властями*; так, в Сказании о Борисе и Глебе мниха Иакова конца XI в. мы читаем, что Ярослав перед смертью посажал сыновей своих по волостям, именно посадил: «Изяслава Кыеве старейшаго, а Святослава Чернигове, а Всеволода Переяславлѣ, а прокыя по инем волостѣм», в других списках: «по инем *властем*». Наш язык удержал обе формы: и *власть* церковнославянскую и русскую *волость*; первая, собственно политическое понятие, значила право владения; второй усвоилось значение территориальное — сельская волость. *Область* есть производный термин от слова *власть*, «*обвласть*» означает округ, на который простирается эта власть (предлог «об» означает окружность¹²). Но иногда эти термины менялись значением: «*власть*» означала область, пространство, владения, а «*область*» значила право владения. Припомните известное место из первой главы евангелия от Иоанна, которое в древних памятниках читается так: «Дастъ им область чадомъ божимъ быти» (1, 12).

УДЕЛ, УЕЗД. *Уделами* назывались те княжества, на которые распалась Северо-Восточная, верхневолжская Русь с XIII в., за исключением княжества Владимирского, что значит — были княжества младших князей. Самый этот термин «*удел*» становится известен в памятниках только с XIV в. Слово это заимствовано из терминологии частного гражданского права: уделом назывался раздел имущества движимого или недвижимого завещателем-отцом между детьми-наследниками. Так, в новгородских купчих XIV—XV вв. покупатель пишет, что он купил у продавца «*отчину*», чем владел отец его — «*но уделу отьча своего*», т. е. по разделу¹³. Потом *уделом* стала называться доля, по разделу доставшаяся каждому наследнику, все равно, состояла ли она из движимого или недвижимого имущества. *Удел* в значении княжества подразделялся на *уезды*. *Уезд* — административно-судебный округ, тянувший к известному административному центру, поэтому были уезды не только у городов, но и у сел, если в этих селах сидела своя особая судебно-административная власть; так, в одной рязанской грамоте начала XV в. мы встречаем «*село Филипповичи с уездом*». Впоследствии уездом стал называться административный округ города, а округ сельский удержал старые названия *волости* в Центральной Руси и *погоста* в Руси Северной, Смоленской и Новгородской. Этимология этого термина («*уезд*») объясняется одним административно-судебным отпращиванием:

полюдьем или *ездом*; древний администратор сам собирал корм с управляемого округа, объезжая его, совершая полюдья обыкновенно 2 раза в год: на петров день и на рождество, иногда 3 раза — еще на пасху, т. е. в те же самые сроки, в которые до последнего времени церковные причты обходили свои приходы; округ, в пределах которого ездил администратор для получения корма, и получил название *уезда*.

ВЕЛИКАЯ И МАЛАЯ РУСЬ.

Русская земля в смысле географическом, государственной территории потом разделилась на две этнографические части, называвшиеся: одна — Малою Русью, другая — Великою. Появление этих двух терминов было следствием переворотов, какие совершаются в XII, XIII вв. в размещении русского населения. Как известно, в то время русское население, сосредоточивавшееся в речной полосе Днепра — Волхова, отлило из области среднего Днепра в двух противоположных направлениях: на запад, в нынешние губернии Волынскую, Люблинскую, Седлецкую и Галицию, и на северо-восток — в область верхней Волги. Когда впоследствии Поднепровье стало вновь заселяться русью, возвращавшейся из названных областей, оно получило название Малой Руси. Русь верхневолжская стала тогда называться Великой Русью (к которой причислялась также старая область на левом берегу Днепра — Смоленская). Эти термины мы впервые встречаем в иноземных памятниках, именно в хрисовуле императора Иоанна Кантакузена и в его послании к русскому митрополиту Феогносту — оба акта 1347 г.; в этих актах император пишет, что, кроме епархий Великой России — τῆς μεγάλης Ρωσίας, подвластных митрополиту, ему должны быть подчинены и отторгнутые от митрополии епархии Малой России — τῆς μικρᾶς Ρωσίας, именно Владимирская на Волыни, Луцкая и Туровская; Холмская, Галицкая, Перемышльская; о Киевской епархии император не упоминает, потому что она не была отторгнута от митрополии¹⁴. Итак, под Малой Русью разумеется в XIV в. русский край по правому берегу Днепра на запад от Киева.

ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ. Верховная власть носила в древней Руси преемственно следующие титулы: князь, великий князь, князь-государь и государь-царь и великий князь всея Руси.

КНЯЗЬ. Не решаю, слово «князь» заимствовано ли нашим языком из немецкого, а

не сохранилось в нем из первоначального индоевропейского лексического запаса, общего всем индоевропейцам, подобно, например, слову «мать». Время заимствования определяют различно. Одни думают, что это слово могло войти в славянские языки и в язык восточного славянства еще в III, IV вв. из языка готского, когда славяне близко соприкасались с державой готов, простиравшейся по Южной Руси и далее на запад, за Карпаты; это слово тогда заимствовано вместе с другими, как-то: *пенязь*, *стькло*, *хлеб*¹⁵. Другие думают, что это слово более позднего происхождения, вошло в наш язык в то время, когда вошли в состав русского общества варяжские-скандинавские князья с их дружинами. *Князь* — это русская, восточнославянская форма немецкого «*König*», или, правильнее, «*Kuning*». Князем назывался носитель верховной власти на Руси IX, X и XI вв., как тогда понимали эту власть¹⁶.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ. С середины XI в. носитель верховной власти, князь киевский, назывался «*великим князем*». Великий — значит старший; этим термином князь киевский отличался от младшей своей братии — областных князей.

КНЯЗЬ — ГОСУДАРЬ. В удельные века, в XIII и XIV вв., термином, выражавшим сущность государственной власти, является «*государь*», соответствовавший, как и территориальный термин в смысле удел. Слово это заимствовано из частной жизни; слово «*государь*» имеет параллельную форму в слове «*господарь*». Кажется, вместе с последним первое слово произошло от слова «*господа*» (в смысле собирательном); церковнославянские памятники не знают слова «*государь*», заменяя его словами «*господь*», «*господин*» или «*господарь*». «*Господа*» имело двойное значение: первое — *собирательное* — это собрание господ; отсюда в летописи выражение, с каким обращается посадник или кто-нибудь другой к вечу: «*господо братие*» (зват. пад.); «*господа*» — *собирательный термин*, параллельный слову «*старшина*» — собрание старост. Второе значение — *отвлеченное* — это владычество и как предмет владения хозяйство; *господа* — *хозяева*, а потом хозяйство, господство. Так, в одной рукописи Кормчей книги мы читаем о людях, вступивших в монашество с известным имуществом, что это имущество, с которым поступающий входит в монастырь, «*господы монастыря да будет*», т. е. должно

принадлежать хозяйству монастыря. В связи с этим последним значением слово «господа» имело и значение единоличное — господина, домовладыки, *отходεσπότης*. В памятниках русского происхождения вместо «господаря» встречается обыкновенно «государь»; однако в древней Руси отличали «государя» от «господина» (параллельная форма «господаря»). Известен спор Ивана III с новгородцами из-за титула; Иван осердился, когда новгородцы, назвав его *господином*, потом стали звать по-прежнему *господином*. Значит, в *государе* разумелась высшая власть, чем в *господине*. «Господин» — только властитель с правом управления, а не собственник с правом и распоряжения, отчуждения, уничтожения. «Государь» — хозяин, собственник; в таком значении назывались государями князя удельные — *dominus* — это хозяин удела, владелец его территории на вотчинном праве.

ГОСУДАРЬ — ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВСЕЯ РУСИ. *Государь* — *царь и великий князь всея Руси* — титул, который по частям усвоен был московскими государями приблизительно с середины XV в. В составе этого титула новый термин — «царь»; *царь* — русская сокращенная форма слова «цесарь». Происхождение этой сокращенной формы легко объяснить древним начертанием слова. В памятниках XI и XII вв. — в Остромировом евангелии, в отрывках Четвероевангелия, в Сказании о князьях Борисе и Глебе мниха Иакова — слово это изображается так: *ц'р* — цесарь; впоследствии с подтитлом исчезло и вышло: *црь* — царь. Как известно, в Остромировом евангелии еще господствует форма «цесарство нбсное», а не «ир'тво нбсное». В Сказании мниха Иакова мы встречаем такое выражение (в похвальном слове святым князьям, по списку XII в.): «по истине», обращается к князьям автор — «вы цесаря (двойственное число) цесарем и князя князем»; это написано так: *цесарж, ц'рем* — «царем» в древней Руси еще с XI в. называли иногда и нашего князя, но в виде особого почетного отличия; это не был официальный титул всех киевских князей. Под *царем* разумели власть, более высокую сравнительно с властью местных племенных или национальных государей; *царь*, или *цесарь*, — это, собственно, римский император. Когда впоследствии Русь была завоевана татарской ордой, *царем* стали называть хана этой орды. Когда власть хана над Русью пала, а Византийская, Восточно-Римская, империя разрушена была турками, московские государи, великие князья всея Руси, считая

себя преемниками павших римских императоров, официально усвоили себе этот титул. Под *царем* разумели независимого, самостоятельного государя, никому не платящего дани, никому не отдающего ни в чем отчета. Такое же понятие государя, не зависящего от чуждой власти, соединяли и с другим термином «*самодержец*»; термин этот — неудовлетворительный перевод греческого «*αὐτοκράτορ*». Титул *самодержца* также придавали иногда в виде почетного отличия или как знак особого уважения древним русским князьям. Так называют им в житиях и похвальных словах князя Владимира Святого; так звали современники Владимира Мономаха. Тот же мних Иаков говорит в начале своего рассказа о Борисе и Глебе: «Сице убо бысть малым преже сих (незадолго перед этим) летом сущю самодръжцю Русьской земли Володимеру, сыну Святославлю». Вместе с титулом *царя* московские государи усвоили себе и титул *самодержца*, понимая его в смысле внешней независимости, а не внутреннего полновластия. Слово «*самодержец*» в XV и XVI вв. значило, что московский государь не платит никому дани, не зависит от другого государя, но тогда под этим не разумели полноты политической власти, государственных полномочий, не допускающих разделения власти государем с какими-либо другими внутренними политическими силами. Значит, *самодержца* противопоставляли государю, зависящему от другого государя, а не государю, ограниченному в своих внутренних политических отношениях, т. е. конституционному. Вот почему царь Василий Шуйский, власть которого была ограничена формальным актом, в грамотах продолжал титуловать себя *самодержцем*.

Таковы термины, какими обозначалась в древней Руси верховная государственная власть: это «*князь*», «*великий князь*», «*князь-государь*» и «*государь-царь и великий князь всея Руси*». Все эти термины выражали различные типы верховной власти, сменявшиеся в истории нашего государственного права до Петра Великого. На этих типах можно остановиться.

СХЕМА РАЗВИТИЯ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ. Оканчивая изложение оснований методологии, я заметил, что, изучая термины того или другого порядка, мы будем пытаться составлять схемы, которые бы представляли процесс развития явлений этого порядка, прилагая таким образом одно из требований исторического метода к изучению нашей истории. Я и попытаюсь для памяти вывести вам схему

развития верховной власти на Руси. Схема эта вберет в себя только объясненные мною термины верховной власти. Мы не объясняли последнего титула, который усвоен нашей верховной властью: *император*; но этот титул не вопрос политической археологии, а явление нашей настоящей действительности, и схема наша не будет распространена на этот последний тип, известный нам в истории русского права. Чтобы вывести эту схему, надо точно характеризовать все сменившиеся в нашей древней истории типы верховной власти.

Князь — это вождь вооруженной дружины, боевой компании, охраняющий Русскую землю и за то получающий от нее известное вознаграждение — корм. Точную формулу этого типа дает нам псковской летописец XV в., называя одного псковского князя «*воеводою, князем кормленным*», о котором было им (псковичам) «стояти и боронитесь». Итак, князь — кормовой, т. е. наемный, охранитель границы земли. Элементы верховной власти не раскрыты, все заключены в его значении вождя вооруженной силы, обороняющей страну, поддерживающей одну из основ государственного порядка — внешнюю безопасность.

Великий князь — глава княжеского рода, владеющего охраняемой им Русской землей. Он имеет значение не сам по себе, не как одинокое лицо, а как старший представитель владетельного княжеского рода, совместно владеющего, т. е. правящего Русской землею как своей отчиной и дединой.

Князь — государь удельных веков — земельный владелец удела на вотчинном, т. е. наследственном, праве. Он владеет территорией удела с прикрепленными к ней рабами, холопами, челядью, но его владельческие права не распространяются на свободное население удела, которое может покидать эту территорию и переходить на территорию другого удела.

Наконец, *государь-царь и великий князь всея Руси* есть наследственный властитель Русской земли не только как территории, но и как национального союза. Подобно тому как титул, которым обозначался этот последний тип верховной власти, есть свод предшествующих титулов, так и в политическом содержании этого типа сведены черты предшествующих ему типов той же власти. Он и территориальный хозяин Русской земли, и старший представитель всех наличных государей Руси, но он и верховный властитель Русской земли как национального целого.

Чтобы по этим типам, преемственно сменявшимся,

обозначить ход исторического развития верховной власти в древней Руси, надобно припомнить основные признаки, которыми характеризуется в государственном праве понятие о верховной власти. В содержание этого понятия входят три элемента: 1) *пространство* действия верховной власти, т. е. территория; 2) *задачи* верховной власти, т. е. охранение общих интересов населения, занимающего территорию; 3) *средства* действия власти, т. е. верховные права над подданными, составляющими это население. Первый элемент сообщает верховной власти территориальное значение, третий — значение политическое, а второй служит основанием того и другого и вместе связью между ними: территория определяется пределами, в которых действуют эти общие интересы; права верховной власти определяются свойством задач, которые на нее возлагаются. Приняв за основание эти три элемента, мы и восставим ход развития верховной власти в древней Руси.

В первом типе не ясно ни территориальное, ни политическое значение. Не определено свойство отношения носителя верховной власти — князя к территории; например, не определено точно, какая разница в отношении к этой территории самого князя и местных властителей, ему подчиненных¹⁷: посадников, наместников или местных князей — сыновей и других родственников князя. Ясна лишь одна из задач верховной власти — охранение границ земли от внешних врагов, но неясно политическое содержание власти, не определено, что должен делать князь в отношении к самому внутреннему порядку, насколько он должен лишь поддерживать этот порядок и насколько может изменять его. Словом, князь IX, X вв. — *оберегатель границ Русской земли с неопределенным территориальным и политическим значением.*

Во втором типе — великого князя — обозначаются уже оба значения — и территориальное и политическое, но это значение принадлежит не лицу, а целому княжескому роду, главою которого является великий князь. Весь княжеский род владеет всей Русской землей и правит ею как своей вотчиной и дединой; но каждый отдельный князь, член этого рода, не имеет ни постоянного территориального, ни определенного политического значения: он владеет известной волостью лишь временно, он правит ею лишь по соглашению с родичами. Словом, *верховная власть получает определенное и постоянное территориальное и политическое значение, но она не единоличная, а собирательная.*

В князе-государе является единоличная власть, но она имеет только территориальное значение. Князь-государь удельных веков — земельный владелец удела, но в круг его власти не входят постоянные права над свободными обывателями удела, потому что эти обыватели не прикреплены к территории, могут прийти и уйти. Все их отношения к князю — поземельные, т. е. вытекают из частного, гражданского договора с ним: свободный обыватель удела признает над собой власть князя, пока служит ему или пользуется его землей, городской либо сельской. Князь поэтому не имеет политического значения, не является государем с определенными, постоянно действующими правами над подданными; он практикует известные верховные права — судит, законодательствует, правит, но эти права суть лишь последствия гражданского договора его со свободными обывателями: он законодательствует среди них, судит их, вообще правит ими, пока те состоят в договорных отношениях с ним — служат ему или пользуются его землею¹⁸, следовательно, политические права князя суть лишь последствия его гражданских отношений к свободным обывателям. Итак, в князе-государе является единоличная власть, но лишь с территориальным значением без политического.

В государе-царе и великом князе всея Руси выступает власть единоличная с территориальным и политическим значением; он наследственный владелец всей территории, он правитель, властитель живущего на ней населения; его власть определяется целями общего блага, а не гражданскими сделками, не договорными служебными или поземельными отношениями к нему его подданных. Общим основанием того и другого значения, территориального и политического, служит народность: государь-царь и великий князь всея Руси есть владелец и властитель территории, на которой живет великорусское население; это национальное значение и обозначено в титуле термином «всея Руси». Термин шире действительности, включает в себе сверх нее еще политическую программу, политическое притязание на части Русской земли, еще находившиеся вне власти «всероссийского» государя, но действительное значение этого термина указывает на господствующую часть русской народности — на великорусское племя.

Итак, князь IX—X вв., наемный охранитель границ, сменяется шедшим от него княжеским родом, владеющим сообща Русской землей, который в XIII—XIV вв. распадается на множество удельных князей, гражданских вла-

дельцев своих удельных территорий, но не политических властителей удельных обществ, а один из этих удельных владельцев с значением территориальным, но без политического, превращается в территориального и политического властителя, как скоро границы его удела совмещаются с пределами великорусской народности.

Такова схема, которой можно обозначить ход развития верховной власти в древней Руси. Из того, как мы ее вывели, можете видеть, для чего нужны такие схемы. Они сводят известные однородные явления в формулу, которая указывает внутреннюю связь этих явлений, отделяя в них необходимое от случайного, т. е. устраняя явления, обусловленные только достаточной причиной, и оставляя явления необходимые. Историческая схема, или формула, выражающая известный процесс, необходима, чтобы понять смысл этого процесса, найти его причины и указать его последствия. Факт, не приведенный в схему, есть смутное представление, из которого нельзя сделать научного употребления.

ЛЕКЦИЯ II

III. ОБЩЕСТВЕННОЕ ДЕЛЕНИЕ. А) СОСТАВ ДРЕВНЕРУССКОГО ОБЩЕСТВА ДО СЕРЕДИНЫ XIII в. 1) КНЯЖИ МУЖИ, ИЛИ ДРУЖИНА. БОЯРЕ. ГРИДЬ. ОТРОКИ И ДЕТСКИЕ. КМЕТЫ. 2) ЛЮДИ. ГОСТИ. КУПЦЫ. СТАРЦЫ ГРАДСКИЕ. ИЛИ ЛЮДСКИЕ. СМЕРД. НАЙМИТЫ, ИЛИ ЗАКУПЫ. 3) ХОЛОПЫ. ИТОГИ. 4) ЦЕРКОВНЫЕ ЛЮДИ

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДЕЛЕНИЕ.

От терминов, которыми обозначалась верховная власть в древней Руси, по порядку мы должны были бы перейти к органам действия этой власти, т. е. к правительственным учреждениям; но по тесной связи этих учреждений с общественными делениями мы должны предварительно остановиться на социальной терминологии. Она представляется очень запутанной в наших древних памятниках, поэтому требует внимательного изучения. Мы сначала возьмем терминологию, которая является в памятниках до середины XIII в., т. е. приблизительно до того времени, когда стал утверждаться удельный порядок.

СОСТАВ ДРЕВНЕРУССКОГО ОБЩЕСТВА ДО СЕРЕДИНЫ XIII в. Все население Руси первых веков нашей истории распадается на две основные

группы: на мужей и на холопов; *мужи* — это свободные люди, *холопы* — лично зависимые. Свободное население мужей подразделялось на два класса: на княжих мужей и на людей; *княжи мужи* — это служилые люди, состоявшие на службе князя; *люди* (единственное число — *людин*) — это свободное население, не состоявшее на службе у князя, а платившее подати, дани. Таков состав гражданского общества. В стороне, с принятием христианства, возник третий класс — *церковных людей*.

КНЯЖИ МУЖИ, ИЛИ ДРУЖИНА. *Княжи мужи* противопоставались *людям*. Так, в Русской Правде читаем (в статье о разбое): «Аже кто оубиет княжа мужа в разбой» — *вира* двойная, «*пакиль людин*» — *вира* простая.

Но класс *княжих мужей* носил еще название *дружины*. Широкое значение этого слова — всякое товарищество, всякое сообщество; так, в той же Правде мы читаем, что если *вервь* (сельский или городской судебно-полицейский округ) начнет платить за невыданного ею преступника *дикую виру*, то в нее вкладывает свою долю и сам убийца, принадлежащий к этому обществу: «а в 40 гривен», говорит закон, «ему (головнику, т. е. убийце. — В. К.) заплатили ис дружины свою часть»¹⁹; *дружина* — это население судебного, сельского или городского округа. *Дружиною* в тесном сословном смысле называлась княжеская дружина, т. е. класс служилых людей князя. Она распадалась на *дружину старейшую* и *дружину молодшую*; эти термины являются в памятниках XII в. *Дружина старейшая* состояла из *княжих мужей* в тесном смысле слова. *Княж муж* вообще — служилый человек; *княж муж* в тесном смысле слова — член *старейшей дружины*. Жизнь не всех членов дружины ограждалась двойною *вирой*, а только жизнь старейших дружинников. Члены *молодшей дружины* не пользовались этой привилегией; жизнь их оплачивалась простой *вирой*, как и жизнь *людей*; так, *гридь* входила в состав княжеской дружины, но за убийство *гридина* князь взимал только простую *виру* вместо двойной, какая шла за убийство *княжа мужа*.

БОЯРЕ. *Княжи мужи* — члены *старейшей дружины* — назывались иначе *боярами*, или *болярами*²⁰. Термин этот является в древнейших памятниках нашего права, например, в договоре Олега с греками; в договоре этом мы читаем, что он заключен от

имени Олега и «всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих бояр»²¹. Термин этот является в двух формах: *боляре* и *бояре*. В древнейших церковнославянских памятниках преобладает первая форма. В памятниках, явившихся из Болгарии, рядом с формой *боляре* видим форму *болеры*, рядом с формой единственного числа *болярин* — форму *боляр*. В памятниках русского происхождения встречаются обе формы. Этимология этого слова не совсем ясна. Срезневский думает, что в образовании этого слова участвовали два славянских корня, которые обнаруживаются в двух формах этого слова: *бой* и *боль*. *Боль* — краткая форма, образовавшаяся от полной *боли*; во всяком случае слово это чисто славянское. Значение его имело много оттенков. В древнейших переводных памятниках церковнославянских этим словом переводились греческие термины: «σὺχλητος» — властители и «μεγυτᾶνες» [вельможи], таким образом, это и правительственное лицо и человек из высшего класса общества²². Такое двойственное, т. е. и административное и социальное, аристократическое значение придавалось этому слову и в древнейших памятниках русского происхождения: *болярин*, или *боярин*, — правитель и вместе с тем знатный человек, человек высшего класса общества. Правительственное значение *боярина* выражалось преимущественно в том, что он был советником князя, членом его думы, думцем; вот почему термином *болярство* в древнейших церковнославянских памятниках переводились греческое «βουλευτικός» и латинское — «senatus», такое значение княжеского советника *боярин* имел уже в XI—XII вв. Как советник князя *боярин* отличался от простого мужа, т. е. от простого члена дружины; припомните классическое место в рассказе летописи о том, как северский князь Игорь, попав в плен к половцам, жалуется на потери, какие понес он от поражения. «Где, — говорит он, — бояре думающеи, где мужи храборьствующеи, где ряд польчный?»²³ Итак, *боярин* отличается от мужа боевого званием советника, думца. Русская Правда не знает *боярина* в правительственном смысле слова. Члены старейшей дружины называются в Правде *княжими мужами*, но *княж муж* в древних памятниках — синоним *боярина*: один список (Лаврентьевской) летописи говорит, что Олег, взяв Смоленск, посадил в нем *муж свой*, т. е. посадника; в другом, также древнем списке (Троицкий XV) вместо этого читаем «*посади боярина своего*». Но и «*боярин*» на юридическом языке древней Руси имел еще социальное, экономическое

значение и вместе юридическое: это привилегированный землевладелец без различия, принадлежит ли он к старшей или младшей дружине. Всякий служилый человек, владевший землей, назывался боярином; его вотчина поэтому могла называться боярщиной — словом, которое мы и встречаем в памятниках XVI, XVII вв. В этом смысле знает слово «боярин» и Русская Правда; всюду, где у нее является этот термин, с ним соединено понятие о рабовладельце или землевладельце²⁴; как привилегированный землевладелец-собственник он в Правде противопоставляется смерду, вольному крестьянину-земледельцу.

Рядом с термином «боляре», или «бояре», является в древних памятниках, преимущественно переводных, и другой термин: «были» — те же бояре — вельможи; этим термином передаются те же самые греческие слова: «σὺγκλητος» и «μεγιστῶνες». В древней переводной хронике Малалы «бысть убиен» Юлий Цезарь «былями» своими, и в хронографе Георгия Амартола «посла быля своего», т. е. своего вельможу. Впрочем, и «Слово о полку Игореве» знает этот термин; припомните то место, где Святослав, узнав о поражении младших родичей своих Игоря и Всеволода, высказывает свои сетования: «А уже не вижду власти сильного и богатаго и многовой (т. е. имеющего много воев.— В. К.) брата моего Ярослава с Черниговскими былями»²⁵, которые «бес щитов с засапожники (засапожными ножами.— В. К.) кликомь плъкы побеждають, звонячи в прадедную славу»²⁶. Впрочем, если я не ошибаюсь, в известных нам памятниках русской письменности XI, XII вв. это единственное место, где встречаем этот термин. Теперь перейдем к составу младшей дружины.

ГРИДЬ. В памятниках XI, XII вв. составные части дружины обозначаются такими терминами: «бояре и гридь, или гридьба», «бояре и отроки», «бояре, отроки и детские». Так как словом «бояре» обозначалась старшая дружина, то младшая состояла из «гриди», «отроков» и «детских». «Гридь», кажется, древнейший термин, обозначавший младшую дружину²⁷. В летописи сохранилось указание на иноземное, варяжское происхождение этого слова. Начальный летописный свод, рассказывая о том, как утвердился Олег в Киеве и начал налагать дани на подвластные племена, замечает, что тогда же наложил он и на новгородцев дань, которая платилась варягам «мира деля»²⁸. Эти варяги были сторожевой варяжский отряд, оставленный Олегом в

Новгороде для охранения границ и который содержался на сбор с новгородцев; сбор этот давал ежегодно сумму в 300 гривен. Под 1014 г. та же летопись рассказывает, что, когда Ярослав, сын Владимира, княжил в Новгороде, он уроком, как постоянный оклад, платил отцу с Новгорода 2 тыс. гривен, а «тысячу Новегороде гриден раздаваху»²⁹, эти «гриди», очевидно, тот же варяжский отряд, какой продолжал существовать в Новгороде для охранения границ.

Гридь является и в значении личном и в смысле собирательном: *гридь* — и член младшей дружины и вся эта младшая дружина; в последнем, собирательном смысле слова это имело параллельную форму: *гридьба*. Слово это (*гридь*) одни производят от скандинавского *gred* — меч и дают ему значение мечника. Кажется, правильнее объясняют те, которые производят его от скандинавского *hird* или *hirdin* — термин, являющийся часто в скандинавских сагах в значении телохранителей конунга, постоянно живущих при нем в его дворце; в саге о св. Олафе встречаем две формы — и *hird* и *hirdsveit*³⁰ в собирательном смысле. Грот, большой знаток скандинавских наречий, производит это слово от исландского *grid*, что значит дом, хоромы, двор. Слово «*гридь*», означая дворовых слуг князя, объясняет нам значение старинного термина «*гридница*»³¹, это та часть дворца, где жила *гридь* или в которой собиралась княжеская дружина. В *гриднице*, на дворе, князь Владимир каждую неделю, т. е. в воскресенье, угощал своих бояр, *гридь*, сотских, десятских и иарочитых людей, как рассказывает летопись. Позднее, в конце XII в., слово «*гридь*» исчезает и на место его появляется термин «*двор*» в смысле младшей дружины князя: «посла двор свой воевать», «пойде с двором своим» и т. д.

ОТРОКИ И ДЕТСКИЕ. «*Отроки*» и «*детские*» — термины, самым значением своим указывающие на членов младшей дружины; это люди молодые, или молодь, как они и назывались. Впрочем, указывают некоторое служебное различие между этими терминами; думают, что *детскими* назывались собственно боевые члены дружины — «*мужи храборьствующеи*», как выражается Игорь в плену; а *отроками* назывались собственно дворовые слуги князя³². Трудно сказать, существовало ли в XII в. такое различие; дворовые слуги, конечно, были вместе и мужами храборьствующими, боевыми людьми³³.

Гридью, может быть, до половины XII в. назывались все элементы младшей дружины, потом обозначавшиеся термином «двор». Слово «двор» позднее разложилось на термины: «слуг дворных» и «дворян»; «слуги дворные» и «дворяне» обозначают то же понятие, какое прежде выражалось термином «гридь», или «гридьба»; слова эти появляются с конца XII или начала XIII в. *Дворяне* — это *слуги дворные*; в таком значении встречаются они в летописном рассказе с начала XIII в. Один список летописи — Лаврентьевский, рассказывая об усобице, происшедшей между рязанскими князьями в 1217 г., говорит о боярах и слугах, а другой свод, древнейшая Новгородская летопись, описывая те же события, говорит о боярах и «дворянах». Лаврентьевская летопись называет ливонских рыцарей слугами божьими, а Ипатьевская — божьими дворянами; этот термин встречаем и в подлинном юридическом акте, в Смоленском договоре с немцами 1229 г., где некоторые уполномоченные немцев носят название «божиих дворян»³⁴.

От княжеской дружины как постоянного войска князя отличались ратники, которые набирались только для известного похода из неслужилого населения, из среды людей. Эти ратники составляли обыкновенно городские полки, которыми предводительствовали княжие бояре, тысяцкие. Эти земские ратники, не принадлежавшие к постоянному княжескому войску, носили название «воев». «Вои» — земские ополченцы из городского или сельского населения — составляли городские полки. Этим объясняется приведенное мною выше выражение Игоря в плену: «где бояре думающеи, где мужи храборьствующеи, где ряд польчный?», т. е. городской полк.

КМЕТЫ. Кажется, боевые люди, как принадлежавшие к дружине князя, так и вышедшие из простого населения, иногда обозначались не юридическим термином «кметы», или «кметье», в собирательном смысле. *Кмет*, *кметь* — это боевой человек, служилый или неслужилый; чаще всего, разумеется, этим словом обозначались храбрецы, боевые люди из княжеской дружины. Происхождение этого слова южное; оно является в старинных церковнославянских памятниках в смысле воина вообще. В южных славянских языках это слово имело иное значение, именно: *кмет* — крестьянин, земледелец; в таком смысле употреблялось слово *жорѣтѣцъ* в памятниках византийского законодательства о крестьянах. Этим можно объяснить, откуда пришло это слово и

в славянские наречия; очевидно, это латинское *comes* в общем смысле вассала, в частности — крестьянина, живущего на чуждой земле. Любопытно, что у нас это слово получило другой оттенок, именно стало означать боевого человека, дворянина, вассала в служебном, не в земледельческом смысле. В Лаврентьевском списке мы читаем, как в 1075 г. пришли к черниговскому князю Святославу немцы, и он стал показывать им свои богатства — шелковые материи, золото, серебро; немцы ответили на хвастовство князя: «Сего суть кметье луче, мужи бо ся доищуть и болше сего»³⁵. (Лучше всего этого кметье, потому что мужи добудут и больше этого богатства); *я*так, *кмет* — муж, ратный человек. В «Слове о полку Игореве» князь Всеволод на походе говорит о своих курянах (жителях города Курска): «А мои ти куряни сведоми къмети»³⁶; трудно только сказать, разумелась ли здесь курская дружина князя или и курские городские ратники.

ЛЮДИ. *Вои* служили боевой связью княжеской дружины с *людьми* — свободным, неслужилым населением. Неслужилый свободный класс, обозначавшийся общим термином «*людие*», или «*люди*», разделялся на несколько экономических слоев; это были *гости*, *купцы*, *смерды*, *закупы* или *наймиты*.

ГОСТИ. *Гости* — слово, являющееся уже в договорах с греками X в.; там они отличаются от «*слов*». «*Слы*» (единственное число — *сол*) — это княжеские послы, торговые приказчики, которые продавали княжеский товар в Константинополе³⁷. *Гости* — вольные торговцы, приехавшие в Царьград торговать вместе с княжескими *слами*. Словом «*гости*» с древнейших времен обозначались у нас торговцы, ведущие торговые сношения с заграничными рынками, теснее — городские торговцы, ведущие торговлю с другими городами³⁸. *Гостить* поэтому значило торговать вообще; *гости-нец великий* в Русской Правде — большая торговая дорога.

КУПЦЫ. *Купцы* в Новгороде XIII, XIV вв. и, вероятно, в городах древнейшего времени были торговцы средней руки, составлявшие в городах цехи или торговые союзы, называвшиеся сотнями, стами. Вот что значит одно из условий новгородских договоров с князьями: «*Купьць поидеть в свое сто*»³⁹; в Новгороде

действительно находилось купецкое сто, купецкая сотня, как бы сказать, купецкий цех.

СТАРЦЫ ГРАДСКИЕ, ИЛИ ЛЮДСКИЕ. В городском населении различался класс, имевший не юридическое, а политическое значение. Этот класс в древнейшее время, как видно по рассказу Начального летописца о временах Владимира Святого, назывался *старцами градскими*, или *людскими*. Этот термин вызвал очень разнообразные толкования. Одни видели в них старейших граждан, с которыми часто совещался о важнейших вопросах князь Владимир (сажая их рядом с боярами). Другие видели в них именитейших представителей знатных военных родов в Киеве, которые по своей старости и опытности имели преимущество перед прочими гражданами. Иные думают, что это древние главы восточнославянских племен, которые сохраняли свое значение и при князьях, переходя в состав их дружин. Наконец, некоторые видят в *старцах градских* просто городских домовладельцев, зажиточных хозяев из неслужилого класса. Кажется, можно отыскать в этом слове более определенное политическое значение по рассказу Начальной летописи о том, как Владимир созывал к себе на пиры бояр своих и *старейшин*; *старейшины* эти отличаются от бояр и гридей. В другом месте вместо *старейшин* являются *сотские*, *десятские* и *нарочитые люди*, которые также отличаются от бояр и гридей, т. е. от княжеской дружины. Князь Владимир в торжественных случаях созывал к себе на пир бояр, посадников, т. е. городских наместников, и *старейшин «по всем градом»*. Следовательно, это были *старейшины* не одного только города Киева. Какие же это были *старейшины*, которые, однако, не принадлежали ни к боярам, ни к гриди? Очевидно, это были *сотские*, *десятские* и *нарочитые люди*; *сотские*, *десятские* — это командиры частей городского полка, сотен, десятков; во главе их стоял *тысяцкий* — командир *тысячи*. Главные города областей из городского и сельского населения составляли полки, которые назывались *тысячами*; *тысяцких*, *сотских* и *десятских*, все это военно-тысячное устройство, имели только главные города областей. Вот почему Псков, который до XIV в. оставался пригородом, никогда не имел *тысячи*; даже когда он стал автономным городом области, независимым от Новгорода, в нем не было *тысяцкого*, а избирались *два посадника*. Как представители городского ополчения эти военные старосты в древнейшее

время, очевидно, избирались из городского населения. В Новгороде *тысяцкие, сотские и десятские* были выбираемы и в позднейшее время, а Новгород Великий вообще удержал древнейшее городское устройство, которое в XI и XII вв. имели все «великие» города, т. е. главные, старшие города областей. Эти начальники носили общее название *старост*; их летопись называет *старейшинами по всем городам*. Другим названием всей этой коллегии военных старост было слово, которое мы встречаем в рассказе летописи о Владимире: *старцы градские*, или *людские*; *старцы* и *старосты* — командиры городских полков и их частей. В XI, XII вв. после Владимира нет *старцев градских* в летописи — знак, что эти места стали замещаться по назначению князя людьми из его дружины. Но когда исчезает слово *старцы градские*, или *людские*, являются во главе городского населения *лучшие мужи*; это обыкновенно коноводы городского веча. Очевидно, *лучшие люди* — это городская, промышленная знать, из которой прежде выбирались, как выбирались в Новгороде и позднее, военные старосты — *тысяцкие, сотские, десятские*. Таким образом, *старцы градские* X в. — это военная администрация города; *лучшие люди* XI, XII вв. — это высший класс, из которого прежде выходили *старцы градские*. Вот почему между князем и городским вечем обыкновенно являются в летописи посредниками *лучшие люди* как представители и вместе коноводы вечевых сходок.

СМЕРД. Труднее объяснить слово «*смерд*». *Смерд* в древних переводных памятниках соответствует греческому *ιδώτης* — частный человек, простолюдин. Кажется, у нас это слово получило более тесное юридическое значение. Древняя Новгородская летопись, рассказав о том, как новгородцы поддержали Ярослава в борьбе с Святополком, говорит далее, что Ярослав, восторжествовав, начал награждать своих новгородских соратников, дал старостам по 10 гривен, новгородцам — по стольку же, а *смердам* — по одной гривне. Таким образом, в составе новгородского полка князь отличил старост — сотских, десятских (офицеров); рядовых горожан — обывателей главного города и *смердов*. Итак, *смерды* — простые воины городские, следовательно, сельские обыватели. С таким значением *смерд* является и в позднейших памятниках новгородского права. В договорных грамотах с князьями встречаем условие, что купец должен тянуть в свое сто, а *смерд* — в свой *погост*: «Кто

купьць, поидет в свое сто, а смерд поидет в свой погост»⁴⁰. Следовательно, *смерд*—обыватель сельского общества, *погоста*. Вот почему надобно думать, что *смердами* называлось все свободное сельское население⁴¹; на такое значение *смерда* указывает и Русская Правда. *Смердами* не назывались собственно городские обыватели. Раз Олег, позванный Святополком и Мономахом в Киев, чтобы перед епископами, игуменами, боярами и перед горожанами учинить ряд о Русской земле, ответил на приглашение: «Несть мене лепо судити епископу, ли игуменом, ли смердом»⁴²; следовательно, словом «*смерды*» покрыл бояр и горожан. Но это, очевидно, не юридическое употребление термина, а просто брань: Олег выбранил не только горожан, но и бояр, всех, за исключением духовных лиц, мужиками. Бранное употребление слова нельзя считать юридическим определением⁴³.

НАЙМИТЫ, ИЛИ ЗАКУПЫ.

От *смердов* памятники отличают *наймитов*, или *закупов*,—работников. *Наймит*, сажившийся на чужую землю со ссудой, назывался *ролейным закупом*. *Смерд* в тесном смысле слова был крестьянин, живший на земле, никому не принадлежавшей, *смерд*, таким образом,—государственный крестьянин, живший на княжеской, государственной земле. Так, *смердов* отличали и памятники новгородские от *половников*, т. е. крестьян, работавших на землях частных владельцев. Вот почему в Русской Правде наследником бездетного *смерда* является князь.

Таков состав свободного населения, служилого и неслужилого.

ХОЛОПЫ. Последний класс в составе древнего русского общества XI, XII вв. образовали *холопы* (*χαλῆπος*, *хлап*).

Грамматическими формами для обозначения лиц этого сословия были: *холоп* для мужчины, *раба* для женщины. В юридических памятниках не встречаются или редко встречаются формы: *раб* и *холопка*; форму *раб* можно встретить только в памятниках церковной письменности. Русская Правда не признает *холопа* лицом, она оберегает его только как собственность, а не как лицо. Но это не соответствовало действительности. Может быть, эта неточность произошла от кодификационной неполноты Правды. В действительности, кажется преимущественно по настоянию церкви, *холопы* уже в XII в., если не раньше, образовали класс, который занимал свое особое,

законом обеспеченное положение в обществе⁴⁴. В доказательство того, что *холоп* был лицом, права и интересы которого ограждались законом, можно привести и ту статью Правды, по которой *раба*, ставшая матерью по вине своего господина, вместе с детьми отпускалась на волю. В памятниках конца XII и начала XIII в. жизнь и личность *рабынь* обеспечивается законом, как жизнь и личность свободных людей, только несколько меньшей денежной пеней. В договоре новгородского князя Ярослава с немцами начала XIII в. читаем: «Оже кто робу повержетъ насильем, а не соромить, то за обиду гривна. Паки ли соромить собе свободна». В договоре Смоленском с немцами 1229 г. постановлено: «Аще кто холопа оударить, то гривна кун»⁴⁵. *Холопство* в этот период не разделялось на виды по греко-римскому праву, на *обельных*, или полных, и на *холопов временных*, для которых не находим в древнейших памятниках права особого термина.

К положению *холопов* относятся некоторые термины, встречающиеся в памятниках, но теперь изменившие первоначальное свое значение, например *работать*. *Работать* не значило трудиться; понятие о труде и преимущественно черном, сельском, земледельческом выражалось термином «*страдать*». *Страда* — работа, в нашем смысле слова преимущественно работа земледельческая, отсюда — *страдная пора* — время летних полевых работ. *Работать* — значило состоять в рабском положении, в отношении раба к господину или служить по найму. Таким значением объясняется заглавие одной статьи в договоре Олега с греками: «О работающих в Грецах Руси у христьяньского царя»⁴⁶, мы перевели бы это заглавие так: «О русских, служащих по найму в Греции, у христианского царя». От слова «*страдать*» — трудиться преимущественно черным, земледельческим трудом — произошло древнерусское слово «*страдальник*», или «*страдник*», что значило простой рабочий, в особенности сельский; помните при этом и древнерусское выражение *страдалец*, как характеризует летописец Владимира Мономаха; *страдалец* за Русскую землю — это князь, положивший за нее много труда.

ИТОГИ. Итак, древнее русское гражданское общество XI—XII вв. делилось на двояком основании на два параллельных ряда классов. *Политически* — по отношению лиц к князю — оно делилось на два класса: на *княжих мужей* и на *людей*. *Экономически* — по хозяйственной состоятельности — на

бояр, горожан, смердов и холопов—обельных (позднее одерноватых) и людей временнозависимых, или обязанных; к этим последним можно отнести *сельских наймитов*, или *ролейных закупов* Русской Правды. *Боярин*—привилегированный частный землевладелец; *смерд*—вольный крестьянин, работающий на государственной земле со своим земледельческим инвентарем или капиталом; *наймит*—полусвободный рабочий на чужой земле, вошедший в долговые обязательства к господину, и *холоп*—не имеющий своей собственности.

ЦЕРКОВНЫЕ ЛЮДИ. Рядом с гражданским обществом в XI и XII вв. явилось общество церковное. Оно носит в памятниках церковного законодательства тех веков общее название *людей церковных*, или *богодельных*. Юридическая черта, отличавшая этих людей от членов гражданского общества, состояла в подсудности их церковной власти по всем делам. Общество это состояло из духовенства—белого и черного, из мирян, служивших церкви или при церковных учреждениях (просвирня, пономарь, врач), и из мирян, призреваемых церковью, которые питались от церкви божией: убогие, безродные и вообще *изгои*⁴⁷. Церковный устав, данный Софийскому собору в Новгороде, различает четыре вида изгоев, это: 1) попович, не обучившийся грамоте, 2) несостоятельный купец, 3) холоп, выкупившийся на волю, и 4) князь, преждевременно осиротевший. Итак, *изгоем* в древней Руси был человек, по собственной вине или по несчастным обстоятельствам потерявший права состояния, в котором родился, и оставшийся без определенного положения в обществе; такой человек поступал под защиту церкви⁴⁸.

Итак, русское общество в XI, XII вв. имело тройное деление: *политическое, экономическое и церковное*. *Церковные люди* не составляли особого класса в составе гражданского общества, а образовали отдельное общество, параллельное гражданскому, ибо они выходили из всех классов гражданского общества, начиная с князей.

ЛЕКЦИЯ III

- III. ОБЩЕСТВЕННОЕ ДЕЛЕНИЕ (ПРОДОЛЖЕНИЕ). Б) СОСТАВ ОБЩЕСТВА
УДЕЛЬНЫХ ВЕКОВ—XIII, XIV И XV. 1) СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ. 2) ЧЕРНЫЕ ЛЮДИ.
3) ХОЛОПЫ. В) СОСТАВ РУССКОГО ОБЩЕСТВА XVI, XVII ВВ.
1) ЧИНЫ СЛУЖИЛЫЕ. 2) ЧИНЫ ЗЕМСКИЕ, ИЛИ ЖИЛЕЦКИЕ ЛЮДИ.
А) ТЯГЛЫЕ ЛЮДИ. ПОСАДСКИЕ ЛЮДИ. ГОСТИ. ГОСТИНАЯ
И СУКОННАЯ СОТНИ. ЧЕРНЫЕ СОТНИ И СЛОБОДЫ. УЕЗДНЫЕ ЛЮДИ.
Б) НЕТЯГЛЫЕ ЛЮДИ. ГУЛЯЩИЕ ЛЮДИ. ХОЛОПЫ. СЛУЖИЛАЯ КАБАЛА.
ЗАЕМНАЯ КАБАЛА. ЖИЛАЯ ЗАПИСЬ

СОСТАВ ОБЩЕСТВА УДЕЛЬНЫХ ВЕКОВ—XIII, XIV И XV. Классы, на которые делилось это общество, по самым названиям своим имеют некоторую связь с общественными делениями предшествующих веков. Гражданское общество делилось на два разряда лиц: *высший* состоял из *служилых людей*, *низший*—из *черных*. *Черные люди* в XV в. назывались еще *земскими*; так, в договоре Дмитрия Шемяки с Василием Темным 1436 г. перечисляются такие классы общества: *князья, бояре, дети боярские, вольные слуги и земские люди*⁴⁹. Каждый из этих разрядов подразделялся на несколько слоев.

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ. *Люди служилые* (как мы их назовем,—я не встречал в памятниках такого термина) распадалась на: 1) *бояр и слуг вольных* и 2) слуг «*под дворским*» (дворский—дворецкий), которые считались слугами невольными. Среди *бояр и слуг вольных* является промежуточный разряд: *дети боярские*. Тогда этот термин, кажется, имел еще буквальное значение; это были молодые люди боярского происхождения, еще не дослужившиеся сами до боярства. Таким образом, высший слой служилого класса состоял из трех элементов: *бояр, детей боярских и слуг вольных*. В иных памятниках вместо *слуг вольных* являются *люди дворные*⁵⁰. Очевидно, *люди дворные*—это те лица—военные, свободные люди, которые в летописи с начала XIII в. иногда называются *дворянами*⁵¹. По-видимому, *дети боярские* отличались от *дворян*, или *слуг дворных*, только по происхождению; это были те же *слуги дворные*, только боярского происхождения. По крайней мере в Волынской летописи под 1281 г. мы встречаем заметку об одном из двух слуг, павших у князя Владимира в бою с ляхами: «Другий бяшетъ дворный его слуга, любимы сын боярский, Михайловичъ именовъ Рах»⁵²; итак, *сын бояр-*

ский служил дворным слугою у князя Владимира. Этот разряд пользовался некоторыми правами, которых не имели другие; например, люди этого разряда могли по воле своей переходить от князя к князю, не теряя своих имущественных прав, приобретенных в покинутом княжестве — *вотчине*. Далее, они были административным орудием князя, занимали правительственные должности; это было их преимущество. В договорных грамотах удельных князей XIV—XV вв. мы иногда встречаем определение, которое, например, в договоре сыновей Калиты 1341 г. формулировано так: «А вольным слугам воля (т. е. могут служить тому из князей, кому хотят.— В. К.) (объяснение.— В. К.): кто в кормленьи бывал и в доводе при нашем отци и при нас»⁵³. Быть в кормлении значило занимать доходную правительственную должность; быть в доводе — *доводчиком* — исполнять разные случайные правительственные поручения князя. Очевидно, эти три разряда — *бояре, дети боярские и слуги вольные, или слуги дворные* (т. е. дворяне), соответствовали прежним княжеским *мужам и гриди*.

Слуги «*под дворским*» — это дворовые служители князя, которыми заведовал княжеский «*дворский*» — дворецкий⁵⁴. Они, следовательно, отличались от слуг вольных тем, что не принадлежали к составу боевой дружины, а состояли на хозяйственной дворцовой службе у князя; отличались тем, что не имели права выбирать себе место службы среди княжеских дворов, сохраняя все имущественные права, которыми они пользовались в покидаемом княжестве. Они также имели земли, полученные ими от князя, но, переставая служить, теряли эти земли; эти земли — прототип позднейших поместий. Эти слуги «*под дворским*» состояли также из двух слоев: из *людей вольных и холопов полных*. К ним принадлежали дьяки, подьячие и разные дворцовые мастеровые, ремесленники, бобровники, псари, садовники, называвшиеся общим именем «*делюев*», т. е. деловых людей, рабочих-мастеровых.

ЧЕРНЫЕ ЛЮДИ. Второй класс — *люди черные, или земские*. Это были горожане, или городские люди, и сельчане — свободные крестьяне; *черным человеком* назывался одинаково и городской и сельский. Очевидно, сельчанин, или черный человек сельский, соответствовал прежнему *смерду*, как он и назывался в удельные века в областях, сохранивших еще древний быт и отношения, — в Новгородской и Псковской.

ХОЛОПЫ. *Холопы* в это время точно так же являются особым классом, подразделявшимся на два разряда — на холопей *одерноватых*, соответствовавших прежним *обельным*, и холопей договорных, добровольно и временно отдавшихся в рабство, последние с XV в. начинают называться *кабальными*: они соответствовали прежним *закупам*.

Церковное общество осталось в прежнем составе.

Вот в каком виде представляется общество удельных веков. Лица всех этих классов, кроме полных холопов, состояли в договорных, временных и личных отношениях к князю. *Бояре, дети боярские* и *слуги вольные* служили князю по уговору с ним и за то пользовались от него известным вознаграждением: *кормлением* и *доводом*, т. е. доходом с судебноправительственных должностей, на которые их назначал князь, — это боевые, ратные слуги. *Слуги «под дворским»* по происхождению своему были *вольные люди* или *холопы* князя; они были не ратные люди, а служилые по дворцовому хозяйству, и эта служба ставила их в полусвободное положение согласно с древнерусским правом, делавшим домовую хозяйственную службу одним из источников холопства; служба их вознаграждалась земельными дачами. Дворцовые слуги свободного происхождения могли покидать службу, только в таком случае лишались и данной им княжой земли, т. е. не имели своих вотчин, а получали землю от князя во временное, условное владение. *Люди черные*, имевшие землю, платили дань князю, тянули тягло за землю, которую у него брали. В некоторых договорах князей удельных веков прямо обеспечено за *черными людьми*, городскими и сельскими, право свободного перехода из одного княжества в другое. Только полные холопы были прикреплены к княжеству и к князю.

СОСТАВ РУССКОГО ОБЩЕСТВА XVI, XVII вв. Всего труднее составить полный перечень всех классов в Московском государстве XVI, XVII вв. Большая часть терминов, относящихся к этому времени, легко объясняется положением обозначаемых ими классов в составе общества. Общество дробилось на множество иерархических разрядов с незаметными отличительными чертами. Иерархические эти разряды получили особое название — *чинов*. Можно распределить эти *чины* прежде всего на две группы: *чины служилые* и *чины земские*, или *жилицкие люди*. *Чины служилые* соответствовали старинной дружине, состоявшей из *бояр, детей*

боярских и слуг дворных, но к ним примыкал также разряд, соответствовавший и прежним слугам «под дворским», потому что теперь служба при дворе государя не отличалась от службы ратной. Чины земские, или жилецкие люди, соответствовали прежним людям черным, или земским.

ЧИНЫ СЛУЖИЛЫЕ. Служилые чины распадались также на две группы: на чины думные и чины служилые собственно. Служилый человек XVI в. говорил про свою братию: «Мы люди служилые, а не думные». Думные чины были таковы: бояре, окольные, думные дворяне⁵⁵. Но и служилые чины, лежавшие под думными, в свою очередь распадались на две группы. Чины московские — это люди, служившие по московскому списку: стольники (я иду сверху вниз), стряпчие, дворяне московские, т. е. столичные жильцы. Ниже следовали чины городовые; они в свою очередь распадались на несколько статей, именно: дворяне выборные, или «выбор», дети боярские дворовые (простые дворяне) и дети боярские городовые собственно, служившие осадную службу, т. е. составлявшие местные гарнизоны. «Выбор» — это высший слой уездного дворянства; люди, его составлявшие, по очередям назначались на службу в «столице» на известное время. Так, например, наиболее зажиточные дворяне уезда Владимирского, состоявшие в «выборе», разделялись на две половины, из которых каждая дежурила, как бы сказать, в Москве полгода. В иных уездах этого разряда дворян не было. «Выбор» — переход к чинам московским — от уезда к городу. Дети боярские дворовые — это слой уездных дворян, настолько зажиточных и подготовленных, что они могли ходить и в дальние походы. Дети боярские городовые не ходили в дальние походы, потому что были большею частью безлошадны и отправляли осадную службу. К этим уездным дворянам и детям боярским примыкали еще служилые люди «по прибору» — по вербовке. Дворяне и дети боярские служили «по отечеству», наследственно, но в городах (т. е. крепостях) был еще военный слой низших ратников, которых правительство вербовало на время; то были стрельцы, пушкари, воротники, затинщики⁵⁶ (артиллерийская прислуга) и т. п.

ЧИНЫ ЗЕМСКИЕ, ИЛИ ЖИЛЕЦКИЕ ЛЮДИ. На такие же дробные разряды распалось и общество земских тяглых людей, которые обыкно-

венно обозначались термином «люди жилецкие». Жилецкие люди были или *тяглые*, или *нетяглые*⁵⁷.

ТЯГЛЫЕ ЛЮДИ. Тяглые люди разделялись по обществам, к которым они были приписаны, на людей *посадских*, или городских обывателей, и на людей *уездных*, или сельских обывателей. Различие между посадскими и уездными людьми было не экономическое, а корпоративное; *посадские* и *уездные* люди — это не промышленники и хлебопашцы: как между *посадскими* людьми было много хлебопашцев, так и между *уездными* людьми было много промышленников и торговцев. Различие между ними заключалось в том, что те и другие приписаны были к разным тяглым обществам — одни к городским, другие к сельским.

ПОСАДСКИЕ ЛЮДИ. *Посадские* люди были устроены неодинаково в столице и в прочих городах государства. Посадские люди города Москвы разделялись на такие слои: *гости*, *гостиная сотня*, *суконная сотня*, *торговые люди черных сотен и слобод*, или *черные сотни и слободы*.

ГОСТИ. *Гости* издавна имели у нас значение крупных оптовых торговцев, которые вели дела с другими городами или с чужими землями. В Московском государстве это был высший слой московского, т. е. столичного, купечества. Их положение определялось наравне с другими торговыми обывателями столицы: 1) размерами капитала и 2) свойством повинностей; итак, звание *гостей* совмещало в себе два признака: экономический и политический. Это были самые крупные капиталисты-торговцы. Котошихин, определяя размер капиталов у *гостей*, говорит, что они торговали на сумму от 20 тыс. и до 100 тыс. руб.; 20 тыс. руб. по тогдашнему рыночному значению рубля равнялось с лишком 300 тыс. руб. на наши деньги, 100 тыс. — около 2 млн, потому что рубль царя Алексея, к царствованию которого относится известие Котошихина, можно приравнять к 17 нынешним⁵⁸. На *гостях* лежали некоторые специальные государственные повинности, кроме общего тягла, падавшего на всех тяглых людей. Эти повинности состояли из служб в пользу государя или государства по казенным финансовым поручениям; такая служба в отличие от ратной, лежавшей на служилых людях, называлась *целовальной*, т. е. *присяжной*; служилые люди служили по государеву

указу, или «по отечеству», торговые люди — по вере, или по крестоцелованию. Эти казенные финансовые поручения объясняются тогдашней системой эксплуатации казенных доходных статей, или казенных монополий, т. е. таких доходных статей, которые эксплуатировать имела право исключительно казна. Эти казенные доходные статьи состояли в пошлинах, падавших на проданный товар, или в пошлинах таможенных; в торговле питиями, или в сборах кружечных, кабацких; в продаже казенных мехов, получавшихся с сибирских и других инородцев или русских промышленников вместо дани; этот доход носил название *соболиной казны государевой*. Эти казенные статьи и поручала казна эксплуатировать под имущественной личной или мирской ответственностью торговым людям, которых тяглые городские общества обязательно выбирали из своей среды. Важнейшие из этих поручений, сопряженные с наибольшими расходами и наибольшею имущественною ответственностью, и поручались *гостям* как наиболее зажиточным торговцам, имущество которых обеспечивало казне исправный сбор. Как скоро торговец начинал исполнять такие казенные поручения, он получал звание *гостя*. Звание *гостя* сопряжено было с исполнением казенных поручений; как бы ни был велик капитал торговца, но, если он не исполнял еще казенного поручения, он не носил звания *гостя*. «А бывают они (торговые люди.— В. К.) гостиним именем пожалованы,— говорит Котошихин,— как бывают у царских дел в верных головах и в целовалниках у соболиные казны, и в таможенных, и на кружечных дворах»⁵⁹. Это была тяжелая служба, соединявшаяся с отъездом из Москвы; иному торговцу поручали, например, таможенный сбор в Астрахани, другому — сбор торговых пошлин на ярмарке в Архангельске и т. д. *Гости* выбирались для этих поручений на год; в выборе их соблюдалась известная очередь, так что иногда *гостю* приходилось служить по казенным поручениям через год. Это объясняется незначительным количеством *гостей*; их никогда не было много; в 1649 г. (в Москве) их было человек тринадцать, при Котошихине — человек с тридцать. *Целовальная служба*, или *служба верная* (т. е. соединенная с верой, с присягой), вознаграждалась известными преимуществами, которыми пользовались *гости*. Эти преимущества были очень значительны: 1. *Гости* имели право держать про свой домовый обиход питья без заказа, *беспенно и бесвыимочно*, т. е. не платя пошлин; *гость* мог варить свое пиво, мед, курить свою водку про свой обиход, а не на продажу, не платя никакой пошрины.

Простой обыватель не имел этого права; задумав к празднику сварить пиво, мед или выкурить водку, он должен был просить разрешения, платя пошлину за явленное им количество питей. 2. Гости имели право покупать и брать в заклад вотчины. 3. Гости за службу получали поместные оклады. Оба последних преимущества равняли их со служилыми людьми. Кроме того, за оскорбление гостя по Уложению назначалось 50 руб. Эта сумма превосходила плату за «бесчестие» большей части провинциальных дворян; служилые люди получали «бесчестие» в размере окладов денежного жалованья, а среди провинциальных дворян того времени очень трудно найти оклад в 50 руб.⁶⁰

ГОСТИНАЯ И СУКОННАЯ СОТНИ. Гостиная и суконная сотни были два торговых разряда, которые следовали за гостями. Они различались между собой также размером капиталов. Сообразно с этим на них падали менее тяжелые и ответственные казенные службы. Эксплуатация каждой казенной статьи поручалась правительством «на веру» выборному голове с несколькими товарищами, или целовальниками — присяжными. Верный голова — таможенный, кружечный и т. д. — был главным распорядителем статьи; целовальники — его помощники. Соразмерно с этим делилась между ними ответственность за недобор. Как менее крупные капиталисты торговцы гостиной и суконной сотни выбирались обыкновенно на должности целовальников или голов на кружечные и таможенные дворы в незначительных городах, где ежегодный оборот был невелик. К сожалению, мы не знаем размера капиталов, которыми различались эти сотни между собой, и потому не можем точно представить себе степень имущественной ответственности, какую они могли нести, служа по казенным поручениям. Название сотня, разумеется, имело номинальное значение, в этих сотнях бывало менее и более 100. Так, например, в 1649 г. в гостиной сотне было 158 человек, или домов, семейств; в суконной — 116, причем из этих 116 могли служить у государева дела только 42 человека, остальные все были несостоятельны и ждали очереди исключения. Чтобы понять тяжесть этих служб, падавших на ту и другую сотню, надобно заметить, что в то же время ежегодно из суконной сотни выбирались для казенных поручений по 18 человек; следовательно, в третий год надобно было выбирать уже некоторых суконников, которые служили два года тому назад. Гостям,

торговцам *гостиной* и *суконной сотен* приходилось иногда служить через год, три, пять, шесть лет, смотря по личному составу каждой сотни в данное время⁶¹. Торговцы *гостиной* и *суконной сотен* также пользовались за свою службу известными правами⁶². Подобно *гостям*, они пользовались питейной привилегией и получали возвышенную плату за «бесчестие» сравнительно с простыми горожанами, но она была несколько ниже платы за «бесчестие» гостей. Зато люди обеих этих сотен не пользовались правом землевладения. «А крестьян купити и держати им заказано (не велено.— В. К.)»,— говорит Котошихин⁶³. Замечу кстати, что эти сотни образовались в Москве довольно рано. Уже в XIV в. в составе московского купечества существовали *сурожане* и *суконники*. *Сурожане*—торговцы, которые вели дела с городом Суροжем, с каким, неизвестно, я думаю, с Крымским; *суконники*—это торговцы, которые торговали сукнами и иным заграничным товаром. Думаю, что память об этих *суконниках* и *сурожанах* до сих пор осталась в языке городских рядов Москвы⁶⁴. *Суровской ряд*—это, очевидно, ряд сурожский; поговорка о суконном рыле, которое в *гостиный ряд* лезет пить чай, указывает на различие старинных *сотен*.

Таков был состав высшего купечества города Москвы. Легко понять значение перечисленных трех разрядов. Обе *сотни*—это гильдии—1-я и 2-я; *гости*—это нынешние коммерции советники.

Торговая и промышленная масса посадского населения столицы носила общее название торговых людей черных сотен и слобод.

ЧЕРНЫЕ СОТНИ И СЛОБОДЫ. *Черные сотни*—это разряды, или местные общества, на которые делились низшие торговцы и ремесленники города Москвы. Они занимали известные улицы, которые и доселе называются по их именам; так, были сотни: Сретенская, Мясничная, Покровская, Дмитровская (очевидно, составившаяся из торговцев, первоначально выселившихся из города Дмитрова) и др.⁶⁵ Каждая *черная сотня* составляла особую местную корпорацию, особое общество, которое управлялось так же, как общество сельское, т. е. выбирало своего старосту, или сотника.

Черные слободы отличались от *черных сотен* тем, что они состояли из торговцев и ремесленников, приписанных ко дворцу и служивших по дворцовому хозяйству. Тягло, падавшее на этих *слобожан*, состояло в известных услу-

гах вещественных или рабочих в пользу дворца; одни работали на дворец, другие поставляли во дворец известные припасы. Этим дворцовых черных слобод в Москве было множество, и каждая из них также составляла особое общество с выборным старостой. Названия, обозначавшие характер повинностей этих слобод, до сих пор уцелели в топографической номенклатуре нашей столицы. Ремесленники, работавшие на дворец, были, например, садовники (нынешняя улица Садовники между Москвой-рекой и каналом); бронники (нынешние Бронные), поставлявшие оружие, доспехи; кузнецы (нынешний Кузнецкий мост, получивший название от некогда существовавшего там моста через Неглинную, теперь закрытую мостовой); хамовники — ткачи столового белья на дворец; кадаши — ткачи полотен на дворец, из которых делалось белье на государево семейство, и т. д., так называемая белая казна; бараши (на Покровке у церкви Воскресения в Барашах) — мастера государевых шатров, или палаток, и т. п.; квасовары, медовары, пивовары — ставившие эти питья на дворец (нынешняя Кисловка). Некоторые из этих слобод, входивших в состав Москвы, были очень многолюдны: Кадашово, например, во времена Котошихина состояло более чем из 2 тыс. дворов⁶⁶. Там было очень много богатых торговцев, которые вели дела даже с заграничными рынками; между кадашовцами было немного мастеров полотняных, которых прочие кадашовцы и нанимали, чтобы ставить во дворец свой пай полотна. Гости и торговые люди двух высших сотен вербовались из разбогатевших торговых людей низших разрядов столицы — слободских и черносотенных и из торговых людей других городов; кадашовцы представляли особенно обильный запас таких промышленных рекрутов. Можно заметить, что черные сотни и слободы, составляя местные общества, различались между собой по роду занятий и промыслов; на это указывает, например, сотня Мясничная и все слободы. Если черные сотни и слободы в отличие от высших разрядов купечества можно приравнять к нынешнему мещанству, то каждую из них можно считать цехом⁶⁷.

Столь сложен был состав тяглового населения столицы. Посадские люди провинциальных городов также распадалась на разряды, соответствовавшие нашим гильдиям. Люди этих разрядов назывались лучшими, средними и молодшими. Каждый разряд составлял особую корпорацию, отличавшуюся от других размером общего государственного тягла, на него падавшего, и тяжестью служб,

или казенных поручений. Двор *лучшего посадского* человека нес тягло, вдвое более тяжелое сравнительно со двором *среднего посадского*, а этот последний нес тягло, вдвое более тяжелое сравнительно со двором *молодшего посадского*. Соответственно этому *посадские* каждого разряда несли и казенные службы, более ответственные, тяжелые. *Лучший* или *средний* посадский человек служил обыкновенно *целовальником* в таможне своего города или верным головой при кружечном дворе в каком-нибудь сельском обществе. Службы этих провинциальных *посадских* людей не соединялись ни с какими особенными правами, даже с питейной льготой.

УЕЗДНЫЕ ЛЮДИ. Тяглые люди *уездные* разделялись на *крестьян*, или полных тяглых хлебопашцев, и на *бобылей*, хлебопашцев маломочных, или безземельных сельских обывателей, записанных в тягло. Эти тяглые разряды соответствовали разрядам городских обывателей.

Вот состав тяглового городского и уездного населения.

НЕТЯГЛЫЕ ЛЮДИ. *Нетяглые* люди разделялись на два крупных слоя: на *людей вольных*, или *гулящих*, и на *холопей*.

ГУЛЯЩИЕ ЛЮДИ. *Вольные*, или *гулящие*, люди — это те, которые не несли ни государственной службы, ни государственного тягла. Они или работали за чужим тяглом, или кормились черной поденной работой, или, наконец, питались Христовым именем. Работавшие за чужим тяглом были нанимавшиеся к тяглым людям работники или жившие при них родственники; они носили название *захребетников*, *соседей* и *подсосудников*. Их обязанности были чисто личные, связывавшие их с хозяевами, во дворах которых они жили; старик-крестьянин, терявший способность работать, обыкновенно становился *захребетником* своего подростшего сына и т. п. Другие *вольные*, или *гулящие*, люди нанимались к разным хозяевам на кратковременную поденную работу или занимались промыслом, который не привязывал их к земле, например промыслом *скомороха*, *шерстобита*, или, наконец, просили милостыню. *Вольными*, или *гулящими*, они назывались потому, что не несли тягла и не были приписаны ни к какому городскому или сельскому обществу. Они жили в посадах или в селах и деревнях, но не причислялись ни к посадскому, ни к уездному обще-

ству. Это был чрезвычайно подвижный и изменчивый класс — рассадник всех вольных промыслов древней Руси, причисляя к этим вольным промыслам воровство как ремесло, разбой и т. п. Поэтому с XVI столетия мы замечаем напряженные усилия государства разбить этот класс, в котором заводились всякие социальные недуги, пристроив его к тяглу.

ХОЛОПЫ. Второй разряд *не-тяглых людей* состоял из *холопей*, которые, подобно первым, также не несли на себе никаких государственных повинностей. *Холопи* представляли очень многочисленный, но не однообразный класс, распадавшийся также на несколько слоев. Общая черта, которая отличала этот класс от других, — личная зависимость. *Холопи* различались по свойству *крепостей*, или юридических актов, которые привязывали их к лицу, поэтому все *холопи* назывались *крепостными*. *Крепости*, которые укрепляли *холопа* к лицу боярина, т. е. хозяина⁶⁸, были *грамоты старинные, духовные, приданные* и др. Холопство, создававшееся этими тремя видами закрепощения, т. е. происхождением от полного (старинного) холопа, завещанием и отдачей в приданое, называлось *старинным холопством*. *Холопство старинное* соответствовало прежнему холопству *обельному, одерноватому, или полному*. От него надобно отличать холопство *кабальное*. *Кабала* — собственно заемная расписка, вообще всякое личное письменное обязательство⁶⁹. *Кабалы* были различные: *служилые, заемные и жилые записи*⁷⁰.

СЛУЖИЛАЯ КАБАЛА. *Служилая кабала* создавала один из видов кабального холопства. Вольный человек, подряжаясь на службу к какому-либо хозяину, давал на себя *служилую кабалу* — письменное обязательство служить ему; эта кабала писалась *площадными подьячими*, чем-то вроде древнерусских *потариусов*, и свидетельствовалась — *скреплялась* в *Холопьем приказе*. Скрепление состояло в том, что *хозяин-боярин*⁷¹ приводил человека в *Холопий приказ*, где его *расспрашивали*, служил ли он кому-либо прежде, не состоял ли в *тягле* и т. п.; если по *расспросам* и *розыску* оказывалось, что он поступает с воли, из вольных *гулящих людей*, его *служилая кабала* заносилась в *кабальные записные книги*, где отмечали его *рожай* и *приметы*. *Рожай* — это старинная русская форма, соответствовавшая нынешнему слову *роза*, и значила —

физиономия, весь наружный вид человека, т. е. цвет волос, цвет лица, рост; *приметы* — это некоторые особенности, отличавшие человека, например рубец на лице, хромота, горб и т. п. *Служилую кабалу* мог дать на себя всякий вольный человек, не состоявший на государевой службе и не записанный в тягло, но закон устанавливал известный возраст, с которого человек считался способным распоряжаться своею свободой; раньше 15 лет нельзя было записаться в *кабальные холопы*. *Служилая кабала* не соединялась с займом; это был уговор о службе. Но казна, которая брала пошлины со всех актов в размере известного процента со ссуды, обязывала писать кабалы на три рубля, т. е. фиктивно делала их *кабалами заемными*; это надо было для того, чтобы взять один процент, т. е. алтын, или 6 денег. (Три рубля содержали в себе 600 денег.) Усложнялся процесс записи, если *служилая кабала* давалась на бывшего *кабального холопа*. *Кабальный холоп* был лично зависимый человек, т. е. зависимость его простиралась только на него с женой, не простираясь на детей, и привязывала она его только к хозяину, но не к его жене и детям. *Кабальное холопство* могло быть только временное, обыкновенно пожизненное; *служилая кабала* давалась по жизнь хозяина: смерть хозяина делала *кабального холопа* свободным. Но он мог быть отпущен на свободу по воле хозяина и ранее смерти последнего; *кабальный холоп*, получив свободу, мог поступить в новую зависимость, представив отпускную. Его выход на волю утверждался в отпускной, которую ему обыкновенно давал либо хозяин, либо наследники хозяина, либо, когда те и другие отказывались, *Холопий приказ* им приказывал дать отпускную. Бывшего *кабального холопа* нельзя было принять на службу новому хозяину без отпускной.

ЗАЕМНАЯ КАБАЛА. Иной род зависимости создавался *заемной кабалой*. Сама по себе *заемная кабала* не делала должника лично зависимым от кредитора; личная зависимость вытекала из несостоятельности должника, из отказа его уплатить в срок долг. Когда должник отказывался платить, т. е. объявлял себя несостоятельным, *Холопий приказ* разыскивал эту несостоятельность и, не отыскав поручителей, т. е. сторонних людей, которые бы поручились в уплате долга, отдавал должника со всей семьей головою в холопство кредитору «до искупу». Эта выдача с семьей *до искупа* равнялась обязательной работе на кредитора,

продолжавшейся до того времени, пока зарабатывался весь долг. Поэтому была оценена работа такого холопа; именно работа его самого и его жены ценилась в 5 руб. за год, его взрослых детей — в 2,5 руб. за год, его малолетних детей, имевших не менее 10 лет, — 2 руб.; на детей недорослей, т. е. менее 10 лет, ничего не зачислялось из долга, потому что «такие недоросли в таковы лета не работают», — говорит Уложение. Отсюда понятна разница зависимости, создаваемой *заемной кабалой*, от зависимости по *кабале служилой*. Последняя зависимость была личная, т. е. привязывала известное лицо к известному лицу и прекращалась с исчезновением одного из этих лиц. Зависимость, создававшаяся *заемной кабалой*, была не личная, а вещная; она простиралась на семью должника и простиралась даже по смерти кредитора: если кредитор умирал, прежде чем должник успел заработать свой долг — «окупиться», он продолжал работать на его наследников — жену и детей. Итак, эта зависимость срочная, срок которой часто был высчитан по составу семьи должника и по размеру долга.

ЖИЛАЯ ЗАПИСЬ. Наконец, третьего рода зависимость создавалась *жилою записью*. *Жилою записью* называлось обязательство, в силу которого лицо отдавалось в работу к другому на урочные лета, иногда, впрочем, бессрочно. *Жилая запись* отличалась от *служилой кабалы* тем, что она не создавала зависимости пожизненной, а от *заемной кабалы* тем, что она не соединялась с займом. Обыкновенно два случая вызывали *жилою запись*: 1) если кто отдавался сам или отдавал своего сына или дочь в работу в голодное время за прокорм; 2) если кто выкупал с правезу неоплатного должника и брал его к себе в работу. Этот последний вид зависимости объясняется порядком взыскания долгов в древней Руси. Если должник отказывался платить долг кредитору по истечении срока, кредитор предъявлял об этом иск в приказ, прося взыскать долг формальным путем. Должника призывали в приказ и требовали от него уплаты долга, если он не лживил записи, т. е. признавал свою расписку подлинной. Когда должник отказывался платить, ссылаясь на свою несостоятельность, приказ прибегал к принудительному средству. Таким принудительным средством был *правез* — взыскание долга; он состоял в том, что каждое утро такого должника выводили на площадь перед приказом, снимали с него сапоги и начинали бить палками по икрам до тех пор, пока он либо

не согласится заплатить долг, либо не поставит за себя поручителей. По судебникам определено было стоять на правеже не более месяца; следовательно, прежде можно было делать ежедневные понуждения к уплате долга и более того. Если находился человек, который не поручался в уплате, а прямо платил долг за несостоятельного должника, то последний отдавался ему в работу по *жилой записи*; в этой записи обыкновенно обозначался срок работы. Вы легко заметите, что последний вид *жилой записи* — почти то же, что *заемная кабала*. Личная зависимость, создававшаяся по *жилой записи*, была срочная, продолжалась *урочные лета*.

Таковы три вида личной зависимости, называвшиеся *кабальным холопством*.

Кабальные холопы, как и *холопы старинные*, были *крепостные люди*. Закон одинаково выражается о тех и других холопах, как о *крепостных*, о людях *крепких* — о людях, зависимость которых определяется *крепостью*. В этом смысле надобно строго отличать *крепостное состояние* от состояния крестьян, прикрепленных к земле. Последние прикреплялись к участку, т. е. к сельскому обществу, а не к лицу; они прикреплялись общими государственными законами, а не договорами или частными актами. Перенесение понятия о *крепостных* на прикрепленных к земле крестьян становится заметным с конца XVII в., когда крестьяне отрываются от земли. Состояние *крепостного человека* в древней Руси не только не было тождественным с состоянием прикрепленного к земле крестьянина, но было прямо ему противоположно.

ЛЕКЦИЯ

IV

III. ОБЩЕСТВЕННОЕ ДЕЛЕНИЕ (ОКОНЧАНИЕ). Г) ВЗГЛЯД НА ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ СОСЛОВИЙ. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ДЕЛЕНИЯ НА КЛАССЫ. РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ КЛАССАМИ. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА НА КЛАССЫ. ДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА НА КЛАССЫ В УДЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД. ДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА НА КЛАССЫ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

ВЗГЛЯД НА ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ СОСЛОВИЙ. Нам осталось свести явления, которые мы замечаем под социальной терминологией древней Руси, к известным выводам, привести их в порядок.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ДЕЛЕНИЯ НА КЛАССЫ. Припомните, какова была первая общественная формация, открывающаяся в памятниках XI и XII вв. Все общество делилось на две группы, различавшиеся своими отношениями к князю: одна часть состояла из людей, которые служили князю, другая из людей, которые платили ему дань; первые назывались *княжи мужи*, вторые — *люди*. Так как князь был носитель верховной государственной власти, представлявшей собою общие интересы, то, следовательно, основание такого общественного деления, выражавшееся в различии отношений лиц к князю, было *политическое*. Рано, с появлением христианской церкви на Руси, это деление несколько усложнилось: церковь произвела значительный переворот в составе общества. Во-первых, она ввела в этот состав новое сословие — *духовенство*; во-вторых, она выделила из прежнего состава два новых класса: *холопов* и *изгоев*. По княжескому законодательству *холопы* не составляли общественного класса, потому что не пользовались ни личными, ни имущественными правами. Но церковь сделала из них класс: она дала им личные права, хотя не дала прав имущественных; *холоп* по-прежнему не мог иметь собственности, но личное его оскорбление наказывалось сначала церковной карой, а потом и карой государственной. Таким образом, церковь и государственная власть, по настоянию церкви, признали в *холопе* лицо. По личным своим правам *холоп* приближался к *людям* — простолюдинам, к неслужилому обществу, но по отсутствию прав имущественных отличался от *людей*: следовательно, *холопы* составляли особый класс. Как мы видели, *изгои* составляли разряд людей, почему-либо утративших права своего прежнего состояния или права, которые могли принадлежать им по их происхождению, и потому стали под непосредственное покровительство церкви. *Изгои* были лично свободные люди, зависевшие от церковных учреждений, следовательно, не состоявшие в зависимости от лиц. Как лично свободные люди они этим отличались от *холопов* и приближались к классу *людей*, но они не составляли тяглых сельских обществ, не платили князю дани, завися во всем от церковных учреждений, этим они отличались от *людей*. Лично свободные, они имели право собственности — этим они отличались от *холопов*. Итак, *изгои*, подобно *холопам*, составляли особый класс общества. Княжеская власть признала все эти три новых класса (*духовенство*, *холопов* и *изгоев*) или прямым законом, или молчаливым согласием на то положение,

какое им дала церковь, а такое молчаливое согласие тоже было своего рода законодательным актом. Таким образом, новые классы, выдвинутые в составе общества под влиянием церкви, как и более ранние, коренные, стали на одни с последними основания, т. е. различались своими отношениями к князю. Итак, все классы общества, обозначившиеся в указанные века, имели *политическое* основание.

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ КЛАССАМИ. Различие между ними можно формулировать так. Одни имели *непосредственное личное* отношение к князю, связаны были с ним личной службой—это *княжи мужи*. Другие имели *непосредственное*, но не личное, а *коллективное* отношение к князю—это *люди*, делившиеся на общества и относившиеся к князю целыми обществами, городскими либо сельскими. Наконец, третьи имели *посредственное* отношение к князю, потому что зависели либо от лиц, либо от учреждений; таковы были *холопы* и все классы церковного общества. Между князем и ими стояло либо привилегированное лицо—*княж муж*, либо привилегированное учреждение: епископская кафедра, монастырь, соборная или приходская церковь. Это—первоначальное нам известное деление общества.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА НА КЛАССЫ. Но уже в памятниках XII в. обозначается другое деление, имевшее иное основание. Из прежних классов выделяются новые. В среде *княжих мужей* является класс привилегированных землевладельцев, получающих название *бояр*. Из среды *людей* выделяется класс *наймитов*, или *закупов*,—это наемные рабочие, бравшие ссуду у хозяев и за то работавшие в городских домах или в селах на пашенной земле. Эти *наймиты*, или *закупы*, выдвинулись из простых городских людей и из свободных сельских обывателей, или крестьян, долговыми обязательствами вступавших во временную личную зависимость, которая не освобождала их от непосредственного тяглового отношения к князю; они отличались от *людей* тем, что не были хозяевами, работали при чужих хозяйствах, т. е. чужим капиталом. Итак, отличительная черта этого класса была экономическая, точно так же как экономическим положением отличался и класс *бояр*. Даже среди *холопей* образуется особый класс *тиунов*, которым князья или бояре поручали управление частями своего хозяйства;

тиуны княжие или боярские становились в привилегированное положение и, не делаясь свободными людьми, стояли в иных отношениях выше свободных людей; так, *тиун боярский* по Русской Правде прямо отличался от свободного человека, но он мог быть свидетелем на суде и тогда, когда им не мог быть *закуп*. Отличие этого класса от других было также экономическое, а не политическое: эти холопы становились выше других, потому что получали в управление привилегированное хозяйство. Поэтому новое общественное расчленение, которое обозначается рядом с предшествующим в памятниках XII в., надобно назвать *экономическим*. Это новое деление развивается с такою силою, что оказывает влияние на законодательство. Держась на экономическом различии лиц, это деление заставило законодательную власть признать как следствие экономического различия неравенство юридическое за лицами этих классов. В памятниках права XII в. эти экономические слои уже различаются между собою правами, подобно политическим классам, т. е. сословиям. Итак, рядом с прежним, политическим делением является новое, экономическое, которое получает также законодательное признание. Рядом с классами, которые руководили обществом по назначению князя, являются классы, которые руководят обществом по своему имущественному состоянию. Словом, рядом с аристократией в обществе является плутократия, и так как закон признает ее правящим классом, то она в свою очередь становится аристократией. Таким образом, рядом с прежним правящим классом, который был органом княжеской власти, становится новый правящий класс, который представлял собою интересы земских миров и вместе был руководителем народного хозяйства. Чем объяснить торжество этого нового общественного деления, возникшего, очевидно, помимо княжеской власти? Припомнив ход политической жизни Русской земли в XII в., мы легко объясним себе это торжество. Политическое деление общества было делом княжеской власти. Деление экономическое шло от другой силы — от промышленного капитала, который сосредоточивался в больших промышленных городах, а большие промышленные города в XII в., став вечевыми, сначала соперничали с княжеской властью, а потом взяли над нею решительный перевес. И, очевидно, как только эти вечевые города взяли перевес, так и экономическое деление общества получило законодательное признание — различие имущественных состояний соединилось с различием прав.

ДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА НА КЛАССЫ В УДЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД. Припомните, как делилось общество в удельные века—XIII, XIV и XV. Это деление гораздо проще предыдущего. Общество делилось на *бояр* (мы говорим об обществе только гражданском, не церковном, которое и в удельные века стояло на прежних основаниях), служивших князю по высшему управлению; на *вольных слуг*, составлявших ратную силу князя и служивших его органами по низшему управлению; на *слуг дворовых*, служивших князю по его дворцовому хозяйству; и на *черных людей*, снимавших у князя землю, городскую или сельскую, промысловую или пашенную. *Черными людьми* теперь назывались безразлично и городские и сельские тяглые обыватели. Значит, различие между поименованными классами определялось также их отношением к князю, но его теперь нельзя назвать политическим. Отношения различных классов к обществу были не принудительные, а добровольные, следовательно, держались не на государственном, а на гражданском праве. Отношения эти определялись договором с князем, а условия этого договора зависели от свойства выгод, какие получал от князя тот или другой класс, и от рода услуг, которыми каждый класс платил князю за получаемые от него выгоды. Таким образом, общество разделилось на разряды, связанные с князем свободным уговором лиц. *Бояре* служили князю правительственным советом и за это получали от него в кормление известные правительственные доходы или (перевертывая определение) брали у князя на откуп известные его доходы и, собирая их в свою пользу как откупщики, платили за это князю личной службой, выражавшейся в правительственном совете, в деятельности по высшему управлению, поэтому *боярин* имел характер и кормленщика и откупщика княжеских доходов. Припомним, что в XIV в. *служилые люди*, получая в управление известные административные округа или дворцовые хозяйственные ведомства князя, сами собирали доходы и делились ими с князем, отдавая ему либо половину этих доходов, либо иную часть; иногда они так же делились исполу с князем, как делились жатвой тогдашние крестьяне-арендаторы с землевладельцами. *Вольные слуги* были наемными ратниками князя и органами его по низшему управлению и за это также получали от него известный правительственный доход—в кормление—либо статью дворцового хозяйства, либо известный мелкий округ, сельскую волость или стан. *Дворовые слуги* служили по дворцовому хозяйству князя и за это

получали от него участки дворцовой земли в пользование, которых и лишались, как скоро покидали хозяйственную службу при дворе князя. *Черные люди*, городские и сельские, арендовали у князя промысловую или пашенную землю и за это платили ему не личной службой, а тяглом, податью.

Итак, сущность отношений удельного князя к своему обществу состояла в обоюдном договорном обмене вещей, т. е. выгод и услуг: князь давал людям разных классов те или другие статьи своего хозяйства в пользование и за это получал от них известные услуги — правительственные, ратные, тяглые. Мы видели прежде два основания общественного деления — сперва политическое, а потом экономическое. Основание общественного деления в удельные века было не политическое и не экономическое, а *экономическо-юридическое*; этим основанием был договор, определявший хозяйственные отношения князя к различным классам общества; договор — момент юридический, хозяйственные отношения — момент экономический. Такой характер основания, на котором держалось общественное деление, выражается и в памятниках удельного права.

Удельные отношения формулируются всего полнее и точнее в памятниках княжеского законодательства, называвшихся духовными и договорными грамотами. Следя за отношениями общества к князю по этим памятникам, вы не увидите прямого определения чьих-либо общих прав или обязанностей. Грамоты эти не определяют, подобно Русской Правде, какими правами отличался княж муж, теперь боярин, от прочих классов общества; в этих грамотах нет, например, указаний на то, что после боярина, не оставившего сына, наследницей его движимого и недвижимого имущества могла быть дочь; эти грамоты не говорят о том, как велика вира за убийство боярина, больше ли виры за убийство простого человека. Зато эти грамоты с большою точностью и подробно определяют виды служб различных обывателей в пользу князя. Как мы знаем, такое отношение общества к князю вполне соответствовало политическому характеру последнего. Князь удельных веков был хозяин удела, а не государь в нашем смысле слова, частный владелец, а не представитель общего блага. Поэтому в его руках не было элемента (мысль об общем благе), из которого развиваются политические обязанности: из мысли о хозяине могли развиться отношения только по гражданскому праву, т. е. договорные.

ДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА НА КЛАССЫ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ. С объединением Руси под властью московского государя в складе удельного общества произошла большая перемена. Хозяйственные службы различных классов в пользу князя теперь перестали быть добровольными и стали принудительными; хозяйственные услуги по договору теперь превратились в государственные повинности по закону, но эти повинности были те же удельные хозяйственные службы. Следовательно, изменилось только основание отношений общества к государю. Этим основанием стало теперь не гражданское право, выражавшееся в договорных отношениях к князю, а право государственное, выражавшееся в обязательном несении повинностей, наложенных государем. Таким образом, теперь общество в Московском государстве разделилось на классы, которые различались между собою родом государственных повинностей. Точнее говоря, общество сохранило прежнее деление, только различие между его частями получило иной характер. Теперь различные службы, определявшиеся уговором, стали государственными повинностями, ложившимися на обывателей без всякого уговора. Известный род служб в пользу государя, ставших принудительными, составлял постоянные существенные отличия каждого класса от другого, и так как службы эти были очень разнообразны, то основные классы удельных веков, подразделившись, распались теперь на многочисленные мелкие *служилые чины*. Если вы припомните перечень этих чинов, как я их изложил, вы сейчас заметите основание, по которому можно нам будет распределить различные государственные повинности. Это распределение будет таково: *кто лично служил государю, тот владел землею; кто лично не служил, а платил — тянул тягло, тот только пользовался чужою землею*. Слуги — землевладельцы; тяглые люди — не землевладельцы, а арендаторы чужой земли, частной или государственной. Но общество не делилось так просто; были слои, которые совмещали в себе различные государственные повинности; например, высшие разряды купечества и тянули тягло и служили государю по казенным финансовым поручениям. Вот почему *гости* пользовались и правом землевладения, не принадлежа к служилым людям. Со введением земского самоуправления местные миры, городские и сельские, стали выбирать земских и других старост из своей среды. Земское самоуправление было тогда лишь вспомогательным органом приказного государственного управления,

поэтому *земский староста*, выбиравшийся из тяглых людей, становился своего рода государственным чиновником, усвоившим себе характер служилого приказного человека. Вот почему с введением самоуправления право владеть землей (поместной) получали и *земские старосты*, исправно отбывавшие свою службу. Принцип разделения лиц на классы по государственным повинностям и по соединенным с ними имущественным правам проводился с замечательной последовательностью. Неслужилый человек тянул тягло и поэтому не мог быть землевладельцем, но, как скоро на него возлагались служебные обязанности, он получал и право землевладения. Однако же существенным различием, которое проходило между классами, оставались не права или не выгоды, какими пользовались различные классы, а государственные обязанности. Доказательства тому следующие: 1) приобретение лицом прав другого класса не вводило его в этот класс: *гость*, исполнявший казенные поручения, получал за это право быть землевладельцем, но, став землевладельцем, он не становился ратным, служилым человеком; 2) добровольный отказ от прав своего класса не выводил лица из этого класса. *Служилые люди* — низшие чиновники, пользовавшиеся поместьями и денежным жалованьем, иногда поступали в личное услужение к другому служилому лицу, например во двор к боярину в качестве кабального холопа; иногда даже перечислялись в крестьяне, брали участки земли и обрабатывали их. Но, и служа боярину в качестве кабального холопа, и перешедши в положение хлебопашца, служилый человек — дворянин или сын боярский — не переставал быть служилым; он не мог отказаться от своего звания. Ревизор — *разборщик*, приезжавший в уезд, осматривал его и, нашедши годным, *верстал* его в службу, не обращая внимания на его частные отношения. Впоследствии таким людям было запрещено переменять свое звание. *Служилый человек* переставал быть служилым только тогда, когда получал отставку; это было естественно: сущность известного класса, его политическая природа состояла не из прав, от которых каждый мог отказаться, а из обязанностей, от которых отказаться было нельзя. Вот что значит положение, что *чины* в Московском государстве были общественными состояниями, различавшимися между собою не правами, а обязанностями, хотя эти *чины* пользовались неодинаковыми правами. Права эти были не столько политические преимущества, сколько выгоды, вытекавшие из различного рода государственного служения, т. е. из различия повин-

ностей, падавших на тот или другой класс. Так устроилось общество в Московском государстве.

Теперь мы еще раз припомним, в каком порядке сменялись различные деления общества в древней Руси и, уяснив себе преемственность этих делений, попытаемся уловить внутреннюю связь между ними.

Сначала общество делилось по отношению лиц к князю и, следовательно, делилось на политические сословия. Потом, в XII в., обозначилось деление лиц по состояниям, т. е. деление экономическое, хотя княжеское законодательство принуждено было признать юридические последствия этого деления, т. е. различие и этих классов по правам. Легко заметить связь этого нового экономического деления с предыдущим, политическим. Различие лиц по состояниям развилось под прямым действием их различия по отношениям к князю: *княжи мужи*, служившие князю, становились *боярами*, т. е. землевладельцами; *холопы*, несшие хозяйственную службу при привилегированных лицах, выделялись из среды других и т. п.

В удельное время классы общества различались по роду княжеского капитала, который они брали у князя в пользование, и по роду услуг, которыми они платили князю за пользование этим капиталом. Можно заметить связь и этого нового деления с непосредственно предшествовавшим ему. Люди различных состояний и брали у князя в пользование различные статьи его удельного хозяйства. Как прежде экономическое деление развилось под влиянием предшествовавшего ему политического, так и это новое хозяйственно-юридическое деление развилось прямо из прежнего экономического. В Московском государстве договорные отношения обывателей к князю превратились в служебные или тяглые обязанности по закону. Но эти государственные обязанности были прежние договорные службы князю, только переставшие быть договорными; следовательно, общественное деление в Московском государстве непосредственно было связано с предыдущим, только стало на новые основания.

Можно было бы продолжить этот процесс далее пределов, до которых мы доводим свой обзор, т. е. далее XVII в. Я обозначу его только главными чертами, чтобы вы потом, встречая новое общественное деление в XVIII в., видели его преемственную связь с предыдущими. *Чины* в Московском государстве различались между собою государственными повинностями, а не политическими правами, но повинности различных классов приносили

государству неодинаковую пользу, поэтому и классы, которые несли их, пользовались неодинаковым значением в государстве. Это различие государственного значения классов, определявшееся степенью пользы, приносимой ими государству, выражалось в различии чиновных «честей». Каждый класс имел свою чиновную «честь», которая точно формулировалась законом. «Честь» боярина была иная, чем «честь» московского дворянина; «честь» последнего была выше «чести» дворянина городского и т. д. до самого низа общества. Самым наглядным выражением этого различия служил тариф «бесчестий», т. е. пеней или штрафов за бесчестие, наносимое лицу известного класса. Этими чиновными «честями», которые не приобретались службой, а наследовались «по отечеству», и различались между собою классы московского общества, и различие это было последствием неодинакового значения тех государственных повинностей, которые на них падали. В XVIII в. из-под этих «честей» стали исчезать их основания, т. е. с классов стали сниматься их специальные государственные повинности, но «чести», с этими повинностями связанные, остались за классами. Это снятие повинностей началось с верху общества, с высших классов, и долго, до освобождения крестьян, не простиралось на низшие классы. Как скоро чиновная «честь» лишалась своего основания — обязательной специальной государственной повинности, падавшей на известный класс, она тотчас облекалась в известные преимущества и становилась сословным правом. Так, из чиновных «честей» XVII в. в XVIII в. выросли сословные права. Как вы видите, сословное деление, которое обозначилось в законодательстве XVIII в., вышло как следствие из предшествовавшего деления по государственным повинностям или по служебным «честям». Значит, восстанавливая преемственность общественных делений в нашей истории, мы замечаем и внутреннюю причинную связь между ними. Эту связь можно выразить так: *основанием каждого последующего деления общества становились последствия, вытекавшие из деления предыдущего.* Это и есть коренной факт в истории наших сословий, или, пользуясь привычным языком, есть схема нашей социальной истории. Первоначальное политическое деление повело к различию лиц по хозяйственным состояниям — к делению экономическому; различием лиц по хозяйственным состояниям условилось различие хозяйственно-юридических отношений, в которые лица вступали к князю удельных веков; различие хозяйственно-

юридических отношений лиц к удельному князю определило распределение государственных повинностей, какие легли на лица в Московском государстве; на различии государственных повинностей, т. е. их сравнительной полезности для государства, стало различие служебных «честей», а эти служебные «чести», утратив в XVIII в. свои основания, т. е. специальные чиновные повинности, превратились в сословные права. Каждое деление последующее цеплялось за последствия предыдущего.

ЛЕКЦИЯ

V

IV. ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ. А) ПРАВИТЕЛЬСТВЕННО-СУДЕБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. 1) АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ДРЕВНЕЙ КИЕВСКОЙ РУСИ. БОЯРСКАЯ ДУМА. СТАРЦЫ ГРАДСКИЕ. ВЕЧЕ. ПОСАДНИКИ. ТЫСЯЦКИЕ. СБОРЩИКИ ПОШЛИН. ДВОРЦОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ. ТИУНЫ. ЯБЕТНИК. 2) АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ УДЕЛЬНЫХ ВЕКОВ. ПУТИ. БОЯРЕ. 3) АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ МОСКОВСКОГО ВРЕМЕНИ. ПРИКАЗЫ. ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. 4) ВЗГЛЯД НА РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО УПРАВЛЕНИЯ

ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ В

ДРЕВНЕЙ РУСИ. Термины управления мы изучаем после сословной терминологии, потому что древнерусское управление было тесно связано с общественными делениями. Термины управления — самый запутанный и потому трудный отдел древнерусской терминологии: ни в одной части русских древностей мы не встречаем такого количества темных, неразъясненных слов. Впрочем, согласно с нашей программой мы остановимся лишь на тех из административно-судебных терминов, которые всего чаще встречаются в русских источниках исторических и литературных.

Мы разделим эти термины на три группы. Рассмотрим прежде всего термины, которыми обозначались административно-судебные учреждения, т. е. правительственные должности и правительственные места. Во-вторых, рассмотрим термины, которыми обозначались предметы управления и суда, преимущественно терминологию налогов и терминологию судопроизводства. В-третьих, изучим терминологию письменных форм административного и судебного делопроизводства, т. е. письменные акты — грамоты административные и судебные.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННО-СУДЕБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. Всего более встречаем мы за-

труднений, изучая термины древней Киевской Руси. Причина этого затруднения в том, что тогда существовало два параллельных ряда учреждений: одни были княжеские, другие — земские. Те и другие учреждения то существовали одновременно, то предшествовали одни другим; такое взаимное отношение двух порядков учреждений, для нас уже не всегда ясное, и вносит большую путаницу в их терминологию. Мы начнем изучать сверху.

АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ДРЕВНЕЙ КИЕВСКОЙ РУСИ. БОЯРСКАЯ ДУМА.

В древней Киевской Руси во главе княжеского управления стоял совет при князе, состоявшийся из его бояр. Совет этот не носил специального постоянного названия; древняя русская летопись обыкновенно так выражалась об этом совете: «Князь думал с дружиной или с бояры», «сел думати с дружиной или с бояры»; выражение «думати с дружиною» мы встречаем и в известном поучении Мономаха¹². Отдельное совещание-заседание этого совета иногда называлось *думой*. В виде неопределенного по составу и ведомству совета, собиравшегося случайно, по мере надобности, *дума* остается и в продолжение удельных веков. В Московское время она получает более твердую организацию: образуется постоянный состав *думы* и определенное ведомство. Тогда этот совет назывался *думою бояр*, может быть, *боярскою думою*, но только может быть. В XVI столетии рядом с этой *думой бояр* образовался специальный совет при государе, который не назывался *думой бояр*, потому что мог состоять и состоял в значительной степени не из бояр. Этот тесный частный совет государя носил название *ближней думы*. В начале царствования Петра боярский совет назывался или *конзильей* или *ближней канцелярией* — по месту, где он имел обычные заседания. В 1711 г. этот совет преобразуется и получает название *Сената*, а в 1801 г. над Сенатом становится новое учреждение с законодательною властью, которое получило название *совета непременного*, а потом *государственного*.

СТАРЦЫ ГРАДСКИЕ.

Во главе земского управления и до князей и в иные эпохи при князьях мы видим различные учреждения. До князей большими городами на Руси с тянувшими к ним округами управляли, вероятно, выборные, военные начальники, совокупность которых составляла городовую, правительственную *старшину*. В рассказе о временах Владимира,

принадлежащем неизвестному автору, но не летописном, а только разбитом на года, уцелело специальное название этой старшины военно-городового управления: *старцы градские*, или *людские*; эти *старцы градские*, или *людские*, вероятно, были встречаемые в наших древних памятниках: *тысяцкий* города или городского полка — *тысячи*, *сотские* и *десятские*. Выражение «*старцы градские*» надобно понимать в том смысле, в каком позднейшее казачество называло свое военное начальство своей *старшиной* (в собирательном значении этого слова).

ВЕЧЕ. При князьях с XI в., когда уже военно-правительственные городские должности замещались княжескими дружинниками по назначению князя, в главных областных городах появляются общенародные сходки, которые получают название «*вече*». Известна этимология этого слова. В древнейших церковнославянских памятниках мы встречаем слово «*вет*» в значении *уговора*, *совета*. Наша русская форма *вече* в церковнославянских памятниках имеет соответствующую древнеболгарскую форму *веще* или *веште* в смысле собрания вообще, а потом в смысле заговора, т. е. собрания незаконного; так, в одном житии, помещенном в Супрасальской рукописи (памятник церковнославянской письменности XI в.), встречаем выражение: «на владыку *веште* раби творят» — против боярина рабы составляют заговор. *Вечем* называлось городское народное собрание; в этом смысле Амартол, по древнему славянскому переводу, говорит о Ромуле, что он «разсечен бысть на уды в вече римстем». После, когда *веча* из признанных князьями городских сходок превратились в мятежные сборища, они получили значение заговора, а *вечник* — значение крамольника, заговорщика; слово «вечник» переводили в XVI в. латинским словом «*seditiosus*». Вече по смыслу своему очень близко к думе: «*думати с дружиной*» значило то же, что «*свечатися с дружиной*». Но можно заметить и некоторый оттенок различия между этими терминами. *Вечем* называлось всякое совещание: двое пошептались, летопись говорит, что у них было *вече*; о совете князя с боярами, сколько я помню, ни разу летописец не выразился, что он с ними *свечался*. *Думой* называлось совещание князя, имевшее целью обсудить дело и решить его; *вечем* называлась сходка, имевшая целью сговориться для какого-либо предприятия. *Дума* заключала в себе понятие обсуждения дела, *вече* — понятие уговора.

Под руководством княжеского совета уже в первые века княжеского управления действуют различные исполнительные правительственно-судебные органы. Но чрезвычайно трудно в этом центральном управлении, состоявшем при князе, разграничить должности правительственные от должностей дворцовых, которые ведали различные части домашнего, дворцового хозяйства князя. Трудность эта, кажется, зависит от того, что в древнее время долго не существовало постоянных правительственных ведомств, а были только должности или лица, которым поручались временно текущие дела, смотря по удобствам минуты. Должности эти носили характер особых поручений; текущие дела центрального управления не разделялись на постоянные ведомства, а поручались то тем, то другим сановникам, находившимся при князе в данную минуту. Можно только по некоторым чертам и чаще догадкам так распределить эти должности: характер *центральных административных управителей* при князе носили: *посадник, тысяцкий с сотскими и сборщики торговых пошлин.*

ПОСАДНИКИ. *Посадники*, позднее *наместники*, правили как *стольными*, так и *областными* городами княжеств. Название этой должности произошло от слова, которым обозначалось назначение на нее: «*посадить*»; «князь посадил там-то своего мужа», — так летопись обыкновенно выражается о назначении *посадника*. *Посадник* имел, кажется, преимущественно военное значение: он был княжий воевода, т. е. *предводитель* княжеской дружины; по крайней мере в старинных переводных памятниках, например в *Златоструе* (по списку XVI в., но переведенном гораздо ранее), *посадник* отличается от судьи, как *dux exercitus* — от *правителя гражданского*.

ТЫСЯЦКИЕ. Рядом с ним стал назначавшийся князем *тысяцкий* с подчиненными ему *сотскими* и *десятскими*. *Тысяцкий* — командир *тысячи*; *тысячей* назывался *городовой полк*, ополчение, состоявшее из горожан *стольного города*. Значит, *тысяцкий* в отличие от *посадника* — воеводы княжеской дружины — был воеводой *городового полка*. Судя по *тысяцкому Новгородскому*, с этим военным значением *тысяцкого* соединялось значение *главного полицейского управителя города*; он иногда назывался *воеводой города*⁷³.

СБОРЩИКИ ПОШЛИН. Сборщики пошлин в стольном городе назывались: в Киеве XII в. *осьменик*⁷⁴, в Смоленске XIII в.—*таможник ветхий*; как в Русской Правде конюх *старший* значит староста конюший, так *таможник ветхий*—староста таможенный. У этого главного сборщика торговых пошлин был помощник, называвшийся *мытником*. Слово «*таможник*» могло войти у нас только со времен татар, ибо происходит от татарского слова «*tamga*»⁷⁵. Итак, *таможник* сменил древнего киевского *осьменика*.

ДВОРЦОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

Хозяйственное дворцовое управление делилось на какие-то *наряды*, о которых говорит Мономах в своем поучении; он говорит, что сам смотрел за всяким *нарядом* в доме своем—и в ловчем, и в конюсех, и о соколах, и о ястрябах⁷⁶. Из этих слов можно заключить, что *нарядом* называлась известная часть дворцового хозяйства—ведомство или поручение по управлению этим хозяйством. Эти различные поручения по княжескому дворцовому хозяйству исполнялись сановниками, которые носят в древних памятниках разнообразные названия. Высшим из них был *дворский*, позднее *дворецкий*—главный управитель княжеского дворца; *конюший*, по Русской Правде—*тиун конюший*, ведавший *конюший наряд*⁷⁷; *седельничий*, заведовавший, по-видимому, боевыми или выездными лошадьми князя, которых у него всегда было много для дружины; *стольник*, *меченоша*, *окольничий*, впервые являющийся с непонятным значением в одной смоленской грамоте конца XIII в.; *покладник*, позднейший *постельничий*⁷⁸, *казначей*—главный управитель княжеской денежной казны⁷⁹; *ловчий*⁸⁰; и, наконец, *кдюшники* и *тиуны* разных разрядов. *Кдюшники*, очевидно, были лица, подчиненные княжому *казначею*. Труднее объяснить значение *тиунов*. Это слово, по-видимому, немецкого происхождения, только неизвестно, когда вошло в наш язык. Одни, как Розенкампф, производят слово «*тиун*» от древне-немецкого «*than*», должность которого в одном древнем средневековом глоссарии обозначена так: «*thanus, qui servitutem servit*»—по-нашему: службу служить. Протоиерей Сабинин, знаток скандинавских наречий и саг (и отлично переведший одну из них, именно о св. Олафе), сближает *тиуна* с *tion*—слуга, по-видимому, одного корня с немецким *diener Tingmen*—судья, *tiuten*—казначей, по-видимому, это все различные производные от одного корня. В старинной русской кормчей XVI в.

словом «*тиун*» переведено латинское «*curator*», попечитель. По толковому евангелию XVI в. термином «*тиунство*» переведено греческое слово «οἰχονομία» — домашнее хозяйство. Слово это является в библии Ульфилы в форме *dīus*, что значит домовый слуга, соответствует греческому οἰκέτης.

ТИУНЫ. *Тиуны* были различных разрядов — высшие и низшие; поэтому и по Русской Правде являются то в составе высшей дружины, то в составе простонародья. *Высшие тиуны* были городскими судьями, назначаемыми князем; это гражданские правители стольных или областных городов. Так, известно, что в 1146 г. киевляне жаловались на великого князя Всеволода Олеговича (из Черниговских), что он назначил таких *тиунов* в Киев и Вышгород, которые неправдами своими погубили оба города. О злоупотреблениях *тиунов* летопись обыкновенно выражалась: «Начаша грабити и продавати людей». Главное назначение *тиунов* был суд и, следовательно, сбор судебных пеней. Злоупотребления, какие бывали при этом, сообщили в древней Руси ненавистный смысл слову «*тиун*», дали ему значение взяточника. Древнерусское общество вообще косо смотрело на *тиуна*. В одной старинной рукописи сохранился прелюбопытный коротенький рассказ об одной беседе, предметом которой был *тиун*. Раз за обедом князь полоцкий Константин разговорился с Симеоном, епископом тверским, который умер в 1288 г.; этот епископ Симеон был родом из князей полоцких. Князь этот, желая уколоть своего *тиуна* без всякой вины со стороны последнего, на пиру спросил епископа: «Где быти тиуну на оном свете»; князь был уверен, что епископ обозначит одно помещение тиуну — в аду. Симеон ответил: «Там же, где и князь будет». Князю это не понравилось, и он сказал: «Как! ведь тиун неправильно судит, посулы емлет, христиан не милует и не жалует, а я что делаю?» Симеон возразил: «Если князь добр, богобоин и христоролюбив, разумен, правду любит, он назначает и тиуна доброго, богобоязненного, правдивого и т. п.; такой князь будет в раю и тиун с ним. Если же князь не христоролюбец, страха божия не имеет и т. п., он назначает и тиуна злого человека, не боящегося бога, только для того, чтобы князю корысть была, да товара⁸¹ бы ему добывал тиун побольше, а людей бы продавал⁸², такой князь точно бешеного человека напускает на людей, губит их, давая ему меч. Такой лихой князь, дающий власть лихому человеку на погибель

людям,— в ад, и тиун с ним в ад же». Из этого рассказа видно одно, что главное значение *тиунства* заключалось в судебной власти.

Кроме того, были многочисленные *тиуны* дворцовые, также низшие и высшие. К числу высших тиунов принадлежали, по Русской Правде, *тиун конюший* и *тиун огнищный*; их жизнь оплачивалась двойною вирой, следовательно, они принадлежали к составу высшей дружины. Были также тиуны низших разрядов по различным частям дворцового хозяйства. Так, например, Русская Правда называет *тиуна сельского княжого*, *тиуна ратайного*⁸³ *княжого*; какого-нибудь различия между ними не видно. Эти люди были свободные или холопы и не принадлежали к старшей княжеской дружине. В иных списках Правды эти *тиуны* — сельские, ратайные — называются *старостами*. Из всех этих тиунов заслуживает особенного внимания *тиун огнищный*. Значение этого тиуна можно объяснить в связи со значением другого административного термина, являющегося в Русской Правде и в других древнейших памятниках: *огнищане*. Это неясное слово, вызвавшее различные толкования⁸⁴, является в древней краткой редакции Русской Правды, заменяясь в редакции пространной термином «княж муж». Итак, им обозначались люди высшего служилого класса. Но это не было первоначальное его значение. Слово это образовано от слова «огнище», которое в памятниках XI в. является с значением челяди, холопов. Поэтому *огнищанином* назывался рабовладелец первоначально без различия, служилый или неслужилый, вообще человек зажиточный. Когда рабовладельцы стали приобретать земли и обрабатывать их своими рабами, *огнищанин* получил значение и землевладельца, служилого или неслужилого. В смысле такого землевладельца, имевшего свою землю, *огнищанин* противопоставлялся смерду, государственному крестьянину, также владевшему землей, но не на праве собственника, а только арендатора. Этим объясняется значение *тиуна огнищного* Русской Правды. Это тиун, управлявший княжеской дворцовой челядью и дворцовыми землями или селами князя — тем, что потом ведал княжеский дворский, или дворецкий.

Вот термины, которыми обозначались различные должности центрального, или дворцового, управления. Должности *местной областной администрации* обозначались терминами, которые или ясны или сходны с терминами должностей центральных, например *посадник*, те же *тиуны*. Среди них является и *вирник* Русской

Правды — это сборщик *виры*, т. е. судья, решавший дела об убийстве; может быть, это был особый чиновник, а может быть, это был тот же *посадник*, называвшийся *вирником*, когда брал *виру*. При нем состоял *емец* — чиновник, который арестует (емлет) виновного или подозреваемого; это позднейший *доводчик*.

ЯБЕТНИК. Из низших чиновников, центральных и областных, заслуживает особенного внимания давно утративший свое первоначальное официальное значение упоминаемый в некоторых списках Русской Правды термин «ябетник»⁸⁵. Это слово, как и тиун, немецкого происхождения. Его объясняют так: Круг (академик) говорит, что это слово произошло от немецкого *ambmann*. Этимологически *ябетник* вполне соответствует этому слову: *ябетник* состоит из корня «ябет» и суффикса «ник», обозначающего должность (например, *дворский* иногда назывался в древних актах *дворник*); «я» (Ю — юс большой) соответствует немецкому «а», вставлено еще эффоническое «е» для разделения группы согласных. Буслаев еще точнее и подробнее раскрывает этимологию этого слова; он говорит, что в библии Ульфины греческое слово «*διάκονος*» переводится термином «*andbahts*». Этому слову соответствуют в различных немецких наречиях различные немецкие формы; для нас важна только скандинавская — *ambatt*; итак, *ambatt*, *διάκονος* — служитель, слуга. По этой этимологии *ябетник* — княжеский слуга, чиновник, приказный вообще; позднее это слово получило иной смысл. Какая специальная функция принадлежала *ябетнику* в древней администрации, остается неизвестным, но по позднейшему смыслу об этом можно только догадываться. Свойство деятельности этого древнего *ябетника* до сих пор сохранилось в типичном термине *ябеда*. Вы не смущайтесь переходом *т* в *д*; это эффонический переход, другой пример которого видим, например, в словах: *сват*, *сватать* и *свадьба*. *Ябеда* — не должность, а сутяжничество и притом соединенное с клеветой, с крючкотворством, имеющее целью получить судебным порядком чего не подобает; в таком смысле клеветы, крючководства является *ябеда* в памятниках XV, XVI вв.; *ябетник* — это встец, добивающийся неправого помощью судебных хитростей. *Ябетник* — лицо ненавистное; в памятниках XV, XVI вв. он ставится в числе лихих людей, наряду с ворами, душегубцами и разбойниками, и закон карает *ябедничество* очень сурово; если оно доказано, *ябетника*

наказывают как лихого человека. В этом смысле ябедничество вообще близко подходило к ложному обвинению, или *поклепу*. Итак, ябетник Русской Правды должен был исправлять такие правительственные функции, которые могли оставить в позднейших поколениях впечатление неправды, крючкотворства. Я думаю, всего вероятнее догадка известного толкователя Русской Правды (и прибавлю — лучшего из толкователей ее) *Александра Попова*, он говорит, что *ябетник* — это древнейший *доводчик*⁸⁶. При тиунах в древнее время состояли *доводчики* — исполнители, судебные чиновники, обязанность которых состояла в том, чтобы производить судебное следствие по поручению судьи, арестовывать ведомых татей, держать их под арестом, снимать с них допросы, т. е. пытаться их, и т. п. Итак, это и прокурор и следователь. Вероятно, и *ябетник* при древних тиунах XI, XII вв. исполнял эти же обязанности: как следователь он допрашивал подсудимого, следовательно, подводя его под пеню, он пользовался всеми способами, чтобы не выпустить обвиняемого из рук.

АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ УДЕЛЬНЫХ ВЕКОВ. Личный состав центрального управления при князе удельных веков, по крайней мере значительный, обозначался словами «*бояре введенные и путные*».

ПУТИ. Эти термины объясняются в связи с древним значением слова «*путь*». В то время слово это имело очень разнообразные значения. Первоначальный его смысл, кажется, заключался в том, что *путем* называлось всякое средство, которым добывался известный доход⁸⁷; *путь* — всем, чем доходили до известного дохода; отсюда *путем* назывался всякий промысел, всякая хозяйственная статья, дававшая доход⁸⁸. Дальнейший смысл этого слова: *польза* вообще; сюда относится производное *путный* в смысле *толковый, полезный*; отсюда выражение о человеке безнадежном: «в нем пути не будет». В связи с этим значением слова становятся понятны и административные *пути*⁸⁹ в удельное время. В княжеском дворцовом хозяйстве памятники удельных веков — XIV и XV — различают *пути*: *конюший, сокольничий, ловчий, стольничий, чашничий*. Рассматривая эти пути, находим, что это различные дворцовые ведомства, управлявшие различными статьями княжеского хозяйства. Именно, *путь конюший* — ведомство княже-

ских конюшен и дворцовых земель, к нему приписанных, содержащих княжеских конюхов и лошадей, поэтому сюда принадлежали все княжеские луга⁹⁰. *Путь сокольничий* — это ведомство княжеской соколиной охоты с людьми и дворцовыми землями, к нему приписанными; к этому пути принадлежали, например, все поселения, занимавшиеся ловлей охотничьих птиц — соколов, ястребов, как и княжеские леса, в которых эти птицы ловились. *Путь чашничий* был ведомством княжеских питей, погребов с людьми, по этому ведомству служившими, с княжескими лесами, где водилось бортничество (лесное пчеловодство), и с крестьянскими поселениями, которые занимались бортничеством, т. е. с селами и деревнями бортников. *Путь ловчий* — ведомство звериной (не птичьей) охоты князя с дворцовыми служителями, причисленными к этому ведомству, с лесами, где ловились звери, с поселениями ловцов; к этому пути относились, например, все бобровники, которые занимались ловлей бобров⁹¹. *Стольничий путь* — это ведомство, которое управляло землями, приписанными к княжескому столу, и людьми, которые ставили припасы, нужные для княжеского стола; сюда принадлежали княжеские рыболовы, огородники, садовники⁹². Итак, пути — отдельные ведомства дворцового хозяйства; эти ведомства управляли разбросанными по княжеству землями и обывателями, посредством которых князь эксплуатировал различные статьи своего хозяйства, поэтому в княжестве были рассеяны села и деревни *стольнича пути*, *сокольнича пути* и т. д. Ведомствами этими управляли бояре, которые назывались *путными*. Бояре эти получали за свой труд вознаграждение из доходов управляемых ими путей; например, конюшему боярину давалась в кормление известная волость, приписанная к конюшему пути и занимавшаяся, например, сенокосом на княжеские конюшни. *Путями* поэтому сказывались и эти кормления. Кормления эти давались как самим главноуправляющим путей, так и подчиненным им слугам или чиновникам, отсюда выражения «*постельничий с путем*», «*клюшник с путем*», т. е. постельничий или клюшник, имеющий кормление из дворцовых путных доходов⁹³. Итак, *путные бояре* и слуги были органы княжеского управления, ведавшие различные статьи княжеского дворцового хозяйства.

БОЯРЕ. В актах удельных веков мы встречаем постановление о падавшей на служилых людей князя повинности *городной осады*. Эта повин-

ность состояла в том, что служилый человек, имевший вотчину в известном уезде, обязан был защищать уездный город в случае осады, хотя бы этот служилый человек служил совсем в другом княжестве, не в том, где имел вотчину. Как известно, такое разграничение личной службы и поземельных отношений было возможно в удельные века: боярин, служивший тверскому князю, мог иметь вотчину в Московском уезде и в случае осады города этого уезда должен был с своими людьми защищать Москву, хотя он не служил московскому князю. Эта повинность по княжеским договорным грамотам не падала на бояр путных и бояр введенных. Что такое бояре введенные? Этот термин — один из очень трудных. Я так его объясняю. Бояре введенные иногда назывались в удельных актах боярами большими, что указывает на главных сановников при князе. Обыкновенно этот термин является в жалованных грамотах, которыми монастыри или частные землевладельцы освобождались по своим вотчинным делам от подсудности местным управителям — наместникам и волостелям — и подчинялись непосредственно суду княжескому. Эта привилегия обыкновенно выражалась в таких словах: «В случае иска на таких людей со стороны, ино сужу их яз, великий князь, или мой боярин введенный»; иногда вместо боярина введенного является дворецкий. Итак, боярин введенный был органом непосредственного княжеского суда для привилегированных лиц. Есть грамота, относящаяся к началу княжения Ивана Грозного. В ней читаем, что государь пожаловал Махрицкий монастырь, как богомолие своей матери, покойной великой княгини Елены, привилегией непосредственного дворцового суда⁹⁴. В грамоте мы читаем: «А кто будет чего искать на игумене, или на братии, или на их людех и крестьянех, сужу их яз, князь великий, или мой боярин введенный, у которого матери моей, великой княгини дворец будет в приказе». Этот акт указывает, что дворецкий и был боярин введенный, служивший органом непосредственного княжеского суда для привилегированных лиц и учреждений. Но такими органами дворцового суда были и другие главные, или большие, дворцовые сановники, именно дворцовые бояре путные — сокольничий, стольник и т. д. Крестьяне, приписанные к тому или другому пути, не судились местными наместниками или волостелями, а подлежали непосредственному дворцовому суду, как и привилегированные землевладельцы, и их судили главные управители путей: сокольников — сокольничий, дворцовых рыболовов или садовников —

стольник и т. д. Значит, эти высшие дворцовые сановники, ведавшие различные статьи дворцового хозяйства, и были боярами введенными. Главным из них был дворецкий, который управлял дворцовыми слугами и дворцовыми землями, в которых была княжеская пашня, т. е. пашня, которую разрабатывали на дворец, доставляя с нее во дворец хлеб. Дворецкий, таким образом, был главным управителем дворцовых слуг и дворцового хлебопашества, а путные бояре были главными управителями различных дворцовых угодий, как-то: пчеловодства, рыболовства, звероловства и т. п. Теперь можно объяснить, почему в актах удельного времени высшее управление обозначается словами: «бояре введенные», иногда «бояре введенные и путники», иногда «путные бояре». «Бояре введенные и путные бояре» были понятия, близкие одно к другому, но не всегда совпадавшие. Путные бояре заведовали дворцовыми угодьями; бояре введенные были главноуправляющими разных частей или ведомств дворцового хозяйства. Бояре путные были все бояре введенные, но не все путники были бояре: подчиненные путным боярам чиновники назывались путниками, но не носили звания бояр. С другой стороны, не все бояре введенные были путными, например к числу бояр введенных принадлежали дворецкий и казначей, хранитель и собиратель княжеских доходов, но их ведомства в удельных актах не называли путями. Кроме того, не все бояре введенные имели пути, т. е. кормление. Теперь, кажется, понятно значение этих слов. Бояре введенные — главные управители дворцовых хозяйственных ведомств; из них те, которые управляли дворцовыми угодьями, или те, которые, состоя на службе при дворце, получали из дворцовых доходов или земель кормление — путь, назывались путными.

АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ МОСКОВСКОГО ВРЕМЕНИ. В Московское время должности путных бояр превратились в присутственные места, постоянные учреждения, которые назывались приказами. Мы не знаем, существовали ли при путных боярах удельного времени канцелярии с дьяками и подьячими; пути были ведомства, но неизвестно, были ли это присутственные места. Может быть, каждое ведомство по поручению князя управлялось единолично или по крайней мере без канцелярии, посредством устных личных распоряжений.

ПРИКАЗЫ. В Московское время при главных управителях являются канцелярии с письменным делопроизводством; эти канцелярии и называются *приказами*, или *избами*. Термины «приказ», «изба» в смысле центрального ведомства с канцелярией являются не ранее XVI в. По происхождению своему термин «приказ» тесно связан с судебно-административной терминологией удельных веков. Как *боярин введенный*, ведавший известную статью дворцового хозяйства, имел значение главного княжеского приказчика, так и его ведомство, сосредоточившись в постоянном учреждении с канцелярией, в Московское время получило название *приказа*. Понятие о *боярине введенном* как приказчике встречается еще в актах Московского времени; иногда мы читаем о непосредственной подсудности княжескому суду привилегированных лиц: «ино сужу их яз, великий князь, или кому прикажем», т. е. мой приказчик. *Боярин введенный* заменяется человеком, которому государь *прикажет* судить. *Приказчик* — единоличная должность; *приказ* — присутственное место, которым управляет *приказчик*. Так как центральное управление при удельном князе было преимущественно дворцовым, то и удельные приказчики превратились в дворцовые приказы. *Дворецкий* стал во главе *Приказа Большого дворца*; конюший боярин — во главе *Конюшенного приказа*; ловчий — во главе *Ловчего приказа*; стольник превратился в управителя *Хлебного и кормового приказа* или *двора* и т. д. Рядом с этими дворцовыми приказами возникла потом целая система приказов уже с государственным характером. Если вы представите себе центральное дворцовое управление удельных веков, вы увидите, что ведомства, из которых оно состояло, имели территориальный характер: ведомство дворецкого состояло из сел и деревень, которые пахали пашню на дворец; ведомство соколиное — из сел и деревень, занимавшихся ловлей охотничьих птиц, и из лесов, где эти птицы ловились, и т. д. Каждое из этих ведомств не представляло цельной территории, состояло из клочков, разбросанных по всему княжеству. Такой же территориальный характер имели и московские приказы, по крайней мере в их запутанной системе легко различить территориальное основание, даже по памятникам XVI, XVII вв. Мы видели, что дела между приказами распределялись по своему характеру, как и дела в наших министерствах, но главные приказы, ведая государственные дела на всем пространстве, ведали еще специальные дела в известных областях его. Это совмещение общегосудар-

ственного характера с территориальным — любопытнейшая черта в устройстве московских приказов, которая наиболее путает изучающих его. Например, одним из главных приказов был *Посольский* — ведомство иностранных дел; но *Посольский приказ*, занимаясь иностранными сношениями, управлял еще пятью городами с их уездами, и эти уезды не имели между собою никакой территориальной связи; к ним, например, принадлежали города с уездами: Балахна, Соликамск, Чердынь, вся великая Пермь⁹⁵. *Разряд*, или *Разрядный приказ*, ведал военные дела в государстве и ратных служилых людей; это было военное министерство, или, если угодно, главный штаб, но он ведал и поместные дела в некоторых уездах, особенно крайних, южных⁹⁶. Точно так же *Приказ Большого дворца* соответствовал нашему Министерству двора, но он управлял по всем или многим делам 40 городами с их уездами, которые назывались дворцовыми. *Поместный приказ* ведал служилое землевладение — вотчины и поместья служилых людей, но не во всем государстве, а только в тех уездах, которых не ведали по поместным делам другие приказы, как-то: *Разряд*, *Казанский дворец*, правивший бывшими царствами — *Казанским* и *Астраханским*⁹⁷. *Приказ Большой казны* ведал высшее столичное купечество и торговых людей с крестьянами, но только некоторых городов; он собирал с них прямые налоги. Я не говорю уже о приказах, которых самые названия указывают на их территориальный характер, например *Новгородский приказ*, *Приказ Казанского дворца*. В основании всех главных приказов мы найдем это территориальное значение. Такое местное значение главных приказов объясняет, между прочим, и описание центрального управления, какое мы находим у Флетчера. Флетчер говорит, что во главе центрального управления стоят четыре приказа, которые назывались *четвертями*; между ними распределены все области государства, кроме тех, которые ведают государев дворец. Какие же это были четверти, между которыми разделено было управление всеми областями государства? Это те же главные приказы: *Посольская четверть*, *Разрядная четверть*, *Поместная четверть* и *Казанский дворец*. Итак, наблюдатели XVI в. еще очень хорошо замечали территориальное значение центральных приказов.

ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

Термины, которыми обозначались органы областного управления, не требуют почти объяснения. До половины

XVI в. органами областного управления были *наместники* и *волостели*: наместники управляли городами с подгородными станами, волостели — остальными сельскими областями. С Ивана Грозного места наместников и волостелей заменили выборные земские старосты. Рядом с *земскими старостами*, судьями и сборщиками государственных податей являются специальные органы — полицейские и финансовые — *губные старосты* и *верные головы* — те и другие с *целовальниками*, т. е. с присяжными помощниками. Эти выборные должности — знакомое для вас явление. С половины XVI в. в пограничных уездах, где требовалась сосредоточенная военная власть, появляются генерал-губернаторы, носившие название *воевод*; каждый уезд управлялся *воеводой*. Но как при приказах, так и при областных управителях состояли подчиненные органы — это *доводчики* и *праветчики*. *Доводчики* в судебныхниках называются еще *недельщиками*, по крайней мере доводчики приказные; это потому, что они чередовались по неделям в исполнении своих обязанностей. При *недельщиках* состояли помощники для судебных разъездов, называвшиеся *заговорщиками* или *ездоками*. Заговорщиками они назывались потому, что вместе с своими принципалами составляли *заговор* — товарищество, связанное круговой порукой друг за друга. Вот главные термины центральной и областной администрации Московского времени.

ВЗГЛЯД НА РАЗВИТИЕ

ДРЕВНЕРУССКОГО УПРАВЛЕНИЯ. Теперь только сведем наблюдения, вынесенные из изучения административной, собственно должностной, терминологии древней Руси, чтобы видеть, в каком порядке развивалось устройство управления в разные периоды ее истории. В этом отношении нельзя положить резких границ, но можно заметить, что строй древнерусского управления представляет три преемственно сменившихся системы, которые отличались между собою большей или меньшей выработкой учреждений. Первым периодом было время, когда господствовал очередной порядок княжеского владения; вторым периодом назовем удельное время; третьим — время Московского государства, или объединенной Великороссии. В первом периоде мы не замечаем ни постоянных ведомств, ни даже постоянных должностей, но есть придворные звания, носители которых являются с характером сановников особых поручений: *дворский*, *покладник*, *казначей*. Людям, которые носили эти придворные звания,

князь поручал разнообразные правительственные дела, еще не успевшие сложиться в постоянные ведомства. Вот почему *дворский*, званием своим указывающий на дворцовое хозяйство, иногда командовал княжеской дружиной, а *меченоса*, званием своим указывающий на военную должность, иногда является в роли дипломата, ведет от имени своего князя переговоры с другим князем.

В удельные века придворные звания превращаются в постоянные должности: каждому званию соответствует известный постоянный круг правительственных дел, входивших вообще в состав княжеского хозяйства, потому что все удельное управление было, собственно, хозяйственное. Но при постоянных должностях не видим еще постоянных присутственных мест; должности соответствует известное правительственное ведомство, но должность остается учреждением единоличным. Сановник, управляющий известным ведомством, не является во главе постоянного присутственного места, а единолично, большей частью посредством устных распоряжений ведет порученные ему дела; он правительственный приказчик князя, но при нем еще нет *приказа*. В Московское время единоличные постоянные поручения превращаются в постоянные присутственные места. Главные правительственные приказчики превращаются в начальников *приказа*. В таком виде можно представить процесс развития управления в древней Руси.

История этого управления представляет *процесс постепенного обособления правительственных органов*. Сначала один орган исправляет разнообразные дела; потом органы специализуются: каждый из них подает постоянно одни и те же дела; наконец, эти органы расчленяются: орган, ведавший постоянно известные дела, разрастается в целое присутственное место, состоящее также из отдельных органов, ведающих каждый свои дела, имеющих каждый свое отправление.

Такой процесс развития полезно иметь в виду при объяснении различных правительственных должностей, являющихся в памятниках того или другого периода.

ЛЕКЦИЯ VI

IV. ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ).
Б) ПРЕДМЕТЫ УПРАВЛЕНИЯ И СУДА. 1) НАЛОГИ. А) ДАНИ. СОХА. ОБЖИ.
ТЯГЛО. КОРМЫ. ПОДАТИ. Б) ТОРГОВЫЕ ПОШЛИНЫ. ПРОЕЗЖИЕ ПОШЛИНЫ.
ПОШЛИНЫ СОБСТВЕННО ТОРГОВЫЕ

ПРЕДМЕТЫ УПРАВЛЕНИЯ И СУДА. Ведомства, которые представляют более всего неясных терминов, были финансовое и судебное; термины военного устройства и управления не представляют затруднений. В ведомстве финансовом мы остановимся на терминологии налогов.

НАЛОГИ. Налоги в древней Руси можно разделить на два разряда: на *дани* и *пошлины*; *дани* — налог прямой, падавший на труд; *пошлины* — налог косвенный, падавший на потребление или на обмен вещей. Даже суд входил в эту финансовую систему, потому что судебные действия имели значение источников дохода; платежи, шедшие правительству с судебных действий, входили также в систему пошлин. Таким образом, все налоги в древней Руси можно разделить на такие разряды: *дани* и *пошлины*; *пошлины* — *торговые* и *судебные*. Я не решаюсь сказать, с какой степенью подробности должны мы изучить терминологию древнерусских налогов. Это самая запутанная, т. е. наименее изученная, сфера явлений нашей древней истории, поэтому я боюсь обременить вас излишней дробностью изучения. Я буду иметь в виду, что сказанное мною не во всех подробностях запомнится, но останется для справок только записанным. Изложение мое поэтому перейдет в краткий перечень терминов с объяснениями.

ДАНИ. Прямой налог, падавший на податные классы, у нас исстари назывался *данью*. Дань эта падала или на промышленных людей, или на хлебопашцев. Летописное известие, что вятичи платили в X в. *дань* хозарам «по шлягу от рала» — по какой-то иностранной монете с плуга, показывает, что она была поземельная, а внесенное в летопись предание, что те же хозары взяли с полян *дань* «по мечу с дыма», показывает, что она была подворная.

Рядом с *данью* в древнейшее время является повинность не постоянная, а временная, также падавшая на

труд или на рабочее население; она называлась «*полюдьем*». Как отбывалась эта повинность, довольно трудно себе представить. Она состояла в содержании князя и его двора во время объезда князем своей области. Как известно по сочинению Константина Багрянородного, объезды эти совершались зимой. Князь отправлялся в объезд не только со своей дружиной, но и со всей своей семьей, по крайней мере в 1154 г. во время *полюдья* у Юрия Долгорукого на одном стану родился сын Всеволод; на этом месте в честь новорожденного и был построен город Дмитров, названный так по имени новорожденного Всеволода, в крещении Дмитрия. Есть древнее выражение о тяглых людях: «Они искони были княжие данники и конокормцы»; тяглые люди могли кормить княжих коней во время *полюдья*. Позднейшая форма тягла, сменившего *полюдье*, несколько объясняет нам, как отбывалась эта повинность в древнее время. Она была временная, т. е. отбывалась во время княжеских объездов, которые, быть может, совершались не каждый год⁹⁸.

В удельные века и в Московское время система прямых налогов обозначается подробнее в дошедших до нас памятниках. Во-первых, мы узнаем окладные единицы. Прямой налог, называясь по-прежнему *данью*, разверстывался: в промышленных поселениях, городах и слободах — *по количеству податных дворов*; в селах и деревнях, занимавшихся хлебопашеством, а не промыслами, — *по пахотным участкам*.

СОХА. Податные единицы были крупные и мелкие; самая крупная единица была *соха*. В разное время и в разных местах размер *промышленной сохи* был неодинаков: в иных местах одно количество податных дворов составляло *соху*, в других другое, притом в состав *сохи* входило неодинаковое количество лучших торговых людей, средних и младших. Наиболее нормальными размерами *промышленной сохи*, посадской или слободской, были в XVI и XVII вв. 40 дворов лучших торговых людей, 80 средних и 160 младших посадских людей, 320 слободских. Кроме нормальных тяглецов из торговых людей, были еще маломочные, называвшиеся *бобылями*; в *соху* входило втрое больше *бобыльских дворов*, чем дворов младших торговых людей. Изменчивость размера *сохи*, очевидно, происходила от того, что на *соху* падал определенный, однообразный оклад *дани*, который был соображаем с состоятельностью местных промышленных обывателей; в ином городе лучшие торго-

вые люди могли платить этот оклад с 40 дворов, а в другом в соху зачислялось большее количество лучших посадских дворов. *Соха* сельская — *пашенная* — заключала в себе известное пространство пахотной земли, также чрезвычайно изменчивой. *Соха*, которую всего чаще встретите в поземельных описях XV, XVI, XVII вв., была двойкая: *новгородская* — в поземельных описях Новгородской земли XV, XVI вв. — и *московская*. *Соха новгородская* очень невелика; она заключала в себе 3 обжи⁹⁹, а обжа 6, 8 или 10 четвертей; четверть = $\frac{1}{2}$ десятины в одном поле, в трех полях — $1\frac{1}{2}$ десятины¹⁰⁰. Итак, *новгородская соха* при 10-четвертной обже = 45 десятин¹⁰¹. *Московская соха* — целый пахотный округ; размер ее изменялся по качеству земли и по состоянию землевладельцев. *Соха* доброй земли служилой, т. е. принадлежавшей служилым землевладельцам, заключала в себе 800 четвертей; средней — 1000 четвертей, худой — 1200. 800 четвертей = 1200 десятин в трех полях, 1000 четвертей = 1500 десятин в трех полях, 1200 четвертей = 1800 десятин в трех полях. Итак, размер сельской, пашенной сохи изменялся по той же причине, по которой изменялась соха посадская или слободская, т. е. эти размеры были рассчитаны на то, чтобы взять пространство различной по качеству земли, способной вытянуть известный податной оклад. Крестьяне, жившие на служилых землях, кроме дани, платили еще оброк своим землевладельцам или работали на них. Земли *черные*, т. е. государственных крестьян, и *церковные* не несли военных повинностей или несли их в меньшем размере, поэтому на них падала более тяжелая дань. Значит, соха *церковная* и *черная*¹⁰² должна была иметь меньший размер сравнительно с сохой земель служилых. Так, соха *церковная* заключала в себе доброй земли 600 четвертей = 900 десятин в трех полях; средней — 750 четвертей = 1125 десятин в трех полях; худой — 900 четвертей = 1350 десятин в трех полях. *Соха черных* людей иногда является даже в меньших размерах, например 400 четвертей доброй земли (600 десятин в трех полях). Итак, 600 десятин, которые обрабатывали черные крестьяне, должны были платить такой же оклад дани, как 1200 десятин земли, принадлежавшей служилым людям, т. е. черные земли были обложены данью вдвое тяжелее служилых.

ОБЖИ. Соха подразделялась на мелкие окладные единицы, между которыми развер-

стывался оклад, падавший на целую соху. *Новгородская соха* подразделялась на *обжи*¹⁰³; как мы видели, *обжа* — от 6 до 10 четвертей в поле, т. е. 9—15 десятин в трех полях. Московская соха подразделялась на *выти*. *Вытью* называлась доля вообще, поэтому в окладчине часть каждого называлась его *вытью*. Земельная *выть* — доля сохи; она была несколько больше *обжи* и также изменялась по качеству земли. *Выть* служилой земли: доброй — 12 четвертей (18 десятин в трех полях), средней — 14 четвертей (21 десятина), худой — 16 четвертей (24 десятины); впрочем, обыкновенно *выть* худой земли была больше, именно 20 четвертей (30 десятин)¹⁰⁴.

По таким окладным единицам, крупным и мелким, и распределялись прямые налоги.

ТЯГЛО. Прямые налоги в удельное время и в Московском государстве до XVII в. состояли из дани, кормов и разных других натуральных повинностей. Вся совокупность денежных платежей и натуральных повинностей, падавших на сохи или выти, называлась *тяглом*. Тягло — термин, являющийся с конца удельного времени, если я не ошибаюсь. Флетчер различает *тягло* от *подати*; он говорит, что *тяглом* назывался определенный сбор с *выти* или известного количества хлеба; *податью*, напротив, назывался денежный сбор с сохи, итак, *тяглом* назывался сбор хлебом, а *податью* — денежный платеж. Я, право, не знаю, на чем основано такое различие: дань у нас собиралась и деньгами и хлебом; долго в актах XV, XVI вв. встречаем выражение: «а оброка деньгами и за хлеб» столько-то; дворцовые села в удельные века и в первое время в Московском государстве обыкновенно платили дань натурой. Правда, термин *тягло* связан в нашей древней письменности с понятием о жатве; в известных словах¹⁰⁵ Григория Богослова в южнославянском переводе, но несколько обрусевшем, *тяжари* — нивы, пашни, *тяжание* — жатва; впоследствии *тяжарь*, в XVI в. например, значил пахарь, хлебопашец. Итак, *тягло*, или *тягль*, как выражается Иван Грозный в своей записке, поданной на Стоглавом соборе, — налог, связанный с нивой, пашней или с жатвой. Но обыкновенно на финансовом языке Московского государства *тяглом* обозначалась вся совокупность податей и повинностей, падавших на тяглое население.

КОРМЫ. Тягло это состояло: 1) в *данях*, или *податях*, которые шли князю, 2) в *кормах*;

которые шли областным управителям. *Кормы* эти были: *въезжий*, взимающийся при вступлении управителя в управление округом, и постоянные, годовые: *петровский* и *рождественский*¹⁰⁶. В удельное время они состояли в известных припасах натурой: хлеб, мясо, сено; в Московское время они были переложены в денежные оклады. Вы догадаетесь, из него развились эти *кормы*: это древние *полюдья*; отсюда и можем заключить, что древние *полюдья* состояли в приносах обывателей князю или его наместнику, когда он объезжал волость, и в содержании его во время пути. Теперь наместники не объезжали своих округов, как делали они и князья их некогда—в X, XI и даже XII вв.; теперь обыватели приходили к наместнику и приносили ему при въезде—кто что мог, на петров день и на рождество—определенное количество припасов, разверстанных по сохе: каждая соха платила известное количество печеного хлеба, мяса, сена. Итак, *кормы*—древние *полюдья*, только иначе взимающиеся.

ПОДАТИ. В XVI и XVII вв. система прямых налогов чрезвычайно усложняется: к первоначальному окладу, падавшему на соху или *выть* и называвшемуся *данью*, присоединились другие налоги, вызванные новыми государственными потребностями и также разверстанные на сохи или выти. Так, например, были сборы: на выкуп пленных, которых уводили ежегодно крымцы,—*полонянничные деньги*—сначала временный налог, потом превратившийся в постоянный; *стрелецкий хлеб* собирался на содержание стрельцов, постоянной пехоты, возникшей в княжение Василия, отца Грозного; *ямские деньги*—на содержание *ямской гоньбы*, правильно устроенной уже в XVI в.; *ямчужные деньги*, или селитряные деньги,—сбор, явившийся с развитием артиллерии в московской армии; это сбор на покупку пороха и т. п. Термины, которыми обозначалась большая часть этих налогов, понятны без объяснений.

В XVII столетии эти многочисленные налоги были объединены, сведены в три крупных оклада: *деньги данные*, *полонянничные* и *деньги оброчные*. *Оброчные деньги*, или *оброк*, явились со введением земских учреждений царя Ивана; как известно, тогда было отменено управление наместников и волостелей и все их обязанности переданы были выборным земским старостам с целовальниками. Но управление наместников и волостелей было налогом на обывателей, способом содержания служилых

людей, которые получали корм за свое управление; замена их земскими выборными старостами и целовальниками сопровождалась переложением *кормов* в особенный государственный налог, который служил дополнением к дани, он и назывался *оброком*, или *откупом*, поэтому *оброк*, или *откуп*, надо отличать от оброков вотчинных или поместных. Приведу вам оклад одного города с уездом по описи 1677 г.—*Тотьма*: на посаде 215 дворов, в уезде 2098 дворов, 36 дворов половничьих¹⁰⁷; *данных и оброчных денег* 1495 руб., *полоняничных*—68 руб. По этому примеру вы можете судить о размере *тягла*, падавшего на средний двор; посадские дворы платили больше, чем крестьянские, но в этой описи не указано это различие.

В 1681 г. сделана была попытка еще большего округления прямых налогов по сословиям. Все прямые налоги сведены были в два разряда: 1) *стрелецкие деньги*, 2) *ямские и полоняничные*; каждому из этих разрядов дано было сословное значение: налог стрелецкий падал на городское и промышленное сельское население—на все города, дворцовые и тяглые, также на уезды поморские, где хлебопашество не было главным занятием сельских жителей¹⁰⁸; итак, промышленные—посадские и слободские—обыватели платили *стрелецкие деньги*; крестьяне пашенные—государственные, дворцовые, церковные, вотчинные и помещичьи—платили *ямские и полоняничные деньги*. Надобно заметить такое разверстание прямых налогов с 1681 г., чтобы не смущаться терминологией, чтобы знать, что значили *полоняничные деньги* до 1681 г. и что после: до этого года—это один из прямых налогов, после этого года *полоняничные и ямские деньги*—это подать, падавшая на земледельческое население.

ТОРГОВЫЕ ПОШЛИНЫ. Все торговые пошлины разделялись на *проезжие* и собственно *торговые*. Проезжие пошлины взимались на *мытах* за право проезда с товаром; *торговые* (таможенные) пошлины взимались в таможенных за право торговли товарами, т. е. за право купли и продажи.

ПРОЕЗЖИЕ ПОШЛИНЫ. *Проезжие пошлины* были: *мыт*¹⁰⁹—сбор за право провоза товара. Он взимался с количества возов или лодок независимо от ценности товара, поэтому было два *мыта*: *мыт сухой* (сухопутный)—с возов и *мыт водяной*—с лодок. *Головщина* и *костка*—это сбор с лиц,

везущих товар, обыкновенно поголовный со всего количества людей, при возах состоящих или находящихся на лодках. Разница между *головщиной* и *косткой* неизвестна; происхождение термина *костка* объясняется так: *костка* — собственно *гостка*, сбор за право проезда по *гостинцу*, а *гостинец*¹¹⁰ — большая торговая дорога; я не знаю, как бы было возможно превращение *гостки* в *костку*. *Задние калачи* — это мелкий сбор с торговых людей, возвращавшихся с рынка после продажи товара: товар продан с выгодой, купец едет назад — мытарям надо заплатить задний калач. *Мостовщина* и *перевоз* — это сбор за право провоза товара через мосты и по перевозам; этот сбор имел характер как бы платы устройтелю моста или перевоза. Таковы пошлины за право проезда торговых людей с товаром — пошлины вещные, падавшие на товар, и личные, падавшие на лица.

ПОШЛИНЫ СОБСТВЕННО
ТОРГОВЫЕ.

Пошлины торговые собственно разделялись на сборы за торговые действия, подготовлявшие к продаже товар, и на сборы за право купли и продажи.

Сборы за подготовительные торговые действия: *замыт* (сложное от *за* и *мыт* — «вместо мыта»), или *замытная пошлина*, — сбор, заменявший *мыт* в том городе или рынке, где купец останавливался для торговли. *Мыт* платился за проезд мимо сборного пункта; *замыт* платился при въезде в город, где купец хотел продавать свой товар, значит, соединял в себе и проезжую пошлину, и сбор за право торговли. *Явка* — мелкий сбор, взимающийся при заявлении купцом привезенного им товара в таможене. *Гостиное* — сбор при найме купцом лавки для товара. Такое же значение имели сборы: *амбарное* и *полавочное*. *Свальное* — мелкий сбор, взимающийся при складке товара. *Весчее*, или *пудовое*, — сбор при взвешивании товара. *Померное* — сбор при мере сыпучих веществ. *Пятно* — сбор при клеймении приведенных для продажи лошадей, которые не могли быть проданы без *пятна* — смоляной печати на ногу лошади. *Писчее* — мелкий сбор при записи пятенных лошадей в книгу. Таковы мелкие сборы за предварительные торговые действия, сборы, наиболее часто встречающиеся в актах.

Сборы за право купли и продажи взимались такие: *тамга* и *осмничее*; осмничее является древнее *тамги*: *осменик* в смысле сборщика таможенных пошлин известен уже в Киеве в половине XII в. *Тамга* — сбор за право купли и продажи; появляющееся с татарского времени

слово *тамга* — одного татарского корня с словом деньги; *тамга* — металлическая пломба, привешивавшаяся к товару, оплаченному пошлиной, или печать. Но и после *тамга* и *осмничее* встречаются рядом. До сих пор никому не удалось уловить ни одной осязательной черты различия между этими сборами. Может быть, это утвердившееся в разных местах по первоначальному различию название одной и той же пошлины: на иных рынках сбор этот назывался *осмничее*, на иных *тамга*. *Тамга* и *осмничее* падали на все товары и не только на товары, но и на деньги, на которые покупали товар, т. е. как на продавца, так и на покупателя. *Тамга* составляла известный процент стоимости товара или известный процент заявленного покупателем капитала, на который он хочет приобрести товар; заявление того и другого делалось в таможене. Размер тамги был неодинаков для купца туземного, иногороднего или иностранного: тамга с туземного купца простиралась от $\frac{1}{4}\%$ до 1 — от $\frac{1}{2}$ деньги до 2 денег с рубля (в рубле 200 денег); тамга с иногороднего, но русского купца простиралась от $1\frac{1}{2}$ до 3% — от 3 до 6 денег с рубля; с иностранного — от 7 до 10 денег, т. е. от $3\frac{1}{2}$ до 5%. *Тамга* и *осмничее*, сказал я, падали и на товары и на деньги, которыми покупались товары; исключение составлял хлеб, который, как это видно из большей части актов, не подлежал *тамге*.

Эти разнообразные пошлины за предварительные действия, как и за право торговли, были большею частью уничтожены в половине XVII в. уставной грамотой 1654 г. и заменены одним сбором за право торговли (т. е. большая часть проезжих была отменена); этот сбор получил название *рублевой пошлины*, потому что взимался известный процент с рубля — как с рубля, привезенного для покупки товаров, так и с рубля их стоимости; с продавца товара *рублевая пошлина* — 10 денег с рубля (5%), с покупателя, т. е. с его денег, назначенных на покупку — 5 денег с рубля ($2\frac{1}{2}\%$). Итак, когда вы встретите в актах после 1654 г. *рублевую пошлину*, считайте ее за сбор, который объединил разнообразные мелкие проезжие и торговые пошлины прежнего времени. Когда вы встретите *рублевую пошлину* до этого акта (что бывает очень редко), то считайте ее за *тамгу*: *тамга* также иногда называлась *рублевой пошлиной*, потому что она представляла известный процент со стоимости товара.

О судебных пошлинах сказано будет ниже.

Таблица прямых и косвенных (торговые пошлины) налогов древней Руси

Прямые налоги

В удельное время тягло состояло	а) Из даней или податей князю	б) Из кормов областным управителям: 1) въезжий, 2) петровский, 3) рождественский	
В XVI, XVII вв. при-соединяются	γ) Полоняничные деньги	Деньги данные	Стрелецкие деньги Ямские и полоняничные деньги
	δ) Стрелецкий хлеб	с 1681 г. Деньги полоняничные	
	ε) Ямские деньги	Оброк, или откуп	
	ζ) Ямчужные деньги, или селитряные		

Косвенные налоги. Торговые пошлины.

2) Торговые собственно (в таможах)

1) Проезжие (на мытах)	За подготовительные действия	За право купли и продажи
Мыт { α) сухой β) водяной Головщина и костка Задние калачи Мостовщина и перевоз	Замыт	Тамга (иногда называвшаяся рублевой пошлиной) Осмничее Рублевая пошлина (с 1654 г.)
	Явка	
	Гостиное	С продавца С покупателя
	Амбарное	
	Полавочное	10 денег с рубля или 5%
	Свальное	
	Весчее	5 денег с рубля или 2 1/2%
	Померное	
	Пятно	
	Писчее	

Таблица податных единиц, по которым разверстывался прямой налог в удельные века и в Московское время

Нормальный размер промышленной сохи

В городах	40 дворов	лучших посадских людей
	80 »	средних » »
	160 »	молодых » »
В слободах	320 дворов	слободских
	480 »	бобыльских

Нормальный размер сохи пашенной (в селах и деревнях)

Соха новгородская	Соха = 3 обжи или	Обжа содержала 6—8—10 четвертей, четверть = 1/2 десятины в поле = 1 1/2 десятины в 3-х полях
	27—36—45 десятин в 3-х полях	

Окончание табл.

Соха московская подразделялась на выги	Служилая	Лучшей земли — 800 четвертей = = 1200 дес. в 3-х полях. Средней земли — 1000 четвертей = = 1500 дес. в 3-х полях. Худой земли — 1200 четвертей = = 1800 дес. в 3-х полях.
	Церковная	Доброй земли — 600 четвертей = = 900 дес. в 3-х полях. Средней земли — 750 четвертей = = 1125 дес. в 3-х полях. Худой земли — 900 четвертей = = 1350 дес. в 3-х полях.
	Черная	Доброй земли — 400 четвертей = = 600 дес. в 3-х полях.
Выгь	Служилой	Доброй земли — 12 четвертей = = 18 дес. в 3-х полях. Средней земли — 14 четвертей = = 21 дес. в 3-х полях.
		Худой земли } 16 четвертей = 24 дес. в 3-х полях. 20 четвертей = 30 дес. в 3-х полях.

ЛЕКЦИЯ VII

IV. ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ).
Б) ПРЕДМЕТЫ УПРАВЛЕНИЯ И СУДА (ПРОДОЛЖЕНИЕ). 2) СУД. А) ДОВОД.
СУДОГОВОРЕНИЕ. Б) ПРАВДА. СУДЕБНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА. ПОСЛУШЕСТВО.
СУД БОЖИЙ. ИСПЫТАНИЕ ЖЕЛЕЗОМ ИЛИ ВОДОЙ. ПОЛЕ. ПРИСЯГА.
ЖРЕБИЙ. ОСОБЫЙ ВИД СУДА БОЖИЯ. ПОВАЛЬНЫЙ ОБЫСК. В) ПРАВЕЖ.
ТОРГОВАЯ КАЗНЬ. БАТОГИ. ВЗЫСКАНИЕ СУДЕБНЫХ ПОШЛИН

СУД. Слово «суд» в древней Руси имело очень разнообразные значения: 1) суд значил право судить, судебную власть, 2) суд — закон, определяющий порядок суда; в этом смысле суд значил то же, что судебник: Правда Русская или некоторые ее статьи озаглавливаются в списках иногда словами: суд Ярославль, в других — судебник Ярослава, 3) суд — пространство судебной власти — то, что мы называем компетенцией, например «наместник с судом боярским» или «без суда боярского», т. е. с правом или без права судить известный круг дел; наконец, 4) суд — судебный процесс, судоговорение со всеми ему предшествующими актами и

со всеми последствиями, из него вытекающими. Таковы значения этого термина. Мы будем говорить о судебном процессе.

Для объяснения терминов, которыми обозначались разные моменты и акты судебные, надобно знать, что древний судебный процесс можно разделить на такие три момента: 1) довод, 2) правда и 3) правож.

ДОВОД. Доводом можно назвать всю совокупность судебных доказательств вместе с актами, подготовлявшими процесс или помогавшими собиранию судебных доказательств. Актом, подготовлявшим судоговорение, было: *челобитие*, которым вчинался иск. До XV в. мы не знаем письменных *челобитий*, может быть, потому, что они были редки и не попались исследователям; другие утверждают, что письменных *челобитий* не подавали до XVI в. Самый термин указывает, как представлялось *челобитие*, все юридические термины некогда имели буквальное значение, следовательно, некогда вчинали иск «*бия челом*», т. е. ударом в землю лбом, кланяясь.

От *челобития* как акта, вчинавшего иск, надобно отличать *извет*. *Извечать* значило заявлять протест против нарушения права, не вчиняя формального иска¹¹¹. Когда нарушитель права встречал со стороны потерпевшего молчание, на суде это молчание принималось за знак согласия; кто не имел возможности начать иска о нарушении права, но хотел отстранить от себя на суде ссылку на это молчание, тот подавал *извет*, т. е. простой протест. Впоследствии *извет* отличался от формального иска и получил значение *доноса*; такое значение доноса тайного, оформленного и не сопровождавшегося актами обычного процесса, имел *извет* в XVII в.

Челобитие сопровождалось согласием судебной власти на вчинание иска. Если *челобитие* представлялось князю, это согласие выражалось в том, что князь давал приказ подлежащему судебному чиновнику, например наместнику округа, откуда представлено *челобитие*, начать дело и рассудить его. Распоряжение это выражалось в особой грамоте, которую князь посылал наместнику или давал боярину; грамота эта называлась *судимой грамотой* — грамотой, приказывавшей судить. Как скоро суд разрешался, посылался к ответчику *доводчик* — судебный пристав с назначением срока стать на суд; в древнем русском обществе для людей различных классов постановлены были определенные сроки, в которые их можно было

вызывать на суд. *Доводчик* или ходил к ответчику с повесткой, или ездил, получая за этот труд прогоны по расстоянию; прогоны в первом случае, когда он жил в том же городе, назывались *хоженое*; прогоны во втором случае назывались *езд*. Доводчик ехал с *приставной памятью* (повесткой), которую предъявлял ответчику. На ответчика *накидывался срок*, когда стать на суд; срок иногда назначался по уговору тяжущихся, иногда же согласовался с грамотой, данной лицам известного общественного состояния, когда их можно было звать на суд: иные пользовались правом *ставиться на суд* только в известное время года—на рождество Христово (т. е. вслед за ним), на богородицын день (8 сентября). Чтобы обеспечить *явку* ответчика на суд в указанный срок, его отдавали на поруку обыкновенно его соседям.

СУДОГОВОРЕНИЕ. Затем начиналось самое *судоговорение*. Иногда *судоговорение* до решения дела обозначалось общим термином «суд», но *судом* назывался также и весь процесс с приговором или решением дела. Вообще значение юридических терминов очень колебалось в древних актах: почти каждое слово имело то широкое, то узкое значение. Но, прежде чем мы перейдем ко второму моменту судебного процесса, надобно запомнить термины, которыми обозначался состав суда. Руководил делом *судья* или князь, но довольно рано мы начинаем встречать при суде ассистентов, они носили название *судных мужей*; судья действовал с судными мужами. По уставным грамотам XV, XVI вв., также по судебникам, *судные мужи*—это представители общества, земского мира, в пределах которого совершался суд; обыкновенно это *земский староста*, или *сотник*, и *добрые люди*, т. е. *понятые*. *Понятые*—взятые из общества по его выбору или по усмотрению судьи для присутствия в известном деле; постепенно они заменились постоянными выборными присяжными, которые избирались на известное время, не для каждого дела; тогда *добрые люди* стали называться *целовальниками*¹¹². Итак, *судные люди*—земский староста, или сотник, и добрые люди, или понятые, потом целовальники, т. е. постоянные присяжные заседатели. Оговорюсь, что я не разъясняю учреждений, не вхожу в подробности самого судопроизводства, а говорю о различных моментах суда лишь настолько, насколько это нужно для объяснения терминов.

Тяжущиеся носили название *истцов*; истцы — это обе стороны, между которыми идет тяжба. Это слово, всего вероятнее, надо производить не от «искать», а от древнерусского «исто». «Исто» — любопытное слово в истории нашего языка; я не умею объяснить этимологически происхождение значения этого слова, с каким оно является, например, в Святославовом сборнике XI в.: «исто» — во множ. «истеса» — почки, а также *testicula*, потом «исто» — капитал, позже — истина; отсюда истовый, или истинный — настоящий, коренной, капитал; «да увемы истовааго бога» — в Святославовом сборнике 1073 г.; «Дух истинный» (*τὸ πνεῦμα τῆς ἀληθείας*) — «Дух истовый». Итак, «исто» — капитал, истец — владелец капитала, а потом — человек, имеющий притязание на известный капитал, следовательно, как тот, кто отстаивает капитал, подвергшийся спору со стороны, так и тот, кто ищет этого капитала; отсюда выражение «обои истцы». С таким двойным значением слово «истец» является уже в Русской Правде; там *истец* значит и тот, кто ищет на другом, и ответчик. Припомните статью об ударе, нанесенном свободному человеку холопом (58-я статья по сп. Троицкому, 76-я по Карамзинскому): если хозяин не выдавал этого холопа потерпевшему человеку, а последний потом встречал истца, т. е. ударившего его холопа, то мог с ним поступить так-то; здесь истец — ответчик, лицо, на которое направлено притязание. Истцы были: *ищя* и *ответчик*. *Ищя* — от слова «искать» — истец в нашем смысле слова; *ответчик* — слово понятное; оба эти термина — *ищя* и *ответчик* — встречаются впервые в актах только удельного времени.

ПРАВДА. *Правдой* мы назовем второй момент судебного процесса, состоявший в представлении и проверке доказательств, приводимых в защиту дела или в оправдание обеими сторонами, и решении дела. Сумма судебных доказательств собственно и называлась *доводом*¹¹³; *довод* — все доказательства, какие могли представить *ищя* и *ответчик* в свою защиту; отсюда выражение: «а он (истец) на ответчика, кроме поля, никакого другого *довода* не учинил», т. е. истец в обвинение ответчика не мог представить никакого другого доказательства, кроме того, что вызвал его на поединок. *Правдой* называлось еще отдельное доказательство, например свидетели, на которых ссылались тяжущиеся во время суда. *Правда* имела и другие значения: во-первых, *правда* — право, принадлежащее лицу и защищаемое в

суде; отсюда выражение Олегова договора: «погубить правду свою»¹¹⁴, т. е. потерять право искать чего-либо, право защищать свой иск; кто не допускал у себя обыска в случае пропажи челядина, тот губил свою правду, т. е. проигрывал дело. Во-вторых, *правда* — порядок суда, установленный законом, или самый закон, устанавливающий порядок суда; в этом смысле Судебник Ярослава то же, что Русская Правда, или Правда Ярослава. Затем 3) *правда* — показание по совести и, наконец, 4) *правда* — право оправдать или решить дело; отсюда в древнерусском суде различались *судьи с правдой* и *судьи без правды*, т. е. судьи с правдой могли решать дела, судьи без правды, только расследовав его, предоставляли решение высшей инстанции. Согласно со вторым значением этого слова в нашей древней письменности оно означало заповеди, *бѣжаѡмата*. В смысле судебного доказательства надобно понимать выражение Русской Правды в статье, определяющей значение холопа как послуха: «холопу на правду не вылазити» (81-я ст. по сп. Троицкому, 99-я — по сп. Карамзинскому) — свидетельство холопа могли принять на суде к сведению, но его показание не было судебное доказательство, изменявшее ход дела, т. е. не имело юридической цены; это и выражается приведенными словами. В этом же смысле надобно понимать и выражение Судебника, что доводчик за свой езд или хоженое берет известную пошлину, а на *правду* — вдвое: *езд* для вызова свидетеля на суд оплачивался простою пошлиною; если на суде тяжущиеся делали ссылку на послухов, которых на суде не было, то вызов их производился доводчиком, который за это брал двойные прогоны, разумеется, на счет той стороны, которая ссылалась на этих послухов; *езд* для вызова послухов, на которых сделана ссылка во время суда, назывался *ездом на правду*, т. е. прогонами для оплаты решающего доказательства на суде.

СУДЕБНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬ-

СТВА. *Виды правды, или различные роды судебных доказательств.* Судебные доказательства в разное время были различны, смотря по характеру, какой носил суд в разное время. Суд в древнейшее время, как известно, был словесным боем между тяжущимися, который часто кончался настоящим боем. Вот чем объясняется термин, которым обозначался судебный процесс в древнейшее время: «*пря*» — значит борьба; то же понятие борьбы осталось и в термине «*тяжба*»; в одном из русских слов

на св. Четырдесятницу (памятник XI в.) прямо сказано: «когда у тебя тяжба с кем-нибудь и ты его зовешь к князю на прю» и т. д. Доказательства в древнейшем процессе — в судебной *пре* соответствовали ее характеру: это была или борьба, где оружием служили формальные улики, или настоящая вооруженная борьба.

В числе доказательств, вероятно, истари имело место *добровольное признание*, но в древнейших памятниках оно почти незаметно. Целью процесса не было вынуждение признания, потому что процесс разрешался иными средствами, но добровольное признание облегчало процесс: оно кончало его, но не имело никакого влияния на приговор; ответчик обыкновенно запирался, но, когда он сказывался виноватым, дело кончалось. Формы, в каких высказывалось добровольное признание, были различны; редко ответчик на суде сказывался виноватым, чаще он облакал признание в косвенную форму, именно не являлся на суд в условленный срок, это значило, что он признавал себя виновным; отказывался целовать крест, когда истец предлагал ему это, «бегал с поля», т. е. не являлся на поединок. Так как древнейший суд был юридически словесной борьбой, то признание не имело нравственного значения, т. е. не служило смягчающим вину обстоятельством; это вы видите в Судебнике 1550 г., в статье о порядке решения лихих дел: если по обыску тать — вор — оказывался лихим человеком, то его пытали; если он признавался, его казнили смертью — как вы видите, признание несколько не облегчало наказания.

ПОСЛУШЕСТВО. Древнейшим и наиболее употребительным в древней Руси доказательством — судебным в собственном смысле — было *послушество*; большая часть дел, решавшихся не судом божим, обыкновенно решались *послушеством*. *Послух* — свидетель в пользу той или другой стороны; этим он отличался от стороннего беспристрастного свидетеля: сторонний свидетель показывал факты, *послух* поддерживал известные притязания, т. е. свидетельствовал в пользу известной стороны. Этим объясняется неодинаковая ценность показаний *послухов* и сторонних людей: *послушество* само по себе не решало дела, не имело безусловной цены; оно принималось во внимание, осложняясь одним из видов *суда божия* — присягой *послухов*; показание сторонних людей решало дело безусловно. Поэтому *послухов* можно было отводить, противная сторона могла не признавать *послушества*; показание сторонних свидетелей не

могло быть отклонено или оспорено противной стороной. Закон долго не требовал никаких нравственных качеств от *послушества*, Русская Правда знает *видока*, но отсюда не следует, что *послух* должен был быть непременно очевидцем дела. Такой неопределенный характер *послушества* сохранялся до позднейшего времени; вот, например, судебный случай XVI в., в котором *послушество* является еще с таким древним характером: на дороге произошел разбой — одного из проезжавших убили, другие из подвергшихся нападению бежали; бежавшие начали призывать на помощь, из соседних сел и деревень сбежался народ; пустились преследовать преступника; привели его на место преступления, привязали к ноге убитого и отправили в ближайшую волость для возбуждения дела; *истцы*, т. е. спасшиеся от нападения, в то же время заявили о случившемся в ближайших селах выборным начальникам, также церковным причтам; когда дело дошло до суда, *истцы* сослались не только на *погонных мужей*, т. е. тех, кто преследовал преступника и поймал его, но и на тех, до которых дошел слух о происшедшем вследствие «явки», т. е. вследствие распространения дела между окрестными обывателями; эти люди, до которых только дошел слух, являлись на суде в качестве *послухов*. Судебник царский 1550 г., кажется, впервые стал требовать от *послушества* известных нравственных качеств и впервые стал наказывать за ложное свидетельство; в нем мы читаем: «Послухам не видеви не послушествовати, а видевши сказати правду» — в древности этого не требовалось. *Послухи* были различные, смотря по свойству дела; они назывались иногда еще *мужами*; свидетельствовать против кого-нибудь значило в древней Руси *опослушествовать* и *омужевать*. Поземельные тяжбы обыкновенно разрешались показанием стариков, которые могли утвердить за тою или другою стороною давность владения, т. е. могли доказать, кому издавна принадлежала эта земля; эти свидетели назывались *старожильцами*. Если речь шла о границах спорной земли, то свидетели должны были точно показать суду эту границу, прошедши по ней; в таком случае они назывались еще *знахарями*¹¹⁵, т. е. людьми сведущими, знающими — по нашему, экспертами. Это важнейшие виды *послухов*, обозначаемые терминами, которые требовалось разъяснить. Свидетельство, или *послушество*, и было обычным и в древнейшее время единственным судебным доказательством. Правда, рано появляются намеки на показание сторонних людей, из которого потом развился *повальный обыск*. Намек на это мы находим,

между прочим, в Русской Правде; помните статью (38-я ст. по сп. Академич., 36-я—по сп. Троицкому, 38-я—по сп. Карамзинскому, 13-я—по сп. кн. Оболенского) о воре, убитом у клетки на месте преступления; там сказано, что если вора, пойманного на месте преступления, люди уже видели связанным, а он потом оказывался убитым, то за это убившие хозяева подвергались наказанию: люди—значит сторонние свидетели, не послухи.

Отличительной особенностью судебных доказательств в древнейшем процессе, за исключением стороннего свидетельства, была их необязательность для сторон: судья не мог заставлять сторону принимать доказательства противника на основании их внутреннего качества; ответчик мог не согласиться ни с одним из доводов противника или мог опровергать каждый из них; может быть, даже показание сторонних свидетелей не решало дела, если одна сторона, против которой направлялось это показание, не считала его для себя убедительным.

СУД БОЖИЙ. Процесс состоял в борьбе, следовательно, каждая сторона боролась, пока были силы, вот почему важные тяжбы обыкновенно кончались *судом Божиим*. Суд божий, или правда божия, выводил судебный процесс из чисто юридического момента и возвращал ему первобытный характер не юридической, а материальной, т. е. вооруженной, борьбы; это было уже не судебное доказательство, а решение дела посредством либо физической силы, либо высшей силы, таинственной. Обычная формула, которой одна из сторон прекращала судебное прение и обращалась к *суду Божию*, была такова: когда последнее доказательство, приводимое одной стороной, отвергалось другой или когда между послухами обнаруживалось разногласие, тогда одна сторона говорила судье: «Дай нам, господине, животворящий крест (вариант: *правду Божию*); целовав крест да лезем на поле битися»; полю обыкновенно предшествовала обоюдная присяга идущих на бой. Виды *суда божия*, или *правды божией*¹¹⁶, были таковы.

ИСПЫТАНИЕ ЖЕЛЕЗОМ ИЛИ ВОДОЙ. *Испытание железом или водой*—эта древнейшая форма *суда божия*, исчезнувшая ранее других¹¹⁷; я не знаю, применялась ли она уже в XIV в. Как производилось испытание железом, сказать довольно трудно; кажется, у нас оно состояло в том, что подвергавшийся испытанию произносил известную клятвенную формулу—

заговор, держась рукою за раскаленное железо, и если обжигал руку, то считался виновным. В договоре смоленского князя Мстислава с немцами 1229 г. говорится о том, когда русин может вести немца или немец русина к железу горячему, а Русская Правда, говоря об этом испытании, признает виноватым испытываемого, когда он ожжется. Гораздо более знаем мы о том, как производилось испытание водой: обвиняемого бросали в воду и смотрели, тонул ли он или нет; если тонул, его оправдывали. Одно из самых поздних свидетельств об испытании водой находим в слове епископа владимирского Серапиона XIII в.; позже я не знаю свидетельств об этом испытании. Серапион жестоко восстает против испытания водой, которому подвергались преимущественно колдуньи, потому что только об этом казусе он говорит; епископ очень порицает свою паству за то, что она более доверяет твари (материи)—воде, чем другим, более разумным способам узнать истину; «Вы же,—говорит он,—воду послухом постависте и глаголите, аще утопати начнетъ неповинна есть, аще ли поплочеть, волховъ есть»¹¹⁸. Очевидно, этот способ решения связан был с языческими поверьями: «Вода-де принимает—стало быть, колдунья невинна; не принимает вода в себя—стало быть, виновата». Бросание в воду политических преступников по решению новгородского веча имело уже значение не испытания, а казни, только облеченной в форму древнего испытания; вот почему я и говорил, что уже в XIV в. я не помню испытания водой, хотя бросание в воду с моста происходило и в XV в. В древнейшем процессе применение обоих видов испытания определялось тяжестью преступления или размером иска; испытание железом по Русской Правде назначалось при иске на сумму не менее полугривны золотом, испытание водой—на сумму не менее двух гривен кун; если иск был менее этой суммы, то назначался легчайший вид суда божия—рота—присяга. Довольно трудно рассчитать эти нормы, потому что мы не знаем сравнительной стоимости золота и серебра в XII в.; в XIII в. золото относилось к серебру, как $6\frac{2}{3}$ к 1; отсюда вы можете рассчитать эти нормы, припомнив, что в XII в. гривна кун была вначале $\frac{1}{2}$, потом $\frac{1}{3}$, а далее $\frac{1}{4}$ частью гривны серебра.

ПОЛЕ. Вторым видом правды божией был судебный поединок, или поле¹¹⁹. Этот вид также очень древний; я признаю его существование во времена Русской Правды, хотя о нем последняя не

проговаривается даже намеком. Это *поле* употреблялось, впрочем, еще в X в.: на это прямо указывает арабский писатель Ибн-Даста, писавший в первой половине X в. при Игоре; он очень хорошо изобразил *поле*, говоря, что оно имело место, когда которая-нибудь сторона оставалась недовольною приговором князя, вероятнее, его судьи. Впоследствии *поле* не было апелляцией к суду божию на приговор судьи, а назначалось судьей, когда не удавались чисто юридические доказательства; значит, в допущении поля заключалось понятие не об апелляции на приговор судьи к суду божию, а высказывалась мысль о бессилии судьи решить дело на основании наличности представленных судебных доказательств. *Поле* имело, по словам Ибн-Дасты, такую обстановку: на поединок выходили, очевидно, за город, в поле; обе стороны были сопровождаемы своими родственниками, которые были вооружены, но дело решалось единоборством. Может быть, араб не передал нам всего, что бывало при *поле* в X в.; по крайней мере в позднейшее время *поле* не всегда оканчивалось единоборством, и недаром родственники-ассистенты стояли при *поле* вооруженными. Герберштейн описывает нам *поле* чертами, которые показывают, что решение дел поединком было возвращением к первобытному способу решения тяжб, имевшему место в то время, когда еще действовала родовая месть; это была просто борьба тяжущихся сторон при содействии их сторонников, т. е. повальная драка. Герберштейн говорит, что сторонники тяжущихся являлись на *поле* также в доспехах и с оружием, тяжущиеся начинали бой в доспехах с дубинами — ослопами, копьями, мечами; не дозволялось употреблять только оружия, действующего издали, огнестрельного или лукострельного — пищали и лука, но ассистенты также были вооружены, они следили за правильностью боя; если они замечали, что соперник их клиента начинал прибегать к уловкам, к обману, они вступались за своего; тогда сторона противная тоже вступалась за своего, и начиналась повальная драка. Если так происходило *поле* во времена Герберштейна, т. е. в первой половине XVI в., то Судебник царя Ивана старался несколько упорядочить поединок, придать ему более приличный вид. Судебник гласит, что поединок должен совершаться в присутствии *дьяка* и *окольничего*; *польщики* — *поединщики* — выходили на поле со *стряпчими* и *поручниками*; *поручники* были поручители, обязывавшиеся поставить *польщиков* на поле в урочный срок. *Поле* совершалось не тотчас после того, как судья его назначал: *польщики* «стояли у поля», т. е.

являлись на поле несколько дней, прежде чем им дозволялось драться; вероятно, этим имели в виду довести *польщиков* до мировой, дать время одуматься, ибо *поля* не любили судьи, как не любило и общество. *Стряпчие* заменяли собою тех вооруженных родственников, о которых говорит Ибн-Даста; по-видимому, они должны были следить за правильностью боя, на что указывает самое их название: *стряпчий* — значит ходатай; вот почему их можно назвать секундантами. Но Судебник обязывал *стряпчих* и *поручников* стоять у *поля* без оружия — знак, что в прежнее время оружие в их руках имело практическое применение; притом *опричных людей* — сторонних зрителей — закон не допускал при *поле*: *окольничий* и *дьяк* должны были отвести их от *поля*, не слушавшихся сажали в тюрьму; очевидно, и *опричные люди* могли нарушить порядок *поля*, т. е. вступить в бой. *Поле* присуждалось всем тяжущимся; в древнее время не допускали только *полей* между русскими и иноземцами; так, в договоре смоленского князя с немцами 1229 г. русин не мог вызвать на поединок немца в Смоленске, немец не мог вызвать русина в Риге, но немец немца мог вызвать на поединок в Смоленске, русин русина мог вызвать в Риге¹²⁰. Так как вызывали друг друга на поединок не только тяжущиеся стороны, но и их послухи, а тяжущиеся и послухи могли быть люди всех состояний и даже лица женского пола, то *поле* могло быть присуждено духовному лицу, малолетнему, увечному и женщине. Но закон, конечно, наблюдал равенство сил борющихся сторон: некоторые из *польщиков* были неспособны драться, отсюда развился обычай заменять себя подставным бойцом; эти бойцы, по известиям иностранцев, в Москве составляли особый класс, который этим промышлял. Люди служилые, по-видимому, обыкновенно нанимали за себя *бойцов*, или *наймитов*; обычай этот объясняется тем, что в позднейшее время *поле* редко оканчивалось смертью, хотя побежденный назывался в Судебнике старинным термином «*убитый*». Однако из Псковской Правды мы знаем, что иногда *поле* кончалось и смертью, но закон косвенно старался предупредить такой печальный исход дела, побуждая победителя щадить побежденного; победитель выигрывал процесс, но если побежденный бывал убит, то победитель лишался своих денег; он мог снять доспех и одежду с убитого, но если предметом тяжбы были деньги, то победитель лишался их. «А на труп кун не имати», — говорит Судная Псковская грамота. Легко понять, что церковь издавна мешала практике этого судебного доказательства, хотя

это, собственно, уже не судебное доказательство. На Стоглавом соборе было постановлено, чтобы духовенству не присуждать ни *полей*, ни *креста* (крестоцелования), ни в каких делах, опричь душегубства и разбоя с поличным; если духовное лицо будет обвиняемо в этих преступлениях, то судит его светский суд, а не церковный, который отказывался мараться в таком судебном доказательстве. После Судебника царя Ивана уже не заметно практики этого доказательства, хотя поединки то и дело присуждаются; судья присуждает поединок по требованию тяжущихся, но не допускает до него, а заставляет их целовать крест. Вот почему, когда читаете акты судных дел, кончившихся вызовом одной стороны на поединок другою, то вы не предполагайте, что дело этим и кончилось; дело кончалось обыкновенно крестоцелованием, т. е. присягой. Еще в начале XVII в. присуждаются поля, разумеется, только номинально; Уложение впервые исключает поле из судебного процесса.

ПРИСЯГА. Полю обыкновенно предшествовала обоюдная *присяга* тяжущихся. Когда поле стало выходить из употребления, *присяга* стала самостоятельным судебным доказательством как третий вид *суда божия*. Она имела также языческое происхождение и чрезвычайно тесно была связана с *полем*. В древнейших памятниках она называется *ротой*; ротитися — клясться (рота — клятва)¹²¹; рота — одного корня с словом «*рать*» — «борьба». Судебная связь этого вида суда божия с полем была причиной этимологического родства самых терминов, обозначающих то или другое доказательство. Ротитися значит *ратитися*, т. е. драться, а потом клясться. *Рота*, или *крест*, совершалась при известной торжественной обстановке. Флетчер описывает, как приносилась судебная присяга в его время в Москве: она приносилась всегда в одной церкви — Николы старого; когда ответчик или истец целовал крест, на его глазах перед образом висела спорная вещь, обыкновенно кошелек с деньгами; когда истец или ответчик кончал присягу, ему тотчас отдавали этот кошелек¹²². И *роть* не любила церковь и принимала издавна меры против нее, как и против поединков. В XV в. церковь запрещала хоронить убитых на поле и на 18 лет лишала причастия принимавших это судебное доказательство; точно так же наказывались *ротители*, *ротники*. Общество относилось с особенною брезгливостью к судебной присяге; иные отказывались от своего иска, когда им предлагали *крест*. Точно

так же как есть указание на то, что монастырские власти соглашались лучше отказаться от спорной земли, когда ответчик вызывал монастырь на поединок.

ЖРЕБИЙ. *Рота* предлагалась истцом или ответчиком противной стороне; дело могло решиться тем, что ответчик вызывался принести присягу или клал спорную вещь у креста и предлагал присягнуть истцу; если обе стороны вызывались на *роту*, назначался *жребий*. Когда *рота* стала выходить из употребления, *жребий* получил значение самостоятельного судебного доказательства; с ним сделалось то же, что прежде с судебным поединком и *ротой*, т. е., как скоро выходил из употребления тягчайший вид суда божия, вид легчайший, служивший первоначально вспомогательным к нему средством, получал самостоятельное значение и т. д.; по степени же тяжести виды суда божия шли в таком порядке: испытания железом и водой, судебный поединок, *рота*, *жребий*. В XVI в. дела очень часто решаются даже не крестоцелованием, а *жребием*. Когда стороны вызывались обе на *роту*, им присуждался этот способ решения дела, но их не допускали до крестоцелования, а заставляли вынимать *жребий* и этим дело кончали. Один иностранец XVI в. очень подробно описывает нам *вынимание жребия*; это английский купец Лэн, московский агент английской компании, тягавшийся в 1560 г. с московскими купцами; их тяжба именно и решена была *жребием*. Лэн предложил купцам мировую, те не согласились; судья решил бросить *жребий*; тогда судья в присутствии большой толпы зрителей засучил рукава, взял два восковых шарика и какими-то знаками написал имена обеих сторон на этих шариках; потом вызвал из толпы зрителей высокого детину, велел снять с себя шапку и держать, бросил в нее оба шарика и вызвал из толпы другого детину, который, засучив рукава, вынул один шарик и подал судье; на шарике оказалось имя Лэна, он и выиграл дело. *Жребий* был последним из видов суда божия — последним в том смысле, что он последним из них умер, вышел из употребления.

ОСОБЫЙ ВИД СУДА БОЖИЯ. Но в древней Руси существовал еще один своеобразный вид суда божия, о котором нельзя сказать, имел ли он повсеместное употребление; он обыкновенно и не упоминается в исследованиях о древнерусском праве. Любопытно то, что его придумала церковь, пытаясь

помощью его заменить противные ей языческие виды суда *божия*. Происхождение его не совсем ясно. В 1410 г. в Новгороде, в церкви исповедников Гурия, Самона и Авива, случилось какое-то чудо с церковными сосудами; местная летопись упоминает об этом чуде, но не говорит, в чем оно состояло; судя по тому, что вышло из этого чуда, можно догадываться, что, вероятно, были украдены церковные сосуды из церкви и воры были как-нибудь уличены или сами признались благодаря таинственному участию исповедников. Новгородский архиепископ Иоанн решился воспользоваться этим случаем и разослал грамоту с распоряжением, чтобы между крестьянами новгородского Софийского собора тяжбы о воровстве решались не *ротой*, а особым видом суда *божия*. Именно, по церквам была разослана икона исповедников; священник, когда возникала тяжба¹²³, призывал тяжущихся в церковь, ставил их перед иконою исповедников, служил им молебен, потом литургию; за литургией на жертвеннике была особая просфора, крестообразная, с изображением креста на каждом из четырех ее концов; во время литургии он вынимал из просфоры кресты, произнося особую молитву — прелюбопытную, ибо в ней есть части, носящие прямой характер заговорной формулы, она помещена в самом акте. Вынув последний крест, священник и предлагал тяжущимся вкусить его; кто соглашался — выигрывал дело, кто отказывался — проигрывал. Грамота заканчивалась запрещением священнику допускать до *роты* и приказанием решать все дела таким образом — посредством освященного хлеба. По-видимому, этот вид суда *божия* был распространен не в одной Новгородской земле, ибо в XV в. указание на какой-то порядок решения дела посредством молебна этим исповедникам встречается и в актах других местностей.

ПОВАЛЬНЫЙ ОБЫСК. Другой слой судебных доказательств развился с течением времени, когда самый суд изменил свой характер. Эти доказательства появились тогда, когда суд утратил характер боя и получил значение раскрытия факта, расследования истины. Бой сменился *розыском*; тогда и судебные доказательства, столь тесно связанные с боем, т. е. различные виды суда *божия*, сменились следственными средствами: допросом, проверкой документов и т. п. Но эти доказательства как позднейшие и более понятные не требуют подробного объяснения; я их только перечислю.

Повальный обыск — это допрос сторонних людей¹²⁴. Это доказательство, очевидно, основывалось на доверии к совести мира, общества; оно имело безусловную силу, только обыкновенно требовало, чтобы *обыскных людей* было как можно больше: иногда требовалось 50 человек, 100; впрочем, по Судебнику царя Ивана дела о воровстве решались показанием 10—15 боярских детей, 15—20 крестьян. Второе доказательство — *письменные документы, грамоты*. В древнейшем процессе письменные документы не имели никакого значения; в позднейшем процессе на них основывалось часто самое решение дела. Письменные документы были двоякого рода: 1) правительственные акты, например жалованные грамоты, 2) частные сделки, или акты (духовные, закладные) и т. п.

Представлением и проверкой судебных доказательств кончался *суд*. *Судом*, собственно, называлась самая тяжба, процесс, т. е. собирание, представление и проверка или оценка судебных доказательств. На основании *суда* судья клал приговор; приговор бывал окончательный и неокончательный; окончательный назывался *вершением* дела, неокончательный приговор переносил дело в высшую инстанцию на *доклад*. *Доклад* — это ревизия дела с его вершением, ибо при *докладе* повторялись представление и проверка доказательств, особенно когда одна сторона оспаривала ведение дела в низшей инстанции, лживила судный список, судный приговор, говорила, что или судья судил не по суду, или дьяк записал не по суду, т. е. дело велось не так, как следовало, или записано не так, как велось. Но ревизия дела на *докладе* завершалась окончательным его решением.

ПРАВЕЖ. Третий и заключительный момент древнерусского судебного процесса можно назвать *правежом*, придавая этому слову широкое значение, какого оно на древнерусском юридическом языке не имело: *правежом*, собственно, называлось взыскание с обвиненного ответчика в пользу *истца*, и притом взыскание, соединенное с понудительными средствами; мы назовем *правежом* вообще исполнение судебного приговора.

Виды наказаний и взысканий сообразовались с тяжестью преступлений и гражданских правонарушений. В Московское время система наказаний была гораздо сложнее старинной системы времени Правды: в древнейшее время, как мы знаем, показания эти почти все сводились к денежным пеням; теперь, в Московское время, денежные

взыскания не только в пользу потерпевших лиц, но и казны остались, но к ним присоединились еще наказания телесные и смертная казнь в разнообразных видах. В судебниках и в Уложении перечислен длинный ряд важнейших преступлений, за которые древнерусский закон карал смертною казнью; я не буду повторять этого перечня, а скажу только, что смертною казнью карали за тяжкие преступления против веры, против государя и государственной безопасности, против личности вообще и особенно за оскорбления родительской власти и тяжкое оскорбление женщин¹²⁵. Смертная казнь имела различные формы; были виды смертной казни чрезвычайно изысканные. Так, за богохульство, за поджог и за обращение православного русского в басурманскую веру виновный подвергался сожжению; за политические преступления сажали на кол, четвертовали, вешали, обыкновенно отрубали голову или умерщвляли ударом в голову, иногда топили, пуская под лед зимой. Герберштейн говорит, что чаще всего вешали¹²⁶; я не знаю, как примирить это известие со специальным значением, какое имели слова «смертная казнь» на древнерусском языке. Смертною казнью, по-видимому, тогда называли далеко не всякую казнь, рассчитанную на немедленное прекращение жизни преступника, а, вероятно, преимущественно обезглавливание. В царствование Михаила в Тобольске несколько ссыльных поляков задумали сжечь город, т. е. крепость, и бежать; заговор открылся, и по приговору Сибирского приказа велено было главных заводчиков повесить, а остальных заговорщиков казнить смертью. За некоторые преступления не лишали жизни, а подвергали лишь увечью, например отсекали руки; кто на государеве дворе или в присутствии государя обнажал оружие против другого и наносил ему рану, того казнили смертью, кто же обнажал оружие, не нанося раны, тому отрубали руку. Разноречивы известия о другой изысканно квалифицированной казни, какой подвергались женщины за мужеубийство и детоубийство; их обыкновенно закапывали в землю по грудь. Уложение говорит, что преступницы оставались в таком положении, пока умрут, а один иностранец (Таннер) говорит, что если женщина выдерживала три дня, то становилась свободной. Тот же иностранец описывает виденную им в 1678 г. казнь одной женщины в Москве: ее закопали за мужеубийство, связав назад руки; она долго не умирала, к ней приставлена была стража; ночью собаки, бродившие громадными толпами в Москве, напали на нее; женщина долго защищалась зубами, но

они, наконец, вытащили ее из земли и разорвали; стража, приставленная к преступнице, не двинулась с места, чтобы защитить ее.

ТОРГОВАЯ КАЗНЬ. За менее важные преступления, к которым принадлежала и татьба, если только она не совершена была человеком, признанным за лихого, т. е. за промышляющего этим делом, наказывали *торговой казнью*, т. е. кнутом; *торговой* она называлась потому, что совершалась на *торговой площади*. Иностранцы сообщают некоторые подробности и об этой казни, подробности, без которых мы бы могли с удовольствием обойтись, но которые надо знать, как скоро они ими переданы. *Олеарий*, например, рассказывает, что татей за первое воровство наказывали кнутом, ведя от Кремля до *Большого торгога*—я не знаю, что понимает он под этим *Большим торгом*; на торгу татю резали ухо и сажали в тюрьму. За второе воровство повторялась та же казнь, к которой присоединялась еще ссылка в Сибирь. Точно так же он описывает виденную им торговую казнь, которая совершена была в 1634 г. в Москве над девятью преступниками, занимавшимися противозаконной продажей табака и водки; между ними была одна женщина. Палач явился с кнутом из свежей воловьей кожи с тремя хвостами на конце из невыделанной лосиной кожи; хвосты эти были, по замечанию *Олеария*, острые, как бритва. Каждого преступника одного за другим вешали на спину к помощнику или слуге палача, обнажая этому преступнику спину; ноги ему связывали веревкою, которую продергивали между ногами помощника палача; за конец веревки держался другой помощник, а первый держал своими руками преступника за руки, лежавшие на его плечах; благодаря всему этому преступник не мог пошевеливаться. Каждому преступнику отсчитано было 25 ударов, преступнице—16; считал удары присутствовавший при казни подьячий с бумагой в руке, где было обозначено определенное каждому преступнику число ударов вместе с изложением вины его. Когда палач отсчитывал положенное число ударов, подьячий кричал: «Полно», что означало *полное* количество ударов; отсюда, вероятно, «полно» — синоним «довольно»¹²⁷. Один иностранец замечает, что надо иметь чисто московскую кожу, чтобы вынести даже четвертую долю подобного наказания. Наказанных преступников повели еще по городу, продолжая битье, хотя некоторые из них едва держались на иогах. Воротившись после обхода на место казни, палач и подьячий отпустили преступников на свободу.

БАТОГИ. За малые вины наказывали *батогами*. *Батог* — палка, или, лучше сказать, толстый прут локтя в полтора длиной; это не розги, которые были во всяком случае школьным смягчением древнерусских *батогов*. *Батоги* были обычной ежедневной формой наказания; им подвергали людей и простых и даже сановных, кроме духовных лиц и думных чинов: люди думные, как и духовные, по Уложению освобождены были от телесных наказаний. Таннер, бывший при Алексее Михайловиче, говорит, что в Москве, на Красной площади, редкий день можно было не видеть наказанных батогами; но на это наказание не обращали внимания и вовсе не ставили его в бесчестие, хотя оно иногда принимало очень суровые формы; так, встречаем в актах распоряжение: «Бить батогами нещадно, чтоб стоило кнутья»; это было переходной формой между батогами простыми и кнутом.

Все наказания, сопровождавшиеся лишением жизни, увечьем, как и телесные, носили общее название *казни*; все преступления, за которые им подвергали, носили общее название *воровства*¹²⁸. *Воровством* называлось всякое противозаконное деяние, сопряженное со злым умыслом; в этом смысле *воровство* не следует смешивать с *татьбой*.

ВЗЫСКАНИЕ СУДЕБНЫХ

ПОШЛИН. Взыскания, каким подвергались виноватые, были либо судебные пошлины в пользу казны — замена древних *вир* и *продаж*, либо *вознаграждение истцовой гибели*, т. е. всего, что потерпел истец; сюда относились и судебные издержки и имущества, уничтоженные или похищенные преступником, и долг. Взыскание собственно этой *истцовой гибели* и называлось *правежом*; «*править*» на древнерусском языке значило «взыскивать»¹²⁹. Взыскание это часто соединялось с понудительными мерами, которые особенно употреблялись как средство взыскания долга. Если должник почему-нибудь не хотел или не мог платить долга, его ставили на *правеж*. *Правеж* этот состоял в том, что неплатящего должника в течение известного времени ежедневно, кроме праздников, ставили перед судом или приказом, где он был обвинен, и в продолжение нескольких часов били батогами по ногам, по икрам. При царе Иване IV законом 1555 г. определены были сроки стояния на *правеже*; именно при долге во 100 руб. неплатящий должник мог простоять на *правеже* месяц; если долг был больше или меньше, срок *правежа*

пропорционально сокращался или удлинялся. Если должник выстаивал свой срок и продолжал отказываться платить или если не находилось человека, который выкупал его с *правежу*, т. е. вносил за него долг, его отдавали истцу головою до искупу, т. е. он становился его кабальным холопом и должен был зарабатывать свой долг личным трудом; законодательство определяло стоимость этого труда. У иностранцев можно найти описание и самого *правежа*. По Флетчеру, по Олеарию и др., *правеж* этот производился обыкновенно в Москве, впрочем, его могли производить воеводы по городам. В Москве он производился перед длинным зданием *приказов*, помещавшихся в Московском Кремле. Дворцовые *приказы*, замечу кстати, сосредоточивались в самых дворцовых зданиях; большая часть других помещалась в длинном здании на площади между Архангельским собором и Спасскими воротами; здесь находились *приказы*: Разряд, Посольский, Поместный и др. С восходом солнца становились перед *приказами* несколько неплатящих должников. По описанию иностранцев XVII в., несогласному с описанием, которое мы находим у Татищева (очевидно, описывавшего по воспоминаниям), должники эти становились в ряд и разделялись на партии между несколькими недельщиками; каждый недельщик батоном ударял по очереди каждого должника своей партии три раза по икрам; прошедши ряд, он возвращался и повторял ту же процедуру на обратном пути; так продолжалось до тех пор, пока не выезжал из *приказа судья*, т. е. начальник *приказа*: надо думать, что это битие продолжалось часа два, три¹³⁰. Тяжесть *правежа* была неодинакова для всех должников; если должник был злостный банкрот, он платил недельщику взятку, за что ему дозволялось за сапоги или то, чем обвертывались ноги, класть толстую кожу или жезл; с помощью этого он мог долго стоять на *правеже*, обязанный лишь издавать узаконенные штатные звуки, ибо *судья* смотрел на процедуру из окна. Если, напротив, истец был богат, он также давал взятку недельщику, который за это усердствовал; благодаря этому усердию некоторых должников, говорит один очевидец, везли с *правежа* на телегах без движения.

Судебные пошлины были очень разнообразны, смотря по свойству гражданского правонарушения или уголовного преступления, а также по размерам исковой суммы. В древнейшее время пошлина эта равнялась, кажется, сумме иска и называлась *противнем против истцова*; после убавилась наполовину и называлась потому *противнем вполы истцова*, а наконец, свелась к 10% с суммы иска.

Пошлины платил, разумеется, виноватый.

Окончив этим изложение древнерусского судебного процесса, следовало бы обратиться к формам письменного делопроизводства в древней Руси, но мы ограничимся только изображением устройства древнерусской приказной канцелярии Московского времени.

ЛЕКЦИЯ VIII

IV. ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ (ОКОНЧАНИЕ).
В) ДРЕВНЕРУССКАЯ ПРИКАЗНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ. ДЬЯКИ И ПОДЬЯЧИЕ.
ПОСУЛЫ. ПЛОЩАДНЫЕ ПОДЬЯЧИЕ. ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО

ДРЕВНЕРУССКАЯ ПРИКАЗНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ. Древняя Русь, особенно Московская, оставила нам громадное количество письменного материала, по которому подробно можно восстановить разнообразные формы письменного канцелярского делопроизводства XV, XVI и XVII вв. Трудно сказать, было ли так развито письменное делопроизводство в удельные века, от которых уцелело сравнительно немного памятников канцелярского делопроизводства, может быть, вследствие еще неполного развития канцелярии. Но про древнюю Русь XI и XII вв. можно решительно сказать, что там было очень слабо развито письменное делопроизводство. Это объясняется частью дороговизною письменного материала — *пергамена*; уцелевшие акты тех веков написаны на маленьких лоскутках, а иногда даже на белых листах книг. Во всяком случае можно сказать, что в московских приказах письменное делопроизводство достигало развития, которого преемники старинных московских *дьяков* и *подьячих* — чиновники XVIII в. не подвинули ни на шаг вперед. И канцелярский писец древней Руси и его бумага названиями своими показывают, что канцелярское делопроизводство у нас водворено было греками: писец или секретарь назывались *дьяком* или *подьячим*; бумага, ими написанная, деловая, носила общее название *грамоты*; все эти термины заимствованы из греческого языка; *подьячий* — переделанная по-русски форма, означающая помощника *дьяка*.

ДЬЯКИ И ПОДЬЯЧИЕ. Канцелярское писмоводство было в руках *дьяков* и *подьячих*. По-видимому, в XVII столетии этот класс служилых

людей не был еще очень многочисленным, по крайней мере по Котошихину, который сам принадлежал к числу подьячих, в Москве около половины XVII в. и по городам считалось около 100 дьяков — секретарей и около тысячи подьячих, состоявших на приказной службе; вот все двигатели канцелярского письмоводства в Московском государстве; эти дьяки и подьячие были рассеяны по столичным приказам и по уездным *сьезжим* или *приказным избам*. Московский приказ и Городовая *сьезжая изба* — вот две канцелярии, которые служили основными колесами в древнерусской правительственной машине. Обе эти канцелярии отличались одна от другой только своими размерами, большей или меньшей сложностью устройства; основные черты одни и те же у той и другой. Приказ управлялся обыкновенно каким-либо служилым человеком высших чинов: боярином, окольниковым или думным дворянином, стольником; в немногих приказах начальниками были думные дьяки. Начальники приказов носили специальное название *судей*; в большей части приказов *судья* имел товарища также из служилых людей и главного секретаря, главного старшего *дьяка*. Судья с товарищем и старшим дьяком составляли присутствие приказа, это была коллегия, члены которой обязаны были по закону вести все дела вместе. Приговор этой коллегии, когда во главе ее стоял боярин, а товарищем был окольниковый, назывался даже приговором бояр такого-то приказа¹³¹.

Присутствие приказа я потому называю коллегией, что довольно трудно отличить порядок ведения дел ею от того, который потом был установлен в коллегиях Петра; приказы отличались от них разве тем, что решали дела единогласно, а не по большинству голосов, как коллегии. Закон запрещал единоличное решение дел судьей без содействия товарища и главного дьяка; у Котошихина встречаем забавную формулу, которой он выражает этот порядок ведения дел в приказном присутствии: судьям с товарищем и дьяками, говорит он, указано судить «всем вместе и без единого и единому без всех»¹³²; Котошихин хотел сказать, что приговор присутствия получал полную силу только тогда, когда был принят единогласно: ни один без всех других не мог решить дела, ни все без одного. Та часть приказа, где помещалось это присутствие, носила название *казенки*, потому что здесь обыкновенно хранились казенные суммы, поступавшие в приказ; в остальных комнатах помещались второстепенные дьяки с подьячими. Каждый приказ делился на *столы*; если приказы можно назвать министерствами, то эти столы можно сравнить с

департаментами. В Разрядном приказе — одном из главных — в 1676 г. было, кроме дьяков, 109 подьячих; в Посольском — 41, при Котошихине, вероятно, их было менее. В Разряде по акту 1666 г. встречаем три стола, между которыми были распределены различные уезды, управлявшиеся Разрядом, и разные дела — судебные и другие, которые ведал тот же приказ; эти столы назывались: *Московский*, *Новгородский* и *Приказный*, который, кроме судных дел, ведал также некоторые уезды. Каждый стол притом разделялся на несколько отделений, по которым дела вели особые подьячие; эти отделения назывались *вытями*¹³³ или *повытьями*; отсюда *повытчик* в качестве помощника столоначальника. Точно такой же состав имела и *Городовая съезжая изба*, только там был гораздо ограниченнее личный состав. В больших городах съезжей избой управлял воевода с товарищем и дьяками; в малых — воевода с главным подьячим. В съезжей избе была также своя *казенка* или присутствие, свои *столы*, но в съезжей избе находилось немного подьячих¹³⁴ и очень редко дьяк; этот дьяк и подьячие были наезжие гости, присылались из Москвы на время.

Подьячие получали, как и служилые люди, поместные и денежные оклады за свою службу. Денежное жалованье им не было велико; высший оклад жалованья подьячему я нашел в списке личного состава Посольского приказа 1676 г.: первый подьячий этого приказа получал жалованья 55 руб. в год, на наши деньги это 935 руб.; поместного оклада у этого подьячего не обозначено; низшие оклады упали до рубля в год. Вероятно, что денежный оклад составлял лишь малую долю дохода, который получали дьяки с подьячими; этот доход состоял в различных пошлинах, которые шли с составляемых дьяками и подьячими крепостей, т. е. актов¹³⁵.

ПОСУЛЫ. Видное место в бюджете древнерусских дьяка и подьячего занимала взятка. О развитии взяточничества единогласно говорят все сами древнерусские подьячие; очень открыто признается в этом грехе своей братии сам Котошихин; он говорит, что, несмотря на строгие запрещения *посулов* и *поминок*, они в большом употреблении: дьяки и подьячие дают «крестное целование з жестокии проклинательством, что посулов не имати и делати в правду по царскому указу и по Уложению; ни во что их есть вера и заклинательство, и наказания не страшатся, от прелести очей своих и мысли содержати не могут и руки свои ко взятию скоро

допускают, хотя не сами собою, однако по задней лестнице чрез жену или дочь, или чрез сына и брата, и человека, и не ставят того себе во взятые посулы, будто про то и не ведают». Известные доходы с людей, имевших дела в приказах, допускались не только обычаем, но и законом, и в практике если было легко провести, то еще было легче не проводить черты между доходами дозволенными и недозволенными. Мы не раз встречаем челобитные, в которых подьячий просит себе прибавки жалованья, объясняя эту просьбу тем, что у него в столе нет челобитчиковых корыстовых дел, а все дела государевы, бездоходные, т. е. казенные.

ПЛОЩАДНЫЕ ПОДЬЯЧИЕ.

От дьяков и подьячих, служивших по приказам и съезжим избам, надобно отличать письменных дельцов вольных, которые назывались *площадными подьячими*. Площадь в древней Руси — это наша нотариальная контора, где совершались всякие частные акты, писались челобития, купчие, меновые и т. д. *Площадные подьячие* были как в Москве, так и по городам и составляли в каждом городе особую корпорацию, состоявшую под надзором правительства. В Москве была, так сказать, главная нотариальная контора; она помещалась на Ивановской площади в Кремле. В XVII в. здесь является палатка, в которой *площадные подьячие* совершали все крепости и письменные акты. В состав этих подьячих поступали люди различных, даже тяглых, классов; *площадной подьячий* не считался служилым человеком и тяглый, записываясь в *площадные подьячие*, не освобождался от тягла. Промышлять *площадью* называлось в древней Руси: «кормиться пером»; в челобитных иногда встречаем выражения *площадного подьячего*: «кормлюсь пером», «стою на площади». *Площадные подьячие*, составляя артель, ручались друг за друга. Корпорация их в иных городах была очень многочисленна; по городам, например, встречаем до 12 *площадных подьячих*, в Москве в конце XVII в. на Ивановской площади стояло штатных 24 *площадных подьячих*. Они писали все частные акты, писать которые запрещено было подьячим приказов. *Площадь* состояла под надзором Оружейной палаты; в городах *площадные подьячие* стояли под надзором местной дворянской корпорации, которая имела влияние на состав площади, так как площадь писала преимущественно поземельные служилые акты.

Делопроизводство в приказах можно восстановить довольно подробно по уцелевшим актам и по известиям

иностранцев, имевших дела с приказами. С утра и до обеда, т. е. до полудня, с вечерни и до глубокой ночи здесь шла усиленная письменная работа. Олеарий говорит, что московские подьячие завалены работой, которую иногда не успевают сделать в урочные присутственные часы. Начальники приказов строго взыскивали с подьячих за неисправность. Один иностранец конца XVII в. рассказывает, что один дьяк, вероятнее подьячий (так как дьяк был чиновник очень важный), проработав целый день и выбившись из сил, решился уйти домой, не окончив дела; но дело, вероятно, было спешное; начальник приказа, думный дьяк (говорится, вероятно, о приказе Посольском или Разрядном), на другой день велел подьячего за это побить батогами и заставил его работать всю следующую ночь, а других подьячих, которые последовали дурному примеру товарища, велел привязать к скамейке, чтобы они не могли уйти в неурочное время. Эта непосильная работа и внушила англичанину Коллинсу во время его пребывания в Москве его остроту, что в приказах изводится такое количество бумаги, которой было бы слишком достаточно, чтобы покрыть всю территорию Московского государства.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО. В письменном делопроизводстве древнерусские подьячие достигли мастерства, которое осталось недостижимым для их преемников, считая и наших современных писцов. Древнерусские подьячие выработали себе твердый и довольно однообразный каллиграфический стиль, который почти лишен был личных особенностей почерка, и писали они превосходно, по крайней мере приказные. Наш глаз не привычен к тому стилю, но стоит немного привыкнуть к нему, чтобы читать древнерусские акты с бóльшим удобством, чем как можно читать почерк нынешних писцов. Притом древнерусские подьячие отличались удивительной верностью ими усвоенной орфографии, которую нельзя назвать особенно безграмотной. Каждый подьячий оставался верен усвоенным в приказах правилам, и любопытно, что, судя по актам, до нас дошедшим, он редко делал описки. Все это не относится к дьякам. На актах мы иногда встречаем резолюцию дьяка, писанную невозможным почерком; тут нет ни каллиграфии, ни даже простого умения выводить буквы; может быть, некогда дьяки писали так нарочно, для большей важности. Эти резолюции дьяков — истинное бедствие для читателей древнерусских актов; обыкновенно такую резолюцию на

две трети ее содержания прочтешь лишь по догадке. Древний подьячий писал обыкновенно не на листах, а на узких и длинноватых лоскутах бумаги, только на одной стороне; эти лоскутки потом склеивались в длинные ленты, называвшиеся *столбцом* или *столбом*, и скатывались в трубку в виде свитков. По дошедшим до нас столбцам можно судить об их размерах; иностранцы XVII в. видели столбцы аршин в 25, мы теперь знаем столбцы аршин в 70 и в 100. Подьячий писал не так, как пишем мы, именно потому, что писал не на наших листах. Древнерусскому подьячему не нужно было стола: лоскуток лежал на коленях, чернильница висела на шее, и так он строчил с необыкновенной быстротой, как говорят наблюдатели. Этим объясняется самый характер древнерусского подьяческого почерка, очень фигурального, напоминающего несколько восточное письмо. Вот из таких-то мастерских и вышел тот громадный письменный материал, около которого мы до сих пор ходим, только в некоторых пунктах успев проникнуть в глубь его.

ЛЕКЦИЯ IX

ТЕРМИНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЫТА. I. ЖИЛЫЕ МЕСТА. 1) ГОРОДА. ГОРОД-ДВОР. ГОРОД-СЕЛО. ГОРОД-ЗАСТАВА. ГОРОД-ПОСАД ТОРГОВЫЙ

ТЕРМИНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЫТА. Предметом дальнейшего изложения древнерусской терминологии будут термины экономического быта. По своему предмету они должны быть распределены на три группы: 1) термины, которыми обозначались формы расселения или жилые места; 2) термины, которыми обозначались хозяйственные промыслы, преимущественно сельское хозяйство; 3) метрология, или счет, т. е. термины меры, веса и монеты.

ЖИЛЫЕ МЕСТА. Формы и устройство жилых мест, в которых размещается народ, слагаются под влиянием народного хозяйства, а это последнее получает то или другое направление в зависимости от двух условий: 1) от свойств страны, которую занимает народ, 2) от внешних отношений народа, от его международного положения. Обо всем этом, т. е. о направлении народного хозяйства и о действии условий,

его направляющих, можно судить по формам и устройству жилых мест. Вот в чем заключается интерес их изучения. Когда нет прямых указаний на эти формы и условия народной жизни, о них можно судить по расположению и устройству жилых мест.

В истории экономической жизни древней России весьма последовательно развивались следующие формы расселения: города, слободы, села и деревни. Однако надобно наперед заметить, что это не одновременные формы расселения, а различные его моменты, которые с течением времени становились одновременными, рядом.

ГОРОДА. Древнейшей нам известной формой расселения восточных славян, составивших потом русский народ, был город. Но вместе с переменами, происходившими в направлении народного хозяйства, и город подвергался большим изменениям, в разные времена принимал чрезвычайно разнообразные формы. Город, по-церковнославянски «град», по своему первоначальному этимологическому и экономическому значению соответствовал не только латинскому *urbs*, но и *hortus*, означал всякое огороженное жилое место, неоткрытое. В связи с этим термином стоит болгарский термин «градеж» (забор) — часть города, т. е. ограды; город-ограда состоит из нескольких заборов, градежей. Вот чем объясняется близость двух терминов, обозначающих столь разнородные предметы, как город и огород, *urbs* и *hortus*.

ГОРОД-ДВОР. Физиономия древнего восточнославянского города очень живо и совершенно одинаково изображается двумя столь различными историческими источниками, как византиец VI в. Прокопий и древнекиевское предание, занесенное в нашу Начальную летопись. Прокопий, говоря о восточных славянах, когда они еще жили в стране Карпат, пишет, что они живут в плохих избах, разбросанных на далеком расстоянии друг от друга, и часто переселяются. Но при воинственном характере этих карпатских славян надобно думать, что эти одинокие хижины были укреплены; каждая такая укрепленная хижина и носила название града, города. Киевская начальная летопись смутно помнит, как возник Киев. Три брата построились на трех соседних горах и «сотвориша городок во имя брата их старейшаго и нарекоша и Киев». Это именно средний пункт между тремя дворами братьев или двор старшего

брата, что вероятнее. Вот что такое град Киев в первоначальном своем виде. Такая форма города, очевидно, возникла под влиянием особенностей страны, которую заняли восточные славяне, расселившись по нашей равнине. Вид этой страны очень живо, хотя и несколько вычурно, изобразил другой, латинский писатель VI в.—Иорнанд. Описывая страну по рекам Днепру, Днестру и Дону, когда здесь еще не было славян, по его представлению, он говорит, что *inter hos amnes terra vastissima silvis consita, paludibus dubia*. (Обширный край, усеянный лесами, опасный болотами.) По этому краю и расселились восточные славяне с Карпат после Иорнанда. Легко заметить, какой господствующий промысел должен был развиться среди населения в этом краю: это звероловство; оно господствовало среди восточных славян даже на памяти нашего летописца. Мы имеем известия о русской торговле свои и чужие; со второй половины IX в., т. е. со времен Рюрика, идут арабские известия. Все эти известия сходятся в одном, ими отмечается один факт, который ясно открывается из договоров Руси с Византией: Русь торговала продуктами леса, а не продуктами хлебопашества. Статьи вывозной русской торговли везде отмечены одни и те же: скора, мед и воск; скора (шкура, мех)—продукт звероловства, мед и воск—продукт бортничества, лесного пчеловодства (другого пчеловодства древняя Русь и не знала). Но нет известий о хлебе как о предмете русского вывоза. Позднее к звероловству и бортничеству присоединился третий промысел, не лесной, но не менее дикий—торговля челядью, производившаяся воинственными князьями, к нам пришедшими. По характеру этих лесных промыслов расселение промышленное не могло идти сплошной массой; промыслы должны были дробить население на мелкие родственные группы. Бортничество, как и звероловство, заставляло население выбирать среди леса удобные места, приспособленные к их эксплуатации; каждая семья и селилась на таком приспособленном участке. Отсюда происходит расселение одинокими дворами, которые для безопасности от других людей и от зверей укреплялись. Летописное предание живо помнит одинокие, укрепленные хижины звероловов; рассказав о трех дворах, построенных на трех соседних горах, летописец продолжает: «И бяше около града лес и бор велик, и бяху ловяще зверь»¹³⁶.

Такова древнейшая форма восточнославянского города; это одинокий укрепленный двор; позднее, в Московское время, такие одинокие дворы получили название

«однодворок». Кажется, уцелели следы этих укрепленных дворов, которыми первоначально расселились славяне по всему пространству восточной равнины. В то время как приднепровская Русь создавала множество больших городов, население начало двигаться далее на восток, и в XV в. расселялось такими же однодворками, какими жило в приднепровской Руси в VII в. По всему пространству нашей равнины находятся бесчисленные остатки валов, иногда едва заметные, но поражающие своей однообразной овальной формой и одинаковостью своих размеров. Такой овальный вал обыкновенно представляет собой кольцо, немного разогнутое к востоку, откуда был вход внутрь. Валы эти находятся друг от друга на расстоянии 4, 5, 6, 8 верст. Они обхватывают очень небольшое пространство и почти одинаковы всюду; это пространство, на котором можно выстроить крестьянский двор средней руки. Эти валы носят название «городищ». В Юго-Западной России и частью в Центральной около этих городищ находятся курганы—это древние кладбища, в которых хоронились обитатели городищ; в них покойники похоронены по-язычески. Значит, в Юго-Западной и частью в Центральной России надо относить происхождение городищ к языческим временам, а так как в Центральной России христианство в XII в. только еще распространялось, то этим определяется время, к которому надо относить возникновение городищ. Я и думаю, что эти тысячами рассеянные по нашей равнине городища и суть остатки восточнославянских городов, этих Киевов или древних разбросанных хижин, о которых говорит Прокопий.

Итак, древнейшую форму русского города представляет укрепленный город-двор.

ГОРОД-СЕЛО. Несколько позднее заметна становится другая форма городов. Это город, состоящий из нескольких дворов, которые сняли свои отдельные ограды и, став близко друг к другу, опоясались все одной общей оградой. Трудно объяснить, каково было происхождение этих соединенных и огражденных дворов: родовое или экономическое. Можно думать, что это было расширение первичного двора, распадавшегося на несколько дворов по мере вырождения семьи,—эти родовые дворы, обособляясь, раздвигали первоначальную ограду. Можно думать также, что экономическое общение сдвинуло несколько разбросанных укрепленных изб в одно укрепленное поселение. Вопрос о

родовом составе древнейших поселений, о развитии нескольких дворов из одной семьи — один из самых темных вопросов нашей начальной истории; решение его остается до сих пор лишь гадательным. Весьма вероятно, что три брата, поселившиеся на смежных горах в трех избах, оставили после себя потомков, которые настроили несколько новых изб и всю эту совокупность построек обнесли одной оградой: так получился родовой город. Но несомненно, что эта новая форма городов возникла в тесной связи с важным переворотом в народном хозяйстве, с успехами хлебопашества. Эти города являются перед нами прежде всего земледельческими поселениями. Такой вид имеют они в древней былине, записанной Начальным летописцем по горячим следам, в былине о мести Ольги древлянам. Когда Ольга пошла на древлян и разбила их, они бежали и «затворишася в городех своих». Осадив один из этих городов — Искоростень, самое имя которого указывает на ограду, она послала сказать жителям, что другие их соплеменники ей покорились: «Что хотите доседети? а вси гради ваши предашася мне, и ялися по дань, и делают нивы своя и земле своя; а вы хотите изъмерети гладом не имучеся по дань»¹³⁷. Эти древлянские города X в., о которых повествует былина, записанные лет сто спустя, были, очевидно, укрепленные земледельческие села.

Такие укрепленные города-села до позднейшего времени оставались господствующей формой расселения по всей этой опасной южной и юго-восточной окраине Руси. Киевская былина об Ольгиной мести отмечает то же явление, о каком говорят акты конца XVII в., касающиеся колонизации юго-восточной окраины Руси. Спасскому монастырю в Рязани отведена была пустопорожняя земля по р. Лесному Тамбову, в Тамбовском уезде, который в конце XVII в. только что заселялся. В грамоте 1699 г. мы читаем распоряжение: «На отведенной монастырю земле по р. Тамбову селить монастырских крестьян и круг того села построить надолбы, чтоб от неприятельских людей жить было бережно». Надолбы — это частокол, состоящий из укрепленных стоймя толстых бревен с заостренными верхними концами. Такой вид имело село Тамбовского уезда в XVII в. Когда ногаи или крымцы нападали на тамбовцев, последние, очевидно, «затворялись в городех своих», а когда было мирно, «делали нивы своя и земле своя», как древляне в X в.¹³⁸

Итак, второй формой восточнославянского города был укрепленный город-село с земледельческим населением.

ГОРОД-ЗАСТАВА. Несколько позднее становится заметной третья форма городов — военно-правительственного происхождения, очень родственная укрепленному селу, только с иным экономическим бытом. Эта форма является уже при киевских князьях. По притокам Днепра, южной Киева, для защиты со стороны степи князья строили укрепления, целью которых было сторожить границу, и в этих укреплениях поселяли боевых людей. О построении таких укрепленных сторожевых городков упоминает летопись при Олеге и Владимире. Они строились по Десне; по Осьтру, впадающему в Десну, недалеко от Киева; по Трубежу (в переяславском княжестве); по Суле, еще южнее; по Стугне, с правой стороны Днепра, южной Киева, и по другим рекам. Очевидно, это чисто военные посты, с военным населением, которое вербовалось отовсюду. Летопись замечает о Владимире, что он тотчас после крещения «нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне, и поча нарубати муже лучьшие от словень, и от кривичь, и от чуди, и от вятичь, и от сих насели грады; бе бо рать от печенег»¹³⁹. Это первообраз позднейших казацких поселений. Богатырские былины называют эти остроги, в которых стояли богатыри, охранявшие границу, богатырскими заставами. И мы эту третью форму назовем пограничными городами-заставами.

ГОРОД-ПОСАД ТОРГОВЫЙ.

Наконец, одновременно с этими городами, может быть даже раньше, завязалась позднейшая форма городов, населенных торгово-промышленными людьми. Такой город вместил в себе некоторые из прежних городских форм. Время возникновения его определить довольно трудно: нельзя решить, был ли он древнее заставы или возник в одно время с ней. По-видимому, уже первые князья застали такие города-острожки: такой именно характер имели, кажется, древнейшие города, упоминаемые в летописи, — Новгород, Смоленск, Любеч, Киев и др. Но, может быть, и пограничные острожки начали возникать еще до князей. Такой торгово-промышленный город состоял из нескольких соединенных укреплений. Я отмечу термины, которыми обозначались эти укрепления и которые наиболее часто встречаются в древней летописи. Основанием города служило центральное внутреннее укрепление, состоявшее обыкновенно из замкнутой каменной стены; это укрепление носило название «*дънешняго*

града» или «детинца»; дънешний — внутренний, дъно — пол, основание. Такой детинец строился обыкновенно на углу, образуемом слиянием двух рек. Так, детинец Псковский возник на углу, образуемом слиянием реки Псковы с Великой; так, детинец Московский, или Кремль, выстроен был при слиянии Неглинной с Москвой-рекой, Черниговский детинец — при слиянии Снова с Десной. Каждый такой внутренний город назывался еще «кромом». Кроме детинца, в Пскове, например, в стороне от него находился другой внутренний город, который назывался кромом. Я боюсь утверждать родство слова «кром» с словом «кремль»; напомним только, что в Волынском княжестве было укрепление, носившее название «кременца», и что иностранцы Московский Кремль называли «крым-город» = «кром-город». Слово «кром» представляет непонятное для меня противоречие. Слово «кром» значит «вне», «кромьный» — внешний, однако в одном памятнике XII в.¹⁴⁰ слово «кромьство» означает внутренность. Может быть, слово «кромьный» в смысле «внешний» есть смешение с «кромешный» от предлога «кроме»? Слово «кромьный» в смысле внутренний уцелело в выражении «укромное место».

Вне детинца, заселенного правительственными и военными людьми, располагалось торгово-промышленное население. Это поселение, возникшее за стенами детинца, в XII и XIII вв. называлось «местом» (именно в Южной Руси) — слово, родственное с польским словом, означающим город. В Северной Руси это поселение получило название «посада». Посад окружался оградой, которая состояла из деревянной стены или из земляного вала. Как стена, так и вал опоясывались рвом с наружной стороны. Ров этот или наполнялся водой или же дно его усеивалось заостренными кольями, частоколом. Эти втыкаемые в дно рва сваи, или колья, так и назывались «частиком» или «чесноком». Этот внешний город назывался (в противоположность детинцу) «окольным» или «острогом», от слова острый. Может быть, это название объясняется зубцами, которые делались на верху деревянной стены; словом «острог» в древнейших переводных памятниках переводится греческое слово χάραξ — кол с заостренным верхним концом. Такое значение острога как внешней ограды, опоясывавшей посад, объясняется известием летописи под 1152 г.: «Изяслав и Ростислав и Всеволодичь, видевшие силу половечьскую, повелеша людем всем бежати из острога в детинец»¹⁴¹. Городом собственно называется здесь детинец. Вот почему пространство между детинцем

называлось «передгородьем». Как стены детинца, так и острог, т. е. деревянные стены или валы, по которым делались надолбы, укреплялись еще башнями как пунктами наблюдения. Башни эти назывались «вежами» или «кострами»; башни ставились на изломах стены, где она делала угол. Часть стены между двумя башнями носила название «прясла». На верху стены делалась досчатая надстройка, которая прикрывала защитников от неприятельских стрел и называлась «заборалом». В этой загородке делались отверстия для наблюдений и стрельбы. В летописи есть рассказ под 1097 г. о смерти Мстислава: «Мстиславу же, хотяшу стрелити, внезапно ударен бысть под пазуху стрелою на заборолех, сквозе дску скважнею». Припомните, откуда плакала Ярославна по муже, ушедшем в степь: «Ярославна рано плачет в Путивле на забороле». Пространство вокруг города вне острога на более или менее значительное расстояние от города также укреплялось, чтоб затруднить неприятелю подступ к стене. Древний русский горожанин старался захватить в укрепление все, что было нужно на случай осады. Поэтому он старался укрепить и выгон, куда можно было бы пустить скот во время осады. Где кончались дома, появлявшиеся вне стен, проводился вал и ров; на этом пустом пространстве оставался выгон для скота, заводились огороды. Такое укрепленное пустое пространство называлось «болонью» или «болоньем» («болонь» — в «Слове о полку Игореве»). Вот почему в летописи слово «болонье» неразлучно с выражением «около града»¹⁴²; оно означает собственно городское предместье.

Для примера можно описать здесь укрепления Новгорода и Москвы. Новгород состоял из таких укреплений: на Софийской стороне каменный город — детинец; посад, опоясанный земляным валом; посад, опоясанный деревянной стеной. Это западная, Софийская сторона. Сторона восточная также была опоясана стеной. Каменный детинец имел 498 сажень, земляной вал — 712, деревянный город — 2406 сажень.

Москва: Кремль, к которому примыкает Китай-город, имевший с Кремлем одну стену общую. Тот и другой город опоясаны были Белым городом, или белой каменной стеной, которая упиралась концами в Москву-реку: одним у нынешнего Воспитательного дома, а другим там, где теперь храм Христа Спасителя. На месте этого Белого города идет теперь подкова бульваров, чем и объясняются названия ворот Арбатских, Никитских — здесь были некогда настоящие ворота в белой каменной стене. Весь

город опоясывался деревянной стеной, которую сожгли поляки в 1611 г. При Михаиле Федоровиче построен был земляной вал со рвом, он получил название земляного города; это линия Садовой, кольцом окружающей Москву.

Таким образом, мы рассмотрели в историческом порядке четыре формы древнерусских городов: город-двор зверолова-бортника, город-село с земледельческим населением, город-застава с военным населением, город-посад с торгово-промышленным населением. Позднейшая форма — город-посад соединила в себе все формы предшествующие, потому что посад состоял из укрепленного кремля, оборонительной заставы, иногда из нескольких концентрических укреплений и из промышленного поселения, обыватели которого занимались всеми древнерусскими промыслами, как торговыми городскими собственно, так и сельскими земледельческими. Значит, город развивался, постепенно усложняясь и вбирая в себя предшествующие формы, успевшие установиться.

ЛЕКЦИЯ

X

2) СЕЛА И ДЕРЕВНИ. СЛОБОДЫ. ВИДЫ СЛОБОД. МОСКОВСКИЕ СЛОБОДЫ. СЕЛО. КНЯЖЕСКИЕ СЕЛА. ПОГОСТ. ВЕСЬ-ДЕРЕВНЯ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВА «ДЕРЕВНЯ». ДЕРЕВНЯ-ДВОР. ДРОБЛЕНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ

СЕЛА И ДЕРЕВНИ. Сельские неукрепленные поселения развивались в обратном порядке и в тесной связи с городскими. Они выделялись из городских и, выделяясь, постепенно разбивались на мелкие поселения, все более дробились. Легко понять причину этой разницы в ходе развития тех и других поселений. Город заводился для обороны, требовавшей сосредоточения сил; село заводилось для хозяйственной разработки страны, а по свойству страны эта разработка разбивала хозяйственные силы, заставляла действовать вразброску.

СЛОБОДЫ. Переходной формой от городского поселения к сельскому служила *слобода*, или *свобода*. Свобода на древнем церковнославянском языке, кроме того отвлеченного значения, какое и мы соединяем с этим словом, имело и другое, конкретное значение: свобода, параллельная форма «свободь», — вольный человек; «раб и свободь» — читаем в известном

месте святого писания. В старославянской Палее 1494 г. встречаем выражение: «украдену свободу мучети». Это выражение есть перевод греческого «τὸν κλαπέυτα ἑλέυθερον». Термин этот в смысле поселения встречается уже в древнерусской летописи. Так, летопись Суздальская по Лаврентьевскому списку рассказывает, что князь Андрей Боголюбский в 1158 г. дал построенному им соборному Успенскому храму во Владимире на Клязьме «свободы купленные и з даньми и села лепшая». Здесь свобода купленная отличается от села¹⁴³. В летописи уцелел любопытный рассказ, объясняющий происхождение и юридический характер древнерусских слобод. Это рассказ об одном татарском баскаке-наместнике, сидевшем в Курском княжестве во второй половине XIII в., Ахмате. Этот Ахмат около 1283 г. откупил у хана дань ордынскую в Курском княжестве и в двух соседних княжествах, Рыльском и Липецком, устроил на пустых землях две великие слободы и созвал отовсюду людей много, которым от него, как от сильного человека, была «заборонь отвсюду велика», т. е. защита от сторонних притеснений, «и быша тамо торги, и мастера всякие; и быша те две великия слободы якоже грады великие». Из рассказа узнаем далее, что слободы эти составились из переселенцев, покинувших вотчины князей рыльских и липецких¹⁴⁴. Впрочем, позднейшие акты еще лучше объясняют нам происхождение и характер этих поселений. Есть грамота, данная удельным углицким князем Андреем Васильевичем, братом Ивана III, углицкому Покровскому монастырю в 1476 г. В этой грамоте читаем: «Освободил есми им Покрову пречистыя слободу сбирати на сей стороне Волги, на берегу»¹⁴⁵. Освободил — дал право или привилегию. Слободку монастырь собирал, давая переселенцам важные льготы: переселенцам из других княжеств давалась льгота от всех податей и повинностей на 20 лет; переселенцам из нетяглых людей, обывателей Углицкого княжества, давалась льгота на 10 лет. Слободка имела управляться и судиться исключительно монастырскими властями, кроме важнейших уголовных дел, в которых слобожане были подсудны судьям княжеским. Итак, слобода — поселение, основанное князем или землевладельцем с помощью льгот, привилегий, данных слобожанам. Этим объясняется название поселения — слобода, т. е. свобода, привилегия.

ВИДЫ СЛОБОД. Слободы возникали, кажется, прежде всего около городов, непос-

редственно примыкая к последним. Такие слободы входили в состав всех известных нам древнерусских городов, насколько нам известен их состав. Древнерусский город состоял из трех экономических и административных частей: из кремля, где обитали власти, церковные и мирские; из посада, где обитали торгово-промышленные люди; из слобод, особых городских обществ, из которых каждое жило одним известным занятием. Слободы, таким образом, походили на цехи; можно даже сказать, что это и были древнерусские цехи, потому что основой экономического быта каждой из них служило одно известное занятие, соединенное или нет с хлебопашеством. Занятия эти были служебные и промысловые, поэтому и слободы разделялись на три разряда. То были, во-первых, *слободы служилых приборных людей*. Служилыми людьми по прибору, т. е. по вербовке, а не по отчеству, не по происхождению, назывались низшие разряды военных русских людей. Таковы были стрельцы, пушкарники, казаки, воротники, т. е. сторожа при крепостных воротах и т. д. В любом значительном городе древней Руси, стоявшем на окраине или близко к ней и потому укрепленном, найдете эти слободы — стрелецкую, пушкарскую, казацкую и т. д. Военный люд, населявший каждую из этих слобод, отправляя свою ратную повинность, обыкновенно занимался тем или другим промыслом. Но каждая слобода была особой корпорацией, с особыми правами, имела свое особое управление, своих отдельных старост. Слободы второго разряда были *торгово-промышленные* поселения, но слобожане каждой слободы занимались обыкновенно каким-либо одним промыслом. Они составляли также особые корпорации с отдельным управлением. По происхождению своему они были: а) *дворцовые*, обязанные повинностями дворцу и им основанные, б) *черные*, т. е. государственные, с) *владельческие*, т. е. принадлежавшие частным владельцам, церковным властям, боярам и т. д. Слободы третьего разряда были *пашенные*. Они заводились обыкновенно на отдаленных окраинах Русской земли, где слабо развито было хлебопашество; жители их вербовались из вольных людей и селились с подмогой от казны, с обязательством поставлять ежегодно в казну известное количество хлеба.

МОСКОВСКИЕ СЛОБОДЫ.

Город Москва состоял из нескольких посадов, заключавших в себе огромное количество слобод казенных, дворцовых, владельческих и даже черных. Память об этих

слободах до сих пор уцелела в московской топографической номенклатуре. Дворцовых слобод можно насчитать десятки: таковы были Кадаши, обязанные ставить полотно во дворец, Седельники, Котельники, Садовая слобода — садовники, слобода Бронная, ставившая изделия свои в Оружейную палату, слобода Конюшенная и т. д. Рядом с этими встречаем слободы служилых приборных людей, таковы — Стрелецкая слобода, слобода Пушкарская. Поселением особого характера была старая московская Иноземская, или Немецкая слобода, первоначально основанная в Замоскворечье, где нынче улицы Полянка и Якиманка, а потом перенесенная за Яузу, где нынче Немецкий рынок. К служилым слободам надо отнести и несколько ямских — Тверскую-Ямскую, Дорогомиловскую, Рогожскую. Ямщики были тогда служилыми, казенными людьми, отправлявшими ямскую государственную повинность. Встречаем в Москве и слободы частных владельцев, церковных учреждений и т. п. Любопытно, что в одном акте 1549 г. упомянута слободка Ивана Третьякова в Китай-городе, под стенами самого Кремля. Эти слободы частных владельцев, как нетяглые городские поселения, всегда тяготили казну. Вот почему уже на Стоглавом соборе Иван IV поднял вопрос о них¹⁴⁶. Этот вопрос не внесен был в Стоглав, т. е. в кодекс царских вопросов и соборных определений, утвержденный собором. Самый вопрос выражен царем в наивной, некнижной форме, в какую облечены другие его соборные вопросы. Говоря об этих слободах княжеских и боярских, т. е. о владельческих, царь замечает: «А где бывали старые, извечные слободы, государьская подать и земьская тягль изгибла... И възрите в дедовы и в батковы в уставные книги, каков был указ слободам»¹⁴⁷, (т. е., вероятно, указ о платеже податей, до нас не дошедший). Слободы вдали от городов, надобно думать, начали возникать также очень рано.

Итак, слобода была форма поселения, выделившаяся постепенно из состава города и ушедшая в поле. Слобода состояла иногда из нескольких отдельных поселений, которые носили название *сел* и *деревень*.

СЕЛО. Термин «*село*» встречается уже в Русской Правде. В старинных переводных памятниках русской письменности словом «село» передается греч. ὁ ἀγρός. Это собственно пашня, а потом уж пашенное поселение. В этом последнем смысле, кажется, знает село и Русская Правда¹⁴⁸. Как поселение не укреп-

ленное, оно противопологалось городу, хотя бы последний также занимался хлебопашеством. Так, в летописи встречаем обычное выражение «по всем градом и селом»¹⁴⁹. Мы имеем очень скудные сведения о составе древнейших сел в Киевской Руси. Но если судить о том по позднейшим южнорусским селам, то надобно думать, что в древней Южной Руси преобладали крупные села. Скучение сельских жилых мест в крупные общества обусловливалось двумя причинами: экономической, или лучше сказать географической, и политической. Южная степная Русь бедна текучей водой; вот почему на редких речках устраивались обширные села. Эта причина и теперь заставляет южнорусское земледельческое население держаться в огромных селах, которые по населению не уступают городам Средней и Северной Руси.

КНЯЖЕСКИЕ СЕЛА. Другая причина — политическая, теперь не существующая, заключалась в недостатке внешней безопасности при постоянных вражеских нашествиях, которые также заставляли население собираться в крупные общества. По крайней мере такой вид имели села княжие, т. е. дворцовые, о которых рассказывает нам древняя летопись. Села эти состояли каждое из одного громадного княжеского двора, в котором помещались хозяйственные заведения, постройки и избы многочисленных сельских рабочих. В 1146 г. Изяслав Мстиславич Волынский с своим союзником, взяв Новгород-Северский, пошли на сельце Игоря Северского, где последний устроил «двор добре; бе же ту готовизни много, в бретьяницах, и в погребех вина и медове, и что тяжкого товара всякого, до железа и до меди, не тягли бяхуть от множества всего того вывозити». На этом же дворе была церковь св. Георгия с причтом и гумно, на котором стояло 900 стогов. По этому можно судить о количестве сельских рабочих, которые жили на этом дворе¹⁵⁰. В известии о другом таком княжеском селе летопись указывает нам и на его рабочее население. Вслед за сельцом Игоря Изяслав Мстиславич взял Путивль, принадлежавший Игореву родственнику, черниговскому князю Святославу, и опустошил находившийся у города двор Святослава, такое же сельце своего рода, с особой церковью и со множеством всякого запаса. На этом дворе жило 700 человек челяди¹⁵¹.

Но на севере уже в том же XII в. встречались мелкие села — знак, что там не действовали причины, заставлявшие население скучиваться, как было на юге. Неоценимое

указание дает нам на это один акт конца XII в. или начала XIII в. Зажиточный новгородец Алексей Михайлович, в иночестве Варлаам, основал монастырь на реке Волхове, стал его игуменом и пожертвовал обители два своих села на Волхове. Вкладная грамота на эти села дошла до нас; это, замечу кстати, и один из любопытнейших памятников древнерусского языка. Она описывает оба села таким образом: первое село состояло из земли или пашни, огорода, ловищ рыбных и гоголиных, и пожен по реке Волхову (заливных лугов), челяди и скота. И челядь и скот перечислены; челяди было, 1) вероятно, 1-й двор (отрок с женою), 2) Вълес (Велес — Волос — Влас). 3) Девка Февронья с двема сы... (вероятно, сынами), 4) Недачь; скота было шесть коней и одна корова. Вот и все село. Так же незначительно было и другое село, в котором, впрочем, находилась «божница» (церковь) св. Георгия. Итак, оба села составляли один приход.

ПОГОСТ. Села с церквами носили особое название «погостов». Погост — то же село, только с церковью, которая бывала не во всяком селе. «Погост» — термин, имевший в различные времена разные значения. Значения эти можно перечислить в таком историческом порядке. Погост происходит от термина «гостить», «торговать»; «гостьба» — торговля. Первоначально погостами назывались торговые селения, где бывали базары; с принятием христианства на этих торговых местах, как на особенно бойких сборных пунктах, возникли первые церкви. Вот почему погостами стали называться села с церквами. У приходской церкви в ограде хоронили покойников, вот почему позднее и до сего дня погостом стали звать кладбище. На севере погосты были села с церквами и с кладбищами при них. Открытое место вокруг церкви — площадь — служило в древней Руси обычным местом, куда собирались парни драться на кулачки. Вот почему в древних актах для таких мест при церкви иногда встречается название «буя» или «буища». Отличим погоста от села как поселения с церковью и объясняется нам выражение древней летописи, которое встречается в рассказе о нашествии Едигея в 1409 г., где Едигеева рать «по всем погостом и по селом крестьяном много зла створиша»¹⁵². Итак, можно думать, что погосты на севере были мелкие селения, отличавшиеся только присутствием церкви от остальных селений. При церкви рядом с причтом помещалось обыкновенно и сельское управление. Вот почему погост получил значение административного

округа, стал центром управления волостного, которое сообщало погосту значение волости. На севере в Новгородской области и в областях Северо-Восточной Руси сельское население делилось в административном отношении на погосты, которым в Центральной России соответствовали волости. Погост состоял из главного поселения, окруженного несколькими мелкими.

ВЕСЬ-ДЕРЕВНЯ. Мелкое село, кажется, называлось в древнейших памятниках церковнославянским термином «*весь*» (вьсь). По крайней мере Лаврентьевский список Суздальской летописи, описывая нашествие татар 1237—1238 гг., замечает: «И несть места, ни вси, ни сел тацех редко, иде же не воеваша»¹⁵³. В древних переводных памятниках словом «*весь*» переводится греческое слово *κῶμη*; *κῶμη* — сельское местечко или городской квартал. Но в народном языке, в памятниках юридических этот термин не встречается; по-видимому, он здесь заменялся словом «*деревня*». Любопытно, что слово «*деревня*» не встречается в памятниках древней Киевской Руси. Там сельские поселения носят название сел или слобод. Правда, есть одно место в летописи, на которое указывают в подтверждение мнения, что и древнекиевская Русь знала деревню, но это место неясно. В 1096 г. на Киев напал известный хан половецкий Боняк Шелудивый, и половцы сожгли около Киева два монастыря: Стефанов и Германов; оба монастыря были построены недавно, при Изяславе; самое нападение было при сыне Изяслава Святополке. Ипатьевский список так рассказывает об этом: «И пожгоша манастырь Стефанечь, деревне, и Германечь»¹⁵⁴. Но Лаврентьевский список, сливая «*деревне*» с соседним «*и*», читает: «И въжгоша Стефанов манастырь и деревней Герьманы»¹⁵⁵. Можно объяснить и последнее чтение. Слово «*деревъней*» нельзя считать полногласной формой, соответствующей церковнославянской форме «*древний*»; в этом последнем смысле в церковнославянских памятниках встречаем форму «*древльний*». Но была форма, производная от «*древно*» — «*древънь*», параллельная ей «*древень*», что значит «*деревянный*». Итак, выражение Лаврентьевского списка значит — *деревянный* монастырь Германов, с деревянными стенами. Таким образом, исчезает единственное свидетельство о существовании деревень в древней Киевской Руси.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВА «ДЕРЕВНЯ». Этимология слова *деревня* очень сомнитель-

на. Производят это слово и от «дерево» и от корня «дрьти», т. е. драть, думая, что под этим разумелось поселение на нови, только что взодранной плугом. Это объяснение можно принять, потому что в старинных памятниках деревня, как и село, обозначала не поселение, а пашню, поэтому и употреблялось выражение «деревня пахати». Любопытно, что слово «деревня», являющееся в памятниках с XIV в., в Северной Руси значило первоначально одинокий крестьянский двор, и в писцовых книгах XVI в. встречаем множество однодворных деревень. Вообще деревни были мелкие поселения, состоявшие из двух, трех, редко более дворов. Но в XIV в. встречаем указание, что деревня была однообразной единицей податного обложения. Как известно, Тохтамыш, напав на Московское княжество, потом заставил Димитрия Донского, только что освободившегося от татарской дани, опять платить ее.

Летопись под 1384 г. замечает: «Бысть дань тяжела по всему княжению, всякому без отдатка (без исключения.— В. К.), с всякие деревни по полтине»¹⁵⁶. Однообразная дань была бы невозможна, если бы деревни не были однообразными поселениями. Позже встречаем разложение дани по крестьянским дворам.

ДЕРЕВНЯ-ДВОР. Можно думать, что деревня состояла из одного двора. В старинных новгородских памятниках такие однодворные деревни называются «сиденьями». (Власково сиденье, например, и т. п.) Вот чем объясняется и особенность деревенской номенклатуры, до сих пор сохранившаяся: едва ли не большинство деревень называется мужскими уменьшительными именами (Петраковка, Семенкова, Иванкова и т. п.). В Северной Руси XV в. деревня является господствующей формой размещения сельского населения. За Волгой были очень редки города и не менее редки многодворные села. Господствующими были поселки в один или два двора; и такие из них, где были церкви, назывались погостами. Такие деревни, где были помещичьи дворы, назывались селами — село получило специальное значение владельческой усадьбы, в которой иногда не было ни одного крестьянского двора, потому что вся она состояла из поселения самого владельца со слугами-холопами. Указание на деревню как на господствующую форму поселений в Северо-Восточной заволжской Руси находим в договорной грамоте можайского князя Михаила Андреевича с великим князем Васильем Васильевичем

1447 г. Великий князь отдал Михаилу «половину Заозерья, отчины заозерских князей половина..., да к той половине придал... ис своее половины тогожо Заозерья сто деревень» (по северо-восточному берегу Кубенского озера)¹⁵⁷. Эти 100 деревень не были, вероятно, разбросаны по всей великокняжеской половине, а составляли какой-нибудь ее угол. Значит, во всем этом углу не было ни одного значительного поселения, было 100 мелких поселков без церквей.

ДРОБЛЕНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ.

Так многолюдные городские селения при движении народа к северо-востоку постепенно разбивались, и это дробление поселений остановилось, когда дошло до мельчайшей единицы — одинокого крестьянского двора. Деревней назывался поселок, достаточно насиженный, где уже несколько лет жил хлебопашец. Место, впервые занятое крестьянским двором с пашней, носило специальное название *починка*, т. е. поселка, где пашня почата, новь поднята. Такой починок — та же деревня, только в первое время ее существования. Если же выбирался для пашни отдаленный от двора участок, на котором не ставили нового двора, а только наезжали пахать сюда, то такое место называлось «*отхожей пустошью*» или «*займищем*». Слово «пустошь» не всегда значило пустое непашеное место, иногда это пахотный участок, но без крестьянского двора, где пахали «*наездом*».

Таковы термины, обозначавшие сельские поселения в древней Руси.

ЛЕКЦИЯ

XI

II. ДЕНЬГИ. СКОТ. КУНЫ. ПЕНЬЗИ. ДЕНЬГИ. ДЕНЬГИ И МЕНОВЫЕ ЗНАКИ.
ГРИВНА КУН. ЧАСТИ ГРИВНЫ КУН. НОГАТА. КУНА. РЕЗАНА

ДЕНЬГИ. После изучения форм расселения следовало бы обратиться к изучению терминов, которыми обозначались промышленность и торговля, или к терминологии экономического быта, а потом перейти к метрологии, к изучению веса, меры и монеты. Чтоб сберечь время для чтения избранного памятника, должно отказаться от терминологии экономического быта. Эта терминология необходима для изучения

памятников позднейшего времени, но без нее можно обойтись при чтении памятников древнейших. Изложением терминов, которыми обозначалась денежная система, закончены будут предварительные замечания к чтению Русской Правды.

СКОТ. Меновые знаки, орудия мены, что мы называем деньгами, обозначались у нас в разные времена различными терминами. Древнейшим из них был *скот*. Слово «скот» значило некогда деньги вообще, орудие мены. В таком значении знает это слово еще Начальный летописный свод. По Лаврентьевскому списку этого свода мы читаем под 1018 г. рассказ о поражении, какое потерпел Ярослав в борьбе с Святополком от Болеслава польского на Западном Буге, и о бегстве Ярослава в Новгород, который его поддерживал. В отчаянии Ярослав хотел бежать за море к варягам, но новгородцы удержали его, сложились и наняли за морем новый отряд варягов для продолжения борьбы. Лаврентьевский список так рассказывает об этом: «Начаша скот събирати от мужа по 4 куны (с простого человека), а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен». Следовательно, скотом названы в летописи металлические деньги — куны и гривны. Отсюда идет и производный термин, встречающийся даже в памятниках XII столетия: «*скотьница*», казна. Этот термин мы встречаем в послании митрополита Никифора Владимиру Мономаху: «Скотьница твоя не скудна есть и не истощима». Начальный летописный свод составлен в начале XII в.; описывая благотворительную деятельность Владимира после крещения, свод повествует, что князь велел нищим брать на своем дворе все, что им понадобится: «питье и яденье, и от скотьниц кунами»¹⁵⁸. Очевидно, скотник-казначей, хранитель денег. «Скот», — по-видимому, термин, идущий из глубокой древности; с значением денег слово это было распространено и среди других славян. Филологи даже считают возможным производить немецкое «Schatz» (Skatts) от славянского «скот». Но, по-видимому, слово «скот» в значении денег в нашем языке XI—XII вв. было уже архаизмом. Его вытеснил другой термин с тем же значением — куны¹⁵⁹.

КУНЫ. Кунами назывались собственно дорогие меха разных пушных зверей, зоологически родственных между собой: куниц, лисиц, горностаев и пр. Все это были куны, т. е. кунные меха; кунный мех — шкура пушного зверя, не потерявшая подпушки

(куниться — терять эту подпушку, линять; выкуниться — окончить линьку). Итак, куны — дорогие меха. В переводных памятниках с языков тех стран, где не водились дорогие пушные звери, этим словом переводились и меха дешевых пушных зверей. В одном Златоструе XII столетия читаем слова, с которыми обратился проповедник к богатому: «Ты же облачишися и ходиши в брачине и в кунях». Этим словом переведен такой латинский текст: *sericis, lepoginis et caprinis vestibus*, т. е. в шелковых, заячьих и козьих одеждах. У нас на Руси козы и заячьи меха не считаются драгоценными, но откуда пришел текст, там не водилось ни горностаев, ни соболей, ни куниц. (Брачина — шелковая ткань, паволока.) Дорогие меха у нас издавна служили меновыми знаками, ходили как деньги. Припомним, что древнейшую дань, о которой говорит Начальная летопись, Русь платила своим князьям или сторонним завоевателям мехами. Олег брал дань с древлян с избы по черне куне, т. е. по соболю. Так как меха были наиболее распространенными на Руси меновыми знаками, то термин «куны» получил значение денег, денежных меновых знаков вообще. Такое значение знает за ними уже Начальный летописный свод, описывая события X в. Припомним его рассказ о том, как Владимир, взяв Киев в 980 г., разделался с назойливыми наемными союзниками — варягами. Варяги по взятии Киева сказали Владимиру, что город их, и потому они требуют окупа с жителей (контрибуции) по 2 гривны с человека, следовательно, требовали окупа металлическими деньгами. Владимир отвечал им: «Пождете, даже вы куны сберуть, за месяц»¹⁶⁰. Но в то же время куны, знача деньги вообще, продолжали сохранять значение и дорогих мехов. Я упоминал вам о ряде великопостных слов, поучений, сохранивших признаки чрезвычайно глубокой древности. В этих словах «на четыредесятину» проповедник говорит, между прочим, о непрочности людских богатств: «Золото и серебро, зарытые в землю, подвержены ржавчине; куны вместе с портами подвержены изъядению моли». Очевидно, под кунами рядом с портами разумелись просто меха.

ПЕНЖЗИ. С конца XII столетия, а может быть и раньше, в нашем языке появляется третий термин, не вытеснивший куны, но ходивший рядом с ними в значении денег. Термин этот заимствованный — *пенжзи*; он встречается и в других славянских языках с тем же значением денег. Так объясняется употребление

этого слова в Остромировом евангелии, где пенязь есть перевод латинского «денарий» или греческого «*κέρμα*» (мелкая разменная монета). Отсюда производилось слово «пенязник», встречающееся в том же евангелии; пенязник — *κέρματιότης*, денежник, меняла. Пенязь — это немецкое слово, обозначавшее мелкую монету *Pfenning*. Наша форма пенязь совершенно правильно вышла из этого немецкого слова, как форма князь из немецкого *König*. В значении металлических денег вообще, а не мелкой монеты только, встречаем слово «пенязь» и в Смоленском договоре с Ригой и Готландом 1229 г. Первая статья этого договора назначает за убийство свободного человека 10 гривен серебра, т. е. 10 фунтов серебра, а за гривну серебра, добавляет статья, т. е. за фунт серебра, — по 4 гривны кунами или пенязи. Гривна кун — меновой знак в отличие от фунтового куска серебра, который не был меновым знаком. Значит, гривна кун или пенязей — известное количество металлических денег, что именно и хочет сказать статья.

ДЕНЬГИ. Еще позднее куны и пенязи в нашем языке сменились другим заимствованным термином — «деньги». Самое лексическое происхождение слова указывает приблизительно на время, когда оно могло войти в наш язык. Деньги есть форма татарского причастия *tanga*, что значит звенящий; в другой форме — *tungga* — это слово получает значение торгового клейма, налагавшегося на оплаченный пошлиной товар, откуда таможня — место, где взыскивались торговые пошлины. Итак, это слово могло появиться в нашем языке не ранее половины XIII в., когда наш лексикон в себя стал принимать много татарских слов. Впрочем, в известных мне литературных памятниках нашей письменности я встречал это слово не ранее XIV в. Этого слова вы не найдете ни в древнейших церковнославянских памятниках, ни в древнейших списках летописей — Лаврентьевском и Ипатьевском. Слово это удержалось в нашем языке до последнего времени. Впрочем, в XV и XVI столетиях рядом с термином деньги употреблялось в том же значении слово «серебро» — вообще меновой знак, разумеется серебряная металлическая монета. Отсюда должник, в какой бы форме ни был сделан заем, носил название серебряника. В этом смысле слово «серебро» совершенно соответствует французскому слову «*argent*»; это значение слова в нашем языке не удержалось.

ДЕНЬГИ И МЕНОВЫЕ ЗНАКИ. Я перечислю вам в историческом преемстве термины, которыми обозначались меновые знаки: скот, куны, пенязи, деньги. Это преемство терминов показывает, что, прежде чем на нашем рынке вошли в употребление металлические деньги, меновыми знаками служили предметы, составлявшие господствующую статью в народно-хозяйственном обороте. Термин «скот» идет от той незапамятной поры, когда основанием народного хозяйства было скотоводство, следовательно, от поры еще кочевой. Напротив, куны можно приурочить уже к известному историческому времени, когда пушной товар, или скоро (теперь это слово значит шкура), как иначе еще он назывался, был главной статьей русской торговли, главным предметом русской промышленности. Мы знаем это время — IX—XII вв. нашей истории. Слово «деньги» указывает на время, когда денежный оборот на Руси стоял в сильной зависимости от татар, собиравших подати и пошрины с русского завоеванного населения. Я не берусь определить время, когда проникло в наш язык слово «пенязь», но так как это слово употреблялось и у других славян, не знавших ни кун, ни денег, то появление этого слова можно отнести к глубокой древности. Меха сохраняли свое меновое значение и долго после того, как явились на рынке металлические деньги. Так что в XIII и в следующих веках платежи производились и теми, и другими знаками, и меховыми, и металлическими. Вы найдете много указаний на это совместное господство на рынке и кун, и денег, принимая первое слово в значении меновых знаков меховых, а второе — в значении меновых знаков металлических. Приведу рассказ Волынской летописи. В 1279 г. был сильный голод по всей земле Русской и Польской, у Литвы и ятвягов. Послы ятвяжские приехали к князю Владимиру Волынскому и обратились к нему с просьбой: «Не помори нас, но перекорми ны себе; пошли, господине, к нам жито свое продают, а мы ради купим: чего восхочешь, воску ли, бели ль, бобров ли, черных ли кун, серебра ль, мы ради дамы»¹⁶¹. Меновые меховые знаки ходили, таким образом, наравне с металлическими знаками. Уже в XII столетии меха связывались пучками известной ценности и ими производились платежи. Пучки заключали в себе по 40 шкурок и назывались «сороками» или «сорочками»; сорок соболей, связанных в четыре десятка, — меновой знак на Московской Руси XVII в. Такими сороками платили за товар, ими выдавали жалованье, ими дарили иноземных послов; по меньшей

мере половина казенных платежей в XVII в. совершалась сороками. Иностранец Рейтенфельс, наблюдавший в XVII в. московскую жизнь, пишет, что в Москве драгоценные меха в таком же ходу, как и деньги. Надо думать, что так как меха раньше металлических знаков получили значение орудий мены, то ценность металлических денег определялась мехами, а не наоборот, т. е. на меха оценивалась стоимость серебряного знака, а не серебряным знаком оценивалась стоимость меха. Этим объясняется терминология системы денег в древней Руси. Когда появились на Руси металлические деньги, единицы этой металлической денежной системы усвоили себе названия, заимствованные от мехов, например кусочек серебра, равнявшийся ценностью меху куницы, получил название куны: куна—кусок серебра, металлический знак. Это сродство монетной терминологии с терминологией мехов и поможет нам объяснить систему древнерусских металлических денег, встречающихся в Русской Правде.

ГРИВНА КУН. Теперь я изложу самые денежные единицы, обращавшиеся на древнерусском рынке времен Русской Правды. Самым крупным меновым знаком была *гривна кун*. Довольно трудно объяснить происхождение этого термина. В переводных памятниках церковнославянского языка гривной называлось шейное металлическое украшение—ожерелье, которое носили мужчины и женщины. Понятно, такое этимологическое значение слова «гривна» есть прилагательное от «грива» = «шея». Но трудно объяснить, когда и каким образом гривна на нашем русском языке получила значение *фунта*. Такое значение пережило первоначальное: «гривна» значила «фунт» и в XVI в.; «гривна»—это русское слово, вытесненное заимствованным позднее немецким словом «фунт». В нашей исторической литературе существует мнение, что в древней Руси был двойкий фунт: в Южной, Киевской, Руси был фунт греческий, т. е. литра, в 72 золотника, а в Северной, Новгородской,—немецкий марочный фунт в 96 золотников. Я не нахожу ни прямых, ни косвенных доказательств в пользу этого положения; напротив, думаю, что есть косвенное указание, свидетельствующее о единообразном фунте в 96 золотников. Указание это заключается в том, что греческая литра в 72 золотника называлась в древней Руси «*гривенкой*»; *гривенка*, малая гривна, предполагает большую гривну. Другой вопрос: равнялся ли старорусский фунт в 96 золотников нашему? Я думаю, что на Руси времен

Правды не было двух разных фунтов, но существует много свидетельств, что старорусский золотник заключал в себе 112 долей, а наш состоит, как известно, лишь из 96. Фунт разделялся на золотники; происхождение этого термина тесно связано с монетной системой Византийской империи. В Византийской империи из литры золота чеканилось по закону 72 золотника, 72 монеты, называвшиеся по-гречески *ῥομσρατα*, по-латински — *solidi* (*solidus* по-нашему золотой целковый; «солид» — «целковый»). Это *ῥομσρατα* по-русски называлась «златницей» или «златником»; отсюда часть фунта сохранила до сих пор название золотника.

И у нас употреблялись как меновые знаки или, лучше сказать, как товар греческое золото и серебро. Золотой монеты у нас не было, а золото употреблялось как товар. Из «Жития Феодосия Печерского» мы узнаем, что часто платежи производились золотом, но это просто фунтовые куски золота, а не монеты. Употреблялись на рынке и фунтовые куски серебра, даже на них производились расчеты. Я, кажется, приводил место из договора смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой, Готландом и немецкими городами 1229 г. Там читаем: «А за гривну серебра по 4 гривны кунами или пенжзи». Но от гривны серебра, т. е. от фунтового слитка этого металла, надобно отличать меновой серебряный знак, называвшийся «*гривной кун*», т. е. денежную гривну. Я сказал, что не понимаю, каким образом гривна — шейное украшение — стала потом значить фунт, но прошу заметить, что необходимо отличать гривну кун от гривны серебра. Гривны кун золотой, как и медной, не было. Гривной кун назывался серебряный слиток известной формы, ходивший на рынке как меновой знак, хотя и без клейма: это не монета, а только меновой знак. Формы его были различные, судя по сохранившимся экземплярам гривен кун. Большею частью это продолговатые палочки, закругленные на концах и имеющие форму пальца, но есть гривны, сплюснутые и суженные к краям. Под гривной Русской Правды надо разуметь гривну кун. Этот термин встречается в памятниках со значением менового знака; где встречается просто «гривна», там и разумеется просто «гривна», разумеется «гривна кун»; а где речь идет о фунтовом слитке серебра или золота, памятники говорят «гривна серебра или золота».

Гривна кун в разные времена имела различный вес и никогда не была равна фунту. Вот это изменение веса и составляет главное затруднение в изучении денежной системы времен Правды. Гривна кун отражала на себе все

перемены, какие претерпевала на Руси стоимость металла: дешеVELO серебро, гривна кун становилась более весом, дорожало — она становилась легковесной. Определить эпохи, к которым относятся дошедшие до нас разновесные гривны кун, это и составляет самый трудный вопрос в истории денежного обращения на Руси первых веков. В нашей литературе существуют по этому вопросу самые разнообразные и часто путанные суждения. Не входя во все подробности, я передам свои соображения и некоторые основания, на которых они основываются.

Можно, кажется, определить, какова была по весу русская гривна кун времен договоров с греками X в. В договоре Олега 912 г. читаем, что за удар мечом или за тяжелый удар «кацем любо сосудом» виноватый наказывался уплатой пяти литр серебра «по закону рускому»¹⁶². Если в договоре есть ссылка на закон русский, мы должны искать его в Русской Правде, а здесь мы читаем, что за удар мечом виноватый платил 12 гривен кун. Надобно думать, в этом состоит вся шаткость этого соображения, что такой же штраф в 12 гривен кун взимался «по закону рускому» за указанные преступления и в X в. Если нельзя так думать, то не имеет значения и вывод, основанный на этом мнении. Греческая литра=72 золотника, 5 литр=360 золотников, разделив эту цифру на 12 гривен кун, получим 30 золотников в гривне кун X в. Но до нас дошло очень много солидов, притом весьма древних; 72 таких солида обыкновенно больше 72 золотников, т. е. больше фунта; есть такие солиды, которых 72 равны 76½ золотника. Итак, если мы прибавим нечто к 360 золотникам, воображая, что договор Олега имел в виду не математический, а ходячий солид, несколько бóльший золотника, то найдем, что в нашей гривне кун могло быть и 32 золотника, т. е. она равнялась одной трети нашего фунта. На этом основании я полагаю, что в X в. ходячая русская гривна кун равнялась одной трети фунта.

Но мы имеем в нумизматических коллекциях очень много гривен кун весом от 46 до 48 золотников. Таковы, например, найденные лет семь тому назад черниговские гривны кун редкой, своеобразной формы: несколько виденных мною экземпляров, сплюснутых и суженных к концу, на весах вытянули по 46 золотников. Значит, ходили на Руси некогда гривны кун в полфунта или почти в полфунта весом. В известных нам памятниках нет следов такой гривны кун, потому мы не умеем приурочить ее к какому-нибудь времени. Можно только путем косвен-

ных соображений догадаться, когда ходили такие гривны. С конца первой половины XII в. вес гривны кун начал падать и никогда более не поднимался. А мы сейчас увидим, что во время борьбы Юрия Долгорукого с Изяславом Волынским на Руси ходила гривна кун немного меньшая 40 золотников. С тех пор гривна кун все падала до конца XIII в., когда она сменилась новым меновым знаком, имевшим характер монеты, — *серебряным рублем*. Итак, в X в. у нас ходила гривна кун весом в одну треть фунта, в 40-х годах XII столетия ходила гривна кун, весившая меньше 40 золотников, и далее вес ее все падал. К какому времени надо отнести употребление на нашем рынке гривны кун в полфунта или почти в полфунта весом? Очевидно, к промежутку между договором Олега и борьбой Юрия с Изяславом. Я сказал, что вес гривны кун изменялся в зависимости от стоимости серебра. На наш рынок серебро приливало из Греции и с магометанского Востока; сила прилива зависела от успехов внешней торговли. Следовательно, полуфунтовая гривна кун может быть приурочена ко времени, когда торговля с Византией и Востоком достигла наибольшего напряжения, когда торговые сношения были наиболее безопасны. Выберем такое время, когда Русь всего более пользовалась безопасностью со стороны внешних врагов: это время Ярослава и Мономаха. Я думаю, что к их княжениям и надо относить употребление на рынке полуфунтовой или почти полуфунтовой гривны кун.

Кажется, серебро начало дорожать, т. е. вес гривны кун начал падать, вскоре после Мономаха или по смерти сына его Мстислава (1132 г.), успевшего еще поддержать безопасность Русской земли и ее торговых путей. В 1137 г. составлен был известный устав Святослава о десятине в пользу Новгородского Софийского собора. Здесь князь говорит о каких-то новых кунах, которые выдавал какой-то Домажирич. Этот Домажирич, вероятно казначей Святослава, расплачивался около 1137 г. «новыми кунами»¹⁶³. Это заставляет думать, что эти новые куны были другого веса, более мелкого, как можно заключить по следующему известию. Как раз через девять лет встречаем в летописи такое известие: во время усобиц смоленских Ростиславичей с черниговскими Святославичами один князь (Иванко Берладник) помирился с другим в 1146 г., взяв с него за мировую «200 гривен серебра, же 12 гривни золота»¹⁶⁴. Это место представляет некоторые затруднения: «же» значит «то есть», «еже есть» = «или»; отсюда 200 гривен серебра = 12 гривен золота. Итак, мы

находим отношение серебра к золоту по ценности: $200:12=16\frac{2}{3}$. Такого отношения серебра к золоту в то время не могло быть на Руси и не было в Византии. Нам известно отношение серебра к золоту в Римской империи при Юстиниане — серебро к золоту относилось, как 1:14; а раньше, при Каракалле, в III в., $=1:6\frac{1}{2}$; теперь отношение серебра к золоту $=1:15$. Мы знаем отношение серебра к золоту на Руси в XIII в., оно было равно $1:6\frac{2}{3}$. Если в начале XIII в. золото в $6\frac{2}{3}$ раза было дороже серебра, то невероятно, чтобы на нашем рынке за несколько десятилетий прежде серебро было дешевле золота почти в 17 раз; такая пропорция невероятна. Значит, под 200 гривнами серебра нельзя разуметь 12 гривен золота. Я и предлагаю догадку, не следует ли здесь разуметь под гривнами серебра гривны кун. Летописец выразился здесь необычно, чтобы обозначить разницу металлов; побежденный должен был уплатить или 200 гривен ходячих серебряных или 12 гривен золотом. Но ходячая гривна серебра была гривна кун, значит, князь предложил другому уплатить 200 гривен кун серебра или 12 фунтов золота. Если так, то мы можем рассчитать, каков был вес гривны кун в то время. По одной русской статье, прибавленной к Закону судному людем (славянская переделка одной известной греческой эклоги), гривна золота равнялась 50 гривнам кун, фунт золота стоил 50 гривен кун, а гривна серебра равнялась $7\frac{1}{2}$ гривны кун. Если так, то (фунт золота) 50 гривен кун, разделенные на $7\frac{1}{2}$ гривны кун (фунт серебра), дают $6\frac{2}{3}$, чем определяется отношение ценности серебра к золоту; 12 гривен золота по этому отношению $=80$ гривнам серебра, т. е. 80 фунтам серебра. Следовательно, если 200 разделим на 80, получим $2\frac{1}{2}$ гривны кун в 1 фунте серебра. Итак, по этому расчету в гривне кун было около 38 золотников ($96:2\frac{1}{2}=38\frac{2}{5}$). Такие гривны кун в 36 и в 38 золотников и найдены в нескольких кладах, открытых в Киевской земле. Итак, гривна кун еще до половины XII в. упала до 38 золотников и ниже.

Но и такого веса гривна кун недолго держалась на рынке. До нас дошел договор Новгорода при князе Ярославле с немцами, заключенный в конце XII столетия, приблизительно между 1189—1199 гг. Здесь совершенно согласно с Русской Правдой определяются денежные пени за различные преступления, но эти пени определяются то гривнами кун, то гривнами серебра — знак, что тогда гривна кун представляла очень колеблющуюся единицу, и эти колебания заставляли считать фунтами серебра, а не

гривнами кун. Между прочим, вира за убийство простого человека определена в 10 гривен серебра. Так как другие штрафы высчитаны на гривны кун совершенно согласно с Русской Правдой, то, очевидно, эти 10 гривен серебра должны равняться 40 гривнам кун, назначаемых Русской Правдой за убийство простого свободного человека. Итак, во времена этого договора из фунта серебра делали уже 4 гривны кун, следовательно, в гривне кун заключалось около четверти фунта, и такие гривны мы имеем в коллекциях: они весят от 21 до 23 золотников. Итак, гривна кун к концу XII в. еще более пала. Любопытно, что такая гривна кун в договоре Ярослава названа уже старой гривной, что заставляет подозревать, что на рынке стали появляться слитки, еще менее веские. Нам известен договор смоленского князя Мстислава с Ригой, Готландом и немецкими городами в 1229 г. Там указано то же отношение гривны кун к гривне серебра, как 1:4, т. е. гривна кун = $\frac{1}{4}$ фунта.

Итак, старая четвертная гривна держалась на рынке еще и в начале XIII столетия, но она, очевидно, вытеснялась гривной кун еще более легкой, и мы узнаем вес этой последней. В 1230 г. новгородский летописец описывает голод в Новгороде. Голод этот начался вследствие уничтожения озимого хлеба еще с осени и продолжался весь год, всю зиму и следующую весну; следствием его была дороговизна, которая все усиливалась. Летописец 2 раза отметил цены на хлеб, бывшие в начале и в конце года. По древнейшему списку летописи XIV в., так называемому Харатейному синодальному списку, в начале года «кадь ржи» («кадь» = 4 четвертям) продавалась по 20 гривен; в конце года четверть кади продавали по гривне серебра. Но несколько позднейший список, который называется по месту хранения Академическим, повторяя цену в начале года по Харатейному списку, цену высшую, установившуюся в конце года, переводит на гривны кун, говоря, что $\frac{1}{4}$ кади продавалась по 7 гривен¹⁶⁵. Это заставляет думать, что в том году ходила гривна кун, составлявшая $\frac{1}{4}$ часть гривны серебра. Как видите, в конце года цена поднялась: в начале года четверть продавалась по 5 гривен (по 20 гривен за кадь), а в конце стоимость ее поднялась до 7 гривен¹⁶⁶. Итак, в 1230 г. в Новгороде и в других частях Руси ходили гривны кун, которых в 1 фунте серебра было 7. Если разделить 96 на 7, получим $13\frac{5}{7}$, значит, в гривне кун было около 14 золотников.

Я указывал русскую вставку в Закон судный людем, по которой в гривне серебра считалось $7\frac{1}{2}$ гривны кун,

следовательно, в гривне кун было $12\frac{4}{5}$ золотника. Таким образом, можно определить, когда была составлена редакция Закона судного людем: именно после 1230 г., когда гривна кун еще немного понизилась в весе. Но может быть это отношение фунта серебра к гривне кун, как 1:7, держалось очень долго, так что нельзя приурочить Закон судный людем ко времени, близкому к 1230 г. Можно привести догадку, которая заставляет думать, что эта статья явилась вскоре после 1230 г. Император Исаак Комнен в 1057—1059 гг. издал закон, определявший таксу пошлин, взимаемых с церковноиерархических степеней при поставлении. По этому закону за поставление в чтецы (дьячки) велено было взимать 1 $\nu\omicron\mu\sigma\mu\alpha$, т. е. одну златницу; за поставление в дьяконы—еще 3 златницы и за поставление из дьяконов в священники—еще 3, так что священник должен был заплатить всего 7 златниц. На Владимирском церковном соборе 1274 г. эта такса была установлена и на Руси, только с переложением златниц на русские денежные единицы. Именно в Правилах митрополита Кирилла, председателя собора, который передал в циркуляре соборные постановления, сказано, что можно брать «от поповства и от дьяконства от обоого 7 гривен», т. е. 7 гривен кун. Итак, златница приравнена к русской гривне кун. Мы опять здесь должны предположить, что в 1274 г. существовало то же отношение стоимости серебра к золоту, какое указано в статье Закона судного людем, а там это отношение— $1:6\frac{2}{3}$. Итак, златница равна гривне кун. Но вес золотого солида византийского равнялся золотнику, следовательно, 1 золотник золота= $6\frac{2}{3}$ золотника серебра, а это и есть гривна кун 1274 г. Следовательно, в гривне серебра гривен кун было $14\frac{2}{5}$ ($96:6\frac{2}{3}=14\frac{2}{5}$). Может быть, в конце XIII столетия установилось другое отношение стоимости серебра к золоту, тогда расчет этот не имеет никакой цены. Однако едва ли следует относиться к нему так безнадежно. Из этого расчета мы видим, что к концу XIII в. гривна кун упала еще ниже вдвое сравнительно со временем, когда была составлена редакция Закона судного людем. Там было $7\frac{1}{2}$ гривен кун в гривне серебра, а тут почти 15, и в начале XV столетия из гривны серебра делали 30 гривен кун. Псковский летописец под 1407 г. говорит о дешевизне хлеба в этом году: «три меры покупали за полтину, а кун на полтину 15 гривен». Полтина—половина рубля, а рубль равнялся тогда гривне серебра, следовательно, из гривны серебра в то время выходило 30 гривен кун. Итак, мы видели, что до того времени, как появилась новая денеж-

ная единица — «рубль», до XV столетия, гривна кун все падала в весе. Нам это и нужно было доказать.

Гривна кун изменялась и при господстве рубля, но это изменение не нужно для объяснения Правды; Правда составлена гораздо раньше этого времени. Только для любопытствующих отмечу главные моменты этого изменения, впрочем недостаточно разработанного в нашей нумизматической литературе. В XIV столетии, вероятно вследствие уменьшения гривны кун, появился новый меновой знак, получивший название рубля; ранее XIV в. рублей не встречаем. Происхождение термина «рубль» недостаточно известно. Думают, что рублем назывался отрубок, т. е. часть гривны серебра; гривна серебра рубилась пополам и каждая половина называлась рублем. Но древнейший рубль равнялся гривне серебра: Двинская грамота, данная Василием Дмитриевичем в 1397 г., переводит древнюю виру на современные денежные единицы — рубли — и определяет ее в 10 руб., что равняется 10 гривнам серебра договорной Смоленской грамоты 1229 г. Почему гривна серебра получила название рубля? Я так объясняю и происхождение самого «рубля» и замену одного названия другим. Ведь гривна серебра была весовая счетная единица рубт. [??]. Считая так, за товар, стоивший гривну серебра, платили гривнами кун, как ходячими меновыми знаками, но платили на вес, давая столько этих знаков, чтоб они потянули один фунт. Но менового знака, равного гривне серебра, не существовало, это была весовая, а не реальная единица. Так как вследствие колебаний в весе гривны кун счет на нее был очень неудобен, то стали рассчитывать фунтами серебра, гривнами серебра. Это в XIV в. и заставило отливать знаки, весом равные фунту. Вероятно, эта отливка происходила таким образом: отливали длинные куски серебра и потом рубили их на части, из которых каждая равнялась фунту. У Герберштейна есть известие об этих рублях; он относит появление русских монет по времени за 100 лет до приезда своего в Москву. «Едва сто лет прошло, — говорит он, — как в России стали употреблять монеты, в ней чеканенные (*Vix centum annis utuntur moneta argentea, praesertim apud illos cusa*). Прежде ходили в России *portiunculae oblongae argenteae, sine imagine et scriptura aestimatione unius rubli*». Вот эти *portiunculae oblongae argenteae* и были рубли. Кажется только, Герберштейн не совсем правильно говорит, что все эти рубли были лишены клейма; до нас дошли слитки серебра гривенной формы, но с различными изображениями и иные даже с

надписями «рубль». Итак, древнейший рубль есть старая гривна серебра, но со значением монеты, и на нем клалось клеймо, обозначавшее его ценность. Вероятно, только наложение этого клейма не было общим правилом. В начале XV в., как мы видели, рубль заключал в себе 30 гривен кун. Есть известие, что в XV в. стали делать новые гривны кун, такие, что в каждой заключалось по три старых. Я отношу это известие ко второй половине XV в. Следовательно, в рубле стало 10 гривен кун. Вот эти 10 гривен и усвоены были потом нашей денежной системой как подразделения рубля: московский рубль делился на 10 гривен.

Из того, что я вам сказал, вы удержите в памяти следующие моменты в истории гривны кун. Гривна кун—серебряный меновой знак без клейма и потому без значения монеты; в разные времена, смотря по ценности серебра, она имела различный вес. В X в. этот вес равнялся приблизительно $\frac{1}{3}$ нашего фунта: в XI в. и начале XII в.—приблизительно $\frac{1}{2}$ фунта. В конце первой половины XII в. гривна кун весила около 38 золотников, во второй половине—24 золотника, а в начале XIII в.—от 14 до $12\frac{1}{2}$ золотника, то же и во второй половине XIII в. А в начале XV в. из гривны серебра выдeldывали 30 гривен кун. Только во второй половине XV в., когда уже утвердился рублевый счет, стали делать гривны более крупные, заключающие в себе по три гривны тех, которых было 30 в рубле. Эти позднейшие гривны и составляли отступление от пути, по которому шла гривна кун до тех пор, от пути постепенного понижения ее веса. Эти моменты и надобно запомнить, особенно же следует заметить следующие две эпохи: гривна кун начала XII в. равнялась $\frac{1}{2}$ фунта, а гривна кун второй половины XII в. равнялась $\frac{1}{4}$ фунта, т. е. была вдвое менее гривны кун времен Мономаха. Мы увидим в Русской Правде следы обоих этих счетов, что дает возможность различать в Русской Правде следы разных эпох.

ЧАСТИ ГРИВНЫ КУН. Гривна кун разделялась на части, которые были мелкими ходячими монетами; то были *ногата*, *куна*, *резана* и *векша*, были еще более мелкие части, но они не встречаются в Русской Правде. До сих пор не известно ни одного куска серебра, найденного в древних кладках, о котором можно было бы сказать с уверенностью, что это была ногата, куна, резана или векша. Но несомненно, что этими словами обозначались мелкие кусочки серебра, составляв-

шие ту или другую часть гривны кун. Это и наводит на мысль, что такие части гривны кун не имели клейма или надписи, которые должны были обозначать достоинство монеты. Только один ученый-нумизмат сообщает, что ему кто-то говорил, будто где-то был найден кусочек серебра с надписью «ногата». Но такой источник очень сомнителен. Наша летопись говорит, что в XII в. на рынке ходили металлические денежные единицы — сребреники, но что такое были эти сребреники, неизвестно. По-видимому, первые христианские князья на Руси стали чеканить серебряные и золотые монеты по гривненным образцам и на этих монетах выбивали свои изображения. До нас дошло несколько таких монет с изображениями Владимира, а также Ярослава и с надписью их имен. От времен Владимира дошло 11 таких монет золотых и серебряных; я говорю «монет» в том смысле, что это были меновые знаки, а не медали или украшения. На лицевой стороне серебряных видна надпись вокруг изображения — «Владимир на столе», а на обороте находится надпись: «А се его сребро». Серебряные монеты очень различны по величине, т. е. по весу. Но что это такое, ногаты ли, куны ли, неизвестно¹⁶⁷. В наших памятниках нет также и названий византийских мелких монет; я даже сомневаюсь, имели ли значение меновых знаков, обращавшихся тогда, монеты, сделанные по образцу византийских. Таких монет сохранилось несколько с изображениями и именами древних князей. Если бы они имели значение обращавшихся на русском рынке меновых единиц, то должно бы найти их гораздо более при раскопках старинных кладов. Ведь имеем же мы тысячи арабских монет, найденных в этих кладах. Я думаю, что при киевских князьях в первое время по принятии христианства введены были серебряные и золотые монеты, подобные византийским, но потом на туземном рынке, на котором господствовали меха в значении меновых знаков, последние вытеснили чеканную монету, может быть потому, что чеканка была слишком дорога для нас. Но несомненно, что сребреники были в ходу у нас в начале XII в. В 1115 г. ставили в новоосвященной церкви в Вышгороде мощи Бориса и Глеба. Была страшная толкотня, так что князья, и в том числе Мономах, с мощами затруднялись дойти до места, стесняемые толпой. Чтобы прочистить дорогу, Мономах велел изрезать на лоскутки шелковые и другие материи, взять сребреники и бросать их в народ. Но были ли это монеты, подобные тем, какие мы видели на изображении, или это были простые куски серебра, неизвестно.

НОГАТА. Названия частей гривны кун, мной указанные, свидетельствуют о тесной связи системы денежных металлических знаков с системой меновых меховых знаков, обращавшихся на рынке. *Ногата*, очевидно,—шкурка с ногами, куна, очевидно,—другой мех, цельный, а резана заставляет думать о части меха, об отрезке. Памятники дают возможность определить и отношение этих частей к целому, к гривне кун. В 49-й статье Карамзинского списка Русской Правды высчитан приплод скота, именно овец и баранов за 12 лет. В конце статьи сделан такой расчет: 360 446 рун стоит 7208 гривен и 46 резан, а руно чтено по резане $(360\ 446 - 46) : 7208 = 50$, т. е. в гривне кун было 50 резан. Этот расчет, вероятно, относится к XIII столетию. Теперь высчитаем ногату. В 50-й статье того же списка Русской Правды высчитан приплод коз и козлов за 12 лет: 90 112 коз оценены в 27 033 гривны и 30 резан, а коза метана по 6 ногат. Отсюда $[(27\ 033 \times 50) + 30] : (90\ 112 \times 6) = 2\frac{1}{2}$; т. е. в ногате было $2\frac{1}{2}$ резаны, ногат же в гривне кун было 20.

КУНА. В памятниках нет указаний, что такое куна, но есть возможность высчитать и этот меновой знак. Вам известно «Въпрашание Кирика, обращенное к епископу Нифонту и к прочим епископам». Это «Въпрашание» и относится к половине XII в. В числе вопросов и ответов мы встречаем вопрос о плате за сорокоуст по умершем. Епископ отвечает Кирику, что священник должен служить 5 обеден в неделю в течение шести недель за одну гривну, а за 6 кун—по одной обедне в неделю. Предположив, что стоимость службы в обоих случаях одинакова, мы нашли бы, что гривна состояла из 30 кун, но в Русской Правде встречаем сумму «3 гривны и 30 кун». Если бы 30 кун равнялись одной гривне, Правда сказала бы «четыре гривны». Соображая, что епископ ценил обедню дешевле, когда ее служили пять раз в неделю, сравнительно с обедней, которую служили только раз в неделю, можно думать, что в гривне считалось менее 30 кун. На этом основании можно предполагать, что куна была ровно вдвое больше резаны, составляла $\frac{1}{25}$ часть гривны кун. Это частью подтверждается и следующим известием. В 1150 г. смоленский князь Ростислав, Мономахов внук, основал особую епископскую кафедру в своем городе и назначил на ее содержание «десятину» с княжеских доходов. Эту десятину князь и высчитал в грамоте, перечислив все свои доходы, прямые и косвенные. В приписке к этой грамоте, сделанной,

кажется, несколько позднее, мы читаем таксу, или перечень окладов, какие падали на разные округа Смоленского княжества вместо натуральной повинности, лежавшей на жителях и состоявшей в поддержании городских стен; повинность эта называлась «погородьем». Платеж, заменявший эту повинность, состоял из «урока», т. е. из сбора в казну, и из «почестья», т. е. из налога, который шел в пользу сборщика этих податей, давался сборщику «в честь». Между прочим, со смоленского города Крупля сверх урока шло еще почестье, которое сначала платилось мехом лисицы, но которое теперь было переложено на ногаты; именно «пять ногат за лисицу». С Вержавска, другого смоленского города, сверх урока более высокого, чем с Крупля, шло почестье, первоначально 3 лисицы; теперь и оно было переложено на деньги — «а за три лисицы сорок кун без ногаты». Итак, если одна лисица стоила 5 ногат, а три лисицы — сорок кун без ногаты, то 16 ногат должны равняться 40 кунам, следовательно, ногата равнялась $2\frac{1}{2}$ кунам. Правда, в той же приписке далее встречаем лисиц другой ценности, но сопоставление почестья Крупля и Вержавска соблазняет на мысль, что здесь имелись в виду лисицы одинаковой цены. Надобно объяснить, каким образом куна понизилась в цене, стала равняться резане, т. е. $\frac{1}{50}$ части гривны кун. Кажется, объяснение это дает один список Русской Правды.

Мы не знаем, когда сделана приписка к Ростиславовой грамоте, но в 67-й статье Троицкого списка Русской Правды мы встречаем пошлину, о которой будет речь после. Именно «перекладного 5 кун, а на мех 2 ногате». Я понимаю это выражение так: а на деньги столько-то, если кто хочет платить мехом — 2 ногаты. Отсюда ногата — $2\frac{1}{2}$ куны, но ногата — меховой знак, а куна — металлический, значит, эта статья составлена, когда ходили двоякого рода знаки — меховые и металлические. Ногата в это время была меновой знак, но еще меховой, а куна — меновой знак металлический, стало быть, меновые знаки меховые еще не все успели замениться металлическими. Если это так, то не только легко объяснить это отношение металлической куны к ногате, но и то, как совершилось падение стоимости куны и даже когда составлена редакция Русской Правды, которую мы будем читать. Из истории обращения гривны кун мы видели, что цена серебра очень колебалась в древней Руси, но серебро не было единственным меновым знаком; рядом с ним ходили и меха, которые едва ли колебались в цене, так как в XI—XII вв. не заметно условий, которые бы

усилили или ослабили меховой промысел — звероловство. Дорогие металлы и теперь колеблются в цене, но это отражается на стоимости всех товаров: если падает в цене серебро, то дорожают все товары. Но, когда ходили меновые знаки разного характера — меховые и металлические, из которых одни имели постоянную ценность, а другие колебались, тогда могло случиться, что ценность товаров не изменялась, а изменялось отношение меновых знаков металлических к меновым знакам меховым. Мы видели, что серебро к концу XII в. стало дороже, чем было в начале столетия, вследствие чего гривна кун во второй половине века стала вдвое легче весом. Итак, когда совершилось это падение, на рынке ходили меховые меновые знаки — ногаты и металлические — куны, соответствовавшие некогда по цене меховым кунам, тоже бывшим меновыми знаками. Когда серебро вздорожало и гривна кун стала вдвое легче, что должно было случиться с отношением куны к ногате? Меховая ногата сохранила прежнюю цену, а куна металлическая, $\frac{1}{25}$ доля новой гривны кун, стала вдвое менее прежней. Вследствие того ногата меховая стала цениться в $2\frac{1}{2}$ новых кун, а не в $1\frac{1}{4}$, как ценилась при прежней гривне кун. Впоследствии, когда и ногата стала металлическим меновым знаком, восстановилось ее прежнее отношение к куне, т. е. ногата стала $\frac{1}{20}$ частью гривны кун, равнялась уже $1\frac{1}{4}$ куны.

РЕЗАНА. Резана не была самым мелким знаком. В Русской Правде упоминается знак еще более мелкий, — «векша». Отношение векши времен Правды к гривне кун определить нельзя; нет ни одного прямого указания на это отношение. Но есть позднейшее указание, идущее из XV столетия. По этому указанию в ногате считалось 30 векошь. Но, может быть, тогда и ногат в гривне кун считалось меньше, чем в XII в. Постепенное падение веса гривны кун, замена гривны кун более крупным меновым знаком — рублем, все это спутало прежние отношения между частями гривны кун. Основываясь на упомянутом известии и принимая отношение гривны кун к ногате, существовавшее в XII в., найдем, что в гривне кун было 600 векошь. В резане по этому расчету было 12 векошь. И векша не самая мелкая единица, хотя нумизматы не думают этого: они смешивают векшу с *веверицей*, думая, что это одно и то же. Но в древнерусских памятниках есть прямые указания на то, что «веверица» составляла часть «векши», только неизвестно какую. Впрочем, Русская Правда не знает этого мелкого знака и потому можно не приводить этих указаний.

ИСТОРИЯ СОСЛОВИЙ В РОССИИ

ЛЕКЦИЯ

I

ПРЕДМЕТ КУРСА. ПОНЯТИЕ О СОСЛОВИИ. ЧТО ТАКОЕ СОСЛОВНЫЕ ПРАВА?
ОТЛИЧИЕ СОСЛОВНОГО ПРАВА ОТ ПРИВИЛЕГИИ И СЛУЖЕБНОГО ПОЛНОМОЧИЯ
РАЗДЕЛЕНИЕ СОСЛОВНЫХ ПРАВ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГРАЖДАНСКИЕ.
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТЕХ И ДРУГИХ ДЛЯ СОСЛОВИЙ.
РАЗДЕЛЕНИЕ СОСЛОВНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ НА ЛИЧНЫЕ И ВЕЩЕСТВЕННЫЕ,
НА ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ

ПРЕДМЕТ КУРСА. Предмет предпринимаемого мною курса — краткий обзор истории сословий в России до издания сословных жалованных грамот императрицы Екатерины в 1785 г. Я выбираю эти законодательные акты Екатерины конечным пределом своего курса, потому что ими завершилось образование русских сословий, начатки которого кроются в самом возникновении древнерусского Московского государства; со времени издания названных жалованных грамот сословный строй русского общества, ими закрепленный, в иных частях только подновлялся, а в других даже разрушался. Чтобы объяснить программу и цель курса, я изложу несколько предварительных общих замечаний о круге и свойстве тех исторических явлений, на которые будет обращено наше изучение.

ПОНЯТИЕ О СОСЛОВИИ.
Сословие (*ordo* или *status*, франц. *état*, нем. *Stand*) — термин государственного права и обозначает известный ряд политических учреждений. Сословиями мы называем классы, на которые делится общество по правам и обязанностям. Права дает либо утверждает, а обязанности возлагает государственная верховная власть, выражающая свою волю в законе; итак, сословное деление — существенно юридическое, устанавливается законом в отличие от других общественных делений, устанавлива-

емых экономическими, умственными и нравственными условиями, не говоря о физических. Существенным и наиболее осязательным признаком сословного деления служит различие прав, а не обязанностей. Довольно простого анализа обоих этих понятий, чтобы видеть, что когда речь идет о сословном различии обязанностей, то при этом разумеется, собственно, различие прав. Обладая различными правами, классы общества могут нести одинаковые государственные обязанности; но если на них положены неодинаковые обязанности, то они не могут обладать равными правами. Отсутствие у одного класса прав, которыми обладают другие, не увеличивает количества его обязанностей; напротив, свобода одного класса от обязанности, падающей на другие, дает ему лишнее, хотя и отрицательное, право в сравнении с другими. Притом государственные обязанности отличаются неодинаковой тяжестью, и если они разделены между классами, а не падают все одинаково на всех, то их удельный вес дает преимущество менее обремененным классам, позволяя им в потоке юридических отношений держаться выше других. Короче, сословным неравенством прав не обуславливается неравенство обязанностей, но неодинаковые обязанности всегда обуславливают неравенство прав. Значит, обязанность есть случайный признак сословного деления; это объясняется юридическим свойством государственной обязанности: цель государственного союза — защита законно приобретенных прав, государственные обязанности — только средства для этой защиты.

ЧТО ТАКОЕ СОСЛОВНЫЕ ПРАВА? Что такое *сословное право*? Это есть всякое преимущество, даваемое законом целому классу общества в постоянное обладание. Состав такого класса определяется кругом лиц, удовлетворяющих условиям, в зависимости от которых закон ставит приобретение и сохранение известных преимуществ. Тем признаком, что преимущество дается целому классу общим законом, сословное право отличается от преимущества, даваемого по особому пожалованию отдельному лицу или фамилии.

ОТЛИЧИЕ СОСЛОВНОГО ПРАВА ОТ ПРИВИЛЕГИИ. Такое преимущество называется *привилегией*. По Уложению 1649 г. из высшего купечества в Московском государстве выделялась фамилия солеваров Строгановых, носивших особое звание «именитых людей»; по городской жалованной грамоте 1785 г.

звание «именитых граждан» давалось, между прочим, всем оптовым торговцам и таким капиталистам, которые объявляли за собой не меньше 50 000 руб. капитала.

ОТЛИЧИЕ СОСЛОВНОГО ПРАВА ОТ СЛУЖЕБНОГО ПОЛНОМОЧИЯ. Преимущества Строгановых были семейной привилегией, преимущества «именитых граждан» — сословные права. Тот признак сословного преимущества, что оно дается сословию в постоянное обладание, составляет его отличие от *служебного полномочия*. В составе всякого государственного общества резко выделяется своим положением обыкновенно очень значительная масса лиц, служащих орудиями государственного управления и суда; каждое из этих лиц по своей должности обладает известной долей власти, известными правами, каких не имеют лица, не состоящие на государственной службе. Но эти должностные права существенно отличаются от сословных. Во-первых, должностные права чрезвычайно не равномерны: с каждой должностью связана особая степень власти, тогда как сословные права одинаковы для всех лиц сословия. Во-вторых, служебные права суть вместе и обязанности, которыми должностное лицо не может не пользоваться, пока занимает должность, тогда как сословным правом можно не пользоваться, не выходя из сословия. В-третьих, должностные полномочия даются каждому лицу особо и не могут переходить по наследству, тогда как сословные права по существу своему суть потомственные преимущества и даются всему сословию без различия первых приобретателей и их прямых наследников. В феодальных обществах некоторые правительственные должности составляли наследственную собственность известных аристократических фамилий; тогда они имели значение семейных привилегий, но не получали характера сословных прав. В сословных государствах сверх служебных полномочий, связанных с должностями, должностные лица обыкновенно получают еще права, которые не только не отнимаются у них при отставке, но и переходят к их потомкам. Эти права или одинаковы с правами других сословий, или составляют особые преимущества: в первом случае чиновничество разбивается по другим сословиям, во втором — составляет особое сословие. Так, по нашим законам чиновник, дослужившийся до чина действительного статского советника, или военный, дослужившийся до чина полковника, становится потомственным дворянином, а лицо, получившее на гражданской или военной службе

чин IX класса или обер-офицера, получает звание личного дворянина.

Итак, сословное право по общему закону, как своему источнику, отличается от привилегии, а по потомственности, как существенному свойству своего характера, от служебного полномочия. Последнему положению, по видимому, противоречит один класс в составе русского общества, который носит в Своде законов сейчас упомянутое название личных дворян: по нашим законам личное дворянство не передается потомству. Но это противоречие заключается не в самом сословном законодательстве, а только в сословной терминологии: личное дворянство — собственно не сословие, т. е. не особый разряд дворянства, потому что лишено отличительных дворянских прав: личные дворяне не входят в состав местных дворянских обществ и при крепостном праве не могли владеть крепостными людьми; это не более как почетное пожизненное звание, которому усвоен титул дворянства не по сходству прав, а по одинаковости способов приобретения того и другого звания: как личное, так и потомственное дворянство приобретается пожалованием, чинами по службе и получением ордена. Действительные права личных дворян одинаковы с состоянием так называемых *потомственных почетных граждан*; эти права суть свобода от личных податей, от рекрутской повинности, от телесных наказаний и т. д. (я говорю, руководясь старым, теперь уже по частям отменяемым законодательством). Поэтому дети личных дворян по праву рождения причисляются к потомственному почетному гражданству. Итак, личное дворянство есть разряд потомственного почетного гражданства, отличающийся от прочих разрядов этого состояния только способами приобретения соединенных с ним прав.

РАЗДЕЛЕНИЕ СОСЛОВНЫХ ПРАВ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГРАЖДАНСКИЕ. *Какие бывают сословные права? Их можно разделить на два разряда: на права политические и права гражданские; первыми определяется участие всего сословия в государственных делах, вторыми — степень правоспособности каждого лица известного сословия в его частных отношениях.*

Права политические можно свести в такой перечень:

I. *Участие в общем государственном управлении.* Оно обыкновенно выражается в законодательной деятельности сословных собраний. Государства, где это участие предо-

ставлено одному или нескольким, но не всем сословиям, принято называть аристократическими, а где оно распространено на все сословия и притом в одинаковой мере, там государственный порядок можно назвать сословно-демократическим. В этом последнем случае участие в общем государственном управлении перестает быть отличительным сословным правом и становится достоянием всего общества. Чаще бывает, что влияние на государственное управление распределяется между сословиями неравномерно; тогда и при участии всех сословий в государственном управлении политический порядок не теряет аристократического характера. То различие, что иные сословия принимают прямое участие в управлении, *in corpore* являясь на законодательное собрание, а другие присылают только выборных представителей,— это различие касается конституционной техники, а не государственного права; это вопрос удобства или необходимости, а не вопрос сословного неравенства.

II. *Участие в местном управлении.* Это право обыкновенно соединяется с первым и служит ему опорой, но само может действовать и без него. Оно также принимает довольно разнообразные формы. Где оно принадлежит не всему обществу, там господствующее сословие заведует местными делами и остального населения. Где участие в местном управлении предоставлено всем сословиям, там оно может иметь двойную форму: или каждое сословие действует особняком, ведая исключительно свои местные сословные дела, или эта уединенная деятельность сословий соединяется с совокупным ведением ими дел, касающихся всех сословий. На этом последнем двойственном основании построено местное самоуправление в современной России, где рядом с местными сословными собраниями дворянства, духовенства, городских обывателей и крестьян действуют еще всесословные земские учреждения, которым предоставлено ведать известные местные дела всех сословий.

III. *Вотчинное управление.* Это право состоит в усвояемой землевладельцами судебной и полицейской власти над обывателями их вотчин. Такая власть дается землевладельцам обыкновенно там, где землевладение имеет политическое значение, где с ним соединяются особые государственные права и оно потому является преимуществом одного или нескольких сословий. Крепостное поземельное право обыкновенно соединялось с такой властью, но последняя и независимо от крепостного права может быть следствием государственного поручения: так,

русские землевладельцы, церковные и служилые, в XV и XVI вв. имели такую власть над вольными крестьянами, снимавшими у них земли. Точно так же вотчинный суд и полиция не были отняты у остзейского дворянства, когда во втором десятилетии текущего века его крестьяне были освобождены от крепостной зависимости. Вотчинное управление надобно отличать от участия в местном управлении: это последнее может находиться в руках одного сословия, которому, между прочим, принадлежит и исключительное право личной земельной собственности; но участия в местном управлении не лишены и те лица господствующего сословия, у которых нет населенных вотчин. Это участие в местном управлении есть политическое право, принадлежащее всему сословию, независимо от того, пользуются ли его отдельные лица остальными правами своего сословия или нет: вотчинное управление есть политическое право, принадлежащее только некоторым лицам господствующего сословия как следствие действительного пользования одним из сословных прав, притом не политических, а гражданских. Поэтому вотчинное управление имеет характер смешанного права, частью политического, частью гражданского.

Гражданские сословные права в свою очередь подразделяются на *личные* и *вещественные*. Это разделение вытекает из самого значения гражданских сословных прав. Мы сказали, что ими определяется степень правоспособности отдельных лиц сословия в их частных отношениях. Юридический оборот частного гражданского общежития слагается из двух порядков отношений: из *обязательств*, т. е. из прав одного лица на действия другого, и из *прав на вещи*, нужные людям.

1. Отсюда следует, что личными сословными правами определяется признаваемая законом за лицами разных сословий степень способности входить в обязательства. Сословное неравенство этой способности основывается на неодинаковой оценке или неодинаковом нравственном доверии закона к разным классам общества. Эта неодинаковая сословная оценка обнаруживается в том, что закон различно наказывает людей разных сословий за одни и те же преступления, различно карает за обиды, нанесенные лицам разных сословий, дает неодинаковую цену свидетельским показаниям лиц разных сословий на суде. Из этой неодинаковой оценки сословий законом вытекает и неодинаковая их обязательственная правоспособность. Так, в обществах, разделенных на свободные и несвободные классы, лица последних обыкновенно лишались сво-

боды вступать в брак, покидать свое местожительство, вообще стеснялись в праве распоряжаться своей личностью и трудом, наниматься на работы, заключать долговые сделки и т. п.

2. Из указанного состава гражданского оборота следует, что вещественными сословными правами определяется сословная степень имущественной правоспособности: закон признает за лицами разных сословий право приобретения не всех видов собственности и признает не в одинаковой мере право на одни и те же виды приобретенной собственности. Говоря проще, не все сословия могли приобретать в собственность всякое имущество и не все сословия имели одинаковое право собственности на приобретаемые имущества. Так, лишь высшему классу предоставлялось право сельской недвижимой собственности, а при крепостных отношениях — право владения крепостными людьми. Крепостные крестьяне могли приобретать и движимое имущество только в неполную, условную собственность. Наконец, рабы не могли иметь никакой собственности. С сословными различиями в свободе приобретения собственности обыкновенно соединялось и сословное неравенство в свободе распоряжения ею: одним сословиям предоставлялось полное право отчуждения собственности во всех ее видах, как и право ее передачи по завещанию жене, нисходящим и боковым родственникам, даже сторонним лицам; другие классы пользовались правами отчуждения и завещания в ограниченных размерах, например могли безусловно отчуждать только движимое имущество, но не могли или были стеснены в праве отчуждения недвижимости — могли завещать имущество только сыновьям с исключением дочерей или нисходящим с исключением боковых родственников.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ГРАЖДАНСКИХ СОСЛОВНЫХ ПРАВ ДЛЯ СОСЛОВИЙ. По самому свойству описанных сословных прав, *политических и гражданских*, можно заметить, что они действуют неодинаково и имеют различную цену для сословий; политические права осуществляются совокупной или корпоративной деятельностью обладающего ими сословия; права гражданские приводятся в действие волей и усилиями отдельных лиц. В связи с этим объясняется и сравнительное значение тех и других прав для сословий: сословные гражданские права приносят прямую, осязательную выгоду каждому члену сословия, расширяя или упрочивая его личную свободу и средства

материального обеспечения; права политические, доставляя всему сословию власть и влияние на управление, имеют интерес для отдельных лиц не сами по себе, а потому, что обыкновенно служат средством расширения и обеспечения прав гражданских. Значит, гражданские права для сословий важнее политических; они — наиболее энергичный мотив сословного неравенства, настоящая цель, к которой стремятся высшие сословия, добиваясь этого неравенства или отстаивая его. Вот почему сословные гражданские права могут действовать, даже не соединяясь с политическими, тогда как сословные политические преимущества при гражданском равенстве теряют свой смысл и падают или превращаются в сословные повинности. В таком случае участие сословия в управлении получает для него значение обязательного безвозмездного содействия правительству.

РАЗДЕЛЕНИЕ СОСЛОВНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ НА ЛИЧНЫЕ И ВЕЩЕСТВЕННЫЕ, НА ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ. Что касается *сословных обязанностей*, то они, разумеется, все государственные, но их можно разделить, во-первых, на *личные и вещественные*, во-вторых, на *прямые и косвенные*. Личная государственная обязанность — это часть личного труда, обязательно уделяемого в пользу государства; личная государственная обязанность обыкновенно называется повинностью; самая важная из повинностей — *воинская*. Вещественная обязанность — это часть имущества, обязательно уделяемая в пользу государства; вещественные обязанности — налоги и подати. Те и другие обязанности можно разделить еще на прямые и косвенные. Прямые обязанности — это жертвы, обязательно приносимые непосредственно государству; косвенные — это жертвы, обязательно приносимые лицами известного класса, не прямо государству, а по поручению государства лицам других классов. Такими косвенными обоюдными обязанностями были связаны при крепостном праве крепостные владельцы с крепостными людьми по нашему законодательству: для крепостных крестьян они состояли в обязательных работах и платежах в пользу владельца; для крепостных владельцев они состояли: 1) в обязанности по продовольствию и призрению крестьян, 2) в ответственности по взносу крестьянами государственных податей и отправлению ими денежных и натуральных повинностей, 3) в обязанности ходатайствовать за крестьян по делам гражданским и уголовным и 4) в ответственности за них во всех казенных взысканиях, как-то: штрафах, пошлинах и пр.

ЛЕКЦИЯ II

ПОСТЕПЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СОСЛОВНЫХ РАЗЛИЧИЙ — ОБЩИЙ ФАКТ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СКЛАД, К КАКОМУ СТРЕМИТСЯ СОВРЕМЕННОЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО. НАСЛЕДСТВЕННОЕ НЕРАВЕНСТВО ПЕРЕД ЗАКОНОМ — ОСНОВАНИЕ СОСЛОВНОГО ДЕЛЕНИЯ. ДВОЙКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОСЛОВИЙ — ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ

ПОСТЕПЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СОСЛОВНЫХ РАЗЛИЧИЙ — ОБЩИЙ ФАКТ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ. *Сословное неравенство* — историческое явление, исчезающее почти всюду в Европе; *сословные различия* все более сглаживаются в праве, оставляя неодинаково глубокие следы в народных преданиях, в привычках и нравах, в распределении собственности. Но с самого возникновения новоевропейских государств в продолжение многих веков это неравенство было основанием политического порядка, и даже в обществах, потом усвоивших вполне демократический склад, в первые периоды их политической жизни можно заметить следы сильных движений в сторону аристократического неравенства. Но с XV в. на западе, гораздо позднее на востоке Европы в умах и законодательствах обнаруживается стремление к постепенному уравниванию сословий. Тот же самый процесс можно заметить и в государствах античной Европы, так что его можно признать общим и повсеместным фактом европейской истории. Если бы было доказано, что он повторялся в политических союзах и других частей света, то этот общий факт получил бы значение исторического закона, который можно было бы выразить в такой формуле: *«политическое общежитие начинается сословным расчленением общества и продолжается постепенным уравниванием сословий»*.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СКЛАД, К КАКОМУ СТРЕМИТСЯ СОВРЕМЕННОЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО. Хотя этот процесс завершился далеко не везде в Европе, однако достаточно ясно успели обозначиться основные черты этого нового общественного склада, какой стремятся принять западноевропейские государства. В прежних сословных обществах отдельные лица не имели непосредственного отношения к государству; перед государством являлись сословные корпорации и значение каждого лица в государстве определялось значением

сословия, к которому лицо принадлежало. Законодательство начало разбивать эти крупные и плотные общественные сочленения на их первичные составные частицы — одинокие лица, ставя каждое из них в непосредственное отношение к государству и признавая всех их одинаково свободными. Но, признавая их одинаково свободными, законодательство доселе не нашло средств сделать их равноправными, потому что доселе не умеет одинаково распределить между ними обязанности. При сословном неравенстве обязанности распределялись между целыми классами по их политическому значению и потому наиболее обременены были ими низшие классы, располагавшие наименьшими средствами, материальными и другими. Положив в основу государственного порядка бессословное равенство, необходимо было и разверстку обязанностей перенести на новые основания; таким основанием стало правило: *«государство требует с каждого в меру того, что дает ему»*. Потребность в личной безопасности у всех одинакова, поэтому самая тяжкая личная обязанность, воинская повинность, положена на всех, способных нести ее. Нельзя было так же поступить с обязанностями вещественными. Потребность в имущественной безопасности не у всех одинакова. Миллионер, разбросавший свои имения по всем углам государства и ведущий огромные промышленные дела, гораздо более задает работы правительственным учреждениям, охраняющим имущественную безопасность, чем рабочий, живущий поденным заработком; но по этому же самому миллионер гораздо более поденщика заинтересован в делах государства, в исправном действии его охранительных учреждений. Таким образом, вещественные тягости должны падать на лица соразмерно с потребностью каждого в имущественной безопасности, а степень этой потребности соответствует его имущественной состоятельности. Таков смысл подоходного налога, приобретающего все большее господство в финансовой системе Европы. Значит, государственная обязанность из обязательной жертвы, приносимой одними классами в пользу других, превращается в плату лица государству за услуги, которыми первое пользуется от последнего. Но, с другой стороны, и участие в государственных делах соразмеряется с тяжестью государственных обязанностей, падающих на каждое лицо, и, следовательно, со степенью его интереса в этих делах; это участие выражается в народном представительстве. Воинская повинность падает на всех граждан в возрасте, способном нести ее, поэтому все граждане участвуют в

выборе народных представителей. Но они участвуют в нем неодинаково: посредством известного сочетания подоходного налога с избирательной системой платящие более имеют и более веский избирательный голос. Таким образом, политический порядок, к какому идет современное западноевропейское государство, строится на сложном сочетании государственных прав и обязанностей, между которыми примиряющим посредником служит не сословный, а личный политический интерес. Этот порядок можно представить в такой схеме. Первичным составным элементом его служит одинокое и свободное лицо, несущее государственные тягости в меру своей потребности в тех личных и имущественных обеспечениях, какие дает государство, и участвующее в управлении в меру тягостей, какие оно несет в пользу государства. Самый порядок состоит из двух параллельных рядов, из которых один представляет обязанности, а другой — соответствующие им права. Вот оба эти ряда: общая воинская повинность и общее голосование; подоходный налог и личное представительство, разверстанное по числу правоспособных лиц и по количеству платимых ими налогов. Благодаря такому сочетанию современные европейские государства представляют сложный механический прибор, построенный на юридической и экономической сделке, который, соединяя в одно целое одинокие, разбитые лица, своей тяжелой деятельностью вырабатывает им благо, носящее на языке Западной Европы название *политической свободы*.

НАСЛЕДСТВЕННОЕ НЕРАВЕНСТВО ПЕРЕД ЗАКОНОМ — ОСНОВАНИЕ СОСЛОВНОГО ДЕЛЕНИЯ. Итак, современное бессословное государство достигает политической свободы, но оно не достигает политического равенства. Однако это неравенство отличается от сословного в двух отношениях. Во-первых, сословные общества отличаются резким разграничением прав и обязанностей; наиболее чистые типы такого общества стремились сосредоточить все права в одних классах, все обязанности — в других. В современном государстве все уравнивается в *гражданских* правах и *личных* обязанностях, но различаются *политическими* правами и *вещественными* обязанностями. Во-вторых, неравенство в современном государстве есть неравенство лиц, а не классов; в сословных государствах различались перед законом целые сословия, но отдельные лица одного сословия признавались равными между собою по правам и обязанностям.

В современном государстве каждое лицо есть своего рода сословие. Общество разбито на мельчайшие пылинки, сравнительная величина которых трудно уловима невооруженным глазом и доступна только микроскопическим наблюдениям статистики да министерства финансов, распределяющего налоги. Эта политическая пульверизация общества есть следствие отмены потомственности прав и обязанностей, на которой держалось сословное деление. Благодаря этому политическая группировка лиц в современном государстве поставлена в зависимость от их имущественного положения, т. е. предоставлена игре случая и борьбе индивидуальных сил. Политическое положение лица в современном государстве может представлять непрерывное кочевание по разным политическим группам, смотря по его успехам или неудачам в экономической борьбе, изменяющим его имущественное положение, тогда как в сословном государстве политическое положение лица определялось его сословным происхождением, а не изменчивым имущественным положением — генеалогией, а не цензом. Это сопоставление нового складывающегося типа бессословного государства с исчезающим сословным приводит к тому заключению, что основанием сословного деления служит *наследственное неравенство целых классов в правах и обязанностях*, а не распределение тех и других по изменчивым личным состояниям, как в современном бессословном государстве.

ДВОЙКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОСЛОВИЙ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ. Если сословное неравенство есть временное состояние обществ, в жизни которых бывали времена, когда сословий еще не было, и наступает время, когда их уже не бывает, то спрашивается, как и при каких условиях возникает сословное неравенство? Вследствие чего общества разбиваются на классы с неравным распределением между ними прав и обязанностей? Сословное неравенство возникало двойким путем. Иногда источником его бывало экономическое деление общества в момент образования государства. Тогда общество делилось на классы соответственно с разделением народного труда: классы различались между собой родом труда или родом капитала, которым работал каждый класс, и сравнительное значение каждого общественного класса определялось ценой, которую имел тот или другой род труда, тот или другой капитал в народном хозяйстве известного времени или места. Но бывал и другой порядок явлений. Общество подчинялось

вооруженной силе, вторгнувшейся со стороны или образовавшейся в нем самом, которая захватывала распоряжение народным трудом. Такой силой бывало или чуждое пришлое племя, или особый класс, сложившийся в самом обществе для его защиты от внешних врагов и потом завоевавший защищаемое общество. В том и другом случае общества следовали в своем дальнейшем развитии совершенно различными путями; укажем сначала путь, каким шли общества во втором случае. Вооруженная сила, своя туземная или пришлая, захватив распоряжение народным трудом, спешила стать властью, чтобы мирно пользоваться плодами захвата. Для обеспечения постоянного пользования захваченными экономическими выгодами она не имела нужды заботиться о новом устройстве народного хозяйства: она насильственно вторгнулась в уже сложившийся экономический порядок, с оружием в руках стала у готового хозяйственного механизма; ей не было нужды вновь заводить хозяйство в захваченной стране. Захватив в свои руки господствующий капитал, эта сила только старалась обеспечить себе послушное действие рабочих рук, приставленных к готовому хозяйственному механизму, но, чтобы обеспечить себе спокойное обладание захваченными выгодами, сила, став властью, спешила создать известный государственный порядок, помощью которого она, став его движущей пружиной, могла бы распоряжаться народным трудом, не прибегая постоянно к первоначальному своему средству действия — к оружию. Вот почему все заботы этой силы обращались на государственное устройство, на выработку системы законодательства, на приспособленную к цели организацию сословий, на соответствующее устройство правительственных учреждений. Вопросы права, государственного и гражданского, отношения к верховной власти, отношения господствующей силы к другим классам составляли главные явления жизни в таком обществе. Благодаря тому жизнь общества получала, как бы сказать, боевой характер: борьба вооруженная сменялась борьбой политической; оружие утомлялось в своей деятельности и передавало свое дело закону, и работа обеих этих сил, оружия и закона, направлялась к одной цели — к упрочению обладания властью, а властью дорожили, потому что она доставляла обладание народным трудом. Под влиянием этой борьбы все отношения обострялись, классы и учреждения получали резкие очертания. Сообразно с тем и общество усвояло особую физиономию. Все оно складывалось из двух основных элементов: с одной

стороны стоял победитель — господин, с другой — пленник, холоп. Все общество стремилось разделиться на два резко разграниченных класса, из которых один старался усвоить себе все права, навязывая другому все обязанности. С великими усилиями складывались и пробились промежуточные классы, которые отрывали себе частички прав высшего сословия, платя за них частичками обязанностей низшего. Таков склад, усвояемый обществами, которые создавались завоеванием.

Иным путем следовали общества, где не вооруженная сила, захватив господствующий в стране капитал, становилась властью и распорядительницей народного труда, а, наоборот, господствующий капитал страны, овладев народным трудом, создавал из владельцев этого капитала власть. Господствующий капитал, движимый или недвижимый, смотря по хозяйственным условиям страны, становился источником власти; его операции соединялись с политическими и гражданскими правами; экономические классы превращались в политические сословия. Так как в этом случае влияние на общество приобреталось не силой оружия, а гнетом капитала, который не утомляется, как оружие, а требует постоянной деятельности для своего сохранения и роста, то классу, владевшему капиталом, не было нужды торопиться созданием нового государственного порядка, который бы обеспечил его господство. Господство его обеспечивалось не политическими средствами, не хартиями и учреждениями, а экономическими отношениями. В таких обществах не было нужды завоевывать рабочих: люди сами отдавались тем, в чьих руках скоплялся капитал, кто давал им хлеб, т. е. средство для работы. Все внимание господствующего класса обращалось на устройство народного хозяйства, на расширение простора для деятельности капитала, на приемы и средства эксплуатации естественных богатств страны, на открытие и удержание рынков сбыта. Поэтому вопросы права и государственного устройства становились на втором плане, и юридические отношения не получали достаточной выработки и определенности. Общество и в этом случае слагалось из двух главных элементов: с одной стороны стоял капиталист-займодавец, с другой — рабочий-должник. Но так как политическое значение распределялось по экономическим состояниям, которые чрезвычайно разнообразны и изменчивы, то общество получало очень дробное деление, и чем оно было дробнее, тем слабее было неравенство прав и обязанностей, которыми различались между собою его классы.

Итак, сословия имели двойное происхождение — политическое и экономическое. Сословное деление общества начиналось либо насильственным порабощением его вооруженной силой, либо добровольным политическим подчинением его классу, достигшему хозяйственного господства в стране. Это порабощение или это подчинение устанавливало государственньй порядок, сосредоточивало власть над обществом в одном классе. Следовательно, в обоих случаях сословное деление одинаково выходило из политического акта, но источник сословного неравенства в том и другом случае был неодинаков. В первом случае права и обязанности неравномерно распределялись по праву силы между властителями и подвластными, во втором — по экономическому весу между капиталистами и рабочими. Значит, источником сословного неравенства в первом случае было различие *политических положений*, созданных порабощением общества одним классом, во втором — различие *экономических состояний*, образовавшихся еще до политического подчинения общества одному классу. То и другое происхождение сословий имело неодинаковое действие на характер сословного деления: при политическом происхождении сословий общество стремилось распасться на немногие крупные части, разделенные резким неравенством прав и обязанностей, тогда как сословное деление, построенное на неравенстве экономических состояний, отличалось большей дробностью частей и меньшей резкостью сословных различий. Этот неодинаковый процесс сословного расчленения можно обозначить таким общим положением: *чем резче сословное неравенство, тем проще сословное деление, и наоборот: чем слабее сословное неравенство, тем сложнее, т. е. дробнее, сословное деление.*

ЛЕКЦИЯ III

ФОРМУЛА, ВЫРАЖАЮЩАЯ ХОД УРАВНЕНИЯ СОСЛОВИЙ. МЕСТО СОСЛОВНОГО ГОСУДАРСТВА В РЯДУ ПРЕЕМСТВЕННО СМЕНЯВШИХСЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ СОЮЗОВ. ВЛИЯНИЕ СОСЛОВНОГО ДЕЛЕНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ОТКРЫВАЮЩИЕСЯ В ИСТОРИИ СОСЛОВИЙ. ПАМЯТНИКИ ПРАВА КАК ЕДИНСТВЕННО НАДЕЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ СОСЛОВИЙ

ФОРМУЛА, ВЫРАЖАЮЩАЯ ХОД УРАВНЕНИЯ СОСЛОВИЙ. Положение, сейчас высказанное мною, об отношении сословного неравенства к

дробности сословного деления следует сопоставить с другим общим фактом, который мы заметили, обратившись к изучению сословного строения общества. Этот факт состоит в том, что сословное разъединение не было устойчивым состоянием общества, что им отличались вообще первые периоды политического общежития: но, достигнув известного напряжения, оно сменялось стремлением к сближению и уравниванию сословий. Понятно, что это стремление обнаруживалось раньше и шло быстрее там, где сословия с самого своего возникновения стояли ближе друг к другу и где вместе с тем сословное деление было дробнее. Так как степень взаимного отчуждения сословий и их дробности обуславливается их происхождением, то отсюда следует, что то или другое их происхождение оказывало действие не только на характер, но и на продолжительность сословного склада общества. Известно, с каким упорством в государствах, образовавшихся путем завоевания, сословные различия держались не только против уравнивательных идей, но и против открытых нападений низших классов на преимущества высших. Из сопоставления обоих указанных положений можно вывести следующее третье: *уравнение сословий идет тем труднее, чем проще сословное деление и чем резче сословное неравенство*. Иначе говоря: скорость сословного уравнивания находится в прямом отношении к сложности сословного деления и в обратном отношении к степени сословного неравенства.

Этими тремя положениями и обозначается ход сословного строения обществ. Политическое общежитие, повторяю, обыкновенно начиналось установлением сословного неравенства и продолжалось уравниванием сословий, а успех этого уравнивания зависел от большей или меньшей дробности сословного деления и от степени сословного неравенства. Теперь рассмотрим внутренние условия сословного строения, чтобы видеть, какие силы управляли его ходом. Это поможет нам определить влияние сословного склада на государственный порядок.

МЕСТО СОСЛОВНОГО ГОСУДАРСТВА В РЯДУ ПРЕЕМСТВЕННО СМЕНЯВШИХСЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ СОЮЗОВ. Чтобы заметить эти условия и силы, надобно припомнить, какое место занимает сословное государство в ряду преемственно сменявшихся общественных союзов. Политическому общежитию, основанному в целях общего блага, как известно, предшествовали естественные союзы, завязанные кровным родством.

В этих союзах не было равенства, но не было и сословий; их место занимали *возрасты*: старшие составляли правящий класс, младшие — управляемое общество. В современном государстве тоже нет равенства и тоже нет сословий; их место занимают изменчивые экономические *состояния*. Наиболее платящие государству, т. е. наиболее состоятельные, прямо или косвенно руководят делами государства, а наименее состоятельные волей-неволей подчиняются этому руководству. Может быть, и капитал утратит политический вес, уступив свое место другой силе, например науке, знанию; по крайней мере о возможности управлять обществом посредством этой силы давно мечтали многие, мечтают и теперь. В государственном механизме, который будет приводиться в движение этой силой, также не будет ни равенства, ни сословий; их место займут *ученые степени*, и в законодательных собраниях депутаты с цензом очистят скамьи для делегатов ученых обществ с дипломами. Каждый из этих трех политических порядков построен по типу мелкого частного союза, который, очевидно, имел или получит в общежитии господствующее значение в момент построения соответствующего ему порядка. В кровном союзе отношения классов, т. е. возрастов, сняты, очевидно, с отношений поколений в семье, т. е. отца, сына и внуков. Прототипом современного государства ценза, очевидно, служит акционерная компания; здесь политический вес лиц зависит от количества голосов, а количество голосов, как в акционерной компании, определяется количеством акций. Будущее государство знания, науки устроится по образцу школы с разделением на учеников и учителей и с подразделением последних на старших и младших. В каждом союзе порядок приводится в движение особой силой: в первом такой силой служит власть родителей или старших, во втором — сила капитала, в третьем — авторитет знания. По какому типу построено сословное государство и какая сила двигает в нем отношениями? В нем легко заметить две особенности: во-первых, наследственность сословных прав и, во-вторых, различие занятий, обусловливаемое различием наследственных прав. Наследственность прав есть юридический принцип, выработанный в кровном союзе: согласно с общим началом этого союза, по которому все отношения определяются происхождением, т. е. становятся наследственными, и права, раз приобретенные, переходят к потомству приобретателя. Эта идея особенно ясно сказывается в преимуществах линии старшего сына, какие замечаем в кельтских кланах. Значит,

сословное государство — ближайший преемник родственного союза. Вот его исторический возраст, место в процессе развития людского общежития. Различие сословий по занятиям указывает на момент экономического развития, с которым совпадало возникновение сословного государства. Кровные естественные союзы, соединяясь, складывались в искусственные государственные общества, в то время когда начиналось разделение труда, когда кровные союзы переставали делать сами все им нужное и начиналась специализация занятий. Легко понять, что возникшая отсюда необходимость хозяйственного обмена между кровными союзами и была причиной искусственного соединения этих союзов в государство. Итак, наследственность сословных прав указывает на генетическую связь сословного государства с родовым союзом, а сословное разделение занятий есть то новое начало, которое было причиной соединения родовых союзов в государство.

ВЛИЯНИЕ СОСЛОВНОГО ДЕЛЕНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК. Согласно с этим началом люди в государстве должны были привыкать к связям, которых не знали прежде. В кровных союзах соотечественниками считались родственники; принадлежность к союзу рассматривалась как неизменное определение судьбы, переход в другие союзы был немислим как физическая невозможность, как перемена пола. С образованием государства родственный круг разбивался по месту жительства, по занятиям, по общественным состояниям, забывая своего общего предка. Этим начинался новый подбор людей: своих и чужих начинали различать не по генеалогическим воспоминаниям, а по сходству занятий и состояний, прав и обязанностей по отношениям не к общему предку, а к общему государю. Сходство целей, понятий, нравов, прав и обязанностей, разнообразных житейских отношений рождало новую могущественную связь между людьми — сословный интерес, становившийся на место чувства кровного родства. Эта новая кристаллизация общества сильно действовала на законодательство. Задача закона — примирять частные интересы с общими, на которых держится государственный союз. Мелкие частные интересы, обобщаясь путем сделок или разъединяясь взаимной борьбой, соединяли отдельных лиц в крупные группы или разбивали уже образовавшиеся общественные соединения на мелкие части. Сообразуясь с ходом этого подбора, законодательство или создавало из

однородных мелких классов крупные сословия, или крупные сословия делило на мелкие классы, обобщая или дробя разверстываемые между ними права и обязанности, от этой законодательной растасовки зависело и положение государственной власти. Если общество распадалось на мелкие части, которые никак не могли сложиться в крупные, плотные сословия, власть насильственно соединяла их для совокупной деятельности во имя общих интересов. Если в обществе сильно сознание этих интересов, его части поневоле повинуются объединяющей их власти, потому что не могут ни соединиться все дружно против нее по взаимному антагонизму, ни подчиниться одной из частей по слабости каждой из них. Таким образом, рознь и дробность общественных групп ведет к усилению государственной власти, к развитию политической централизации. Иной ряд отношений устанавливался, когда общество делилось на крупные классы. Государственная власть или пользовалась содействием всех их, если они действовали согласно, или опиралась на один из них, чтобы подчинить себе другие, если они были во вражде друг с другом. В обоих случаях государственная власть принуждена была делиться своими полномочиями с сословиями, но государственный порядок устраивался неодинаково: в первом случае, при единодушии сословий, сословные интересы становились общими интересами государства, во втором — интересы одного сословия торжествовали над общими интересами государства и делали государственную власть своим орудием. В средневековой Европе три сословия, призывавшиеся к участию в государственном управлении, — духовенство, дворянство и буржуазия — представляли особые государства, между которыми с причудливой чересполосицей поделены были государственная территория и работавшее на ней низшее население, так что средневековое западноевропейское государство можно назвать федерацией трех сословных государств, соединенных в лице короля только династической связью. Это отношение сословного деления к политическому порядку можно выразить в таком положении: *верховная власть в сословном государстве тем более подчиняется сословиям, чем их менее и чем резче они разъединены*; иначе говоря, сила давления сословных интересов на общие находится в обратном отношении к дробности сословного деления.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ОТКРЫВАЮЩИЕСЯ В ИСТОРИИ. Отсюда можно ви-

деть, что дает нам, т. е. какие исторические процессы вскрывает, история сословий. Из истории образования сословий мы узнаем, как борются между собой частные интересы, как в этой борьбе из частных интересов вырабатывается путем обобщения и примирения сознание общих интересов или как последние терпят крушение, разлагаясь на частные. Другой процесс вскрывается в истории разрушения сословий. Чем плотнее и замкнутее сословие, тем сильнее сжимает оно отдельных лиц своими требованиями, понятиями и нравами, сковывая личную свободу. Чем крупнее сословные группы и чем неравномернее распределены между ними права и обязанности, тем труднее переход из одного сословия в другое, тем более стеснено лицо в выборе житейских путей, тем более оно поглощено сословными интересами и тем труднее дается ему сознание интересов общих. Поэтому уравнение сословий есть одновременное торжество и общего государственного интереса, и личной свободы. Значит, история сословий вскрывает нам два наиболее скрытые и тесно связанные друг с другом исторические процесса: движение сознания общих интересов и высвобождение личности из-под сословного гнета во имя общего интереса.

ПАМЯТНИКИ ПРАВА КАК ЕДИНСТВЕННО НАДЕЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ СОСЛОВИЙ. И только в памятниках сословного законодательства можно уловить оба эти великие и глубоко скрытые исторические процесса. Напрасно будем искать их верного отражения в произведениях литературы и искусства; эти произведения — плоды индивидуального сознания, а в индивидуальном сознании явления общественной жизни, отражаясь, преломляются под известным углом, и историческая критика доселе не нашла надежного способа точно измерять этот угол преломления. Факты общественной жизни в сознании наблюдателя становятся идеями, т. е. перестают быть фактами, и возвращаются в ряд последних, когда облакаются в законодательные постановления. Общество, как живое и мыслящее существо, говорит своим особым языком, не похожим на тот, каким выражается индивидуальный ум. Последний выражает свои идеи логическими понятиями или художественными образами, а первое говорит юридическими нормами; поэтому вы не удивитесь методологическому правилу, которым я закончу предварительные свои замечания о цели и приемах исторического изучения сословий и которое вместе с тем объяснит вам, почему я в истории сословий в России буду

опираться только на ограниченный запас источников: общество сословное или бессословное надобно изучать не в кабинете литератора и не в мастерской художника, а в законодательном совете и судебной камере. Я знаю только одно место, где встречаются и объединяются оба эти процесса, из которых, собственно, и слагается вся история — и работа индивидуального ума, и движение общественного сознания: это место — университетская аудитория.

Изложив эти общие соображения, которые послужат нам руководством при изучении истории сословий в России, перейдем к самому предмету изучения.

ЛЕКЦИЯ

IV

СКУДОСТЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ СОСЛОВИИ В РОССИИ.
ПОСТАНОВКА ИЗУЧЕНИЯ НАШЕЙ ИСТОРИИ В 30-х И 40-х ГОДАХ
КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН ЭТОЙ СКУДОСТИ. ПЕРЕЧЕНЬ ВАЖНЕЙШИХ СОЧИНЕНИЙ
ПО ИСТОРИИ РУССКИХ СОСЛОВИИ. ПРОБУЖДЕНИЕ ИНТЕРЕСА К ИСТОРИИ
РУССКОГО ОБЩЕСТВА В 50-х ГОДАХ И СВЯЗ ЕГО С РЕФОРМАМИ
МИНУВШЕГО ЦАРСТВОВАНИЯ. НАУЧНЫЙ ИНТЕРЕС ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
РУССКИХ СОСЛОВИИ. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСЛОВНОГО ПРОЦЕССА
В РОССИИ СРАВНИТЕЛЬНО С ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИМ. ИЗМЕНЧИВОСТЬ
И РАЗНООБРАЗИЕ ОСНОВНИЙ СОСЛОВНОГО ДЕЛЕНИЯ РУССКОГО ОБЩЕСТВА.
ПЕРИОДЫ ИСТОРИИ РУССКИХ СОСЛОВИИ

СКУДОСТЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ СОСЛОВИИ В РОССИИ. Изучение истории сословий в России я должен начать коротким очерком того состояния, в каком находится в нашей литературе изучение этого вопроса. Литература по истории сословий в России является едва ли не самым юным отделом в составе молодой русской исторической литературы. Главной причиной этой запоздалости истории русского общества надобно считать постановку дела изучения отечественной истории. После Карамзина в нашей исторической литературе образовались два направления, которые, как серьезно и напрасно думали сторонники того и другого, существенно отличались друг от друга, даже исключали одно другое. Одно из этих направлений обращало преимущественное внимание на историю государства, другое — на историю общества. Исследователи этого второго направления, впрочем, изучали не столько процесс сословного расчленения русского общества, сколько жизнь народа вообще. Народ — вот что составляло предмет исторических изысканий целого ряда умных и дарови-

тых исследователей и что они считали единственным предметом, достойным исторического изучения.

ПОСТАНОВКА ИЗУЧЕНИЯ НАШЕЙ ИСТОРИИ В 30-х И 40-х ГОДАХ КАК ПРИЧИНА ЭТОЙ СКУДОСТИ. Термин «народ» покрывал собою общество, а под «народом» разумели преимущественно или исключительно простонародье. В литературе 30-х и 40-х годов образовалась даже целая историческая теория, которая довольно складно построила всю историю России не столько на ее действительных процессах, сколько на диалектическом развитии понятия о народе, т. е. того значения, какое придавалось этому понятию. Люди, державшиеся этой теории, конечно, не могли не знать, что и в нашей исторической жизни действовали общественные стихии, которые никак нельзя было бы подвести под такое понятие о народе, что и у нас из так называемой массы выделялись и действовали на ее поверхности высшие классы. Из затруднения, в какое ставились исследователи этим противоречием, они старались выпутаться двойным путем: они или утверждали, что высшие классы выделялись из народа политически и экономически, как это было в древней Руси, не отрывались от него нравственно, жили одной с ним жизнью, проникались одинаковым духом, или же исследователи уверяли, что высшие сословия, отрываясь от народа, как это пошло со времени Петра, становились против народа, являлись отщепенцами, которые изменяли народным началам, и как изменники переставали принадлежать народу, становились чуждым фактом для его истории. При таком взгляде на общественное расчленение высшие классы являлись наростом на народном теле, вредным в практическом отношении и бесполезным в научном. Таким образом, история общественных классов превращалась в назидательную или обличительную повесть об отношениях общественного верха к общественному низу, о спасительном единодушии обеих общественных половин или о гибельном их антагонизме, причем честь единодушия всецело падала на народ, а ответственность за антагонизм возлагалась на высшие классы. Соответственно такому взгляду главными источниками изучения истории общества выбирались не памятники права, а либо предания о массовых, гуртовых движениях народа, либо жалобы древнерусских публицистов на неправды высших сословий по отношению к народу. В таком взгляде, если выкинуть из него излишнее обилие общих мест и положений, останется много погреш-

ностей, и прежде всего погрешность физиологическая. Нарост, хотя и нарост, остается органической частью живого существа, которая принимает участие в жизни организма и даже иногда более сильное, чем нормальная часть организма. Он вытягивает соки из организма и, смотря по состоянию последнего, либо истощает его, либо освобождает от вредных соков. Притом в этом взгляде было много несообразностей. Высшие классы представлялись как изменники народным началам, враги народа; на их отчуждении от родного народа строили даже целый небывалый период нашей истории, начинавшийся деятельностью Петра, и весь смысл этого периода полагали в нравственном отчуждении высших классов от родной массы. Добрые люди, державшиеся этого направления, сами того не замечая, вносили даже анархическую тенденцию в свои исследования: они, подобно царю Ивану Васильевичу Грозному, беспричинно клали опалу на все высшие классы, а о простом народе говорили, что на него гнева и опалы нет. Эта, если можно так выразиться, демомания, или аристофобия, доходила даже до нарушения лояльности, до политической обиды высшим классам. Ведь последние не тайком прокрадывались в наше общество, а существовали с ведома и разрешения законной верховной власти, и их законные права и положение в государстве чрезвычайно точно определены в IX томе Свода законов.

ПЕРЕЧЕНЬ ВАЖНЕЙШИХ СОЧИНЕНИЙ ПО ИСТОРИИ РУССКИХ СОСЛОВИЙ. Серьезный интерес к историческому изучению русских сословий был пробужден не ранее или немного ранее 50-х годов текущего столетия, и всего более возбужден был этот интерес покойным Соловьевым. Его старшие ученики работали в указанном им направлении и развивали его мысли в целом ряде дельных и трудолюбивых исследований. Отзвук этого нового пробудившегося интереса слышен как в пространной истории Соловьева, так и в его отдельных статьях. В «Истории России» Соловьев или исследует обстоятельно, или лишь общими чертами отмечает ход сословного расчленения русского общества всюду, где этот ход становится уловим, и, что еще важнее, этот процесс у него поставлен в связь с условиями, действовавшими не только в политической, но по временам и в экономической жизни народа. Живость, с какой пробужден был этот интерес, вы почувствуете, читая, например, «Исторические письма», одно из наиболее

свежих произведений Соловьева, появившееся в 1858 г. В свое время эти письма читались с большим интересом и не утратили своего значения доселе. Такое недолгое прошлое имеет за собою научная обработка истории русского общества. Вот почему нельзя удивляться скудости литературы по этому предмету. Этой литературой, по крайней мере всем, что в ней заслуживает чтения, можно овладеть в довольно короткое время. В 50-х годах и позднее появляются вслед за порядочным для своего времени сочинением *Плошинского* «Городское или среднее состояние русского народа», напечатанным в 1852 г., статьи г. *Чичерина*, особенно его исследование «Холопы и крестьяне в России в XVI в.», потом цельная монография *Беляева* «Крестьяне на Руси», представляющая опыт полной истории этого сословия и особенно ценная по обилию неизданных материалов, в ней напечатанных, далее ряд очерков г. *Победоносцева* по истории крепостного права в России со времени Уложения. В конце 60-х годов было напечатано сочинение *Пригары* «О городских состояниях в России при Петре Великом», представляющее опыт истории городских состояний не только в это царствование, но и до него. Наконец, в 1875 г. вышел I том сочинения г. *Дитяткина* «Устройство и управление городов в России», представляющий очень хорошо составленный очерк истории городов в России до XVIII в. и историю их устройства до жалованной городской грамоты 1785 г. включительно. Любопытно, что доселе не встречаем дельной, полной истории двух высших сословий России — дворянства и духовенства. Есть, правда, два общих сочинения по истории дворянства в России, из которых одно принадлежит *Яблочкову*, а другое — *Порай-Кошицу*, но эти сочинения заслуживают мало внимания. Серьезно и трудолюбиво составленное сочинение, но специальное, излагающее историю дворянства со времени Петра, принадлежит *Романовичу-Славатинскому* («Дворянство в России»). По истории духовного сословия есть обширная и дельная монография г. *Знаменского* «Приходское духовенство в России со времени реформы Петра». К сожалению, эта монография очень мало касается положения этого класса в древней России. Такой пробел в нашей исторической литературе надобно объяснять особенной трудностью и сложностью истории двух этих высших классов. Наконец, совсем не было сделано попытки представить связное изложение истории сословий в России в их взаимодействии. Я знаю один монографический опыт такого рода в «Истории местного управления в

России» (1868) г. *Градовского*. Описывая устройство провинций в Московском государстве XVI и XVII вв., автор хотел представить положение и взаимное отношение трех основных классов русского общества: служилого, городского и земледельческого. К сожалению, этот опыт остановился на первом томе. Вот почти все, что есть в нашей литературе крупного и ценного по истории общественных классов в России, если не упоминать о разных мелких статьях. Своим курсом я хотел бы несколько восполнить этот пробел, представив короткий и сжатый, более конспективный очерк истории сословий в России в их взаимных отношениях до той эпохи, когда они получили свой окончательный склад.

ПРОБУЖДЕНИЕ ИНТЕРЕСА К ИСТОРИИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА В 50-х ГОДАХ И СВЯЗЬ ЕГО С РЕФОРМАМИ МИНУВШЕГО ЦАРСТВОВАНИЯ. Понятно, чем пробужден был интерес к истории наших сословий с 50-х годов. Толчком, который обратил внимание любознательных людей на этот предмет, служили сословные реформы минувшего царствования. Эти реформы, особенно одна из них, крестьянская, так глубоко изменившая положение и взаимное отношение классов русского общества, впервые заставили искать указаний на средства их успешного осуществления в изучении того, как строилось общество, тронутое этими реформами. Историческое изучение обыкновенно цепляется за сильное движение, обнаруживающееся в обществе, и стремится иллюстрировать то, что становится насущным интересом минуты, дать ответ на вопрос, составляющий злобу текущего дня. Реформы минувшего царствования, особенно крестьянская реформа 19 февраля 1861 г., вскрыли целый ряд неожиданных явлений, которые прежде не подозревались и которые указывали на сложные процессы, пережитые нашим обществом. Люди, занимавшиеся историей западноевропейских обществ, издавна привыкли несколько свысока относиться к истории русского общества. Это русское общество представлялось им слишком простым по своему составу, с наивными формами и недостаточно определенными отношениями, обещающими мало научно-поучительных данных. Таково было господствующее мнение. При поверхностном взгляде на развитие русского общества можно было найти некоторое оправдание этой привычки. В самом деле, что можно представить себе проще того склада, какой усвоило себе русское общество, например, в ту минуту, когда закрывал глаза

великий преобразователь Петр I? На верху этого общества стояла могущественная верховная власть, сосредоточенная в одном лице, а перед ней лежала огромная масса черного народа, руководимого по поручению верховной власти землевладельческим классом; и между этими двумя сословными стихиями робко жмутся незначительные переходные слои — духовенство, чиновничество, горожане — жмутся, как будто ожидая, не придет ли кто оправдать их стесненное и игнорируемое существование? Реформа 19 февраля вскрыла крепкие установления, чрезвычайно сложные и запутанные отношения между разными классами, вывела на свет такие формы общежития, каких до этого времени самое сильное воображение не могло бы ни предположить, ни построить а priori. Все это заставило думать, что и наше общество пережило страшно напряженную работу, которая только выразилась в наружно простых и немудреных формах.

НАУЧНЫЙ ИНТЕРЕС ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ СОСЛОВИЙ. Итак, научный интерес к истории нашего общества был возбужден его недавней перестройкой; вот почему мы еще так мало знаем эту историю. Между тем исторический склад нашего общества, может быть, и сообщает всего более общенаучного интереса нашей истории. Этот склад очень своеобразен, и наблюдения над его ходом могут пригодиться при изучении какой угодно части исторической науки. Изучая эти сословия, встречаем отношения и формы, которые дают много материала для приложения сравнительного исторического изучения. Истинное назначение этого метода состоит не в том, чтобы искать сходства в различных явлениях, а в том, чтобы находить различие в сходных явлениях.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСЛОВНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ СРАВНИТЕЛЬНО С ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИМИ. При сходстве многих явлений нашего и западноевропейского обществ, однако, легко заметить еще больше особенностей, которыми отличается первое от последних и которые все можно свести к одной следующей: сравнительно более резкие сословные очертания и более сложные общественные формации на Западе достигались более быстрым и простым путем, тогда как более простые общественные формации в России создавались процессом более продолжительным и сложным. У нас общественный процесс всегда сложнее, но обще-

ственные формы проще и сословные очертания менее резки. Такая особенность нашего общественного развития невольно вызывает на одно сравнение. Наше общество, кажется, шло путем, напоминающим наши проселочные дороги: чтобы ими пройти незначительное расстояние между двумя пунктами, надобно благодаря извилинам пути сделать столько шагов, сколько при более прямой дороге потребовалось бы, чтобы пройти расстояние вдвое большее.

ИЗМЕНЧИВОСТЬ И РАЗНООБРАЗИЕ ОСНОВАНИЙ СОСЛОВНОГО ДЕЛЕНИЯ РУССКОГО ОБЩЕСТВА. Эта особенность, заметная в развитии разных сторон общественной жизни России, сказалась всего резче в истории русских сословий. Сословное деление в России отличается необычайной подвижностью и изменчивостью. Общество несколько раз делилось и переделывалось, неоднократно меняло свою юридическую физиономию и свой состав. Следя за этими изменениями, историю русских сословий можно разделить на *четыре* периода, из которых в каждом было свое основание сословного деления, непохожее на то, на котором строилось сословное деление предшествующего или последующего периода. Первая формация русского общества, какая нам известна, обнаруживается в памятниках права XI и XII вв. По этим памятникам мы видим, что общество делилось на две резко разграниченные и неравные половины, и первоначальным основанием деления служило завоевание или вооруженное давление. На этом основании строилось и держалось общество с IX до конца XII в. Рассматривая состав общества в удельные века (XIII, XIV и XV), встречаем другое основание, которым служил хозяйственный договор свободного лица с удельным князем. В период, когда созидалось Московское государство (в XVI и XVII вв.) основанием сословного деления служило различие государственного тягла, разверстанного между классами общества по их хозяйственным положениям. Наконец, в XVIII в. сословное деление перешло на новое основание, которым служило различие прав, распределенных между сословиями по их политическому значению.

ПЕРИОДЫ ИСТОРИИ РУССКИХ СОСЛОВИЙ. Таковы четыре периода в истории наших сословий и таковы основания, на которых в каждом из них строилось сословное деление. В первом периоде этим основанием было *завоевание* или *вооружен-*

ное давление, во втором — хозяйственный договор с князем, в третьем — различие государственных повинностей и в четвертом — различие государственных и гражданских прав.

ЛЕКЦИЯ

V

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДЕЛЫ ПЕРВОГО ПЕРИОДА В ИСТОРИИ РУССКИХ СОСЛОВИЙ. ЗАВОЕВАНИЕ КАК ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА В ЭТОТ ПЕРИОД.

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ КИЕВСКОГО КНЯЖЕСТВА
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ОБЩЕСТВА, ОБЪЕДИНЕННОГО
КИЕВСКИМИ КНЯЗЬЯМИ В IX И X вв.
СЛЕДЫ СОСЛОВНОГО ДЕЛЕНИЯ
ОБЩЕСТВА В X И XI вв.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДЕЛЫ ПЕРВОГО ПЕРИОДА В ИСТОРИИ РУССКИХ СОСЛОВИЙ. Я обозначил границами первого периода в истории русских сословий конец IX и XII вв. Политическое расчленение общества в этот период держалось на завоевании. Но я высказываю это положение с оговоркой. Завоевание легло в основу сословного деления общества, но в продолжение периода это первоначальное основание так осложнилось новыми влияниями, что к концу XII в. стало трудно распознать его в глубине общественного строя Русской земли. Чтобы видеть, как положено было это основание и какие влияния потом изменили строившиеся на нем сословные отношения, необходимо бросить беглый взгляд на происхождение той политической формы, под которой впервые соединились разнородные части Русской земли в одно политическое целое. Этой формой было Киевское княжество, возникшее в конце IX в.

Я так представляю себе происхождение этой формы. В VII и VIII вв. по р. Х. западная половина Восточной русской равнины была заселена восточными славянами. Хозяйственный быт населения в этой полосе направлялся большим речным потоком — Днепром. По этой речной дороге шло давнее и живое торговое движение, вызванное и поддержанное еще до р. Х. многочисленными греческими колониями по северному берегу Черного моря. В это торговое движение втянулись и славянские поселенцы в Днепровье. Одно внешнее обстоятельство помогло их торговым успехам. В VIII в. Днепровье с южнорусскими степями было завоевано хазарами. Хазарское иго оказало

благотворное действие на промышленные успехи днепровских славян. Хазары, утвердившиеся в степях между Волгой и Днепром, скоро перешли к мирным промыслам и открыли своим днепровским данникам свободный проход по многочисленным степным речным дорогам. Таким образом, завязались тесные торговые связи Днепровья с черноморскими и каспийскими рынками. Это торговое движение вызвало среди славянских поселенцев Днепровья усиленную разработку богатств русского леса, преимущественно добычу пушного зверя. Эти торговые успехи развили русское мореходство, и русские моряки уже в первой половине X в. господствовали на Черном море. Арабский географ Масуди, писавший в это время, говорил о руси, что она плавала по Черному морю и никто, кроме нее, по нему не плавал. Следствием этих торговых успехов было появление древнейших торговых городов на Руси по главным речным путям западной полосы. Около каждого из таких городов — Новгорода, Полоцка, Смоленска, Чернигова, Киева — образовался из промышленных поселений торговый округ, для которого город служил центральным складочным местом. Это все факты, пережитые восточным славянством до IX в. С начала этого столетия Днепровье испытало ряд новых переворотов, источником которых был упадок хазарского владычества в Днепровье. Причиной этого упадка было появление в южнорусских степях новой орды, печенегов, которые еще в первой половине IX в. прорвались из-за Волги сквозь хазарские жилища к Днепру. Эти печенеги стали грозить великой опасностью русской торговле. Хазары не могли более защищать русских купцов на востоке; торговые города Руси сами должны были взять на себя охрану своих торговых путей и торговых оборотов. К тому времени относятся укрепления торговых городов и их военно-политическое устройство, с каким они являются впоследствии в X и XI вв. Новая опасность пробудила в городах потребность в вооруженной силе. Эта сила постепенно была стянута в городах и составила из различных элементов туземных, как и пришлых.

ЗАВОЕВАНИЕ КАК ПЕРВО-
НАЧАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЛЕНИЯ
ОБЩЕСТВА В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД. Пришлым элементом
вошли в состав этой силы заморские варяги, преимуще-
ственно скандинавы. Появление этого вооруженного клас-
са в торговых городах сопровождалось тем, что последние
подчинили себе свои торговые округа. Это подчинение

окрестного населения, для которого город служил торговым средоточием, достигалось неодинаковым способом. В иных местах беззащитные окрестные обыватели добровольно подчинялись большому городу как укрепленному убежищу в минуту опасности; в других — сами города, пользуясь своей вооруженной силой, насильно подчиняли окрестное население, для которого прежде служили торговыми центрами. Так, около половины IX в. на Руси обозначается ряд торгово-политических союзов, городских областей, т. е. промышленных округов, политически подчиненных главным торговым городам.

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ КИЕВСКОГО КНЯЖЕСТВА. Из всех этих городов с их округами особенное значение для всей полосы равнины, втянутой в торговый оборот, имел город Киев. Он возник со своим торговым округом на самом рубеже степи. Таким образом, он служил главными воротами русской торговли, направлявшейся с севера и северо-запада на юг и юго-восток. Торговый оборот на Руси прерывался и останавливался, как скоро степные кочевники захватывали Киев в свои руки. Отсюда вышел общий экономический интерес, который привязывал все торговые города Руси к Киеву. Этот общий интерес состоял в том, чтобы Киев был всегда открыт для русского торгового движения, чтобы мимо него шел свободный путь по степным рекам к каспийским и черноморским рынкам, следовательно, чтобы в нем находилась сила, способная защищать этот пограничный пункт от внешних врагов. Этот общий интерес и вызвал усиленное сосредоточие в Киеве вооруженного люда, дотоле рассеянного по русским городам. Около киевского князя, вождя торгово-оборонительной вооруженной дружины, сосредоточивалось наиболее боевых сил, скоплавшихся в стране; с помощью этих сил киевский князь и подчинил себе остальные города и племена восточных славян. Действие общего интереса, созданного экономическим движением, ясно открывается в ходе подчинения Русской земли киевскими князьями, совершившегося в IX и X вв. Племена неодинаково легко принимали на себя киевское иго: одни подчинялись добровольно, другие надобно было завоевывать упорной борьбой. Рассматривая причины этой разницы, находим, что племена или города, охотно признавшие над собой киевскую власть — кривичи, северяне, поляне, — жили по главной речной торговой дороге, шедшей по Днепру с его северным водным продолжением —

бассейном Ильменя. Напротив, племена, упорно боровшиеся с Киевом, жили вдали от этой речной дороги. Значит, киевскую власть охотно признавали нуждавшиеся в ней племена, которые наиболее участвовали в торговом обороте. Напротив, населения, жившие вдали от этого речного пути и не разделявшие этого общего материального интереса — племена древлян, радимичей и вятичей, не чувствовали охоты признавать власть киевского князя и упорно с ней боролись. Таким образом, Киевское княжество имело двойное — военно-промышленное происхождение. Оно возникло при содействии общего интереса, созданного торговым оборотом, но этот интерес разделялся далеко не всеми частями Русской земли. Эти не разделявшие его части нужно было подчинять силой оружия, завоевывать.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ОБЩЕСТВА, ОБЪЕДИНЕННОГО КИЕВСКИМИ КНЯЗЬЯМИ В IX И X вв. Общество, объединенное властью киевских князей, было довольно механически составлено из очень пестрых этнографических и экономических элементов. Единственный общий интерес, действовавший далеко не в одинаковой мере во всех этих элементах, был материальный, состоявший в охране торговых путей и оборотов. Единственной силой, поддерживавшей союз даже там, где слабо чувствовался этот общий интерес, был вооруженный класс, который образовался под рукой князя киевского из разнородного бродячего военно-торгового люда, скопившегося в торговых городах Руси. Этот люд был частью туземный, частью пришлый, варяжский. В свою очередь туземное население, городское и сельское, распадалось на несколько племен славянского и финского происхождения. Но с конца X в., когда почти все племена западной полосы стали уже данниками киевского князя, племенной антагонизм заметно стихает. Варяжские толпы, не переставая приливать на Русь из-за моря, мирно уживались с туземцами. Славянские племена, разорванные между городскими областями, по-видимому, начинали забывать свое племенное происхождение. Племенные различия и интересы уступали место провинциальным, областным. Столь же неопределенны и экономические очертания общества. Торговый капитал продолжал господствовать исключительно до XI в., не встречая соперника со стороны землевладения. «Руссы», как называет арабский писатель первой половины X в. Ибн-Даст верхние слои русско-славянского

общества,— эти руссы, по его словам, не имели недвижимо-го имущества, ни деревень, ни пашен. Единственный их промысел состоял в торговле мехами. Военный класс с киевским князем во главе руководил торговым движением страны и принимал в нем живейшее участие, ежегодно посылая лодки с товарами в Царьград и на другие черноморские и каспийские рынки. Зато и торговые города сохраняли военное устройство, какое усвоили они с начала IX в.; образовали они *тысячи*, или городские полки, и участвовали в княжеских походах под командой выборных из городского купечества военно-городских старшин — тысяцких и сотских.

СЛЕДЫ СОСЛОВНОГО ДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА В X И XI вв. Но среди этого беспорядочного этнографического и экономического брожения в X и XI вв. все заметнее начинает выступать наружу политическое разделение общества. Завоевательные походы из Киева на непокорные туземные племена и оборонительная борьба со степными врагами все более размножала вооруженный класс, предводимый киевским князем, а служба по управлению завоеванными племенами все более обособляла его от управляемого общества как властителя от данников. Класс этот все резче выделялся из вооруженного купечества торговых городов, с которым он смешивался до тех пор. Еще при князе Владимире Святом *старцы градские*, выборные военные управители торговых городов, заседали в думе киевского князя рядом с его дружинниками-боярами. При Ярославе они уже не появляются в боярском совете, даже исчезают и из городской администрации: их выборные военно-административные должности замещались княжими боярами по княжому назначению. Так, *витязь*, морской наездник, все более отчуждался от *гостя*, вооруженного купца, с которым он прежде шел об руку. Политическое отчуждение начинало отражаться и на хозяйственном быту этих обоих родственников по происхождению классов. При завоевании непокорных племен целые массы пленников становились рабами и делились между завоевателями. Ибн-Даст в немногих словах живо описывает это явление. Руссы, говорит он, производят набеги на славян (т. е. на славян восточных); подъезжая к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен и продают. Это наблюдение, очевидно, схвачено с завоевательных походов первых киевских князей на славянские племена Днепровья — древлян, северян, радимичей и др. Слова Ибн-Даста под-

тверждает и наша Начальная летопись в рассказе о захвате Искоростеня Ольгой в 906 г.: Ольга велела одних пленных горожан перебить, других «работе предасть, мужем своим», т. е. раздала в рабство своей дружине, а остальных оставила на месте платить дань. Таким образом, хозяйство военно-правительственного класса все более становилось рабовладельческим. Наполнив холопами свои городские дворы и сбывая излишек на заморских рынках, служилые люди с конца X или начала XI в. нашли новое хозяйственное приложение холопскому труду: они начали селить своих холопов на приобретаемых земельных участках, эксплуатируя последние холопскими руками. Так возникло русское частное землевладение, первые неясные следы которого в памятниках являются в самом начале XI в. Землевладение еще резче обособило служилый класс от высшего городского купечества. Все это питало в военно-правительственном классе чувство политического превосходства над остальным обществом. Этим чувством и ассимилировались разноплеменные элементы, из которых складывался этот военно-правительственный класс. По мере усиления внешней борьбы, которую должны были вести киевские князья, в состав этого класса втягивались боевые силы из разных племен, им подвластных. Владимир, после принятия христианства начавши окружать Киев цепью укрепленных городков со стороны степи, вербовал в их гарнизоны лучших людей из новгородцев, кривичей, чуди, вятичей и других. Сплоченный этим чувством политического превосходства, военно-правительственный класс усвоил себе сословное название *руси*. Русь в X в.—термин не этнографический и не географический, а социальный, обозначающий господствующее сословие. До сих пор не объяснено этимологическое происхождение этого слова. Под таким именем знают господствующий класс на Руси византийские и арабские писатели X в.; этим именем называет его и наша древняя «Повесть временных лет», составляющая введение в Начальную летопись. Рассказав о том, как Олег утвердился в Киеве в 882 г., «Повесть» так характеризует состав его дружины: «беша у него Варязи и Словени и прочи, прозвашася Русью». Итак, русью стали зваться, по преданию «Повести», вооруженные разноплеменные соратники Олега, вместе с ним занявшие Киев.

Таковы признаки политического расчленения русского общества в X и XI вв. Вы видите, что этим расчленением двигало завоевание; но, служа рычагом общественного деления, завоевание не было его первоначальным источни-

ком. Завоевательная роль военно-правительственного класса была подготовлена его экономическим значением, раньше создавшимся. Прежде чем стать с оружием в руках над покоренным населением страны, этот класс стянул в своих руках нити его хозяйственного оборота. Из этого сложного экономического и политического процесса и вышло довольно резкое сословное деление, какое открывается в памятниках XII в., преимущественно в Русской Правде, окончательную редакцию которой я отношу к этому столетию. Согласно с двойным происхождением Киевского княжества, военно-промышленным, и это сословное деление имело двойное основание.

ЛЕКЦИЯ VI

СОСЛОВИЯ ПО РУССКОЙ ПРАВДЕ: КНЯЖИ МУЖИ, ЛЮДИ, ХОЛОПЫ. ИСТОЧНИКИ ХОЛОПСТВА. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ЭТОГО ДЕЛЕНИЯ. СЛЕД БОЛЕЕ РАННЕГО ДЕЛЕНИЯ, ИМЕВШЕГО ИНОЕ ОСНОВАНИЕ: ЗНАЧЕНИЕ ОГНИЩАН. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КЛАССОВ: БОЯРЕ, СМЕРДЫ, ЗАКУПЫ И БОЯРСКИЕ ТИУНЫ. СВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ С ЮРИДИЧЕСКИМ НЕРАВЕНСТВОМ КАК ОСНОВАНИЕ ЭТИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ. ТРИ МОМЕНТА В ХОДЕ СОСЛОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД

СОСЛОВИЯ ПО РУССКОЙ ПРАВДЕ. В Русской Правде очень явственно обозначены три класса, на которые распадалось русское общество ее времени: это *княжи мужи, люди и холопы*. Эти классы отличались неодинаковой оценкой их значения перед законом, выражавшейся в неодинаковой заботливости, с какой закон охранял личную безопасность людей этих классов. Так, убийство княжего мужа наказывалось двойной уголовной пеней (*вирой*); убийство людина — простой, а за убийство холопа вовсе не назначалось уголовной пени, но взыскивался только гражданский штраф (*продажа*) с вознаграждением господина за вред, причиненный чужому имуществу. Закон различно ценил эти классы по свойству отношений, в каких они стояли к князю, т. е. к верховной власти.

КНЯЖИ МУЖИ. *Княжи мужи* несли личную службу князю, люди платили ему дань, наконец, холопы не несли никаких государственных повинностей, служа частным лицам и не имея прямого отношения к князю. Впрочем, кроме этой оценки жизни,

Правда не обозначает никаких других сословных прав — ни гражданских, ни политических, которыми различались два свободных класса княжих мужей и людей. От этого при ясном разграничении основных сословий остаются неясными юридические особенности некоторых мелких классов, обозначающихся в их составе. Так, не все свободные слуги князя считались княжими мужами: к последним причислялись только высшие военно-правительственные сановники, а рядовые ратные люди князя и низшие дворцовые слуги, конюхи, повара, сельские приказчики по тарифу жизни уравнивались с простыми людьми, сходясь с княжими мужами только в личной службе князю. Они объединялись с этими мужами общим сословным названием дружины, но отличались особыми званиями *младшей дружины, отроков* или *детских*.

ЛЮДИ. Напротив, *люди* — податное простонародье — отличались от низшей дружины своим отношением к князю: как плательщики податей, они относились к князю не одинокими лицами, подобно служилым людям, а целыми мирами, городскими или сельскими обществами, связанными круговой порукой в уплате податей и мирской ответственностью за полицейский порядок (*дикая вира Русской Правды*).

ХОЛОПЫ. Холопство является в Русской Правде суровым институтом с резко очерченными границами. Холоп, ударивший свободного человека, еще при Ярославе мог быть за то убит безнаказанно потерпевшим. Правда не различает видов холопства; она знает одно холопство — *обельное* (облое — круглое), т. е. полное, вечное, потомственное и наследственное; как зависимость холопа переходила от него на его потомство, так и право на холопа передавалось господином своим наследникам. Рабовладение успело выработать довольно разнообразные источники холопства.

ИСТОЧНИКИ ХОЛОПСТВА.

Их было два ряда: холопами делались или по закону или по договору. Принудительное холопство по закону создавалось четырьмя случаями: 1) пленом, 2) преступлениями, за которые закон навсегда лишал преступника свободы, например разбоем, поджогом, конокрадом, 3) несостоятельностью купца-должника по его вине, если кредиторы не соглашались ждать уплаты долга, и 4) происхождением от холопа. Добровольное холопство по

договору создавалось тремя способами: 1) продажей в холопство, 2) женитьбой на холопке без уговора с ее господином, ограждающего свободу жениха, и 3) вступлением в частную дворовую службу приказчиком или ключником без такого же уговора слуги с хозяином. Холопство в Русской Правде является с такими резкими чертами неволи, которые лишали холопа значения лица в юридическом смысле слова, приближая его к вещи, к домашнему скоту. Но так как закон определял положение холопов, их отношение к господам, источники и границы холопства, то, очевидно, он рассматривал это состояние как особый класс в составе русского общества, отличавшийся от других классов тем, что он не имел прямого отношения к государственной власти, а связан был с нею через посредство господ, которым служили холопы.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ СОСЛОВНОГО ДЕЛЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВДЫ. Так гражданское общество по Русской Правде делилось на людей свободных, лично служивших князю, на свободных, плативших ему дань миром, и на несвободных, служивших частным лицам. Отношение первых к князю было личное, вторых — коллективное, третьих — посредственное.

СЛЕД БОЛЕЕ РАННЕГО ДЕЛЕНИЯ, ИМЕВШЕГО ИНОЕ ОСНОВАНИЕ. В Русской Правде уцелел неясный след, указывающий приблизительно на время, когда устанавливалось такое общественное деление. Узнаем, что оно было не особенно давнего происхождения. В одном списке Правды сохранился ряд статей, в которых изложены постановления, состоявшиеся на съезде старших сыновей Ярослава. Эти статьи составлены, вероятно, в конце XI или в начале XII в. и в измененном виде вошли в окончательную редакцию Правды, составленную в конце XII в., перемешавшись в ней со статьями разновременного происхождения. Отсюда узнаем, что еще во второй половине XI в., при сыновьях Ярослава, не был окончательно определен состав привилегированного класса княжих мужей. Русская Правда причисляет к лицам, убийство коих оплачивалось двойной уголовной пеней, и *тиуна конюшего*, т. е. главного приказчика княжеских табунов. Одна из статей, излагающих постановления съезда, гласит, что двойную пеню за убийство конюха *старого у стада* установил впервые старший сын Ярослава, Изяслав, судебным приговором по делу о своем

конюхе, убитом жителями Дорогобужа. «Конюх старый у стада» — это, очевидно, тиун, или староста конюший, о котором говорит как о привилегированном князем муже окончательная редакция Русской Правды.

Статьи, излагающие постановления съезда, сберегли нарек и на общественное деление, предшествовавшее тому, которое обозначено в окончательной редакции Русской Правды. Эти статьи еще не знают класса княжих мужей: там, где окончательная редакция упоминает об этом классе, они говорят об *огнищанах*. Только в одной статье, заимствованной из постановлений съезда, окончательная редакция повторила этот термин, не заменив его званием княжа мужа. Очевидно, во второй половине XII в., когда составлялась окончательная редакция Правды, слово *огнищанин* было обветшалым термином, повторявшимся по привычке, но уже вытеснявшимся из ходячего юридического языка. Объяснение этого термина затруднялось неизвестностью древнего значения термина *огнище*. Один памятник объясняет это значение. В XI в. на Руси было списано с болгарской рукописи несколько слов Григория Богослова, переведенных для болгар; но в русском списке встречаются вставки и переделки, произведенные, очевидно, русской рукой. В одном из этих слов термином «огнище» переведено греческое *ἀνδράποδο* (единств. ч. *ἀνδράποδον*) — рабы, челядь.

ЗНАЧЕНИЕ ОГНИЩАН. Значит, *огнищанин* — рабовладелец. Если Русская Правда дает огнищанину привилегированное положение, какое в ее время занимали княжи мужи, то в этом надобно видеть ее воспоминание о том времени, когда такое положение создавалось условием экономическим, а не политическим, не службой князю, а рабовладением, точнее говоря, когда рабовладение служило самой характерной особенностью господствующего класса. Таким временем были IX и X вв., когда киевский князь со своей дружиной завоевывал непокорные племена Руси, обращая пленных в рабство, когда, по приведенному выше замечанию Ибн-Даста, арабского писателя первой половины X в., русь делала набеги на славян, подъезжая к ним на кораблях, забирала их в плен и продавала. Тогда огнищанами были преимущественно те же княжи мужи, обладатели военной добычи; но их ставила во главе общества еще не служба князю, а обладание этой добычей, т. е. не право, а сила. Тогда привилегированным считался не правитель, а завоеватель. Так, в древнейшем туземном памятнике права вскрывается

первоначальное основание общественного деления и этим основанием является завоевание. Из того же сопоставления окончательной редакции Правды со статьями съезда Ярославичей оказывается, что XI в. был временем, когда русское общество, делившееся первоначально на завоевателей и побежденных, превратилось в союз управителей и управляемых.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КЛАССОВ. Но и этот преобразившийся общественный состав недолго сохранял свою первоначальную простоту. В Русской Правде, особенно в ее поздних статьях, сохранились следы дальнейшего общественного деления. В составе основных сословий стали обозначаться новые классы и признаки, их обособлявшие, не похожие на те, которыми различались основные сословия.

БОЯРЕ. Так, среди княжих мужей появляются *бояре*. Русская Правда едва знает это состояние и обозначает его такими бледными чертами, по которым с трудом можно распознать его юридический и экономический облик. Она говорит о боярских холопах, о боярском сельском или земледельческом приказчике и наемном работнике. Очевидно, Русская Правда придает боярину значение крупного привилегированного рабовладельца и землевладельца; такое значение сохранял этот термин и в русском гражданском праве позднейших веков. Далее, в сословии *людей* выделяются два особых класса *закупов* и *смердов*. Появление тех и других, по-видимому, было связано с выделением класса бояр. По некоторым указаниям можно думать, что первоначальным рабочим населением боярских вотчин была челядь, руками которой землевладельцы эксплуатировали свои земли. Но чем более развивалось боярское землевладение, тем больше привлекали бояре на свои земли хлебопашцев из свободного населения. Эти хлебопашцы получали от землевладельцев ссуды на обзаведение и земельные участки в пользование, которые обрабатывали барским скотом и барскими орудиями, за что работали на землевладельца. Такие работники-арендаторы и носят в Русской Правде название *ролейных* (пахотных) *закупов*, или *наймитов*. Состояние *закупов* помогает объяснить значение класса *смердов*, очень неясно обозначенного в Правде.

ЗАКУПЫ. СМЕРДЫ. Этому термину Правда, по-видимому, придает двойное значение:

свободного простолюдина вообще и свободного крестьянина в частности. Правда указывает на ближайшее отношение смерда к князю: князь наследовал имущество смерда, не оставившего после себя сыновей. Позднее в Новгородской и Псковской областях XIII и XIV вв. смердом назывался вольный хлебопашец, пользовавшийся казенной землей, т. е. государственный крестьянин. По-видимому, такое же значение имел этот термин и во времена Русской Правды: так назывался вольный хлебопашец, живший на княжеской земле. Когда княжеская власть укрепилась, в состояние смердов попали все свободные сельские обыватели, жившие на землях, не принадлежащих частным владельцам, потому что все такие земли были признаны княжескими, государственными. Этим и отличались смерды от закупов.

БОЯРСКИЕ ТИУНЫ. Наконец, в составе холопства Русская Правда различает разряд высших холопов, отличавшихся от простых чернорабочих невольников тем, что им господа поручали должности по управлению своими имениями. Этот класс носит в Правде название *боярских тиунов* (приказчиков).

СВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ С ЮРИДИЧЕСКИМ НЕРАВЕНСТВОМ КАК ОСНОВАНИЕ ЭТИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ. Перечисленные классы по происхождению своему не были новыми сословиями, отличными от тех, на какие делилось общество по свойству отношений лиц к князю. Это были различные экономические положения, в которые становились лица тех же сословий. Бояре были те же княжи мужи или члены дружины, только приобретавшие земельную собственность. Смерды были свободные «люди», отличавшиеся от других лиц этого сословия, свободных тяглых горожан, тем, что они занимались хлебопашеством, обрабатывая участки государственной земли своим инвентарем. Закупы были те же смерды, только работавшие на землях частных владельцев и не имевшие своего инвентаря или земледельческого капитала, которым ссужали их землевладельцы. Боярские тиуны отличались от рядовых холопов тем, что управляли привилегированными боярскими хозяйствами и за то пользовались некоторыми имущественными льготами, каких не имели чернорабочие холопы. Но эти хозяйственные состояния в Русской Правде уже разделены юридическим неравенством: различием прав. Бояре пользовались преимуществом, в силу которо-

го могли завещать свое движимое и недвижимое имущество дочерям, если не оставляли после себя сыновей. Напротив, имущество смерда, умиравшего бессыновным, его участок, двор и движимость переходило к князю; только незамужние дочери, остававшиеся после смерда, получали часть его движимости. Это ставило смерда ниже других «людей», свободных тяглых горожан, которые, по Русской Правде, наравне с служилыми людьми могли завещать свое имущество детям, а при их отсутствии родственникам, как хотели. Еще ниже смердов стояли закупы. Смерды, несмотря на ограничение права завещания, оставались лично свободными людьми. Ссуда делала заупов должниками владельцев и ставила их в личную зависимость от последних, сообщая им характер полусвободных людей. Такой характер этого состояния обнаруживался в том, что, во-первых, хозяин пользовался правом подвергать своего закупа телесному наказанию за вину; во-вторых, закуп мог быть свидетелем на суде только в незначительных тяжбах и при отсутствии свидетелей из свободных лиц; в-третьих, закуп не отвечал сам за некоторые свои преступления, например за кражу: пеню за него в таком случае платил хозяин, который за то превращал его в полного своего холопа. Из этих ограничений свободы закупа видно, что, несмотря на долговое обязательство и обусловленную им обязательную работу закупа на господина, первый не считался холопом последнего. Закуп, по Русской Правде, мог всегда прекратить свою зависимость от господина, заплатив ему долг, и закон ставил известные пределы судебной власти господина, как и его праву на труд закупа. Но те же ограничения свободы последнего указывают на усилия владельцев сравнять заупов со своими сельскими холопами. Наконец, боярские тиуны, оставаясь холопами, пользовались некоторыми правами свободных лиц и тем приближались к состоянию заупов: суд принимал его свидетельское показание «по нужде», когда не было свободных свидетелей; за убийство тиуна, как и свободного простолюдина, закон назначал сорокагривенную уголовную пеню, а не двенадцатигривенный штраф, как за убийство простого холопа. Итак, закон придавал неодинаковое юридическое значение лицам, различавшимся хозяйственным положением.

Таким образом, новое экономическое деление общества, обозначившееся в пределах прежнего юридического, в свою очередь стало превращаться также в юридическое. Но это новое деление не вполне совпадало с прежним, было дробнее его. Оно разбивало общество не на три

сословия, как прежде, а на шесть состояний: это были бояре, свободные тяглые горожане, смерды — свободные государственные крестьяне, закупы — полусвободные владельческие крестьяне, боярские тиуны — привилегированные холопы и, наконец, рядовые холопы. Самое основание этого нового деления было не то, на каком держалось прежде. Три прежних класса различались политическими признаками — неодинаковым отношением лиц к князю и неодинаковым отношением княжеского закона к лицам. Неодинаковое отношение лиц к князю выражалось в различии государственных повинностей, падавших на людей служилых, тяглых и холопов; неодинаковое отношение закона к лицам выражалось в различной цене, какую давал закон лицам разных классов по свойству их отношений к князю, неодинаково наказывая за их убийство. Но мы видели, что с этой оценкой Правда не соединяла никаких других прав, которыми различались бы свободные классы княжих мужей и людей. Новые, более дробные классы различались двумя другими признаками, экономическим и юридическим: различием имущественных состояний и соединенным с ним неравенством гражданских прав. Таким образом, различие прав вырабатывалось не из отношений общества к верховной власти, а из экономических отношений лиц между собой, из имущественного неравенства людей. Очевидно, это была новая, более сложная формация общества, выработавшаяся путем дальнейшего дробления из того общественного склада, какой установился в XI в. Отношение этой новой формации к прежнему складу можно обозначить так: *русское общество, в XI в. делившееся по государственным обязанностям на три класса, в XII в. стало делиться еще по гражданским правам на шесть классов.*

ТРИ МОМЕНТА В ХОДЕ СОСЛОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД. Итак, в продолжение первого периода преемственно обозначились три формации русского общества, из которых каждая следующая была осложнением предыдущей. Первоначально общество распалось на два класса: на завоевателей и побежденных. Потом общество разделилось на три части: на военно-правительственный класс, свободное простонародье и крепостную челядь. Наконец, эти три класса подразделились на привилегированных землевладельцев, свободных горожан, государственных крестьян, владельческих крестьян и на холопов, привилегированных и рядовых. Первая формация стро-

илаась вооруженной силой, завоеванием, вторая — законодательной властью, которая создана была этой силой, третья — работой капитала, т. е. народнохозяйственным оборотом, который был установлен завоеванием и общественные последствия которого должна была признать законодательная власть. Таким образом, завоевание послужило исходным пунктом сословного процесса, совершавшегося в первый период, и направляло его во всех моментах, последовательно им пройденных.

Но несколько позднее этого процесса, вышедшего из завоевания, начался другой, источником которого служил другой факт и который внес глубокие перемены в общественный склад, создавшийся под влиянием завоевания. Этим фактом было распространение христианства на Руси с конца X в.

ЛЕКЦИЯ VII

ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕРКВИ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ В ПЕРВЫЕ ВЕКА ХРИСТИАНСТВА
НА РУСИ. СОСТАВ ЦЕРКОВНОГО ОБЩЕСТВА. СХОДСТВО ЕГО
С ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПО СОСТАВУ И ОТЛИЧИЕ ОТ НЕГО ПО УСТРОЙСТВУ.
ОТНОШЕНИЕ ЦЕРКОВНОГО ДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА К ПОЛИТИЧЕСКОМУ.
ДЕЙСТВИЕ ЦЕРКВИ НА СОСТАВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА.
ПЕРЕМЫНЫ, ВНЕСЕННЫЕ ЕЮ В РУССКОЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ПРАВО:
1) ОБЫЧАЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ПО ЗАВЕЩАНИЮ,
2) СЛУЧАИ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ДАРОВОГО ОТПУСКА НА ВОЛЮ
И 3) ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ВЫКУП НА ВОЛЮ. СЛЕДСТВИЯ ЭТИХ ПЕРЕМЕН
ДЛЯ ЛИЧНОГО И ИМУЩЕСТВЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ХОЛОПОВ.
ВЫВОДЫ ИЗ СКАЗАННОГО

ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕРКВИ В
РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ В ПЕРВЫЕ ВЕКА ХРИСТИАНСТВА
НА РУСИ. Рядом с тем делением, которое вносилось в общество государством XI и XII вв., и церковь делила его по-своему. Христианская церковь явилась на Руси вполне организованным учреждением, с выработанными источниками права. Эти источники были двойные: церковные камоны и византийские императорские законы с перебранными в них остатками римского права. Первые были для церкви обязательным руководством, вторые имели только авторитет привычной традиции и юридической выработки. Применение тех и других к жизни русского общества создавало много затруднений. По отношению к русскому праву те и другие источники представляли более новизны, чем противоречий, устанавливая такие отношения, которых не знала русская жизнь или не считала доступными

юридической нормировке. Русь, например, не понимала, как может быть поводом к судебному иску брань, не причиняющая ни личного, ни имущественного вреда. Поэтому церкви приходилось более созидать, чем реформировать, более бороться с юридическим непониманием, чем с юридическими предрассудками. Это и определило ее образ действий. Она не столько противодействовала встреченному на Руси порядку, сколько приноравливалась к нему; терпеливее относилась к положительным порокам, чем к отрицательным недостаткам; ее более огорчало равнодушие к новому, чем упорство в старине.

СОСТАВ ЦЕРКОВНОГО ОБЩЕСТВА. Точно так же она действовала и в устройении общества. С принятием христианства постоянно возникали отношения, не укладывавшиеся в рамки установленного порядка. Из общественного строя выпадали лица, с которыми закон не знал, что делать. Сирота, увечный, больной, вольноотпущенный набожного новокрещенного господина не знали, к какому пристать классу, и во имя христианского сострадания вопияли о помощи. Все такие брошенные общественные элементы и вошли в состав нового класса русского общества, получившего название *церковных* или *богадельных людей*. Этим богадельных, или церковных, людей государство охотно предоставило исключительной заботливости церкви. Это общество было очень пестро по своему составу. Его части обыкновенно перечислялись в церковных уставах, которыми христианские князья Руси начиная с первого из них, Владимира Святого, определили положение церкви в своем государстве, указывали судебнополицейские и благотворительные дела, которые поручались церковной власти, и выделяли ей из своих имений и доходов материальные средства, необходимые для ведения этих дел. По признакам, какими условливалась принадлежность лиц к церковному обществу, в составе последнего можно различить такие разряды: 1) *Лица черного и белого духовенства с семьями последнего*. Назначение этих лиц — руководить христианами на пути душевного спасения совершением таинств, пастырским словом и живым назидательным примером. То и другое духовенство составлялось из лиц разных классов гражданского общества, начиная с князей и кончая холопами. 2) *Миряне, служившие материальным нуждам церкви*. В древних церковных уставах из таких слуг обыкновенно упоминаются просвирни и свещегас (церковный служитель при богослужении). К этому разряду

можно причислить и *прикладней* — холопов, пожертвованных церкви. Она обыкновенно возвращала таким холопам личную свободу и назначала на службу при церковных учреждениях, которым они были пожертвованы. 3) *Миряне*, занятия которых подлежали ближайшему наблюдению духовенства по их тесной связи с ведомством церкви. Таковы были повивальные бабки и врачи — «бабы вдовицы» и «лечцы», как тогда говорили. Те и другие помогали духовенству следить, все ли новорождающиеся принимают крещение, а умирающие напутствуются по церковным правилам. В первую пору христианской жизни Руси, когда многие, наружно принявши новую веру, уклонялись от предписываемых ею обязанностей, такое наблюдение было очень важной заботой церкви. Кроме того, врачи были обязаны служить в больницах, которые заводила и содержала церковь. 4) *Миряне*, вследствие болезни или увечья лишившиеся способности работать и нуждавшиеся в благотворительной поддержке, — слепые, хромые, вообще калеки. 5) *Миряне*, из набожных побуждений добровольно становившиеся или чужой волей поставленные в такое положение, которое делало для них необходимой юридическую защиту или материальную помощь. Таковы были паломники — путешественники-богомольцы, странники, питавшиеся подаванием и для того становившиеся при храмах во время богослужения; прощеники или пущеники — холопы, отпущенные на волю при жизни господина благотворительным образом, без выкупа. Затем задушные люди — рабы, получавшие свободу по завещанию на помин души. Наконец, 6) *миряне*, по собственной вине или несчастной случайности принужденные выступить из своего состояния и лишиться соединенных с ним прав или средств к жизни. Таковы были сыновья духовных лиц, по безграмотности лишившиеся возможности вступить в духовную службу; купцы, становившиеся несостоятельными должниками и с потерей капитала принужденные прекратить торговлю; холопы, выкупавшиеся на волю и остававшиеся без общественного положения и определенного рода жизни. Наконец, князья, преждевременно сиротевшие и остававшиеся без княжества, выпадавшие из владельческой очереди, по которой потомки Ярослава занимали княжеские столы в Русской земле. Безграмотные сыновья духовенства, обанкротившиеся купцы, выкупившиеся на волю холопы и преждевременно сиротевшие князья — эти четыре разряда лиц носили в древнерусском праве XII в. название *изгоев*. К ним можно причислить и лиц монашествующего духовенства, которые слагали с

себя иночество и возвращались в мир. Этот разряд лиц в одном из списков устава Владимира Святого обозначается словами: «кто порты чернеческие свержет».

Таков состав церковного общества по княжеским уставам XI и XII вв. Я намеренно подробно перечислил его составные элементы, чтобы нагляднее обозначить его пестроту. Наружная юридическая особенность, которой оно отделялось от гражданского общества, состояла в подсудности. По всем делам, по которым светские люди ведались в княжеском суде, люди церковные судились духовными судьями — митрополитом и епископами либо их уполномоченными. С течением времени церковное общество стало еще сложнее; особенно расширился разряд церковных слуг. Когда церковные учреждения стали приобретать недвижимые имущества, крестьяне, селившиеся на церковных землях, также получили характер церковных людей, подлежали полной, либо ограниченной юрисдикции церковных землевладельцев по уголовным и гражданским делам. Для управления церковными землями и благотворительными учреждениями, порученными церкви, для ведения дел сложной церковной юрисдикции с течением времени образовался многочисленный штат светских слуг церкви, таких же служилых людей, какие были орудиями княжеского, государственного суда и управления, и с одинаковыми званиями бояр, стольников, дворян и т. д. Митрополичьи бояре и слуги впоследствии даже участвовали в вооруженной защите страны вместе с княжескими ратными людьми, ходили в походы под командой особого митрополичьего воеводы.

СХОДСТВО ЦЕРКОВНОГО
ОБЩЕСТВА С ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПО СОСТАВУ.

Все это делало церковное общество по составу очень похожим на государственное; за исключением самого духовенства, первое — церковное общество — состояло из таких же точно элементов, какие входили в состав второго. У церкви были свои бояре и вольные слуги, свои крестьяне и даже горожане, потому что она владела не только селами и деревнями, но и целыми городами. Еще в начале XIII в. епископ владимирский Симон в послании к киево-печерскому монаху Поликарпу писал о кафедральных церквах своей епархии, церкви владимирской и церкви суздальской, сколько имеют они городов и сел, и всем этим владеет «моя худость». В уставе князя Всеволода даже предполагается возможность церковных богадельных князей. Таким образом, церковное общество не

входило в общий строй государственного как однородное, цельное сословие, не становилось в один ряд с другими его классами, а выделялось из него как особое, параллельное ему общество. Духовенство, руководимое всероссийским митрополитом, стояло во главе этого общества как правящий класс, как власть, у которой были свои органы управления и свои подвластные. Итак, церковное общество XI и XII вв. нельзя назвать сословием.

ОТЛИЧИЕ ЦЕРКОВНОГО ОБЩЕСТВА ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПО УСТРОЙСТВУ. Но при сходстве в составе церковное общество резко отличалось от государственного по своему устройству. Основания того и другого были совершенно различны. Положение лица в государственном обществе определялось его правами и обязанностями или его экономическим состоянием. Положение лиц в церковном обществе определялось их нравственно-религиозным назначением или степенью нужды в чужой помощи. Наибольшей властью в нем облакались лица, отказывавшиеся от всех благ мира — монахи-иерархи. Наиболее привилегированными, т. е. наименее обязанными, считались в нем люди наиболее беспомощные — убогие и бесприютные. Если государственное общество было похоже на тогдашний большой русский дом с хозяином, приказчиками и рабочими слугами, то общество церковное было устроено по образцу богадельни, в которой, по евангельскому слову, хотящий быть больше всех должен стать слугой всех. Таким образом, церковь осложнила общественное деление, внесла в него новые мотивы, поставила общежитию неведомые задачи и согласно с ними заставила людей установиться в новые ряды и шеренги.

ОТНОШЕНИЕ ЦЕРКОВНОГО ДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА К ПОЛИТИЧЕСКОМУ. Легко заметить, что она делила общество совсем не в том направлении, как государство: последнее резало его горизонтально, на политические и экономические слои, лежавшие один на другом; церковь, напротив, делила общество вертикально, сверху вниз, отрезая куски от разных общественных классов и для своих целей расставляя их совершенно не в том порядке, в каком расставлял их государственный закон.

ДЕЙСТВИЕ ЦЕРКВИ НА СОСТАВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА. Но, поставив рядом с государственным обществом свое особое общество,

состоявшее из одинаковых элементов, но устроенное на иных основаниях, церковь оказала сильное действие и на состав самого государственного общества. Переработку последнего она вела снизу, с класса, лежавшего в самой глубине его и, следовательно, наиболее обремененного — с холопства. Она произвела в русском рабовладельческом праве такой решительный перелом, которого одного было достаточно, чтобы дать церкви место в ряду главных сил, созидавших наше общество.

ПЕРЕМНЫ, ВНЕСЕННЫЕ В РУССКОЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ПРАВО. Этот перелом обозначился тремя переменами. *Во-первых*, церковь ввела в русское общество обычай благотворительного освобождения рабов по завещанию. Этот обычай был принесен из византийского общества, где его источником было внушаемое христианам сознание нравственной несправедливости рабства. Это сознание успело давно проникнуть в византийское законодательство.

ОБЫЧАЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ПО ЗАВЕЩАНИЮ. Закон императора Константина Багрянородного, относящийся к половине X в., постановил посвящать богу треть имущества, оставшегося без прямых наследников. В состав этой трети отчислялись все рабы, оставшиеся после умершего, которые при этом получали свободу. Мотивируя этот закон, император признал наследственность рабства учреждением богопротивным и бессовестным. Допустить, говорил закон, что и самая смерть господина не разбивает тяготеющих на рабе оков, значило бы оскорбить святость Божию, мудрость государя, самую совесть человека. Действуя во имя этих понятий, духовенство рано путем исповеди и участия в составлении завещаний укрепило среди рабовладельцев обычай отпускать по смерти свою челядь или часть ее, чтобы создать из отпущенных вечных богомольцев за освободителя.

СЛУЧАИ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ДАРОВОГО ОТПУСКА НА ВОЛЮ. *Вторая переменная* состояла в установлении случаев обязательного дарового отпуска холопов на волю. Церковь успела установить в XI и XII вв. три таких случая: 1) Раба, прижившая детей от собственного господина, по смерти его обязательно освобождалась вместе с прижитыми детьми. 2) Свободный человек, совершивший насилие над чужой рабой, тем

самым делал ее свободной. 3) Холоп или раба, которым причинено увечье по вине их господина, становились свободными. Два первых случая обязательного дарового освобождения не были заимствованы прямо из греко-римского права: они были плодом самостоятельного опыта русского духовенства в применении греко-римского и церковного права к туземным нравам. В греко-римском праве очень точно была определена зависимость юридического положения детей от юридического состояния их родителей; это определение основывалось на возможности или невозможности законного брака между лицами разных состояний, на которые делилось римское общество. Здесь действовало правило: если родители были люди разных состояний, между которыми закон допускал брак, то дети наследовали состояние отца, в противном случае — состояние матери. Так, закон не допускал равного брака свободного лица с несвободным; поэтому дети свободного и рабы рождались рабами, дети свободной и холопа — свободными. Эти определения имели целью оградить интересы, связанные с правами римского гражданства, от слишком обильного прилива чуждых элементов в состав гражданства. Византийское законодательство усвоило себе эти римские постановления и, переработав их, вносило в византийские кодексы, например в Эклогу, кодекс VIII в., и в Прохирон, кодекс IX в. Христианская церковь была равнодушна к языческим институтам, которые ограждались этими определениями; но она старалась усвоить и охотно принимала лишь те из них, под защиту которых можно было поставить более дорогие ей интересы. Так, не отвергая прямо неравных браков, т. е. брачных союзов лиц различных состояний, между которыми римское право не допускало законных браков, церковь в интересе чистоты семейных нравов провела в упомянутые кодексы постановление, в силу которого раба, ставшая наложницей женатого господина, конфисковалась по закону: местный правитель обязан был продать такую соперницу домохозяйки в пользу казны за границу области. Далее, под влиянием духовенства получил более широкое действие в греко-римском праве особый способ отпуска рабов на волю, носивший название *молчаливого освобождения* — *σιωπυρά ἐλευθερία* *tacita libertas*. Такое освобождение имело место в том, например, случае, когда господин вступал в связь как с женой с выкупленной им пленницей. Пленница получала свободу в силу презумпции, т. е. юридического предположения, что господин, вступая с ней в связь, тем самым прощал ей стоимость

выкупа и, следовательно, возвращал ей свободу. В древнерусском обществе долго и по принятии христианства господствовали чрезвычайно неопрятные отношения к холопкам. Духовенство не имело прямых средств бороться с этим обычаем; оно подступило к нему осторожно, со стороны. Щадя местные привычки и не покидая принесенных из Византии понятий о значении общественных состояний в брачных отношениях, церковь не принуждала неженатого господина закреплять свою связь с рабой женитьбой на ней и не разрывала насильственно связи с ней женатого господина; она оставляла рабу-наложницу при том и другом до его смерти. Но, применяя к таким связям римскую презумпцию молчаливого освобождения, она требовала, чтобы раба, прижившая детей со своим господином, по смерти его получала свободу, право на которую она приобрела самой связью с ним. Это право переходило с матери и на прижитых ею детей. Последовательно развивая ту же презумпцию, русское духовенство прилагало ее и к случаям насилия, совершенного свободным человеком над чужой рабой: такая раба получала свободу независимо от того, сопровождалось ли насилие известным положением или нет, т. е. учинивший насилие должен был выкупить ее у господина. Так сложилась в нашем праве норма, выраженная в известной статье Русской Правды, которая гласит, что дети рабы, прижитые от господина, не участвуют в разделе оставшегося после него наследства наравне с законными наследниками, но получают свободу вместе с матерью. Впрочем, Русская Правда не досказала всего: духовенство добилось большего. В византийском законодательстве было точно определено, какую часть отцовского имущества и в каких случаях получали его незаконные дети. Применяя эти византийские постановления, и русское духовенство провело в законодательство «урочную прелюбодейную часть», которая обязательно выдавалась детям рабы из имущества прижившего их господина их матери. Эта урочная прелюбодейная часть является как обязательное постановление в церковном новгородском уставе Всеволода Мстиславича 1130-х годов. Я изложил историческое происхождение двух случаев обязательного дарового отпуска холопов на волю, чтобы показать, как русское духовенство применяло греко-римское и церковное право к местным общественным условиям.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ВЫКУП
ХОЛОПОВ НА ВОЛЮ. *Третья перемена*, внесенная цер-

ковью в русское рабовладельческое право, состояла в установлении принудительного выкупа холопа. Греко-римское право в иных случаях обязывало господина отчуждать своего холопа, получая за него вознаграждение или выкуп. Таких случаев было два: жестокое обращение с холопом и выкуп пленника; в первом случае господина принуждали продать холопа в другие руки; во втором — сам холоп мог выкупиться без согласия господина. Как известно, по греко-римскому праву свободный человек, попавший в плен к неприятелю, считался рабом и в своем отечестве. Тогда все права, которыми он пользовался дома, приостанавливались до его возвращения. Если соотечественник выкупал такого пленника, последний становился в личную временную зависимость от него, которую мог прекратить по своей воле, уплативши ему условленную сумму. Если он не был в состоянии уплатить ее, он оставался у выкупившего как бы наемным работником, и тогда судебным порядком определялось, по скольку зачитать пленнику в счет выкупной суммы каждый год его работы. К русскому рабовладению X—XII вв. удобно применялось это греко-римское постановление о выкупе пленных. Огромное количество русских рабов образовалось из туземного населения; князья и их дружины, завоеывая непокорные племена или враждуя между собою, массами обращали туземцев в рабство, продавая их туземным же купцам. Применяя к этим пленным туземцам греко-римское постановление, церковь и дала широкое действие обязательному выкупу самими холопами своей свободы. Свободный человек, продавшийся в рабство, мог возвратит себе свободу, уплатив хозяину сумму, за которую тот купил его. Действие этого права мы открываем в памятниках XII и XIII вв. Легко видеть, как изменилось юридическое значение продажи свободного лица в рабство: эта продажа обратилась в долговое обязательство, создавшее временнообязанное состояние, которое холоп мог прекратить уплатой долга. Из этой перемены с течением времени и развились сложные сделки о срочной или бессрочной зависимости, обеспеченной личным залогом, и в удельные века образовавшей особое полусвободное состояние *закладней*. С появлением мысли об условной зависимости из холопства были изъяты некоторые виды неволи. Русская Правда, указывая основные источники холопства, обозначает три вида личной зависимости, которые она не признает холопством: это, во-первых, отдача детей родителями в работу, во-вторых, вступление свободного человека в личное услуже-

ние за один прокорм и, в-третьих, вступление в такое услужение за прокорм с *придатком*, т. е. с платой, выдаваемой вперед, в виде ссуды. Эти виды зависимости Русская Правда характеризует одной общей чертой: дослужив до условленного срока, такие слуги могли уходить от хозяев, ничего не платя им; но они могли уйти и до срока, только уплатив ссуду или вознаградив хозяина за прокорм по условию. Прежнее русское рабовладельческое право не признавало таких видов условной зависимости.

СЛЕДСТВИЯ ПЕРЕМЕН В РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОМ ПРАВЕ ДЛЯ ЛИЧНОГО И ИМУЩЕСТВЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ХОЛОПОВ. Вот главные перемены, внесенные церковью в русское рабовладельческое право. Она существенно изменила юридический характер русского холопства. Прежде это холопство отличалось цельностью, однообразием и безусловностью; к нему была вполне приложима встречаемая в Прохироне характеристика греко-римского рабства: «рабство неделимо». Состояние рабов не допускало никаких различий. Про раба нельзя сказать, что он раб больше или меньше. Теперь в русское холопство внесены были различия и условность: рядом с полным холопством появляется ограниченная зависимость. Эти перемены и сделали возможным появление описанных выше двух переходных состояний — закупов и привилегированных холопов, т. е. боярских тиунов, из которых первые не делались холопами, несмотря на свою личную зависимость от хозяев, а вторые пользовались некоторыми правами свободных людей, несмотря на свое холопство. Всем этим было положено начало разложения древнерусского холопства. Вместе с этим разложением росло и юридическое значение личности холопа. Дети Ярослава запретили дозволенное прежде законом убийство холопа за удар, нанесенный им свободному человеку. В Смоленском договоре с немцами в 1229 г. назначена даже денежная пеня за удар, нанесенный холопу свободным человеком. Вместе с юридическим значением личности холопа укреплялось и его имущественное положение. Первоначально холоп не мог иметь ничего своего. Все, что он приобретал, принадлежало его господину. Но с течением времени имущество холопа (*отарица* Русской Правды, римское *rescūtum*) стало считаться его собственностью, хотя и ограниченной, неполной. В упомянутом Смоленском договоре есть статья, из которой видно, что долг холопа, княжеского или боярского, свободному человеку обязан платить тот, к кому

переходило по наследству имущество должника. Значит, имущество по крайней мере некоторых привилегированных холопов переходило по наследству одинаковым порядком с имуществом свободных людей.

ВЫВОДЫ ИЗ СКАЗАННОГО. Таково было действие церкви на состав общества; оно было двойное: 1) церковь усложнила общественное деление, поставив рядом с государственным обществом другое, церковное; 2) она начала подкапывать самое основание государственного общества, изменяя положение холопства. Она изменяла его в двух отношениях: во-первых, она стесняла пределы холопства, выделяя из него некоторые виды зависимости; во-вторых, она размыкала холопство, открывая выход из него в свободные состояния.

ЛЕКЦИЯ VIII

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТОГО ПЕРИОДА.
 НОВАЯ СОСЛОВНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ УДЕЛЬНОГО ВРЕМЕНИ.
 ВИДИМОЕ СХОДСТВО СОСЛОВНОГО ДЕЛЕНИЯ УДЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ С ПРЕЖНИМ.
 ПЕРЕМЕНА В ХАРАКТЕРЕ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ МЫСЛИ
 О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОДДАНСТВЕ. ГРАЖДАНСКИЙ ДОГОВОР И ЛИЧНОЕ
 ПОДДАНСТВО КАК ОСНОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА В УДЕЛЬНЫХ
 КНЯЖЕСТВАХ. ОТНОШЕНИЕ К КНЯЗЬЯМ БОЯР И СЛУГ ВОЛЬНЫХ

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ
 ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТОГО ПЕРИОДА. Обращаемся к изучению второго, так называемого удельного, периода истории русских сословий. Выше обозначены хронологическими границами этого периода начало XIII и половина XV вв. Удельный период — это не только особое хронологическое, но и особое географическое пространство. Общественные отношения, установившиеся в удельные века, выросли не из той исторической почвы, которая была родиной изученных нами общественных отношений предшествующего периода. Старые коренные области Киевской Руси в продолжение удельного времени сперва сохраняли общественный склад, установившийся в XI и XII вв., а потом стали изменять его под действием чуждых влияний. Эти влияния были приносимы в общество Юго-Западной Руси с конца XIII в. ее подчинением Литве, а с конца XIV в. династическим соединением Литвы с Польшей. Общественные отношения, созданные туземными условиями и бывшие плодом самородного

развития, действовали не в старой, Днепровской, а в новой, Верхневолжской Руси, которая еще в начале XII в. была полуфинской северо-восточной окраиной Русской земли и стала новой Русью благодаря усиленному притоку колонизации из старых днепровских областей. Кто слушал изложение общего курса отечественной истории, тот припомнит, как и когда совершилось это обрусение финского Поволжья.

Основными источниками для изучения русских сословий в удельные века служат духовные и договорные грамоты удельных князей, преимущественно московских. Это очень обильные источники. Мы имеем шестнадцать духовных грамот, начиная с грамоты великого князя Ивана Калиты, составленной около 1328 г., и кончая двумя духовными великого князя Василия Темного, писанными около 1462 г. Кроме этих духовных грамот сохранился ряд договорных, числом пятьдесят одна, начиная с договора сыновей Калиты 1341 г. и кончая договором Василия Темного с боровским князем Василием Ярославичем около 1456 г. К этим духовным и договорным грамотам можно присоединить еще и ряд таких же грамот времени великого князя Ивана III, потому что и они изображают еще вполне удельные отношения. Эти источники обильны не только по количеству актов, но и по качеству исторических данных. В последнем отношении духовные и договорные грамоты не уступают Русской Правде и церковным уставам князей XI и XII вв.: только они изображают общественные отношения несколько с иной стороны. Русская Правда и церковные уставы — цельные уложения, не лишенные некоторой системы; они дают нам общеобязательные положения, постоянные юридические нормы, но не показывают ни их казуального применения, ни практических последствий. Напротив, в духовных и договорных грамотах мы находим или хозяйственные распоряжения завещателей, или временные соглашения, которыми устанавливались изменчивые отношения князей и которые часто сами вызывались случайными обстоятельствами или минутными расчетами договаривавшихся сторон. Эти акты указывают казуальное приложение общих норм, практическое действие существовавшего общественного порядка, но не формулируют самих норм, не вскрывают оснований этого порядка. То и другое надобно выводить путем заключений от практических случаев к общим правилам, от последствий к основаниям. Поэтому духовные и договорные грамоты задают более сложную и трудную работу тому, кто по ним изучает

общество; зато они и глубже вводят изучающего в состав общества, дают ему яснее видеть и нагляднее представить действовавшие в нем отношения. По ним мы наблюдаем не сухой остов общества, не социальную схему времени, а живую общественную организацию, цельную картину сословных отношений.

НОВАЯ СОСЛОВНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ УДЕЛЬНОГО ВРЕМЕНИ. В этих грамотах изображается исключительно государственное общество удельных веков; церковное общество потерпело в это время мало изменений. Изучая состав государственного общества по духовным и договорным грамотам, прежде всего встречаем новую сословную терминологию. Название «княжих мужей» для высшего класса общества теперь исчезает, заменяясь званием бояр, которое, сохраняя прежнее экономическое значение привилегированных землевладельцев, получает новое значение, юридическое: это — высший класс служилого сословия. Точно так же и младшая дружина, носившая прежде название «детских» или «отроков», теперь обозначается термином *детей боярских и слуг вольных, слуг дворовых* или *дворян*. По-видимому, класс боярских детей был только составной частью класса вольных слуг, выделявшейся из него своим происхождением. Это — члены младшей дружины, но происходившие из боярских фамилий, принадлежавших к старшей дружине. Они назывались детьми боярскими, пока не успевали получить звание своих отцов. Точно так же и неслужилое население носит в актах удельного времени новые звания. В Киевской Руси XII в. это население называлось просто «людьми» и распадалось на два класса — на горожан и на смердов, т. е. сельских обывателей. Теперь городские и сельские тяглые люди носят одинаковое название *людей черных* или *земских*. Закон не различал горожан и сельчан. В договорных грамотах князя повторяют условие, которым они взаимно обязывались не покупать у черных людей ни дворов в городе, ни земли в селе. Даже холопы являются с новым названием. Русская Правда, как мы знаем, не различала видов холопства, зная только одно холопство — обельное. Теперь полные холопы называются *челядью дерноватой*. Это те же полные холопы; новое название произошло от «дерна», который при покупке холопа служил символическим знаком, указывавшим на то, что лицо или вещь приобретались в полную собственность. В удельное время является и новый вид укрепления холопства: это —

письменная крепость, носившая название *грамоты дерноватой*.

ВИДИМОЕ СХОДСТВО СОСЛОВНОГО ДЕЛЕНИЯ УДЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ С ПРЕЖНИМ. Несмотря на новую сословную терминологию, можно подумать, что общественное деление в удельные века оставалось прежним. В самом деле, под новыми сословными названиями можно распознать три знакомые нам по Русской Правде разряда лиц. Общество удельного времени, по-видимому, также делилось на прежние три класса: на людей служилых, которые лично служили князю; на людей тяглых, которые миром платили князю, и, наконец, на холопов, служивших частным лицам. Но, рассматривая ближе отношения этих трех разрядов или классов к удельным князьям, замечаем существенную перемену, которая в них совершилась. Перемена эта стоит в тесной связи с политическим характером удельного князя.

ПЕРЕМЕНА В ХАРАКТЕРЕ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ. Удельные князья верхневолжской Руси XIII и XIV вв. были дальнейшими потомками того же княжеского рода, который владел Русской землей в XI и XII вв. Но по своему политическому характеру эти потомки далеко не были похожи на своих предков XII в. В XII в. Русской землей владел целый княжеский род; отдельные члены рода имели политическое значение не сами по себе, не как одинокие лица, а как звенья, входившие в состав одной родственной цепи князей. Следовательно, верховная власть в то время была не единоличной, а собирательной. Управляемое общество было связано с нею отношениями политического подданства, т. е. отношениями обязательного подчинения по закону, которые не зависели от частных сделок или личных соглашений. Совсем иной характер получила верховная власть, когда ее носителями стали удельные князья: это были одинокие самостоятельные владельцы, никакими постоянными политическими отношениями не связанные друг с другом. По мере этого политического уединения падало и правительственное значение удельного князя: в границах своего удела он был, собственно, не политический правитель, а частный владелец. Его княжество было для него не обществом, а хозяйством; он им не управлял, а эксплуатировал его. Он считал себя собственником всей территории удела, но только территории, с принадлежащими к ней угодьями. Люди, свободные лица,

юридически не входили в состав этой собственности. Свободный человек приходил в удельное княжество, работал и уходил из него, был для него политической случайностью.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ МЫСЛИ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОДДАНСТВЕ. Князь не видел в нем подданного в нашем смысле слова, потому что и себя не считал государем. Он пользовался известными верховными правами в своем уделе, законодательствовал, судил, вообще правил; но свободные люди подчинялись этим верховным правам князя, пока оставались в его княжестве, в силу договора с ним, который всегда мог быть разорван той и другой стороной. Следовательно, политические права князя вытекали из его гражданских сделок со свободным населением удела. Слово «государь» на языке того времени обозначало личную власть свободного человека над несвободным, над холопом. Удельный князь, подобно всякому землевладельцу, имел таких холопов; они одни и были его личными подданными. Благодаря всему этому удельное владение по своему юридическому характеру приблизилось к простому частному землевладению. Итак, существенная перемена, которая произошла в характере верховной власти, состояла в исчезновении политического подданства и в замене его временной зависимостью, основанной на частной гражданской сделке. Удельные князья были более гражданскими владельцами своих удельных территорий, чем политическими управителями удельных обществ.

ГРАЖДАНСКИЙ ДОГОВОР И ЛИЧНОЕ ПОДДАНСТВО КАК ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА В УДЕЛЬНЫХ КНЯЖЕСТВАХ. Эта перемена и изменила характер отношений к князю всех свободных классов удельного общества. Теперь свободные обыватели удела были связаны с князем не отношениями обязательного подданства, а временными обязательствами, вытекавшими из договора с ним. Эти обязательства по юридическому своему существу были одинаковы с теми, какими связывались частные свободные лица между собой. Точно так же и личные подданные князя, его холопы, принадлежали ему совершенно на том же праве, по какому владели холопами частные свободные лица. Итак, гражданский договор и личное подданство — вот два основания политического порядка в удельном княжестве. Достаточно сделать беглый обзор отношений к

князю свободного и несвободного населения удельного княжества, чтобы заметить оба эти основания. Начнем с классов, отношения которых к князю определялись договором.

ОТНОШЕНИЯ К КНЯЗЬЯМ БОЯР И ВОЛЬНЫХ СЛУГ. Во главе общества стояли служилые люди, распадавшиеся на два класса — бояр и вольных слуг, или дворян. Духовные и договорные грамоты очень точно обозначают отношения этих классов к князю. В их определениях проведено прежде всего строгое разграничение двух порядков отношений. Бояре и слуги вольные имели в удельных княжествах двойное значение — служебное и экономическое: они были орудиями княжеского управления и составляли его боевую силу; с другой стороны, они составляли класс личных землевладельцев. Духовные и договорные грамоты строго отделяют служебные отношения от имущественных, поземельных. Служебные обязанности носили чисто личный характер и не падали на землевладение служилых людей. Точно так же и землевладение бояр и слуг вольных не стояло ни в какой зависимости от их служебных отношений. Это строгое разграничение основывалось на праве вольной службы, которым пользовались бояре и вольные слуги. Это право состояло в том, что вольный слуга мог свободно выбирать себе место службы среди удельных княжеских дворов. Это право сложилось еще в предшествующий период; его источником было сосредоточение верховной власти в целом княжеском роде, составлявшее особенность политического порядка в тот период. Так как власть принадлежала всему роду, сообща владевшему Русской землей, то не было препятствий для служилых людей переходить от одного князя-родича к другому. Когда верховная власть разбилась между удельными князьями, старый обычай удержался при помощи воспоминания об их родственном происхождении и выражался в договорных грамотах как право служилых людей. Формулу этого права встречаем в договоре Калитиных сыновей 1341 г. Здесь младшие братья говорят старшему, великому князю Семену: «А бояром и слугам вольным — воля: кто поедет от нас к тебе к великому князю или от тебе к нам, нелюбья ны не держати» (вражды за прием отъехавших слуг нам друг к другу не иметь). Переезжая на службу к другому князю, вольный слуга не лишался вотчины, приобретенной им в покинутом княжестве. Отсюда и вышло то обычное явление, что многие вольные слуги

служили в одном княжестве, а владели землями в другом. Это явление и побуждало точно отделять служебные отношения вольных слуг от поземельных. Договорные и духовные грамоты довольно подробно определяют тот и другой порядок отношений бояр и вольных слуг.

1) Как землевладелец вольный слуга нес связанные с тогдашним землевладением повинности в пользу того князя, в уделе которого находилась его вотчина. Это отношение к князю по месту землевладения выражалось в формуле «судом и данью тянуть по земле и по воде». Это значило, что суд по поземельным делам служилого человека, как и право облагать данью его вотчину, принадлежали тому князю, в уделе которого находилась эта вотчина. 2) Как служилый человек вольный слуга нес известные повинности в пользу того князя, которому служил. В походах бояре и вольные слуги становились под знаменами этого князя, а не того, в чьем уделе владели землей. Значит, их служба носила чисто личный характер, падала на служилое лицо, а не на его поземельную собственность. Впрочем, была одна военная повинность, которая падала на служилое лицо по земле, привязывая его не к тому князю, которому он служил, а к тому, в уделе которого владел землей. Если город подвергался неприятельскому нападению, осаде, защищать его обязаны были все землевладельцы его уезда, даже те, которые служили в уделе другого князя. Эта повинность называлась *городной осадой*. Она так выражена в договоре великого князя Василия Дмитриевича с братьями в 1405 г.: «А кто которому князю служит, где бы ни был, полезти ему (идти в поход) с тем князем, которому служит: а городная осада, где кто живет, тому туто сести». Последние слова значат, что в случае осады города в нем должны садиться для его защиты все землевладельцы его уезда, не разбирая, какому князю кто из них служит.

Так определялись служебные и поземельные отношения бояр удельного времени. Легко заметить общее основание, на котором строились все эти определения: таким основанием служил договор слуги с князем, а не общий закон. В служебных отношениях это основание очевидно само собою. Указание на него мы встречаем в одном рассказе летописи. В 1378 г. по причине смут в Литве к великому московскому князю приехал на службу князь трубчевский Дмитрий Ольгердович: он, по словам летописи, «урядился у великого князя московского и взял крепость и ряд». Великий князь с честью принял знатного

слугу и дал ему «крепость и ряд». Таким образом, служебное положение слуги при княжеском дворе закреплялось «рядом»—личным договором. Но то же основание можно заметить и в поземельных отношениях вольных слуг к князю. Вольные слуги приобретали землю в уделе с разрешения его, князя, и владели ею на условиях, которые определялись их взаимным соглашением. Вот почему эти условия в удельное время были чрезвычайно разнообразны. Князья давали служилым землевладельцам бóльшую или меньшую служебную власть в их вотчинах и освобождали последние от тех или других поземельных даней и повинностей.

ЛЕКЦИЯ IX

ОТНОШЕНИЯ ЧЕРНЫХ, ИЛИ ЗЕМСКИХ, ЛЮДЕЙ К УДЕЛЬНОМУ КНЯЗЮ. СЛУГИ «ПОД ДВОРСКИМ» КАК ПЕРЕХОДНЫЙ КЛАСС МЕЖДУ СЛУЖИЛЫМИ И ЧЕРНЫМИ ЛЮДЬМИ. ХАРАКТЕР СОСЛОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ К КНЯЗЮ, ВЫТЕКАВШИХ ИЗ ДОГОВОРА. ДЕЙСТВИЕ ДОГОВОРА НА ЛИЧНОЕ ПОДДАНСТВО. ХОЛОПЫ И ИХ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАЗРЯДЫ. ЗАКЛАДНИ КАК ПЕРЕХОДНЫЙ КЛАСС МЕЖДУ СВОБОДНЫМИ ЛЮДЬМИ И ХОЛОПАМИ. ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЛЕНИЯ В УДЕЛЬНЫЕ ВЕКА К ПРЕДШЕСТВУЮЩЕМУ

ОТНОШЕНИЯ ЧЕРНЫХ, ИЛИ ЗЕМСКИХ, ЛЮДЕЙ К УДЕЛЬНОМУ КНЯЗЮ. Изучая положение бояр и вольных слуг в удельных княжествах, мы видели, что их отношения к князю определялись гражданским договором с последним. Отношения черных, или тяглых, людей в удельных княжествах устанавливались на том же основании; только черный человек не договаривался с князем прямо, как договаривался боярин или вольный слуга. Это различие объясняется отношением князя к различным разрядам земель в его уделе. Все земли в удельном княжестве можно разделить на два разряда: одни находились в непосредственном владении князя, другие он уступал в собственность частным владельцам—лицам и учреждениям, сохраняя над ними только права верховного вотчинника, т. е. право суда и дани, или даже уступая и эти права, целиком или по частям, частным собственникам вместе с другими правами владения. Земли первого разряда князь большей частью отдавал в пользование на известных условиях черным людям, городским или сельским, но не каждому лицу порознь, а целым обществам, обязывая их круговой порукой в исполнении условий пользования. Земли владельческие раздавались в

пользование тем же черным людям самими владельцами на условиях, ими назначаемых, но в число этих условий входили дани и повинности, которых требовал удельный князь со всех черных людей, работавших в его княжестве. Черный человек договаривался или с обществом, в которое он вступал, или с землевладельцем, в вотчине которого селился. Но соглашение с тем и другим было косвенным договором с самим князем, в уделе которого он селился, потому что требованиями князя определялись исключительно или преимущественно те условия, на которых предлагали черному человеку землю тяглое общество или землевладелец. Если черный человек не соглашался на эти условия, он мог перейти в другое княжество. Это право перехода всюду признавалось за черными людьми наравне с боярами и слугами вольными. В жалованных грамотах князя предоставляли частным землевладельцам право призывать на свои земли тяглых людей и из чужих княжеств, не считая перехода по такому призыву незаконным побегом. В договорной грамоте рязанских князей 1496 г. крестьяне в праве перехода из одного княжества в другое прямо уравниваются с людьми высших классов. «А боярам,— говорят договаривающиеся князя-братья,— и детям боярским, и слугам, и христианом меж нас вольным воля». При такой свободе перехода крестьяне, жившие на землях частных владельцев, в удельные века сделали важное юридическое приобретение. Во времена Русской Правды ролейный закуп, владельческий крестьянин-должник, становился холопом своего владельца, если уходил от него, не возвратив полученной ссуды; в XV в. такого крестьянина иногда возвращали к покинутому владельцу до уплаты ссуды, а иногда только обязывали уплатить ссуду в два года, притом без процентов, но ни в каком случае не лишали личной свободы. Поступок крестьянина, за который в XII в. Русская Правда карала, как за тяжкое преступление, в XV в. закон считал простым гражданским правонарушением.

СЛУГИ «ПОД ДВОРСКИМ» КАК ПЕРЕХОДНЫЙ КЛАСС МЕЖДУ СЛУЖИЛЫМИ И ЧЕРНЫМИ ЛЮДЬМИ. Класс черных людей связывался с классом вольных слуг одним переходным состоянием. То был класс, носивший название слуг «под дворским», или дворцовых слуг. Кроме слуг вольных, которые несли ратную службу князю, при дворе последнего находились еще слуги, несшие различные хозяйственные службы по дворцовому ведомству. То были дьяки, подьячие, псаря,

конюхи, садовники, бортники (дворцовые пчеловоды) и другие ремесленные и чернорабочие люди. Юридически они распадались на два слоя: одни из них были крепостные холопы князя, другие — лично свободные люди. Эти последние за свои услуги князю получали от него участки земли в пользование. В отличие от холопов, которые несли те же хозяйственные службы, эти свободные дворцовые слуги и назывались «слугами, что под дворским». Такое название произошло оттого, что главным их управителем был княжеский дворецкий, или «дворский». Эти слуги пользовались полученными от князя участками земли, пока состояли на службе. Но они, как и вольные люди, могли покинуть ее и перейти на службу к другому князю; только вместе с тем они лишались и своих земельных участков. Их отношение к князю всего точнее определяется в одном месте духовной грамоты удельного серпуховского князя Владимира Андреевича 1410 г.; говоря о дворцовых слугах — псарях, конюхах, садовниках, бобровниках, пользовавшихся участками княжеской земли, завещатель замечает: «А кто из них не захочет жить на тех землях, ин земли лишен, поди прочь, а сами сыну моему князю Ивану не надобны, на которых грамоты полной не будет, а земли их сыну моему князю Ивану». Смысл этого места таков: дворцовые слуги, лично свободные, а не холопы полные, если не захотят служить детям завещателя, могут уйти от него, но их земли отнимаются и переходят к наследникам завещателя. Итак, дворцовые слуги получали от князя земельные участки не в собственность, а только во временное пользование. По-видимому, они даже лишены были права приобретать какую-либо землю в собственность; так можно заключить из другого места той же духовной грамоты. В числе дворцовых слуг находились и княжеские ключники, которыми были как свободные лица, так и холопы. О свободных ключниках завещатель замечает: «А что мои ключники некупленные (т. е. свободные), а покупали деревни за моим ключом — сами ключники детем моим не надобны, а деревни их детем моим, в чьем будут уделе». Итак, даже свободные ключники, которые, занимая эту должность, покупали себе деревни в уделе, покидая службу князя, лишались и этих купленных деревень. Купля — акт, которым приобреталась вещь в собственность; значит, свободные ключники могли куплей приобретать деревни только в условную собственность, обусловленную службой местному князю, чем они отличались от бояр и вольных слуг. Все это

сообщало дворцовым слугам характер переходного класса, стоявшего между вольными слугами и черными людьми и совмещавшего в себе некоторые особенности тех и других. Подобно слугам вольным, они несли личную службу князю, но эта служба была не боевая, а хозяйственная, приносящая князю прямую имущественную пользу, какую приносили ему и черные люди, и князь извлекал эту пользу из дворцовых слуг так же, как и из черных людей, в виде работы на дворец или в виде платежа в дворцовую казну с той земли, которой они пользовались. Только и платежи, и работы падали на дворцовых слуг по личному назначению князя, как падала ратная служба на вольных слуг, а не по мирской разверстке, как падало тягло на черных людей. Наконец, подобно последним, дворцовые слуги могли лишь пользоваться княжеской землей, но не могли приобретать ничьей земли в княжестве на праве собственности, как приобретали ее бояре и вольные слуги. Значит, одной стороной своего положения дворцовые слуги соприкасались со слугами вольными, а другой — с черными людьми.

ХАРАКТЕР СОСЛОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ К КНЯЗЮ, ВЫТЕКАВШИХ ИЗ ДОГОВОРА. Таким образом, отношения всех свободных классов удельного общества к князю вытекали из *гражданского договора*. Такой источник сообщал им характер сделок, основанных на обоюдном соглашении интересов — на обмене услуг и выгод. Князь покупал труд свободного человека, платя ему за это какой-либо статьей его хозяйства. Свойство этой статьи соответствовало роду труда, какой покупал князь у свободных людей, и той цене, какую он придавал покупаемому труду. Этот обмен очень явственно обозначен в княжеских грамотах удельного времени и по ним легко усмотреть сословные особенности, которыми различались классы удельного общества. Служилые люди не составляли однородного плотного сословия: они распались на два класса, соответствовавшие старшей и младшей дружине XII в. — на *бояр и вольных слуг*. Бояре служили князю правительственным советом, составляли его думу, занимали высшие должности по управлению военному и гражданскому, как центральному, так и областному, были ближайшими сотрудниками князя и руководящими органами удельного управления и суда. За эти услуги князь платил им *кормлениями* — так называлось пользование доходами, которые были соединены с высшими должностями по центральному и областному управле-

нию. В княжеских грамотах иногда обозначался самый размер этих кормлений; так, великий князь Семен в духовной своей, отказывая свой удел жене, замечает о своих боярах: «Кто из моих бояр станет служить моей княгине и займет какую-либо должность, тот будет отдавать моей княгине половину получаемого от этой должности дохода». Значит, доход выбирал из управляемого общества сам управитель-кормленщик, делясь им с княгиней пополам. Слуги вольные несли рядовую ратную службу князю, составляли его боевую силу и за это князь платил им *доводом* — так назывались второстепенные низшие должности по удельному управлению с административно-судебными доходами, какие были с ними соединены. Кормление — доход от должности по высшему управлению, довод — от должности по управлению низшему. Этим различием вознаграждения за службу объясняется одно условие в договоре сыновей Калиты 1341 г.; договаривающиеся князья-братья подтверждают право всех вольных слуг, высших и низших, бояр и дворян, выбирать род и место службы: «А вольным слугам воля, кто в кормлении бывал и в доводе при отце нашем и при нас». Был и другой способ вознаграждения за службу служилых людей высших и низших — землевладение. Князья позволяли им покупать земли в своих уделах, даже сами жаловали земельные имущества на праве собственности и как жалованные, так и купленные имения наделяли различными судебными и податными льготами. Мы видели, что это служилое землевладение в удельные века не было связано со служебными отношениями землевладельцев. Трудно сказать, в какой мере был распространен в удельных княжествах и даже действовал ли где-нибудь третий способ вознаграждения за вольную службу — денежное жалованье, которое тем отличалось от административно-судебного кормления, что выдавалось служилому человеку из княжеской казны, а не выбиралось из управляемого населения прямо самим кормленщиком. Но об этом жаловании, *уроке*, как говорили в старину, вспоминает один летописец удельного времени как о способе вознаграждения за службу, когда-то употреблявшемся на Руси при «древних князьях». Те князья, замечает летописец, бросая косвенный упрек своему времени, те князья не копили много имения, не обременяли людей вымышленными вирами и продажами (судебными пошлинами), но собирали только правые виры и раздавали их дружине на оружие, а дружина кормилась этим и воевала чужие страны, ободряя себя боевым кликом: «Потрудим-

ся, братья, для своего князя и для Русской земли!» Дворцовые слуги несли хозяйственную службу князю, платили ему хозяйственным личным трудом за пользование земельными участками, которые от него получали. Черные люди, городские и сельские, снимали у князей городские, торгово-промысловые или сельские пахотные земли и за это тянули тягло — работали на князя, либо платили ему. Таков был обмен услуг и выгод, которым определялись отношения всех свободных классов удельного общества к князю.

ДЕЙСТВИЕ ДОГОВОРА НА ЛИЧНОЕ ПОДДАНСТВО. Что такое все эти сословные различия в юридическом смысле? Суть ли они сословные права и обязанности в политическом значении этих слов? Можно ли назвать сословиями в настоящем смысле этого слова общественные классы, которые различались указанными отношениями? Эти классы различались своими отношениями к князю так же, как различались классы русского общества XI и XII вв. Но теперь эти отношения были не обязательные, а добровольные, вытекали не из общего закона, а из частного договора с князем. Условия договора различались по роду услуг, какие обязывались делать в пользу князя люди разных классов, и по свойству выгод, какие они получали в вознаграждение за эти услуги. Бояре и слуги вольные, городские и сельские обыватели, слуги дворцовые были не подданные князя, а либо его служилые наемники, либо арендаторы его земли, либо то и другое вместе. Поэтому повинности, какие несли они в пользу князя, были не столько государственные обязанности, сколько личные хозяйственные обязательства. Согласно с этим и преимущества, которыми они пользовались, были не столько политическими или гражданскими правами, сколько хозяйственными выгодами, которыми князь вознаграждал их за оказываемые ему услуги. Права и обязанности в политическом смысле слова вытекают из общего постоянного закона и имеют целью общее благо. Преимущества и обязательства, которыми различались классы удельного общества, вытекали из гражданского договора с князем и имели целью частные выгоды, частные интересы договаривавшихся сторон. Из такого характера отношений различных классов удельного общества к князю необходимо вытекала подвижность общественных состояний. Если положение в обществе определялось соглашением с князем, то это положение не могло быть наследственным и должно было

часто меняться. Удельное общество отличалось подвижностью и изменчивостью состояний; слуги дворцовые легко переходили как в разряд вольных слуг, так и в класс людей черных; даже черные люди становились дворцовыми слугами и могли переходить в разряд слуг вольных. Князья, правда, старались сдерживать это колебание общественных состояний: в их договорных грамотах заметно стремление замкнуть отдельные классы, преимущественно высшие — бояр и слуг вольных, закрывая доступ в эти состояния людям неслужилым. Так, в упомянутой уже мною духовной Владимира Серпуховского мы встречаем совет его наследникам: «А боярам и слугам, которые не под дворским — вольным воля; а кто будет под дворским слуг, тех дети мои меж собой на службу не принимают». Князь-завещатель советует наследникам не принимать на ратную службу дворцовых слуг. Такое же условие встречаем в договорной грамоте великого князя Дмитрия Донского с упомянутым удельным серпуховским князем: «Которые слуги тянут к дворскому, а черные люди к сотнику, тех нам в службу не принимать, а смотреть нам за ними сообща». Но самое появление этого условия в договорной грамоте показывает, что оно шло вразрез с установившимся порядком. Князья старались прекратить постоянное передвижение лиц из одного состояния в другое, вводя это как новую меру, которая была посягательством князей на действующее право во имя порядка и правительственного удобства.

ХОЛОПЫ И ИХ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАЗРЯДЫ. Так были устроены в удельных княжествах свободные общественные классы. Но, кроме свободных состояний, внизу удельного общества лежал еще класс несвободный. Люди этого класса находились в личном подданстве у князя или у лиц высших состояний. Личное подданство основывалось на частной сделке, а не на общем законе; такими лично зависимыми людьми были холопы. Их юридическое состояние не изменилось в удельные века, но зато изменилось их состояние экономическое. Действие основного принципа удельного устройства, который делил общество на классы более по экономическим, чем юридическим, признакам, отразилось на холопстве чрезвычайной дробностью деления его на хозяйственные разряды. В удельном княжестве — и прежде всего при дворе удельного князя — многочисленные холопы делились на два главных разряда: на холопов *больших* и *меньших*. Большие холопы разделялись в свою

очередь на два слоя: на людей *служилых* и на людей *приказных*; служилые люди были походными спутниками князя или вольных слуг; приказные люди служили по хозяйственному управлению князя или его бояр, были их приказчиками, ключниками, дьяками и т. п. От больших холопов отличались меньшие, носившие общее название *делюев*, или *деловых* людей. Это — чернорабочая челядь. «Деловые» люди в свою очередь разделялись на два разряда: на людей *дворовых*, исправлявших низшие дворовые службы, и на людей *страдных* — холопов, посаженных на земле и обрабатывающих либо участки дворовой земли, либо участки, данные им в пользование за оброк. Юридически несвободные люди всех этих хозяйственных разрядов были холопы полные. Таким образом, оставаясь в прежнем юридическом положении, холопство распалось на множество экономических разрядов.

ЗАКЛАДНИ КАК ПЕРЕХОДНЫЙ КЛАСС МЕЖДУ СВОБОДНЫМИ ЛЮДЬМИ И ХОЛОПАМИ. С другой стороны, тот же хозяйственный договор создал особый промежуточный класс, лежавший между холопами и вольными людьми. Мы видели, что в первые века христианской жизни Руси церковь настояла на праве свободного человека, продавшегося в рабство, прекратить зависимость по своей воле возвратом заплаченной за него суммы. В удельное время князья и бояре начали принимать на свою дворовую службу вольных людей, давая им ссуду на известных условиях и не лишая их права покинуть эту службу, возвратив ссуду. Такие зависимые лица получили в удельные века название *закладней*. Они отличались от холопов условностью службы и правом прекратить ее по своей воле. Их отношения к князю или боярам основывались на хозяйственной сделке: то были договоры свободных рабочих, бравших у своих хозяев ссуду и обязывавшихся за то работать на них до возврата последней.

Если теперь мы еще раз бросим общий взгляд на состав удельного общества, оно представится нам разбитым на следующие разряды: то были: 1) бояре, 2) вольные слуги, 3) слуги дворцовые, 4) черные люди, городские и сельские, 5) закладни и, наконец, 6) холопы. Основанием такого деления, источником, из которого вытекали различные отношения к князю этих шести разрядов, служил хозяйственный гражданский договор.

Изучая состав русского общества в XI и XII вв., мы заметили в нем двойное деление — политическое и эконо-

мическое. Политическое деление держалось на отношениях лиц к верховной власти; позднее, экономическое, — на различии имущественных состояний, соединенном с неравенством прав. Теперь, в удельные века, общество разделилось также по отношениям лиц к князю, только не обязательным, а добровольным. Сущность этих отношений заключалась в договорном обмене вещей и услуг, в обмене службы или податного тягла, с одной стороны, на пользование какой-либо статьей княжеского хозяйства — с другой. Различием вещей и услуг определялось и деление общества на классы. Итак, удельное общество делилось не по обязательным отношениям к князю и не по имущественным состояниям, а по условиям гражданского договора с князем. Следовательно, деление удельного общества было не политическое и не экономическое, а хозяйственно-юридическое. Таким термином можно отличить это деление от двух предшествующих. Такой характер общественного состава вполне соответствовал и характеру удельного князя, который, как мы видели, был не государем в политическом смысле этого слова, а хозяином в смысле хозяйственно-юридическом.

ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЛЕНИЯ В УДЕЛЬНЫЕ ВЕКА К ПРЕДШЕСТВУЮЩЕМУ. Такое деление удельного общества имело тесную историческую связь с предшествующими делениями. Первоначальное деление по обязательным отношениям к князю дробило общество на людей служилых и неслужилых. Но из этого политического деления вытекали экономические различия между обоими классами, соединявшиеся с неодинаковыми гражданскими правами, а из этих имущественных и юридических различий складывались различные общественные состояния. Служилые лица становились преимущественно землевладельцами; лица неслужилые занимались торгово-промышленным капиталом или земледельческим трудом; а по землевладению и торгово-промышленному капиталу служилые и торговые люди пользовались правами, каких лишены были земледельцы, работавшие на чужой земле, казенной или частной. Различие имущественных состояний, сложившихся в XI и XII вв., можно заметить и в основании удельного деления общества. Это деление определялось условиями гражданского договора, какой заключали с князем свободные лица, родом хозяйственных услуг и выгод, какими обменивались обе стороны. Но, очевидно, условия договора свободных лиц с князем определялись их имущественным

состоянием или общественным положением. Землевладельцы вступали в личную правительственную или ратную службу к князю; лица, обладавшие торгово-промышленным капиталом или земледельческим инвентарем, снимали у князя торгово-промышленные городские места или пахотные сельские участки. Так вскрывается историческая связь между общественными делениями, преемственно сменявшимися. Каждое следующее деление основывалось на экономических последствиях, вытекавших из предшествующего. Прошу вас заметить эту связь, потому что она объяснит нам происхождение и сущность дальнейших явлений, которые мы будем изучать.

ЛЕКЦИЯ X

КЛАССИФИКАЦИЯ ЧИНОВ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Теперь, изучив состав удельного общества, обращаемся к третьему периоду в истории наших сословий. Довольно трудно обозначить его хронологические границы. Третий период в истории русских сословий — это общественная формация, сложившаяся в Московском государстве XV, XVI и XVII вв. Завязку этой формации можно заметить около половины XV в.; ее изменение и переход в дальнейший новый склад становится заметным во второй половине XVII в. Поэтому я обозначу хронологическими пределами этого периода половину XV в. и половину XVII в. Изучение общественного состава в Московском государстве этих веков представляет большие трудности; главная их причина — чрезвычайная дробность общественного деления. Общество распадается на множество иерархических разрядов; этих разрядов так много, что трудно составить полный и точный их перечень. Затруднение увеличивается еще тем, что эта социальная дифференциация не останавливается в продолжение всего периода, — напротив, идет все усиленным ходом. Общество дробится на все более мелкие разряды на глазах наблюдателя. Мозаический подбор мелких слоев не остается неподвижным, постоянно меняется. Рядом с основными классами, которые обозначаются в первое время, становятся классы переходные, которые, постепенно твердея, присоединяются к основным и выделяют из себя новые переходные

слои. Благодаря этому все усиливающемуся дроблению общество в Московском государстве XVI и XVII вв. производит на изучающего впечатление постоянно движущегося калейдоскопа. Чтобы не потеряться в этом беспорядочном, по-видимому, дроблении, необходимо помнить главное основание общественного деления того времени. Я уже указал на это основание: им служило деление классов по роду государственных повинностей, разверстываемых по имущественному состоянию лиц. Таким образом, каждый класс отличался от другого двумя признаками: политическим и экономическим. Политическим признаком служила известная специальная повинность, падавшая на этот класс, экономическим — имущественное состояние лиц этого класса. По двум таким признакам можно и различить отдельные мелкие разряды друг от друга и свести их в крупные классы, установить некоторый порядок в их классификации. Впрочем, я не скрою страха пред этой классификацией: общество делилось так дробно, что я боюсь обременить вашу память одним перечнем этих классов, а между тем перечень необходим для того, чтобы составить себе понятие об общественном строе и его основах. Я пока займу ваше внимание сухим перечнем классов московского общества в иерархическом их порядке.

Изучение причин и хода этого дробления я начну прямо с его результатов — перечнем тех мелких разрядов, на какие разбилось общество в Московском государстве. Для этого мы возьмем московское общество в том составе, какой оно получило приблизительно к половине XVII в., и пересчитаем его слои в вертикальном его разрезе, сверху вниз. Как ни обременителен для памяти такой перечень, но, не заучив его, трудно понять самый ход общественного дробления.

Все мелкие иерархические разряды, на которые делилось общество в Московском государстве, на политическом языке тех веков носили название *чинов*. Чином в Московском государстве назывался общественный слой, который нес свою специальную государственную повинность, соответствовавшую его экономическому состоянию. Все чины по их хозяйственному и государственному положению можно распределить на три отдела. То были: 1) чины служилые, 2) тяглые и 3) нетяглые.

ЧИНЫ СЛУЖИЛЫЕ ПО ОТЕЧЕСТВУ. Чины служилые разделялись на две группы: на чины служилые *по отечеству* и на чины служилые *по*

прибору. К чинам служилым по отчеству (т. е. по отчеству) принадлежали лица, которые несли на себе государственную службу по своему происхождению как наследственную повинность.

ЧИНЫ ДУМНЫЕ. Эти чины в свою очередь распадались на два разряда: 1) на чины *думные*, 2) на чины *служилые* собственно. Служилые люди низших чинов XVI в. говорили, отличая себя от чинов высших: «мы люди служилые, а не думные». Думных чинов было три: *бояре*, *окольничие* и *думные дворяне*. Думные чины состояли из правительственных лиц, занимавших должности по высшему управлению и места в государственном совете — в государевой думе.

ЧИНЫ МОСКОВСКИЕ. Чины «служилые собственно» разделялись также на два разряда: чины *московские* и чины *городовые*. *Московские*, т. е. столичные, чины в нисходящем порядке были: *стольники*, *стряпчие*, *дворяне московские* (столичные) и *жильцы* (дворцовые). По самым этим званиям можно заметить, что чины московские первоначально различались родом придворной службы. Но впоследствии люди московских чинов составляли высший слой боевой московской силы: из столичных стряпчих и других московских чинов составлялся «государев полк», соответствующий нынешней гвардии. Люди московских чинов назначались также *головами* или даже *воеводами*, т. е. офицерами или полковниками, в армейские полки, а также служили в органах низшей администрации. Чинов городских было три: *дворяне выборные* или *выбор*, *дети боярские дворовые* и *дети боярские городовые* собственно. Об этих чинах в списках провинциального дворянства обыкновенно писалось, что одни из них служат «из выбору», другие по дворовому списку, а третьи служат городовую, или *осадную*, службу. Чтобы понять различие повинностей, падавших на эти городовые чины, надобно знать устройство главной рати в Московском государстве. Масса этой рати состояла из дворянства, рассеянного по уездам. Но по имущественному состоянию это дворянство делилось на слои, каждый из которых нес ратную повинность не в одинаковой мере: одни провинциальные дворяне ходили в дальние походы, т. е. к границам, отдаленным от тех уездов, в которых они владели землей; другие могли ходить только в близкие походы для обороны границ, вблизи которых имели земли. Наконец, третьи не могли совсем ходить в

походы, потому что не имели лошадей и надлежащего походного вооружения; они обыкновенно составляли пешие гарнизоны своих уездных городов. Эти различные роды службы и обозначались на московском служилом языке словами: «служба государева дальняя, служба ближняя и служба городова, или осадная». Дворяне выборные и дети боярские дворовые несли дальнюю службу; кроме того, выборные дворяне по известной очереди посылались для отправления разных обязанностей при дворе и в столице.

ЧИНЫ СЛУЖИЛЫЕ ПО ПРИБОРУ. «Чины служилые по прибору» были также многочисленны. К ним относились ратные служилые люди низших разрядов, каковы были *стрельцы* (постоянная пехота, возникшая в начале XVI в.), *пушкари* и *затинщики* (т. е. служители при затинных пищалях — крепостных орудиях), вообще артиллерийская прислуга, *пограничные казаки*, *рейтары*, *солдаты* и *драгуны*, полки которых возникли при новой династии в XVII в.

Эти приборные чины вербовались правительством из охотников, людей разных классов, преимущественно из людей, свободных от государственного тягла. Первоначально люди этих чинов зачислялись на службу временно, только на известный поход, и распускались по окончании его; но в XVII столетии и приборные люди становились постоянными ратниками, служившими до своей смерти, до старости или до болезни. Эти приборные чины отличались от служилых по отечеству тем, что не составляли служебной иерархии, а считались равными между собою, отличались родом службы, а не достоинством звания: потому в них не было иерархического движения. Переход казака в рейтары или стрельцы был переменой рода службы, а не служебным повышением, каким был, например, переход выборного дворянина в жильцы или жильца в чин дворянина московского.

ЧИНЫ ТЯГЛЫЕ: ПОСАДСКИЕ И УЕЗДНЫЕ. Второй отдел составляли чины *тяглые*, или *земские*. Тяглые люди подразделялись в свою очередь на людей *посадских* и *уездных*. Первые были тяглые городские обыватели, вторые — тяглые обыватели сельские. Не предполагайте резкого экономического различия между посадскими и уездными людьми, не думайте, что первые были торговцы и промышленники, а вторые — хлебопашцы: такого различия между теми и другими не

существовало. Как между посадскими людьми очень многие занимались хлебопашеством, так и среди людей уездных существовало очень много промышленников, ремесленников и торговцев. Тот и другой разряд отличались между собой политически — свойством обществ, в которые они соединялись. Посадские люди входили в состав городских обществ, люди уездные — в состав сельских обществ. Общества сельские отличались от городских родом специальных повинностей, падавших на те и другие, и способом разверстки общего тягла между отдельными лицами. Государственная подать в городских обществах разверстывалась по дворам, в обществах сельских — по размеру сельских участков.

ПОСАДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДА МОСКВЫ. Посадские люди были неодинаково устроены в столице и в провинциальных городах. Устройство посадского населения города Москвы отличалось особенной сложностью. Это население распадалось на следующие классы: 1) *гости*, 2) *гостиная сотня*, 3) *суконная сотня*, 4) *черные сотни* и *слободы*. Первые три разряда составляли высшее купечество, выделявшееся из торгово-промышленного населения столицы.

ГОСТИ. *Гости* — это крупные оптовые торговцы, которые вели дела с другими городами или даже с чужими землями; они отличались от торговых людей гостиной и суконной сотен размером капитала. Подьячий второй половины XVII в. Котошихин говорит, что гости имели оборотного капитала от 20 тыс. до 100 тыс. руб. Так как московский рубль его времени, т. е. времени царя Алексея, равнялся 17 нынешним, то 20 тыс. руб. значили то же, что теперь 300 тыс. с лишком руб., 100 тыс. руб. — около 2 млн.

СОТНИ ГОСТИНАЯ И СУКОННАЯ. К *сотням гостиной* и *суконной* принадлежали купцы, обладавшие меньшими капиталами. Если гостей можно сравнить с нынешними коммерции-советниками, то гостиная и суконная сотни соответствовали нынешним первой и второй гильдиям. Торговые люди трех названных разрядов соответственно размерам капиталов несли неодинаковые государственные повинности. Сверх общего городского тягла, падавшего на все посадское население, они исполняли еще финансовые поручения по эксплуатации разных казенных монополий и доходных статей.

Таковы были: продажа *соболиной казны государевой*, т. е. мехов, которыми торговала казна; продажа питей, составлявших монополию казны; сбор таможенных пошлин на внутренних рынках и т. п. Эти казенные операции велись по очереди гостями и людьми обеих высших сотен не только безвозмездно, но и под их имущественной ответственностью. Такая ответственная служба в отличие от ратной называлась *верной*, или *целовальной*, т. е. присяжной. На гостей падали более тяжелые и ответственные поручения, чем на людей гостиной и суконной сотен.

ЧЕРНЫЕ СОТНИ И ЧЕРНЫЕ СЛОБОДЫ. Люди *черных сотен* и *черных слобод* составляли массу торгово-промышленного населения столицы, соответствовавшую позднему мещанству. Сотни и слободы различались между собой родом промышленных занятий; потому их можно сравнить с позднейшими цехами. Слободы отличались от сотен тем, что состояли из торговцев и ремесленников, приписанных к дворцу и поставлявших во дворец различные припасы или работавших на него. Так, были слободы дворцовых садовников, кузнецов, *хамовников* (ткачей столового белья на дворец), *кадашей* (ткачей полотен на белье для государева семейства) и т. п. Каждая черная сотня и слобода составляли особое общество, управлявшееся выборным старостой или сотником.

Теперь остается описать состав посадского населения в провинциальных городах, состав сельского населения и, наконец, промежуточные слои, лежавшие между основными чинами. Из изложенного мною очерка уже можно видеть, как труден для памяти и скучен самый перечень мелких чинов, из которых сложилось общество в Московском государстве. Но изучение этого состава необходимо, чтобы понять основные начала, на каких строилось это причудливое общество.

ЛЕКЦИЯ XI

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО

Мы начали изучать состав общества в Московском государстве XV, XVI и XVII вв. Я начал это изучение перечнем классов, на которые оно разделялось. Оно

делилось на три главных отдела: на людей *служилых*, людей *тяглых* и людей *нетяглых*. Каждый отдел подразделялся на разряды, или *чины*. Я перечислил чины первого отдела и начал перечень чинов второго. Второй отдел — люди *тяглые* — разделялся на два разряда: на людей *посадских* и *уездных*, т. е. *городских* и *сельских*. Люди *посадские* подразделялись на чины *столичные* и *городовые*, или *провинциальные*. Чины *посадские столичные* были: *гости*, люди *гостиной сотни*, люди *суконной сотни*, люди *московских черных сотен* и *дворцовых слобод*. На этом и остановился мой перечень. Продолжаю перечень *тяглых чинов*.

За *чинами посадскими московскими* следовали чины *посадские провинциальные*, или *посадские люди городовые*. По *торговой состоятельности*, или *размерам оборотного капитала*, они также разделялись на разряды, соответствовавшие нашим *гильдиям* и носившие название людей *лучших*, *средних* и *младших*. Каждый из этих *экономических разрядов* составлял особый *чин*, политически отличавшийся от других *размером общего посадского тягла*, падавшим на него, и *тяжестью служб*, или *казенных поручений*, на него *возлагавшихся*. Со двора «лучшего» *посадского человека* шло *тягло вдвое тяжелее*, чем со двора «среднего», а с последнего *вдвое тяжелее*, чем со двора «младшего» *человека*. «*Лучший*» или «*средний*» человек обыкновенно служил по выбору либо *верным головой* на *кружечном дворе* в селе своего *уезда*, либо в *таможне* своего *города*, но не *верным головой*, а только *целовальником*, т. е. *присяжным помощником* *верного таможенного головы*. Так распределялись между *городовыми посадскими чинами* и *тяжесть тягла*, и *степень ответственности* по исполнению *казенных поручений*. Теперь перехожу к *перечню чинов второго разряда тяглых людей* — *людей тяглых уездных (сельских)*.

ЛЮДИ ТЯГЛЫЕ УЕЗДНЫЕ.

В их среде существовало *двойное деление*: по *юридическому положению обрабатываемых ими земель* и по *размерам их рабочих сельскохозяйственных сил* или *средств*. По *юридическому положению земель* различались: 1) *крестьяне черные* и *дворцовые*, жившие на *казенной государевой земле*, *прикрепленные к своим участкам* или, точнее, к своим *сельским обществам*, но *лично свободные*. 2) *Крестьяне крепостные*, поселившиеся на *землях частных владельцев* обыкновенно со *ссудой* на *сельскохозяйственное обзаведение* и состоявшие в *личной*

крепостной зависимости от них, но не прикрепленные ни к своим земельным участкам, ни к сельским обществам.

КРЕСТЬЯНЕ ЧЕРНЫЕ И ДВОРЦОВЫЕ. КРЕСТЬЯНЕ КРЕПОСТНЫЕ. По рабочим средствам тяглые сельские обыватели также делились на два разряда. То были: 1) *крестьяне* собственно, обрабатывавшие полные или нормальные наделы, какие были приняты в известной местности по качеству почвы и по густоте населения, и платившие с них полные оклады поземельного тягла. 2) *Бобыли* (маломочные крестьяне), подразделявшиеся также на два разряда: одни обрабатывали участки меньшего размера сравнительно с крестьянскими, другие совсем не имели средств пахать, владели только дворовыми усадьбами и жили сельскими промыслами или ремесленным трудом. Соответственно тому и крестьянское тягло падало на них в уменьшенном размере. Теперь обратимся к перечню разрядов третьего отдела в составе общества Московского государства.

ЛЮДИ НЕТЯГЛЫЕ. Этот отдел составляли *люди нетяглые*. Они отличались от других классов тем, что не несли ни государевой службы, ни податного тягла. Они разделялись на два класса: на людей *вольных* и на *холопей*, как говорили в старину, или на холопов, как говорим мы.

ЛЮДИ ВОЛЬНЫЕ *Вольные*, или *гуляющие*, люди составляли класс, чрезвычайно пестрый по своему экономическому составу. Одни из них жили за чужим тяглом; то были люди, не имевшие своих хозяйств и вступавшие в товарищества с тяглыми людьми. Они обыкновенно помогали последним в их работах, но не принимали на себя податного тягла. То были или сторонние, чужие для хозяев, лица, или их родственники — отцы, потерявшие способность к работе, дети, еще не севшие на отдельные участки и т. п. Те и другие — и чужие люди, и родственники — носили название *захребетников*, *соседей* или *подсоседников*. Другие вольные люди не имели определенных занятий и постоянного местожительства, промышляли подвижными переходными занятиями, «кормились походя», по старинному выражению. Наконец, третьи совсем не работали, а жили Христовым именем, просили милостыню. Вольные люди жили в городах и селах, но не приписывались ни к городским, ни к сельским обществам.

ХОЛОПЫ. *Холопы.* В положении холопства XVI и XVII вв. встречаем явление, противоположное тому, какое мы видели в холопстве удельного времени. В то время холопство, составляя однородный в юридическом отношении класс холопов полных, дробилось на мелкие хозяйственные разряды; теперь, напротив, холопство, сохраняя установившиеся в удельные времена экономические состояния, чрезвычайно мелко дробилось на различные юридические разряды. Все эти разряды различались между собою степенью и условиями личной неволи, которая и составляла особенность всего этого класса, отличавшую его от людей служилых, тяглых и вольных. Я перечисляю эти разряды, начиная с наиболее тяжелых видов неволи и кончая наиболее легкими.

ПОЛНЫЕ. 1) *Холопство полное.* До XVII в. оно возникало из тех же источников, которые действовали во времена Русской Правды и в удельные века. Холопство полное было, по-первых, безусловным и бессрочным, во-вторых, потомственным и наследственным. Как неволя переходила от холопа на его потомство, так и право на невольника передавалось господину его наследнику. Письменная крепость, которой укреплялось полное холопство, носила название *полной грамоты*.

ДОКЛАДНЫЕ. 2) *Холопство докладное.* Источник, из которого оно возникало, был один из тех, которым создавалось холопство полное — продажа лица в рабство. Но эта продажа устанавливала зависимость условную и временную. Условность этой зависимости выражалась в том, что докладной холоп отдавался не на всякую работу, а только на службу в должности сельского ключника. В сделках это выражалось формулой, которая гласила, что холоп «отдавался» за столько-то рублей «на ключ в село, а по ключу и в холопы». Временный характер неволи выражался в том, что «докладной» холоп холопил господину только до смерти последнего, после которой по закону выходил на волю, не платя долга. Это холопство получило свое название от юридической формальности — *доклада*, которым оно укреплялось. Письменная крепость, заключающая в себе сделку, докладывалась наместнику, который проверял ее допросом холопа и скреплял ее своей печатью. Поэтому и эта письменная крепость, укреплявшая докладное холопство, носила название *докладной грамоты*.

КАБАЛЬНЫЕ. 3) *Холопство кабальное*. В разные времена оно возникало из разных источников. В XVI в. таким источником служил заем, обеспеченный личным залогом должника и соединенный с обязательством последнего «за рост служить», т. е. работать на заимодавца в его доме вместо уплаты процентов. В XVII в. источником кабального холопства был простой уговор холопа служить во дворе господина без всякого займа и без выговоренного ясно вознаграждения за эту службу. Холопство кабальное, подобно докладному, было временным: оно продолжалось только до смерти господина, после которой кабальный холоп по закону выходил на волю. Письменный акт, которым укреплялось кабальное холопство, носил название *служилой кабалы*, которую надобно отличать от «кабалы заемной» — простой долговой расписки, не создававшей личной зависимости и не соединенной с обязательной работой.

ЖИЛЫЕ. 4) *Холопство жилое*. Оно развилось из кабального с тех пор, как последнее перестало возникать из займа, соединенного с обязательной работой. Холопство жилое отличалось от кабального разнообразием источников и условий неволи. Оно возникало из займа, соединенного с обязательной работой за рост, из найма, соединенного с условной платой по окончании работы, и, наконец, из прокорма, т. е. из обязательства со стороны хозяина одевать и кормить работника. Холопство жилое было не только временным, но и срочным. Смотря по соглашению, оно продолжалось определенное в крепости число лет («урочные лета») или до смерти господина, или до смерти его детей; обыкновенно это значило — до смерти холопа. Оно отличалось от кабального еще тем, что неволя возникала не только из свободного договора лица, отдавшегося в неволю, с господином, но также и из договора родителей и старших родственников невольника или мужа невольницы. В такую неволю отдавали родители своих детей, дяди — племянников, старшие братья — младших, мужья — своих жен. Выражение Минина: «заложим своих жен!» не было ораторской фразой, а самой деловой юридической формулой, выражавшей простые, ежедневные сделки. Акт, которым укреплялось это холопство, носил название *жилой* или *житейской* записи.

Я кончил утомительный перечень чинов, на которые распалось московское общество в XVI и XVII вв. Я описал состав этого общества, как оно сложилось при-

близительно к половине XVII в., ко времени Уложения. Я перечислил составные его части в вертикальном разрезе. Мы видели, что общество делилось на три главных отдела: на людей служилых, на людей тяглых и нетяглых; каждый отдел разделялся на несколько разрядов, подразделявшихся в свою очередь на несколько мелких слоев, или чинов. Эти чины имели неодинаковое значение и взаимное отношение. В иных отделах чины составляли иерархическую лестницу, ступени которой различались между собой тяжестью и важностью государственных обязанностей, падавших на каждый чин. Потому здесь существовало иерархическое движение лиц, переход их по службе или по средствам из низших чинов в высшие. Таковы чины, на которые распадался отдел служилых людей или отдел людей тяглых посадских. В других отделах чины не имели значения ступеней лестницы, расположенных в вертикальном направлении. То были разряды, параллельные друг другу в направлении горизонтальном. Они различались между собою не степенью тяжести, не важностью государственного служения, а только родом специальных обязанностей, которые все имели для государства одинаковое значение. Таковы были чины, на которые распадалась служилые люди по прибору: стрельцы, казаки, пушкарки, затынщики и т. д. Поэтому здесь не было иерархического движения лиц. Служилый человек за службу или по его средствам не повышался из пушкарей в казаки, из казаков в стрельцы, ибо и стрельцы, и казаки, и пушкарки несли различные, но в политическом смысле равноценные службы. Для того чтобы прочнее запечатлеть в памяти чиновное дробление общества в Московском государстве, я сведу изложенный перечень в следующую таблицу, которая представит наглядную графическую схему общественного деления.

Таблица общественного деления в Московском государстве

А. СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ

I. Служилые люди по отечеству

а) Чины думные:

1. бояре
2. окольные
3. думные дворяне
- [4. думные дьяки]

Б. ТЯГЛЫЕ ЛЮДИ

I. Тяглые люди посадские

а) Чины посадские московские:

1. гости
2. гостиная сотня
3. суконная сотня
4. черные сотни и слободы московские

*б) Чины служилые
московские:*

1. стольники
2. стряпчие
3. дворяне московские
4. жильцы

*в) Чины служилые
городовые:*

1. выбор
2. дети боярские
дворовые
3. дети боярские
городовые

**II. Служилые люди
по прибору:**

1. стрельцы
2. казаки
3. пушкари и т. д.

*б) Чины посадские
городовые:*

1. лучшие люди
2. средние и
3. младшие

II. Тяглые люди уездные

*а) Крестьяне черные
и дворцовые:*

1. крестьяне собственно
2. бобыли

б) Крестьяне крепостные:

1. крестьяне собственно
2. бобыли

V. ЛЮДИ НЕТЯГЛЫЕ

I. Люди вольные

II. Холопы:

1. полные	3. кабальные
2. докладные	4. жилые

**ЛЕКЦИЯ
XII**

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ХОД ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЛЕНИЯ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭТОГО ДЕЛЕНИЯ. ПЕРЕМЕНА В ЗНАЧЕНИИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ. ОТЛИЧИЕ ВЛАСТИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРЯ ОТ ДВУХ ЕЙ ПРЕДШЕСТВОВАВШИХ РУССКИХ ТИПОВ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ. ПЕРЕМЕНА В ХАРАКТЕРЕ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРЯ К ОБЩЕСТВУ: 1) ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИДЕИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОДДАНСТВА; 2) ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЛИЧНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПОДДАНСТВА И НОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗВАНИЯ «ГОСУДАРЕВЫХ ХОЛОПОВ»; 3) ПРЕВРАЩЕНИЕ ДОГОВОРНЫХ СОСЛОВНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ. ОБЩЕЕ ОСНОВАНИЕ СОСЛОВНОЙ РАЗВЕРСТКИ ЭТИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ. ВЫВОДЫ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЛЕНИЯ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ. Из какого источника вышло столь дробное общественное деление, как оно началось и совершалось? Это деление вышло из очень сложного исторического процесса, начавшегося в жизни древней Руси с тех пор, как разбитая на уделы Северо-Восточная Русь соединилась под властью московского государя. Этот процесс не

принадлежит к порядку крупных всемирно-исторических явлений, но он очень своеобразен. В нем вскрылись не только черты народного характера, но и общие мотивы исторического движения, пружины механики общежития, и если вы, подобно мне, придаете научный интерес явлениям такого рода, то терпеливо последуйте за мной в микроскопических наблюдениях, в которые я хочу вас ввести. Прежде всего я изложу общие политические основания этого деления, которые попытаюсь вывести из подробностей всего склада Московского государства, указывая на самые эти подробности только мимоходом.

Политическое объединение Северо-Восточной Руси решительно изменило характер отношений, установившихся в удельные века между князем и всеми классами удельного общества. Мы видели, что в удельные века эти отношения держались на частном гражданском договоре или на крепостном личном подданстве и состояли в обмене материальных услуг и выгод между обеими сторонами. Такой характер отношений вполне отвечал юридическому значению удельного князя, который был владельцем-хозяином удела, а не государем-правителем удельного общества. Территориальное рассеяние власти по уделам и еще сохранявшееся воспоминание о родственном происхождении князей, между которыми она была разделена, давали свободным лицам возможность разрывать договор с одним князем и заключать его с другим. Таким образом, состав удельного общества, возникновение и прекращение его отношений к князю, зависели от чисто случайного условия — от воли самого князя и свободных частных лиц, с ним договаривавшихся. Самое пространство территориальной власти князя определялось волей его предшественника: каждый удельный князь обыкновенно владел лишь тем, что ему доставалось по духовному завещанию отца, брата или дальнего родственника.

ПЕРЕМЕНА В ЗНАЧЕНИИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ. Сосредоточение рассеянной по уделам власти в лице московского государя изменило его положение в государстве с двух сторон, но в одном направлении: 1) пространство и содержание его власти перестали зависеть от такого случайного условия, как воля отдельных лиц. Они определялись государственным требованием, политической необходимостью. Когда Северо-Восточная Русь соединилась под властью московского государя, последний очутился властителем всей Велико-россии, т. е. целой великорусской народности. Мало того,

он укрепил за собою титул «государя всея Руси», в котором громко звучало притязание и на другие части Русской земли, еще не находившиеся в его обладании. Таким образом, московский князь становился в положение творца национального единства и блюстителя национальных интересов. Русское население, обитавшее в пределах Московского государства, подчинялось ему не в силу договора с ним, а в силу своей принадлежности к русскому народу и общности народных интересов. Владелец территории теперь стал и правителем общества. Пространство и характер его власти, как и состав управляемого им общества, теперь определялись уже не условиями и количеством гражданских сделок и не предсмертной волей его предшественника, а границами народности и целями народного блага. 2) Возникшая из столь повелительных условий зависимость подданных от московского государя не могла быть и прекращаема с прежней легкостью старым удельным способом — уходом, выселением. В XVI в., после того как Ярославль, Ростов, Новгород, Тверь, Псков, Рязань и княжества черниговской линии вошли в состав Московского государства, рядом с ним на всем пространстве русской равнины не оказалось другой территории, которая принадлежала бы владельцу самостоятельному и родственному по крови и по вере московскому государю. Теперь из Московского государства стало некуда уйти, не совершая незаконного побега. Выселение, которое признавалось удельными князьями как право всех свободных обывателей русских княжеств, теперь получило характер политического преступления и национально-религиозной измены. Так власть, которой свободные лица подчинялись прежде условно и временно, стала для них безусловно обязательной.

ОТЛИЧИЕ ВЛАСТИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРЯ ОТ ДВУХ ЕЙ ПРЕДШЕСТВОВАВШИХ РУССКИХ ТИПОВ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ. Получивши такой характер, московский государь явился в истории нашего государственного права новым типом верховной власти, отличным от типов, господствовавших в обоих предыдущих периодах. В XI и XII вв. верховная власть на Руси принадлежала целому княжескому роду, который сообща владел всей русской территорией и правил жившим на ней разноплеменным населением. В XIII и XIV вв. этот владетельный род распался на множество родственных и независимых друг от друга владельцев, которые были наследственными собственниками своих удельных

территорий, но не считались политическими правителями удельных обществ. Составные единицы этих обществ — свободные лица — были не подданными его, а лишь контрагентами, вольными служилыми наемниками или вольными съемщиками земли в его уделе. Московский государь совмещал в себе некоторые признаки обоих этих типов: он был и наследственным владельцем всей государственной территории, и политическим правителем жившего на ней населения. Но к этим двум признакам, территориальному и политическому, в содержание власти московского государя присоединился еще третий — национальный. Власть княжеского рода XI и XII вв. не имела такого национального значения: она вытекала не из чувства народного единства, а из факта завоевания. Идея русской народности, едва начавшая зарождаться в умах, еще не была проведена в государственное право, в политический порядок. Такого значения не имели и удельные князья XIV в., потому что каждый из них владел лишь частью русской территории, и самая мысль о политическом единстве народа погибла среди удельного раздробления Русской земли. Напротив, в лице московского государя эта национальная идея является не только основанием его действительной политической власти, но и оправданием его политических притязаний. Ставши блюстителем общих интересов великорусского племени, главной части русского народа, он стремился сделаться и творцом политического единства всего этого народа и поставил себе задачей распространить свою власть на все его ветви и на все области, когда-либо бывшие в обладании русского народа. Эти притязания и были заявлены в принятом московским великим князем титуле «царя и великого князя всея Руси». Таким образом, власть московского государя отличалась от власти княжеского рода XII в. тем, что была единоличной, а не коллективной; от власти удельного князя тем, что была не только территориальной, но и политической; наконец, от той и другой тем, что была национальной.

ПЕРЕМЕНА В ХАРАКТЕРЕ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРЯ К ОБЩЕСТВУ. Такая перемена в значении верховной власти решительно изменила характер ее отношений и ко всему обществу, и к отдельным его классам. Я перечислю эти перемены, которые представляют ряд следствий, тесно между собой связанных и вытекших из одного источника — из национального значения верховной власти.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИДЕИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОДДАНСТВА. 1) Это новое значение верховной власти превратило вольных контрагентов удельного князя в политических подданных московского государя. Так воскресла мысль о политическом подданстве, слабо и на короткое время блеснувшая в нашем праве XI и XII вв. и скоро погасшая среди разрыва княжеского рода на враждебные линии и среди одновременного распада Русской земли на обособленные области. Но эта мысль о политическом подданстве теперь вышла из другого источника — не из того, из которого она вышла в первом периоде. Тогда ее источником было завоевание; подданными считались покоренные. Теперь эта мысль вышла из чувства национального единства и сознания внешних опасностей, угрожавших народной свободе. Теперь подданным стал считаться русский, т. е. частный человек одного племени и веры с московским государем.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЛИЧНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПОДДАНСТВА. 2) В связи с этой переменной стояла другая. *Личное подданство холопа удельного князя превратилось в подданство государственное.* В этом состояла одна из самых характерных особенностей московского государственного права: у московского государя не было частных, лично крепостных холопов, какие были у удельного князя, как и у князей XII в.; в XV и XVI вв. такие холопы слились со свободными подданными московского государя. Но здесь следует объяснить одно явление, которое может помешать установлению правильного взгляда на строение общества в Московском государстве и которое часто этому мешает. Лично крепостные холопы государя, сливаясь с его свободными подданными, сообщили последним свое юридическое звание: свободные лица, преимущественно служилые люди, в удельное время отличавшиеся от холопов званием вольных слуг, обращаясь к московскому государю XVI и XVII вв., называли себя «его государевыми холопами».

НОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗВАНИЯ «ГОСУДАРЕВЫХ ХОЛОПОВ». Не следует придавать этому того обостренного, шокирующего смысла, какой подсказывается нашим современным, несколько щекотливым политическим чувством, не следует думать, что все свободные лица в Московском государстве стали такими же личными крепостными московского

государя, какими были холопы удельных князей или какими и в XVI в. оставались холопы частных рабовладельцев. Такие холопы могли быть у князей XI и XII вв., потому что ни один из них не был носителем политической верховной власти. Верховная власть была сосредоточена в целом роде, а отдельные члены его были лишь местными представителями этой власти; потому они могли вступать в частные крепостные отношения с отдельными лицами. Такие холопы могли быть и у удельного князя, который считался не властителем удельного общества по закону, а только одной из сторон по договору. Московский государь XVI в. не мог иметь таких холопов: последние были орудиями частного личного интереса, а московский государь, начав сознавать себя национальным властителем, был связан со своими подданными не личными интересами, а целями народного блага. Рассматриваемое явление относится более к политической терминологии, чем к государственному праву; но не следует пренебрегать и терминологией: история политических терминов есть история если не политических форм, то политических представлений. Мысль о государственном подданстве, возникшая из политического объединения великорусской народности, была новой идеей, незнакомой русскому обществу прежних веков, разбитому на множество независимых политических союзов. В удельное время знали подданного только в юридическом образе холопа, укреплявшегося за своим господином средствами гражданского права. Когда возникла идея государственного подданства, новому политическому отношению усвоен был привычный термин гражданского права. Итак, звание государевых холопов, которым стали величаться в Московском государстве прежние бояре и вольные слуги, значило, что и они из временных вольных наемников государя превратились в его вечнообязанных подданных, и более ничего не значило это звание. Когда в умах рождаются новые представления, люди, силясь их выразить, роются в старом заученном лексиконе и хватаются за первое подходящее по смыслу слово, им подвертывающееся. Повторю: когда в Московском государстве возникла зависимость во имя общего народного блага, а не частного интереса, тогдашний язык стал обозначать новые политические отношения старыми терминами гражданского права. Но первые не следует отождествлять с последними. Этот вывод, извлеченный из истории одного сословного термина, надобно твердо запомнить, чтобы не ошибиться в понимании явлений, по которым мы будем следить за

строением нашего общества в XV и XVI вв. Значит, и превращение лично крепостных государя в государевых подданных было тесно связано как последствие с национальным значением государевой власти.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДОГОВОРНЫХ СОСЛОВНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ. 3) Изменился источник отношений разных классов общества к государю. В материальном, хозяйственном смысле эти отношения остались прежними, но они вытекали теперь не из частного договора, а из общего закона. Служилые люди по преимуществу служили государю мечом или правительственным советом и получали от него доходные должности, кормления; но они теперь обязаны были служить, хотя бы и не получали кормлений, и если продолжали получать их, то только как средство, помогавшее им исправно служить. Прежде государь кормил их за то, что они служили; теперь он кормил их для того, чтобы они были в состоянии служить. Точно так же тяглый человек платил удельному князю тягло, если и пока пользовался в его уделе городским промысловым местом или пахотным участком; теперь он обязан был пользоваться таким местом или участком, потому что без того не мог платить тягло. Значит, виды условий и выгод, которыми обменивались государь и свободные обыватели государства, не изменились, но изменился характер обмена, связь между условиями и выгодами. Прежде эта связь была юридическая, устанавливалась обоюдным добровольным соглашением, т. е. актом гражданского права; теперь она стала политической, принудительной, устанавливалась односторонним требованием власти. Поэтому и договорные выгоды свободных лиц, бывшие прежде юридическим условием или юридическим последствием их договорных услуг князю, теперь стали лишь экономическими средствами для исправного несения государственных повинностей. Эти перемены в юридической связи условий и выгод, т. е. в источнике отношений государя к обществу, можно выразить такими словами: *договорные обязательства со стороны свободных лиц превратились в государственные обязанности, а договорные выгоды со стороны князя — в казенное пособие для исправного исполнения этих обязанностей.*

ОБЩЕЕ ОСНОВАНИЕ СОСЛОВНОЙ РАЗВЕРСТКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ. Это превращение в истории русского государствен-

ного права было коренным фактом, которым надолго определилось политическое положение русского общества. Этот факт сообщил всему строю Московского государства своеобразный характер. В других странах мы знаем государственные порядки, основанные на сочетании сословных прав с сословными обязанностями или на сосредоточении прав в одних сословиях и обязанностей в других. Политический порядок в Московском государстве основан был на разверстке между всеми классами только обязанностей, не соединенных с правами. Правда, обязанности соединены были с неодинаковыми выгодами, но эти выгоды не были сословными правами, а только экономическими пособиями для несения обязанностей. Отношение обязанностей к этим выгодам в Московском государстве было обратно тому, какое существовало в других государствах между политическими обязанностями и правами: там первые вытекали из последних как их следствия; здесь, напротив, выгоды были политическими последствиями государственных обязанностей. Это различие отношения выражалось в том, что там сословные обязанности слагались с лица, отказавшегося от сословных прав; здесь, напротив, не позволено было слагать с себя обязанности даже под условием отказа от выгод, и часто обязанность оставалась на лице, не пользовавшемся соответствующими выгодами. Так, обязательная ратная служба в Московском государстве соединена была с поместьем, но иному служилому человеку не давали поместья, если он и без того имел средство служить, владел достаточной вотчиной. Такой своеобразный склад государственного порядка объясняется господствующим интересом, его создавшим. Этим интересом было ограждение внешней безопасности народа, во имя которой политически раздробленные прежде части его соединились под одной властью. Великороссия объединилась под властью московского государя не вследствие завоевания, а под давлением внешних опасностей, грозивших существованию великорусского народа. Московские государи расширяли свою территорию и вооруженной борьбой; но то была борьба с местными правителями, а не с местными обществами. Поразив правителей княжеств или аристократию вольных городов, московские государи не встречали отпора со стороны местных обществ, которые большей частью добровольно и раньше своих правителей тянулись к Москве. Итак, политическое объединение Великороссии вызвано было необходимостью борьбы за национальное существование. Эта необходимость мешала

установиться самому понятию о сословном праве. В первом периоде нашей истории, когда государственный порядок развился из завоевания, такое понятие установилось легко. Победители старались присвоить себе возможно больше прав, возложив на побежденных возможно больше обязанностей. В Московском государстве, все силы которого направлены были на внешнюю борьбу, усилия законодательства должны были сосредоточиться на том, какое участие принимать в этой борьбе разным классам общества, а не на том, какими правами будет пользоваться каждый класс. Предметом законодательной разработки и стала разверстка тяжестей национальной борьбы, которые налагала эта борьба, а не сословных прав, которые не вели к цели.

Из сказанного видно, что все три перемены в характере отношений государя к обществу вытекли из национального значения, какое получила верховная власть в Московском государстве. Под влиянием этих перемен изменилось отношение экономического деления общества к политическому. В удельное время экономическое положение свободных лиц в уделе определялось родом обязательств, в которые они входили со своим князем. Служилый человек обыкновенно становился землевладельцем, потому что право приобретения земельной собственности было непременно условием его договора с князем и потому, что землевладение при тогдашнем состоянии народного хозяйства было единственным удобным средством материального обеспечения служилого человека. Подобно тому и черный человек становился либо городским промышленником, либо хлебопашцем, потому что непременно условием его договора с князем было либо пользование городским промысловым местом, либо пахотным участком. Теперь отношение экономического деления к политическому совершенно изменилось, стало обратным: так как государственные повинности стали обязательны сами по себе, а хозяйственные состояния служили только средством для их исполнения, то теперь экономическим положением класса должен был определяться род государственных повинностей, на него падавших. Московская политика теперь должна была согласовать сословную раскладку государственных обязанностей с теми экономическими состояниями, в которых она застала выходявшие из удельного порядка общественные классы. Этой переменой в отношении экономического деления к политическому указано было и общее основание разверстки повинностей между подданными. В устройстве обще-

ственных классов эта перемена связала неразрывно экономическое положение каждого из них с родом государственного его служения. Отсюда сложилось правило, которое и легло в основание общественного деления в Московском государстве — разверстать государственные обязанности между классами общества по хозяйственному состоянию каждого из них.

ВЫВОДЫ. На этом основании московская политика и строила государственное положение всех классов общества. Из этого основания она выработала и специальные приемы разверстки, которыми руководилась при раскладке государственных повинностей между отдельными классами.

ЛЕКЦИЯ XIII

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ РАЗВЕРСТКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОВИННОСТЕЙ МЕЖДУ ОТДЕЛЬНЫМИ КЛАССАМИ ОБЩЕСТВА. ПРИЕМЫ РАЗВЕРСТКИ МЕЖДУ СЛУЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ ПО ЧИНАМ. СОСТАВ И ХАРАКТЕР МОСКОВСКОГО БОЯРСТВА В УДЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ. ТРИ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ СЛОЯ В СОСТАВЕ МОСКОВСКОГО БОЯРСТВА XVI в.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ РАЗВЕРСТКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОВИННОСТЕЙ МЕЖДУ КЛАССАМИ ОБЩЕСТВА. Напомню содержание предшествующего чтения. Я пытался вывести и формулировать политические основания общественного деления в Московском государстве. Эти основания положены были коренной переменной, происшедшей в характере верховной власти под влиянием политического объединения Велико-россии. Эта власть из договорной и территориальной превратилась в обязательную и национальную. Национальное значение ее было источником важных перемен, происшедших в ее отношениях к великорусскому населению. Так как эти отношения держались на общих народных интересах, то все население государства из контрагентов превратилось в подданных государя. Так как основным интересом, служившим основанием отношений государя к подданным, было ограждение внешней безопасности государства, то тяжесть внешней обороны разделена была на специальные обязательные повинности, которыми и заменились прежние договорные обязательства населения перед князем. Таким образом, государ-

ственная повинность стала основанием общественного деления, существенным признаком сословия или класса. Из этих политических оснований общественного деления вышло само собой главное правило разверстки государственных обязанностей между классами. В удельное время договорными обязательствами разных частей населения определялись их экономические состояния. Когда договорные обязательства превратились в государственные обязанности, их разверстка между классами приспособилась к различию экономического положения каждого из них. Так, общим правилом разверстки обязанностей было принято распределение их между классами по экономическим состояниям последних.

Руководясь формулированным в конце прошлого чтения правилом сословной разверстки государственных повинностей, московская политика и создала в XVI и XVII вв. новое общественное устройство, которое постепенно установилось на место удельного среди внешней борьбы. Это устройство — целая политическая система, которой нельзя отказать ни в стройности и последовательности, ни в практической пригодности. Пригодность системы доказали ее результаты: она помогла государству в продолжение двух веков с лишком, с половины XV и до второй четверти XVIII в., выдержать трехстороннюю борьбу — на западе, юге и юго-востоке, с которой по тяжести ни в какое сравнение не могут идти внешние затруднения, испытанные в те века государствами Западной Европы. Что касается стройности и последовательности системы, это, надеюсь, обнаружится из самого ее изложения. Нам необходимо внимательно рассмотреть эту систему: тогда не будет никакого труда объяснить происхождение и значение того сословного устройства, которое установилось в нашем государстве XVIII в.

Строя общество на указанных политических основаниях, московская политика крепко держалась за общественный порядок, унаследованный ею от удельного времени. В удельное время, как мы видели, общество распадалось на две главные части, различавшиеся между собой отношением к князю и хозяйственным положением. Служилые люди несли личную службу князю, административную и ратную, и в их же руках сосредоточивалась частная земельная собственность. Люди тяглые пользовались чужой землей, княжеской или частной, и за то несли мирские платежи и работы. Московская политика начала перестройку удельного общества тем, что этот порядок, создавшийся посредством соглашения частных интересов,

закрепила во имя интересов государственных, сообщив им обязательность. Так, например, если в удельное время личными земельными собственниками обыкновенно были служилые люди, то теперь было установлено, что личные земельные собственники непременно должны становиться служилыми людьми. В удельные века кто служил, тот обыкновенно становился личным земельным собственником; теперь — кто был личным земельным собственником, тот обязан был служить. Но у московского правительства не было особого правительственного персонала, который бы заведовал делами службы служилых и тяглых людей. В удельное время орудиями администрации были те же служилые люди, и только неважные местные дела земских тяглых обществ, городских и сельских, предоставлены были выборным земским властям — старостам и сотским. Московское правительство XVI в. увеличило число дьяков и подьячих, которые в удельное время вели несложное канцелярское делопроизводство. Однако при этом оно не только не отказалось от удельного правительственного порядка, но еще усложнило и развило его в том же направлении, расширив круг деятельности низших местных органов администрации — земских учреждений, которые оставались едва заметными в удельное время. Теперь московское правительство попыталось этим земским учреждениям передать все местное управление. Таким образом, все государственное управление в Московском государстве распалось на две сферы: в одной сосредоточены были дела, касающиеся внешней обороны страны и устройства ее боевых сил, в другой — дела внутренней безопасности и государственного хозяйства, т. е. устройства тех экономических источников, из которых должны были получать питание боевые силы. В первой сфере, военно-административной, правительственными орудиями остались те же служилые люди, положение которых и организация устраивались в этой сфере. Дела полицейские и финансовые, которые составляли вторую сферу, возложены были на местные земские общества, безопасность которых ограждалась этим порядком учреждений и которые доставляли материальные средства для содержания боевых сил страны. В первой сфере правительственные органы действовали по непосредственному поручению или приказу государя, и потому она называлась *приказной*; во второй — органами управления служили ответственные выборные власти земских обществ, которые только действовали под руководством и контролем центральных приказных учреждений, и потому эту

сферу управления можно назвать земской.

Так обозначались и практические приемы разверстки государственных обязанностей между отдельными классами общества. Эти приемы выработаны были посредством применения общего основания разверстки к тем экономическим состояниям, какие установились в удельные века. Таких состояний было два: одни свободные люди владели землей на праве собственности, эксплуатируя ее руками вольных съемщиков или крепостных рабочих, холопов; другие пользовались чужой землей, казенной или частной, эксплуатируя ее непосредственно собственным трудом. Сообразно с тем приемы разверстки государственных обязанностей, выработанные путем такого применения, можно выразить в следующих трех правилах: 1) кто владеет своей землей, тот должен нести государственную ратную службу; 2) кто непосредственно пользуется чужой землей, частной или казенной, тот несет государственное податное тягло; 3) управление как службой, так и тяглом ведется посредством самих служилых и тяглых людей с той разницей, что первые получают свои правительственные полномочия по назначению государя, вторые — по мирскому выбору, и потому деятельность первых соединена с властью, деятельность вторых — только с ответственностью. Запомнив эти три правила, мы без труда разберемся в том сложном общественном складе, какой установился в Московском государстве XVI и XVII вв. Напротив, непризнание этих правил повергает наблюдателя в полное недоумение при виде этого беспорядочного склада.

ПРИЕМЫ РАЗВЕРСТКИ МЕЖДУ СЛУЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ ПО ЧИНАМ. Теперь рассмотрим, как разверстывались государственные обязанности в каждом отдельном классе по чинам. Прежде всего, применяя указанные приемы разверстки государственных обязанностей к устройству служилых людей по отечеству, московская политика разделила этот многочисленный класс на длинный ряд иерархических слоев. На этот класс, как мы знаем, падали две повинности: ратная и приказная; но каждая из них была раздроблена на мельчайшие доли или специальные функции, соответственно которым и вся служилая масса раскололась на несколько чинов. Это дробление облегчалось составом многочисленного служилого люда, собравшегося под рукой московского государя. Независимо от разверстки государственных повинностей и даже раньше ее этот класс слагался из

очень пестрых элементов, различавшихся происхождением и экономическим положением. Двор московского великого князя, в удельное время делившийся на бояр, слуг вольных и дворовых, со второй половины XV в. вобрал в себя дворы других великих и удельных князей, делившиеся на те же самые разряды. Но бояре и слуги других княжеств не слились с боярами и слугами московскими, стали ниже их в порядке политического значения своих княжеств, образуя ряд новых ступеней служилой московской иерархии. Наконец, выше всех этих разрядов, и туземных и пришлых, стали бывшие владетельные князья с их потомками, превратившиеся из самостоятельных государей в слуг московского государя; а в самом низу густым пластом легли новые служилые люди, на вербованные для усиления внешней обороны страны из неслужилых классов — из семей духовенства, из горожан, из степных казаков, даже из крестьян и холопов. С происхождением в то время было связано и хозяйственное положение столь непохожих друг на друга классов. Новобранцы из неслужилых состояний были люди безземельные; потомки удельных бояр и вольных слуг в большинстве были крупные или мелкие землевладельцы. Наконец, большинство потомков владетельных князей не только владело крупной земельной собственностью, но и сохраняло в своих вотчинах значительную долю правительственных полномочий, какими пользовались их владетельные предки в удельные времена. Происхождением и экономическим положением условливалась служебная годность служилого лица. При тогдашнем положении народного и государственного хозяйства землевладение было необходимым условием исправного отбывания ратной службы, как она была тогда устроена. Для занятия высших должностей по приказной службе нужны были навык и авторитет, которые приобретались практикой власти и особенно породой, отечеством, происхождением из родовой фамилии, членом которой общество привыкло видеть облеченными властью и которым потому привыкло повиноваться. С этими средствами и условиями московская политика и должна была согласовать устройство служилого класса. Легко видеть, как она должна была действовать в этом устройстве. Сделав ратную службу пожизненной и потомственной обязанностью всех служилых людей, надобно было разверстать ее по размерам служилого землевладения и с этой целью прежде всего наделить худородных безземельных служилых людей казенной землей в размерах, которые бы обеспечива-

ли исправное исполнение обязанностей рядовой ратной службы. Далее, на людей средней породы и состоятельности сверх ратной повинности надобно было возложить исполнительные дела приказной службы. Людям знатнейших фамилий и вместе крупным землевладельцам дать руководящее значение в военном и гражданском управлении,—и посредством таких разнообразных сочетаний породы, землевладельческой состоятельности и службы разместить весь пестрый служилый люд по степеням чиновной лестницы. Приемы, которые московская политика прилагала к устройству этого люда, разверстывая ратную и административную повинность по чинам, можно для памяти обозначить такой короткой формулой: *приказная служба — по отечеству, ратная — по земле, земельный надел — по службе, чины — по отечеству и по службе*. Из разверстки приказной службы по отечеству постепенно развились высшие думные чины, с которых по принятому в перечне чинов порядку мы и начнем изучение процесса чиновного деления в Московском государстве.

СОСТАВ И ХАРАКТЕР МОСКОВСКОГО БОЯРСТВА В УДЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ. Еще в удельное время при московском дворе собралось боярство, которое и численностью, и политическим характером заметно отличалось от боярства, служившего при других княжеских дворах Северной Руси. При господстве боярского права служить князю по временному личному уговору, часто меняя место службы, боярство нигде, ни при одном дворе, не могло составить плотного общественного класса. В каждом княжестве это был не общественный класс, плотный и солидарный по своему положению и интересам, а скорее изменчивый круг одиноких лиц, случайно встретившихся друг с другом при одном княжеском дворе. Но в Москве обстоятельства рано начали сбивать таких одиноких служилых лиц в плотный общественный класс. Служба при московском дворе уже в XIV в. доставляла служилому человеку выгоды, каких он не мог найти ни при каком другом дворе. Это было причиной усиленного прилива служилых людей в Москву и сравнительно меньшей склонности московских бояр переезжать к другим князьям. Благодаря этому усиленному приливу к половине XV в. в Москве собралось боярство, элементы которого представляли собой почти всю тогдашнюю Русскую землю. Родоначальники московских боярских фамилий сошлись в Москву чуть не изо всех углов Русской земли, даже из таких, где в те века еще

очень мало пахло Русью. Достаточно простого перечня главных фамилий, чтобы видеть этот сборный состав московского боярства. Около половины XV в. при дворе московского государя видная деятельность принадлежала членам фамилий: Волынских, пришедших с Волыни, Квашниных из Киева, Плещеевых и Фоминых из Чернигова, Фоминских и Всеволжских из Смоленска, Алферьевых и Безниных из Твери, Овцыных из Мурома, князей Патрикеевых-Гедиминовичей из Литвы, Сабуровых и Годуновых из Орды, Ховриных-Головиных из Крыма, Кошкиных, Захарьиных и Колычевых из Пруссии. Кроме того, среди этих фамилий стояли с видным значением, но неизвестного происхождения боярские роды Морозовых, Поплевиных, Бутурлиных, Челяднинных и многих других. Несмотря на различие происхождений, в этом боярстве заметна большая устойчивость положений и отношений. Выгоды московской службы увеличивались с политическими успехами Москвы. Вот почему московское боярство в продолжение полутора веков усердно работало в полном согласии и об руку с московскими государями. Благодаря этим выгодам и видной деятельности, которая открылась московскому боярству с усилением Московского княжества, здешние бояре привыкали к дружному действию в одном направлении, воспитывая в себе твердые политические привычки и крепкое политическое предание. Все это сообщало московскому боярству больше сословной сплоченности и выправки сравнительно с его братией других княжеств. Бояре московские переставали быть случайными товарищами по службе и равнодушными наемниками своего князя. В начале XV столетия на Руси ни при одном княжеском дворе не было боярства более дисциплинированного и более преданного своему князю. В этом боярстве и стала совершаться глубокая перемена с половины XV в. под влиянием политических событий, которые превратили Московский удел в Великорусское государство.

Политическое объединение Северо-Восточной Руси принесло в Москву густой слой знатного удельного княжья, сведенного или добровольно сошедшего с наследственных столов. Этот слой стал выше старого нетитулованного московского боярства. Московский государь должен был признать за первым служебное превосходство перед последним, давая служилым князьям первые места в управлении. Это предпочтение вынуждалось самым ходом политического объединения Руси. Едва ли не большая часть удельных князей добровольно подчинилась

московскому государю со своими уделами. Таковы были многочисленные князья Ярославские, Пронские, Микулинские, Воротынские, Одоевские, Вяземские и многие другие. Принимая их важные политические услуги, московский государь обыкновенно оставлял их владельцами или по крайней мере наместниками-правителями их прежних уделов со значительной долей их владетельных прав. В первое время своей московской службы это были не столько подданные московского государя, сколько союзные с ним государи, его державные вассалы. Многие из них, например князья Одоевские, Белевские, долго сохраняли при себе особые удельные войска, которыми сами командовали в московских походах независимо от воевод московских полков. При таком положении знатное удельное княжье не могло скоро слиться в плотный класс со старым нетитулованным боярством Москвы; оно легло поверх его густым и надменным слоем, помня, что у него самого еще недавно были на службе точно такие же бояре, каких оно встретило при московском дворе. С другой стороны, бояре этих служилых князей с переходом последних на московскую службу разрывали свои служебные связи с прежними хозяевами и вступали в непосредственную зависимость от московского государя. Но и они не слились со старым московским боярством, не вошли в его плотно сомкнутые ряды, а стали в социальном распорядке ниже его, как бывшие слуги младших князей сравнительно с московским государем. К этому новому слою примкнули и удельные князья, владевшие мелкими уделами или утратившие удельную самостоятельность еще до перехода на московскую службу. Так старое московское боярство обложилось сверху и снизу двумя пришлыми классами, из которых один давил его книзу, погружая его в рядовую служилую массу, а другой подпирал его кверху, отрезывая от этой массы.

ЛЕКЦИЯ XIV

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДУМНЫХ ЧИНОВ. ОБОСОБЛЕНИЕ ЧИНА ОКОЛЬНИЧЕГО ОТ ЧИНА БОЯРИНА. ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБОИХ ЭТИХ ЧИНОВ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ЧИНА ДУМНОГО ДВОРЯНИНА. УСТРОЙСТВО МОСКОВСКИХ ЧИНОВ. ДВОР МОСКОВСКОГО ГОСУДАРЯ В XVI в. НАБОР ДЕТЕЙ БОЯРСКИХ ДЛЯ СТОЛИЧНОЙ СЛУЖБЫ ПО ЗАКОНУ 3 ОКТЯБРЯ 1550 г. ДВОЙНОЙ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ МОСКОВСКОГО ДВОРЯНСТВА. ДВОЯКИЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПОРУЧЕНИЯ — АДМИНИСТРАТИВНЫЕ И ВОЕННЫЕ. ПАДАВШИЕ НА МОСКОВСКИХ ДВОРЯН СВЕРХ ОБЩЕЙ РАТНОЙ ПОВИННОСТИ. ОТНОШЕНИЕ МОСКОВСКИХ ЧИНОВ К ДУМНЫМ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДУМНЫХ ЧИНОВ. Мы обозначили три генеалогических слоя в новом составе московского боярства. Эти новые наслоения в его составе и усложнили высшую чиновную иерархию. Прежде всего они внесли чиновное деление в однообразный дотоле состав государевой думы — государственного совета. В удельное время все члены этого совета носили одинаковое звание бояр; с начала XVI в. рядом с этим званием является звание *окольничего* со значением второго думного чина.

ОБОСОБЛЕНИЕ ЧИНА ОКОЛЬНИЧЕГО ОТ ЧИНА БОЯРИНА. В удельное время окольничество было дворцовой должностью, ведомство которой, впрочем, недостаточно известно. По смыслу самого звания окольничий был ближайшим человеком в свите князя, находившимся постоянно *около* него, распоряжался всем во дворце во время приема послов, ездил перед князем в поездках последнего, приготавливая все нужное в пути. С начала XVI в. особая должность окольничего исчезает при московском дворе. Вместе с тем государева дума составляется из членов двух разрядов: одни зовутся просто боярами, другие «боярами окольничими», и последние ставятся ниже первых. По-видимому отношение бояр окольничих к боярам было такое же, какое теперь существует между тайными советниками и действительными тайными. Наконец, еще в первой половине XVI в. окольничество совершенно отделилось от боярства и получило значение второго думного чина.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБОИХ ЧИНОВ. Но это были не просто служилые чины: они представляли собой и особые генеалогические слои боярства. До нас дошли списки бояр и окольничих с

начала великокняжения Ивана III до конца царствования Федора Алексеевича; значит, эти списки обнимают два с лишком века. Рассматривая эти списки, находим, что званием бояр облекались преимущественно люди знатнейших титулованных фамилий. Некоторые из них вступали в думу со званием окольных и потом становились боярами, но другие прямо получали чин боярина. К этому последнему разряду принадлежали по спискам наиболее громкие имена потомков удельных князей — князья Ростовские, Пенковы, Ярославские, Воротынские, Мстиславские, Шуйские и другие. Считая фамилии бояр за время с 1505 по 1593 г. включительно, находим, что через государеву думу в это время прошло около двухсот бояр, из них 130 принадлежали к знатнейшим титулованным фамилиям и только 70 к нетитулованному боярству. Значит, титулованная знать в это время выслала в думу около 65% бояр, тогда как нетитулованная — всего около 35. Итак, удельное княжье численностью преобладало в звании бояр в продолжение всего XVI столетия. Совсем другой служилый мир открывается перед нами, когда мы просматриваем списки окольных за те же 89 лет. За это время в звании окольных перебивало в думе до 140 человек, из них с небольшим 30 человек, значит, менее 23%, принадлежали к знатному титулованному боярству, к потомкам удельного князя; все остальные окольные вышли из нетитулованных боярских фамилий. Справляясь о происхождении этих фамилий по родословной книге XVI в., находим, что это все потомки старинного московского боярства, родоначальники которых начали служить в Москве еще в XIV в. или даже несколько раньше. Чаще всего в списке окольных являются немногие коренные фамилии старого московского боярства с их отраслями — Морозовы с Поплевиными, Салтыковыми, Тучковыми и Шейными, Кошкины с Захарьинными, Яковлями, Шереметевыми, Сабуровы с Годуновыми, Давыдовы с Бутурлиными и Челяднинными, Плещеевы и пр. Таким образом, в списках московских окольных XVI в. вскрывается старое боярское гнездо, которое свилось в Москве еще в XIV столетии. Это боярство было придавлено наплывом новых титулованных слуг с половины XV в. Но оно не погибло среди этого наплыва, успело удержать свое положение и отстоять в государственном совете второй думный чин.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ЧИНА ДУМНОГО ДВОРЯНИНА. С половины

XVI в. в списках членов думы появляется третий чин думных дворян. Чин этот имел еще более сложное происхождение. Если пересчитать по упомянутым спискам фамилии, из которых выходили бояре и окольные в княжение Ивана III, его сына и внука, то насчитаем около ста таких фамилий. Но до нас дошла родословная московского боярства, составленная в конце XVI в.; пересчитав по этой книге все боярские фамилии, которые служили в Московском государстве того века, найдем их не менее двухсот. Итак, целая половина всего московского боярства в его новом составе в продолжение XVI в. не имела своих представителей в думе и на деле была лишена того политического преимущества, которое одно давало боярским фамилиям значение боярства. Так образовался в составе боярства особый слой, оставшийся за думным штатом. По происхождению, «по отечеству», он принадлежал к боярству, но начал отделяться от него по службе, не попадая в думу, в звание бояр и окольных. Люди этого слоя обыкновенно носили название *детей боярских*, т. е. кандидатов на боярство. Хотя эти люди оставались за дверьми думы, но им нашли видную деятельность в новом административном строе Московского государства. Чем более расширялись его границы, тем более усложнялся его административный механизм. Появился ряд новых учреждений, непохожих на прежние; эти учреждения ведали не военные, а финансовые и полицейские дела. К этим делам была непривычна первостепенная военно-придворная знать; для них потребовались новые дельцы, обладавшие деловой опытностью, какой не давала ратная служба, и умением вести канцелярские дела. Люди этого слоя, составившегося из упавших московских боярских фамилий и из боярских родов, которые пришли из уделов, теперь и понадобились для этих новых административных задач. Начиная службу снизу, хорошо знакомые с подробностями административного делопроизводства, они иногда высоко поднимались по службе и получали в заведование важные дела, с которыми постоянно должна была справляться боярская дума. Таким образом, этих гражданских административных дельцов правительство должно было ввести в состав думы. Но они были слишком худородны, чтобы их можно было вводить в думу прямо со званием бояр или окольных; они принадлежали, говоря старым московским языком, к «таким статьям родов, которые в боярах не бывают». Таковы были Зюзины, Адашевы, Алферьевы, Черемисины, Сукины и др. Для них и создан был третий думный чин. В княжение Василия, отца

Грозного, в торжественных случаях упоминаются по актам вслед за боярами и окольными детьми боярские, *что в думе живут*, т. е. бывают, имеют в ней место или приглашаются на ее заседания. С половины XVI в. эти дети боярские, в думе живущие, получают звание думных дворян.

Так произошло разделение личного состава думы на три чина. В списках людей, которые облакались этими чинами, мы встречаем три особых слоя в составе московского боярства. Думные чины в то время не были неподвижными, замкнутыми политическими состояниями; члены одной и той же фамилии одновременно носили разные думные чины. Думных дворян за службу возводили в окольные, окольные дослуживались до боярства, но в то время эти звания еще не превратились в простые служебные ранги, сохраняли некоторое социальное различие: за каждым из них стоял особый генеалогический слой. Бояре выходили преимущественно из знатнейших княжеских фамилий, к которым присоединились немногие роды старого московского боярства. Окольничество принадлежало преимущественно тем фамилиям этого последнего, которые успели спасти свое положение при наплыве новых титулованных слуг в Москву. Наконец, думное дворянство было политическим приютом для выслужившихся дельцов того смешанного класса, который состоял из упавших фамилий старого московского боярства и из массы пришлых бояр удельных. Таким образом, чиновный состав думы в XVI в. отражал в себе генеалогический склад московского боярства того времени. Между слоями, из которых состояло это боярство, и разверстаны были соответственно их генеалогическому значению различные функции высшей приказной службы. Деятельность думных людей не ограничивалась законодательными работами в думе: они занимали и другие высшие должности, управляли московскими приказами и областями, командовали полками, словом, руководили всем управлением, но не с одинаковым авторитетом. Важнейшие должности по военному и гражданскому управлению поручались боярам, второстепенные окольным; на думных дворян возлагались преимущественно второстепенные должности по гражданской, финансовой и полицейской администрации.

УСТРОЙСТВО МОСКОВСКИХ ЧИНОВ. За думными чинами в служилой иерархии следовали *чины московские*. Происхождение их тесно было связано с чиновным делением думы. В думу при ее

нешироком численном составе попадали немногие члены боярских фамилий, притом они получали места в ней после долгих лет службы вне ее: боярами и окольными становились уже пожилые служаки. Огромное большинство лиц, принадлежавших к боярскому классу, всю жизнь оставалось в звании детей боярских, дожидаясь места в думе.

ДВОР МОСКОВСКОГО ГОСУДА-
ДАРЯ В XVI в. Эти не попавшие в думу члены боярских фамилий, или дети боярские, и составляли, собственно, двор московского государя. Во второй половине XVI в. эти дворовые дети боярские получили общее название *московских дворян*. До половины XVI в. этот двор не имел правильного устройства. Дети боярские, или московские дворяне, расписаны были по разным уездам, где находились их недвижимые имущества. Но в 1550 г. дворяне, обязанные службой в столице, были сосредоточены в один класс и крепче привязаны к столице, получили правильную организацию и более определенное служебное назначение.

НАБОР ДЕТЕЙ БОЯРСКИХ
ДЛЯ СТОЛИЧНОЙ СЛУЖБЫ ПО ЗАКОНУ 3 ОКТЯБРЯ
1550 г. 3 октября 1550 г. государь приговорил с боярами набрать по разным уездам тысячу человек детей боярских, лучших слуг, и раздать им поместья в Московском и ближайших уездах не далее 70 верст от столицы. Эти новобранцы должны были всегда быть наготове в столице для исполнения различных правительственных поручений. Их разделили на три «статьи», или разряда, по размерам поместных окладов. К этим детям боярским присоединили несколько бояр и окольных, которые не имели ни вотчин, ни поместий вблизи Москвы. Боярам, окольным и дворянам первой статьи назначили поместный оклад в 200 четей (четь — $1\frac{1}{2}$ десятины) пахотной земли, не считая сенокосной, детям боярским второй статьи — по 150 четей, третьей статьи — по 100. Всего было помещено 28 бояр и окольных и 1050 боярских детей; пахотной земли им роздано 138 200 четей, т. е. 207 тыс. десятин. До нас дошел полный список этой тысячи. В первой статье, очень немногочисленной, встречаем все титулованные или знатные нетитулованные имена: здесь обозначен и князь Андрей Михайлович Курбский, и Никита Романович Юрьев, родной брат царицы. Напротив, во второй статье являются люди неодинакового происхождения: рядом со

знатью обозначены члены очень скромных служилых фамилий. Наконец, в третьей статье очень мало родовитых имен; господствует рядовое дворянство. Таким образом, статьи, на которые разделены были дети боярские, помещенные вокруг столицы, представляли собой особые чины, различавшиеся степенью знатности. К концу XVI в. деление на статьи заменилось делением на чины *стольников, стряпчих, московских дворян и жильцов*. Названия этих чинов прежде значили придворные должности, подобно званию окольного; теперь они получили значение простых чинов. Этим набором пополнены были ряды дворянства, привязанного службой к столице.

ДВОЙНОЙ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ МОСКОВСКОГО ДВОРЯНСТВА. Оно получило двойственный состав: рядом с людьми знатных фамилий стали люди, набранные по различным уездам государства из низшего провинциального дворянства. Служба «по московскому списку» была началом служебной карьеры для людей знатных фамилий и завершением ее для людей среднего и низшего дворянства. Молодой сын боярина, достигнув боевого возраста, обыкновенно начинал служить московским дворянином или стольником и потом, смотря по знатности, получал место в думе со званием окольного или прямо боярина. Напротив, дворянин провинциальный, долго прослужив по «выбору», потом возвышался в чин жильца, в редких случаях — московского дворянина и еще реже — стольника. Этот двойственный состав московского списка легко различить, просматривая боярскую книгу 1627 г.: здесь обозначены имена бояр, окольных и всех чинов московского списка: поименовано 236 стольников, 94 стряпчих и 826 дворян московских; жильцов несколько позднее, в половине века, было около 2 тыс. Любопытно остановиться на длинном списке московских дворян; первые два-три десятка имен в нем принадлежат все к знатнейшим титулованным или нетитулованным фамилиям: это князья Голицыны, Хованские, Ростовские, Прозоровские — дети бояр Шереметевых, Салтыковых, Бутурлиных. Чем ниже спускаемся мы по этому списку, тем реже мелькают знатные имена. Напротив, все чаще и чаще попадаются фамилии, члены которых никогда не появлялись в списках думных чинов: Биркины, Боборыкины, Загряжские, Наумовы и т. д., с отметками при именах некоторых из них, что прежде они служили выборными дворянами по такому-то городу. Значит, «московский список» был служебным поприщем,

на котором встречались друг с другом обе половины служилого класса — знатная и рядовая.

ДВОЯКИЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПОРУЧЕНИЯ — АДМИНИСТРАТИВНЫЕ И ВОЕННЫЕ, ПАДАВШИЕ НА МОСКОВСКИХ ДВОРЯН СВЕРХ ОБЩЕЙ РАТНОЙ ПОВИННОСТИ. Согласно с этим двойственным составом на московское дворянство падали сверх их общей ратной повинности и двойкие служебные поручения: административные и военные. Стольников и московские дворяне в мирное время были вечно на посылках: их назначали управителями второстепенных московских приказов, воеводами во второстепенные города, в свиту к послам, отправляемым к иностранным дворам, их посылали и для производства следствий по важным уголовным делам в различные части государства, словом, на них возлагались все особые административные и дипломатические поручения. Это были исполнительные орудия гражданского управления. Рядом с этим они занимали совершенно особое положение в военном строе: стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы составляли значительный и наилучше вооруженный корпус, называвшийся «царевым полком» и обыкновенно сопровождавший царя в военных походах; их бывало иногда более 6 тыс. человек. Но они редко ходили в походы всей массой: они имели еще значение офицерского запаса для провинциальных служилых людей. Часть их рассылалась в военное время по армейским полкам, состоявшим из провинциального дворянства. В этих полках они служили полковниками и головами, т. е. батальонными и ротными командирами, а также составляли свиту полковых воевод, т. е. корпусных командиров. Таким образом, одну часть московского дворянства, составлявшую царев полк, можно назвать московской гвардией, а другая, руководившая полками городского дворянства, имела значение московского генерального штаба. Но не думайте, что и в царевом полку люди московского списка служили рядовыми: они были большей частью крупные землевладельцы, которые выходили в поход со значительным числом вооруженных холопов. Мы увидим после, как разверстана была эта ратная служба по размерам землевладения. Каждый московский дворянин выступал в поход с десятками или сотнями вооруженных холопов и ими командовал. Таким образом, люди московских чинов, служа командирами частей в городских полках, вместе с тем и в своем царевом полку имели значение командиров вотчинных

холопских отрядов. Чтобы нагляднее видеть это двойственное значение московского дворянства, достаточно просмотреть роспись 1681 г.

Всего стольников и других московских чиновных людей по этой росписи считалось 6385 человек, из них 3761 человек рассеяны были по полкам провинциального дворянства в офицерских должностях; 2624 входили в состав московского гвардейского корпуса, «царева полка», но они приводили с собой в этот полк 21 тыс. с лишком вооруженных холопов, так что весь московский корпус состоял почти из 25 тыс. с небольшим; на каждого дворянина в нем приходилось круглым числом почти по десяти холопов.

ОТНОШЕНИЕ МОСКОВСКИХ ЧИНОВ К ДУМНЫМ.

Перечисленные московские чины различались между собою свойством административных и военных поручений, какие возлагались на людей каждого из них. Стольник назначался в более важную «посылку», чем дворянин московский, и т. д. Вместе с тем в среде этих чинов существовало такое же иерархическое движение, как и в думных чинах: жилец повышался в дворяне московские, дворянин — в стряпчие или в стольники. Но это движение несколько отличалось от того, какое происходило в думной службе. Думные чины давались преимущественно *по отечеству* или по породе. То же отечество служило основанием чиновного возвышения и для знатных людей, служивших по московскому списку, но значительное большинство столичного дворянства поднималось на чиновной лестнице *по службе*, т. е. по заслугам, а не по породе. Таким образом, двойственный генеалогический состав московского списка отражался и в служебном движении людей, по нему служивших.

ЛЕКЦИЯ XV

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛУЖИЛЫХ ГОРОДОВЫХ ЧИНОВ. РАЗВЕРСТКА СЛУЖБЫ ПО ЗЕМЛЕ И ПРЕВРАЩЕНИЕ УДЕЛЬНЫХ ДВОРОВ В МЕСТНЫЕ ОБЩЕСТВА СЛУЖИЛЫХ ВОТЧИННИКОВ. РАЗВЕРСТКА ЗЕМЛИ ПО СЛУЖБЕ И ОБРАЗОВАНИЕ НОВЫХ ОБЩЕСТВ СЛУЖИЛЫХ ПОМЕЩИКОВ. ПОЗЕМЕЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО НОВОБРАНЦЕВ НА ОПАСНЫХ ГРАНИЦАХ ГОСУДАРСТВА.

СЛЕДСТВИЯ РАЗВЕРСТКИ СЛУЖБЫ ПО ЗЕМЛЕ И ЗЕМЛИ ПО СЛУЖБЕ:

- 1) РАЗРУШЕНИЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ МЕСТНЫХ ОБЩЕСТВ СЛУЖИЛЫХ ВОТЧИННИКОВ;
- 2) ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДВОЙСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА И СОСТАВА СТОЛИЧНОГО ДВОРЯНСТВА;
- 3) УСТАНОВЛЕНИЕ НОРМЫ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛУЖИЛЫХ ГОРОДОВЫХ ЧИНОВ. Изучая происхождение высших служилых чинов, думных и столичных, мы видели, что они имели генеалогический источник и правительственное значение. Они соответствовали слоям, из которых составилась московская служилая знать к XVI в., и различались важностью правительственных поручений, какие возлагались на людей того или другого чина. Чиновное деление низшего провинциального дворянства имело другое основание: здесь чиновные различия возникли из распорядка поголовной ратной службы, т. е. общей повинности, падавшей на всех служилых людей, как столичных, так и городских. Если высшие чины были различных степеней правительственного доверия или авторитета, которым облакались лица, их носившие, то городские чины были различных степеней боевой годности. В тогдашнем военном строе боевая годность служилого человека определялась не столько строевой выучкой или личной храбростью, сколько количеством вооруженных дворовых людей, с которыми он выступал в поход, и качеством своего и их вооружения. Такой боевой годностью иной молодой знатный стольник, унаследовавший от отца обширную вотчину, намного превосходил иного старого боярина, выводя в поле несравненно большее количество хорошо вооруженных ратников. Тем не менее в военном и гражданском управлении стольник становился гораздо ниже боярина, пока сам не дослуживался «до дум», т. е. до думного чина. Напротив, положение провинциального дворянина в городской чиновной иерархии определялось исключительно его боевыми средствами.

РАЗВЕРСТКА СЛУЖБЫ ПО ЗЕМЛЕ. Эта разница происходила оттого, что обязанности

правительственной службы распределялись между служилыми людьми по их отчеству, породе, а тягости ратной службы разверстывались по земле, т. е. по землевладельческой состоятельности.

ПРЕВРАЩЕНИЕ УДЕЛЬНЫХ ДВОРОВ В МЕСТНЫЕ ОБЩЕСТВА СЛУЖИЛЫХ ВОТЧИНИКОВ. Первоначально, т. е. в первую пору образования Московского государства, «дворы» терявших самостоятельность князей оставались на местах, образуя местные землевладельческие общества; с них снимался только верхний слой — знатнейшее удельное боярство, которое вслед за своими князьями переселялось в Москву для столичной службы. Но и в столице эти пришлые элементы московского двора некоторое время не смешивались со старыми московскими служилыми людьми, образуя особые родословные или удельные группы. Так, знатные придворные люди, присутствовавшие во дворце при торжественном приеме польских послов в 1542 г., были расписаны на такие группы: «князи Оболенские, князи Ростовские, князи Ярославские, князи Стародубские, двор Тверской, Москва». В последней группе поименованы члены двух старинных московских фамилий — Морозовых и Шеиных, да один Ласкирев — сын выехавшего в Москву в конце XV в. знатного грека из фамилий Ласкарисов. Люди, принадлежавшие к этим местным группам, — князья Оболенские, Ростовские и двор тверской, Москва — владели вотчинами в тех княжествах, имена которых носили. Так, ратные люди в Московском государстве первоначально складывались в местные служилые общества *по земле*, т. е. по месту землевладения.

РАЗВЕРСТКА ЗЕМЛИ ПО СЛУЖБЕ И ОБРАЗОВАНИЕ НОВЫХ ОБЩЕСТВ СЛУЖИЛЫХ ПОМЕЩИКОВ. Но рядом с этими местными обществами, основанными на удельном распорядке служилых людей, возникали другие, вызванные новыми стратегическими условиями внешней обороны. По мере расширения Московского государства в состав его территории входили местности, в которых было мало или вовсе не было служилых землевладельцев, но которые нуждались во внешней защите. Для ограждения таких местностей от внешних нападений они заселялись безземельным людом, состоявшим из низших слуг прежних удельных дворов, из тяглых людей и даже привычных к оружию холопов, которых правительство брало из боярских дворов и

ставило в ряды провинциального дворянства. Подьячий второй половины XVII в. Котошихин, вспоминая об этой усиленной военной вербовке, в своем описании Московского государства говорит, что в прошлые давние годы, когда у Московского государства были войны с окрестными государствами, ратных людей набирали из всяких чинов и многие из них «за службу и полонное терпение» (т. е. за страдания в плену) освобождались от холопства и крестьянства и получали в награду за свою службу небольшие поместья и вотчины.

ПОЗЕМЕЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО НОВОБРАНЦЕВ НА ОПАСНЫХ ГРАНИЦАХ ГОСУДАРСТВА. Средством для поземельного устройства этих новобранцев был новый вид землевладения, выработавшийся в Московском государстве и получивший название *поместного*. Я не буду говорить ни о происхождении этого землевладения, ни о тех юридических отношениях, которые входили в состав поместной системы: одни из вас, может быть, слушали об этом в общем курсе русской истории, другие услышат в общем курсе истории русского права. Для нас теперь важны практические последствия этой системы, которые показывают, как устроилось военно-служилое и поземельное положение провинциального дворянства при помощи законодательства о поместном владении. Напомню только, что в Московском государстве поместьем в отличие от вотчины, наследственной поземельной собственности, назывался участок казенной земли, данный служилому человеку во временное, обыкновенно пожизненное, владение под условием службы и как средство для службы. Этот вид землевладения возник еще в удельные века: его черты носили на себе те участки, которыми князья наделяли за службу — и только на время службы — не боевых, а дворцово-хозяйственных своих слуг, знакомых уже нам под названием слуг «под дворским». Только в XV и XVI вв. это землевладение было распространено на всех служилых людей и приведено было законодательством в стройную систему.

Эта поместная система была выражением другого правила, которое положено было в основу военно-поземельного устройства служилых людей и было тесно связано с первым, которое проводилось чрез вотчинное землевладение. Мы видели, что, когда ратная служба стала обязательной повинностью целого класса, ее тягости были разложены между служилыми людьми по земле, т. е. по размерам вотчины каждого. Но если все люди,

владевшие землей, должны были нести ратную службу в меру земельного владения, то, естественно, все, кто нес постоянную ратную службу, должны были владеть землей соразмерно со служебными тягостями. Так правило *служить по земле* привело к другому, обратному — *владеть землей по службе*. Согласно с этим новым правилом и наделялись поместьями безвотчинные или маловотчинные служилые люди. Это испомещение не только ввело новых землевладельцев в ряды старых местных вотчинных обществ, но и создало в продолжение XVI и XVII вв. одно за другим новые уездные землевладельческие общества, на которые падала обязанность защищать ближайšie к ним границы государства. Наиболее угрожаемые западные, южные и восточные границы были обсажены более или менее густыми рядами помещиков, которыми, как живой изгородью, с трех сторон был защищен государственный центр. Мы можем судить о ходе этих оборонительных работ по нескольким сохранившимся в памятниках данным. В 1488 г., несколько лет спустя по завоевании Новгорода, здесь был открыт заговор, вследствие которого более 8 тыс. бояр, знатных горожан и купцов переселены были из Новгорода в Московскую землю. Эти бояре и знатные горожане были в большинстве крупные землевладельцы. Личные землевладельцы должны были служить по правилу московской политики; но туземные землевладельцы на своих новгородских вотчинах были опасны для московского правительства. Поэтому 8 тыс. переселенцев были рассыпаны по уездам Владимирскому, Нижегородскому, Муромскому, Переяславскому, Юрьевскому, Ростовскому и Костромскому и наделены поместьями. На их опустелые места посланы были сотни московских служилых людей, которым розданы были в поместья конфискованные вотчины переселенцев. При этом, чтобы добыть требуемое количество московских служилых заместителей, велено было распустить более пятидесяти семей походных холопов, служивших во дворах московских бояр Тучковых, Шереметевых, Ряполовских, Травиных и др. Все эти невольные отпущенные получили поместья в Вотьской пятине, пограничной с шведскими и ливонскими владениями. До нас дошла окладная книга этой самой пятины, составленная в 1500 г. В 14 погостах двух уездов этой пятины, Ладожского и Ореховского (уездный город Орешек), мы встречаем по окладной книге 106 московских помещиков и между ними много бывших холопов московских бояр. В имениях всех этих помещиков значилось около 45 тыс. десятин пахот-

ной земли, на которой работало более 4 тыс. крестьян и помещичьих дворовых людей. Такое служилое гнездо свито было Москвой в пограничном с шведскими владениями уголке Новгородской земли менее чем в два десятилетия. Еще раньше и гуще заселены были восточные и северо-восточные уезды. В 1499 г. был совершен под командой князя Семена Курбского поход за Урал на вогулов, нападавших на русские владения; под начальством князя было послано, между прочим, 1304 служилых человека Устюжского уезда и более 2 тыс. служилых людей Вятского, Важского и Пинежского уездов. Еще заботливее огораживались самые опасные, южные границы. Барон Герберштейн, посетивший дважды Московию в начале XVI в. и хорошо ее изучивший, говорит, что даже в мирное время по рекам Оке и Дону ставили ежегодно до 20 тыс. ратных людей для предупреждения татарских нападений. По установившемуся порядку мобилизации большинство этих сторожевых отрядов состояло из служилых людей южных пограничных уездов. Можно даже уловить по книгам XVI в. географическое распределение провинциального дворянства. В центральных уездах, особенно в Московском, было очень мало городских дворян; решительно преобладали землевладельцы высших чинов, думных и московских, обыкновенно крупные вотчинники с крупными поместными окладами. Поместья самих городских дворян, рассеянные между крупными именьями людей высших чинов, в этих уездах были также довольно значительны. Чем дальше от Московского уезда на восток и юг, тем реже становились поместья и вотчины высших чинов, тем больше являлось провинциальных помещиков и тем мельче были их поместные оклады. Размеры помещичьего и вотчинного землевладения шли в редущем порядке от центра к южным, западным и восточным окраинам. Возьмем список служилых людей Коломенского уезда с их поместными окладами 1577 г. По этому списку значилось 295 помещиков, за которыми по окладам числилось 840 тыс. десятин пахотной земли, не считая лесной, луговой и неудобной. Следовательно, на каждого помещика приходилось по 285 десятин. Возьмем список служилых людей Рязского уезда 1597 г. Рязский уезд в конце XVI в. принадлежал к числу юго-восточных пограничных. По списку в нем было 770 поместий, в которых по окладам значилось 127 820 десятин; следовательно, среднее поместье имело 166 десятин. Такова разница от среднего поместья Коломенского уезда, заключавшего в себе 285 десятин. В этом Рязском и в смежных

или еще более южных уездах — Епифанском, Ефремовском, Козловском, Лебедянском, Елецком, Ливенском, Воронежском — в конце XVI и начале XVII в. садились служилые люди «вновь на диких полях». Там было чрезвычайно мало, в иных местах даже совсем не было крестьян, служилые люди были первыми русскими поселенцами со своими дворовыми людьми. Они рассаживались не одинокими помещичьими усадьбами, а огромными сплошными и притом укрепленными селениями и почти все жили «однодворкою», т. е. имели только свои собственные дворы, не имея крестьянских дворов.

СЛЕДСТВИЯ РАЗВЕРСТКИ СЛУЖБЫ ПО ЗЕМЛЕ И ЗЕМЛИ ПО СЛУЖБЕ. Совместным действием обоих правил, которые легли в основание устройства служилых провинциальных людей, и вызван был ряд важных для этого класса следствий.

РАЗРУШЕНИЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ МЕСТНЫХ ОБЩЕСТВ СЛУЖИЛЫХ ВОТЧИННИКОВ. 1) Разбились старинные общества служилых вотчинников, которые образовались еще в удельное время. Малоземельные слуги удельных князей, жившие кормлениями, теперь рассеялись по поместьям в разных уездах, отдаленных от места службы их отцов. То же самое случилось и с потомками самих удельных князей: князья Оболенские стали помещиками в Новгородской земле, князя Дулова, из линии Ярославских, встречаем мелким помещиком в Рязском уезде, а князя Засекина из той же линии — в Каширском.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДВОЙСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА И СОСТАВА СТОЛИЧНОГО ДВОРЯНСТВА. 2) В половине XVI в., как только установились новые уездные служилые общества, состоявшие из вотчинников и помещиков, с них опять был снят верхний слой для столичной службы, как было сделано еще прежде, в XV в. Этим слоем и была та тысяча, о которой я упоминал в прошедший раз, набранная из детей боярских разных уездов и получившая поместья около Москвы. В нее попали, по выражению указа 1550 г., «лучшие слуги», т. е. наиболее состоятельные и годные к ратной службе. То были или знатные люди, владевшие хорошими наследственными вотчинами, каков был, например, князь Мезецкий, у которого в вотчине оказалось более 2 тыс. десятин пахотной земли, или потомки служи-

лых людей очень простого происхождения, но успевшие удачно устроиться на пожалованных им поместьях. Между ними встречались даже потомки бывших боярских холопов, распущенных при великом князе Иване III и получивших поместья в Новгородской земле. Получивши подмосковные поместья, люди этой тысячи не потеряли своих вотчин и поместий в уездах, из которых были взяты, но, вошедши в состав столичного дворянства, они вышли из дворянских уездных обществ, к которым прежде принадлежали. Отсюда и произошел двойственный генеалогический и служебный характер этого дворянства. В нем встречались люди отечества, породы, с людьми службы, выслуги. Это были и лучшие боевые ратники («царев полк»), и исполнительные орудия управления. Таким образом, одной стороной своей деятельности и вершиной своего состава московское дворянство было обращено к боярству, а другой стороной своей деятельности и нижней частью состава — к провинциальному дворянству.

УСТАНОВЛЕНИЕ НОРМЫ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ. 3) Если государственное положение боярства держалось на отечестве, а положение столичного дворянства — на отечестве и приказной службе, то положение городского дворянства строилось единственно на ратной службе. Применяя оба правила, в половине XVI в. законодательство установило норму поземельной службы. В летописи среди узаконений 1556 г. мы встречаем плохую парафразу закона, не дошедшего до нас в подлиннике, который гласил приблизительно следующее: «Государь рассмотрел, что иные вельможи и воины многими землями завладели, а службой оскудели — несоразмерна их служба с государевым жалованьем (поместьями) и с их вотчинами; потому государь указал измерить их земли и уравнивать их поместьями, наделив каждого, кто чего заслуживает; а лишнее отобрать и разделить между неимущими. И тогда установлена была точно определенная служба с вотчин и поместий: со ста четвертей доброй угожей земли человек на коне и в полном доспехе, а в дальний поход с другим конем запасным, и кто послужит по земле, того государь пожалует кормлением и на людей походных даст денежное жалованье; кто же землей владеет, а службы с нее не платит, с того самого взыщут деньги за походных людей. И все устраивал государь так, чтобы служба его государская была безо лжи и без греха по правде». Что-

бы понять этот важный закон, надобно припомнить значение земельной чети, или четверти, в XVII в. Четъ — пространство пахотной земли, засеянное четвертью ржи; а тогда обыкновенно сеяли так, что пространство земли, засеянное двумя четвертями, равнялось нынешней десятине. Итак, четъ как земельная мера равнялась половине десятины, в трех полях, следовательно, — $1\frac{1}{2}$ десятины. Таким образом, нормой поземельной службы был установлен один вооруженный конный ратник с каждых 150 десятин пахотной земли. Поэтому владелец 300 десятин пашни должен был выступать в поход сам-друг с вооруженным холопом и т. д. Но эта норма имела двухстороннее применение согласно с двумя указанными правилами, из которых была выведена. Если с каждых 150 десятин пахотной земли по закону ставился в поход один вооруженный конный ратник, то, с другой стороны, каждый служилый человек, являвшийся в поход вполне вооруженным конным ратником, должен был иметь поместье не менее 150 десятин пахотной земли. Применяя так служебную норму, московское правительство и разверстало между провинциальным дворянством тягости ратной службы, разделив этой разверсткой провинциальное дворянство на три чина, которые следовали снизу вверх в таком порядке: дети боярские городовые, дети боярские дворовые и дворяне выборные.

ЛЕКЦИЯ XVI

ДЕТИ БОЯРСКИЕ ГОРОВОДЫЕ; ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭТОГО ЗВАНИЯ.
РАЗВЕРСТКА СЛУЖБЫ МЕЖДУ ГОРОВОДЫМИ ЧИНАМИ ПО ДЕСЯТНЫМ XVI И XVII ВВ. ОТНОШЕНИЕ ПОМЕЩИЧЬЕГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ К ВОТЧИННОМУ.
ПОМЕСТНЫЕ ОКЛАДЫ И ПОМЕСТНЫЕ ДАЧИ. ОТЛИЧИЕ ГОРОВОДОГО ЧИНОВНОГО ДЕЛЕНИЯ ОТ МОСКОВСКОГО И ДУМНОГО. ВЛИЯНИЕ ВОЕННОГО УСТРОЙСТВА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА НА СОСЛОВНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА

ДЕТИ БОЯРСКИЕ ГОРОВОДЫЕ; ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭТОГО ЗВАНИЯ. Термина *дети боярские* не понимали уже в XVII в.: его не умел объяснить и Котошихин; но происхождение его объясняется довольно просто. В удельных княжествах образовалось очень много боярских фамилий, т. е. служилых родов, члены которых бывали в звании бояр. Но звание боярина обыкновенно жаловалось служилым людям уже в

зрелых летах, притом не всем членам боярских фамилий. Члены боярского рода, еще не получившие звания бояр, в удельное время назывались *детьми боярскими*, которые стояли выше простых вольных слуг или дворян. С исчезновением уделов только знатнейшее удельное боярство перешло в Москву. Члены боярских родов, не носившие этого звания, остались на местах, нося звание боярских детей, как бы кандидатов на боярство. Но мы видели, что большая половина боярских фамилий, записанных в боярскую родословную книгу XVI в., не провела в продолжение всего этого столетия ни одного члена в думу. Таким образом, большая половина старых боярских фамилий удельного времени перестала принадлежать к действительному боярству. Члены этих, так сказать, заштатных боярских фамилий рождались и умирали в продолжение целого века с лишком в звании детей боярских. Таким образом, *боярский сын* становился синонимом провинциального служилого человека. Некоторых из этих городских детей боярских брали в столицу «во двор», т. е. для дворцовой службы. С половины XVI в. или раньше эти дети боярские получили название *дворовых*, или *дворян*. Так, *дворянин*, прежде означавший слугу вольного, небоярского происхождения и потому стоявший ниже боярского сына, теперь превратился в придворное звание, в которое возводились только некоторые городские дети боярские. Благодаря тому звание детей боярских стало низшим провинциальным чином. Высшие чины провинциального дворянства стали зваться боярскими дворовыми детьми и выборными дворянами. Некоторые из них дослуживались до столичного дворянства и в чине московских дворян назывались *дворовыми дворянами*, или *дворянами большими*.

РАЗВЕРСТКА СЛУЖБЫ МЕЖДУ ГОРОДОВЫМИ ЧИНАМИ ПО ДЕСЯТНЯМ XVI И XVII вв. Теперь посмотрим, как разверстывалась служба между служилыми людьми и как они верстались поместьными окладами. Для того и другого назначались *смотри*, или *разборы*. Смотр служилым людям уезда производился полковыми воеводами на походе или особо назначаемыми ревизорами, *разборщиками*, которые в мирное время приезжали в уезды и созывали на съезд все уездное дворянство. Разбор и верстанье служилых людей производились посредством допроса их выборных представителей, которые назывались *окладчиками*. Их выбирали, смотря по надобности, в числе четырех, пяти и даже более десяти

человек; при вступлении в должность они приносили присягу; в каждом уезде это была как бы коллегия уездных предводителей дворянства. Они обязаны были сообщать о дворянах своего уезда все сведения, какие были нужны присланному из столицы разборщику. Руководствуясь их показаниями, разборщик назначал каждому дворянину род службы, беспоместным дворянам поместные оклады, составлял список всех служилых людей уезда, разделяя их на чины и чины на статьи, подробно обозначая как оклад, так и род службы каждого человека. Эти списки носили название *десятьень*. Несколько их дошло до нас еще от XVI в.; XVII столетие оставило их нам сотни, [но] ни одна из них не издана. Изучение этих списков открывает приемы разверстки службы и окладов между служилыми людьми. Согласно с обоими основными правилами разверстки, поместные оклады назначались по качеству службы или боевой годности, и наоборот — качество службы и степень боевой годности определялись прежде назначенными окладами. Боевая годность определялась четырьмя способами: 1) разборщик спрашивал окладчиков про служилого человека, каков он *собою*? Если ему говорили, что он *собою* молод или «молодец», ему назначали хороший оклад; если говорили, что он *собою* худ, т. е. стар или слаб, его писали в низший разряд. Так, встречаем выражения окладчиков: «собою молод и окладу того стоит». 2) Разборщик спрашивал, каков служилый человек *своею головою*? Если окладчики говорили, что он *своею головою* добр или середний, это значило, что он имеет хорошие материальные средства и хорошо ведет свое земельное хозяйство, имеет хорошее вооружение, коней, боевых холопов, словом, хорошее походное обзаведение и способен нести добрую походную службу. 3) Разборщик спрашивал, каков служилый человек *отечеством*? Если ему говорили, что он *отечеством* добр, это значило, что отец его служил в хорошем чине, например выборным дворянином, и, следовательно, мог передать сыну боевой навык и боевые средства. Наконец, 4) разборщик спрашивал, каков служилый человек *своею службой*, т. е. бывал ли он прежде в походах, приобрел ли боевую опытность или только что выступает на служебное поприще? Руководствуясь этой оценкой, разборщик писал одних в низший чин боярских городовых детей, назначая им служить службу «осадную» либо «ближнюю», состоявшую в защите ближней границы, других писал в чин детей боярских дворовых, назначая им службу «дальнюю», состоявшую в далеких походах, кото-

рые требовали хорошего походного прибора и больших расходов, наконец, третьих зачислял в чин дворян выборных, которые кроме дальних походов очередными партиями призывались в Москву для исполнения разных придворных обязанностей. Служилый человек, признанный добрым и собою, и по отечеству, и даже по службе, иногда возражал разборщику, желавшему записать его в высший разряд, говоря: «На службе быть мне не с чего: бобылишки и крестьянишки мои худы, а сам я беден», и просил записать его в низший чин. Для примера приведем из Коломенской десяти 1577 г. описание службы одного дворового сына боярского второй статьи: поместный оклад 350 четей; быти ему на службе на коне в панцире, в шеломе, в саадаке (с луком и стрелами), в сабле да три человеки (боевые холопы) на конех в пансырех, в шапках железных, в саадакех, в саблех с копыи да три кони простые да человек о дву меринех в кошу (в обозе с запасами).

Сообразно с прежней службой и степенью боевой годности назначались служилым людям разных чинов различные размеры поместных окладов. Впрочем, в разных уездах и общие нормы чиновных окладов были не одинаковы: это зависело от густоты служилого населения. В Московском уезде оклады вообще были мельче, чем в Рязском, потому что первый уезд был гуще заселен служилым людом, чем последний. В каждом уезде оклады различались по чинам. Но так как к поместным окладам в подспорье назначались еще и оклады денежного жалованья, которое выдавалось обыкновенно перед походом, то благодаря различным комбинациям поместных и денежных окладов каждый чин распадался на несколько статей. Возьмем упомянутую десятню Коломенского уезда 1577 г. В Коломенском уезде не было «выбора»: служили только дворовые и городовые дети боярские. Поместные оклады дворовых людей были от 400 до 200 четей, т. е. от 600 до 300 десятин, денежные — от 14 руб. до 8 руб. (от 840 до 480 руб. на наши деньги); по размерам этих окладов дворовые люди распадалась на 14 статей. Городовым людям назначались оклады от 300 до 100 четей; денежный оклад — от 14 руб. до 6 руб.; их было более 20 статей.

Городовые дети боярские служили либо на конях, либо пешие; в первом случае они ходили лишь в ближние походы для защиты ближайших границ, во втором — не ходили в походы, а составляли гарнизон. Дети боярские дворовые служили везде на конях: либо также ходили в

ближние походы, либо, смотря по состоятельности, назначались и в дальние. Наконец, выборные дворяне, высший разряд провинциального дворянства, не только исполняли все службы низших чинов, но и отправлялись в редкие, особенно тяжелые и отдаленные походы, например через всю степь против Крыма. В такие походы изо всех уездов выбирались только отборные служилые люди, составлявшие *выбор*. Так, в 1533 г. царь приговорил послать на крымские улусы боярина Шереметева с детьми боярскими московских городов *выбором*; из смоленских выбрать лучших слуг, а из северских городов, ближайших к месту назначения, всех поголовно.

Итак, поместные оклады назначались по чинам, как чины назначались по службе, т. е. по боевой годности и по заслугам. Но количество четвертей, назначенное в оклад, не всегда бывало действительным поместным владением служилого человека.

ОТНОШЕНИЕ ПОМЕСТНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ К ВОТЧИННОМУ. От оклада надобно отличать *поместную дачу*. Оклады назначались по чинам, но размеры дач соображались с тем, имел ли служилый человек вотчину или нет. Если он не имел вотчины, ему давали во владение полный оклад; если он имел вотчину, то ему давали в дачу только часть оклада; вотчина служила подспорьем к поместью.

ПОМЕСТНЫЕ ОКЛАДЫ И ПОМЕСТНЫЕ ДАЧИ. Можно найти указание и на отношение дач к поместным окладам. Возьмем десятню Елецкого уезда 1622 г., в которой обозначены при поместных окладах и действительные дачи. Сосчитав те и другие, найдем, что средний поместный оклад дворовых детей боярских (выборных там не было) был 240 четвертей, городских — 93, *новиков*, т. е. только что поступивших на службу и вновь верставшихся поместьями, — в 79 четвертей; всего назначено было в оклады 878 служилым людям уезда 123 230 четвертей. Но так как у многих служилых людей были более или менее значительные вотчины, то в действительное владение этим служилым людям было отведено всего 53 570 четвертей. Итак, оклад относился к даче, как 2,3 к 1. Отсюда можно обозначить такой формулой отношение оклада к даче: оклад по чину, дача по вотчине. Оклад находился в прямо пропорциональном отношении к чину, дача — в обратно пропорциональном к вотчине. Чем выше чин, тем выше оклад; чем больше вотчина, тем меньше дача.

ОТЛИЧИЕ ГОРОДОВОГО ЧИНОВНОГО ДЕЛЕНИЯ ОТ МОСКОВСКОГО И ДУМНОГО. Так обозначилось служебное и поземельное различие между чинами провинциального дворянства. Легко заметить основание этого деления, отличное от того, на котором держалась иерархия думных и московских чинов. Отношение чинов городских к думным и московским можно выразить в такой формуле: чины думные — по отечеству, чины московские — по отечеству и службе, чины городские — только по службе.

Теперь предстояло бы решить нам вопрос: как описанное устройство столичного и провинциального дворянства подействовало на склад общества, на его местное географическое размещение? Нет достаточных данных, чтобы сказать, какое количество земли роздано было в поместье владение в XV, XVI и XVII вв., где это поместье владение было распространено шире, где меньше. Мы не можем представить себе живо весь склад, какой получило общество, когда поместная система вместе с военным строем достигла полного развития. Мы можем только почувствовать, изучая этот строй, что все Московское государство, может быть, за исключением немногих местностей, покрылось более или менее густым слоем служилых вотчинников и помещиков, вооруженных и всегда готовых подняться в поход. Почти вся территория Московского государства была устроена как обширный лагерь, который был обращен фронтом в три стороны — на запад, юг и восток. Но есть один способ по данным позднейшего времени представить себе, какое действие оказал описанный военный склад служилого класса на географическое размещение русского общества. Я попытаюсь изложить вам эти данные и указать на то, о чем они говорят. Мы имеем подробные списки крепостных крестьян по ведомостям IV ревизии, которая была произведена в 1782 г. Крепостное население распределено было по губерниям не с одинаковой густотой, оно составляло неодинаково высокий процент всего сельского населения губернии. Если выписать губернии в каком-нибудь порядке с обозначением этого процента, то при первом взгляде колебания его, по-видимому, ничего не говорят. В самом деле, что можно извлечь, например, из того, что в Московской губернии крепостное население во время IV ревизии составляло 66% всего населения губернии, Вятской — всего 2%, Пермской — 33%? Что крепостное население не везде было одинаково густо, это известно и понятно; но в каком порядке оно разместилось и какие

исторические условия действовали на это размещение? Ответ на этот вопрос не дается при первом взгляде на цифры; но расположим губернии, начиная с Московской, по группам, в порядке их близости к последней, обозначая процент крепостного населения в каждой группе:

I. Московская — 66%, Владимирская — 67%.

II. Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская, Нижегородская, Костромская, Ярославская и Псковская — 83—69%, Тверская — 64%.

III. Орловская, Саратовская, Тамбовская, Пензенская, Симбирская, Новгородская — 68—45%, Вологодская — 34%.

IV. Курская, Воронежская, Казанская, Пермская, Уфимская — 47—18%.

В этом перечне нет юго-западных и западных губерний: они не были территорией Московского государства, и строение общества находилось там под действием других условий. Обозначенные губернии определяют территорию Московского государства. Что значат эти цифры? Очень густой процент крепостного населения в двух губерниях первой группы; это — самый центр Московского государства, где помещались его главный штаб и постоянная квартира его верховного вождя. Здесь крепостной процент очень густ, но есть местности, где он еще гуще. Легко заметить, что это губернии второй группы: они поясом окаймляют две центральные; в них процент значительно гуще, чем в последних. Это *первая боевая линия*, окружавшая штаб, первая оборонительная цепь и потому самая густая. Над укреплением ее всего более работали; когда эта цепь была разорвана, Московское государство становилось неспособным защищаться; как скоро татары прорывались сквозь эту линию, Москва гибла. Припомним географическое отношение губерний третьей группы ко второй и заметим, что они составляют также кольцо, оцепляющее первый пояс. Здесь процент крепостного населения ниже второй группы, приближается к тому, какой мы видели в центральных губерниях; это *вторая боевая линия*, об укреплении ее менее заботились, для укрепления ее и меньше оставалось боевых сил. Надобно обратить внимание на то, что как в первом, так и во втором поясе, окружавшем московско-владимирский центр, встречаем по одной губернии, где процент крепостного населения гораздо ниже, чем в других губерниях одного с ней пояса. Таковы в первом поясе — Тверская, во втором — Вологодская. Обе эти губернии — северные; таким образом, обе боевые цепи, окружавшие центр, замет-

но редели, потому что здесь меньше было нужды в обороне. Процент крепостного населения от Москвы к северу вообще быстро падал: в Московской—66%, в Тверской—64%, в Новгородской—55%, в Олонецкой—6%, в Архангельской почти не было крепостных. Наконец, четвертая группа составляла третью цепь, которая окаймляла вторую. Эта цепь не сплошная: вы видите, что ряд этих губерний не соединяется в непрерывное территориальное пространство. Эта цепь, на укрепление которой оставалось всего менее боевых сил, была передовой оборонительной линией и состояла из отдельных, разорванных звеньев, которые обращены были против разбросанных восточных, юго-восточных и южных инородцев—крымских татар, ногаев, башкир и др.—и защищали отдельные окраины, наименее угрожаемые. Вот почему в этой последней разорванной цепи и крепостной процент падает до низкой степени—до 18.

Итак, что такое эти кольца, окаймлявшие московско-владимирский центр? Это три боевые цепи, густота которых уменьшалась по мере удаления от центра. Следовательно, они представляли собой три степени напряжения боевых сил для защиты государственного центра. Еще в XVI и XVII вв. государство защищалось не столько укреплениями, сколько людьми, дворянской поместной милицией. Крепостное население своей густотой должно указывать, где эти боевые силы дворянской милиции были наиболее сосредоточены. Боевая крепость уезда определялась не количеством дворян, а количеством ратных сил, находившихся в уезде. В ином уезде было немного дворян, но каждый был способен вывести в поход по нескольку сот и даже тысяч. Курбский говорит, что князя Одоевские и другие водили со своих вотчин и поместий тысячи вооруженных слуг. Итак, уезд, в котором был десяток таких крупных землевладельцев-дворян, выводивших в поле целый корпус, в боевом отношении был сильнее уезда, в котором была тысяча мелких дворян, из которых каждый являлся в поход с одним холопом или даже одиноким. Но количество выводимых людей определялось количеством пахотной земли: с каждых 150 десятин шел вооруженный конный ратник. Количество пахотной земли зависело от количества крестьян, на ней работавших. Следовательно, где гуще было крепостное население, там сильнее были сосредоточены боевые силы. Вот почему эту густоту крепостного населения и можно принять за мерилло напряжения боевых сил для защиты той или другой земли Московского государства.

Ревизские сказки 1782 г.—поздняя, но верная летопись, рассказывающая о том, как устраивалась оборона Московского государства в XVI и XVII вв., т. е. как географически размещалось общество для этой обороны. Размещение крепостного населения по означенным четырем группам губерний показывает, что сильно защищен был самый центр государства, где находился штаб, руководивший его обороной; но что еще сильнее защищена была первая линия, которая кольцом огибала главный штаб. Эта линия только на севере, в Тверской губ., представляла меньше крепости (64%). Третья линия представляла другое кольцо, огибавшее первое, но уже с меньшей крепостью. Наконец, четвертая линия представляла не сплошную цепь, а ряд разорванных звеньев, которые окружали вторую цепь. Такое размещение крепостного населения концентрическими кругами вокруг Москвы в Русской империи XVIII в., очевидно, вполне было следствием того устройства военных сил, какое установлено было московской политикой XVI и XVII вв., следствием того расселения боевых землевладельцев, какое было установлено помещной системой. Эта политика размещала классы общества по соображениям стратегии, по требованиям московского Разряда, генерального штаба, окружая центр тройным оборонительным поясом, постепенно редевшим и, наконец, разрывавшимся по мере удаления от Москвы на юг, юго-запад и юго-восток. Так, в позднейших ревизских данных XVIII в. мы находим довольно яркий след, указывающий на то, какое влияние военный строй, установившийся в Московском государстве, оказал на сословно-географическое размещение русского общества.

ЛЕКЦИЯ XVII

ПОЛОЖЕНИЕ ПРИБОРНЫХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ МЕЖДУ ГОРОДОВЫМ ДВОРЯНСТВОМ И ТЯГЛЫМ НАСЕЛЕНИЕМ. СХОДСТВО ПРИЕМОВ В УСТРОЙСТВЕ СЛУЖИЛЫХ И ТЯГЛЫХ КЛАССОВ. КАЗЕННЫЕ ПОРУЧЕНИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИХ ИСПОЛНЕНИЕ. ГЛАВНЫЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ВЕРА, ДОВЕРИЕ И ПОРУКА. ОСНОВНОЕ ПРАВИЛО ПРИСЯЖНОЙ ЗЕМСКОЙ СЛУЖБЫ И ОСНОВАНИЕ ЧИНОВНОГО ДЕЛЕНИЯ ВЫСШЕГО СТОЛИЧНОГО КУПЕЧЕСТВА

ПОЛОЖЕНИЕ ПРИБОРНЫХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ МЕЖДУ ГОРОДОВЫМ ДВОРЯНСТВОМ И ТЯГЛЫМ НАСЕЛЕНИЕМ. Обращаюсь теперь к изучению

устройства многочисленного тяглового населения в Московском государстве. Но по порядку изложенной мною чиновной таблицы я предварительно сделаю короткое замечание о служилых людях по прибору. Этот класс был соединительным звеном между служилыми людьми по отечеству и тяглым населением. Первоначально он в двух отношениях отличался от служилых людей по отечеству: во-первых, служба приборных людей была временная и личная, а не наследственная, как служба служилых людей по отечеству; стрельцы, казаки, пушкари вербовались из разных классов общества: из беднейших городских детей боярских, из тяглых и вольных людей, и составляли по городам гарнизоны и полицейские команды, селились особенно по границам, как пограничные сторожевые отряды. Во-вторых, приборные люди содержались не помещными дачами, которые отводились в личное владение каждому, а либо денежным жалованьем, либо землевладением, но на особом праве, которое совмещало в себе черты помещного и крестьянского землевладения — казенная земля отводилась целым обществам таких пограничных военных поселенцев, как и крестьянам, но она отводилась на условиях помещного владения, в пожизненное пользование и с обязательством ратной сторожевой службы. Это совмещение двух землевладельческих прав впоследствии перешло на класс однодворцев, которые, с одной стороны, платили подушную подать, подобно крестьянам, а с другой — имели право владеть крепостными душами, подобно дворянам. Но с течением времени то и другое из указанных отличий постепенно исчезало: значительная часть приборных людей передавала свои служебные обязанности детям и внукам, которые получали уже характер служилых людей по отечеству. Не раз упомянутый мною московский подьячий половины XVII в. Котошихин замечает о стрельцах своего времени: «И бывают в стрельцах вечно, и по них дети и внучата и племянники, стрелецкие ж дети, бывают вечно ж». Между тем в начале XVI в., когда возникла стрелецкая пехота, она вербовалась по прибору из вольных людей, принимавших на себя лишь временную службу. С другой стороны, многие казаки и другие сторожевые люди за свои заслуги получали земельные дачи на помещном праве в личное владение и зачислялись по этим дачам в низшие чины городского дворянства. Таким образом, приборная служба имела значение канала, посредством которого происходил постоянный обмен сил между городским дворянством и несслужилыми классами. С одной стороны, в приборные

чины падали все отбросы этого дворянства, с другой — через эти чины проникали в состав дворянства лучшие боевые силы, поднимавшиеся из глубины неслужилых классов.

СХОДСТВО ПРИЕМОМ В УСТРОЙСТВЕ СЛУЖИЛЫХ И ТЯГЛЫХ КЛАССОВ. К устройству тяглового населения московская политика применяла приемы, очень похожие на те правила, по которым устраивались служилые чины. Поэтому и организация тяглых чинов многими чертами напоминает чиновное деление служилых людей.

На тяглое население падали две главные обязанности: земская казенная служба и государственное податное тягло. Но обе эти обязанности, подобно ратной и приказной службе служилых людей, были раздроблены на мельчайшие доли, которые разверстывались между различными разрядами тяглового населения. Как в служилой иерархии высшие чины возникали из разверстки приказной службы между служилыми людьми по *генеалогическому отечеству*, точно так же и высшие тяглые чины были созданы раскладкой тяжестей казенной службы между тяглыми людьми по *экономической состоятельности*. Таким образом, генеалогическому отечеству служилых людей соответствовало экономическое состояние людей тяглых.

КАЗЕННЫЕ ПОРУЧЕНИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИХ ИСПОЛНЕНИЕ. Земская казенная служба состояла в том, что тяглые общества сами обязаны были ставить казне агентов для исполнения казенных поручений, для которых она не имела своих специальных исполнительных органов. Несмотря на чрезвычайное разнообразие этих казенных поручений, их можно свести в три разряда: 1) сбор *даней и пошлин*, т. е. прямых и косвенных налогов; 2) надзор за исполнением натуральных казенных повинностей, каковы были: ямская гоньба, постройка и ремонт городских укреплений, эксплуатация казенных угодий по наряду, например рыбной ловли, казенных лугов и т. п.; 3) ведение казенных торгово-промышленных предприятий, например продажа питей, составлявшая казенную монополию, казенное добывание и продажа соли, казенная разработка рудников в XVII в., продажа дорогих мехов, поступавших в казну вместо подати с населений, занимавшихся звероловством, казенная закупка хлеба и т. д. до бесконечности. Все эти

казенные поручения были, как вы видите, или местные повинности, или казенные промышленные операции. По этому двойственному характеру они и носили название либо *государева* дела, либо *земского*. Центральным и областным коронным учреждениям — приказам, наместникам XVI в. и воеводам XVII в. — принадлежал только высший надзор и руководство всеми этими финансовыми операциями; но непосредственное ведение дела, вся черная работа падала на агентов, которых обязаны были ставить из своей среды тяглые миры. Эта казенная земская служба отличалась от службы приказной одной существенной чертой. Приказное управление требовало от управляемых повиновения, и потому главным условием его успеха был *личный авторитет* управителя. Напротив, казенная служба направлена была к получению наибольшей прибыли для казны, и потому главным условием ее успешности должна была служить строгая *имущественная ответственность* со стороны агентов.

ГЛАВНЫЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ. Так как эта служба была безвозмездная, то казна требовала двойного обеспечения ответственности земского агента: нравственного и материального.

ВЕРА. Нравственным обеспечением служила *вера*, присяга, которой земский агент обязывался умело и добросовестно вести казенное поручение. Поэтому агенты и их помощники, на которых под присягой возлагались сборы косвенных налогов и ведение торгово-промышленных операций казны, носили название *верных голов и целовальников*. Голова — главный агент, целовальники — его подчиненные помощники.

ДОВЕРИЕ. Материальной гарантией ответственности служило *доверие* казны земскому агенту как опытному и состоятельному торговцу либо промышленнику, который доказал свою коммерческую опытность хорошим ведением собственных дел и состояние которого могло бы вместе с тем вознаградить казну за причиненный ей агентом ущерб. Поэтому правительство требовало, чтобы тяглые миры выбирали по казенному поручению «людей добрых, которые были бы душою прямы и животом прожиточны и которым в сборе государевой казны можно было бы верить».

КРУГОВАЯ ПОРУКА. Если мир не выбирал такого надежного человека, имущественная ответственность за казенные убытки переносилась на самих избирателей, которые в таком случае были обязываемы *круговой порукой* за своего выборного. Так выработалось основное правило присяжной или целовальной службы по казенным поручениям, которое можно выразить в такой формуле: *земская присяжная служба по личному доверию или по мирской поруке*. Прошу вас различать обе эти гарантии, которыми казна старалась обеспечить успешность и исправность мирской службы, — личное доверие и мирскую поруку.

Выборная казенная служба по личному доверию, но не по мирской поруке и была источником высших чинов тяглой иерархии. Богатейшие и надежнейшие купцы, на которых в звании голов казна возлагала самые трудные и ценные, следовательно, наиболее ответственные поручения, например сбор таможенной пошлины на больших ярмарках в Архангельске или Астрахани, продажу дорогих казенных мехов, эти богатейшие купцы получали чин *гостей*. Купцы менее значительные и надежные, которым поручались менее важные дела или которые назначались целовальниками, помощниками к гостям, возводились в звание торговых людей *гостиной* либо *суконной сотен*. Следы такого разделения высшего купечества становятся заметны в Москве еще в конце удельного времени, и мы уже в XIV в. рядом с гостями встречаем *суконников* в составе московского купечества со значением одного из высших разрядов. Степень казенного доверия, какой условливались более или менее важные поручения, соразмерялась с оборотным капиталом уполномочиваемого агента; о размере этого капитала можно судить по свидетельству Котошихина о гостях его времени. Это были торговцы, ежегодный оборот которых простирался от 20 до 100 тысяч тогдашних московских рублей, а так как рубль половины XVII в. равнялся 17 нынешним, то этот оборот можно оценить суммой от 340 тысяч до 1700 тысяч руб. на наши деньги. Но чин гостя или торговца высшей сотни, *гостиной* или *суконной*, приобретался не размером ежегодного оборота, а самой службой по казенному поручению, успешным исполнением последней. Как бы ни был велик торговый оборот купца, он не получал звания гостя, если еще не отправил ни одной службы. Котошихин замечает о тех же гостях: «А бывают они *гостиным* именем пожалованы, как бывают у царских дел в верных головах и в целовальниках, у

соболиные казны и в таможняx и на кружечных дворах (т. е. в казенных кабаках)».

Гости, торговцы гостиной и суконной сотен в тяглой финансовой иерархии были то же самое, что столичные служилые чины—стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы—в военно-правительственной иерархии. Как те, так и другие были приписаны к столице и обязаны были в Москве иметь постоянное местожительство, где бы ни находились поместья и вотчины одних, торговые и промышленные предприятия других. Как московские дворяне рассылались из столицы по областям «для всяких дел»—править городами, командовать полками и их частями в звании воевод и голов, руководить провинциальным дворянством,—так точно и московских гостей и торговцев гостиной и суконной сотен рассылали из столицы по областным городам в звании голов и целовальников направлять казенные операции. Московское купечество высших чинов служило вообще ближайшим орудием правительства в управлении провинциальным торгово-промышленным населением и стояло к последнему в отношении полномочного руководителя. Так, московских гостей посылали в областные города верстать местных посадских людей податными окладами; им иногда поручали назначать торговых людей провинциальных городов на должности местных кабацких и таможенных голов—знак, что казна верила им больше, чем посадским провинциальным обществам. Это был, если можно так выразиться, финансовый штаб московского государя. Наконец, самый состав этих чинов близко напоминал список столичных служилых людей. Гостиной и торговцев обеих высших сотен никогда не бывало много. При царе Федоре Ивановиче гостей и людей гостиной сотни числилось 350, в суконной сотне—всего 250. Смутное время и сопровождавший его упадок торговли и промышленности страшно опустошили ряды высшего столичного купечества. В 1649 г. гостей оставалось только 13 человек; в гостиной сотне считалось 158, но надежных и годных к службе было так мало, что им приходилось получать казенные поручения через год; в суконной сотне из 116 человек только 42 были в состоянии служить, а так как из них ежегодно назначалось на службу по 18 человек, то некоторым приходилось по очереди ходить в службу также через год; службы были годовые. Это вызывало потребность в частом пополнении состава высших тяглых чинов, и как ряды московской боярской молодежи постоянно пополнялись лучшими служилыми

силами, поднимавшимися из глубины провинциального дворянства, так в сжимавшийся круг высшего московского купечества постоянно приливали лучшие промышленные дельцы из столичных черных сотен, из дворцовых и даже церковных слобод и из областного посадского купечества. «Гости, гостиная и суконная сотни полнятся всеми городами и слободами лучшими людьми». Так говорили в XVII в. В одном документе 1649 г. приведена подробная ведомость этого пополнения высших купеческих разрядов за первую половину XVII в. Может быть, вы найдете нелишним рассмотреть эту ведомость; я передам ее в такой форме. В 1621 г. в гостиную сотню по наряду дано из черных московских сотен и слобод 12 человек, в суконную — 50; в 1625 г. в гостиную из областных городов — 34; в 1630 г. — в ту же сотню из других областных городов — 34, в суконную — из областных городов — 19; в 1635 г. в гостиную сотню из патриарших и монастырских богатых крестьян — 44, в суконную из того же класса — 11; в 1642 г. в гостиную из дворцовых слобод — 12, в суконную оттуда же — 9; в 1644 г. в гостиную из богатой московской дворцовой слободы кадашей (т. е. поставщиков полотен столового белья во дворец) — 24; в 1646 г. в суконную из разных слобод — 36; в 1647 г. в гостиную сотню из московских черных сотен и слобод — 104, в суконную из тех же сотен и слобод — 81. Эта таблица укажет вам на силу, с какой сказывалась потребность в постоянном пополнении высших служилых разрядов купечества. Это были настоящие рекрутские наборы купечества в казенную службу, наиболее тяжелую и ответственную. Новобранцы из низшего купечества назначались в высшие торгово-служилые чины по казенному наряду против воли, единственно по расчету на их хозяйственную или личную благонадежность, на прибыль, какую они могли доставить казне своей опытностью, или по крайней мере на зажиточность, которая давала казне возможность вознаградить себя за убыток, ими причиненный.

ОСНОВНОЕ ПРАВИЛО ПРИСЯЖНОЙ ЗЕМСКОЙ СЛУЖБЫ И ОСНОВАНИЕ ЧИНОВНОГО ДЕЛЕНИЯ ВЫСШЕГО СТОЛИЧНОГО КУПЕЧЕСТВА. Итак, основанием чиновного деления высшего столичного купечества была присяжная казенная служба по личному доверию. Источником чиновного расчленения областного тяглового населения служила другая государственная обязанность, на него падавшая, — государственное податное тягло.

ЛЕКЦИЯ XVIII

ОСНОВНОЕ ПРАВИЛО РАЗВЕРСТКИ ТЯГЛА И ОСНОВАНИЕ ЧИНОВНОГО ДЕЛЕНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧЕРНОГО НАСЕЛЕНИЯ. СОСТАВ ОБЩЕСТВА В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в. ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАСЧЛЕНЕНИЕ В НИЗШИХ СОСТАВНЫХ СЛОЯХ.
ОТРАЖЕНИЕ ПРИНЦИПА ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОВИННОСТЕЙ В ОБЛАСТИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХОЛОПСТВА ДОКЛАДНОГО И КАБАЛЬНОГО. ВЫДЕЛЕНИЕ ВИДОВ ЖИЛОЙ ЗАВИСИМОСТИ ОТ КАБАЛЬНОГО ХОЛОПСТВА

ОСНОВНОЕ ПРАВИЛО РАЗВЕРСТКИ ТЯГЛА И ОСНОВАНИЕ ЧИНОВНОГО ДЕЛЕНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧЕРНОГО НАСЕЛЕНИЯ. Источником чиновного расчленения областного тяглового населения служила другая государственная обязанность, на него падавшая,— государственное податное *тягло*. Под тяглом разумелась совокупность прямых казенных платежей и натуральных повинностей, какие несли на себе неслужилые люди Московского государства. Всего труднее выработывалось в московском государственном праве именно это основание. Причиной того был характер города в Московском государстве. В Южной, Киевской Руси города были торгово-промышленными центрами: такой характер сообщала им живая внешняя торговля. В Северной Руси, которая была объединена Москвой, город, при подавляющем преобладании земледельческого населения, получил значение преимущественно укрепленного пункта. Под его стенами на посаде жалось такое же точно земледельческое население, какое было рассеяно по деревням и селам. Благодаря отсутствию резкого экономического различия между городским посадским и сельским населением с трудом выработывалось и политическое различие, т. е. сословное их обособление. Впрочем, это обособление постепенно обозначалось и становилось заметнее под действием московской таможенной политики. Внутренние народнохозяйственные обороты были обложены казенной пошлиной; с этой целью были установлены внутренние заставы и таможи. Для того чтобы не оставить никакого народнохозяйственного оборота без обложения, правительство старалось сосредоточить их в известных пунктах обмена, запрещая торговлю в других местах, где не было таможенных смотрителей. Таким образом, промышленность и торговля постепенно стягивались в установленные правительством пункты обмена, какими служили преимущественно города. Это само собой

отделяло сельское земледельческое население от городского в экономическом отношении. К экономическому различию скоро присоединилось и политическое. То было различие систем прямого обложения, какие прилагались к населению городскому и сельскому. Предметом прямого налога, падавшего на сельское население, был крестьянский труд, прилагавшийся к хлебопашеству; напротив, предметом прямого налога, падавшего на городское население, служил торгово-промышленный капитал, пущенный в оборот. Это различие выражалось на финансовом языке древней Руси формулами: «обложить по пашне» или «обложить по животам и по промыслам». Промысловое обложение, разумеется, с течением времени резко отделило торгово-промышленное население от земледельческого, а так как торгово-промышленное население сосредоточивалось преимущественно в посадах, а земледельческое в селах и деревнях, то это обложение по роду занятий явилось политической гранью, отделявшей город от села. Круговая порука в сборе прямых податей и их общественная разверстка закрепляли это обособление. Разумеется, ответственность за исправный сбор городского тягла была тяжелее сравнительно с ответственностью за сбор прямой поземельной подати; сбор последней был легче, чем сбор первой, потому что и разверстка тягла по земле была проще, чем разверстка по менее уловимым и более изменчивым промыслам. Вот почему в круговой поруке за торгово-промышленных людей невыгодно было участвовать пахотным крестьянам, и последние, даже живя на посадах, старались выделиться из посадского населения, образуя отдельные общества. Таким образом, выработалось основное правило для разверстки государственного податного тягла: *тягло по промыслу либо по пашне*. Это различие промыслового и пахотного обложения с особенной ясностью выражено в уставной грамоте, какую дал игумен Соловецкого монастыря Филипп монастырским крестьянам в 1564 г. Филипп разделяет временные налоги на военные нужды, какие падали на все без различия классы сельского населения, от постоянной прямой подати, падавшей на землю. Временные военные налоги разверстывались и в сельском населении, как в городском, по животам и по промыслам; но поземельная подать, по выражению игумна, должна быть разверстываема *по обжам*, т. е. земельным тяглым участкам, а не по животам и не по промыслам. Но коль скоро произошло такое разделение города и села, интересы казны требовали, чтобы тяглые люди, взявшие на себя городское тягло,

постоянно в нем оставались; напротив, чтобы тяглые хлебопашцы, занявшие известные тяглые участки, не покидали их и не переходили в другие состояния, менее доходные для казны. Отсюда из приведенного правила разверстки тягла вышло другое, обратное, которое требовало, чтобы тяглый человек того или другого разряда постоянно оставался в своем тягле. Правило это можно выразить формулой: если тягло по промыслу или по пашне, то, с другой стороны, и *промысел, как и пашня, по месту тягла*. Следы такого прикрепления тяглых людей к раз избранному тяглу мы замечаем уже в XVI столетии; в XVII оно сделалось главным основанием устройства тяглового населения. В судебнике царя Ивана мы читаем статью, которая запрещает городovým тяглым людям селиться на монастырских землях, приказывая им жить безвыходно на землях городских: «Кто из городских людей поселится на монастырских землях, того должно вывести на прежнее место в город и подвергнуть его суду». Разверстка тягла по указанному правилу и стала источником деления городских посадских людей на статьи *лучших, средних и младших*, а уездных тяглых хлебопашцев — на класс *крестьян* и на *бобылей*. Статьи городского населения были своего рода провинциальными купеческими гильдиями так же, как звание крестьян и бобылей были различными имущественными состояниями в составе земледельческого населения. Так расчленилось тяглое население, городское и сельское, в Московском государстве к половине XVI в. Основание этого деления было выведено из двух указанных правил разверстки присяжной казенной службы и тягла: если присяжная служба разверстывалась по личному доверию, а тягло по промыслам и пашне, то чины различались по службе и по тяглу, именно высшие чины московского купечества — по службе, низшие чины областного, посадского и сельского населения — по тяглу. Подобное двойственное основание чиновного деления мы видели в устройстве и служилых людей московских и городских.

Если мы представим себе это расчленение, нам будет ясен первоначальный план общественного строения, какой пыталась соорудить московская политика. Припомним, как были устроены люди служилые и тяглые, мы легко заметим основание и взаимное отношение устройства тех и других. Что такое весь служилый люд, как он был устроен к половине XVI в.? Это был рассеянный по всей территории государства вооруженный лагерь с генеральным штабом в Москве, который руководил его оборони-

тельной борьбой. Что такое было описанное сейчас устройство тяглового населения? Это было интендантство под руководством высшего московского купечества. Вся масса тяглового населения служила обширным источником, из которого эти высшие интендантские руководители извлекали материальные средства, необходимые для содержания вооруженного лагеря с его генеральным московским штабом.

СОСТАВ ОБЩЕСТВА В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в. Сопоставив эти два социальных мира — служилых людей и тягловое население, — мы можем представить и тот состав, какой усвоило себе общество в Московском государстве во второй половине XVI в., вскоре после земских реформ царя Ивана. На поверхности этого общества мы видим две параллельные, но неравные, не одинаково высокие вершины, чрезвычайно мелко расчлененные, из которых одна состояла из высших слоев служилого населения, а другая из высших разрядов населения тяглового. Обе эти вершины, дробно расчлененные, покоились на однородной тяглой массе, состоявшей из городских и сельских обывателей, плативших либо промысловое тягло, либо поземельную подать. Эта масса была очень мало расчленена: статьи городского населения во второй половине XVI в. еще едва обозначались; в составе сельского населения низший тяглый класс, бобыли, до конца XVI в. составлял ничтожный процент.

ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАСЧЛЕНЕНИЕ В НИЗШИХ СОСТАВНЫХ СЛОЯХ. Но общество не остановилось на этом делении: с половины XVI в. в нем стало обнаруживаться стремление к дальнейшему расчленению. Источником этого расчленения было осложнение гражданских отношений, которое повело к дальнейшему дроблению именно низших классов населения, до того слабо расчлененного. Это расчленение вызвано было политическим принципом обязательности специальных государственных повинностей. Мы видели, что этот принцип в применении ко внешней обороне вызвал дробное деление служилого класса. Тот же принцип в применении к внутреннему порядку, перейдя в сферу гражданских отношений, повел к более дробному делению низших тяглых классов. Как скоро в государственном праве установилось правило, что все сословные обязанности, которые в удельные века устанавливались договором, становятся

обязательными и наследственными, это правило сильно подействовало и на обязательства, вытекавшие из частных гражданских сделок. Сюда это правило внесло новое положение: личные обязательства, вытекающие из гражданских сделок, не прекращаемы до истечения срока, на который они заключены. С первого взгляда вам покажется непонятной эта перемена: такого принципа не существует в современном праве и он даже строго запрещен последним. Принимая частные обязательства, мы всегда выговариваем себе право нарушить его до истечения срока, только вознаградив неустойкой потерпевшую сторону. Каждое свободное лицо вправе всегда нарушить всякое свое гражданское обязательство, только вознаградив за ущерб, какой причиняет этим другому лицу. Такое начало господствовало и в удельном праве. В Московском государстве под действием обязательности государственных повинностей и в частных отношениях установилось правило, что гражданские обязательства, принимаемые на известный срок, не прекращаются по воле обязанного лица даже путем уплаты неустойки, т. е. вознаграждения стороны, потерпевшей от произвольного прекращения обязательства. Как скоро личные гражданские обязательства получили такой характер, они стали крепостными обязанностями.

ОТРАЖЕНИЕ ПРИНЦИПА ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОВИННОСТЕЙ В ОБЛАСТИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА. Эта перемена в гражданском праве и отразилась на юридическом состоянии холопства. До XVI в. в нашем праве, как мы видели, существовало только одно холопство — полное; но рядом с ним существовала личная зависимость, которая не причислялась к холопству, — долговое закладничество. Закладничество было личной зависимостью, возникавшей из займа с обязательством условной временной службы за рост и с правом слуги всегда прекратить свою службу возвратом долга. Этой условностью службы и этим правом прекращать ее закладничество отличалось от холопства; последнее было крепостной зависимостью, которая не могла быть прекращена ни под каким условием по личному усмотрению холопа без согласия господина. Таким образом, долговое закладничество не было крепостным состоянием, видом холопства; до XVI в. оно и не носило на себе никаких признаков холопьем крепостной зависимости. Но с конца XV в. в нашем гражданском праве утверждается мысль, что личная и условная служба за

долг делает слугу холопом, как скоро слуга временно или навсегда лишается права или возможности прекратить свою зависимость; только эта служба — личная; [она] прикрепляет самого слугу к его господину, и только к нему, не прикрепляя ни детей слуги к господину по смерти отца, ни самого слуги к детям господина по смерти последнего. Из этой мысли вышли два последствия, которые создали два новые вида холопства.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХОЛОПСТВА ДОКЛАДНОГО И КАБАЛЬНОГО. 1) Среди полных холопов со времен Русской Правды существовали слуги, которые отдавались в холопство с условием служить в должности сельских ключников. Прежде и это холопство было полным, наследственным, но оно было условным, обязывавшим слугу служить только в известной должности. Теперь, согласно с общим правилом, что условная служба создает только личную крепостную зависимость, и сельское ключничество образовало особый вид холопства, получившего название *докладного*. У него был одинаковый источник с холопством полным — *продажа*, но оно отличалось от последнего тем, что прекращалось смертью господина, которому продавался докладной холоп.

2) Под влиянием этой мысли закладничество с начала XVI в. постепенно превратилось в холопство, получившее название *кабального*, т. е. возникавшего из заемной кабалы, соединенной с обязательством служить за рост. Под давлением общего принципа непрекращаемости частных обязательств закладники, первоначально занимавшие деньги на один год, давали обязательство вместо роста служить займодавцам все это время без права прекращать службу до срока; но вследствие экономического расстройств, какое стало обнаруживаться в Московском государстве XVI в., огромное большинство таких годовых крепостных должников по истечении срока не имело возможности выйти на волю, уплатив долг. Тогда займодавцы начали применять к ним основные правила древнерусского закладного права, по которому просроченный долг превращался в продажу. Закладник, по истечении года не заплативший долг, считался как бы продавшим себя в полное холопство. Эти притязания господ вызвали множество разнообразных затруднений и беспорядков. Одни закладники уходили от господ, не расплатившись, другие, утратив надежду расплатиться, сами отдавались господам в полное холопство, наконец,

третьи еще до истечения годового срока прекращали свою службу, прося принять от них деньги в уплату долга. Чтобы прекратить все эти беспорядки, был издан закон 25 апреля 1597 г.; по этому закону в случае споров, возникавших из служилой кабалы, если кабальный человек уходил от господина без его согласия, не расплатившись, такого кабального человека, как докладного холопа, велено было возвращать в службу господину до смерти последнего, а денег с него по заемной кабале не брать даже тогда, когда сам холоп будет предлагать их. Точно так же дети кабального холопа, закабаленные вместе с отцом или родившиеся в холопстве, подобно докладным людям, служат отцову господину только до смерти последнего, а после него жене и детям его не служат и денег по отцовой кабале им не платят. Таков был закон 1597 г., сообщивший окончательную юридическую физиономию кабальному холопству. Вы видите, что кабальный заем был сравнен с продажей в холопство, но не полное, а лишь условное и временное. Холоп лишался права прекратить свою неволю уплатой долга без согласия господина, зато и господин лишался права взыскать долг без согласия холопа; а смерть первого погашала и долговое обязательство последнего. Благодаря тому условная служба вольных закладников за рост с обязательством уплаты долга по уговору теперь превратилась в обязательную службу за самый долг с погашением его до смерти господина по закону. Значит, закладничество превратилось в кабальное холопство посредством сочетания условной службы вольного должника с непрекращаемостью купленного холопства по воле холопа.

В XVII в. кабальное холопство несколько изменилось: источником его стал не самый долг, соединенный со службой за рост, а просто уговор о личной дворовой службе до смерти господина; долг получил лишь фиктивное значение. Холоп писал, что получил сумму, за которую обязывается работать на господина по его живот, но он не занимал этой суммы, а просто договаривался с ним о пожизненной обязательной службе. Согласно с этим, Уложение постановило обозначать в служилых кабалах одинаковый заем в три рубля, ни больше ни меньше, прямо придавая этим условный, фиктивный смысл кабальному долгу. Как скоро кабальное холопство утратило характер заемного служилого обязательства, для таких обязательств выработаны были новые крепости, которые получили название *жилых* или *житейских записей* и которыми укреплялся новый вид личной зависимо-

сти — *жилая неволя*. Главное отличие этой неволи от кабального холопства заключалось в разнообразии условий: служилая кабала прикрепляла холопа к хозяину всегда только до смерти последнего, не прекращалась по закону раньше и не продолжалась дольше. Жилая неволя возникла из займа с обязательством работать за рост известное количество лет или до смерти господина, не погашая долга, — из займа с условием его погашения работой, — наконец, из найма с условием обязательной срочной работы, вознаграждаемой по истечении срока. Разнообразием этих условий объясняется и разнообразие названий, какие в XVII в. носили крепости, устанавливавшие жилую неволю. Главные из них были: 1) *заемные заживные*, которыми заемщики обязывались работать на хозяев до их смерти или известное количество лет «в зажив», погашая долг работой; 2) *жилые ссудные*, называвшиеся так в отличие от заемных, потому что основанием зависимости по ним служил не денежный заем, а ссуда вещами — платьем, скотом, хлебом; 3) *наемные отживные*, отличавшиеся от заемных тем, что работник получал плату не вперед в виде займа, а по истечении условленного срока. — «на отживе, как годы отживал»; 4) *закладные*, состоявшие в том, что свободный человек не сам отдавался в зависимость, а закладывал за долг на известное число лет своих детей, младших родственников или жену.

Таким образом, древнерусское холопство, прежде однообразное, полное, осложнилось, разветвившись с конца XV в. на докладное, кабальное и жилое. В XVII столетии эти позднейшие виды холопства получили даже преобладание над древней полной неволей: законодательство XVII в. запретило продажу в полное потомственное холопство, и свободные лица могли отдаваться только в личную зависимость на срок или до смерти господина. Легко заметить связь этих позднейших видов холопства с обязательностью государственных повинностей, разложенных на свободные классы. Все эти виды развились из древнего закладничества. Оно не было крепостным состоянием, холопством, потому что могло быть прекращено по воле закладника уплатой долга. В этом отношении личная зависимость, им устанавливаемая, была похожа на отношения свободных обывателей удела к его князю, возникавшие из договора и прекращавшиеся по воле одной из договаривавшихся сторон. Но как скоро эти договорные обязательства свободных обывателей в Московском государстве превратились в обязательные государственные повинности, зависимость закладников получила крепо-

стной характер: отдававшийся в неволю по договору терял право прекратить ее по своей воле как свободный человек; служилый или тяглый потерял право сложить с себя государственную службу или тягло. Услугами закладников, теперь ставших холопами кабальными или жилыми, пользовались преимущественно высшие служилые и тяглые классы, на которые с наибольшей тяжестью падали обязательные государственные повинности. Превращение обязательств, возникавших из закладничества в крепостную службу, не прекращаемую по воле слуги до срока или до смерти господина, было для этих классов как бы вознаграждением за превращение их прежних договорных обязательств перед князем в пожизненные и даже потомственные государственные повинности.

Начала кабального холопства, развившись в разнообразные условия жилой неволи, коснулись и положения владельческих крестьян: привившись к их поземельным отношениям, они создали новый вид крепостного состояния — крепостных крестьян. Происхождение этого состояния — один из самых важных, но и самых запутанных вопросов в истории нашего общества. Для того, чтобы лучше уяснить происхождение этого факта в истории нашего права, я напомним вам содержание последних двух чтений. Я указал происхождение чинов, на которые разделялось промышленное посадское население в Московском государстве. Две обязанности, которые падали на это население, были распределены между его частями по правилу, очень похожему на то, которое служило основанием разверстки повинностей, падавших на служилое население. Правило, по которому совершалась разверстка повинностей между посадскими людьми, можно выразить так: служба казенная присяжная по личному доверию или по мирской поручке, тягло по промыслу и по пашне. Из соединения этих двух правил вышло третье, служившее основанием чиновного деления посадских людей: если казенная присяжная служба разверстывалась по личному доверию и по мирской поручке, а тягло по промыслу или по пашне, то посадские чины делились по службе и по тяглу, именно: чины высшего столичного купечества — по службе, чины торгово-промышленного провинциального населения — по тяглу. Мы видели, что почти так же распределена была приказная и ратная службы между служилыми людьми — столичными и городскими. Все описанное чиновное деление служилых и посадских людей завершилось уже к концу XVI столетия. Все общество в Московском государстве к этому времени

представляло такой вид: на низшей массе, довольно однородной и однообразной, слабо расчлененной, покоились две вершины, разделенные с чрезвычайной дробностью, — служилые люди и высшее столичное купечество. Но со второй половины XVI в. начинается дробное деление и в низших классах. Оно началось с самого низа — с холопства. Источником этого деления, видели мы, было отражение принципа, усвоенного государственным правом, в праве гражданском, обязательственном. Принципом государственного права была обязательная разверстка государственных повинностей между классами общества. Этот принцип, отразившись в гражданском праве, изменил характер существовавших в нем обязательств личной условной зависимости. Здесь, подобно праву государственному, установилось новое начало: обязательство, устанавливающее личную и условную зависимость пожизненно или срочно, непрекращаемо до истечения срока или до конца жизни. Эта непрекращаемость обязательственных отношений холопов была установлением, параллельным вечнообязательной службе и вечнообязательному тяглу, падавшим на служилых и тяглых людей, и притом установлением, возникшим под прямым действием обязательной службы и обязательного тягла. Мысль, что личная зависимость, установленная обязательством до смерти господина или на известный срок, не может быть прекращена до этого, послужила источником кабального холопства, которое получило окончательную юридическую выработку к началу XVII в., а из кабального холопства в продолжение XVII столетия постепенно развивались многообразные виды жилой неволи. Таким образом, временнообязательные отношения, какие устанавливались прежде в обязательственном праве и могли быть прекращаемы по воле одной стороны под условием вознаграждения другой за причиняемый тем ущерб, теперь исчезают и превращаются в крепостные отношения, не прекращаемые по воле зависимой стороны. В этой перемене, происшедшей в обязательственном праве, и заключается самый скрытый источник крепостного права на крестьян, которое вслед за холопством осложнило юридический состав и этого класса.

ЛЕКЦИЯ XIX

ДЕЙСТВИЕ КАБАЛЬНОГО ХОЛОПСТВА НА КРЕСТЬЯНСКУЮ ССУДНУЮ ЗАПИСЬ
И ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ КРЕПОСТИ. ПРЕВРАЩЕНИЕ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО ДОГОВОРУ В КРЕПОСТЬ ПО ПИСЦОВОЙ ЗАПИСИ.
ВЛИЯНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ КРЕПОСТИ НА СОСТАВ КРЕСТЬЯНСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ. ОБРАЗОВАНИЕ ТЯГЛОГО КРЕПОСТНОГО СОСТОЯНИЯ.
ЗАМЕНА КАЗЕННЫХ СЛУЖБ ЛИЧНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ КАК НОВОЙ
ПОВИННОСТЬЮ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН. ДРОБЛЕНИЕ КРЕПОСТНОГО
КРЕСТЬЯНСТВА. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗАТЯГЛЫХ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН

ДЕЙСТВИЕ КАБАЛЬНОГО
ХОЛОПСТВА НА КРЕСТЬЯНСКУЮ ССУДНУЮ ЗАПИСЬ.

Исстари крестьяне в России, селившиеся на владельческих землях, вели свои хозяйства в большинстве с подмогой от своих владельцев. Эта подмога давалась им в различных видах: владелец ссужал своих крестьян готовыми усадьбами с надворными строениями, рабочим скотом, семенами и т. п. За эту ссуду крестьяне обязывались особыми накладными повинностями, которые падали на них сверх общего поземельного налога за снимаемые у владельца земли. Все эти повинности излагались в крестьянских поземельных договорах с владельцами, носивших название *порядных грамот* или *ссудных записей*. Вся совокупность этих добавочных повинностей, источником которых была ссуда, носила название *крестьянского изделия* или *боярского дела* (барщина). Но эти повинности были простыми долговыми обязательствами крестьян, которые не уничтожали их личной свободы, выражавшейся в праве *выхода*, т. е. перехода с одного участка земли на другой либо от одного владельца к другому. Крестьянин, задолжавший владельцу и по этому долгу вступивший в зависимость от него, мог ежеминутно прекратить зависимость, заплатив владельцу долг. Если он заключал договор на известный срок, это не лишало его права разорвать свою связь с землевладельцем до истечения срока, только заплатив условленную в договоре неустойку — *крестьянский заряд*, как говорили в XVI и XVII вв.

Таковы были отношения между крестьянами и землевладельцами приблизительно до половины XVI в. Но с этого времени в Московском государстве стало усиленно развиваться частное землевладение, вотчинное и преимущественно помещичье. Вместе с развитием этого землевладения усилился спрос на крестьянский труд. Обширные пространства незаселенной земли, поступающие в руки

помещиков, последние старались обрабатывать, добывая всеми возможными средствами рабочие крестьянские руки. Вследствие этого масса бедного бездомного люда была превращена в хлебопашцев при помощи землевладельческих ссуд. Все это усилило задолженность крестьян своим владельцам. В порядных грамотах второй половины XVI в. ссуда становится общим условием крестьянских договоров; необыкновенно трудно встретить крестьянина, который садился бы на земельный участок без подмоги от владельца. Вследствие этой задолженности право выхода, сохраняясь за крестьянином, на практике теряло свое действие, становилось неприменимым. Редкий крестьянин мог расплатиться со своим владельцем и должен был все более, по мере того как заживался на его участке. Благодаря этому право выхода к концу XVI в. выродилось в две формы, из которых одна возвращала крестьянину свободу, но была запрещена законом, а другая не только не восстанавливала его свободы, но еще усиливала его долговую зависимость от владельца: крестьянин мог или насильственно разорвать свою связь с землевладельцем, убежав от него, или законным порядком уйти от него, найдя другого владельца, который расплатился бы за него с прежним и перевел на свой участок. В первом случае беглый крестьянин, отысканный землевладельцем, должен был платить долг и пеню, во втором он менял одну долговую зависимость на другую с приращением. Благодаря этому исчезновению права перехода в действительности среди землевладельцев уже к концу XVI в. стал утверждаться взгляд на крепостных крестьян как на неоплатных должников, не имевших возможности разорвать свою зависимость от владельца. Один иностранец, Шиль, описывая положение крестьян при Борисе Годунове, замечает, что еще при прежних московских государях землевладельцы привыкли смотреть на своих крестьян как на *крепостных*. Легко понять происхождение такого взгляда, не имевшего прямого основания в действовавшем законодательстве: этот взгляд, очевидно, сложился посредством приложения начал древнерусского долгового права к положению владельческих крестьян. Мы видели, что долг становился источником крепостной зависимости, когда должник не только обязывался служить или работать за рост, но и терял право уплатить самый капитал, т. е. прекратить зависимость по своей воле. Это последнее начало было прямо выражено в апрельском указе 1597 г., запретившем принимать от кабальных холопов челобитные об уплате долга по служилым кабалам. Благодаря

этому начала кабального холопства стали прилагаться землевладельцами к положению задолжавших крестьян еще прежде, чем такое приложение было дозволено законом. Возникновение и развитие кабального холопства родило среди землевладельцев мысль, что «крестьянское изделие» за «подмогу» создает точно такую же личную крепостную зависимость крестьянина от владельца, в какую ставила кабального холопа дворовая служба за рост. В самом деле, различие между обязательством работы крестьянина на владельца за «подмогу» и обязательством дворовой службы кабального холопа за рост было очень незначительно. Под влиянием этой мысли и без всякого участия законодательства приблизительно со второй четверти XVIII в. в крестьянские договоры стали вносить новое условие, которого не заметно было в порядных грамотах XVI в. Прежде крестьянин, снимавший землю даже на определенный срок, иногда давал обязательство не покидать своего участка раньше срока; но это обязательство было скорее обещание, чем юридическое условие. Крестьянин мог и до срока покинуть участок, лишь заплатив полученную ссуду и условленную неустойку. Но в третьем десятилетии XVII столетия появляются порядные грамоты, в которых крестьяне дают обязательство никогда ни в каком случае не покидать владельцев даже под условием уплаты неустойки. Самый ранний договор с таким условием, мне встретившийся, относится к 1628 г. В этом договоре вольный человек, снимая участок с подмогой от владельца, обязывается «за государем своим жить во крестьянех по свой живот безвыходно». В одной ссудной записи 1630 г. крестьяне, снимая землю Тихвинского монастыря и обязуясь в случае ухода заплатить монастырю за подмогу и льготу, которыми от него пользовались, прибавляют: «и впредь мы Тихвина монастыря крестьяне», т. е. в случае ухода они не только должны заплатить подмогу и вознаграждение за льготу, но и возвратиться на снятый участок. Значит, крестьяне сами навсегда отказались от права выхода и неустойку превращали в пеню за побег, не возвращавшую им этого права и не уничтожавшую самого договора. Скоро это обязательство стало общим условием в ссудных крестьянских записях, принимая чрезвычайно разнообразные формы выражения. Иногда крестьянин к своему обязательству заплатить неустойку за побег прибавлял условие: «а впредь-таки я государю своему по сей записи крепок безвыходно». Наиболее употребительная и стереотипная формула, в которой выражалось это обяза-

тельство, гласила: «а крестьянство и впредь в крестьянство», т. е. хотя крестьянин и убежит, но он этим нисколько не разорвет своей крестьянской зависимости от владельца.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ КРЕПОСТИ. Так в крестьянские договоры с владельцами внесено было условие, по которому крестьянин, нанимая землю с подмогой владельца, закреплял свои долговые и поземельные обязательства отказом навсегда от своего права прекращать основанную на этих обязательствах зависимость. Это условие и сообщило крестьянскому поземельному договору значение личной крепости.

До сороковых годов XVII столетия не заметно вмешательства законодательной власти в крестьянские договоры с владельцами: новое условие проникало и распространялось, не встречая со стороны правительства никаких возражений. Легко, однако, заметить важный интерес, который должен был очень скоро вовлечь законодательство в эти отношения, чтобы регулировать их: если на крестьянские долговые отношения к владельцам пало основное условие личной кабалы, то возникала опасность, что задолжавший крестьянин из тяглового человека превратится в кабального холопа, который не был обязан государственным тяглом. С начала сороковых годов законодательство начинает все с большим вниманием вмешиваться в отношения между крестьянами и владельцами. Еще в конце XVI в. был установлен законом 24 ноября 1597 г. срок давности для сыска беглых крестьян. Этот срок давности, назначенный первоначально в пять лет, имел целью исключительно судебные удобства: бесконечные тяжбы о крестьянах, давно бежавших без расплаты, заваливали судебные учреждения. Иск о побеге, начатый слишком поздно, лишал суд возможности основательно разобрать дело. Поэтому законом 1597 г. был назначен пятилетний срок давности для таких исков; если крестьянин бежал за шесть или более лет до начала иска, владелец терял право искать его судом. В XVII столетии пятилетний срок был увеличен до десяти лет. Провинциальные землевладельцы, дворяне и дети боярские, чрезвычайно тяготились этими сроками, благодаря которым беглые крестьяне, укрываясь в отдаленных вотчинах крупных владельцев, с истечением срока пропадали для них без возврата долга.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО ДОГОВОРУ В КРЕПОСТЬ ПО ПИСЦОВОЙ ЗАПИСИ. Удовлетворяя этим неоднократным ходатайствам, правительство в 1646 г. приняло решительную меру: была предпринята всеобщая перепись тяглых людей, городских и сельских; для писцов, разосланных по всем уездам, составлены были подробные указы, инструкции. Здесь писцам было указано записывать всех тяглых людей поименно с живущими при них нетяглыми сыновьями и родственниками на тех местах, за теми владельцами или обществами, где их заставляла перепись, а беглых записывать на покинутых местах на основании действовавшего в то время срока давности лишь в том случае, если они бежали не более десяти лет до переписи; убежавшие раньше записывались там, где их заставляла перепись. Удовлетворяя неоднократным ходатайствам служилых людей об отмене срока давности, правительство обещало, что впредь тяглые люди с детьми и родственниками будут крепки по переписным книгам и без «урочных лет», т. е. землевладельцы и сельские общества получают право искать бессрочно и возвращать беглых, записанных за ними в этих книгах.

ВЛИЯНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ КРЕПОСТИ НА СОСТАВ КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ. Эти писцовые указы 1646 г. значительно изменили характер крестьянской крепости, установленной ссудными записями: 1) явился новый способ укрепления, который не отменял прежнего договорного, но скорее закреплял его,— это запись по переписным книгам. Крестьяне, записанные за владельцем, становились крепки ему даже и без ссудной записи. 2) Крепостной крестьянин закреплялся за владельцем без всякого срока, и не только лично, но и со своим потомством и даже с родней, жившей в его доме; дети и родственники, которых писцы заставляли в его доме, становились точно так же крепостными того владельца, за которым был укреплен их отец или старший родственник, домохозяин. Таким образом, крепостная крестьянская зависимость, первоначально личная и пожизненная, вследствие закона 1646 г. была превращена в вечную и потомственную. Состояние крепостных крестьян стало безвыходным, непрекращаемым; эта безвыходность и получила на языке XVII в. название *вечности крестьянской*. Но, признавая за владельцами крепостное право на крестьян, законодательство ограничило их известными условиями.

ОБРАЗОВАНИЕ ТЯГЛОГО КРЕПОСТНОГО СОСТОЯНИЯ. Землевладелец отвечал за податную исправность своих крепостных крестьян перед казной; далее, имея право на детей и младших родственников своих крепостных крестьян, владелец только тогда мог пользоваться этим правом, когда устраивал хозяйственное положение этих детей и родственников, делавшее их способными тянуть барское и казенное тягло, т. е. давал им земельные участки и ссуду на обзаведение. Эти и другие условия, которыми законодательство ограничило крепостную власть владельцев на личность крестьян, сводились к требованию, чтобы тяглый крестьянин, став крепостным, не переставал быть тяглым и способным к тяглу.

ЗАМЕНА КАЗЕННЫХ СЛУЖБ ЛИЧНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ КАК НОВОЙ ПОВИННОСТЬЮ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН. Благодаря этим условиям крестьянская крепость, развившись из крепости кабальной, не сделалась холопьей. Она отличалась от последней, во-первых, тем, что давала владельцу право только на часть крестьянского труда, другая часть которого обязательно шла в пользу казны в виде поземельного тягла; во-вторых, тем, что все владельческие права на крепостных были обусловлены соответствующими государственными обязанностями владельцев.

Так представляю я происхождение и законодательное изменение крепостного права на крестьян. Оно возникло в начале деятельности новой династии помимо законодательства путем частных сделок — средствами обязательного права; но потом законодательство, регулируя эту зависимость, в интересах государства подчинило созданную сделками крепостную власть на крестьян известными государственными требованиями. Легко, однако же, понять, что распространение крестьянской крепости значительно усложнило юридический состав сельского населения.

ДРОБЛЕНИЕ КРЕПОСТНОГО КРЕСТЬЯНСТВА. 1) Из общей массы тяглового земледельческого населения выделились теперь владельческие крепостные крестьяне; это было совершенно новое состояние *тяглых крепостных* людей: прежде *тяглые* крестьяне не были крепостными, *крепостными* считались только холопы, которые не были тяглыми. Эти крепостные крестьяне отличались от крестьян казенных и дворцовых тем, что,

подобно им, лишившись права выхода из своего состояния, они не несли казенных служб, падавших на черных и дворцовых крестьян. Эти казенные службы заменены были работой на землевладельцев, которая падала на крепостных крестьян как новая государственная повинность.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗАТЯГ-
ЛЫХ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН. 2) В самом крепостном населении обособились два разряда: земледельцы-домохозяева, платившие тягло с участков, которыми были наделены, и крепостные люди, жившие за этими крепостными домохозяевами, их дети и младшие родственники, которые составляли совершенно особый класс *затяглых крепостных*.

Крестьянская крепость завершила собою то дробление низшего тяглового и крепостного населения, какое началось с конца XVI столетия. Окончательная юридическая выработка дана была крестьянской крепости около половины XVII в. Но лишь только вошло в право это новое явление, во всем чиновном делении общества Московского государства началась важная перемена, которая ему сообщила новую организацию и новый вид. Этой переменой обозначается наступление нового, четвертого периода в истории русских сословий.

ЛЕКЦИЯ XX

ПОНЯТИЕ О СОСЛОВНОМ ПРАВЕ. ОТСУТСТВИЕ ЭТОГО ПОНЯТИЯ
В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XV И XVI ВВ.

НАЧАЛЬНЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ МОМЕНТ ЧЕТВЕРТОГО ПЕРИОДА.

ДВОЙКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ МЫСЛИ О СОСЛОВНОМ ПРАВЕ В МОСКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ XVII в.: 1) СОСЛОВНОЕ ПРАВО КАК СРЕДСТВО
УДЕРЖИВАТЬ КЛАССЫ В КРУГУ ИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ЧИНОВНЫХ ВЫГОД В СОСЛОВНЫЕ ПРАВА ПО СОСТОЯНИЮ.
ОБОСОБЛЕНИЕ ТРЕХ СОСЛОВИЙ ПО ПРАВАМ

Обозначая во введении в курс периоды, на которые можно разделить историю русских сословий, я сказал, что в четвертом периоде основанием общественного деления у нас служило различие прав, распределявшихся между сословиями по их политическому значению. Итак, *сословное право есть* отличительная черта четвертого периода, тот признак, которым строй, усвоенный нашим обществом в этот период, отличался от склада, ему предшествовав-

шего и основывавшегося на различии государственных обязанностей, разверстаных между общественными классами по их хозяйственным состояниям.

ПОНЯТИЕ О СОСЛОВНОМ ПРАВЕ. Прошу припомнить, как мы определили сословное право во введении в курс: я сказал, что это есть всякое преимущество, предоставляемое законом целому классу общества в постоянное обладание. Разумеется, юридическое отличие известного класса только тогда можно назвать его преимуществом, когда оно обращается в его пользу: дает ему средства обеспечения его интересов, создает ему выгодное положение в государстве или помогает сохранять и укреплять это положение.

ОТСУТСТВИЕ ЭТОГО ПОНЯТИЯ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XV И XVI вв. В московском государственном праве XV и XVI вв., когда складывалось государство, мы не находим твердо выраженного понятия о таком сословном преимуществе. Законодательство знало хозяйственные выгоды, которыми пользовались разные классы и которые служили не интересам этих классов, а целям государства, были средствами исправного исполнения государственных обязанностей, положенных на общественные чины, а не средством обеспечения интересов этих чинов. Такие выгоды достигались собственными усилиями отдельных лиц или получались лицами от государства, например поместья. В том и другом случае государство налагало на лица соответствующие этим выгодам тягости: на землевладельцев, приобретавших землю собственными средствами или получавших ее от казны, оно налагало службу приказную и ратную, на торгово-промышленных капиталистов — казенную службу и промысловое тягло, на хлебопашцев, снимавших земли казенные или частные, — тягло поземельное.

Первый вопрос, возникающий при изучении нового периода, состоит в том, когда, откуда и каким образом возникла в Московском государстве мысль о сословном праве как о таком юридическом преимуществе, которое служило бы не столько средством для отбывания государственных повинностей, сколько средством для ограждения и проведения сословных интересов. Происхождение этой мысли было довольно сложно и заслуживает некоторого внимания, тем более что этот вопрос почему-то обыкновенно оставляется в тени нашей историко-юридической литературой. Московское законодательство начинает довольно

твердо формулировать такие преимущества и согласно с ними перестраивать прежнюю чиновную иерархию общества с половины XVII в., с Уложения 1649 г. Постепенно вырабатываясь и укрепляясь, основанный на различии сословных прав, новый склад нашего общества достигает если не полного и окончательного, то довольно определенного выражения в сословных жалованных грамотах 1785 г.

НАЧАЛЬНЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ МОМЕНТ ЧЕТВЕРТОГО ПЕРИОДА. Поэтому Уложение можно принять за начальный законодательный момент четвертого периода истории русских сословий, а жалованные грамоты мы избрали было конечным пределом нашего изучения. Однако мысль о сословном праве, как мы его определили, возникла ранее издания Уложения, и условия, из которых она родилась, становятся заметны еще в XVI в.

ДВОЯКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ МЫСЛИ О СОСЛОВНОМ ПРАВЕ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ. Сословные права возникали и развивались в нашем государственном порядке двумя путями: все они являлись последствиями чиновного деления, но различались свойством побуждений, их вызывавших, или тех интересов, которые ими ограждались. Одни из них создавались самим законодательством и направлены были к тому, чтобы поддерживать и укреплять чиновное деление общества, удерживая классы в кругу назначенных им чиновных обязанностей; другие сами собой рождались из материальных выгод, связанных с чиновными обязанностями, и служили выражением и средством поддержания того государственного значения или веса, какой приобретали чины исполнением своих обязанностей. С первого взгляда эта разница в происхождении сословных прав покажется неясной, но вы увидите из дальнейшего изложения, в чем она состояла.

СОСЛОВНОЕ ПРАВО КАК СРЕДСТВО УДЕРЖИВАТЬ КЛАССЫ В КРУГУ ИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ. 1. Сословные права как средства удержания классов в кругу их государственных обязанностей постепенно развивались путем перерождений, каким подвергались эти обязанности в своем практическом применении. Мы видели, что первоначально эти обязанности разверстывались по хозяйственным состояниям лиц: кто владел землей, тот должен был служить ратную службу; кто

пахал землю, тот обязан был тянуть поземельное тягло. Эти повинности падали на состояния или занятия даже независимо от лиц, которые владели этими состояниями или вели эти занятия: если землевладелец, служивший ратную службу со своей земли, часть этой земли пахал на себя своими холопами или вольнонаемными рабочими, не сдавая ее тяглым людям — крестьянам, то в XVI в. он сверх ратной службы платил еще поземельное тягло с этой части наравне с тяглыми хлебопашцами. Таким образом, по земле землевладелец служил, а по пашне платил. Потом, когда посредством такой разверстки лица рассортировались на классы, по мере того как общественное деление, кристаллизуясь, застывало и твердело, повинности с помощью наследственной их передачи постепенно переносились с хозяйственных состояний на самые лица и только отбывались лицами по хозяйственным состояниям, даже иногда ложились на лица независимо от их состояний. Сын служилого человека нес ратную службу, даже не имея земли; напротив, неслужилый человек, ставший землевладельцем, например холоп, получивший от господина часть его вотчины в награду за верную службу, что нередко бывало в XVI в., такой землевладелец не был обязан ратной службой государству. Если служилый человек должен был служить, хотя бы и не владел землей, то, наоборот, служилый землевладелец не обязан был платить поземельное тягло, хотя бы часть своей земли и обрабатывал на себя. Вот почему в царствование Михаила Федоровича дворовые пашни служилых землевладельцев по писцовым книгам являются уже свободными от поземельного налога. Эта перемена была, очевидно, перенесением государственных повинностей с хозяйственного состояния на самое лицо, им владевшее. Отсюда установилось правило, по которому податное тягло освобождало от ратной службы, а ратная служба — от податного тягла. Естественно, однако же, что повинность, переставши быть вещественной и сделавшись личной, не могла исправно отбываться, если теряла свое вещественное, т. е. хозяйственное, основание. Отсюда еще в XVI в. становится заметным в московском законодательстве стремление поставить лица в экономические состояния, соответствующие несомым ими повинностям, и удерживать их в этих состояниях. Самым решительным выражением этого стремления была система поместных наделов, превратившая тысячи безземельных ратников в мелких землевладельцев. Но и вотчинное землевладение испытало на себе действие того же стремления. Здесь оно

прежде всего повело к стеснению прав вотчинного землевладения в интересах поддержания служебной годности служилых фамилий; чтобы предохранить их от упадка и предупредить переход вотчинных земель от служилых владельцев в неслужилые или неспособные к службе руки, было ограничено право отчуждения и право завещания родовых наследственных вотчин. В статье 85 Судебника 1550 г. и в дополнительном законе 1557 г. был точно определен порядок выкупа таких вотчин, отчужденных владельцами в чужой род. Нисходящие потомки вотчинника, продавшего родовую вотчину,— дети и внуки, по Судебнику и закону 1557 г., не могли выкупать ее: это право сохраняли только боковые родственники— братья, сестры и племянники, притом если они не подписались на купчей продавца свидетелями, т. е. не дали молчаливого согласия на продажу вотчины. Право выкупа отчужденной вотчины сохранялось за родичами в продолжение сорока лет, притом родич, выкупивший родовую вотчину, лишался права ее дальнейшего отчуждения в род: он мог продать или заложить ее только члену своего рода, не подписавшемуся свидетелем на купчей первого продавца. В одном списке Судебника является еще более важное стеснение права отчуждать родовые вотчины: здесь к изложенной статье Судебника приписан закон царя Ивана, неизвестно, в каком году изданный. По этому закону бездетный вотчинник мог продать, заложить или отказать в монастырь по душе только половину своей родовой вотчины без согласия родичей. Все, что он отчуждал сверх этой половины без их согласия, отдавалось им по их челобитью без выкупа, а покупатель лишался своих денег. Законами 1562 и 1572 гг. право отчуждения и завещания родовых вотчин было еще более стеснено в пользу казны, точнее говоря, в интересах службы, для предупреждения перехода вотчин в неслужилые руки. По этим законам крупным землевладельцам, князьям и боярам, вообще запрещено было отчуждать, т. е. продавать, менять или закладывать, свои родовые вотчины, точно так же отдавать их в приданое. Они могли ввиду бездетной смерти завещать эти вотчины боковым родственникам, но только ближайшим— братьям, их детям и детям этих племянников, но не далее. Сверх того, запрещено было завещать вотчины вдовам, женам и дочерям и отдавать их в монастыри по душе без доклада государю. Во всех случаях, когда по закону вотчинник терял право располагать вотчиной по своему усмотрению, она по его смерти бралась в казну и обращалась на поместные дачи. Все эти

стеснения были объяснены в законе 1572 г. одним главным побуждением: «чтобы службе убытка не было и земля бы из службы не выходила».

Все изложенные узаконения были косвенно направлены к удержанию служилых фамилий в раз занятом ими положении по службе, которое чаще всего терялось вследствие потери вотчин и наследственных состояний. Такие распоряжения касались только высших слоев служилого класса, княжеских и боярских фамилий, т. е. крупнейших землевладельцев, наиболее важных для службы. Но в XVII столетии мы встречаем и прямые законодательные меры с целью затруднить и даже запретить выход из всех, как служилых, так и тяглых, состояний. Легко понять, что невозможно было превратить каждый служебный чин в замкнутое состояние; среди чинов господствовало постоянное движение: личная заслуга или личная удача в хозяйственных предприятиях постоянно изменяла чиновное положение лица, переводя его из одного чина в другой. Бедный городской сын боярский, по состоянию своему способный служить только городовую осадную службу, постепенно богатея, запасался конем и вооружением и, таким образом получая возможность нести более тяжелую повинность — ходить в дальние походы, переходил в разряд городских дворян или даже в выбор. Но вся иерархия чинов не представляла непрерывной лестницы ступеней, которую одно и то же лицо могло бы пройти снизу до самой вершины. В московском чиновном делении не было того, что потом бывало по табели о рангах, когда чиновник, начавший снизу, с низшего чина, личными качествами или с помощью служебной удачи пробегал всю лестницу чинов и кончал свою государственную службу в высшем чине. Таких примеров не было в московской службе XVI—XVII вв. Вся лестница московских чинов распадалась на несколько отделов, и иерархическое движение было возможно для лица известного происхождения только на пространстве ступеней известного отдела. У каждого «отчества» были свои доступные ему чины. Провинциальный дворянин, начавший службу городовым сыном боярским, мог дослужиться до выборного дворянства, в исключительных случаях попадал даже в московский список, но редко шел выше московского дворянства. Точно так же тяглый посадский человек, начавший свою деятельность в звании молодшего, мог, богатея, стать «лучшим» посадским человеком, мог даже попасть в высшее столичное купечество, стать торговым человеком гостиной или суконной сотни, даже

гостем; но мы знаем очень немного случаев еще более успешного возвышения. Некоторые гости за свою усердную службу казне награждались дьячеством, получали поместья, и даже известны два-три человека в XVII в., которые из гостей через дьячество попали в думу в звании думных дворян. Но не было ни одного купца, который бы дослужился до боярства. Так, у каждого общественного слоя была своя чиновная карьера, свой ряд доступных ему чинов. Следовательно, отделы чинов были менее подвижными состояниями, чем самые чины. Чины каждого отдела отличались неодинаковыми, но однородными обязанностями, и соответственно тому лица, их получавшие, должны были иметь неодинаковые, но однородные хозяйственные состояния. Так, посредством естественной группировки мелких чинов сами собой обозначались очертания более крупных классов, которые законодательство и обратило в сословия, сперва замкнув выход из них, а потом обособив их друг от друга специальными правами. В одной статье Судебника 1550 г. мы читаем: «А детей боярских служивых и их детей, которые не служивали, в холопи не приимати никому, опричь тех, кого государь от службы отставит». Точно так же Судебник запретил заимодавцам брать к себе во дворовую службу тех должников, которые занимали деньги в рост, а не под условием служить за рост. В XVII в. запрещение выходить из служилых и тяглых состояний становится общим и настойчивым стремлением московского законодательства. Так, закон 9 марта 1642 г. безусловно запретил вступать в холопство дворянам и детям боярским. Точно так же еще до Уложения принимались меры против закладничества, т. е. против вступления в личную зависимость с правом всегда ее прекратить или без этого права. Уложение окончательно запретило тяглым посадским людям и крестьянам отдаваться в зависимость по служилым кабалам к церковным властям или светским землевладельцам. Детей или своих младших родственников тяглые люди могли отдавать только в жилую неволю, и притом не более как на пять лет. Так, отменена была 88-я статья Судебника 1550 г., которая давала крестьянину право продаваться с пашни в полное холопство. В XVII в. люди православного исповедания в Московском государстве вообще не могли продаваться в полное холопство. Если мы припомним установленную наказом 1646 г. крестьянскую вечность, то все почти общество в Московском государстве, все служилые и тяглые чины его представятся нам сосредоточенными в три группы: служилую,

посадскую и крестьянскую, которые были замкнуты с одной стороны — со стороны выхода из них.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ЧИНОВНЫХ ВЫГОД В СОСЛОВНЫЕ ПРАВА ПО СОСТОЯНИЮ. Но если специальные повинности целых чиновных групп стали безусловно обязательными и неизменными, даже наследственными, то являлась необходимость и обеспечивавшие их исполнение хозяйственные выгоды сделать исключительным достоянием классов, которые несли на себе эти повинности. Если служилый человек по закону нес вечно потомственную ратную службу, а посадский тяглец вечно и потомственно платил тягло по городскому промыслу, то было необходимо, чтобы никто, кроме служилых людей, и не владел землей, чтобы никто, кроме посадских тяглецов, и не имел права промышлять в городе. Так, хозяйственные состояния и занятия из экономических средств исправного отбывания государственных повинностей превратились в исключительные юридические преимущества отдельных классов, направленные к удержанию лиц в кругу их наследственных обязанностей, иначе говоря, превратились в *сословные права*. Отсюда возникло новое явление в московском государственном порядке — приобретение права на известное хозяйственное состояние или занятие. Прежде хозяйственные состояния приобретались усилиями отдельных лиц, средствами гражданского права; каждое занятие было всем доступно, возникало из свободного приложения труда, руководимого частными интересами трудящегося лица. Теперь лицо, прежде чем войти в известное состояние, должно было приобрести право на это, прежде чем принималось за известные занятия и обязано было вступить в тот общественный класс, которому это занятие было усвоено законом как его сословное преимущество.

ОБОСОБЛЕНИЕ ТРЕХ СОСЛОВИЙ ПО ПРАВАМ. Из указанного правила само собой вытекало и обратное требование: если только служилые люди имеют право владеть землей, только посадские люди могут заниматься городским промыслом и торгом, то все владеющие землей должны войти в состав служилого класса, все занимающиеся городским промыслом и торгом обязаны примкнуть к классу посадских людей. Так право землевладения и право городского промысла и торгового объединения мелких чин, разделенные до тех пор небольшими различиями в тяжести ратных служилых и тяглых

посадских повинностей. Такое обоюдостороннее приложение правила и сомкнуло прежние чины в несколько крупных классов или сословий, придав им посредством принудительной сословной приписки более плотный и постоянный состав и обособив их друг от друга.

Меры, направленные к сосредоточению и округлению раздробленных прежде общественных классов, были проведены на земском соборе 1648 и 1649 гг. по инициативе правительства или по ходатайству самих земских чинов и сведены в Уложении.

1) Личное землевладение стало исключительным правом служилых людей и тех из земских, которые несли казенную службу по выборам. Боярские холопы и находившиеся в сходном с ними юридическом положении монастырские служки не могли покупать и принимать в заклад вотчин; если кто из служилых людей находил такую вотчину и бил о ней челом государю, она отбиралась у холопа или служки и отдавалась челобитчику в поместье как конфискованная земля. Им не давали и поместий из государевых казенных земель.

2) Право торговать и промыслять в городе присвоено было исключительно посадским людям, а не принадлежавшие к посадскому обществу городские торговцы и промышленники были обязаны либо отказаться от своих торгов и промыслов, либо приписаться к городскому обществу. Холопы и крестьяне, владевшие в городах тяглыми дворами и промышленными заведениями — лавками, амбарами, погребями, — обязаны были продать их тяглым посадским людям; впредь запрещалось кому-либо приобретать такие дворы и заведения в городах, кроме посадских людей, под угрозой конфискации приобретенного имущества и торговой казни для приобретателей из крестьян и холопов. Крестьяне могли привозить в города свои товары и продавать их на гостином дворе с возов и судов, но не могли покупать и нанимать для того лавок в торговых рядах. С другой стороны, слободы в городах, населенные нетяглыми промышленниками и торговцами, заложившимися за служилых людей или духовных сановников, приписывались к посадским обществам со всем своим населением и землями. Даже дети духовенства и другие вольные люди, жившие по городам на церковных землях и занимавшиеся торгами и промыслами, зачислялись в городское тягло. Не только вольные люди, не принадлежавшие к какому-либо определенному состоянию, но и состоявшие на государственной ратной службе по прибору и за то получавшие казенное

жалованье, занимаясь в городе торговлей и промыслами, должны были тянуть городское тягло. По Уложению, такие приборные служилые люди, оставаясь в своих служилых чинах и продолжая нести ратную службу, вместе с тем по своим торгам и промыслам обязаны были записаться в городское тягло и платить всякие подати наравне с тяглыми посадскими людьми. Исключение сделано было только для некоторых разрядов служилых приборных людей, например для стрельцов, которые со своих городских торгов и торговых заведений платили таможенные пошлины и годовые оброки по окладу городского общества, но не были обязаны нести тягло и земские службы наравне с посадскими людьми. Таким образом, одно и то же лицо могло принадлежать к служилому и тяглому состоянию, чем для низших служилых людей отменялось установившееся в начале XVII в. правило, что ратная служба освобождает от тягла, и обратно — тягло от службы.

3) Наконец, и земледельческий труд, став сословным правом, начал объединять сельское население, дотоле разбитое на различные юридические состояния. В состав этого населения входили тяглые крестьяне и бобыли, жившие на казенной или частной владельческой земле, безземельные гулящие люди, занимавшиеся сельскими промыслами или наемной работой, и пахотные холопы, получавшие от господ земельные участки в пользование с усадьбами и земледельческим инвентарем и за то работавшие на господ или платившие им оброк, подобно крестьянам; такие пахотные холопы назывались *деловыми* и *задворными* людьми. Уложение ясно отличает крестьян и бобылей, черных и дворцовых, от крепостных владельческих, а тех и других от холопов: первых оно признает прикрепленными к земле, или, точнее, к сельским обществам, вторых и третьих — прикрепленными к лицам, т. е. к землевладельцам, различая их друг от друга тем, что крепостные крестьяне и бобыли были люди тяглые, а деловые и задворные холопы — нетяглые. Но в самих признаках, которыми различались указанные три состояния, заключались условия их взаимного юридического сближения. Прикрепляя одних хлебопашцев к сельским обществам, других к землевладельцам, Уложение окончательно утверждало то правило, что сельские общества казенных крестьян отвечают за податную исправность последних, а землевладельцы — за исправность своих крепостных крестьян. Неизбежным последствием этого правила была принудительная разверстка тягла: сельские

общества и землевладельцы получали право отводить отдельным крестьянам бóльшие или меньшие пахотные участки соразмерно с их рабочими силами и налагать на них подати соразмерно с отведенными участками. Эта принудительная разверстка вносила важные перемены в юридический состав сельского населения. С одной стороны, она уничтожала юридическое различие между крестьянами и бобылями: принадлежность к тому или другому из этих состояний определялась не выбором самого тяглового хлебопашца, а хозяйственным усмотрением общества или землевладельца, которые разверстывали тягло. С другой стороны, эта разверстка уничтожала на деле юридическое различие между крестьянами и пахотными холопами. Сумма податей, падавшая на имения, определялась количеством тяглых крестьянских и бобыльских дворов, значившихся в нем по переписной книге. Но податные платежи предоставлено было разверстывать ответственному за них владельцу между всеми крепостными его хлебопашцами, как он хотел, и недоимки взыскивались сборщиками как с тяглых крестьян, так и с нетяглых пахотных холопов. Поэтому в переписных книгах 1646 и 1678 гг., когда были произведены общие переписи тяглых людей, обозначались и дворы деловых и задворных холопов наряду с крестьянскими и бобыльскими, хотя закон этих холопов еще не признавал прямо тяглыми людьми. Так подготовлялось слияние бобылей и пахотных холопов с крестьянами в один класс, завершенное введением подушной подати при Петре. Наконец, юридический состав сельского населения упрощался еще тем, что Уложение, прикрепляя казенных крестьян к сельским обществам, а владельческих — к владельцам, распространило это прикрепление и на детей и родственников крестьянина, которые жили в его доме, не имея своих участков, и считались до тех пор вольными людьми.

Таковы были три крупные группы, на которые стало распадаться с половины XVII в. гражданское общество в Московском государстве по сословным правам.

ЛЕКЦИЯ XXI

2) ЧЕСТЬ ЧИНОВ КАК ИСТОЧНИК СОСЛОВНЫХ ПРАВ.
 ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЧИНОВНОЙ ЧЕСТИ В МОСКОВСКОМ ПРАВЕ.
 ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОСЛОЖНЕНИЕ ЭТОГО ЗНАЧЕНИЯ.
 НОВАЯ ФОРМА СОСЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В XVII в.
 ЖАЛОВАННАЯ СОСЛОВНАЯ ГРАМОТА. ОТНОШЕНИЕ НОВОГО СОСЛОВНОГО
 ДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА К ПРЕЖНЕМУ ЧИНОВНОМУ

ЧЕСТЬ ЧИНОВ КАК ИСТОЧНИК СОСЛОВНЫХ ПРАВ. 2. Другим источником сословных прав в Московском государстве XVII в. была *честь чинов*. Это был своеобразный и довольно сложный юридический институт, выработанный древнерусским правом.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЧИНОВНОЙ ЧЕСТИ В МОСКОВСКОМ ПРАВЕ. Первоначально под этим термином разумелось значение, которое придавал закон известному чину и в котором выражалась государственная оценка сравнительной пользы, приносимой государству разными общественными чинами. Наиболее осязательной формой, в которой выражалась эта оценка чиновной чести, служило наказание за *бесчестье*, т. е. за оскорбление лица действием и преимущественно «непригожим словом». Наказания за бесчестье различались по чинам как оскорбленной, так и оскорбившей стороны и были очень разнообразны: за бесчестье подвергали денежным пеням, тюремному заключению, телесным наказаниям и позорному обряду *отсылки* виновного *головой* к потерпевшему. Котошихин описывает обряд отсылки головой за боярское бесчестье. Пристава вели под руки обидчика на двор к обиженному боярину и ставили его на низу крыльца, на которое вызывали из дома и обиженного. Дьяк произносил последнему речь, говоря, что государь указал и бояре приговорили за его боярское бесчестье отвести обидчика к нему головой. Обиженный благодарил за царскую милость, а обидчика позволял отпустить домой. На пути к обиженному, как и стоя на дворе у него, обидчик пользовался правом безнаказанно «лаять и бесчестить всякою бранью обиженного», который «за те злые лайчивые слова» ничего не смел сделать с обидчиком под опасением усиленной кары. Уже в Судебнике 1550 г. встречаем сложный тариф денежных штрафов за бесчестье людей разных чинов, который был еще более развит Уложением 1649 г. Судеб-

ник, между прочим, назначал 5 руб. пени (около 350 руб. на наши деньги) за бесчестье «доброго боярского человека», т. е. лучшего служилого холопа, ходившего в походы с господином, тогда как бесчестье свободного крестьянина оплачивалось впятеро дешевле. На лестнице чинов холоп стоял очень низко и не пользовался правами свободного лица, как и не нес никаких прямых государственных обязанностей; но государство ценило пользу, приносимую им как вооруженным спутником служилого ратника, и за эту пользу ставило его выше тяглового крестьянина. Значит, чиновная честь лица определялась, собственно, не положением его чина на чиновной лестнице, а приносимой им государственной пользой, прямой или косвенной. Но если в различии наказаний за бесчестье по чинам оскорбленных выражалась оценка не столько достоинства самого чина, сколько государственной полезности чиновного лица, то, наоборот, в различии наказаний за бесчестье по чинам обидчиков выражалась оценка не столько этой полезности, сколько значение чина, чем бы он ни приобретался — заслугой или породой. По Уложению, думные люди за оскорбление патриарха отсылались к нему головою, служилые по отечеству наказывались батогами, а тяглые и служилые по прибору — кнутом на площади и сверх того месячным заключением в тюрьме. Род государственного служения сообщал лицу известное достоинство, которым определялся и род наказания за известные преступления и проступки. Для людей высших чинов, руководивших управлением, это достоинство служило средством успешного исполнения их правительственных обязанностей: они должны были иметь авторитет, необходимый для поддержания в управляемых чувства порядка и повиновения. Поэтому закон не подвергал их за одни и те же проступки одинаковым наказаниям с людьми низших чинов. Вот почему в прежней Руси думные люди и высшее духовенство были свободны от телесных наказаний. Таким образом, чиновная честь была первоначально личным преимуществом, которое либо прямо связывалось с чином, либо приобреталось службой государству независимо от чина: походный холоп был одного чина с простым, но честь первого ценилась впятеро дороже чести последнего.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОСЛОЖНЕНИЕ ЭТОГО ЗНАЧЕНИЯ. С течением времени юридический состав чиновной чести осложнился: к личным преимуществам присоединились материальные

выгоды, которые также вытекали из чиновных обязанностей, но не служили обеспечением их исправного исполнения. Так, согласно с правилом, что владеть землей может только тот, кто несет службу ратную, приказную или земскую, право вотчинного и поместного землевладения в Московском государстве присвоено было как высшему столичному купечеству, несшему наиболее тяжелые казенные службы, так и посадским людям, которых выбирали в земские старосты. Но землевладение для этих людей не соединялось с воинской повинностью, падавшей на служилых землевладельцев, и таким образом становилось чистым сословным их правом. Точно такое же значение получило признанное законом в XVII в. право служилых землевладельцев на крепостной труд их крестьян: ратная повинность этих землевладельцев обуславливалась вотчинным и поместным землевладением, а не этим правом, хотя последнее было тесно связано с первым. Таким образом, землевладение гостей и земских старост и владение крепостными крестьянскими руками получили характер сословных прав, не соединенных с соответствующими обязанностями, стали наградой за службу, а не средством или условием службы. Этот новый род сословных прав, возникших из юридического развития чиновной чести, усилил обособление чиновных групп, разделенных правами, которые, как мы видели, возникли из превращения экономических состояний или занятий в исключительные преимущества известных классов.

НОВАЯ ФОРМА СОСЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В XVII в. ЖАЛОВАННАЯ СОСЛОВНАЯ ГРАМОТА. Таково было происхождение сословных прав в Московском государстве. Этим новым юридическим явлением был вызван и новый род законодательства. До XVII в. московское законодательство, устроив общественные классы, определяло преимущественно их государственные обязанности. В XVII в. встречаем законодательный памятник, который говорит о сословных правах,— это жалованная грамота гостям и гостиной сотне, данная 26 августа 1648 г. В этом акте воспроизведена грамота, пожалованная высшему столичному купечеству еще в 1613 г., вскоре по воцарении Михаила. Гостям и гостиной сотне присвоились этой грамотой очень важные преимущества: между прочим, их дворы освобождались от тягла и постоя; они сами, их дети и приказчики в поездках по торговым делам не подлежали суду местных областных управителей; иски на них принимал только московский

Казенный приказ. Эта грамота о правах высшего купечества была предвестницей жалованных сословных грамот Екатерины II.

ОТНОШЕНИЕ НОВОГО СОСЛОВНОГО ДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА К ПРЕЖНЕМУ ЧИНОВНОМУ. Новая группировка общественных классов, начавшая обозначаться с половины XVII в., не устраняла прямо прежнего чиновного деления общества, а только прикрывала его на первое время; но она по самым своим основаниям отличалась от этого деления. Чины, во-первых, были дробные и изменчивые хозяйственно-служебные состояния, принадлежность к которым в значительной степени зависела от воли самих лиц; новые, более крупные общественные группы представляли более устойчивые классы, которые закон даже стремился сделать замкнутыми и принадлежность к которым определялась преимущественно происхождением лиц, независимо от экономического их положения. С другой стороны, чиновное деление основывалось на различии государственных обязанностей, а новые крупные классы различались между собою еще и правами. Этот последний признак и сообщал новым классам характер сословий в настоящем смысле слова, потому что, как было замечено во вступлении к курсу, существенным и наиболее осязательным признаком сословного деления служит различие прав, а не обязанностей.

Но не устраняя прямо прежнего чиновного деления, новая сословная группировка общества косвенно содействовала разрушению старой лестницы чинов, подготовленному рядом других условий.

ЛЕКЦИЯ XXII

РАЗРУШЕНИЕ ЧИНОВНОГО СКЛАДА РУССКОГО ОБЩЕСТВА. ТРОЯКИЙ ПРОЦЕСС ЭТОГО РАЗРУШЕНИЯ. 1) ПЕРЕМЕНЫ В ПРИКАЗНОЙ СЛУЖБЕ. СМЕШЕНИЕ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ СЛОЕВ ВЫСШЕГО СЛУЖИЛОГО КЛАССА В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ЗАКОН 12 ЯНВАРЯ 1682 г.

ТАБЕЛЬ О РАНГАХ. 2) ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЗЕМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПЕТРЕ I. УКАЗЫ 30 ЯНВАРЯ 1699 г. ВВЕДЕНИЕ ДВОРЯНСТВА В ПОРЯДОК ЗЕМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ: ДВОРЯНСКИЕ СОВЕТЫ ПРИ ВОЕВОДАХ, ЛАНДРАТЫ И ЗЕМСКИЕ КОМИССАРЫ. 3) ПРЕВРАЩЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЧИНОВНЫХ ПОВИННОСТЕЙ В ОБЩЕСОСЛОВНЫЕ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ НА ТЯГЛЫХ ЛЮДЕЙ, НА ДЕТЕЙ ДУХОВЕНСТВА И НА ХОЛОПОВ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОДАТНОГО ТЯГЛА НА ГУЛЯЩИХ ЛЮДЕЙ, ХОЛОПОВ И КОСВЕННО НА ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ. СОСЛОВНЫЙ СОСТАВ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ПОСЛЕ ПЕРВОЙ РЕВИЗИИ

РАЗРУШЕНИЕ ЧИНОВНОГО СКЛАДА РУССКОГО ОБЩЕСТВА. ТРОЯКИЙ ПРОЦЕСС ЭТОГО РАЗРУШЕНИЯ. Ход начавшегося приблизительно с половины XVII в. разрушения чиновного склада русского общества обозначился тремя процессами — соответственно трем основаниям, на которых были построены различные части старой лестницы чинов. Верхние ступени этой лестницы, как мы видели, держались на разверстке приказной службы между служилыми людьми по отечеству, средние — на распределении казенных поручений между земскими людьми по личному доверию, наконец, низшие — на раскладке ратной службы и тягла между служилыми и земскими людьми по их хозяйственным состояниям. Каждое из этих оснований и начало колебаться с половины XVII в., частью под влиянием условий, вызвавших новое сословное деление общества.

ПЕРЕМЕНЫ В ПРИКАЗНОЙ СЛУЖБЕ. 1) Первый процесс разрушения чиновного склада общества обозначился постепенным изменением характера приказной службы, обязанности которой разверстывались между служилыми людьми по отечеству. Эта разверстка была тесно связана с теми генеалогическими слоями, из которых составилась высший служилый класс в Московском государстве XV и XVI вв. Правительственные полномочия, требовавшие большего или меньшего авторитета со стороны уполномоченных лиц, распределялись по отечеству или происхождению, которым обуславливалось в древней Руси общественное значение лица.

СМЕШЕНИЕ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ СЛОЕВ ВЫСШЕГО СЛУЖИЛОГО КЛАССА В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ЗАКОН 12 ЯНВАРЯ 1682 г. Но с начала XVII в. генеалогические слои высшего служилого класса, прежде резко различавшиеся между собою, стали заметно смешиваться: старые родовитые фамилии, княжеские и боярские, вымирали или беднели и падали; новые, незнатные люди личной заслугой или случайной удачей выносились наверх, достигали влиятельного положения в управлении, богатели и становились родоначальниками новой аристократии. Таким образом, высшие чины постепенно теряли свое старое основание, переставали быть выражением породы и становились отличиями по личной заслуге или выслуге. Эта перемена в составе высшего служилого общества уже в XVII в. повела к отмене местничества, на котором держались старые высшие чины. Комиссия, составленная в 1681 г. из выборных служилых людей под председательством князя В. В. Голицына для выработки плана нового военного устройства, составив проект новой организации военных частей, предложила назначать их командиров из всех служилых фамилий «без мест и без подбора», т. е. не по отчеству, как прежде, а по личной годности или заслуге. Это предложение было принято государем и думой, приговорившим 12 января 1682 г. отменить «богоненавистное и враждотворное местничество». С того времени совершенно изменилось отношение сословного положения служилого лица к служебному чину. Прежде этот чин определялся принадлежностью лица к известному генеалогическому слою служилого класса; теперь, наоборот, приобретение известного служилого чина вводило в состав высшего служилого класса, какого бы оно ни было происхождения. Эта перемена выражена, между прочим, в лаконическом указе Петра 16 января 1721 г. Указ этот гласил: «Все обер-офицеры, которые произошли не из дворянства, оные и их дети и их потомки суть дворяне, и надлежит им дать патенты на дворянство». Напротив, Петр не раз и настойчиво выражал мысль, что дворянское происхождение само по себе, без известного чина, приобретенного службой, не дает никаких прав. Этим совершенно разрушалось основание старой лестницы служилых чинов и вызывалась необходимость нового чиновного распорядка служилого люда. Этот распорядок был установлен утвержденной 24 января 1722 г. *табелью о рангах всех чинов*.

ТАБЕЛЬ О РАНГАХ. В этой таблице все должности распределены на три параллельных ряда должностей воинских, статских и придворных и каждый ряд разделен на четырнадцать рангов, или классов. Лествица воинских должностей начинается генерал-фельдмаршалом и оканчивается фендриком; во главе иерархии статских рангов поставлены, во-первых, канцлер, во-вторых, действительные тайные советники, а внизу провинциальные секретари и коллежские регистраторы (классы 13-й и 14-й). Надобно заметить, что эти четырнадцать классов не были простыми чинами или служебными отличиями, не соединенными с определенными должностями, как теперь: к каждому классу отнесена была одна должность или целая группа равностепенных должностей; так, в четырнадцатом статском классе числились кроме регистраторов при коллегиях еще комиссары при коллегиях, фискалы при надворных судах, земские комиссары, губернские почтмейстеры и пр. В пунктах, которыми сопровождалась табель о рангах, было выражено основание нового чиновного деления. Так, в одном пункте сказано, что все служащие первых восьми рангов (не ниже майора и коллежского асессора) с потомством своим причисляются к лучшему старшему дворянству «во всяких достоинствах и аванжах, хотя б они и низкой породы были». А в другом читаем, что хотя сыновьям российского знатнейшего дворянства и открывается для знатной их породы свободный доступ ко двору и желательно, «чтобы они от других во всяких случаях по достоинству отличались, однако за это одно никому из них никакого ранга не дается, пока они государю и отечеству услуг не покажут и за оные характера (чести и чина) не получают». Введением этой таблицы завершена была перестройка высшего служилого класса, которую можно выразить такими словами: *чиновные обязанности приказной службы, постепенно теряя связь с генеалогическим составом высшего служилого класса, превратились в простые должностные полномочия.*

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЗЕМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПЕТРЕ I. 2) Подобная перемена произошла при Петре и в порядке отправления земской службы. Мы знаем, что самым тяжелым видом ее была *верная служба*, на раскладке которой основывалось чиновное деление высшего купечества. Безмездное и ответственное исполнение казенных поручений по сбору таможенных, питейных и других доходов благонадежными

торговыми людьми вызывалось недостатком у казны собственных органов, пригодных для этого дела. При Петре возникла мысль сложить обязанности верного управления с городских обывателей и отдать все косвенные налоги на откуп или поручить их сбор отставным офицерам и солдатам. Указами 13 апреля и 11 мая 1722 г. предписано было все казенные доходы, собираемые на вере, постепенно отдать на откуп, а пока посадских людей к таким сборам не выбирать, заменяя их отставными офицерами, дворянами и рядовыми; в помощь им велено было выбирать, с значением подчиненных целовальников, раскольников и «бородачей», на которых эта повинность была положена как наказание за их упорную привязанность к старообрядству и бороде. Попытка отменить верное управление получает тем большее значение, что была предпринята преждевременно, без достаточной подготовки. Из указа 9 декабря 1723 г. узнаем, что во всех губерниях к казенным сборам прислано из Военной коллегии только 475 человек отставных, тогда как требовалось всего около 7 тыс. сборщиков. Пришлось обращаться опять к выборным сборщикам из купечества и посадских людей там, где недоставало отставных военных. Значит, потребность снять повинность верной службы с городского населения явилась раньше, чем казна успела найти удобные орудия, которыми можно было бы заменить верных голов и целовальников. Понятно, что, по мере того как купечество освобождалось от этих повинностей, исчезало и основанное на их разверстке старое чиновное деление этого класса. В то время как падал прежний строй земской службы по личному доверию, служившему основанием верного управления, земская служба по мирской поручке развивалась и в дальнейшем своем развитии получила новый характер. В царствование Грозного земские миры, городские и сельские, получили право управляться выборными земскими старостами и целовальниками, которые творили среди них суд и собирали с них казенные подати. Миры, избравшие этих старост и целовальников, отвечали перед правительством за их деятельность. Эти земские выборные заменяли коронных областных управителей — наместников и волостелей, которые оказались непригодными к делу. В XVII в., когда во главе каждого уезда ставился воевода, коронный управитель с широкими военно-гражданскими полномочиями, земские старосты и целовальники очутились в положении орудий этих управителей и делали для них всю черную работу правления, утратив всякую самостоятельность. В царствование Алексея правительство начало

помышлять о восстановлении придавленного воеводами земского самоуправления. Петр наследовал и осуществил эти помыслы.

УКАЗЫ 30 ЯНВАРЯ 1699 г.

Двумя указами 30 января 1699 г. предоставлено было торгово-промышленному населению столицы и других городов, а также и крестьянам государевых сельских волостей, «буде они похотят», управляться своими выборными бурмистрами, которые бы чинили между ними суд и собирали государственные налоги. За освобождение от воевод и приказных людей города должны были платить только удвоенные оклады казенных податей. Возникшие по этим указам московская Бурмистерская палата и городские ратуши были потом, в конце царствования Петра, преобразованы в магистраты. Этими учреждениями не только восстанавливалось, но и расширялось городское самоуправление. Городские выборные управители, прежде служившие ответственными заместителями коронных областных чиновников, теперь получили значение блюстителей сословных интересов выбиравших их городских обществ. Законодательство Петра не обязывало городских избирателей строгой порукой за избираемых управителей. Таким образом, выборное земское управление, имевшее прежде характер земской служебной повинности, теперь получило в городах значение сословного права.

ВВЕДЕНИЕ ДВОРЯНСТВА В ПОРЯДОК ЗЕМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ. Вскоре по учреждении бурмистров это право было распространено и на областное дворянство. В XVII в. дворянство в составе областных миров стояло довольно уединенно: сомкнувшись в уездные корпорации, оно имело очень мало связи с другими классами и оказывало слабое действие на ход местного управления, выбирая из своей среды лишь на некоторые второстепенные должности уездной администрации. Губные старосты, избиравшиеся из среды уездных служилых людей всеми классами местного общества, были отменены незадолго до царствования Петра. Взамен этого учреждения Петр открыл дворянству более широкое и прямое участие в местной администрации и этим органически ввел сословие в систему местного земского управления.

ДВОРЯНСКИЕ СОВЕТЫ ПРИ ВОЕВОДАХ. Указом 10 марта 1702 г. при уездных воево-

дах были учреждены дворянские советы по выбору уездных дворянских обществ. Эти выборные дворяне-советники должны были ведать всякие дела с воеводами, «а одному воеводе без них, дворян, никаких дел не делать». После того как в 1708 г. введено было новое деление России на губернии, уездные дворянские советы были заменены ландратскими советами при губернаторах.

ЛАНДРАТЫ. Указом 24 апреля 1713 г. предписано было дворянству каждой губернии, смотря по величине ее, выбрать восемь, десять или двенадцать *ландратов*, которые «должны были все дела с губернатором делать и подписывать, и губернатор у них не яко властитель, но яко президент», отличавшийся от них только тем преимуществом, что ему при голосовании вопроса принадлежало два голоса. Эти ландраты не только составляли совет при губернаторе, но и принимали непосредственное участие в управлении губернией. Вся губерния разделялась на несколько округов, и во главе каждого из них становился ландрат. С 1719 г. ландраты исчезают, но участие дворянства в местном управлении не прекращается. Указом 26 ноября 1718 г., предписавшим произвести первую ревизию и расквартировать полки по уездам для содержания их новым подушным сбором, было велено дворянам каждого уезда выбирать ежегодно *земского комиссара* для сбора этой подати.

ЗЕМСКИЕ КОМИССАРЫ.

Сверх этого сбора январской инструкцией 1719 г. на земских комиссаров возложены были разнообразные полицейские обязанности. Они должны были наблюдать за местными откупщиками казенных доходных статей, смотреть за правильным отбыванием рекрутской повинности, за устройством и безопасностью путей сообщения, за нравственностью и поведением обывателей уезда, также содействовать отправлению правосудия и т. п. Земский комиссар по окончании годичного срока службы отдавал отчет в своей деятельности уездному дворянскому обществу, которое за неисправности и злоупотребления могло предавать его суду и подвергать наказанию. Таким образом, земское самоуправление при Петре было не только восстановлено в городах, но и распространено на сельское землевладельческое население. Как дворянское, так и городское самоуправление теперь облечено было полномочиями, существенно изменившими значение центральных органов местного управления: областной коронный упра-

витель, прежде полновластно распоряжавшийся как городским, так и сельским населением, землевладельческим и земледельческим, теперь сохранил только право надзора за городским выборным управлением и превратился в простого председателя коллегии выборных дворян-советников. Благодаря этой перемене обязанности прежней земской службы по личному доверию и мирской поручке, распространившись из городов и на местные дворянские общества, при Петре соединились с такими условиями, которые сообщили им характер сословно-политических прав.

ПРЕВРАЩЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЧИНОВНЫХ ПОВИННОСТЕЙ В ОБЩЕСОСЛОВНЫЕ.

3) Чиновное деление древнерусского общества, как мы видели, держалось на том, что на каждый класс падала особая государственная повинность. Повинностей общих, всечиновных или всесословных, не существовало. Со времени Петра эти специальные повинности стали обобщаться, распространяясь с одного класса или группы чинов на другие. Это обобщение началось с низа общества.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ НА ТЯГЛЫХ ЛЮДЕЙ, НА ДЕТЕЙ ДУХОВЕНСТВА И НА ХОЛОПОВ.

Воинская повинность, прежде падавшая прямо только на служилых людей по отечеству или по прибору, теперь стала распространяться и на низшие классы. Готовясь к Северной войне, Петр произвел рекрутский набор и с тяглового населения, посадских людей и крестьян. Потом такие наборы повторялись периодически в продолжение всего его царствования. Мало того, Петр решил положить воинскую повинность и на классы, прежде свободные от всяких прямых государственных обязанностей,—на холопов и вольных гулящих людей. По указам 1 февраля и 31 марта 1700 г. все вольноотпущенные, годные в службу, должны были записаться в солдаты, а холопы могли вступать в военную службу без отпуска и позволения своих господ. Первоначально Петр думал привлечь к военной службе только дворовую челядь, к которой принадлежали походные спутники господ. Начав войну с Турцией в 1711 г., он указом 1 марта потребовал у господ третьего из их дворовых людей в солдаты. Вместе с этим и податное тягло распространялось как на холопов, так и на гулящих людей. Зачисляя в солдаты способную к службе дворовую челядь, Петр еще до ревизии решительно и прямо

положил подать на пахотных холопов, живших особыми дворами и называвшихся *деловыми* и *задворными* людьми. Наконец, первая ревизия сгладила и это различие между дворовыми и пахотными холопами.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОДАТНОГО ТЯГЛА НА ГУЛЯЩИХ ЛЮДЕЙ И КОСВЕННО НА ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ. Рядом указов 1719 и следующих годов подушная подать распространена была на все разряды как гулящих людей, так и холопов. Большая часть гулящих людей была записана в ревизские сказки за землевладельцами, на землях которых заставала их ревизия, и таким образом попала к ним в крепостную зависимость. Вместе с этим и рекрутские наборы стали производиться с гулящих людей и с холопов совершенно на одинаковых основаниях с крестьянами — по одному рекруту с известного количества душ. Таким образом, исчезли оба эти класса, слившись с крепостными крестьянами в одно состояние *крепостных людей*. Сохранялось различие между дворовыми людьми и крестьянами, но оно было хозяйственное, а не юридическое, какое существовало прежде между крепостными крестьянами и холопами, как между людьми тяглыми и нетяглыми. Податная повинность косвенно падала и на самих владельцев крепостных душ. Лично они не подлежали подушной подати, но указы о первой ревизии окончательно закрепили за ними ответственность за казенные платежи их крепостных людей. Недоимки в этих платежах казна взыскивала с самих владельцев. Так *специальные повинности ратной службы и податного тягла, распространяясь на большее количество классов, постепенно превращались во всеобщие государственные обязанности*. Этим обобщением повинностей завершалось юридическое смешение прежних чинов, т. е. разрушение чиновного склада русского общества.

СОСЛОВНЫЙ СОСТАВ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ПОСЛЕ ПЕРВОЙ РЕВИЗИИ. Посредством изложенных трех процессов, разрушавших основание иерархии чинов, чиновное деление, прежде прикрывавшееся сословным, ко второй четверти XVIII в. растворилось в последнем. По мере того как государственные повинности, обобщаясь, переставали дробить общество на мелкие части, развивались сословные права, не связанные с повинностями. Эта перемена служила переходом государственного порядка со старых оснований на новые. Московское государство брало в свое распоряжение во

имя общего блага все силы и средства общества, не оставляя простора частным интересам отдельных лиц и классов. Это поглощение частных интересов государственными и выразилось в чиновной разверстке специальных государственных обязанностей. Петр завершил эту разверстку, распространив некоторые специальные повинности отдельных чинов на целые их группы или даже на все общество. Но с его смерти началось обратное движение. Некоторые сословия постепенно освобождались от своих прежних обязанностей и при этом не только сохраняли прежние права, но и приобретали новые. Этими правами, как частными, так и политическими, определялся все более расширявшийся простор, какой государство предоставляло свободной деятельности некоторых сословий. Движение это началось с дворянства и слабее захватило городское торгово-промышленное население. Условия, вызвавшие это движение, и его ход и следствия для русского общества частью известны из общего курса русской истории. Права, которые приобрели в продолжение XVIII в. дворянство и городское население, выражены были в жалованных грамотах 1785 г. этим сословиям, которые вследствие того вместе с духовенством получили значение привилегированных состояний. Законодательство XIX в. постепенно распространяло и распространяет эти права и на другие, прежде обделенные сословия, уравнивая перед законом все состояния.

ОБЗОР ПРОЧИТАННОГО И ГЛАВНЫЙ ВЫВОД

Теперь бросим взгляд на все изученные нами явления. Мы видели, как и на каких основаниях делилось и переделывалось русское общество до второй четверти XVIII в. Эти переделы были довольно часты и разнообразны. Чтобы лучше запомнить их историческую преемственность, мы их изложим еще раз в общих чертах.

Первоначально, во времена, предшествовавшие древнейшим памятникам нашего права, общество распалось на завоевателей и завоеванных, из которых первые старались присвоить себе все права, оставляя последним только обязанности. Но в древнейших памятниках права это деление отразилось едва заметно. По этим памятникам мы застаем русское общество в X—XII вв. разделенным уже не по праву материальной силы, а по отношениям лиц к верховной власти, т. е. по закону: завоеватели превратились в княжих мужей, в управителей, в орудие княжеской

власти, завоеванные — в *людей*, в управляемых, данников князя. Но кроме этого различия в отношениях того и другого класса к князю они различались между собою еще одним признаком — неодинаковым отношением закона к лицам: жизнь органов княжеской власти, и притом лишь высших, ценилась по закону дороже, т. е. ограждалась государством заботливее, чем жизнь других классов. Но уже в XII в. становится заметно более дробное деление общества по правам — на бояр, смердов, закупов и пр. По происхождению своему это деление было экономическое: классы различались по хозяйственным состояниям. Но так как закон признавал юридические последствия этого хозяйственного неравенства и связывал с ним различие прав, то эти состояния получали значение сословий. Легко заметить историческую связь этого нового сословного деления с более ранним — с распадением общества по отношению лиц к князю на управителей и управляемых: боярами-землевладельцами становились обыкновенно княжи мужи; смерды были люди, жившие на княжой земле; закупы — люди, жившие на земле или в домах частных лиц. Таким образом, новое сословное деление основалось на экономических последствиях, вышедших из предшествующего деления.

В удельное время общество делилось на классы, различавшиеся родом договорных услуг или служб в пользу князя и родом выгод, какими они пользовались за эти услуги. И это деление построилось на последствиях предшествующего; различными хозяйственно-юридическими состояниями, образовавшимися в предшествующий период, обуславливалась неодинаковая служебная годность лиц, т. е. их способность вступать в те, а не другие обязательства с князем; только привилегированный землевладелец мог нести административную или ратную службу, смерд-хлебопашец мог принимать на себя только поземельное тягло и так далее. В Московском государстве общество раздробилось на чины по роду государственных повинностей. Эти повинности были те же самые службы, которыми различались классы населения в удельное время; только из договорных они превратились в обязательные. Они разверстывались по хозяйственным состояниям, образовавшимся в удельное время под влиянием договорных отношений к князю; следовательно, чиновное государственное деление общества основалось на экономических последствиях предшествующего договорного. С половины XVII в. дробные чины стали соединяться в крупные сословные группы, различавшиеся правами. Эти

права образовались двояким путем: одни вышли из превращения хозяйственных выгод, служивших средствами исправного отбывания государственных повинностей, в исключительное достояние чинов, которые несли соответствующие повинности; другие были выражением чести чинов, т. е. степени государственной пользы, приносимой службой каждого из них. Значит, те и другие сословные права были последствиями чиновных обязанностей, служили либо средством обеспечения исправного их исполнения, либо выражением того государственного значения, какое придавалось обязанностям известных чинов. Так, рассматривая историческую преемственность общественных делений, мы открываем и внутреннюю причинную связь между ними. Эту связь можно обозначить такой формулой: *основанием каждого последующего деления становились последствия, вытекавшие из деления предшествовавшего*. Первоначальное политическое деление на управителей и управляемых повело к экономическому неравенству — к различию лиц по хозяйственным состояниям; различием лиц по хозяйственным состояниям обуславливалось различие договорных отношений, в какие вступали лица к князю удельных веков; различием состояний, созданных этими договорными отношениями, определилась раскладка государственных повинностей, какие положены были на лица в Московском государстве; из неодинаковой оценки государственного значения этих повинностей развилось различие прав, послужившее основанием деления общества на сословия, образовавшиеся из соединения прежних однородных чинов. Каждое последующее деление цеплялось за последствия предыдущего. Таков *основной* вывод, вытекающий из истории наших сословий.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. К КУРСУ «МЕТОДОЛОГИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ»

1884 Содержание и программа курса. Цель его.

МЕТОДОЛОГИЯ

1. *Предмет* исторического изучения. Общежитие и его формы. Значение одиночной деятельности в изучении человек[еского] общежития. Есть ли человек сам по себе предмет истории?

2. *Формы* общежития, или людские союзы. Союзы первичные, или естественные. Бессемейное первобытное общество (пещер). Род. Семейство. Переходное значение *племени* как союза сложного и не вполне естественного. Союзы вторичные, или искусственные. Государство и церковь. Союзы частные, государственные и духовные. Отличительные черты союзов естественных и искусственных: инстинкты и цели. Момент перехода первых во вторые: превращение племени в народ (и племенной религии во вселенскую церковь). Определение *народа*.

3. *Элементы* общежития. Первичные связи, которыми держатся людские союзы. Необходимость полного регистра и точного анализа элементов. Кровь, язык, возраст, пол, мысль, предание, чувства, труд, капитал, обмен, право. Производные. Разделение элементов на деятельные, или *интересы*, и страдательные, или *отношения*. Первые — побуждения или потребности, вызывающие общение между людьми; вторые — нормы, или постоянные правила, которыми закрепляется общение. Есть ли генетическая связь между интересами и отношениями, как между причинами и следствиями?

4. *Исторические силы.* Понятия о них как источниках и регуляторах элементов общежития. Анализ общества как особой силы. Отношение сил к элементам общежития. Природа: язык, возраст, пол, кровь, труд, капитал. Личность: мысль, чувства. Общество: предания, право, обмени. Сфера деятельности каждой силы: экономические отношения — первой, умственная и нравственная жизнь — второй, политическая и социальная — третьей. Степень и характер участия каждой в создании общежития. Взаимодействие сил — историческая жизнь.

К § 4 *Отношение сил к элементам общежития.* Вопрос о свойстве действия и степени влияния сил на общежитие. Предпочтение, оказываемое историческими исследователями одной — природе страны. Важные результаты и необходимость дальнейшего изучения, именно проверки добытых результатов путем более отчетливого анализа. Недостаточное изучение трех важнейших сил — личности, общества и физич[еской] природы человека — как исторических сил. Связь их с элементами. Физическая природа человека: пол, возраст, инстинкт, действующий в кровном родстве. Личность: мысль, чувство. Общество: право, порядок, обмен, традиция. Независимость элементов, идущих из природы страны. Взаимодействие сил: язык, свобода личная, нравы, понятия, труд, капитал. Природа страны¹ реагирует, воздействует на другие силы, или служит объектом и пределом их деятельности: язык, право собственности, понятия и нравы. Трудность разграничения сфер деятельности сил при их взаимодействии. Преобладающее значение каждой определяется свойством оснований или первоначальных возбудителей деятельности человека в той или другой сфере. Природа страны дает материальные средства общежития, физич[еская] природа человека — инстинкты или потре[бнос]ти, завязавшие первые союзы, личности принадлежит инициатива, выражающаяся в мысли и чувстве, обществу — нормы людских отношений. Потому природой страны направляется преимущественно экономическая жизнь, физич[еской] природой человека — частная домашняя, личностью — умственная и нравственная, обществом — политическая и социальная².

5. *Исторический процесс,* или жизнь человечества. Развитие, взаимодействие и смена людских союзов. Отличие исторического процесса от фактического. Повторение и преемство. Процесс местный и общий: первый — хронологическое изменение географических сочетаний элементов общежития; второй — географическое изменение хронологических сочетаний.

6. *Местный процесс.* Его очевидность. В чем он состоит: смена или перерождение местных союзов вследствие изменения сочетаний элементов общежития. Причина этого изменения — двойная перемена во взаимодействии исторических сил. 2) Перемена в отношении общества к природе: связь звероловства с бессемейным обществом, скотоводства с родовым, семьи с земледелием. 1) Перемена в отношении личности к обществу: стремление ее выделяться из массы, ее поглощающей, и создавать себе свою особую сферу деятельности³. Выделение рода из

бессемейного общества, семьи из рода, лица из семьи. Закон развития естественных союзов: подразделение в физиологическом⁴ порядке инстинктов⁵.

7. *Общий процесс.* Определение. Вопрос о возможности его изучения. Отношение народов исторических к неисторическим. Теории Боссюэта, Лорана, Гегеля. Нам нет нужды разбирать философские основания этих историко-философских построений: нас касаются только их исторические выводы. Эти теории нельзя не признать смелыми попытками понять смысл исторической жизни. Но какие дают они средства для изучения истории, которое должно подготовить к этому пониманию, т. е. предшествовать ему? Все эти построения прежде всего суть прикладные части известных общих теорий бытия, его происхождения, развития и целей. Телеолог, раскрывая задачи человека, естественно, желает посмотреть или показать, как эти задачи раскрывались в истории человечества. Точно так же метафизик, исследуя сущность абсолютного духа, может поставить себе вопрос: в каких конкретных, т. е. исторических, формах он проявлялся? Таким образом, эти исторические теории смотрят на историю с точки зрения, которая лежит вне области истории как науки, подкладывают под исторические явления начала, выведенные не из этих явлений, а совсем из других оснований и царствующие не в одной истории, а на более широкой территории. Промысл телеолога-моралиста правит не одной только исторической жизнью народов, но бытием вообще. Всемирный, или абсолютный, дух метафизика есть абстракция более широкая, чем тот человеческий дух, который доступен наблюдению историка как историческая сила. С другой стороны, не все исторические явления укладываются под оба воззрения, телеологическое и метафизическое. Телеолог принужден сознаться, что в ходе истории много явлений, ненужных для божественного плана и вытекающих совсем из другого начала, из человеческой свободы. Точно так же и у метафизика большая часть народов, существовавших или существующих на земной поверхности, являются лишними для всемирного духа: вассальная или адъютантская роль, назначаемая Гегелем духам этих неисторических народов, есть риторическая или публицистическая шутка, а не выход из научного⁶ затруднения. Так обе теории, телеологическая и метафизическая, с одной стороны, хватают дальше истории, с другой — не захватывают всей ее области; они то шире, то уже ее, вообще с ней не совпадают, врезаются в нее клином. Они стоят в таком же отношении к истории, в каком могут стоять и к естествоведению. Телеолог может ввести и природу в систему средств для достижения назначенных человеку целей. Метафизик находит тот же трехмоментный процесс и в развитии природы, этого «вне-себя-бытия» абсолютного духа. Но как вывести из системы провиденциальных целей или трехмоментного логического процесса⁷, например, закон качания маятника или порядок наследования в материнском роде, передающий имущество племянникам или племянницам помимо сыновей и дочерей? Может быть, как маятник, так и право

наследования не отрицают собою ни моралистической телеологии, ни логической трилогии; но между ними нет и заметной связи, ни моральной, ни логической, нет даже противоречия: это просто различные, никогда не встречающиеся порядки явлений и понятий. Надобно прибавить к этому, что обеими теориями не объясняются достаточно и их собственные исторические положения. Если телеолог практически примиряет с своей теорией существование зла тем, что промысл и из зла делает средство для достижения добра, то он этим самым разрушает свое собственное основание, ибо с телеологической точки зрения, которая все ценит по отношению к целям, т. е. по результатам, зло, приводящее к добру, есть добро, а не зло. Точно так же и у Гегеля остается не ясным, как разум может господствовать в истории, когда во все исторические периоды большинство наличных народов, все, кроме одного, не покорялись разуму; значит, господствует в истории неразумие, а разумная история представляет только ряд историко-философских анекдотов, счастливых исключений. Как может разум царствовать среди хронического и легализированного им самим мятежа? Зрелище духов низших, неразумных народов, окружающих только трон абсолютного духа в качестве исполнителей его воли, но не признающих этого [духа] воли, не понятно ни логически, ни политически⁸.

§ 8. *Исторический метод.* Совокупность приемов изучения известной отрасли человеческого знания. Приемы эти определяются задачей, какую ставят при изучении известной отрасли, а задача выводится из свойства предмета, подлежащего изучению. Предмет истории — исторический процесс, ряд явлений, которыми он обнаружился. При одинаковом понимании этого процесса ставят различные задачи его изучения и по свойству этих задач разнообразят приемы исторического изучения. Научное значение можно признать за двумя задачами.

1. Видя в историческом процессе последовательную смену явлений, которая привела к современному состоянию образованного человечества, одни, остан[авливаясь] на этом состоянии, ставят задачей исторического изучения проследить зарождение, действие и связь именно тех исторических явлений, которые имеют близкое или отдаленное отношение к этому состоянию. Этой задачей определяются выбор, оценка и порядок изложения исторических явлений, т. е. основные приемы изучения. Изучению подвергаются только явления, имеющие близкое или отдаленное отношение к современному состоянию образованного человечества. Каждому явлению дается историческое значение, соответствующее этому отношению, т. е. влиянию, какое оно оказало на общее движение человеческой образованности. Все явления изучаются и излагаются в том порядке, в каком они следовали одно за другим, в строгой хронологической связи.

Благодаря такой задаче и таким приемам историческое изучение превращается в рассказ о происхождении, развитии и накоплении всех тех учреждений, отношений, интересов, средств, удобств, обычаев, чувств, верований, знаний и идей —

всего того культурного запаса, которым живет современное человечество. Такая задача исторического изучения выведена из той совершенно верной мысли, что полное и точное понимание современного состояния невозможно без знания того, как оно сложилось. Но отсюда неизбежно вытекает такой ряд заключений. Так как современному человеку необходимо знать среду, в которой он вращается, чтобы верно и добросовестно судить о том, как ему надлежит действовать и к чему стремиться, то историческое изучение становится пояснительным приложением к статистическому описанию современного состояния человечества. Так как историческое изучение должно воспроизвести генезис известной культуры, а культур в современном человечестве несколько, и все они существенно различаются друг от друга, то и выбор, и самая оценка исторических явлений неизбежно будут различны у историка-магометанина и историка-христианина, в историографии азиатской и в историографии европейской. Так как предмет исторического изучения служит происхождение и накопление известного культурного запаса и этот запас по частям рассеян в отдельных умах и редко соединяется весь в одном уме, даже едва ли когда соединяется, то полнота исторического⁹ изучения неизбежно зависит от широты личного кругозора историка, который обыкновенно рассказывает, да и может рассказать только историю того, что понимает и знает сам. Таким образом историческое изучение превращается в историю индивидуальных мирозерцаний, становится чем-то похожим на культурную автобиографию историка, который воспроизводит генезис не всего содержания современной культуры, а только той ее части, которая могла вместиться в его сознание. Все изложенные заключения сводятся к тому окончательному выводу, что такое историческое изучение отправляется не от исторического явления, а от кругозора самого изучающего, т. е. исходной точкой изучения [становится] точка зрения историка, субъект, а не объект; поэтому такое изучение можно назвать *субъективным* (ретроспективный метод).

Разнообразие условий, определяющих личную точку зрения, сообщает капризную изменчивость приемам субъективного изучения: программа, оценка, освещение явлений, самая связь их — все разнообразится до бесконечности. Одни преимущественно следят за движением идей, другие — за ходом материальных фактов. Отсутствие технических и математических знаний в изложении общей истории¹⁰.

2. Можно поставить и ставят историческому изучению другую задачу, более объективного характера. Можно принять за точку отправления в изучении истории не изучающий субъект, а изучаемый объект, исходя из того же взгляда на исторический процесс, на каком построен субъективный метод. Видя в историческом процессе последовательную смену явлений, которая привела к современному состоянию образованного человечества, можно не останавливаться на этом состоянии как на чем-то твердом, как на застывшем последнем историческом моменте.

Современное состояние, настоящее время—это также субъективное представление, которым обозначается хронологическое отношение наблюдателя к известным историческим явлениям, и в этом смысле оно есть в значительной степени абстракция, т. е. фикция. В исторической действительности нет ни прошедшего, ни настоящего, а есть непрерывное течение. Едва наблюдатель успеет схватить своим наблюдением бегущую минуту, текущее явление современной жизни, как схваченное им представление становится уже анахронизмом, отражает не то, что есть, а то, что было. Когда изучающий стремится от этой фикции, в историческом процессе перед ним предстанет как проблема изучения не *генезис* известных исторических состояний, или формаций, общежития, а самое историческое *движение*, создающее и разрушающее последовательно различные состояния, или формации. Движение¹¹ составляется из движущих сил, свойства движущихся тел и последовательности, или порядка, движения. Непригодность приемов субъективного метода для этой цели. Другие приемы:

1) Наблюдение. Достаточная историческая причина и причина повелительная. Явления: 1) следствия возможные и 2) необходимые. Отсюда три рода явлений: 1) приключения или анекдоты, 2) события, 3) быт, т. е. производные элементы общежития—право, понятия, обычаи, хозяйство и т. п. Следовательно, *наблюдением познаются состав общежития и взаимное отношение составных элементов.*

2) Сопоставление, или сравнение, явлений. Этот прием состоит в объяснении разделенных пространством или временем, но однородных явлений посредством сравнения одного с другим. Прием этот так важен, дал историческому изучению такие ценные результаты, что иные делают из него целый сравнительный *метод*, т. е. все приемы исторического изучения сводят к одному сравнению, чая, что им одним разрешаются все задачи этого изучения. Но, преувеличивая значение этого приема, им и страшно злоупотребляют. Наибольшее злоупотребление происходит от слишком буквального его понимания. Замечая где-либо бледные следы известного исторического факта или процесса, ищут, где бы этот факт или процесс обнаружился явственнее и полнее, и черты этого более очевидного факта или процесса подставляют под те бледные следы. Такой прием основывается на предположении, что если в истории одного общества встречаем явления, которые напоминают процесс, имевший место в истории другого общества, то, значит, под этими явлениями скрывается и весь процесс, и, перенося черты исторической жизни одного общества в историю другого, мы только восстанавливаем в этой последней факт, стертый временем или затерявшийся в архивах. Таким образом, сравнение становится вспомогательным средством наблюдения, а не особым приемом дальнейшего, более глубокого познания явлений, уже изученных наблюдением. Но такое предположение или опасно, или бесполезно. Опасно потому, что может ввести в ошибку; факт, может быть, потому и оставил после себя неясные следы, что зачинал-

ся, но не успел развиться, и в таком случае реставрация его посредством аналогии есть подделка. Мэн и русская община (Учрежд[ения], с. 67¹²). Бесплезно это предположение, потому что, даже не вводя в ошибку, не приводит ни к какому выводу. Положим, русская крестьянская община оказалась бы такой же родовой, как и индийская, что же дальше? Перед глазами наблюдателя явились бы вместо одной две родовые общины, т. е. вместо одного экземпляра ископаемой социальной формации два экземпляра, и только. Но это открытие обогатило бы только коллекцию исторических древностей, а не запас исторических знаний. Совсем иными результатами сопровождается сравнительное изучение, когда мы ставили его целью изучение не сходства, а различия однородных исторических явлений. Заметив это различие, мы спрашиваем о его причине. Причина эта заключается в том, что каждое из изучаемых однородных явлений произведено особою средой, не похожей на те, из которых вышли другие однородные явления. Исследуя эти особенности, найдем, что однородные явления произведены одними и теми же элементами общежития, но вышли неодинаковыми потому, что самые общежития, в составе которых действовали эти элементы, не похожи друг на друга ни по составу элементов, ни по их взаимному отношению. Таким образом, изучение различия однородных явлений приведет к тому важному выводу, что один и тот же элемент общежития в различных сочетаниях и при различных взаимных отношениях составных элементов действует неодинаково, т. е. обнаруживает неодинаковые свойства. *Познание свойств и действия элементов общежития в разных его составах и при различных отношениях составных элементов* и есть цель сравнительного изучения. Значит, сравнительный прием заменяет для историка опыт естествоведа.

3) Обобщение явлений. Глубже входить в исторический процесс. Оно 1) вносит внутреннюю связь и последовательность в хронологическую смену явлений, 2) указывает начала, по которым совершается эта смена. Первое — *историческая схема*, второе — *исторический закон*.

Итак, исторический закон есть начало, управляющее сменой исторических явлений. Это общее определение закона, выведенное диалектическим путем и потому проблематичное: если и существуют в истории законы, то они должны быть такими началами. Но существуют ли они? Чтобы ответить на этот вопрос, надобно логически вывести понятие об историческом законе из свойства явлений, которыми он управляет.

Составная единица человеческого общежития как исторического союза есть человек — существо мыслящее и сознающее. Как такое существо он есть предмет психологии. Потому одни думают, что все исторические явления суть собственно явления психологические. Так, Тэн считает возможным вывести исторические явления из законов ума и потому называет историю прикладной психологией.

Но есть исторические явления, которых нельзя¹³ объяснить

исключительно процессами, совершающимися в духовной жизни отдельного человека.

Таков язык: как способность он есть явление психологическое, но как средство общения, как грамматическая и лексическая система он есть произведение человеческого общежития; совершенно уединенный человек не имел бы ни потребности в нем, ни возможности создать его.

Таково и право: идея права зарождается только с момента встречи лица с лицом. Потому другие поправляют Тэна, говоря, что исторические явления суть или психологические, или социологические. Многие ограничивают классификацию явлений этими двумя категориями. Но если уже распределять все исторические явления по их источникам или производителям, то следует прибавить к этим категориям две другие.

Во-первых, в числе исторических явлений есть такие, которые не объясняются ни социальными¹⁴, ни психологическими процессами, а имеют свой корень в физической природе человека. Таков факт нарождения: как разность, выражающая перевес количества рождений над количеством смертей, оно есть явление физиологическое. Таково же и количественное отношение полов в составе общества: в иных местах оно нарушается искусственно, но при нормальном ходе нарождения колеблется слабо, и не заметно его связи ни с психологическими процессами, ни с социальными условиями.

Во-вторых, и внешняя природа, окружающая человека, не остается только обстановкой его деятельности, но является деятельным фактором в очень важных явлениях исторических, особенно экономических, в истории народного хозяйства вообще, в ходе накопления капитала и т. п. Как продукт человеческого труда капитал — явление частью психологическое, частью физиологическое; но как вещество, произведенное силами природы и только приспособленное к потребностям человека, он есть явление физическое. Направление и степень напряжения народного труда, выбор естественных богатств для разработки указываются всего более природой страны. Итак, к психологическим и социологическим явлениям в истории надобно прибавить еще явления физиологические и физические, и тогда получится ровно столько же категорий исторических явлений, сколько есть исторических сил, их производящих, что и требовалось доказать или, говоря прямее, чего вовсе не стоило доказывать.

Но если все исторические явления — или психологические, или социологические, или физиологические, или физические, то спрашивается: насколько же они исторические? Ведь физиолог, изучая отправления человеческого организма, вовсе не думает, что он изучает отдел истории. Каждая историческая сила служит предметом особого, специального, неисторического изучения. Есть ли границы между этим специальным изучением и общим историческим? Каждая историческая сила есть особый мир, хотя и незамкнутый, у которого есть своя природа, свои законы и элементы, свой строй. Но этого строя они достигли не сразу: они тоже развивались, имели свою историю, изменялись,

прежде чем достигнули состояния, в каком застают их современный наблюдатель. То, что есть в них постоянного,— их свойства, законы и элементы—составляет предмет специального изучения; все изменяющееся—взаимное отношение их элементов, их действие, строй—принадлежит истории.

Тэн замечает: «Как астрономия есть в сущности механическая задача, а физиология—задача химическая, так и история в сущности только психологическая задача». Но с такой же справедливостью можно сказать и наоборот, что психология в сущности только задача историческая. Разве дух первобытного человека работал так же, как он работает в современном человеке, которого коснулись успехи цивилизации? Психический аппарат, если можно так выразиться, всегда оставался один и тот же, но действие его изменялось: способности приходили в различные сочетания, степень напряженности тех или других психических отправлений то падала, то поднималась, процессы мышления, чувствований, самоопределения к деятельности усложнялись по мере накопления опыта, знания, предания. Современный так называемый культурный человек в своем духовном обиходе живет не столько своими собственными непосредственными восприятиями, сколько воспоминаниями и представлениями, усвоенными им посредством тех многочисленных искусственных прививок, помощью которых понятие, знание становятся достоянием умов, их не вырабатывавших.

Итак, духовная жизнь современного человека, т. е. современная психология, в значительной мере есть тоже продукт истории. То же самое, только не в одинаковой степени, было и с другими историческими силами. Разве внешняя природа, окружающая человека, не испытала на себе действия его рук и ума?

Каждая историческая сила действует по неизменным законам, соответствующим ее природе. Понятие о закономерности действия неразрывно [связано] с понятием о силе, необходимо предполагается последним: сила, не подчиняющаяся[ся] законам в своем действии, есть нечто немыслимое, есть логический абсурд.

К числу этих законов относятся и законы изменения или развития исторической силы. Есть ли это развитие необходимое требование самой природы исторической силы, т. е. одно из коренных свойств ее или только следствие взаимодействий их всех? Ответить на этот вопрос не дают возможности средства исторического изучения. В исторической жизни ни одна¹⁵ сила не действует совершенно одиноко, независимо от других сил. Историческому изучению открыт лишь тот общий факт, что развитие каждой из исторических сил есть следствие их взаимодействия, которое, как и действие каждой отдельной¹⁶ силы, так же должно подчиняться известным законам, а так как все исторические явления суть произведение этого взаимодействия, то законы исторические и надобно понимать как законы взаимодействия исторических сил.

Таково логически выведенное из свойств¹⁷ исторических явлений понятие об историческом законе.

Основной и самый общий закон этого взаимодействия состоит в постоянной изменчивости сочетаний, в какие входят элементы общежития. Причина этой изменчивости кроется в самой механике человеческого общежития, именно во взаимодействии элементов разных порядков. В нем идет вечная борьба между пробуждающимися интересами и устанавливающимися отношениями. Интересы ищут себе удовлетворения и, раз достигнув его, стремятся его закрепить постоянной нормой, правилом. Отсюда рождается новое отношение, которое, входя в строй прежних как новый элемент его, усложняет состав общежития и тем самым изменяет прежде установившиеся отношения между элементами. Представим для примера общество, где установились наиболее благоприятные отношения капитала к труду¹⁸.

II. К КУРСУ «ТЕРМИНОЛОГИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ»

1) ПРОГРАММА лекций по ТЕРМИНОЛОГИИ РУССКОЙ ИСТОРИИ, читанных эк[стра]-орд[инарным] пр[офессором] В. О. Ключевским на III—IV кур[сах] в 1884/85 ак[адемическом] году.

-1-й билет—ТЕРРИТОРИЯ И ЕЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ДЕЛЕНИЯ. «Русь»—племя; различные мнения о происхождении Руси. «Русь»—сословие; известия Константина Багрянородного и начальной летописи под 882 и 912 гг. «Русь»—область; «Русь» как Киевская земля; более широкое значение «Руси» по летописным известиям 1172 и 1193 гг.

-2-й билет—«РУСЬ»—ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТЕРРИТОРИЯ; договор Олега 912 г. и начальная летопись XI, XII в. (Ольга, Святослав); «Слово о полку Игореве». «Земля»; «волость» или «область». «Удел»; «уезд» («волость» и «погост»). «Великая» и «Малая Русь»; Хрисовул и послание к митр[ополи-ту] Феогносту.

-3-й билет—ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ.—«Князь»; происхождение этого слова, «Великий князь». «Князь—государь»; «государь» и «господарь»; «господá»; «государь» и «господин». «Государь—царь и великий князь всея Руси»; происхождение слова «царь» по памятникам XI, XII вв. (Остр[омирово] Ев[ангелие], сказ[ание] мн[иха] Иакова), история этого титула с XI в.; термин «самодержец» и его значение в разное время.

-4-й билет—ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ.—Точная характеристика типов верховной власти в древней Руси. Понятие о верховной власти в государственном праве. 1-й тип верховной власти в древней Руси. 2-й тип ее. Князь—государь. Государь—царь и великий князь всея Руси (народность).

-5-й билет—ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЛЕНИЯ.—СОСТАВ ДРЕВНЕРУССКОГО ОБЩЕСТВА ДО 1/2 XIII в.—«Мужи» и «холопы». «Княжи мужи», или «дружина». Княжеская «дружина». «Бояре» и «боляре», этимология этого слова; административное и аристократическое значение боярина по древнейшим

церковнославянским и русским памятникам (сетования князя Игоря); значение боярина по Русской Правде. «Были».

-6-й билет—Состав «молодшей дружины». «Гридь» или «гридьба»; различные мнения о происхождении этого слова и летописные указания (Олег, 882; Ярослав, 1014); «гридница». «Отроки» и «детские». «Двор»; «дворяне» и «слуги дворные». «Вои». «Кметы»; происхождение этого слова; значение русской формы этого слова.

-7-й билет—«Люди».—«Гости». «Купцы». «Старцы градские, или людские»; различные толкования этого термина; смысл его в рассказе летописи о Владимире св.; «лучшие люди». «Смерд»; значение этого термина в Новгородской летописи, в памятниках новгородского права, в рассказе летописи о приглашении Олега Святополком и Мономахом в Киев. «Наймиты», или «закупы».

-8-й билет—«Холопы». Неточность юридического значения «холопа» в Русской Правде и действительное его значение (Новгородский и Смоленский 1229 г. договоры с немцами); значение терминов: «работать» и «страдать». «Церковные люди». Тройное деление русского общества XI, XII вв.

-9-й билет—СОСТАВ ОБЩЕСТВА УДЕЛЬНЫХ ВЕКОВ—XIII, XIV И XV.—Служилые люди и их подразделение. «Бояре», «дети боярские» и «слуги вольные», или «люди дворные». Слуги «под дворским». «Черные, или земские, люди». «Холопы». Характер отношения различных классов к князю.

-10-й билет—СОСТАВ РУССКОГО ОБЩЕСТВА XVI, XVII вв. «Чины» и их деление. «Чины служилые»: «думные чины» и «служилые чины» собственно. «Чины земские» или «жилицкие люди».—Тяглое население, посадское и уездное. «Гости»; размер их капиталов и государственные повинности, на них лежавшие (свидетельства Котошихина); их преимущества.

-11-й билет—«Гостинная и суконная сотни»; повинности, на них падавшие, и права, им принадлежавшие. «Черные сотни» и «черные слободы». «Лучшие, средние и молодшие» люди провинциальных городов.

-12-й билет—Нетяглое население.—«Вольные», или «гулящие», люди. «Холопы»; «крепости». Холопство «кабальное»; «служилая кабала», «заемная кабала» и «жилая запись». Различие крепостного состояния и состояния крестьян, прикрепленных к земле.

-13-й билет—ВЗГЛЯД НА ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ СОСЛОВИЙ.—*Политическое* основание общественного деления в XI, XII вв.; параллельное общественное расчленение *экономическое* XII в. и соединение имущественных состояний с различием прав. *Экономическо-юридическое* основание общественного деления в удельные века XIII, XIV и XV (памятники удельного права). Характер отношений общества к государю в Московское время; деление лиц на классы по государственным повинностям и по вытекавшим из них имущественным правам. Порядок, в каком сменялись различные деления общества в древней Руси; чиновные «чести» как выражение государ-

ственного значения различных классов в XVII в. и сословные права XVIII в. Внутренняя связь между делениями русского общества.

-14-й билет—ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ. Правительственно-судебные учреждения древней Киевской Руси; затруднение, встречаемое при изучении терминов этого времени. «Дума». «Старцы градские, или людские». «Вече»; параллельные формы этого слова; отличие «веча» от «думы». Трудность разграничения правительственных должностей от должностей дворцовых. Центральные административные управители при князе: «посадник», позднее «наместник»; «тысяцкий» с «сотскими» и «десятскими»; «осменик» и «таможник ветхий».

-15-й билет—Хозяйственное дворцовое управление.— «Наряды». «Тиуны»; происхождение этого слова; назначение тиунства; «тиун огнищный». «Ябетник»; этимологическое объяснение этого термина; значение «ябетника» в древней Руси (объяснение Александра Попова).

-16-й билет—Административно-судебные учреждения удельных веков.— «Путные бояре»; древнее значение слова «путь»; пути: конюший, сокольничий, ловчий, стольничий, чашничий; значение «путных бояр». «Бояре введенные»; объяснение значения этого термина (грамота Ивана Грозного Махрищскому монастырю); различие между «боярами введенными» и «боярами путными».

-17-й билет—Административно-судебные учреждения Московского времени.— «Приказы», или «избы»; происхождение термина «приказ». Территориальный характер дворцовых ведомств удельного и «приказов» Московского времени; описание последних у Флетчера. Термины органов областного управления. Взгляд на развитие древнерусского управления. Первый период; удельные века и Московское время. Внутренняя связь между преемственно-сменявшимися органами управления в древней Руси.

-18-й билет—ПРЕДМЕТЫ УПРАВЛЕНИЯ И СУДА.— Налоги прямые и косвенные.— «Дань» в X в.; «полюдье». Система прямых налогов в удельные века и в Московское время: окладные единицы; различные виды «сохи»; «обжи», «выть». «Тягло»; значение этого термина; состав «тягла». Усложнение системы налогов в XVI—XVII вв. и сведение их в три крупных оклада в XVII в.: «деньги данные», «полоняничные» и «оброк»; сведение прямых налогов в два разряда в 1681 г. и их сословное значение.

-19-й билет—Торговые пошлины и их деление; «проезжая» пошлина; пошлины «торговые» собственно и их подразделение; «тамга» и «осмичее»; «рублевая пошлина» с 1654-го г. Суд. Разнообразные значения слова «суд» в древней Руси. Три момента древнерусского судебного процесса. Первый момент— довод; акты, приготовлявшие процесс: «челобитие», «извет», «судимая грамота», «хождение» или «езд», «приставная память», срок и порука. Состав суда («судные мужи»). «Истцы» в связи с

значением слова «исто»; «ищея» и «ответчик». Собственное значение термина «довод».

-20-й билет — Второй момент — правда; разнообразные значения этого слова. «Пря». Различные виды судебных доказательств в разное время. Значение добровольного признания. Послушество; юридическое различие показаний «послухов» и «сторонних свидетелей»; нравственные требования, предъявлявшиеся послушеству законом; термины: «опослушествовать» и «омужевать», «старожильцы» и «знахари».

-21-й билет — Отличительная особенность судебных доказательств в древнейшем процессе. «Суд Божий» и обычная формула обращения к нему. Виды «суда Божия»: испытание железом или водой. «Поле»; характер поединка по свидетельствам Ибн-Дасты, Герберштейна и во второй половине XVI в.; «бойцы» или «наймиты». Старание закона предупредить смертный исход «поля» и отношение церкви к этому виду «суда Божия»; постепенное исчезновение «поля» из судебного процесса.

-22-й билет — «Рота» или «крест»; отношение церкви и общества к этому виду «суда Божия». «Жребий»; описание «жребия» английским купцом Лэном (1560 г.). Испытание посредством освященного хлеба. Позднейший слой судебных доказательств: «повальный обыск», письменные документы — правительственные и частные акты. «Вершение» дела; «доклад».

-23-й билет — Третий момент — правед, или исполнение судебного приговора. — Виды наказаний и взысканий в Московское время. — Смертная казнь и ее различные виды; смертная казнь женщин за муже- и детоубийство. «Торговая казнь»; описание ее у Олеария. — Наказание «батогами». Значение слов «казнь» и «воровство». «Правед» как взыскание «истцовой гибели»; описание «правежа» у иностранцев. Судебные пошлины.

-24-й билет — Устройство древнерусской приказной канцелярии Московского времени. Сильное развитие канцелярского делопроизводства в Московское время; происхождение этого делопроизводства. «Дьяк» и «подьячий»; численность их в Москве и по городам. «Приказ» и «съезжая изба»; присутствие Приказа и способ решения дел (формула Котошихина). «Казенка», «стола», «выти» или «повытья». Вознаграждение «подьячим» за службу; развитие в их среде взяточничества. «Площадные подьячие». Трудность приказного делопроизводства; качества подьяческого письма; резолюции дьяков.

2) ОБЪЯСНЕНИЕ ТЕРМИНОВ «ИЗГОЙ» И «ИЗГОЙСТВО» (1885 г.)

Слово *изгой*, как и производный от него термин *изгойство*, довольно часто встречается в древнейших русских памятниках, но доселе не сделано точного юридического определения этого разряда лиц и не объяснено удовлетворительно произведенное от него слово *изгойство*.

Термин «изгой» является в следующих текстах:

1. Прежде всего мы его находим в 1-й статье Русской Правды в числе лиц, жизнь которых ограждается простою

виной; к этому классу статья причисляет, между прочим, тиуна боярского, мечника, *изгоя*.

2. В церковном уставе Мономахова внука, Всеволода, данном новгородской церкви, перечень лиц, составляющих общество церковных людей, заканчивается словами: «*изгой* трои: *попов сын* грамоте не умеет (т. е. не умеющий), *холоп* из холопства выкупится, *купец* одолжает (надо понимать это слово в смысле последствия: одолжает, да платить откажется, объявит себя несостоятельным), а се и четвертое изгойство к себе приложем», — говорит князь, автор устава, — «аще князь осиротеет», т. е. осиротеет преждевременно. Преждевременным сиротством в древней Руси называлась потеря отца, прежде чем он стал сам главою семьи, т. е. прежде чем умер его отец: значит, преждевременное сиротство постигало сына, отец которого умер раньше своего отца.

Что касается термина «*изгойство*», то 1) в церковном уставе Всеволода *изгойство* — состояние изгоя: «а се и четвертое изгойство», т. е. четвертый разряд у изгоев.

В следующих текстах слово это имеет совсем другое значение:

2) В одном очень старом сборнике, кажется, впрочем, XV в., встречаем толкование молитвы господней. Слова: «и остави нам долги наша, яко же»... и прочее — сопровождаются перечнем грехов; в числе этих грехов является и *изгойство*. Читаем: всего же есть «горее (горше) изгойство взимати, иже взимающей тии не отдадут опять тем же». Далее *изгойство* описывается такими чертами: «изгойство же толкуется [как] бесконечная беда, непрестающие слезы, немолчное вздыхание» и прочее; как видите, это очень плохое толкование; это, очевидно, перечень последствий *изгойства*.

3) Для древнерусских духовных отцов — исповедников составлялись правила покаяния, т. е. правила, как священники должны были исповедовать кающихся духовных детей своих. В этих покаяниках, как бы мы сказали, *понименциалах*, излагались формулы поучений, какие должны были отцы духовные говорить кающимся грешникам на исповеди. В числе этих формул мы встречаем и увещания воздерживаться от *резоимания*, *ростовщичества* (по нашему, дисконта); *резоимца* духовные отцы «увещевали» возвращать *рез* (проценты, рост) *сторицею*. К этому увещанию против *резоимства* и присоединено такое поучение — цитирую по списку очень старому — вероятно, ранее XV в.: «А аще пакы и се горше всего емлюще изгойство на искупающихся от работы, не нмутъ бо видети милости не помиловавше равна себе создана рукою божиею человека и не насытившиися ценою уреченною, но еще прилагающе горе на горе своей души, но токмо свои дупи губяще, но и послухы, вставающн по них и помогаючи злобе их, иже привлекаючи к своим злым судьям многыми мздами и дарьми. Аще кто в неведении и мал будет, ти (вместо «то».— В. К.) хочешь избыти вечныя муки да воротит опять тем на них же имал. Тако же и челядина кто продает да елико на нем вдавше, толико же на нем

взяти; аще лише (больше, лишнее.— *В. К.*), то обретається накладды емя (наклады—слово, соответствующее росту.— *В. К.*) и прасоля живыми душами: тако же иже кто выкупается на свободу, толико же дасть на себе, колико же дано на нем. Потом же будя свободен ти добудеть детей, то начнуть имати изгойство на них, то обрящутся продающе кровь неповинну» (потом, будучи на свободе, если родит детей, а станут брать на них изгойство, то эти люди, которые брать будут изгойство, окажутся продающими невинную кровь.— *В. К.*).

4) Вы знаете, что некий инок Иаков в конце XI, а может быть, и в начале XII в. (современник начального летописца Киевского) написал сказание о чудесах Бориса и Глеба, из которого мы уже заимствовали некоторые древние термины. По харатейному (пергаментному) списку XII в. в этом сказании мы читаем такое чудо святых князей, совершившееся, по-видимому, при жизни автора: чудо это выводит перед нами важный юридический случай, разрешенный тогдашним судом. Вот содержание этого рассказа: раба работала по принуждению в неурочный день; за это была наказана физическим страданием: у нее отнялась рука. Госпожа вместо неспособной к труду невольной работницы взяла в работу сына ее, рожденного, когда та была свободна (она, значит, была раба не обельная, а кабальная, т. е. продана за долг отцом или матерью). Мать, вероятно, пожаловалась или сам суд вступился в дело и приговорил обоих выпустить на волю без вознаграждения в пользу госпожи, потому что потеря руки причинилась рабе вследствие работы по принуждению госпожи.

5) Одна статья Русской Правды (по Троицкому списку— 105) говорит, объясняя источники холопства: «А вьдач не холоп, ни по хлебе работять, ни по придагыце; но оже не доходят года, то ворочати ему милость; отходить ли (год), то не виноват есть». Я переведу эту статью ближе к тексту так: «Вдач не холоп, и нельзя ни за прокорм, ни по придагку обращать в холопа; но если он не доработает уроченого времени («год»—урочное время; это по период времени в 365 дней, который назывался «летом».— *В. К.*), то миловать его; если он проработает все урочное время, он свободен, никакого на нем взыска нет».

В «Законе судном людем» встречаем такие две статьи в числе статей, несомненно, русского происхождения, не переделанных с греческого:

б) «Аще дадять (дадут.— *В. К.*) дети вскормити должници, а само вразумееть лжицу взяти, прокорма 3 гривны взяти». [Русские достопамятности. Ч. II. М., 1943. С. 200]. Смысл статьи таков: «если кредиторы (должник— тот, кто в долг дал.— *В. К.*) отдадут детей на прокорм (детей несостоятельного должника.— *В. К.*), а дитя уже настолько понимает, что умеет само ложку взять, за прокорм его взять 3 гривны». Речь идет о детях несостоятельного должника, кредиторами отданных на прокорм после продажи отца их в рабство по статье Русской Правды. За прокорм такого ребенка брали 3 гривны, как скоро прокорм продолжался до поры, когда ребенок умеет сам ложку взять, а

до тех пор, разумеется, кормили даром.

7) Следующая статья еще архаичнее: «Аще ся даст человек у тошна времени или жена, дернь ему на надобе, а поидет прочь даст три гривны, а служил даром». [Русские достопамятности. Ч. II. С. 200.] Не заботясь об отчетливости перевода, мы так истолкуем эту статью: «Если мужчина или женщина отдается в рабство в голодное время, когда тошнит, он, не одерноватый холоп, может отойти, и когда пойдет, должен заплатить 3 гривны, а за службу ничего не берет с хозяина, его кормившего». Припомните не раз появляющиеся в нашей летописи рассказы о том, как в голодное время бедные люди отдавали своих детей богатым людям в рабство или отдавались сами. Статьи в Законе судном, как и в Русской Правде, не все законы, а иногда — политические *ria desideria* церкви, т. е. формулы, которые она старалась навязать русскому обществу, но которые не все были приняты в юридической практике. Вероятно, такой же характер имеет и только что приведенная статья, имеющая близкое отношение к статье Русской Правды о *вдаче*. Я не цитирую рассказов летописи о том, что бывало в голодное время. Ограничиваюсь припоминанием, как Новгородская летопись, описывая страшный голод 1230 г., замечает, что тогда отцы и матери детей своих отдавали гостям (богатым купцам) из хлеба в дернь, т. е. в полное одерноватое холопство¹. Отдать в дернь или продать имение в дернь значило продать его совсем, без права выкупа; так и здесь отдавали детей без права выкупа; холоп, надеявшийся выкупиться, не был одерноватый, а был, как выражались впоследствии, холоп кабальный. Статья Судного закона, мною процитированная, как, может быть, и статья Русской Правды, идет против этого обычая, и мы не можем решить, признавал ли тогда закон детей, отданных в голодное время из хлеба, полными холопами.

Этимология слова *изгой* довольно проста. Изгой предполагает глагольную форму *гоить*, а *гоить* есть форма, параллельная глаголу *жить*, как *покоить* есть параллельная форма к *почить*; *почить*, *жить* — имеют значение средних глаголов, *покоить* и *гоить* — глаголы действительные. Соответственно этому можно придавать слову *гоить* значение: «давать жить, сообщать средства к жизни, кормить»; в таком смысле слово это употребляется, говорят, в Сибири: кони гоены, т. е. накормлены². Если *гоить* значит «кормить, устроить житейски», то *гой* есть состояние человека, который житейски устроен, как *кой* (то же, что *покой*) есть состояние человека, который *почил*. Итак, *гой* есть общественное состояние. Каждое общественное состояние определяется двояко — экономически и юридически: общественное состояние предполагает известные материальные средства и известные права, с ним связанные. Так как термин *изгой* мы

¹ «И даяху отци и матери дети свое одьрень, из хлеба, гостьм». ПСРЛ. Т. III. СПб., 1841. С. 47.

² Это объяснение принадлежит Ф. И. Буслаеву.

определяем только юридически, то экономической стороны мы можем не касаться. Если *гой* есть общественное состояние, связанное с известными правами, то *изгой*, вышедший из *гоев*, тот, кто потерял права своего состояния. Это определение тем более удобно, что подобная формула существует в языке нашего законодательства, именно: «лишить прав состояния». Если приложить это определение ко всем видам изгойства, упомянутым во Всеволодовом уставе, то увидим, что оно вполне подходит к ним. «Попов сын грамоте не умеет» (т. е. не умеющий) не мог быть попом; «купец одолжает», по-нашему, купец несостоятельный, отказавшийся платить долги, лишался прав своего купеческого состояния: 1) терял право торговли, 2) лишался прав свободного человека, мог быть продан кредиторами; 3) «холоп из холопства выкупится» — терял важнейшее для него право требовать от хозяина крова, содержания и защиты, становился человеком бесправным, без положения в обществе (холопство давало права частные, источником которых было не государство, а частное лицо). Всего легче приложить это определение к 4-му виду изгойства — княжескому: осиротевший князь лишался своих прав, принадлежавших его братьям. Князь-сирота — тот, кто терял отца при жизни деда. Положение сына определялось положением отца, следовательно, сын мог занять в обществе то положение, которое занимал в нем отец. Сын, отец которого не занимал никакого положения, тоже не мог иметь никакого положения; его выделяли из княжеского рода, лишали очереди в наследстве. Итак, *изгой* — это человек какого-либо сословия или общественного положения, который по собственной вине или по несчастным обстоятельствам лишался прав своего состояния; таких людей принимала под свою защиту церковь.

Взимание изгойства применяется только к одному виду изгоев, как состояния, именно к положению холопа, вышедшего на волю; не видать в памятниках, чтоб взималось изгойство с купца обанкротившегося; с поповнча безграмотного или с князя осиротелого. Итак, чтобы объяснить *взимание изгойства*, надо припомнить юридическое положение раба в древней Руси.

Время, к которому относятся эти памятники, есть время, когда действовало право, отразившееся так или иначе в Русской Правде, право, действовавшее до XIV в., с которого появляются памятники права с иными чертами, отличными от Русской Правды. Обращаемся к Русской Правде и находим там определение основных юридических источников холопства. Между прочим, первый источник холопства — купля человека за какую бы то ни было цену, хотя бы только до полугривны¹, но с известными формальностями: во-первых, купля производилась при свидетелях; во-вторых, из условленной цены покупатель должен был отдать при свидетелях хотя ногату продающемуся либо продаваемому. Понятна психологическая цель: чтобы покупатель наглядно видел, что его покупают, и чтобы не было обмана, чтобы он не подумал, что его отдают в работу;

¹ Это самая дешевая цена раба.

следовательно, закон имел в виду согласие покупаемого. Остальные источники рабства для нас не интересны. Продажа в рабство свободного человека должна была совершаться с соблюдением известных формальностей, причем покупная цена не имела значения, не было таксы на раба. Одна из дальнейших статей (по Троицкому списку — статья 105): «А въдачь не холоп, ни по хлебе работять, ни по придатьце» и т. д. — это одна из самых темных статей в Русской Правде и удовлетворительно не объяснена. Я вам сопоставлю две статьи из древнего «Закона Судного людем», которые переданы византийской эклогой. В этой передаче есть статьи чисто русского происхождения; статьи эти находятся в самом конце Судного закона: непосредственно предшествуют последней статье, несомненно, русского происхождения, статье «о бесчестии». Статьи эти говорят: «Если должники (по-нашему — кредиторы) отдадут детей на прокорм, а дитя сумеет в руки взять хотя бы ложку, за прокорм его взять 3 гривны»; «если мужчина или женщина в голодное время отдадутся другому, то они не холопы, дернь ему не надобе»¹. Если отдавшийся пойдет прочь, то он должен заплатить 3 гривны за прокорм, а служил даром; следовательно, работа идет как процент на капитал, затраченный на его прокорм. Эти статьи очень любопытны. Очевидно, дитя, отданное на прокорм кредиторам, могло быть дитя неоплатного должника, умершего без расплаты. Над имуществом его устраивался конкурс; если оставались малолетние дети, кредиторы должны были отдавать их на прокорм. Тут я не понимаю, что значит: «само разумеет ложуцу взяти»? — означает ли это начало обязательства или конец его, т. е. взять 3 гривны тогда, когда дитя, будучи отдано грудным, уже сумеет ложку взять в руки, или с того времени считать прокорм, когда дитя само уже может из чашки хлебать. Далее, въдачь — вообще человек, отданный в опеку на руки другим за лишением собственных родителей или родственников, которые могли бы содержать его. «Въдачь — не холоп, ни по хлебе работять» — прокорм в голодное время не отдавал человека в холопство кормившему его; «ни по придатьце» — легко можно объяснить дальнейшими словами: «оже не доходять года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноват есть». Если служивший или служившие не дослужат урочного срока (оже не доходять года), то ворочати ему (хозяину) милость — ссуду, чем он их помиловал при нужде, выручил из нужды. Если же [он] выслужит все урочное время, то взыска на нем нет, он не платит ссуды («не виноват есть»). Здесь говорится о человеке, который за ссуду отдался в работу на известное время, рассчитанное так, чтобы служба его покрыла и капитал, и проценты, и долг, и рост. Это была очень употребительная форма займа, соединенного с наймом, в Древней Руси — задолжать с обязательством отработать долг, служа известное количество времени кредитору. Вот что значит: *по придатьце*. Это — обеспечение уплаты ссуды собственной особой, когда кто должая, себя отдает в

¹ «Дернь» — отсюда одерноватый, или полный, холоп.

закладничество; *придаток* — личный заклад. *Придаток* — термин, юридически родственный за купу; за куп был человек, который работал на хозяина со ссудой; самый акт заклада, закупа и назывался *придатком*. Вот смысл статьи: «Не становятся холопами: малолетние или беспомощные, отданные под опеку другим за потерей родителей и родственников; люди, в голодное время отдавшиеся на прокорм». Однако мы знаем из Новгородской летописи, что «даяху отци и матери дети своя одьрень, из хлеба гостьм»; значит, часто бывало, что в голодное время отдавались в полное холопство. Но при этом совершался особый акт фиктивной продажи. Кто не соблюдал этих формальностей, соблюдаемых с рабом, отдающимся на прокорм, тот не имел права искать на нем холопства.

Итак, холопами не становились ни малолетние, отданные на прокорм в голодное время, ни отдавшие себя в заклад в обеспечение уплаты ссуды, полученной от другого. Последний разряд зависимых людей определяется в статье так: он должен дослужить урочное время и тогда может отойти; если не дослужит, должен выплатить ссуду. Все это не холопы. Развернув судебники и Уложение [1649 г.], вы увидите, что, кроме вдача, все остальные виды зависимых людей — холопы, только не обельные, а кабальные. Тот, кто отдается в голодное время, тот, по Уложению, крепок тому, кому отдался: «А будет кто в голодное время сам себя с женою, или сына, или дочь отдаст кому в работу за прокорм, и записи на себя в том даст, или в записи напишет на себя и на детей своих заемные деньги (т. е. сумма, в которой вычтена стоимость прокорма.— В. К.),— и по той записи жити им у того, кому они в работу дадутся до тех мест, покамест они окупятся или отработаются»¹. Да, такие люди прямо называются крепкими, а крепкий — значит крепостной — холоп. Итак, во времена Русской Правды был только один вид холопства — полного, другого холопства не существовало. Виды личной зависимости, которые потом прямо называются холопами и крепкими, в Русской Правде прямо выделены из холопов (закуп нигде не назван холопом). Русская Правда не знала холопства временного, договорного или кабального. И действительно, в памятниках до XV в. нет нигде намека на кабальное холопство. Во времена Русской Правды было холопство только полное — обельное и несколько позднее — одерноватое.

Взимание изгойства является в текстах в смысле деяния предосудительного, порицаемого, притом встречается только в памятниках неюридических. Словом, это было как-то предосудительное отношение, которое нравственно порицалось, признавалось неправдой, но которое подводилось под законные формы. Вот почему закон его не наказывал; тексты грозят за *взимание изгойства* муками вечными, гневом Божиим, но не карой гражданских судей. Злоупотребление это связано было с отпуском холопа на волю, с переходом его в состояние изгойства.

¹ ПСЗ. Т. 1. 1830. С. 123. № 1.

Текст и в толковании молитвы «Отче наш» указывает только нравственные последствия этого взимания, говоря, что грозит такому господину, какие нравственные муки. В наставлении духовному отцу, как исповедовать духовных детей, говорится определеннее, запрещается ростовщичество и всякие предосудительные способы обогащения. Наставление это продолжает: «А еще паки и се горше всего емлюще изгойство на искупающихся от работы, не имуть бо видети милости не помиловавше равна себе създана рукою божиею человека и не насытившеся ценою уреченною, но еще прилагающе горе на горе своей души, но токмо свои души губяще; но и послухы, вставающи по них и помогающи злобе их, иже привлекающи к своим злым судьям многими мздами и дарми». Вот смысл этого текста в парафразе: «Хуже всего брать изгойство с рабов, откупающихся от рабства; такие люди не увидят милости, потому что сами не помиловали человека, себе равного, созданного рукою божиею, и не насытились ценою уреченною; это противно закону божиему, они прилагают горе на горе, и не только свои души губят, но и души судей (послухы), которых они привлекают к себе многими взятками и дарами». Текст совершенно ясно вскрывает нам деяния, прикрываемые юридическими формальностями. Взимание изгойства прибавляет что-то к уреченной цене за холопей, выкупающихся на волю, сопровождаясь поставкой послухов и совершаясь судебным порядком. Итак, взимание изгойства что-то прибавляет к цене уреченной. Какая могла быть цена уреченная? Это объясняется дальнейшим текстом: «кто продает челядина, должен на нем взять столько же, сколько заплатил за него». Итак, при выкупе челядина требовалась с него плата, за какую он приобретен в рабство. Не было таксы для рабов; но раб, выкупаясь на свободу, имел право заплатить за себя столько же, за сколько был продан в рабство. Намеки на этот закон существуют в памятниках древней Руси, но самого закона нет.

Здесь можем сделать еще вывод очень любопытный. Этот закон потом был перенесен на отчужденные родовые недвижимые имущества, они выкупались родичами по сумме, обозначенной в купчей. Очевидно, он действовал прежде по отношению к рабам. Общие нормы, выработавшиеся на рабовладении, потом целиком перенесены были на землевладение.

Далее взимание изгойства увеличивало покупную цену раба. Как это увеличенно обыкновенно совершалось? При покупке раба с воли требовалось присутствие послухов и передача мелкой монеты покупателем покупаемому. Очевидно, продажа письменным актом не закреплялась. Чтобы взять изгойство, хозяин должен был доказать в суде, что он купил раба, например, не за гривну, как было в действительности, а за 2 гривны; в таком случае одна гривна прибавлялась за изгойство. Но чтобы взять ее, надо было поставить послухов, которые должны были ложно засвидетельствовать, что раб куплен за 2 гривны. Суд, [не] зная, что это плутовство, решал на основании показаний свидетелей; таким образом, такой истец вводил в

грех и послухов, и судей. Следовательно, это было действительно злоупотреблением, только прикрывавшимся законными формами. Итак, под взиманием изгойства разумелось взыскание с раба за освобождение суммы сверх покупной его цены.

Еще можно сделать любопытный вывод, на который нет никакого намека ни в памятниках, ни в исторической литературе: итак, во времена Русской Правды холоп имел право выкупиться на волю помимо воли хозяина, заплатив ту сумму, за которую был продан. Это предположение имеет за себя весьма внушительные данные.

Вот один казус, на который указывает «Наставление духовному отцу»: «кто выкупается на свободу, тот дает за себя столько же, сколько дано за него при покупке». Дальше следует темное место: «потом же будя свободен, ти добудеть детей, то начнуть имати изгойство на них, то обрящутся продавце кровь неповинну». Вот его смысл: «потом же на свободе если родит холоп детей, а хозяин начнет искать на них изгойство, то такой хозяин окажется торгующим неповинною кровью». Это значит, что если холоп, выкупившись на свободу и став изгоем, обзаведется семейством, то на детей, родившихся у него в свободном состоянии, мог быть предъявлен иск со стороны бывшего господина их отца. Эти совершенно непонятные отношения и юридически нелепые не имеют никакого подтверждения в древних наших памятниках. Каким образом последствия холопства могли действовать юридически далее самого холопства, это непонятно; сын, родившийся на воле, отвечает за холопство отца раньше, чем он родился. Я думаю, что этот текст очень плохо выражен; в разных списках он очень варьируется. Его, очевидно, не понимали, и есть, например, такое чтение (макарьевские Большие Четьи-Минеи): «кто берет куны на изгоевых детях, тот является торгашем неповинной кровью». Я думаю, что перевести это можно в такой форме: «Выкупающийся дает за себя столько, сколько дал за него хозяин, но при этом, если он, еще быв на воле, родил детей, а хозяин начинает на этих детей иск, то он торгует неповинной кровью». Речь идет о детях, родившихся до поступления в холопство на воле. Значит, рабовладелец, отпуская холопа на волю за выкуп, считал себя вправе брать выкуп за свободу и с детей этого человека, родившихся до продажи им своей свободы. Выкупа он не мог с них взять, потому что ничего не платил за них, покупая отца: дети оставались на воле, но жили при отце. Впоследствии установлено было правило (Уложение): дети при кабальном холопе-отце могли жить до 15 лет; если они оставались после 15 лет, то должны были сами поступить в холопство. До 15 лет нельзя было взять на себя кабалу: закон это запрещал; если после 15 лет, живя на дворе хозяина, такие люди отказывались дать запись на себя, закон приказывал брать их силой, они должны были или уйти, или поступить в холопство. Итак, речь идет, очевидно, о малолетних детях холопа, родившихся на свободе.

Я привел вам дорогобужский случай конца XI в. Там

является раба, которая, став неспособной к работе, изгоняется госпожей из дому. У этой рабы был сын — отрок, рожденный на свободе. Госпожа взяла вместо неспособной матери в рабство этого сына; но сын жаловался, и суд приговорил госпоже: «лишиться цены тоя». Мы видели, что в древней Руси был один вид холопства — обельного, приобретаемого покупкой. Здесь слово «цена» означает цену, за которую эта женщина продалась в рабство: это не ссуда, потому что ссуда не делает, по Русской Правде, холопом. Суд приговорил рабе и ее сыну свободу без уплаты этой цены, «занеже поневоле деявше прияла казнь». Она сделалась неспособной к работе не от собственной воли, а от работы по принуждению господина; если бы она сделалась неспособной, сломала руку, по своей вине, то суд, вероятно, оставил бы ее сына в работе у госпожи. Значит, работа холопки обеспечивалась ее сыном, родившимся на свободе. Вот, верно, один из видов взимания изгойства. Требовать, чтобы за мать отвечал сын, по закону возможно, а нравственно — нет: вероятно, послухи говорили бы, что мать при продаже отдалась с сыном; суд и приговорил бы сына к работе вместо матери.

Итак, взиманием изгойства называлось также требование выкупа с детей выкупающихся на волю холопей, рожденных еще до холопства; но этот выкуп был не возвратом суммы, за них заплаченной, а вознаграждением за освобождение их от зависимо-го состояния.

Что же значит *взимание изгойства* как предосудительное деяние, которое, однако, прикрывается законными формами? Памятники различают два вида взимания изгойства: 1) взыскание с выкупающегося раба лишка против покупной его цены; 2) взимание выкупной суммы с детей выкупающегося на волю раба, рожденных до рабства. В том и другом случае под *взиманием изгойства* разумелось прикрытое законом злоупотребление, с помощью которого рабовладелец, не имевший права силой удержать выкупающегося раба, взыскивал премию сверх стоимости раба за выпуск его на волю, взимаемую с него самого или с его детей, рожденных на воле. Вот значение, соединяемое с этим грехом.

Итак, под *взиманием изгойства* можно разуметь злоупотребление, прикрытое законными формами, при котором при обязательном для господина выпуске холопа на волю хозяин брал премию сверх покупной цены за лишение работника с самого холопа или с его детей, родившихся на воле.

III. К КУРСУ «ИСТОРИЯ СОСЛОВИЙ В РОССИИ»

Фрагменты из устного текста лекций, опущенные В. О. Ключевским в литографированном издании.

Стр. 225, строка 12 текста. В изустной лекции было сказано:

Чтобы объяснить программу и цель курса, я изложу несколько предварительных общих замечаний: замечания эти суть обобщения фактов современной и минувшей истории. Я прошу вас не поскучать их изложением, хотя многим из вас они

покажутся элементарными: их цель — не пополнить ваши исторические сведения, а обозначить точнее круг и свойство тех исторических явлений, на которые будет обращено ваше изучение.

Стр. 232, строка 28. Изустно было сказано:

...вещественные обязанности носят название *прямых податей*. Налоги косвенные, падающие не на имущество, а на имущественный оборот или на потребление, разумеется, не могут иметь сословный характер.

Стр. 233, строка 7 текста. Было вставлено:

Но с самого возникновения новоевропейских государств, в продолжение новых веков, это неравенство было основанием политического порядка в первом периоде политической жизни даже и тех обществ, которые потом приняли вполне демократический склад: например, в Швейцарии можно заметить следы сильного движения в сторону аристократического неравенства. Но с XV века...

Стр. 236, строка 29. Вся эта страница (до строки 7 стр. 237) с кафедры изложена была значительно иначе, причем со слов «Если сословное неравенство...» (строка 29) до конца изложено для печати профессором целком было продиктовано взамен соответствующего места в изустном изложении:

Политическое положение лица в современном государстве может представлять постепенное, непрерывное кочевание по разным политическим группам, смотря по его успехам или неудачам в экономической борьбе, тогда как в сословном государстве Дон-Кихот, обладавший одним убогим конем и принадлежавший к классу рыцарей, не перестал бы принадлежать к этому классу, если бы даже завоевал всю Америку. Это сопоставление современного или, точнее, будущего европейского государства, только что нарастающего, с исчезающим сословным показывает, что основанием сословного деления служило наследственное неравенство классов в правах и обязанностях, тогда как основанием современного порядка служит изменчивость состояний.

Как возникло это сословное неравенство? Отвечая на этот вопрос, необходимо собирать темные явления, мало изученные процессы, какими завязывается человеческое общежитие. Собирая эти явления, можно заметить, что сословное неравенство возникало двояким путем. При переходе из естественных союзов в политическое общежитие общества обыкновенно делились, расчленялись сообразно с разделением народного труда: общества делились на классы, смотря по роду труда и по роду капитала, которым работал каждый класс, и сравнительное значение классов определялось той ценой, какую имел известный капитал в данное время или в данном месте. Но бывал и другой порядок явлений. В страну вторгалась со стороны или образовывалась в ней вооруженная сила, которая завоевывала общество и брала в свое распоряжение народный труд. Такой силой является или чуждое пришлое племя, или особый класс, сложившийся в самом обществе для его защиты от внешних

врагов и потом завоевавший защищаемое общество, пользуясь превосходством сил. Общества, отправляясь от того или другого исходного факта, следовали в своем дальнейшем развитии...

Стр. 237, строка 32. С этого места и до строки 28 на стр. 238 с кафедры лекция изложена была таким образом:

...Таков склад, который усвоят себе общества, созданные завоеванием, т. е. *политическим фактом*.

Иным путем следуют общества, которые отправляются от экономического различия классов. Господствующий капитал, движимый или недвижимый, смотря по хозяйственным условиям страны, становится источником власти; его операции соединяются с политическими и гражданскими правами; владельцы его образуют правительство. Но эта власть приобретает не силой оружия, а гнетом капитала. Оружие утомляется и перестает действовать, капитал действует постоянно, ибо постоянно действует естественная необходимость — условие его существования. Поэтому классу, который владеет капиталом, нет нужды торопиться созданием нового государственного порядка, который бы обеспечил его господство: господство его обеспечивается не политическими средствами, не хартиями и учреждениями, а экономическими отношениями. Зато все внимание такого класса обращено на устройство народного хозяйства, на открытие простора для деятельности капитала, на расширение и поддержание рыночного сбыта. В таких обществах нет нужды завоевывать рабочих: люди сами отдаются в руки того, в чьих руках капитал, кто дает им хлеб, т. е. средство для работы. Но это господство, не обеспеченное законом, необходимо требует деятельности капитала; поэтому в области права совершается медленная работа. Общество получает неопределенную физиономию. Оно также слагается из двух главных сил: с одной стороны, стоит капиталист-заимодавец, с другой — рабочий-должник. Но экономические отношения допускают чрезвычайное разнообразие степеней в распределении прав и обязанностей между обеими этими силами; общество расчленяется на несколько мелких экономических разрядов, между которыми проходит чрезвычайно слабое юридическое отличие. В самом праве разрабатываются только некоторые части, преимущественно право обязательственное.

Такова разница в ходе жизни, отправляющейся от исходного факта — расчленения общества по роду занятий и по роду капитала. Вы видите, что тот и другой порядок развития различаются между собой характером исходных фактов; в первом из описанных процессов все дальнейшие явления жизни исходят из политического факта — из появления во главе общества новой властвующей силы; во втором — из факта экономического, из появления во главе общества класса, владеющего господствующим капиталом. Поэтому первый процесс расчленения общества можно назвать *политическим*, второй — *экономическим*; следствием первого является политическое различие, следствием второго — различие экономическое.

Из сопоставления этих обоих процессов можно извлечь

другой закон политического развития, именно: «Чем резче сословное неравенство, тем проще сословное деление», и обратно: «Чем слабее сословное неравенство, тем сложнее, дробнее сословное деление».

Обращаясь к изучению сословий в России, мы должны поставить себе прежде всего вопрос: каким путем следовало образование нашего общества — политическим или экономическим? от какого исходного пункта оно отправилось — от завоевания общества вооруженной силой или от экономического его подчинения господствующим капиталом? Ответом на этот вопрос и должна служить история русских сословий. Но, обращаясь к изучению этого вопроса, мы предварительно должны узнать: для чего нам нужен ответ на него? что мы узнаем из истории народа, увидя, как образовывалось в нем политическое общежитие и каким способом расчленилось в нем общество — политическим или экономическим? К ответу на этот предварительный вопрос — о научном интересе изучения истории русских сословий — мы теперь и обратимся.

(На этом, собственно, окончилась II лекция: дальнейшее изложение имело место уже в пределах III чтения, но отнесено автором ко II лекции, как относящееся еще к заголовку, объявленному в последней.)

Сделав определение сословия, как политического учреждения, я перечислил главные сословные права и обязанности, т. е. элементы, из различных сочетаний которых складываются условия, как политические учреждения. Потом я указал, что сословное деление есть не постоянное основание, а временное состояние политического общежития. При этом я сопоставил с исчезающим сословным порядком складывающееся в Европе бессословное государство. Это сопоставление показало нам, что основанием сословного деления служит наследственное неравенство перед законом целых классов, а не отдельных лиц, которые и в бессословных государствах не пользуются полным политическим равенством. Если сословное неравенство есть временное состояние обществ, в жизни которых бывали времена, когда сословий не было, и наступают времена, когда их не бывает, то спрашивается: как и при каких условиях возникает сословное неравенство? вследствие чего общества разбиваются на классы с неравным распределением между ними прав и обязанностей? Говоря о том, как возникали сословия, я указал двойное их происхождение — политическое и экономическое. Сословное деление общества начиналось...

Стр. 245, строка 22 текста. Первоначально было сказано:

После Карамзина в нашей исторической литературе образовались два направления, которые, по серьезному и напрасному мнению сторонников их обоих, считались существенно различными, даже противоположными друг другу.

Стр. 247, строка 35. Прочитано:

...Вы можете найти проведение этого нового интереса в русском историческом исследовании как в пространной истории Соловьева...

Стр. 248, строка 32. В изустной лекции было добавлено:

...но эти сочинения заслуживают мало внимания, и если я о них упомянул, то более для предостережения тех из вас, которые не располагают достаточным досугом: их заглавия нужно знать, чтобы как-нибудь неосторожно не прочитать самых книг. По истории духовенства есть обширная...

(Заметка о труде Романовича-Славатинского продиктована автором уже для литографии, в изустной же лекции была пропущена.)

Стр. 249, строка 6. Слова «Вот почти все, что есть... о разных мелких статьях» вставлены уже в письменной редакции.

Стр. 249, строка 20. В изустной лекции:

Эти реформы... впервые заставили искать условий для их успешного применения в социальном прошлом России.

Стр. 249, строка 40. В изустной лекции:

Таково было господствующее мнение. Эти простые формы и неопределенные отношения не обещали достаточно поучительного матерьяла исследователю. При поверхностном взгляде...

Стр. 250, строка 9. Первоначальное изустное изложение:

Реформа 19 февраля вскрыла общественные взгляды и крепко установившиеся сложные и запутанные отношения между разными классами, обнаружила такие формы общежития, какие самому смелому воображению не представлялись прежде и не могли быть построены а priori. Все это заставило думать, что и наше общество пережило страшно напряженную работу, которая только выразилась в наружно простых и немудреных формах.

История русских сословий, может быть, и сообщает наиболее научного сравнительного интереса нашей истории. Явления, которыми она ознаменовалась, столь своеобразны, что могут пригодиться при изучении какой угодно части исторической науки.

Стр. 252, строка 3. В изустном изложении:

...и в четвертом — различие сословных прав, распределенных между классами по их сравнительному политическому значению. Переходим к изучению первого периода.

Стр. 254, строка 25. Слова «...чтобы мимо него шел... черноморским рынкам» вставлены профессором уже в рукописи.

Стр. 254, строка 31. В изустной лекции:

Около киевского конунга варяжского происхождения сосредоточивалась наиболее сильная дружина; помощью этой дружины Киевский князь и подчинил себе остальные города и племена восточных славян.

Стр. 256, строка 42. Первоначально было сказано:

Это наблюдение, очевидно, схвачено с походов Олега, Игоря и Святослава, если только Ибн-Даст дожил до времени этих князей. Слова Ибн-Даста подтверждает...

Стр. 258, строка 7. Конец изустной лекции был таков:

...это сословное деление имело двойное основание. Мы сейчас рассмотрим это основание, разбирая классы, на какие делилось русское общество по Русской Правде.

Стр. 258. Вся VI лекция для литографии продиктована про-

фессором вновь взамен прочитанной, и он даже не велел составлять последнюю по записям. Но сохранилась следующая часть начала этой лекции:

...за убийство, называемое в Правде вирой; за убийство холопа виры нет, а платился только уменьшенный штраф в пользу владельца, господина. Что такое княжьи мужи? Это люди, состоявшие в наличной службе у князя. Их отличие от «людей» состояло в том, что последние не служили князю лично, а только платили ему дань, соединяясь по этому платежу в общие союзы, в «миры», т. е. городские или сельские общества. Повинность, падавшая на княжих мужей,—личная; повинность, падавшая на «людей»,—мирская, т. е. отправлявшаяся всем миром. Таким образом, оба класса отличались своим отношением к князю. Это отношение к князю вызывало различное отношение княжеского закона к лицам обоих классов. Закон неодинаково ценил лиц того и другого класса, потому что неодинаковую цену придавал несомым ими повинностям. Холопство является, по Русской Правде, строго определенным и суровым институтом. Она не знает видов холопства: холопство, по Русской Правде, лишь полное, которое она называет *обельным*, круглым по-нашему.

Стр. 262, строка 40. После слов «закупов или наймитов» первоначально продиктовано было место, помещенное затем профессором ниже—стр. 264, строки 23—41.

Стр. 264, строка 26. После слов «не считался холопом последнего» сперва следовала фраза, потом исключенная:

Может быть, в этом надобно видеть следствие церковного влияния, благодаря которому долговая зависимость, соединенная с обязательной работой на кредитора, перестала считаться источником холопства, о чем будет речь впереди.

Стр. 271, строка 6. В изустной лекции было сказано:

Она внесла в русское рабовладельческое право столь решительные перемены, что они одни давали ей значение одной из главных сил, создавших наше общество. Этим перемен можно обозначить три.

Стр. 271, строка 20. В изустной лекции:

Действуя во имя этих понятий, духовенство рано, путем исповеди и участия в составлении завещаний, укрепило в русском обществе обычай отпускать по смерти свою челядь или часть ее, чтобы создать из нее готовых вечных богомольцев.

Стр. 272, строка 19. Изустно это место было изложено так:

Эти определения имели целью оградить важнейшие права римского гражданства от слишком обильного прилива сторонних лиц в состав граждан. Византийское законодательство, переработав, усвоило себе эти римские постановления, которые и вошли в старые византийские кодексы, именно—в Эклогу, кодекс XIII века, и в Прохирон, кодекс IX века. Христианская церковь была равнодушна к языческим институтам, которые ограждались этими определениями; но она также усвоила их с тем, чтобы поставить под их защиту более близкие ей интересы. Так, она усвоила мысль о неравенстве брачных союзов, но, ограждая

чистоту семейных нравов, она провела постановление, в силу которого конфисковалась по закону раба, ставшая наложницей женатого господина: местный правитель обязан был продать такую соперницу домохозяйки в пользу казны за границу области. Это постановление вошло в оба упомянутые мною византийских кодекса. Далее, под влиянием духовенства получил более широкое действие в римском праве особый способ освобождения рабов, который обозначался названием *молчаливого освобождения* *σιωπῆρα ἑλευθερία*. Это молчаливое освобождение...

Стр. 273, строка 4. В изустной лекции:

Духовенство не имело прямых средств бороться с этим обычаем; оно подступило к нему осторожно, со стороны. Наследовав принесенные из Византии понятия о неравенстве брачных союзов, т. е. о значении юридического состояния при их заключении, церковь не разрывала насильно связи господ со своими холопками и оставляла последних при первых до их смерти. Но, применяя к этой связи римскую презумпцию...

Стр. 274, строка 2. Изустная редакция этого места:

Греко-римское право в иных случаях обязывало господина продать своего холопа в чужие руки. Таких случаев было два: жестокое обращение с холопом и выкуп пленника. Как известно, римский гражданин, попавший в плен к неприятелю, считался и на родине невольником: так, все права, которыми он пользовался дома, приостанавливались до его возвращения (известное *jus postliminii*). Если соотечественник...

Стр. 274, строка 36. Эта часть лекции изложена была словесно значительно иначе:

Из этой перемены с течением времени и развились сложные сделки о срочной и бессрочной зависимости, которые обеспечивались личным залогом и в удельные века повели к образованию особого полусвободного класса *закладней*. Вместе с тем, с появлением мысли об условной зависимости, из круга холопства изъяты были некоторые виды неволи. Русская Правда, указывая основные источники холопства, обозначает три вида личной зависимости, которые она не считает холопством; это именно: отдача детей родителями в работу и вступление свободного человека в личное услужение за один прокорм или за прокорм с *придатком*, т. е. с платой, получаемой вперед в виде ссуды. Только в позднейших статьях Русской Правды появляется этот новый вид зависимости, который памятник характеризует одной общей чертой: такие зависимые люди, отработав до срока, уходили от хозяина, не платя ему ничего; но они могли уйти и до срока, только уплатив ссуду и вознаградив хозяина за прокорм по условию. Прежнее русское землевладельческое право не признавало таких видов условной зависимости.

Вот главные перемены, внесенные церковью в рабовладельческое право. Она существенно изменила его юридический характер. Прежде это право отличалось цельностью, единообразием и безусловностью; к нему можно было приложить встречаемое в Прохироне определение римского рабства: «рабство неделимо» —

ατομος εοτι δουλεια. Состояние рабов не допускало никаких разрядов. Про раба нельзя сказать...

Стр. 276, строки 5—14 вставлены уже в рукописи, с кафедры же произнесены не были.

Стр. 276, строки 16—20 текста. Вместо этих строк лекция эта начиналась так:

Изучив удельное общество, мы сопоставим его с изученным обществом XI и XII веков и тогда выведем существенные особенности того и другого. Я обозначил границами удельного периода в истории русских сословий начало XIII в. и половину XV в. Удельный период—это не только особое...

Стр. 279, строка 28. В изустной лекции было сказано:

...верховная власть в то время была не единоличной, а собирательной. Она была связана с управляемым населением отношениями подданства, т. е. обязательными отношениями, которые не зависели от личной воли. Совсем иной характер получила верховная власть в лице удельных князей; это были одинокие самостоятельные владельцы, никакими постоянными политическими отношениями не связанные со своими родичами. По мере этого политического уединения падал и правительственный характер удельного князя.

Стр. 280, строки 31—44; стр. 281, строки 1—6. Вместо этого было:

Он практиковал известные верховные права в своем уделе; законодательствовал, судил, вообще правил; но все эти верховные права действовали на свободное население удела, пока последнее жило в нем. Это свободное население входило в частные гражданские договоры с князем и, пока действовали эти договоры, подчинялось княжеской власти. Следовательно, политические права князя вытекали из его гражданских сделок со свободным населением удела. Слово «государь» на языке того времени обозначало личную власть свободного человека над несвободными, над холопами. Удельный князь, подобно всякому землевладельцу, мог иметь также холопов, которые и составляли исключительно его личных подданных. Значит, удельное владение по своему юридическому характеру приблизилось к простому частному землевладению. Итак, существенная перемена, которая произошла в характере верховной власти, состояла в исчезновении политического подданства и в замене его подданством личным, гражданским. Удельные князья были гражданскими владельцами своих удельных территорий, но не были политическими управителями удельных обществ.

Эта перемена и изменила характер отношений к князю всех классов удельного общества. Теперь основанием этих отношений стали не обязательные отношения подданных к государю, а временные обязательства, вытекавшие из гражданского договора или из сделки, какою создавалось личное подданство, холопья неволя. Достаточно сделать короткий обзор отношений к князю отдельных частей удельного общества, чтобы видеть это их основание.

Во главе общества стояли...

Стр. 281, строка 38. С этого места до конца лекция была продиктована взамен сказанного с кафедры, запись же изустной части этой лекции не сохранилась.

Стр. 285, строка 42. В изустной лекции было сказано:

Купля — признак приобретения вещи в собственность; однако свободные ключники могли покупать деревни только в пользование на время службы князю.

Стр. 290, строка 17. С этого места в изустном изложении началась X лекция.

Стр. 291, строки 22—45 и стр. 292, строки 1—6 в изустной лекции имели такое изложение:

Этот характер общественного деления в удельные века помогает и найти историческую его связь с делениями предшествующими. Деления эти в своей преемственной смене, очевидно, были тесно связаны между собою, каждое последующее деление выходило из предыдущего. Первоначальное деление по обязательным отношениям к князю дробило общество на людей служилых и несслужилых. Рядом с этим делением стало другое, дробившее общество по имущественным состояниям, с которыми связано было неравенство прав. Очевидно, различие этих имущественных состояний образовалось при содействии политического деления общества на служилых и несслужилых. Различие отношений к князю помогало лицам разных классов приобретать неодинаковый капитал: служилые лица становились преимущественно землевладельцами, лица несслужилые работали торгово-промышленным капиталом или земледельческим трудом. Различие имущественных состояний, обнаруживавшееся в XI и XII веках, легло в основание и удельного деления общества. В удельное время лица различались по роду княжеского капитала, арендуемого лицами разных классов, и по свойству услуг или службы, которыми они платили князю за пользование его собственностью. Но очевидно, что различие родов княжеского капитала, поступавшего в пользование лиц разных классов, соответствовало различию их имущественных состояний и общественного положения. Землевладельцы несли личную правительственную или ратную службу князю, тогда как люди, работавшие торгово-промышленным капиталом или жившие только личным трудом, снимали у князя его землю, городскую промышленную или сельскую пахотную. Так вскрывается...

Стр. 293, строка 40. Первоначально, в словесном изложении, вместо слов «Все чины... и 3) нетяглые» было помещено:

Чины были основные и переходные. Основные чины можно разделить на две крупные группы: то были чины *служилые* и чины *земские*. Эти две группы чинов соответствовали боярам и слугам вольным, с одной стороны, и черным людям — с другой, какие существовали в удельные века.

Стр. 294, строка 12. Изустно была вставлена фраза:

Я пока только кратко обозначу их особенности, чтобы впоследствии объяснить их происхождение.

Стр. 295, строка 8. Устно было добавлено:

... родом придворной службы: одни прислуживали при столе государя, другие несли иные дворцовые службы.

Стр. 295, строка 6—10. С кафедры это место было изложено пространнее:

Дворяне выборные и дети боярские дворовые несли дальнюю службу; кроме того, выборные дворяне назначались по очереди для отправления дежурной службы в столице при дворе, подобно тому как теперь отбывают очередную службу в Петербурге казаки. Дети боярские городовые несли только ближнюю службу или же отправляли лишь службу гарнизонную, осадную.— Служба всех перечисленных служилых чинов по отечеству была вечно обязательной и наследственной. Главное средство для этой службы почерпалось служилыми людьми в личном землевладении, вотчинном или поместном; только как вспомогательное средство для службы введено было с половины XVI века денежное жалованье, которое выдавалось служилым людям пред походами.

Стр. 295, строки 20—35. В изустной лекции место это изложено было таким образом:

Все эти служилые чины вербовались правительством из людей разных классов, преимущественно из людей, свободных от государственного тягла, которые назывались вольными или гулящими. Первоначально эти чины набирались из охотников; в XVII столетии их стали брать как обязательных рекрутов по числу тяглых дворов, каким владел землевладелец—светский или духовный. В первое время люди этих чинов записывались на службу временно, для известного похода, и распускались по окончании его; но в XVII столетии и приборные люди, поступавшие на службу, отбывали ее уже до своей смерти или до физической невозможности служить. «Служилые чины по прибору» содержались главным образом помощью денежного жалованья; только как вспомогательное средство им служило землевладение, но их землевладение отличалось от земельных имуществ «служилых людей по отечеству» тем, что оно было не личное, а мирское, подобно крестьянскому. «Служилых людей по прибору» правительство соединяло в целые общества, которым и раздавало земли на праве общинного владения на границе государства. После из этих «приборных» землевладельцев образовалась главная масса сословия, получившего название *однодворцев*.

Теперь перехожу к перечислению чинов земских; люди этих чинов назывались на московском языке *жилецкими* людьми. Они разделялись на *тяглых* и *нетяглых* людей. Тяглые люди подразделялись...

Стр. 296, строка 8. В изустной лекции:

Общества сельские отличались от городских родом государственных повинностей, точнее говоря—свойством разверстки государственной подати. Государственная подать...

Стр. 296, строка 23. Это место до конца лекции в изустном изложении передано было значительно иначе, чем переработано впоследствии для литографии:

Гости — это крупные оптовые торговцы, которые вели дела с другими городами или даже с чужими землями; они отличались от торговых людей гостиной и суконной сотен размером капитала. Впрочем, неизвестны размеры капитала, какие нужно было иметь, чтобы принадлежать к сотням — гостиной и суконной. Об этих размерах можно только приблизительно судить по величине капиталов, какие имели гости. Приказный человек второй половины XVII века Котошихин говорит, что гости имели оборотного капитала от 20 до 100 тысяч. Так как московский рубль его времени, т. е. времени царя Алексея, равнялся семнадцати нынешним, то 20 тысяч значили то же, что теперь тысяч 300 с лишком, 100 тысяч — около двух миллионов. Торговые люди трех названных разрядов, различаясь величиной капиталов, несли неодинаковые государственные повинности. Кроме общего городского тягла, падавшего на все посадское население, они несли еще казенные финансовые поручения. Чтобы понять тяжесть этих поручений, надобно припомнить, что казна в Московском государстве владела некоторыми монополиями: ей принадлежала продажа питей, соли; сверх того она собирала пошлины с продажи товаров, и она лишь одна торговала меховым товаром — «соболиной государевой казней», как тогда говорили. Это все были доходные казенные статьи; но казна эксплуатировала их не своими чиновниками, а выборными людьми из городского общества. Городские общества обязаны были выбирать для эксплуатации каждой из этих статей «верных голов», т. е. присяжных ответственных руководителей с их присяжными помощниками — «целовальниками». Верный голова выбирал доход из известной казенной статьи под своей личной имущественной ответственностью; если он недобирал согласно составленной смете, он уплачивал недобор из своего имущества; в случае несостоятельности за него платил выбравший его городской мир. Гости несли самые тяжелые казенные повинности, производили торговлю наиболее дорогим казенным товаром и отвечали за неудачу торговли. Люди гостиной и суконной сотен выбирались в помощники гостям и в самостоятельные головы в города, где невелик был казенный оборот. Эта служба по казенному поручению была самой тяжелой повинностью, падавшей на высшее купечество столицы. Люди черных сотен и черных слобод составляли массу торгово-промышленного населения столицы. Легко заметить, что гости соответствуют нынешним коммерции советникам, люди гостиной и суконной сотен — нынешним мещанам. Так как сотни и слободы различались между собой родом промышленных занятий, то они похожи были на позднейшие цехи. Таков в кратком перечне состав торгово-промышленного населения столицы.

Теперь остается описать состав посадского населения в провинциальных городах, состав сельского населения и, наконец, промежуточные слои, лежавшие между основными чинами. Из изложенного мною очерка уже можно видеть, как трудеи для памяти и скучен самый перечень мелких чинов, из которых сложилось общество в Московском государстве. Но изучение

этого состава необходимо, чтобы понять основные начала, на каких строилось это причудливое общество.

Стр. 301, строки 30—41. В изустной лекции было сказано: ...в действительности это значило до смерти холопа. Оно отличалось от кабального еще тем, что неволя возникала не из свободного договора самого невольника с господином, а из договора его родителей, или родственников, или мужа с последним. В жилое холопство отдавались жены и дети. Выражение Минина и Пожарского «зложим своих жен!» не было риторической фразой, а простым, точным юридическим выражением.

Стр. 302, строки 29—33. Изустно лекция закончена была словами:

Для того, чтобы не оставалась неясной эта дробность деления московского общества, я представляю таблицу чинов Московского государства.

Стр. 304, строка 21. Вместо «государем-правителем» было сказано: «политическим правителем».

Стр. 307, строка 22—27. Изустно:

Это характерное явление московского государственного права: исчезновение частных государевых холопов, какие были у удельного князя, как и у князей XII века; в Московском государстве в XV и XVI вв. личные крепостные дворовые холопы слились с его свободными подданными.

Стр. 308, строка 7. Вместо слов «местными представителями этой власти» в лекции было сказано: «носителями отдельных искр этой власти».

Стр. 308, строка 45. В изустной лекции:

...чтобы не ошибиться в понимании явлений, следовавших за устройством нашего общества в XV и XVI вв. Итак, превращение лично-крепостных государя в государевых подданных было тесно связано...

Стр. 310, строки 4—46, стр. 311, строки 1—20. Изустное изложение этого места значительно разнилось от того, которое, с продиктованными профессором вставками, предпочтено было им для помещения в литографированном курсе:

В других странах мы знаем государственные порядки, основанные на сочетании сословных прав с сословными обязанностями или основанные на сословных правах, не соединенных с обязанностями. Но и в первом случае сословные обязанности являются лишь политическими последствиями сословных прав. Такое отношение их выражалось в возможности отказаться от прав, слагая с себя при этом и обязанности. Политический порядок в Московском государстве основан был на сословной разверстке одних обязанностей, не соединенных с правами. Правда, обязанности соединены были с неодинаковыми выгодами, но эти выгоды не были сословными правами, а только экономическими пособиями к несению обязанностей. Таким образом, отношение обязанностей к выгодам в Московском государстве было совершенно обратно: выгоды здесь, напротив, были политическим последствием государственных обязанностей. Такое отношение выражалось в том, что подданный не мог

отказаться и от предоставленных ему выгод потому, что этот отказ делал его неспособным нести обязанности. Служилый человек получал от государя землю в пользование — поместье. С этим пользованием соединено было несение ратной повинности. Он не мог отказаться от этой повинности, но не мог отказаться и от владения поместьем. Многие помещики бросали свои поместья и бежали в степи; их возвращали и водворяли в поместьях, заставляя пользоваться своим правом. Такой своеобразный склад государственного порядка объясняется источником, из которого вытек последний. Этим источником было политическое объединение народа во имя внешней безопасности. Великороссия объединилась под властью Московского государя не в силу завоевания, а в силу народных опасностей, грозивших извне. Московские государи расширяли свою территорию и вооруженной борьбой; но то была борьба с местными правителями, а не с местными обществами. Поразив правителей княжеств или вечевую аристократию, московские государи не встречали отпора со стороны местных обществ, которые большей частью добровольно и раньше своих правителей тянули к Москве. Итак, политическое объединение Великороссии имело своим источником потребность борьбы для внешней обороны. Предметом законодательной разработки и стала разверстка тяжестей, которые налагала эта борьба, а не сословных прав, которые не вели к цели.

Основание такого тяжелого политического склада прежде всего изменило отношение экономического деления общества к политическому — это другое общее основание, на котором стал создаваться московский политический порядок. В следующее время...

Стр. 312, строки 10—13. Вместо этих строк в изустном изложении лекция заканчивалась таким образом:

Таковы были общие основания сословного устройства в Московском государстве, вытекавшие из перемены значения власти Московского государя. Этих общих оснований мы вывели два: 1) превращение договорных обязательств удельного времени в государственные обязанности, 2) разверстка государственных обязанностей между классами по хозяйственному состоянию каждого из них. Это последнее правило московская политика и прилагала к устройству каждого отдельного общественного класса. Из этих применений она выработала специальные приемы разверстки, которыми руководилась при раскладке государственных повинностей между лицами каждого отдельного класса. Эти специальные приемы разверстки я и покажу, переходя к изучению устройства каждого отдельного класса.

Стр. 312. Начало XIII лекции до слов «Руководясь формулированным...» (стр. 313, строка 14), как составляющее резюме предыдущей лекции, было профессором исключено для литографированного издания.

Стр. 315, строка 27. Фраза «Напротив, непризнание... при виде этого беспорядочного склада» была исключена профессором для литографии.

Стр. 317, строка 16. До слов «Из разверстки...» в изустном изложении стояла фраза, выпущенная для литографии:

Объясняя разверстку обязанностей ратной и служебной по чинам, я начну со второго положения сейчас изложенной формулы.

Стр. 318, строка 17. С этого места началась XIV лекция, но по логической связи оно присоединено профессором к предыдущей лекции.

Стр. 320, строка 10 снизу. В изустной лекции:

По-видимому, отношение бояр окольных к боярам было такое же, какое теперь существует между генерал-лейтенантом и полным генералом.

Стр. 321, строка 11. В перечне княжеских фамилий, происходящих от удельных князей, после «Мстиславских» профессором названы были еще «Одоевские», но затем эту фамилию он велел вычеркнуть.

Стр. 321, строки 26—36. Первоначальная изустная редакция:

Справляясь о происхождении этих фамилий по родословным XVI века, находим, что это все потомки старинного московского боярства, родоначальники которого начали служить в Москве с конца еще XIII века. Чаще всего в списке окольных являются коренные фамилии старого московского боярства с их отраслями: Морозовы с Поплевиными, Салтыковы и Шеины, Кошкины с Захарьными, Юрьевы с родичами Колычевыми, Сабуровы с Годуновыми, Давыдовы с Бутурлиными, Челяднины и прочие.

Стр. 321, строка 37. Вместо «старое боярское гнездо» было: «коренное боярское гнездо».

Стр. 322, строка 42. Вместо «говоря старым московским языком» было: «по старому канцелярскому московскому выражению». Следующий затем перечень добавлен лишь в литографии.

Стр. 323, строки 18—23. В изустной лекции:

Бояре выходили преимущественно из знатнейших княжеских фамилий, служивших в Московском государстве, к которым присоединились немногие роды старого московского боярства. Окольничество принадлежало преимущественно старому нетитулованному боярству Москвы, которое успело спасти свое положение при наплыве новых знатных слуг в Москву.

Стр. 323, строки 29—41. Изустно было сказано:

Между слоями, из которых состояло это боярство, и разверстаны были различные функции приказной службы. Люди всех трех чинов были руководителями московской администрации, но они руководили ею не с одинаковым авторитетом. Важнейшие должности по военному управлению поручались боярам, военные должности второстепенные — окольным; должности по гражданской администрации, финансовой и полицейской, возлагались преимущественно на думных дворян. Так разверстана была приказная служба по отечеству.

Несколько иначе устроены были московские служилые чины, или служба по Московскому списку. В Думу, при ее нешироком численном составе...

Стр. 325, строки 42—44. Слова «с отметками при именах некоторых из них... по такому-то городу» добавлены уже в рукописи, в изустной лекции не были помещены.

Стр. 326, строки 9—35. С кафедры это место произнесено было таким образом:

Стольники и дворяне московские в мирное время — вечно на посылках: их назначают воеводами во второстепенные города, в свиту к послам, их посылают производить следствия по важным уголовным делам в различные части государства, на них возлагаются все особые административные поручения. Это были исполнительные орудия гражданского управления. Рядом с этим они занимали совершенно особое положение в военном строе: они все составляли значительный корпус стольников, стряпчих и других людей Московского списка, в котором бывало иногда более шести тысяч человек. Но они редко ходили массой в походы. Они занимали в армии значение офицеров. Часть их рассылалась во время похода по армейским полкам, состоявшим из провинциального дворянства. В этих полках они служили полковниками и головами, т. е. батальонными и ротными командирами. Другая часть составляла собственно Московский или Царев полк — это гвардия. Но не думайте...

Стр. 326, строка 42. Это место до конца лекции изустно было изложено таким образом:

Таким образом, московское дворянство составляло то, что мы называем генеральным штабом и гвардией. В полках провинциального дворянства — это батальонные и полковые командиры; в Московском Царевом полку — это вотчинники — командиры холопов. Чтобы видеть это двойственное значение московского дворянства; достаточно просмотреть некоторые цифровые списки 1681 года. Всего стольников и других людей московских чинов по спискам считалось 6385, из них 3761 человек рассеяны были по полкам провинциального дворянства в должностях полковников или батальонных командиров; 2624 составляли Московский гвардейский корпус, Царев полк; но они здесь командовали вооруженными холопами, которых было 21 тысяча с лишком, так что весь Московский корпус состоял из двадцати четырех тысяч с небольшим. В составе этого почти двадцатипяти тысячного корпуса люди московских чинов составляли незначительную долю, т. е. офицерский штаб. Так была разверстана приказная служба по слоям, на которые делилось московское дворянство. Совсем иная разверстка ратной повинности установилась чиновным делением в среде провинциального дворянства, к устройству которого мы теперь перейдем.

Стр. 331, строка 31. В изустной лекции:

На их опустелых вотчинах, конфискованных московским правительством, поселено было несколько служилых людей московских, которым и розданы были те вотчины в поместья.

Стр. 332, строка 25. В изустном изложении:

Поместья городских дворян Московского уезда, рассеянные между этими крупными имениями, были довольно значительны. То же было и в соседних уездах. Чем дальше...

Стр. 333, строка 19. Изустно:

1) Разбились старинные служилые общества, которые образовались еще в удельное время и из которых составлялись местные общества служилых вотчинников с образованием Московского государства. Безземельные слуги удельных князей...

Стр. 334, строка 19. Перед изложением третьего следствия разверстки службы по земле было добавлено: «Всего важнее третье следствие».

Стр. 335, строка 10. Слова «Поэтому владелец трехсот и т. д.» вставлены профессором для литографии.

Стр. 335, строка 14 и до конца лекции. Место это изустно было изложено таким образом:

Если каждый, владевший 150 десятинами земли, должен был ставить в поход одного вполне вооруженного конного ратника, то, с другой стороны, всякий служилый человек, ставивший в поход вполне вооруженного конного ратника, должен был иметь поместье в 150 десятин пахотной земли. Руководясь этой двойственной нормой, московское правительство и разверстало между провинциальным дворянством тягости ратной службы, и эта разверстка разделила провинциальных служилых людей на три чина, которые следовали в таком порядке: дети боярские городовые, дети боярские дворовые и дворяне выборные. Я сейчас объясню прежде всего происхождение самих этих чиновных званий, а потом происхождение самих чинов.

Стр. 336, строка 10. Вместо «не провела» первоначально было сказано: «не выслала».

Стр. 337, строка 13. Изустно:

Изучение этих списков необыкновенно трудно благодаря капризной их системе, но приводит к любопытным выводам: из этого изучения можно извлечь приемы, какие применялись при разверстке службы и окладов между служилыми людьми.

Стр. 337, строки 11—46 и стр. 338, строки 1—10. В изустной лекции было сказано:

Такова была сложная оценка боевой годности; она и выработала формулы, которые постоянно встречаем в десятнях. Так, окладчики говорили про служилого человека: «собою добр, может служить дальнюю службу» (ходить в дальние походы); «отечеством добр—отец его служил по дворовому списку»; а будет ли он в состоянии служить дальнюю службу, это зависело от того, каков он «своею головою», т. е. в каком состоянии его поместье или вотчина. Служилый человек, признанный добрым и «собою», и «по отечеству», и даже «по службе», иногда возражал разборщику, желавшему записать его в высший разряд, говоря: «На службе быть мне не с чего: бобылишки и крестьянишки мои худы, а сам я беден», и просил записать его в низший чин.

Последняя фраза («Служилый человек... в низший чин») была профессором исключена в рукописи.

Стр. 338, строки 39—41. Первоначально было сказано:

Городовым людям назначались оклады от 300 до 100 четей;

по комбинациям поместного оклада и жалованья они разделялись более чем на двадцать статей.

Стр. 338, строки 42—46, стр. 339, строки 1—12. Это место представляет собой изустное изложение, и в литографированном издании курса профессор его исключил.

Стр. 340, строки 19—20. Эта фраза вставлена уже в литографии, в изустной лекции ее не было.

Стр. 341, строки 39—44. С кафедры это место изложено было профессором таким образом:

Надобно обратить внимание и на то, что губернии второй линии окаймляли центр не со всех сторон: это — цепь, но разогнутая к северу. В ряду этих губерний нет северных — ни Олонецкой, ни Новгородской; только Псковская примыкала к этой же линии. Но Псковская губерния с конца XVI века — со времени борьбы с Швецией — стала передовым постом самой напряженной борьбы на северо-западе. Губернии третьей линии, окаймлявшей вторую, — это вторая боевая цепь; в ряду ее звеньев есть только Новгородская губерния, но нет ни Олонецкой, ни Вологодской. Значит, цепь опять к северу не сходится. Это потому, что с севера не от кого было обороняться. Наконец, четвертая группа...

Перерабатывая затем это место для литографированного издания, профессор первоначально привел его в такой вид:

Надобно обратить внимание также и на то, что губернии как первой, так и второй группы, не представляют вполне замкнутых колец: то и другое кольцо размыкалось на севере. Во второй группе нет Новгородской губернии, смежной с Тверской, как в третьей нет Вологодской, смежной с губерниями второй группы — Костромской и Ярославской. Только Псковская губерния, несмотря на свою отдаленность от Москвы, входила в первый пояс, ее окружавший. Это объясняется тем, что Псковская земля с половины XVI века становилась местом напряженной борьбы на северо-западе со Швецией. Оба кольца разгибались на севере потому, что там не от кого было обороняться.

Наконец, профессором был предпочтен более сокращенный текст, который помещен в литографии и в настоящем издании в вышеуказанных строках 39—44.

Стр. 342, строки 18—22. Изустно:

Итак, что такое эти четыре линии? Эти четыре линии представляют нам степень напряжения боевых сил для защиты границ государства. [...]

Стр. 343, строки 26—30 вставлены уже в рукописи, в лекции не были произнесены.

Стр. 350. Первая фраза лекции вставлена в литографии.

Стр. 351, строки 23—30. Изустно:

...сбор последней был проще, чем сбор первой. Вот почему в круговой поруче за горожан уезда невыгодно было участвовать уездным крестьянам, и они, первоначально соединенные со своими городами в одно тяглое общество, в XVII веке стараются образовать свои особые миры.

Стр. 352, строка 7. В изустной лекции в этом месте была вставлена следующая фраза:

Во второй половине XVII века, после издания Уложения, составлен был закон 1657 г., назначавший смертную казнь даже за самовольный переход тяглового посадского человека из своего посада в другой.

Стр. 352, строки 19—28 добавлены уже для литографии.

Стр. 354, строка 30. Это место в изустной лекции было изложено иначе:

...но рядом с ним были два вида личной зависимости, которые не причислялись к холопству: вольное ключничество и долговое закладничество. Свободные лица нанимались к землевладельцам на службу в должности сельских ключников на неопределенный срок, обыкновенно до смерти господина. Этот наем ставил слугу в личную зависимость от господина, но зависимость не холопью: вольные ключники всегда могли прекратить свою службу с соблюдением известных условий. Точно так же закладничество было...

Стр. 354, строка 40. В изустной лекции было:

Таким образом, вольное ключничество и долговое закладничество не были крепостными состояниями, видами холопства; до XVI века они и не носили на себе никаких признаков холопской крепостной зависимости, но с XVI века появляются эти признаки. Вольное ключничество исчезает, заменяясь ключничеством по *продаже*: вольное лицо продавалось в ключники и служило господину до смерти последнего. Таким образом, ключничество из свободно прекращаемого обязательства превратилось в личную пожизненную крепость, продолжавшуюся до смерти господина. Этот новый вид холопства, как мы уже знаем, и получил название *докладного*. С другой стороны, с конца XV века является в нашем гражданском праве мысль, что личная временная служба за долг получила характер личной крепости, как скоро слуга временно...

Стр. 355, строки 3—23 (со слов «только эта служба — личная») вставлены уже в рукописи.

Стр. 356, строка 31. Изустно первоначально было сказано:

В XVII в. источником кабального холопства, соединенным с погашением долга, стал не самый долг, а просто уговор о службе: долг получает лишь фиктивное значение.

Стр. 356, строки 38—42 («Согласно... кабальному долгу») и стр. 357, строки 3—5 («служилая кабала... продолжалась дольше») вставлены в рукописи.

Стр. 357, строки 5—38. Это место было значительно иначе передано в первоначальном изустном изложении:

Жилую неволю создавали следующие записи: запись с обязательством служить за рост и, по истечении известного срока или бессрочно, уплатив долг, выходить на волю; далее, *заживные записи*, которые состояли в обязательстве известное число лет работать на займодавца, заживая взятый долг — жилую ссуду, которая соединялась со ссудою скотом, семенами, и с обязательством работать на господина на его земле; *наемные*

отживные, с обязательством работать известное число лет на хозяина и по истечении срока получить от него условленную плату; записи *закладные*, состоявшие в том, что либо свободное лицо закладывалось в работу на известное число лет, либо закладывало своего сына, дочь, младших братьев, даже жену; наконец, *жилые ученические записи*, состоявшие в обязательстве человека, отдавшегося на выучку мастеру, известное число лет работать на него. Все эти виды жилой неволи развивались в XVII веке из основного принципа кабального холопства — вступать в неволю, назначаемую по уговору или условию. Это юридическое расчленение холопства, которое становится заметным с начала XVI века, и оказало могущественное действие на поземельные отношения крестьян к землевладельцам. Под влиянием кабального холопства свободные прежде крестьяне, жившие на владельческих землях, со второй четверти XVII века постепенно вступают в крепостную зависимость от землевладельцев.

Стр. 356, строка 40—43. Слова «это было совершенно новое состояние... которые не были тяглыми» вставлены уже в рукописи.

Стр. 373, строка 21. До слов «Отсюда возникло...» в изустной лекции была фраза, коей заключились чтения по Истории Сословий и которая выпущена была в рукописи:

Таково было одно происхождение сословных прав в Московском государстве. Мы увидим, как изменились взаимные отношения чинов под действием этих сословных прав, и потом рассмотрим другой их источник — чиновную честь.

Стр. 373, строка 21. На этом месте окончилось изустное изложение курса, и все последующее было продиктовано профессором у себя на дому издателю литографированного курса.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Пятым томом настоящего издания Сочинений В. О. Ключевского завершилась публикация «Курса русской истории», принесшего автору заслуженную всемирную известность. Однако, как бы ни был читаем и почитаем этот курс, он не исчерпывает В. О. Ключевского ни как ученого, ни как профессора русской истории. О диапазоне научно-преподавательской деятельности историка нельзя судить без созданной им серии специальных курсов, каждый из которых имеет самостоятельное значение, но главная ценность заключается в их совокупности. Все они непосредственно связаны с лекциями по русской истории, на что Ключевский обращал внимание с первых же слов первой лекции первого специального курса: «Занятия нынешнего года будут иметь связь с занятиями прошлого года». «При изучении общего курса нашей отечественной истории,— продолжал он,— в вашем уме неизбежно и, может быть, незаметно для вас самих происходит процесс обобщения; надо установить связь, определить порядок этих обобщений, заметить пробелы, чтобы знать, как их пополнить. Приведению в порядок накопившегося у вас запаса обобщений я и помогу, направляя этот запас к одной специальной цели, близко связанной с изучением нашей истории» (с. 5)¹.

¹ Здесь и далее ссылки на настоящий том сочинений В. О. Ключевского даются в скобках с указанием страниц без дополнительных объяснений.

К середине 1880-х годов, когда Ключевский приступал к чтению специальных курсов, общий курс русской истории был им в основном уже создан. Напомним, что Ключевский начал читать лекции по русской истории с 1871 г. сначала в Московской духовной академии, с 1872 г.—на Высших женских курсах проф. В. И. Герье, с декабря 1879 г.—в Московском университете. Целостная концепция русского исторического процесса была им дана и в книге «Боярская дума древней Руси» (1882 г.). Однако сам Ключевский не считал работу над курсом оконченой и в течение всей жизни непрерывно совершенствовал его. Естественно, что в 1900-х годах, готовя к печати «Курс русской истории», Ключевский опирался на весь комплекс своих трудов, в том числе на наблюдения и выводы, высказанные им в специальных курсах.

Первоначально В. О. Ключевский задумывал создать дополнительно к общему курсу особый курс, состоящий из трех частей, о чем он и писал в апреле 1884 г. тогдашнему декану историко-филологического факультета Н. А. Попову: «На следующий год для исторического отделения я предполагаю курс о методе, терминологии и основных источниках русской истории (по 2 часа в неделю)»¹. И действительно, с начала нового учебного 1884/85 года Ключевский приступил к реализации замысла. Он предполагал тогда за один учебный год провести занятия со студентами по всем трем намеченным частям, назвав их: «1) Методология, 2) Терминология и 3) Основные источники русской истории». «Не знаю,—скромно замечал он,—верно ли я угадал эти потребности; я их извлек из хода прошлогодних наших занятий и попытаюсь удовлетворить им, насколько могу» (с. 8). Насущные потребности своих слушателей, да и исторической науки в целом Ключевский «угадал» верно, но ошибся в одном: из трех предполагаемых частей занятий одного года выросли три самостоятельных курса, а вскоре к ним прибавились еще два—«История сословий в России» и лекции по русской историографии. Порядок прочтения этих курсов тоже несколько изменился.

В практике высшего образования тогдашней России специальные курсы были еще сравнительно новой и редкой формой преподавания, хотя потребность в углубленном проведении занятий по истории в форме специальных курсов ощущалась давно. Единой программы обучения тогда не было, и каждый профессор по своему усмотрению избирал их проблематику. Чаще всего они вырастали из вводных лекций к общим курсам, содержащих, как правило, обзор источников и литературы.

¹ Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы в мысли об истории. М., 1968. С. 160.

Постепенно эти обзоры превращались в самостоятельные курсы по источникам русской истории и историографии. Такие курсы читали, например, С. М. Соловьев, Н. А. Иванов, И. В. Лашнюков, Н. И. Костомаров, К. Н. Бестужев-Рюмин. Во введениях нередко говорилось также об общих взглядах на историю как науку—об ее предмете, задачах и пользе, иногда—о методах исторического исследования. В дополнение к общим курсам стали читаться специальные курсы и по отдельным периодам или конкретно-историческим проблемам истории России. Так, К. Н. Бестужев-Рюмин свидетельствовал, что в конце 1840-х годов он слушал специальные курсы С. М. Соловьева, отмечая, что эти лекции давали много нового по сравнению с преподаванием основного курса. Бестужев-Рюмин назвал и тематику соловьевских специальных курсов: «В один год было прочитано время первых Романовых, в другой Петр, в третий время после Петра, кажется, до Екатерины»¹. Таким образом, существовали два типа специальных курсов—пропедевтические и конкретно-исторические.

В. О. Ключевский, естественно, опирался на опыт предшественников и использовал его. Но по сравнению с ними его подход был значительно многограннее. Комплекс специальных лекций Ключевского сочетал теоретический, конкретно-исторический, источниковедческий и историографический аспекты изучения. Ключевский расширял, углублял и поднимал уровень исторического знания. Им была создана целостная система курсов—в центре общий курс русской истории и пять специальных курсов вокруг него. В конечном счете все эти курсы были направлены на выработку профессионализма будущих историков: профессор вводил студентов как бы в недра самой исторической науки, делился с ними своим исследовательским опытом и эрудицией, облегчал и направлял их самостоятельный труд.

Специальные курсы Ключевского выстроены в логическом порядке. Открывал цикл теоретический курс «Методология русской истории», являвшийся общей «шапкой» для всех остальных. Три последующих курса по существу посвящались источниковедческим вопросам, но каждый из них имел свою специфику. Это—изучение и толкование терминов древнерусских памятников в курсе «Терминология русской истории», курс по истории сословий в России (тесно связанный с предыдущим и с общим курсом русской истории, впрочем, как и все специальные курсы) и собственно лекции по источникам русской истории. (Заметим попутно, что с 1880/81 учебного года, когда Ключевский стал

¹ Бестужев-Рюмин К. Н. Биография и характеристики. СПб., 1882. С. 296.

читать в университете по своей программе¹, он проводил со студентами семинарские занятия по изучению отдельных памятников древней Руси). Завершался цикл историей отечественной исторической науки, т. е. лекциями по русской историографии.

Все эти курсы читались Ключевским по строго выработанному плану — в них всегда определялись предмет и задачи каждого курса, объяснялась его структура и периодизация, указывались источники и давалась на фоне общего развития исторической науки характеристика литературы, где освещалась или затрагивалась избранная проблематика (или констатировался факт отсутствия такого изучения). Изложение материала, как всегда у Ключевского, имело непринужденную форму — он много пояснял, делал неожиданные сравнения, шутил. «Развивая мысль в речи,— говорил Ключевский, раскрывая «секреты» своего лекторского мастерства,— надо сперва схему ее вложить в ум слушателя, потом в наглядном сравнении предъявить ее воображению и, наконец, на мягкой лирич[еской] подкладке осторожно положить ее на слушающее сердце, и тогда слушатель — Ваш военнопленный и сам не убежит от Вас, даже когда Вы отпустите его на волю, останется вечно послушн[ым] Ваш[им] клиентом»².

Специальные курсы читались студентам III и IV курсов, т. е. уже имевшим определенную подготовку. С третьего курса, считал Ключевский, студент «уже перестает блуждать по аудиториям с бездонным вниманием и вечно раскрытым ртом, вбирающим все, что ни попадетя ему», уже начинает понимать удовольствие «свое суждение иметь», и в нем появляется «потребность разобратся в воспринятом, задержать и усвоить набегающие впечатления, пропитать их собственным духом»³. Другими словами, специальные курсы Ключевского были рассчитаны на думающую молодежь, а слушатели этих курсов выносили углубленные знания по истории России.

При жизни В. О. Ключевского ни один специальный курс не был издан типографски, но три из них были литографированы: это лекции по методологии, терминологии и истории сословий. Работа по подготовке текста лекций к литографическому изданию была четко организована. В аудитории за профессором одновременно записывало несколько человек. По свидетельствам очевидцев, писать за Ключевским было достаточно легко — он читал небыстро, отчетливо и внятно. На основании первоначаль-

¹ С 5 декабря 1879 г. В. О. Ключевский заменил на кафедре русской истории умершего С. М. Соловьева и продолжил соловьевский курс, начиная с преемников Петра I и кончая царствованием Екатерины II.

² Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. С. 356.

³ Ключевский В. О. Сочинения. Т. VIII. М., 1959. С. 255.

ных записей текст лекций сводился в один. Сводную запись редактировал и дорабатывал сам Ключевский, причем на эту работу у него нередко уходило больше времени, чем на само чтение. Исправленный автором текст передавался переписчику. Таким образом, литографированные лекции Ключевского являются авторизованными.

Впоследствии ученик Ключевского А. И. Юшков трижды опубликовал курс «История сословий в России». Остальные же курсы постепенно забывались. Вновь они были «открыты» тогда, когда архив ученого стал доступен для изучения. В 1950-х годах появилась возможность издать Сочинения Ключевского в восьми томах, где наряду с известными произведениями историка напечатано значительное число неопубликованных ранее работ, в том числе и три специальных курса: «Источники русской истории», «Терминология русской истории» и лекции по историографии. К сожалению, порядок публикации специальных курсов нарушил единство замысла Ключевского, а курс «Методология русской истории» и вовсе остался ненапечатанным. В настоящем издании это положение исправляется.

Итак, в шестом и седьмом томах Сочинений В. О. Ключевского специальные курсы ученого впервые даются в их совокупности и в той последовательности, как они были прочитаны профессором в стенах Московского университета в 1880—1890-е годы. Тем самым воссоздается общая картина университетского преподавания В. О. Ключевского.

В шестой том входят первые три курса — «Методология русской истории», «Терминология русской истории» и «История сословий в России». В приложении даются материалы к этим курсам.

В седьмой том включены курс «Источники русской истории» и источниковедческие семинары «Русская Правда» и «Псковская Правда»; лекции по русской историографии и материалы к ним, а также статьи историографического характера.

* * *

Долгое время историкам, изучавшим методологию творчества В. О. Ключевского, приходилось восстанавливать систему его общеисторических взглядов на основании отдельных замечаний в вводной части курса русской истории и других разрозненных высказываний. В настоящем издании впервые печатается курс «Методология русской истории» — важнейший источник для характеристики всей системы исторических представлений Ключевского. Этот курс, состоящий из 20 лекций, читался вместе с «Терминологией русской истории» в 1884/85 учебном году, т. е.

более ста лет назад. С тех пор историческая наука прошла значительный путь своего развития, качественно изменилось понимание общеисторического процесса, возросли требования к теоретико-методологическим работам. Одним словом, перед читателем лежит не исследование конца XX века, а памятник исторической мысли 80-х годов XIX века — первый в дореволюционной России опыт создания учебного курса методологического характера, который для своего времени был нов. Да и после Ключевского не часто появлялись подобные курсы.

В историографической литературе курс Ключевского по методологии подвергался особенно острой критике. Ключевского упрекали в том, что его философские и социологические взгляды не были достаточно определенными и четкими, что они отличались эклектизмом, что Ключевский рассматривал исторический процесс в идеалистическом плане, что ему чуждо понятие классовой структуры общества, что он воспринимал общество как явление, лишённое антагонистических противоречий, и ничего не говорил о классовой борьбе, что он неверно понимал такие понятия, как «класс», «капитал», «труд», «формация» и т. п. Упрекали Ключевского и за то, что ему не удалось перейти «порог к марксизму». Этому курсу предъявлялись требования исторической науки другой эпохи. Но и тогда, при негативной в целом оценке «Методологии» Ключевского, названный курс ценился как научный поиск ученого, подчеркивался новаторский для своего времени характер постановки проблемы. Безусловно, размышления крупнейшего историка России об истории как науке, об историческом процессе и его закономерностях, о прогрессе, о методе и приемах исторического исследования представляют определенный научный интерес.

Над методологическими вопросами Ключевский задумывался давно и с первых же, еще доуниверситетских, лекций обращал на них внимание своих слушателей. Сохранившиеся от тех лет материалы (программы и отдельные тексты) показывают, что первая лекция зачастую отводилась им для «вступительных бесед». В них он нередко касался таких вопросов, как предмет истории, ее польза, научное значение местной (т. е. отечественной) истории, взгляд на историю своих предшественников (Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и др.), пояснял задачи, главное содержание и периодизацию собственного курса. Говорил Ключевский и о взаимосвязи современности и прошедшего, которое лежит раскрытой книгой, и «нехорошо не уметь читать в ней; еще хуже уметь читать, чего в ней не написано». «Характер времени, в которое мы живем, впечатления, под которыми мы выросли, — читаем в одном из набросков, — не должны действовать на выводы исторического изучения; но нет беды, если они частью определяют его программу, подсказывают вопросы,

не подсказывая их решение»¹. Ответом Ключевского на потребности исторической науки и высшего исторического образования в России того времени явился его методологический курс.

Ключевский называл свой первый специальный курс «Методологией русской истории» — он видел недостатки изучения отечественной истории в известной научной изолированности от западноевропейской науки и хотел восполнить этот пробел. Причины указанного недостатка проистекали, по Ключевскому, от слабости научного контроля и ответственности. Европейский историк, пояснял он, чувствует всю тяжесть взятой им на себя задачи — он должен исследовать так, чтобы не отстать от общего научного уровня и при этом сказать что-либо новое и основательное. Так, французская историческая литература стоит под контролем английской, немецкой, вообще западноевропейской литературы, «а на нашу литературу никто не смотрит, результатов ее работы никто не проверяет» (с. 5—6). Недостаток разработки русской истории приводит к тому, что легко сделать открытие и сказать что-либо новое, найдя давно всем известный, но лежащий в углу нетронутый материал. Таким образом, Ключевский прежде всего ратовал за повышение научного уровня исторического исследования, за профессионализм.

Одной из основных причин, задерживающих изучение родной истории, Ключевский считал даже то, что должно бы двигать ее изучение: «Мы потому плохо ее знаем, что *очень ее любим*» (с. 6). В результате установился особенный взгляд, который делит историю на две особые сферы: на историю всеобщую и историю русскую. «Вот почему и занимающийся всеобщей историей не чувствует интереса к русской, а занимающийся русской редко соприкасается с вопросами истории всеобщей; а между тем метод изучения русской истории может быть выработан только в связи с обобщениями всеобщей истории, может быть логически выведен только из метода общеисторического изучения» (с. 6). Ключевский оперирует понятием «местная история» как составной частью истории всеобщей. «...Научное значение той или другой местной истории определяется, во-первых, *степенью своеобразности ее явлений*, во-вторых, *ее связью с общим историческим движением*» (с. 92).

Цель своего курса Ключевский определял как простое приведение в порядок *общих исторических наблюдений* и выведение метода изучения *местной* (в данном случае *русской*) истории. Методом он называл совокупность приемов изучения, которые разнообразятся в зависимости от характера поставлен-

¹ Отдел рукописных фондов Института истории СССР АН СССР (далее: ОРФ ИИ), ф. 4, оп. 1, д. 1, л. 1 об.

ных задач, а задачи определяются предметом изучения. В течение всего курса Ключевский многократно повторял, что предметом исторического изучения является исторический процесс, «т. е. ряд явлений, которыми он обнаруживается» (с. 70). «Целью исторического изучения,— читаем в начале курса,— служит познание происхождения, хода, условий, форм и природы человеческого общежития», а «конкретными предметами исторического изучения являются союзы, составляющие формы этого общежития» (с. 9); «предметом служат происхождение, развитие и свойства людских союзов» (с. 9). И опять Ключевский повторял: «Предметом этим служит человеческое общежитие, т. е. те людские союзы, в которых оно обнаруживается» (с. 14); «предметом исторического изучения, сказал я, служат человеческие союзы— их развитие, взаимодействие и смена» (с. 31) и т. д. Почему же так упорно повторял Ключевский это положение? Ответ неожиданно находим в одном из его выступлений, произнесенных десять лет спустя по прочтении методологического курса. «Вы думаете, легкое дело растолковать сидящему на школьной скамье понятие об основах людского общежития, об историческом процессе, о закономерности исторической жизни! Я встречал взрослых и по-своему умных людей, которым никак не удавалось усвоить себе самую идею исторического процесса»¹. Как опытный педагог, Ключевский считал, что общие идеи, которые могут показаться элементарными, необходимо продумывать на университетской скамье (в чем он и помогал своим студентам), и только тогда эти идеи станут действительно элементарными.

Ключевский ставил двойной вопрос. С одной стороны, может ли быть предметом исторического изучения, исследующего свойства людских союзов (т. е. общие процессы), одиночная деятельность человека— умственная или художественная? Известно, что произведения ума (идеи) и произведения художественные «вырабатываются не гуртом, не коллективно, а всегда индивидуальными умами, индивидуальными талантами». И с другой стороны, «можно ли эти несомненно исторические явления— произведения ума и художественного таланта— исключать из области исторического изучения». Они, отвечал Ключевский, по своему происхождению не одиночны, они подготовлены совокупной работой известной среды, общества. Не одиночны они и по своему воздействию на явления, касающиеся всех. «Следовательно, как по происхождению, так и по влиянию своему эти произведения усиливают связь между людьми, составляющими известный союз, и в жизни союза не может быть вполне одиночной деятельности» (с. 10, ср. со с. 22).

¹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. VIII. С. 260.

Попутно Ключевский отметил, что «знание может быть предметом самого себя (знание как акт мысли), может быть само для себя объектом...» (с. 17). Другими словами, Ключевский говорил здесь о правомерности изучения истории самой науки, о том, что впоследствии, как известно, оформилось в специальную отрасль знания—в «науку о науке», «науковедение».

Последовательно проводя идею исторического процесса, исторического движения, Ключевский советовал не останавливаться на современном состоянии как на чем-то твердом, как на застывшем последнем историческом моменте (к сожалению, распространенный порок многих исследователей). Настоящее время, убеждал он,—это также субъективное представление, абстракция, т. е. фикция. «В исторической действительности нет ни прошедшего, ни настоящего, а есть только непрерывное течение»; «едва наблюдатель успеет схватить своим наблюдением бегущую минуту, известные текущие явления, как схваченное им представление становится уже анахронизмом: оно отражает в себе уже не то, что идет, а то, что прошло», «не то, что есть, а то, что было» (с. 73 и 397).

Итак, главным предметом исторической науки Ключевский считал изучение эволюции людских союзов. Он называл два вида таких союзов. Это—«первичные, или естественные», союзы, которые возникают под влиянием инстинкта (сюда входят первобытное бессемейное общество, семья—материнская и патриархальная, род, триба и племя), и вторичные, «производные, или искусственные» (государство, церковь), которые строились на основе сознательно поставленной цели.

Нет необходимости сжато пересказывать конкретное содержание курса—читатель сам может прочитать подлинный текст. Поэтому не будем говорить о том, как Ключевский раскрывал поставленные проблемы, как рассматривал «исторические силы» (природа страны; физическая природа человека; личность и общество), «элементы общежития», их формы и взаимодействия, что именно говорил об исторических законах и прогрессе, как характеризовал общие исторические теории Боссюэта, Лорана и Гегеля. Ключевский пришел к выводу, что «теории, с одной стороны, шире, а с другой—уже истории; они не совпадают с историей, хватают то дальше ее, то не захватывают всей ее области, вообще, входят в нее клином» (с. 58). Телеологическая и метафизическая теории, говорил Ключевский, показывают, *откуда* идет история и *куда* она направляется. Но для историка важно не это, историк изучает процесс, само движение, поэтому для него важно, как совершается это движение. «Я хочу сказать,—подытоживал Ключевский,—что философия истории и история—это две различные сферы ведения, которые никогда не сойдутся: здесь господствуют различные начала и различные

методы изучения: философия истории есть философия, а не история; история, следовательно, должна быть сама собой, не переходя в философию». Задача исторического изучения гораздо скромнее, она «ограничивается указанием доступной наблюдению связи и преемственности явлений, не восходя к исходному пункту этих явлений и не спускаясь к коиечным их целям» (с. 61). Ключевский указывал на три момента общего исторического процесса: общение или столкновение союзов; поглощение или слияние; историческая передача — и достаточно подробно характеризовал их. И только после всего этого с середины XIV лекции Ключевский переходил к рассмотрению своей главной задачи курса «Методология русской истории» — к методам изучения истории.

Он указывал на два метода исторического изучения — субъективный и объективный, которые различаются приемами и задачами изучения. Исходным пунктом субъективного метода Ключевский называл современное состояние общества, задача которого состоит в показе постепенного роста современной культуры. Вследствие такого подхода история получает значение пояснительного приложения, историческое изучение становится нравственно-педагогическим средством и руководством для практической деятельности. Полнота исторического изложения зависит от личных познаний историка, который может рассказать только то, что знает и понимает сам. Таким образом, «историческое изучение отправляется не от исторического явления, а от личного кругозора изучающего, т. е. не от изучаемого объекта, а от изучающего субъекта, и, следовательно, исходным пунктом изучения становится точка зрения изучающего», а исторические явления подбираются по личному усмотрению автора: «одни преимущественно следят за движением идей, другие за ходом материальных факторов». Поэтому в прошедшем то подбираются факты экономической жизни, то сосредоточивается внимание на устройстве управления и его формах, то уделяется место успехам знаний. При этом историки, получившие литературно-философское образование, замечал Ключевский, обычно опускают развитие математических и физических знаний. Субъективный метод Ключевский назвал облегченным способом исторического изучения, а его приемы, суть которых составляют «подбор явлений, оценка их и связь», отличаются капризной изменчивостью (с. 71, 72, 89—90, 396).

При объективном методе изучения истории за точку отправления избирается не изучающий субъект, а изучаемый объект. Само историческое движение, «последовательно создающее и разрушающее различные состояния, или различные формации общежития», и составляет задачу исторического изучения (с. 73). При таком понимании задач исторической науки изуча-

ющему, указывал Ключевский, нет нужды подбирать явления, потому что для него «все явления суть обнаружения исторического движения». При объективном методе изучения истории приемы субъективного метода не годятся. Ключевский называл и подробно охарактеризовал три приема объективного метода: «наблюдение явлений, сопоставление явлений и обобщение явлений» (с. 74). Эти приемы, подчеркивал он, существуют не отдельно, а составляют «последовательные моменты исторического познания, ступени, на которые последовательно восходит изучающий историю». Вступление на каждую ступень, замечал Ключевский, подготавливается предварительной работой, «правила которой составляют в совокупности критику» (с. 88): критику источников, прагматическую критику и, наконец, высшую историческую критику. Историк в своей практической деятельности, утверждал Ключевский, должен уметь пользоваться всеми видами приемов и методов исторического изучения. «Итак,—делал Ключевский заключительный вывод,—отдельные приемы изучения местной истории должны вести к одному конечному результату—к составлению ее общей схемы». «Указанием этой конечной задачи я заканчиваю изложение общих оснований исторической методологии в приложении к изучению местной истории и переходу к другой части наших занятий—к изучению терминологии русских исторических источников» (с. 93).

Приступая к чтению цикла специальных курсов, Ключевский обращал внимание слушателей на то, что первое и самое большое затруднение при изучении источников далеких времен составляет их терминология: «Множество терминов, встречающихся в памятниках нашей истории, до сих пор затрудняют даже нас, специалистов, и тем более будут затруднять вас, начинающих» (с. 7). Уже в ранних курсах по русской истории, читанных до университета, в «Боярской думе древней Руси» и в других работах Ключевский по ходу изложения разъяснял вышедшие из употребления труднопонимаемые слова и выражения. Тогда же, с 1870-х годов, он начал собирать материал для терминологического словаря—делал выписки из источников, указывал издания документов, где встречал заинтересовавшие его термины, писал небольшие тексты к ним. Эта работа, к сожалению, осталась незавершенной. Результатом упорной изыскательской работы над письменными древнерусскими памятниками историка—крупнейшего знатока и исследователя источников, автора глубоких конкретно-исторических работ—явились лекции «Терминология русской истории». Да и сами эти лекции представляют собой ряд небольших исследований об отдельных древнерусских терминах. В исторической науке ни до, ни после Ключевского нет другого целостного изложения древнерусской терминологии—этот курс Ключевского уникален.

В 1884/85 учебном году Ключевский прочитал только первую часть курса по терминологии (лекции I—VIII); вторая их часть (лекции IX—XI) читалась осенью 1885 г. и литографировалась отдельно.

Лекции начинаются определением предмета. «Под терминологией русской истории я разумею,—говорил Ключевский,—изучение бытовых терминов, встречающихся в наших исторических источниках», «смысл или происхождение которых для нас уже не ясны» (с. 94).

Ключевский оговорил, что построил курс не по образцу исторических словарей, где материал располагался в алфавитном порядке вне зависимости от их проблематики, назначения и времени действия. Он рассматривал термины в исторической перспективе, положив в основу изложения проблемно-хронологический принцип: «...исторические термины мы будем изучать по разрядам исторических явлений», т. е. «по составным элементам или отдельным течениям нашей исторической жизни», «сначала изучим термины политического быта, потом юридического и, наконец, экономического» (с. 93, 94). Хронологически названные темы разделялись на три периода: до середины XIII в.; удельные века (XIII—XV вв.); термины времени Московского государства (XVI, XVII вв.). Иногда делались экскурсы и в XVIII в. Внутри этих периодов группы терминов рассматривались, по выражению Ключевского, «сверху вниз», т. е. от верховной власти до низших слоев населения.

И в курсе по методологии и в курсе по терминологии Ключевский утверждал, что такой порядок изучения дает возможность сводить явления того или другого разряда (именно явления политические, юридические и экономические) «в особую обобщающую их формулу», а из этих отдельных формул можно «вывести общую схему нашей истории». Таким образом, и разработка терминологии должна была способствовать главному — изучению общего процесса развития исторических явлений, выполняя тем самым «одно из требований исторического метода к изучению нашей истории» (с. 93, 103). Насыщенные богатейшим материалом, терминологические лекции по-своему передают историю страны, высвечивая важные ее стороны и детали.

Сами термины — «Русь», «земля», «удел», «князь», «царь», «дружина», «бояре», «гости», «старцы градские», «холопы» и многие другие — давались в движении, т. е. говорилось об их происхождении, значении, иногда многозначном (например, слово «Русь»: «Русь — племя», «Русь — сословие», «Русь — область», «Русь — государственная территория»), прослеживалось последующее развитие термина. Указывались и имеющиеся в исторической литературе разногласия и мнения историков по поводу толкования, происхождения тех или иных понятий и терминов.

В лекциях Ключевского как бы слышится его живая, образная речь—профессор проводил аналогии с современностью, использовал поговорки, объяснял сохранившиеся названия улиц и слобод, давал яркие штрихи быта. У Ключевского превращалось в запоминающиеся картины даже, казалось бы, сухое описание делопроизводства, внешнего вида столбцов (узкие, длинноватые лоскутки бумаги, склеенные в длинные ленты: «мы теперь знаем столбцы аршин в 70 и в 100»); каверзные резолюции дьяков («нстинное бедствие для читателей древнерусских актов; обыкновенно такую резолюцию на две трети ее содержания прочтешь лишь по догадке») и т. п. То тут то там сквозит легкая усмешка историка и над собой и над своими коллегами. «Подьячий писал не так, как пишем мы, именно потому, что писал не на наших листах. Древнерусскому подьячему не нужно было стола: лоскуток лежал на коленях, чернильница висела на шее», и он строчил с необыкновенной быстротой. «Вот из таких-то мастерских и вышел тот громадный письменный материал, около которого мы до сих пор ходим, только в некоторых пунктах успев проникнуть в глубь его» (с. 190—191). Вместе с тем Ключевскому была свойственна известная модернизация—он переносил понятия и категории современного ему буржуазного общества на эпоху древней Руси (к примеру, в XII в. он видел промышленный капитал и крупные промышленные города).

Согласно общему замыслу, Ключевский начинал с характеристики и анализа основных терминов «политического быта», т. е. терминов, «которыми обозначались: государственная территория и ее административные подразделения, верховная государственная власть, деления общественные и органы управления» (с. 94). Точно по всем этим темам изложены последующие восемь лекций.

Известно, что Ключевского всегда отличал научный интерес к истории социального строя русского общества и к взаимоотношению классов (об антагонистическом их характере не говорил). «В истории общественного класса различаются,—писал он в «Боярской думе»,—два главные момента, из которых один можно назвать экономическим, другой политическим»¹. Это положение развивал он и впоследствии. Нарастающий интерес к данной проблеме сказался и на терминологическом курсе, где теме «общественное деление» отведены три лекции. И здесь он говорил о двойном происхождении классов, которые, по Ключевскому, могут формироваться как на политическом, так и на экономическом основании: сверху—волей власти и снизу—

¹ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. 5 изд. Пг., 1919. С. 5.

экономическим процессом (с. 134 и др.); вел речь о «снятии повинностей», которое начиналось, считал он, в XVIII в. «с верху общества, с высших классов, и долго, до освобождения крестьян, не простиралось на низшие классы» (с. 141), и выводил «схемы» социальной истории (с. 103—107, 140—142). Через год Ключевский прочитал уже целый курс по истории сословий в России (о чем см. ниже).

Самым трудным и запутанным отделом древнерусской терминологии Ключевский считал «термины управления»: «...ни в одной части русских древностей мы не встречаем такого количества темных, неразъясненных слов» (с. 142), наибольшее число неясных терминов создали финансовые и судебные ведомства (с. 158). При характеристике налоговой системы Ключевский для наглядности составил две таблицы. Первая — «Таблица прямых и косвенных (торговые пошлины) налогов древней Руси» (с. 166) и вторая — «Таблица податных единиц, по которым разверстывался прямой налог в удельные века и в Московское время» (с. 166—167). «Органы управления в древней Руси» по существу представляют собой разработку сложной и трудной для усвоения темы — история древнерусских учреждений, — начатой Ключевским в труде «Боярская дума древней Руси».

Завершают курс термины «экономического быта», где рассмотрены два круга проблем, связанных с изучением жилых мест (города, слободы, села, деревни) и древнерусской денежной системы. В исторической литературе специалистами отмечалось особенно важное значение разделов, посвященных денежной терминологии древней Руси, чему непосредственно предшествовали такие работы Ключевского 1884 г., как «Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему» и «О хлебной мере в древней Руси».

В архиве ученого хранятся фрагменты его собственноручных записей к курсу «Терминология русской истории» (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 81). Они дают возможность судить о том, как готовился Ключевский к своим чтениям. Для себя он не писал полные тексты, а фиксировал лишь узловые формулировки, которые в устной речи развивал, объяснял и в некоторой степени популяризировал. Здесь же хранятся и выписки из источников, большинство из которых в ходе лекции цитировалось. Эти материалы, так же как и материалы для терминологического словаря (там же, д. 84—85), привлечены для составления комментариев к основному тексту лекций.

Курс «История сословий в России» получил наибольшую известность из всех специальных курсов Ключевского. Он читался с сентября по декабрь 1886 г. За это время Ключевский успел прочитать в аудитории неполные 20 лекций, так как с января 1887 г. обязан был, согласно новому университетскому

уставу (1884 г.), приступить к чтению «Русской истории» и «уложить» прежний двухгодичный курс (четыре полугодия) за два полугодия одного года. Естественно, что в таких условиях Ключевский не имел возможности довести до конца «Историю сословий». Однако он нашел компромиссный выход: специально для литографического издания продиктовал у себя на дому А. И. Юшкову окончание 20-й лекции, 21-ю, 22-ю и «Обзор прочитанного и главный вывод»¹. В середине февраля 1887 г. эта литография уже вышла в свет, подготовленная тремя тогдашними студентами третьего курса — А. И. Юшковым, который возглавлял работу и был ее издателем, А. А. Кизеветтером и В. Н. Сторожевым. Впоследствии, уже по смерти В. О. Ключевского, Юшков учел пометы своего учителя, сделанные им на личном экземпляре издателя, и трижды типографски опубликовал этот курс: в 1913, 1914 и 1918 гг.

Ключевского всегда отличал глубокий исследовательский интерес к социальной истории России, особенно к истории правящих классов — боярства и дворянства — и к истории крестьянства. Курс «История сословий в России» органически вырос из предыдущих работ ученого и непосредственно был связан с такими его трудами, как «Боярская дума древней Руси» (1882 г.), «Происхождение крепостного права в России» (1885 г.), «Подушная подать и отмена холопства в России». Последняя работа одновременно с чтением названного курса печаталась тогда в журнале «Русская мысль» (№ 5, 7, 9, 10 за 1886 г.). Тесным образом эти лекции соприкасаются и с курсом «Терминология русской истории», где «общественному делению» уделялось значительное место. Оба курса во многом перекликались и развивали друг друга. Видимо, не случайно Ключевский прочитал «Историю сословий» сразу по завершении курса по терминологии, несколько отодвинув тем самым чтение лекций по источникам русской истории, как это сначала им предполагалось.

Тема истории сословий была для Ключевского остро современной. «...Научный интерес к истории нашего общества, — говорил он, — был возбужден его недавней перестройкой (имеется в виду крестьянская реформа 19 февраля 1861 г. — Р. К.); вот почему мы еще так мало знаем эту историю. Между тем исторический склад нашего общества, может быть, и сообщает всего более общенаучного интереса нашей истории. Этот склад очень своеобразен, и наблюдения над его ходом могут пригодиться при изучении какой угодно части исторической науки» (с. 250). Своим курсом Ключевский и хотел восполнить этот пробел.

¹ Ключевский В. О. История сословий в России. 3 изд. Пг., 1928. С. 266.

Излагая историю сословий, Ключевский по существу показывал несправедливость сложившихся отношений. Он проводил мысль о временном характере сословного деления общества, подчеркивал его преходящее значение, обращал внимание на то, что «бывали времена, когда сословий еще не было, и наступает время, когда их уже не бывает» (с. 236). И в качестве такого исторического примера указывал на историю Западной Европы. Для раскрытия этой темы он отводил параграф под характерным названием: «Постепенное исчезновение сословных различий — общий факт европейской истории» (с. 233). Он утверждал, что сословное неравенство — явление историческое (т. е. не вечное), «исчезающее почти всюду в Европе; сословные различия все более сглаживаются в праве» (с. 233), «уравнение сословий есть одновременно торжество и общего государственного интереса, и личной свободы. Значит, — заключал он, — история сословий вскрывает нам два наиболее скрытые и тесно связанные друг с другом исторические процесса: движение сознания общих интересов и высвобождение личности из-под сословного гнета во имя общего интереса» (с. 244). Ключевский надеялся на мирное, постепенное разрешение этой проблемы и для России.

В исторической литературе отмечалось, что курс «История сословий в России» был одним из самых смелых курсов Ключевского. Так, М. Н. Тихомиров писал, что этот курс несколько отличается от более поздних трудов ученого своими более прогрессивными взглядами: «Достаточно сказать, что Ключевский в «Введении» к этому курсу отмечает даже постепенное отмирание сословий, а это в условиях реакции времени Александра III было выступлением, нежелательным для официальных кругов»¹. М. В. Нечкина еще сильнее подчеркнула эту сторону. К примеру, приводя следующую выдержку из текста Ключевского, М. В. Нечкина таким образом комментировала ее: «Воинская повинность падает на всех граждан в возрасте, способном нести ее, потому все граждане участвуют в выборе народных представителей», — говорит Ключевский с кафедры в стране, где нет народных представителей, но существует общая воинская повинность. Государственный порядок состоит «из двух параллельных рядов» — обязанностей граждан и соответствующих прав. «Вот оба эти ряда: общая воинская повинность и общее голосование», — говорит с кафедры Ключевский в стране, где нет общего голосования»². И далее М. В. Нечкина приводила выдержки из «Истории сословий», в частности об утопиче-

¹ Тихомиров М. Н. Послесловие // Ключевский В. О. Сочинения. Т. VI. М., 1959. С. 468.

² Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 275.

ских мечтах Ключевского об устройстве общества будущего, где капитал, быть может, утратит политический вес и уступит свое место иной силе — науке, знанию, где в государственном механизме вместо неравенства и сословий будут ученые степени, а в законодательных собраниях депутаты с имущественным цензом очистят скамьи для делегатов ученых обществ с дипломами. Капитал перестанет быть движущей силой общества — его заменит авторитет знания: будущее государство будет устроено по образцу школы с разделением на учеников и учителей и с подразделением последних на старших и младших. «Можно еще раз удивиться, — читаем в исследовании М. В. Нечкиной, — что подобного рода лекция не привлекла к себе внимания университетского надзора»¹.

Курс «История сословий в России» состоит из 22 лекций и краткого заключения. По объему это был самый большой из всех специальных курсов Ключевского. Открывается он широким теоретическим введением, занявшим первые четыре лекции. Как обычно, Ключевский начинал с определения предмета курса и с мотивировки его хронологических граней: предмет — «Краткий обзор истории сословий в России до издания сословных жалованных грамот императрицы Екатерины в 1785 г.». Конечную крайнюю дату Ключевский объяснял тем, что законодательными актами Екатерины «завершилось образование русских сословий, начатки которого кроются в самом возникновении древнерусского Московского государства» (с. 225). Такая четкая и обоснованная датировка ввела в заблуждение некоторых историков, посчитавших этот курс завершенным. Между тем, как отмечалось выше, из-за нехватки лекционного времени Ключевский вынужден был прервать чтение, окончив характеристику истории сословного строя русского общества не периодом царствования Екатерины II, как то им было обещано, а царствованием Петра I.

Во вводной части курса, так же как и в лекциях по терминологии, поясняя «понятие о сословии», Ключевский опять говорил об их двойном происхождении — политическом и экономическом. Первое он связывал с насильственным порабощением общества вооруженной силой, второе — с «добровольным политическим подчинением его классу, достигшему хозяйственного господства в стране» (с. 236, 239).

Как всегда, Ключевский знакомил со спецификой основных источников темы и с историей ее изучения. Одному из историографических параграфов он дал весьма выразительное название: «Скудость литературы по истории сословий в России», тем

¹ Там же. С. 276.

самым сразу подчеркнув почти полную неизученность темы.

Завершает вводную часть обоснование периодизации истории сословий в России. Автор подразделяет ее на четыре периода. В первом периоде — «с IX до конца XII в.» — основанием сословного деления, по Ключевскому, было «завоевание или вооруженное давление»; во втором — «удельные века (XIII, XIV и XV)» — «хозяйственный договор с князем»; в третий период — «Московское государство (в XVI и XVII вв.)» — «различие государственных повинностей» и в четвертом (XVIII в.) — «различие государственных и гражданских прав» (с. 251—252). Согласно этой периодизации Ключевский и излагал насыщенный богатым фактическим материалом курс.

Цикл специальных лекций Ключевского — ценный памятник исторической мысли, отразивший многообразие творческих интересов ученого, его эрудицию и мастерство. Эти курсы важны, конечно, прежде всего для исследования научного творчества историка. Но они не менее важны для изучения истории высшего образования в России, для развития исторической науки в целом, для истории русской культуры. Конечно, со времени создания Ключевским специальных курсов прошло много лет, и историческая наука ушла вперед. Но верно и то, что труды и размышления талантливого ученого остаются полезными всегда — и профессионал-историк может почерпнуть из них многое, и начинающий ученый, и студент, и писатель, пишущий на исторические темы, и читатель, любящий историю и желающий углубить свои познания.

* * *

Три специальных курса В. О. Ключевского, вошедших в состав шестого тома Сочинений ученого, были литографированы сразу же по их прочтении. Два из них уже после смерти автора были напечатаны типографски — это «История сословий в России» и «Терминология русской истории». Курс же «Методология русской истории» до настоящего издания оставался неопубликованным. При жизни Ключевского он литографировался дважды вместе с лекциями по терминологии. В текстах обоих курсов подзаголовков к лекциям нет. Внутренние подзаголовки даны там в строку и выделены жирным шрифтом разной толщины.

В целях унификации с общим «Курсом русской истории» и для удобства читателей эти внутренние подзаголовки повторены, как и там, в начале каждой лекции.

Курс «Методология русской истории» печатается по более отработанному второму изданию литографии. Однако в первом издании имеется ряд опущенных впоследствии мест, где Ключев-

ский подробнее пояснял свои подходы к теме. Так как эти тексты представляют определенный интерес, то они включены в основной корпус публикации с соответствующими оговорками в комментариях. В приложении также впервые печатается проспект курса, составленный Ключевским в 1884 г., до начала чтения лекций: «Содержание и программа курса. Цель его. Методология».

В 1959 г. курс «Терминология русской истории» был опубликован в составе шестого тома Сочинений В. О. Ключевского (курс был подготовлен к печати Р. А. Киреевой). По этому тексту он публикуется и сейчас. В настоящем издании удалось расшифровать все ссылки Ключевского на историческую литературу, которые в прежнем издании остались нераскрытыми. В дополнении к курсу даны два приложения. Это впервые публикуемая «Программа лекций по терминологии русской истории» (с. 401), которая была составлена в виде экзаменационных билетов. Сохранившиеся 24 билета соответствуют первым восьми лекциям, где освещались «термины политического и юридического быта». Термины же «экономического быта», рассмотренные в лекциях с девятой по одиннадцатую, в эти билеты не вошли. Во второе приложение входит фрагмент «Объяснение терминов «изгой» и «изгойство»» (с. 404), который воспроизводится по тексту шестого тома Сочинений В. О. Ключевского 1959 г., где он был помещен в составе комментария к курсу лекций по источниковедению, хотя при этом и указывалось, что публикуемый текст представлял собой приложение к литографии курса по терминологии¹.

В настоящей книге «История сословий в России» воспроизводится по последней публикации в шестом томе Сочинений В. О. Ключевского 1959 г. Текст был подготовлен А. А. Зиминым и В. А. Александровым. В его основу положено третье издание А. И. Юшкова (Пг., 1918) как наиболее полное и литературно отработанное. Дополняет курс приложение, сделанное Юшковым к этому изданию, где приведены разночтения, т. е. фрагменты текста, которые произносились в устных лекциях, но были исключены Ключевским при подготовке литографии².

Примечания Ключевского, его пометы на полях и над строкой, зачеркивания и исправления, а также ссылки на источники и литературу, имеющиеся в авторском экземпляре литографий, даются в комментариях. Подчеркивания Ключевского передаются курсивом. Безоговорочно раскрыты сокраще-

¹ Комментарии к кн.: *Ключевский В. О. Сочинения*. Т. VI. С. 473.

² *Ключевский В. О. История сословий в России*. С. 235—270.

ния общеупотребительных слов: д. быть—должно быть; ист., истор.—исторический; кк—как; к-рый—который; напр.—например; примеч.—примечание; р.—русский; соч., сочин.—сочинение; хронол.—хронологический; эт.—это. Остальные сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Шестой том подготовлен к изданию и прокомментирован Р. А. Киреевой при участии В. Г. Зиминной. Именной указатель составлен В. Г. Зиминной.

КОММЕНТАРИИ

МЕТОДОЛОГИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Публикуется впервые. В основу настоящего издания положено второе литографическое воспроизведение, озаглавленное: «Лекции по русской истории э. орд. пр[офессора] В. О. Ключевского 1884—85 ак. г.» — Отдел рукописных фондов Института истории СССР АН СССР (далее: ОРФ ИИ), ф. 4, оп. 1, д. 82. Литография с авторской правкой.

В публикуемый текст в нескольких случаях под двойной нумерацией через тире (например, ^{1—1}) внесены фрагменты из первого издания литографии, исключенные автором при втором издании лекций, но имеющие важное значение для понимания общих взглядов В. О. Ключевского.

^{1—1} Текст во втором издании отсутствует.

^{2—2} Текст во втором издании отсутствует.

^{3—3} Текст во втором издании отсутствует.

⁴ Три слова написаны над строкой.

^{5—5} Текст во втором издании отсутствует.

^{6—6} Текст во втором издании отсутствует.

⁷ Написано над: вторичные.

⁸ «Примеч[ание]: В исторической терминологии часто смешивают последние два термина: триба и племя».

⁹ «Примеч[ание]: См. хорошо и приятно написанное сочин[ение] — Giraud Teulon. «L'origine de la famille» [P., 1884] — «Происхождение семейства»; эта маленькая французская книжка так хорошо формулирует факты, ею исследуемые, что с нею можно познакомиться в короткое время».

¹⁰ Два предыдущих слова написаны над: столб, вокруг.

^{11—11} Текст во втором издании отсутствует.

^{12—12} Текст во втором издании отсутствует.

¹³ «Примеч[ание]: Этот термин здесь употреблен в условном смысле. В древнем языческом мире существовали религии, выразившиеся в

известном жизненном строе; их не принято обозначать словом «церковь»; церковь есть религиозный союз с характером вселенским, который появился тогда, когда явилось понятие об общем, едином Боге вместо богов племенных; но для удобства можно распространить этот термин и на другие религиозные союзы».

¹⁴ «Примеч[ание]: Сословие, напр[имер], союз частный, государственный».

¹⁵ Три предыдущих слова написаны над: сменяли собою.

¹⁶ Два предыдущих слова написаны над строкой.

¹⁷ Написано над: произ[вольный].

¹⁸ Шесть предыдущих слов написаны над: не сознает себя.

¹⁹ Шесть предыдущих слов написаны над строкой.

²⁰ На полях: В государстве — тоже инстинкты, но прошедшие через сознание и превратившиеся в расчеты.

²¹ Исправлено из: общину.

²² На полях: Связь искусств[енных] союзов с естественными; цели — это сознанные полезные следствия инстинктивн[ых] союзов.

²³ Два предыдущих слова написаны над строкой.

²⁴ Над строкой написано: доверие — интер[ес] нравств[енный].

²⁵ «Примеч[ание]: Термин этот не отличается точностью; «сложный» и «элемент» — это два понятия, собственно борющиеся друг с другом; элемент есть понятие о чем-то простом. Элемент сложный не есть нечто сложное, а нечто, вышедшее из простого и тоже простое». [Это прим. в первом издании отсутствует.]

²⁶ Исправлено из: физической организацией.

²⁷ Название во втором издании отсутствует.

²⁸ Текст во втором издании отсутствует.

²⁹ Слово написано над: право.

³⁰ Слово написано над строкой.

³¹ Буквы «ор» написаны над строкой.

³² Над строкой написано: данный.

³³ Буквы «ор» написаны над строкой.

^{34—34} Текст во втором издании отсутствует.

³⁵ «Примеч[ание]: автентичный — написанный туземным историком».

³⁶ «Примеч[ание]: у Gigaud Teulon'a представлена даже схема, изображающая порядок наследования в таком роде; этот порядок исключает собственных детей владельца и передает имущество в боковую линию — потомству, нисходящему от сестры».

³⁷ «Примеч[ание]: Единородного — в смысле, противоположном единоутробному, — т. е. от отца».

³⁸ «Примеч[ание]: т. е. которая сама, без помощи других удовлетворяла всем своим потребностям».

³⁹ «Примеч[ание]: Основание это и послужило основной мыслью в исследовании Фюстель де Куланжа об античном патриархальном роде».

⁴⁰ «(Пропущено:) иногда сначала Египта, потом Индии».

⁴¹ В рукописи ошибочно: посещенные.

⁴² В рукописи ошибочно: составляют.

⁴³ Написано на полях.

⁴⁴ ««Lettres sur la Philosophie de l'histoire» par Odysse-Barot» [P., 1864].

ТЕРМИНОЛОГИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Курс «Терминология русской истории» впервые опубликован в Сочинениях В. О. Ключевского. Т. VI. М., 1959. С. 129—275.

- ¹ «И идоша за море к Варягом, к Руси, сице бо тин звахуся Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие [в Лаврентьевской летописи: Свое], друзии же Урмане, Анъгляне, друзии Гъте, тако и си». См. Летопись по Лаврентьевскому списку (далее: Лаврентьевская летопись). СПб., 1872. С. 18—19.
- ² Лаврентьевская летопись. С. 23.
- ³ См. Лаврентьевская летопись. С. 35—36.
- ⁴ См. там же. С. 25.
- ⁵ Летопись по Ипатскому списку (далее: Ипатьевская летопись). СПб., 1871. С. 379.
- ⁶ Ипатьевская летопись. С. 455.
- ⁷ См. Ипатьевская летопись. С. 456.
- ⁸ См. Лаврентьевская летопись. С. 34, 35.
- ⁹ Лаврентьевская летопись. С. 63.
- ¹⁰ Там же. С. 69. Также, рассказывая о мире Ярослава с братом Мстиславом, Начальная летопись замечает, что они «разделиста по Днепръ Русьскую землю»: Ярослав взял правую, а Мстислав левую сторону Днепровья. Там же. С. 145.
- ¹¹ См.: Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. 3. СПб., 1841. С. 41. Волости. См. Собрание государственных грамот и договоров (далее: СГГД). Ч. 1. М., 1813. № 34. С. 59; № 144. С. 390, 395.
- ¹² «Об и по: Помостье и помѣстье».
- ¹³ Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства (далее: АЮ). Т. I. СПб., 1838. № 71/III. С. 110.
- ¹⁴ «Грамота Юрия II 1335 г.». Карамзин Н. М. История государства Российского (далее: Карамзин). Кн. I. СПб., 1842, примечание к IV т. № 276. С. 110.
- ¹⁵ «Буслаев, 90». См.: Буслаев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык. М., 1848. С. 90.
- ¹⁶ «Князь и княгиня—молодые. Кнй—князь».
- ¹⁷ «Игорь и Свенельд».
- ¹⁸ «Нет политического источника власти, задачи—идеи общего блага, делающей эти права обязательными».
- ¹⁹ «Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций». Изд. Н. Калачов (далее: Русская Правда). М., 1846, сп. Троицкий, ст. IV. С. 6.
- ²⁰ ПСРЛ. Т. 1. СПб., 1846. С. 199.
- ²¹ Лаврентьевская летопись. С. 32.
- ²² О происхождении термина см.: Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. I. СПб., 1890. С. 297 и след.; Сабинин С. О происхождении наименований: боярии и боярин // Журнал Министерства Народного просвещения (далее: ЖМНП). 1837. Ч. XVI. Отд. II. С. 42—85.
- ²³ Ипатьевская летопись. С. 434.
- ²⁴ «Холопы боярские, тиун боярский».
- ²⁵ «Огнищанин».
- ²⁶ См. Слово о полку Игореве. Изд. Н. С. Тихонравова. М., 1868. С. 8.

²⁷ Ланге Н. И. Исследование об уголовном праве Русской Правды (далее: Ланге). СПб., 1860. С. 78, 79; Соловьев С. М. История России с древнейших времен (далее: Соловьев). Т. 1. М., 1851, прим. 346 к стр. 219; Бестужев-Рюмин К. Русская история (далее: Бестужев-Рюмин). Т. 1. СПб., 1872. С. 113, прим. 27.

²⁸ См. Лаврентьевская летопись. С. 23.

²⁹ См. там же. С. 127.

³⁰ «Gridkopa. Сага Олафа, 52, 58». См. Извлечение из Саги Олава, сына Триггвиева, короля Норвежского, и в оригинале и в Российском переводе С. Сабнина // Русский исторический сборник. Т. 4. Кн. 1. М., 1840. С. 52, 58.

³¹ Эверс Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С. 246.

³² «Слуги, что под дворским». Детские — Михалон Литвин. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Изд. Н. Калачов (далее: Архив Калачова). М., 1854. Т. 2. Ч. 2. Отд. V. С. 39; Напьерский К. Е. Русско-Ливонские акты (далее: Напьерский). СПб., 1868. № XLIX. С. 27; Мрочек-Дроздовский П. Исследования о Русской Правде. Б. г. С. 100.

³³ «Но в XIV—XV существовало: «Слуги вольные» и «слуги, что под дворским».

³⁴ [Напьерский. С. 438—439].

³⁵ Лаврентьевская летопись. С. 192—193.

³⁶ [Слово о полку Игореве. С. 2]; ср. ПСРЛ. Т. 3, под 6695 г. С. 19; Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства (далее: Беляев. Лекции). М., 1879. С. 187; Акты, относящиеся к истории Западной России (далее: АЗР). Т. 1. СПб., 1846. С. 41.

³⁷ [ПСРЛ. Т. 1. С. 22—23].

³⁸ Русская Правда, сп. Троицкий, ст. 44. С. 11; ср. сп. Карамзинский, ст. 69. С. 32.

³⁹ СГГД. Ч. 1. № 9. С. 12.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Смердина — сельское население. Соловьев. Т. 1, прим. № 267 к стр. 167 и стр. 228. См. также: Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен (далее: Татищев). Кн. II. М., 1773. С. 89.

⁴² Лаврентьевская летопись. С. 222.

⁴³ Польское кашубское *smird* — бедный селянин. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1850. С. 201; *смръдель* — сербское. Ното *rudis, inurbanus*. Это селяне или землепашцы, жившие в городе. См. Ипатьевскую летопись под словом «смерды». Черные люди. Соловьев. Т. 3. М., 1853. С. 87; Беляев И. О наследстве без завещания по древним русским законам. М., 1858. С. 26, прим.; Диев И. Изъяснение некоторых выражений Правды Русской // ЖМНП. 1839, май, отд. II, стр. 70—77 — частью верно. Ср. ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851. С. 45. Злые смерды на вече. Карамзин. Кн. II. СПб., 1842, примечание к VI т. № 183. С. 35. Смерды во Пскове. Соловьев. Т. 5. М., 1855. С. 47—50. Смерды по селам живут. Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880. Стб. 47. Смерд — крестьянин на земле княжеской общины. Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в древней России. Опыт по истории русского гражданского права. М., 1869. С. 127.

- ⁴⁴ Русская Правда, сп. Карамзинский, ст. 13 и 14. С. 23; сп. Троицкий, ст. 58. С. 5.
- ⁴⁵ [*Ипатьевский*. № II а. С. 2]; С. 423, § 1.
- ⁴⁶ Ипатьевская летопись. С. 22.
- ⁴⁷ «Izgois — латынск. вышедший. Микуцкий, изъ-гоить, жить».
- ⁴⁸ Изгой, по Дубенскому, — ииогородец, бобыль, водворенный вие города на выгон, на выгонной земле. См. Памятники древнего русского права..., с примечаниями и объяснениями Д. Дубенского // Русские достопамятностн. Изд. ОИДР. Ч. 2. М., 1843. С. 302: человек без родни. *Макарий*. История русской церкви. Т. II. СПб., 1857. С. 224. Не в связи ли с этим значением изгоя позднейшее слово «сирота», поселенец чьей-либо, преимущественно церковной, земли? Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией (далее: ААЭ). Т. I. СПб., 1836. № 5. С. 2—3; № 34. С. 26; № 37. С. 29; ср. о термине: Архив Калачова. Т. 1. Ч. 1. С. 63; Макарьевские Четьи-Минеи. Синодальный список, август, л. 587. В книге *Вопросов Кирика*. Архив Калачова. Т. 2. Ч. 2. Отд. VI. С. 42; *Ланге*. С. 59—60, 67—71.
- ⁴⁹ СГГД. Ч. 1. № 56. С. 120—121.
- ⁵⁰ *Соловьев*. Т. 4. М., 1854, прим. 372.
- ⁵¹ Судебные чиновники в Новгородской земле. *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Т. I, СПб., 1867. Вып. III, гл. XXIX. С. 79; *Дворяне под 1215 г.* ПСРЛ. Т. 3. С. 33; *Даниил Заточник*. Русская Беседа. 1856. № 11. Отд. II. С. 116. *Городские дворяне в Полоцке*. *Соловьев*. Т. 4. С. 229. *Дружина — дворяне*. *Никитский А. И.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893. С. 95; ААЭ. Т. I, № 5. С. 3; АЗР, Т. I. № 80. *Горожане и дворяне боголюбские*. ПСРЛ. Т. 1. С. 157.
- ⁵² [*Ипатьевская летопись*. С. 584].
- ⁵³ [СГГД. Ч. 1, № 23. С. 36].
- ⁵⁴ Под 1171 г. ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843. С. 100; под 1097 г. С. 175; Русская Правда, сп. Карамзинский, ст. 77. С. 34; ср. СГГД. Ч. 1. № 45. С. 92; № 71. С. 158; № 78. С. 180; № 84. С. 197 и др.; *Неволин К. А.* Полное собрание сочинений (далее: *Неволин*. Соч.). Т. VI. СПб., 1859. С. 109.
- ⁵⁵ «Думный дьяк сюда не принадлежит, ибо это должность, а не чин».
- ⁵⁶ ««При затинных пищалях» [осадиных пушках]».
- ⁵⁷ «Все термины взяты здесь из языка памятков того времени».
- ⁵⁸ *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича (далее: *Котошихин*). 3 изд. СПб., 1884. С. [157].
- ⁵⁹ *Котошихин*, гл. X, ст. I. С. 157.
- ⁶⁰ О гостях, см. ДАИ. Т. I. № 147; Т. IV. № 56; ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 288; Акты исторические (далее: АИ). Т. V. СПб., 1842. № 43; *Древняя Российская вивлиофика* (далее: ДРВ). Ч. XV. М., 1790. С. 229—241; ААЭ. Т. II. СПб., 1836. С. 53; ААЭ. Т. II. С. 27.
- ⁶¹ ДАИ. Т. III. № 47; Уложение государя, царя и великого князя Алексея Михайловича (далее: Уложение), гл. XIX, ст. 34; *Чичерин Б.* Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. С. 390, примеч.
- ⁶² *Пригара А. П.* Опыт истории, состояния городских обывателей при Петре Великом // ЖМНП. 1867. № 9. С. 700 и др.

- ⁶³ *Котошихин*, гл. X, ст. 2. С. 157.
- ⁶⁴ ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 46. Русская летопись по Никонову списку (далее: Никоновская летопись). СПб., 1767—1792. Ч. IV. С. 101.
- ⁶⁵ ААЭ. Т. II. С. 53.
- ⁶⁶ *Котошихин*, гл. VII, ст. 13. С. 120.
- ⁶⁷ О слободах см. ДАИ. Т. III. № 47/III; ААЭ. Т. IV. СПб., 1836. № 255. С. 359; АИ. Т. III. № 92, примечания XXIII.
- ⁶⁸ «Боярином назывался всякий рабовладелец, как и служилый землевладелец».
- ⁶⁹ Евр. «кабал». *Голубинский Е. Е.* [История русской церкви. Т. I. Ч. 2]. М., 1881. С. 709, примечание.
- ⁷⁰ «Все эти термины нередко встречаются в исследованиях по нашей истории».
- ⁷¹ «Боярин — не в сословном смысле».
- ⁷² Поучение Мономаха. См. Лаврентьевская летопись. С. 238.
- ⁷³ По назначению князя. См. Ипатьевская летопись. С. 231; Договор Новгорода с Василием III в 1456 г. ААЭ. Т. I. № 57, 58; Жалованная грамота Соловецкому монастырю 1459—1470 г. ААЭ. Т. I. № 62; В Нижнем. *Соловьев*. Т. 20. С. 48; *Бестужев-Рюмин*. Т. I. С. 210. В Твери. *Соловьев*. Т. 3, примечание 460.
- ⁷⁴ Осмничество у Михалона Литвина. Архив Калачова. Т. 2. Ч. 2. С. 67; СГГД. Ч. 1. № 21. С. 32; АЗР. Т. I. С. 145 и 195.
- ⁷⁵ Ср. *Заблоцкий М. П.* О ценностях в древней Руси. СПб., 1854. С. 15, прим. II.
- ⁷⁶ Лаврентьевская летопись. С. 242: «Весь наряд и в дому своемъ то я творил есмь; и в ловчих ловчий наряд сам есмь держал, и в коиюсах, и о соколех и о ястрябех».
- ⁷⁷ В Литве по городам: например, конюший смоленский. АЗР. Т. III. СПб., 1848. № 101. С. 232.
- ⁷⁸ Постельник в XII в. Никоновская летопись. Ч. II. С. 207.
- ⁷⁹ Казначей в Москве в начале XV в. Ив. Ф. Кошкин. Никоновская летопись. Ч. V. С. 27.
- ⁸⁰ Ловчий — волостель стаиа. ААЭ. Т. I. № 150. С. 120—122. Тверской ловчий. У казначея гривна кун и ловчее. См. Ипатьевская летопись. С. 613.
- ⁸¹ «Товар — доход натурой».
- ⁸² «Раззорял бы несправедливыми судебными пенями».
- ⁸³ «Земледельческого; ратай — хлебопашец».
- ⁸⁴ «*Карамзин*. Т. II, прим. 67; домовитые, житые люди; *Соловьев*. Т. 1. С. 219—220, прим. 351, высший разряд дружины, другие — все свободные; *Успенский Г. П.* Опыт повествования о древностях русских. Ч. 1—2. Харьков, 1818, сельские обыватели; *Морошкин Ф. Л.* О владении по началам российского законодательства. М., 1837, сельский хозяин, живший на своей земле; *Рейц А.* Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М., 1836. С. 37 и 69, землевладелец. *Бестужев-Рюмин*. Т. 1. С. 209. Договор Владимира с Болгарами 1006 г.: купцам бы «не ездить по селам и не торговать с тиунами, вирииками, огнищанами и смердами». *Соловьев*. Т. 1. С. 167 и прим. 276. С. 220; [*Татищев*. Кн. II. С. 89]; ПСРЛ. Т. 3. С. 14 под 1166 г. кн. Ростислав позвал на поряд в Лукн новгородских огнищан, гридь, купцов вячших».

⁸⁵ «Ябетник является в Русской Правде в числе чиновников, жизнь которых оплачивалась простой вирой как гридника».

⁸⁶ *Попов А.* Русская Правда в отношении к уголовному праву. М., 1841. С. 100—101. Доводчик. ААЭ. Т. I. № 242. С. 263; Довод — доход, добыча. ПСРЛ. Т. 4. С. 257. Праведчики и доводчики — пошлинные люди. ААЭ. Т. I. № 234. С. 231—233; Смоленский, привилей 1505, ябедники, которые «людей соромотят, и боем клепят» [АЗР. Т. I. № 213. С. 213]. Поклеп и ябетничество у ищеи по уставной грамоте 1555 г. ААЭ. Т. I. № 242. С. 262.

⁸⁷ ДРВ. Т. XX. С. 141. О путях см. *Неволин.* Соч. Т. IV. С. 194—196.

⁸⁸ Путь — оброчная статья, промысловая регалия. Путь у И. Д. Беляева. *Беляев.* Лекции. С. 301.

⁸⁹ «Что будет в тех волостех села или пути». СГГД. Ч. I. № 51. С. 106.

⁹⁰ Коиюшениого пути крестьян. *Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI веке (далее: *Неволин.* Пятины). Изд. 1853, приложения. С. 154.

⁹¹ Путь ловчий и сокольничий. Судебник государя царя и великого князя... с примечаниями В. Н. Татищева (далее: *Татищев.* Судебник). М., 1786. С. 223. Дворцовые разряды. Т. II. СПб., 1851. С. 135.

⁹² Стольник с путем. ААЭ. Т. I. № 261. С. 288.

⁹³ «Оружейничие с путем околичества». Дополнения к III тому дворцовых разрядов. СПб., 1854. С. 85; кравчий с путем выше околичего. Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ). Т. II. СПб., 1830. № 856. С. 293—294.

⁹⁴ «У великих княгинь были свои дворцы с приписаными к ним слугами дворцовыми и землями».

⁹⁵ *Татищев.* Судебник. С. 223; города Посольского приказа. ПСЗ. Т. I. СПб., 1830. № 471. С. 806; посольский двор на Покровке. Дворцовые разряды. Т. III. СПб., 1852. С. 919.

⁹⁶ ««Под управлением» боярина в 1681 г.» Акты Левшиных, № 45. См. Древняя российская вивлиофика. Ч. XI. М., 1789. Указы, наказы, грамоты, памяти и другие канцелярские бумаги, относящиеся до фамилии Левшиных. С. 409—416. Города, ведавшиеся службою и землею в Разряде. ПСЗ. Т. I. № 522. С. 863—869. Разряд Севский и др. ПСЗ. Т. I. № 550. С. 896.

⁹⁷ Поместный приказ упоминается уже в 1566 г. ААЭ. Т. I. № 246. С. 269; *Неволин.* Соч. Т. VI. С. 162; в 1573 г. *Пискарев А. Н.* Древние грамоты и акты Рязанского края (далее: *Пискарев*). СПб., 1854. № 16. С. 30; Поместная изба в 1575 г. Троицкие акты. С. 45; *Владимирский-Буданов М.* Хрестоматия по истории русского права. Вып. 3. Киев, 1885. С. 201. Во главе — дворянин, по грамоте 1611 г.; *Лакиер А.* О вотчинах и поместьях (далее: *Лакиер*). СПб., 1848. С. 219. Думный дьяк в 1672 г. *Пискарев.* № 38. С. 101; *Лакиер.* С. 218, прим. 391 и др. Бояре и дьяки Поместной избы в указе 1607 г. *Чичерин Б.* Опыт по истории русского права. М., 1858. С. 226. Города, которые ведаются землею в Поместном приказе. ПСЗ. Т. I. № 552 и др.

⁹⁸ «Осеинее полюдие даровьное». ДАИ. Т. I. № 2; определенная сумма полюдья. ДАИ. Т. I. № 4. С. 6. Стб. 2; ср. *Беляев.* Лекции. С. 61.

⁹⁹ ААЭ. Т. I. № 32. С. 24.

¹⁰⁰ «Четверть — пахотный участок, засеваемый четвертью ржи, что соответствовало вообще нашей $\frac{1}{2}$ десятины».

¹⁰¹ «Обжа в 10 четвертей, это — 5 десятин в поле, 15 десятин в трех полях: соха=3 обжи=[15×3] 45 десятин».

¹⁰² «Отсюда название: «черносошные люди» — для государственных крестьян древней Руси».

¹⁰³ Временник имп. Московского общества истории и древностей российских. Ки. VI. М., 1850: Писцовая книга. С. 58. «Двор посадской противу обжи, а обжа противу посадского двора, розметом в иаместичь оброк равна». ААЭ. Т. I. № 234. С. 233.

¹⁰⁴ Счетная мудрость, рукопись Общества любителей древней письменности, л. 218; 7 или 8 десятин. *Маржерет*. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского. Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. I. СПб., 1859. С. 271; 30 десятин. *Флетчер Д.* О государстве Русском (далее: *Флетчер*). СПб., 1906. С. 44; АЮ. № 219/II. С. 237; *Неволин*. Пятины. Приложения. С. 130—131.

¹⁰⁵ «К этим словам вообще полезно прибегать при изучении древнерусской терминологии и даже древнерусских юридических явлений».

¹⁰⁶ ААЭ. Т. I. № 166. С. 135. Белые кормы. ДАИ. Т. I. № 78; Кормленая книга 1556 г. С. 65 [Нерехта. См. Боярская книга 1556 г. Сообщ. М. А. Оболенский // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Изд. Н. Калачов. Т. 4. М., 1861. Отд. II].

¹⁰⁷ «Это особый класс крестьян, пользовавшихся правом перехода; он существовал только в северных уездах, где было мало развито служилое землевладение».

¹⁰⁸ «Поморские уезды, это — уезды: Архангельский, Олонецкий, Вяжский и др.»

¹⁰⁹ «Мыг — и место, где взимались пошлыны, и самые пошлыны».

¹¹⁰ «Гостинец — термин, встречающийся еще в Русской Правде».

¹¹¹ *Мейчик Д. М.* Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции (далее: *Мейчик*). М., 1883. С. 45.

¹¹² 48 целовальников в Новгороде 1533 г. и в Пскове 1510 г. 12 псковичей и 12 московичей, — «Правды стержь». *Дмитриев Ф. М.* История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждений о губерниях (далее: *Дмитриев*). М., 1859. С. 41.

¹¹³ *Дмитриев*. С. 245.

¹¹⁴ Лаврентьевская летопись. С. 36.

¹¹⁵ «*Мейчик*. С. 30. Видок и послух. *Мейчик*. С. 50, прим. Свидетели. Судебник 1497 г., ст. 27. Послушеиство, там же, ст. 28 и 36».

¹¹⁶ «Обычай испытания железом и водою... существовал с незапамятных времен». *Соловьев*. Т. I. С. 234 и 235, прим. № 378.

¹¹⁷ Испытания огнем на о. Св. Маврикия // Московские ведомости. 1902. № 281.

¹¹⁸ «Волховь — форма женского рода от волхв — колдун; ср. свекровь и др.».

¹¹⁹ О поле см. История Льва Дьякона Калойского. Изд. Д. Попова. М., 1820, при описании осады Дористола, стр. 85, 87; Михалон Литвин. Архив Калачова. Т. 2. Ч. 2. Отд. V. С. 57; Троицкие акты. № 255; ПСРЛ. Т. 3. С. 168. О поле у Ивашки Пересветова. См.: *Карамзин*, прим. к ки. 3. Т. IX, № 849. С. 177; Стоглав, СПб., 1863,

гл. 41, вопрос 17, стр. 136. Царский указ 21 августа 1656 г. ср. ААЭ. Т. I. С. 272.

¹²⁰ [См. *Напьерский*. § 10. С. 426—429].

¹²¹ В XVI в. присяжная запись на выборную должность. ААЭ. Т. I. № 242. С. 263.

¹²² *Флетчер*. С. 59.

¹²³ «Крестьяне судились церковным судом, епископом — своим вотчинником».

¹²⁴ «Искус Договора Олега с греками [ПСРЛ. Т. I. С. 14]; Русская Правда, сп. Троицкий, ст. 36; *Дмитриев*. С. 263 — старожильцы и повальный обыск».

¹²⁵ «Хула на бога и поджог — сожжение и обасурманение. Перервы богослужения бесчинием, умысел против государя, крамола (бунт, заговор, insidiae, война — крамолу взяти на кого, ополчиться Амарт[ол] XVI в.), сдача города, ложный извет в великом государеве деле (умысел или измена), утайка заговора, скоп и заговор на государя, бояр и воевод, убийство в церкви или в присутствии государя или на государеве дворе, подписка и подделка печатей и денег, отцеубийство, братоубийство, государское убийство, церковная и головная татьба, истязание от холопа, смута, мужеубийство, убийство и подговор к нему, содействие насилию и похищению госпожи со стороны холопа, отравка, детоубийство — смерть. Ведомые лихие люди — разбойники-душегубцы, ябедники, подписчики, тати — смертью. Повешенье. *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве (далее: *Ключевский*. Сказания). М., 1866. С. 122. За прочие вины — малые батоги, большие — торговая казнь. Вира и продажа. Око за око [Уложение, гл. XXII, ст. 10, 11], обнажение оружия при государе — отсечение руки (там же, гл. III, ст. 4), раение на государеве дворе не смертельно — то же (там же, гл. III, ст. 5). Торговая казнь [*Ключевский*. Сказания. С. 123—124]».

¹²⁶ [*Герберштейн С.* Записки о Московии. СПб., 1866. С. 81 и 82].

¹²⁷ [*Олеарий А.* Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию. М., 1870. С. 301].

¹²⁸ «Неопределенный смысл воровства: татьба, зерно, табак». Важнейшие по Судебникам [1-му § 3, *Татищев*. Судебник, ст. 59—61. С. 68—72] и Уложению: ср. *Котошихин*, гл. VII, ст. I. С. 139.

¹²⁹ *Ключевский*. Сказания. С. 120—121.

¹³⁰ *Дмитриев*. С. 276. О правеже. *Татищев*. Судебник. С. 169.

¹³¹ «Эту формулу не следует смешивать с другой: «со всех бояр приговору»; первый приговор есть постановление приказного присутствия, второй — приговор Боярской думы».

¹³² *Котошихин*, гл. VII, ст. 38. С. 132.

¹³³ «Выть на древнерусском языке означала вообще долю; в межевом деле — долю сохи».

¹³⁴ «Напр., в Калужской избе в 1644 г. всего четверо».

¹³⁵ *Ключевский*. Сказания. С. 132.

¹³⁶ Лаврентьевская летопись. С. 8—9.

¹³⁷ Лаврентьевская летопись. С. 57.

¹³⁸ Материалы, относящиеся к истории Тамбовского края: По документам Московского архива Министерства юстиции. Вып. I. Составил И. Н. Николев. Тамбов, 1884. С. 65.

¹³⁹ Лаврентьевская летопись. С. 119.

¹⁴⁰ «В Иоанне Лествичнике». См.: *Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1843. С. 253—254.

¹⁴¹ Лаврентьевская летопись. С. 321.

¹⁴² «Зажгоша болонье около града». Лаврентьевская летопись. С. 224.

¹⁴³ Лаврентьевская летопись. С. 330, а в 1237 г. татары «взяша городов 14, опрочь слобод и погостов». Там же. С. 441.

¹⁴⁴ Никоновская летопись. Ч. 3. С. 78.

¹⁴⁵ «Слобожаном из иных княжений льгота от даии на 20 лет, людям безвытным из Углицкаго княжества или «себе откупив посадят» на 10; судятся монастырскими властями». ААЭ. Т. I. № 102. С. 79; Дачи. Слободы и волости. СГГД. Ч. I. № 46. С. 93.

¹⁴⁶ Стоглав, гл. 98, С. 275.

¹⁴⁷ *Жданов И. Н.* Материалы для истории Стоглавого собора // ЖМНП. 1876. Июль. С. 57, ср. *Павлов А.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. I. Одесса, 1871. С. 36—37.

¹⁴⁸ Русская Правда, сп. Троицкий, ст. 70. С. 15.

¹⁴⁹ Лаврентьевская летопись. С. 116.

¹⁵⁰ Ипатьевская летопись. С. 236.

¹⁵¹ См. Ипатьевская летопись. С. 237.

¹⁵² Лаврентьевская летопись. С. 510.

¹⁵³ Там же. С. 441.

¹⁵⁴ Ипатьевская летопись. С. 162.

¹⁵⁵ Лаврентьевская летопись. С. 224.

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 49.

¹⁵⁷ СГГД. Ч. I. № 64. С. 141.

¹⁵⁸ Лаврентьевская летопись. С. 123.

¹⁵⁹ Русская Правда, сп. Троицкий, ст. 50. С. 12: чужие куиы.

¹⁶⁰ Лаврентьевская летопись. С. 77.

¹⁶¹ Ипатьевская летопись. С. 580.

¹⁶² Лаврентьевская летопись. С. 33—34.

¹⁶³ [Русские достопамятности. Ч. I. М., 1815. С. 77 и сл.].

¹⁶⁴ Ипатьевская летопись. С. 239.

¹⁶⁵ Кадь ржи покупали в дороговизну по 20 гривен. ПСРЛ. Т. 3. С. 46.

¹⁶⁶ «Сколько же денег в фунте в нач. XV в.». *Прозоровский Д. И.* Мошета и вес в России до конца XVIII столетия // Записки Археологического общества. Т. XII. Вып. 2. СПб., 1858. С. 500.

¹⁶⁷ Allgemeine Geschichte, in Einzeldarstellungen von W. Oncken. Neunzigste Abteilung. S. 77.

ИСТОРИЯ СОСЛОВИЙ В РОССИИ

Курс «История сословий в России» впервые опубликован отдельным изданием в 1913 г., затем переиздавался в 1914 и 1918 гг.; в 1959 г. вошел в состав шестого тома Сочинений В. О. Ключевского. С. 276—466. В архиве В. О. Ключевского сохранились его наброски и черновые материалы к курсу «История сословий в России» (ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 86).

ПРИЛОЖЕНИЯ

I К КУРСУ «МЕТОДОЛОГИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ»

«Содержание и программа курса. Цель его. Методология». — Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 81, л. 3—13. Автограф. Карандаш.

- 1 Далее зачеркнуто: или.
- 2 Далее страница оставлена чистой.
- 3 Так в рукописи: сначала п. 2, а затем п. 1.
- 4 Над строкой: психологич[еском].
- 5 Далее шестая часть страницы оставлена чистой.
- 6 Над строкой: послед[него] прилож[ения] оснoв[ных] начал.
- 7 Далее не разобрано одно слово: истор[?].
- 8 Далее половина страницы оставлена чистой.
- 9 Под строкой: Ст[атисти]ка — застывшая история.
- 10 Далее шестая часть страницы оставлена чистой.
- 11 Над строкой написано: В понятие.
- 12 Мэн и русская община. Учрежд[ения], с. 67. — Имеется в виду кн.: Мэн Г. Д. С. Древнейшая история учреждений. Лекции. СПб., 1876.
- 13 Далее зачеркнуто: внести.
- 14 Исправлено из: социологическими.
- 15 Далее зачеркнуто: ист[орическая].
- 16 Над строкой: из них.
- 17 Над строкой: характ[ера].
- 18 Далее $3\frac{3}{4}$ страницы оставлены чистыми.

II К КУРСУ «ТЕРМИНОЛОГИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ»

«Программа лекций по терминологии русской истории, читанных э[кстра]орд[инарным] пр[офессором] В. О. Ключевским на III—IV кур[сах] в 1884—85 ак[адемическом] году».

Публикуется впервые. ОРФ ИИ, ф. 4, оп. 1, д. 83, л. 1—4. Литография. 24 билета данной программы соответствуют первым восьми лекциям; билеты к 9—11 лекциям до нас не дошли.

«Объяснение терминов «изгой» и «изгойство»».

Текст впервые опубликован в Сочинениях В. О. Ключевского (Т. VI. М., 1959. С. 491—499) в составе комментариев к курсу лекций по источниковедению.

III К КУРСУ «ИСТОРИЯ СОСЛОВИЙ В РОССИИ»

Фрагменты из устного текста лекций, опущенные В. О. Ключевским в литографированном издании.

Печатаются по третьему изданию кн.: Ключевский В. О. История сословий в России. Пг., 1918. С. 235—270.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адашевы 322
Александр III, имп. 447
Александров В. А. 450
Алексей Михайлович, царь 123, 184, 286, 384, 423, 456
Алексей Михайлович, новгородец см. Варлаам
Алферьевы 318, 322
Амартол см. Георгий Амартол
Анастасия (Настасья), незаконная жена кн. Ярослава Владимировича Осмомысла 44
Андрей Васильевич, кн. углицкий 200
Андрей Юрьевич Боголюбский, кн. 200
Аскольд, кн. 96
Ахмат, баскак Курского княжества 200
- Байер Готлиб Зигфрид, нем. историк и филолог, член Петерб. Академии наук 95
Баро Одис (Barot François-Odyse), франц. литератор и журналист 80, 453
Безнины 318
Белевские, князья 319
Беляев И. Д. 248, 455, 458
Бестужев-Рюмин К. Н. 434, 455, 457
Биркины 325
Боборькины 325
Болеслав I Храбрый, польск. король 208
Болтин И. Н. 95
Боняк, хан половецкий 205
Борис Владимирович, кн. ростовский 99, 102, 103, 221, 406
Борис Федорович Годунов, царь 361
Боссюэ (Боссюэт) Жак Бенинь, франц. церк. деятель и писатель 53, 54, 55, 74, 394, 440
- Буслаев Ф. И. 149, 407, 454
Бутурлины 318, 321, 325, 426
- Варлаам (в миру Алексей Михайлович), монах, основатель Хутынского монастыря 204
Василий I Дмитриевич, вел. кн. московский 219, 282
Василий II Васильевич Темный, вел. кн. московский 119, 206, 277
Василий III Иванович, вел. кн. московский 162, 322, 457
Василий Иванович Шуйский, царь 103
Василий Ярославич, кн. боровский 277
Велес, Волос, др.-слав. языч. божество 204
Венелин Ю. И. 95
Владимир Андреевич, кн. серпуховской 285, 289
Владимир Василькович, кн. волынский 119, 120, 211
Владимир I Святославич Святой, кн. 103, 111, 114, 115, 196, 209, 221, 256, 257, 267, 269, 402, 457
Владимир II Всеволодич Мономах, кн. 103, 111, 116, 117, 143, 146, 208, 215, 220, 221, 405, 457
Владимирский-Буданов М. Ф. 458
Волынские, князья 318
Воротыньские, князья 319, 321
Востоков А. Х. 461
Всеволод Мстиславич, кн. 269, 273, 405, 408
Всеволод II Ольгович, кн. 147
Всеволод Святославич, кн., сын черниговского кн. Святослава Ольговича 110, 113
Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо, кн., сын Юрия Долгорукого 159
Всеволод Ярославич, кн. 99

- Всеволожские, князья 318
 Вяземские, князья 319
- Гегель Г. В. Ф., нем. философ
 53—59, 394, 395, 440
 Гедеоиов С. А. 95
 Георгий Амартол, визант. хронист
 110, 144, 460
 Герберштейн Сигизмунд, герм.
 дипломат, автор записок о Рос-
 сии 176, 182, 219, 332, 404, 460
 Герье В. И. 433
 Глеб Владимирович, кн. муром-
 ский 99, 102, 103, 221, 406
 Годуиов Борис Федорович см. Бо-
 рис Федорович Годунов
 Годуновы 318, 321, 426
 Голицыи В. В., кн., госуд. деятель
 382
 Голицыиы, князья 325
 Голлмани Гермаи Фридрих 95
 Голубинский Е. Е. 457
 Гольмаи см. Голлмаин Г. Ф.
 Градовский А. Д. 249
 Григорий Назиаизии (Григорий
 Богослов), церквии. деятель
 161, 261
 Грот Я. К. 111
- Давыдовы 321, 426
 Даниил Заточник 456
 Диев И. 455
 Димитрий Иваиович Донской, вел.
 ки. московский 206, 289
 Димитрий Ольгердович, кн. труб-
 чевский 282
 Димитрий Юрьевич Шемяка, кн.
 119
 Дир, ки. 96
 Дитятти И. И. 248
 Дмитриев Ф. М. 459, 460
 Домажирич, новгородец, служив-
 ший у кн. Святослава Ольгови-
 ча 215
 Дои-Кихот, лит. персонаж 414
 Дубеиский Д. Н. 456
- Дулов, кн. 333
 Дювернуа Н. Л. 455
- Едигей, хаи ордынский 204
 Екатерина II, имп. 225, 380, 434,
 435, 448
 Елена Васильевна Глииская, вел.
 княгиня, жена Василя III 152
- Жданов И. Н. 461
 Жиро Телон (Giraud Teulon),
 франц. писатель 452, 453
- Забелин И. Е. 95
 Заблоцкий-Десятовский М. П. 457
 Загряжские 325
 Засекии, ки. 333
 Захарьины 318, 321, 426
 Зимин А. А. 450
 Зимииа В. Г. 451
 Знамеиский П. В. 248
 Зюзиииы 322
- Иаков, библи. 46
 Иаков, монах 99, 102, 103, 401, 406
 Ибн-Даста (правильное чтение
 Ибн-Руста), араб. географ 176,
 177, 255, 256, 261, 404, 417
 Иван I Данилович Калита, вел. кн.
 московский 120, 277, 287
 Иван III Васильевич, вел. ки. мос-
 ковский 7, 102, 200, 277, 321,
 322, 334
 Иван IV Васильевич Грозный,
 царь 152, 156, 161, 162, 176, 178,
 181, 184, 202, 247, 323, 352, 353,
 370, 384
 Иван Владимирович, ки., сын сер-
 пуховского ки. Владимира Ан-
 дреевича 285
 Иван (Иваико) Ростиславич Бер-
 ландик, кн. 215
 Иваиов Н. А. 434
 Игорь Ольгович, кн. 203
 Игорь Рюрикович, кн. 176, 417,
 454

- Игорь Святославич, кн., сын черниговского кн. Святослава Ольговича 98, 110—112
- Изяслав Мстиславич, кн. 197, 203, 205, 215
- Изяслав Ярославич, кн., сын Ярослава Мудрого 99, 260
- Иоанн, апостол 99
- Иоанн, архиепископ новгородский 180
- Иоанн IV Кантакузин, визант. имп. 100
- Иоанн Лествичник, визант. писатель 461
- Иоанн Малала, визант. летописец 110
- Иордан (в дореволюционной литературе Иорнанд), историк готов 193
- Исаак Комнин, визант. имп. 218
- Калачов Н. В. 454—457, 459
- Калита см. Иван I Данилович
- Каракалла, римск. имп. 216
- Карамзин Н. М. 245, 416, 437, 454, 455, 457, 459
- Карл Великий, франк. король, затем имп. 57
- Карнович Е. П. 95
- Квашнины 318
- Кизеветтер А. А. 446
- Кий, легендарный основатель Киева 454
- Киреева Р. А. 432, 450, 451
- Кирик, новгородск. монах 222, 456
- Кирилл, митрополит 218
- Коллинс Самюэль, англ. врач, автор записок о России 190
- Колычевы 318, 426
- Константин, кн. полоцкий 147
- Константин VII Багрянородный, визант. имп. 96, 159, 271, 401
- Костомаров Н. И. 95, 434
- Котошихин Г. К., автор сочинения о России 123, 124, 126, 127, 187, 188, 296, 330, 335, 344, 347, 377, 402, 404, 423, 456, 457, 460
- Кошкин Ив. Ф., боярин 457
- Кошкины 318, 321, 426
- Круг Иоганн Филипп, историк и нумизмат 149
- Куннк А. А. 95
- Курбский Андрей Михайлович, кн. 324, 342
- Курбский Семен Федорович, кн. 332
- Лаван, библ. 46
- Лакьер А. Б. 458
- Ланге Н. И. 455, 456
- Ласкирев Дмитрий Федорович 329
- Лашнюков И. В. 434
- Лев Днакон, визант. хронист 459
- Левшины 458
- Лен см. Лэн
- Лоран Франсуа, бельгийск. юрист и историк 53—55, 59, 394, 440
- Лэн (Lane Henrie), англ. купец 179, 404
- Макарний (Булгаков М. П.), митрополит, историк церкви 456
- Максимович М. А. 95
- Малала Иоанн см. Иоанн Малала
- Маржерет Жак, франц. ландскнехт 459
- ал-Масуди, араб. историк, географ и путешественник 253
- Мезецкий, кн. 333
- Мейчик Д. М. 459
- Микулинские, князья 319
- Микуцкий С. П. 456
- Минин Кузьма Захарович, глава ополчения 301, 424
- Михаил Андреевич, кн. можайский 206, 207
- Михаил Федорович, царь 182, 199, 369, 379
- Михалон Лютвин, мемуарист 455, 457, 459
- Мономах см. Владимир Всеволодович Мономах

- Монтескье Ш. Л., граф, франц. философ, правовед 25
 Морозовы 318, 321, 329, 426
 Морошкин Ф. Л. 95, 457
 Мрочек-Дроздовский П. Н. 455
 Мстислав I Владимирович, вел. кн. киевский 49, 215, 454
 Мстислав Давидович, кн. смоленский 175, 213, 217
 Мстислав Святополкович, кн., сын Святополка Изяславича 198
 Мстиславские, княжеск. и боярск. род 321, 426
 Мэн Г. Д. С., англ. историк права 77, 78, 398, 462
- Напьерский К. Е. 455, 456, 460
 Настасья см. Анастасия
 Наумовы 325
 Неволин К. А. 456, 458, 459
 Нечкина М. В. 447, 448
 Никитский А. И. 456
 Николев И. Н. 460
 Никифор, митрополит киевский 208
 Нифонт, епископ новгородский 222
- Оболенские, князя 329, 333
 Оболенский М. А. 459
 Овцыны 318
 Одис Баро см. Баро Одис
 Одоевские, князя 319, 342, 426
 Олаф (Олав) I Трюгвасон, король норвежск. 111, 146, 455
 Олеарий Адам, нем. ученый и путешественник 183, 185, 190, 404, 460
 Олег, кн. 96, 97, 108—110, 209, 214, 215, 257, 401, 417, 460
 Олег Святославич, кн., сын Святослава Игоревича 196
 Олег Святославич, кн., сын Святослава Ярославича 116, 402
 Ольга, княгиня 98, 195, 257, 401
 Онкен В. (Oncken W.) 461
- Павлов А. С. 461
 Патрикеевы-Гедиминовичи, князя 318
 Пенковы, князя 321
 Пересветов Иван Семенович, публицист 459
 Петр I Великий 103, 143, 187, 246, 250, 376, 381—387, 389, 434, 435, 448, 456
 Пискарев А. Н. 458
 Плещеевы 318, 321
 Плошинский Л. О. 248
 Победоносцев К. П. 248
 Погодин М. П. 95
 Пожарский Дмитрий Михайлович, кн., глава ополчения 424
 Поликарп, киево-печерский монах 269
 Поплевины 318, 321, 426
 Попов Александр Н. 150, 403, 458
 Попов Д. 459
 Попов Н. А. 433
 Порай-Кошиц И. А. 248
 Пригара А. П. 248, 456
 Прозоровские, князя 325
 Прозоровский Д. И. 461
 Прокопий Кесарийский, визант. историк 192, 194
 Пронские, князьн 319
- Рах Михайлович, сын боярский 119
 Рейтенфельс Яков, курляндец 212
 Рейц А. 457
 Розенкампф Г. А., барон, правовед 146
 Романович-Славатинский А. В. 248, 417
 Романовы, царская и императорская династия 434
 Ромул, легендарн. основатель Рима 144
 Ростислав Мстиславич, кн. 49, 197, 222, 457
 Ростислав Рюрикович, кн. 97

- Ростиславичи, княжеская ветвь
215
- Ростовские, князья 321, 325, 329
- Рюрик, кн. 97
- Ряполовские, князья 331
- Сабинин Стефан, протоиерей 146,
454, 455
- Сабуровы 318, 321, 426
- Савельев П. С. 95
- Салтыковы 321, 325, 426
- Свенельд, воевода 454
- Святополк Владимирович Окаян-
ный, кн., сын Владимира Свя-
тославича 115, 208
- Святополк Изяславич, кн., сын
вел. кн. Изяслава Ярославича
116, 205
- Святослав Всеволодич, кн., сын
Всеволода Ольговича 110, 197
- Святослав Игоревич, вел. кн. ки-
евский 98, 103, 401, 417
- Святослав Ольгович, кн., внук
Святослава Ярославича 203,
215
- Святослав Ярославич, кн., сын
Ярослава Мудрого 99, 113, 170
- Святославичи, княжеская ветвь
215
- Семен Иванович Гордый, вел. кн.
московский 281, 287
- Серапион, епископ владимирский
175
- Сергеевич В. И. 454
- Симеон, епископ тверской 147
- Симон (Симеон), епископ суздаль-
ский и владимирский 269
- Соловьев С. М. 95, 247, 248, 416,
434, 435, 437, 455—457, 459
- Срезневский И. И. 109, 455, 456
- Сторожев В. Н. 446
- Страбон, др.-греч. географ и исто-
рик 96
- Стародубские, князья 329
- Строгановы, купцы, солепромыш-
ленники 226, 227
- Стрыйковский Матвей, польск.
хронист 96
- Сукины 322
- Таннер Бернгард Леопольд Фран-
циск, чешск. путешественник
182, 184
- Татищев В. Н. 95, 185, 455, 457,
458, 460
- Телон Жиро см. Жиро Телон
- Тихомиров М. Н. 447
- Тихонравов Н. С. 454
- Тохтамыш, ордынский хан 206
- Травины 331
- Третьяков Иван, владелец слобод-
ки 202
- Тучковы 321, 331
- Тэн Ипполит Адольф, франц. фи-
лософ 81, 82, 398—400
- Ульфила, вестготск. церковн. де-
ятель 147, 149
- Успенский Г. П. 457
- Февронья 204
- Федор Алексеевич, царь 321
- Федор Иванович, царь 348
- Феогност, митрополит московский
100, 401
- Феодосий Печерский, игумен 213
- Филипп (Колычев), игумен Соло-
вецкого монастыря, впослед-
ствии митрополит 351
- Флетчер Джилльс, англ. дипломат,
автор записок о России 155,
161, 178, 185, 403, 459, 460
- Фоминские, князья 318
- Фомины 318
- Фюстель де Куланж, франц. ис-
торик 453
- Хованские, князья 325
- Ховрины-Головины 318
- Цезарь Гай Юлий, рим. диктатор
110

- Челяднны 318, 321, 426
 Черемисны (Черемисновы) 322
 Чичерин Б. Н. 248, 456, 458
- Шеины 321, 329, 426
 Шереметев И. В., боярин 339
 Шереметевы 321, 325, 331
 Шиль Михаил, придворный римск.
 императора 361
 Шлёцер А. Л. 95
 Шуйские, князя 321
- Щеглов Д. Ф. 95
- Эверс И. Ф. Г. 95, 455
- Юлий Цезарь см. Цезарь
 Юргевич В. Н. 95
 Юрий Владимирович Долгорукий,
 кн. 159, 215
 Юрий II, кн. галицкий 454
- Юрьев Никита Романович, боярин,
 брат царицы Анастасии 324
 Юрьевы 426
 Юстиниан I, визант. имп. 216
 Юшков А. И. 436, 446, 450
- Яблочков М. Т. 248
 Яковли 321
 Ярослав I Владимирович Мудрый,
 вел. кн. киевский 98, 99, 115,
 161, 167, 171, 208, 215, 221, 256,
 259, 260, 268, 275, 402, 454
 Ярослав Владимирович, кн. новго-
 родский 117, 216, 217
 Ярослав Всеволодич, кн. черни-
 говский 110
 Ярослав Владимирович Осмомысл,
 кн. галицкий 44, 111
 Ярославичи, княжеская ветвь 262
 Ярославна, жена кн. Игоря Свя-
 тославича Северского 198
 Ярославские, князя 319, 321, 329,
 333

ОГЛАВЛЕНИЕ

[МЕТОДОЛОГИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ]

ЛЕКЦИЯ

I

Отсутствие метода в нашей истории.—
Причины этого недостатка.— Деление курса.— Характер занятий.— Методология.—
Определение предмета исторического изучения. Методология.

5

ЛЕКЦИЯ

II

Одиночная деятельность.— Людские сою-
зы.— Естественные союзы.— Искусственные союзы.— Различие между естествен-
ными и искусственными союзами.

9

ЛЕКЦИЯ

III

Элементы общезнтия.— Группировка
элементов.— Деление элементов.

14

ЛЕКЦИЯ

IV

Интересы и отношения.— Исторические
силы; их формы.

19

ЛЕКЦИЯ

V

Изучение деятельности каждой силы; ис-
ходный пункт этого изучения.— Отношение исторических сил к элементам общежи-
тия.

24

ЛЕКЦИЯ

VI

Сфера деятельности каждой силы в обществе.— Взаимодействие сил.— Исторический процесс и его отношение к физическому.— Разделение исторического процесса на местный и общий.

28

ЛЕКЦИЯ

VII

Местный процесс.— Догматическая теория развития человеческого общежития.— Теория исторической палеонтологии.— Орда.— Понятие о поколениях.

32

ЛЕКЦИЯ

VIII

Материнский род.— Патриархальный род.— Семья.— Основания форм естественного общежития.— Постепенное дробление союзов.

37

ЛЕКЦИЯ

IX

Разложение орды и завязка материнского рода.— Разложение материнского рода и завязка патриархального.

41

ЛЕКЦИЯ

X

Разложение материнского рода и завязка рода патриархального (окончание).— Выделение семьи из патриархального рода.— Общий исторический процесс.

45

ЛЕКЦИЯ

XI

Историческая теория Боссюэта.— Теория Лорана.— Теория Гегеля.

53

ЛЕКЦИЯ

XII

Отношение этих теорий к задачам исторического изучения.

58

ЛЕКЦИЯ

XIII

Три момента исторического процесса.— Первый момент.— Второй момент.— Третий момент.

62

ЛЕКЦИЯ

XIV

Три момента исторического процесса
(окончание).— Исторический метод.

66

Л[ЕКЦИЯ]

XV

Исторический метод [Продолжение]

70

ЛЕКЦИЯ

XVI

Субъективный метод.— Объективный метод.— Наблюдение.

70

ЛЕКЦИЯ

XVII

Сравнение.— Обобщение.

76

ЛЕКЦИЯ

XVIII

Исторические схемы и исторические законы.

80

ЛЕКЦИЯ

XIX

Исторические схемы и исторические законы (окончание).— Критика.

84

ЛЕКЦИЯ

XX

Сравнительное значение обоих методов.— Метод изучения местной истории.

89

ТЕРМИНОЛОГИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ЛЕКЦИЯ

I

Определение предмета.— Термины политические.— I. Территория и ее административные деления.— А) Русь— племя.— Б) Русь— сословие. В) Русь— область.— Г) Русь— государственная территория.— а) Земли, волость или область.— б) Удел, уезд.— в) Великая и Малая Русь.— II. Верховная власть.— А) Князь.— Б) Великий князь.— В) Князь— государь.— Г) Государь— царь и великий князь всея Руси.— Д) Схема развития верховной власти в древней Руси.

94

ЛЕКЦИЯ

II

III. Общественное деление.— А) Состав древнерусского общества до середины XIII в.— 1) Княжи мужи, или дружина.— Бояре.— Грндь.— Отроки и детские.— Кметы.— 2) Людн.— Гости.— Купцы.— Старцы градские, или людские.— Смерд.— Наймиты, или закупы.— 3) Холопы.— Итоги.— 4) Церковные люди.

107

ЛЕКЦИЯ

III

III. Общественное деление (продолжение). Б) Состав общества удельных веков—XIII, XIV и XV.— 1) Служилые люди.— 2) Черные люди.— 3) Холопы.— В) Состав русского общества XVI, XVII вв.— 1) Чины служилые.— 2) Чины земские, или жплецкие люди.— а) Тяглые людн.— Посадские люди.— Гости.— Гостиная и суконная сотни.— Черные сотни и слободы.— Уездные людн.— б) Нетяглые люди.— Гулящие люди.— Холопы.— Служилая кабала.— Заемная кабала.— Жилая запись.

119

ЛЕКЦИЯ

IV

III. Общественное деление (окончание).— Г) Взгляд на образование древнерусского сословия.— Политическое основание деления на классы.— Различие между классами.— Экономическое основание деления общества на классы.— Деление общества на классы в удельный период.— Деление общества на классы в Московском государстве.

132

ЛЕКЦИЯ

V

IV. Органы управления в древней Руси.— А) Правительственно-судебные учреждения.— 1) Административно-судебные учреждения древней Киевской Руси.— Боярская дума.— Старцы градские.— Вече.— Посадники.— Тысяцкие.— Сборщики пошлин.— Дворцовое управление.— Тиуны.— Ябетник.— 2) Административно-судебные учреждения удельных веков.— Пути.— Бояре.— 3) Административно-судебные учреждения Московского времени.— Приказы.— Областное управление.— 4) Взгляд на развитие древнерусского управления.

142

ЛЕКЦИЯ

VI

IV. Органы управления в древней Руси (продолжение).— Б) Предметы управления и суда.— 1) Налоги.— а) Дани.— Соха.— Обжи.— Тягло.— Кормы.— Подати.— б) Торговые пошлины.— Проезжие пошлины.— Пошлины собственно торговые.

158

ЛЕКЦИЯ

VII

IV. Органы управления в древней Руси (продолжение).— Б) Предметы управления и суда (продолжение).— 2) Суд.— а) Довод.— Судоговорение.— б) Правда.— Судебные доказательства.— Послушество.— Суд божий.— Испытание железом или водой.— Поле.— Присяга.— Жребий.— Особый вид суда божия.— Повальный обыск.— в) Правеж.— Торговая казнь.— Батоги.— Взыскание судебных пошлин.

167

ЛЕКЦИЯ
VIII

IV. Органы управления в древней Руси
(окончание).— В) Древнерусская приказная канцелярия.— Дьяки и подьячие.—
Посулы.— Площадные подьячие.— Делопроизводство.

186

ЛЕКЦИЯ
IX

Термины экономического быта.—
I. Жилые места. — 1) Города. — Город-двор. — Город-село. — Город-застава.—
Город-посад торговый.

191

ЛЕКЦИЯ
X

2) Села и деревни.— Слободы.— Виды
слобод.— Московские слободы.— Село.— Княжеские села.— Погост.— Весь-
деревня.— Происхождение слова «деревня».— Деревня-двор.— Дробление поселе-
ний.

199

ЛЕКЦИЯ
XI

II. Деньги.— Скот.— Куны.— Пенѣзи.—
Деньги.— Деньги и меновые знаки.— Гривна кун.— Части гривны кун.— Ногата.—
Куна.— Резана.

207

ИСТОРИЯ СОСЛОВИЙ В РОССИИ

ЛЕКЦИЯ
I

Предмет курса.— Понятие о сословии.—
Что такое сословные права?— Отличие сословного права от привилегии и служеб-
ного полномочия.— Разделение сословных прав на политические и гражданские.—
Сравнительное значение тех и других для сословий.— Разделение сословных
обязанностей на личные и вещественные, на прямые и косвенные.

225

ЛЕКЦИЯ
II

Постепенное исчезновение сословных
различий— общий факт европейской истории.— Общественный склад, к которому
стремится современное европейское государство.— Наследственное неравенство
перед законом— основание сословного деления.— Двойное происхождение сосло-
вий— политическое и экономическое.

233

ЛЕКЦИЯ
III

Формула, выражающая ход уравнения
сословий.— Место сословного государства в ряду преемственно сменявшихся
общественных союзов.— Влияние сословного деления на политический порядок.—
Исторические процессы, открывающиеся в истории сословий.— Памятники права
как единственно надежные источники истории сословий.

239

ЛЕКЦИЯ

IV

Скудость литературы по истории сословий в России.— Постановка изучения нашей истории в 30-х и 40-х годах как одна из причин этой скудости.— Перечень важнейших сочинений по истории русских сословий.— Пробуждение интереса к истории русского общества в 50-х годах и связь его с реформами минувшего царствования.— Научный интерес исторического изучения русских сословий.— Общая характеристика сословного процесса в России сравнительно с западноевропейским.— Изменчивость и разнообразие оснований сословного деления русского общества.— Периоды истории русских сословий.

245

ЛЕКЦИЯ

V

Хронологические пределы первого периода в истории русских сословий.— Завоевание как первоначальное основание политического деления общества в этот период.— Военно-промышленное происхождение Киевского княжества.— Этнографический и экономический состав общества, объединенного киевскими князьями в IX и X вв.— Следы сословного деления общества в X и XI вв.

252

ЛЕКЦИЯ

VI

Сословия по Русской Правде: княжи мужи, люди, холопы. Источники холопства.— Политическое основание этого деления.— След более раннего деления, имевшего иное основание: значение огнища.— Экономические подразделения основных политических классов: бояре, смерды, закупы и боярские тиуны.— Связь экономических различий этих подразделений.— Три момента в ходе сословного образования русского общества в первый период.

258

ЛЕКЦИЯ

VII

Положение церкви в русском обществе в первые века христианства на Руси.— Состав церковного общества.— Сходство его с государственным по составу и отличие от него по устройству.— Отношение церковного деления общества к политическому.— Действие церкви на состав государственного общества.— Перемены, внесенные ею в русское рабаладельческое право: 1) обычай благотворительного освобождения по завещанию; 2) случай обязательного дарового отпуска на волю и 3) принудительный выкуп на волю.— Следствия этих перемен для личного и имущественного положения холопов.— Выводы из сказанного.

266

ЛЕКЦИЯ

VIII

Основные источники для изучения этого периода.— Новая сословная терминология удельного времени.— Видимое сходство сословного деления удельных обществ с прежним.— Перемена в характере верховной власти. Исчезновение мысли о политическом подданстве. Гражданский договор и личное подданство как основание политического порядка в удельных княжествах.— Отношение к князьям бояр и слуг вольных.

276

ЛЕКЦИЯ

IX

Отношение черных, или земских, людей к удельному князю.— Слуги «под дворским» как переходный класс между служилыми и черными людьми.— Характер сословных отношений к князю, вытекавших из договора.— Действие договора на личное подданство.— Холопы и их хозяйственные разряды.— Закладни как переходный класс между свободными людьми и холопами. Отношение общественного деления в удельные века к предшествующему.

283

ЛЕКЦИЯ

X

Классификация чинов в Московском государстве.

292

ЛЕКЦИЯ

XI

Продолжение предыдущего.

297

ЛЕКЦИЯ

XII

Происхождение и ход общественного деления в Московском государстве.— Политические основания этого деления.— Перемена в значении верховной власти.— Отличие власти московского государя от двух ей предшествовавших русских типов верховной власти.— Перемена в характере отношений государя к обществу: 1) возникновение идеи политического подданства; 2) исчезновение личного гражданского подданства и новое политическое значение звания «государевых холопов»; 3) превращение договорных сословных обязательств в государственные обязанности.— Общее основание сословной разверстки этих обязанностей.— Выводы.

303

ЛЕКЦИЯ

XIII

Практические приемы разверстки государственных повинностей между отдельными классами общества.— Приемы разверстки между служилыми людьми по чинам.— Состав и характер московского боярства в удельное время.— Три генеалогических слоя в составе московского боярства XVI в.

312

ЛЕКЦИЯ

XIV

Происхождение думных чинов.— Обособление чина окольного от чина боярина.— Генеалогическое значение обоих этих чинов.— Происхождение и значение чина думного дворянина.— Устройство московских чинов.— Двор московского государя в XVI в.— Набор детей боярских для столичной службы по закону 3 октября 1550 г.— Двойной генеалогический состав московского дворянства.— Двойные специальные поручения— административные и военные, падавшие на московских дворян сверх общей ратной повинности.— Отношение московских чинов к думным.

320

ЛЕКЦИЯ
XV

Происхождение служилых чинов городовых.—Разверстка службы по земле и превращение удельных дворов в местные общества служилых вотчинников.—Разверстка земель по службе и образование новых обществ служилых помещиков.—Поземельное устройство новобранцев на опасных границах государства.—Следствия разверстки службы по земле и земли по службе: 1) разрушение первоначальных местных обществ служилых вотчинников; 2) происхождение двойственного характера и состава столичного дворянства; 3) установление нормы поземельной службы.

328

ЛЕКЦИЯ
XVI

Дети боярские городовые; происхождение этого звания.—Разверстка службы между городовыми чинами по десятиям XVI и XVII вв.—Отношение помещичьего землевладения к вотчинному.—Поместные оклады и поместные дачи.—Отличие городского чиновного деления от московского и думного.—Влияние военного устройства Московского государства на сословно-географическое размещение русского общества.

335

ЛЕКЦИЯ
XVII

Положение приборных служилых людей между городским дворянством и тяглым населением.—Сходство приемов в устройстве служилых и тяглых классов.—Казенные поручения и ответственность за их исполнение.—Главные обеспечения ответственности: вера, доверие и поручка.—Основное правило присягой земской службы и основание чиновного деления высшего столичного купечества.

343

ЛЕКЦИЯ
XVIII

Основное правило разверстки тягла и основание чиновного деления провинциального черного населения.—Состав общества в Московском государстве второй половины XVI в.—Его дальнейшее расчленение в низших составных слоях.—Отражение принципа обязательности государственных повинностей в области гражданского права.—Происхождение холопства докладного и кабального.—Выделение видов жилой зависимости от кабального холопства.

350

ЛЕКЦИЯ
XIX

Действие кабального холопства на крестьянскую ссудную запись и происхождение крестьянской крепости.—Превращение обязательства по договору в крепость по писцовой записи.—Влияние крестьянской крепости на состав крестьянского населения.—Образование тяглового крепостного состояния.—Замена казенных служб личной зависимостью как новой повинностью крепостных крестьян.—Дробление крепостного крестьянства.—Происхождение зятяглых крепостных крестьян.

360

ЛЕКЦИЯ
XX

Понятие о сословном праве.—Отсутствие этого понятия в Московском государстве XV и XVI вв.—Начальный законодатель-

ный момент четвертого периода.—Двойное происхождение мысли о сословном праве в Московском государстве XVII в.: 1) сословное право как средство удерживать классы в кругу их обязанностей.—Превращение чиновных выгод в сословные права по состоянию.—Обособление трех сословий по правам.

366

ЛЕКЦИЯ

XXI

2) Честь чинов как источник сословных прав.—Первоначальное значение чиновной чести в московском праве.—Дальнейшее юридическое осложнение этого значения.—Новая форма сословного законодательства в XVII в. Жалованная сословная грамота.—Отношение нового сословного деления общества к прежнему чиновному.

377

ЛЕКЦИЯ

XXII

Разрушение чиновного склада русского общества. Тройкий процесс этого разрушения.—1) Перемены в приказной службе.—Смещение генеалогических слоев высшего служилого класса в Московском государстве и закон 12 января 1662 г.—Табель о рангах.—2) Преобразование земского управления при Петре I.—Указы 30 января 1669 г.—Введение дворянства в порядок земского управления: дворянские советы при воеводах, ландраты и земские комиссары.—3) Превращение специальных чиновных повинностей в общесословиые.—Распространение податного тягла на гулящих людей, холопов и косвенно на земледельцев.—Сословный состав русского общества после первой ревизии.

381

ОБЗОР ПРОЧИТАННОГО И ГЛАВНЫЙ ВЫВОД

389

ПРИЛОЖЕНИЯ:

I. К курсу «Методология русской истории»

392

II. К курсу «Терминология русской истории»

401

III. К курсу «История сословий в России»

413

ПОСЛЕСЛОВИЕ

432

КОММЕНТАРИИ

452

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

463

Ключевский В. О.

К52 Сочинения: В 9 т. Т. VI. Специальные курсы /
Под ред. В. Л. Янина; Послесл. Р. А. Киреевой;
Коммент. составили В. Г. Зимина, Р. А. Киреева.—
М.: Мысль. 1989.—476, [1] с.

ISBN 5-244-00072-1

ISBN 5-244-00367-4

Знаменитый «Курс русской истории» является не единственным университетским курсом В. О. Ключевского. Его углубляет и расширяет серия специальных курсов, имеющих и самостоятельное значение. В VI том вошли три таких курса: «Методология русской истории», «Терминология русской истории» и «История сословий в России».

К 0503020200-109 Подписное
004(01)-89

ББК 63.3(2)

Научная

Василий Осипович
КЛЮЧЕВСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ В ДЕВЯТИ ТОМАХ
ТОМ VI

СПЕЦИАЛЬНЫЕ КУРСЫ

Редактор
И. И. МАКАРОВ

Младший редактор
Л. П. ЖЕЛОБАНОВА

Оформление художника
В. А. КОРОЛЬКОВА

Художественный редактор
Е. М. ОМЕЛЬЯНОВСКАЯ

Технический редактор
В. Н. КОРНИЛОВА

Корректор
Т. М. ШПИЛЕНКО

ИБ № 3864

Сдано в набор 30.01.89.
Подписано в печать 18.07.89.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага
типогр. № 1. Гарнитура «Таймс».
Высокая печать. Усл. печатных
листов 25,20. Усл. кр.-отг. 25,62.
Учетно-издательских листов 29,39.
Тираж 250 000 экз. Заказ № 767.
Цена 3 р. 50 к.

Издательство «Мысль».
117071. Москва, В-71, Ленинский
проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени
МПО «Первая Образцовая типография»
Госкомпечати СССР
113054, Москва, Валовая, 28.

ИСПРАВЛЕНИЯ К V ТОМУ

		Напечатано	Должно быть
Стр. 443	Стлб. 1, 9 строка сверху	240, 242	240
	Стлб. 1, 16 строка снизу	21	20
	Стлб. 2 —"—	402	403
Стр. 444	Стлб. 2, 7 строка снизу	29, 30	29,
Стр. 445	Стлб. 2, 11 строка снизу	402	403
	Стлб. 2, 2 строка снизу	29, 30	29,
Стр. 446	Стлб. 2, 12 строка снизу	20—25	20—24

